

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

Археологическій съезд
Труды

1874
15/11
1874

ТРУДЫ

ТРЕТЬЯГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО СЪЪЗДА

ВЪ РОССІИ,

БЫВШАГО ВЪ КІЕВѢ ВЪ АВГУСТѢ 1874 ГОДА.

Съ рисунками въ текстѣ и съ отдѣльнымъ атласомъ, заключающимъ въ себѣ 25 таблицъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

1878.

DK 30

. A 72

1874

v.1

INDIANA UNIVERSITY LIBRARY.

Печатано по распоряженію Редакціоннаго Комитета по изданію трудовъ третьяго Археологическаго Съѣзда.
Презсѣдатель Редакціоннаго Комитета *В. Моестовъ*.

DUPLICATE
07140

Издавая въ свѣтъ труды 3-го Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кіевѣ лѣтомъ 1864 г., избранный на основаніи § 27 правилъ Съѣзда, утвержденныхъ 3-го Ноября 1873 г. Г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Редакціонный Комитетъ прежде всего считаетъ своимъ долгомъ заявить, что появленіемъ въ свѣтъ означенные труды обязаны тѣмъ средствамъ, какія были съ одной стороны назначены для сего Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ, по ходатайству Предсѣдателя Съѣзда графа А. С. Уварова, а съ другой доставлены и самимъ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, неутомимымъ двигателемъ археологическихъ занятій въ нашемъ отечествѣ. Только благодаря этимъ вспомошествованіямъ, Редакціонный Комитетъ могъ приступить въ началѣ 1875 года къ печатанію доставленныхъ ему рефератовъ и сообщеній, которыя онъ предлагаетъ теперь вниманію ученой и образованной публики.

Помѣщенные здѣсь ученые труды относятся къ двумъ категоріямъ. Одни изъ нихъ были прочтены въ самыхъ засѣданіяхъ Археологическаго Съѣзда, другіе были только сообщены Предсѣдателю Съѣзда или Редакціонному Комитету разными учеными. Эти послѣдніе труды, какъ не подвергавшіеся обсужденію въ засѣданіяхъ Съѣзда, напечатаны здѣсь въ видѣ *Приложеній*, которыя составляютъ однако около трети всего, заключающагося въ предлагаемомъ изданіи.

Свойство значительной части археологическихъ работъ требовало изданія рисунковъ описываемыхъ предметовъ. На этомъ основаніи Редакціонный Комитетъ вошелъ въ сношенія съ профессоромъ Университета св. Владиміра В. А. Бецомъ, который, имѣя фотографическій снарядъ для снимковъ съ анатомическихъ предметовъ, и исполнилъ требовавшіеся для настоящаго изданія рисунки фото-литографическимъ способомъ, находящимъ теперь большое примѣненіе къ работамъ означеннаго рода.

II

Литографическіе рисунки въ текстѣ исполнены Университетскою типографіею, которая, въ лицѣ своего арендатора, І. І. Завадскаго, не щадила никакихъ усилій и издержекъ, чтобы придать изданію тотъ изящный видъ, которымъ оно замѣтно отличается отъ другихъ произведеній типографскаго искусства въ провинціи.

Редакціонный Комитетъ составляли: В. И. Модестовъ (Предсѣдатель), Н. И. Петровъ (Секретарь), Ф. А. Терновскій (Казначей), В. Б. Антоновичъ, А. Д. Вороновъ и П. И. Житецкій.

7 Декабря
1877.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

	Стран.
Правила Съѣзда, утвержденныя Г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія	I—III.
Вопросы, предложенныя къ обсужденію на Съѣздѣ	III—VII.
Вопросы, по которымъ Съѣзду желательно получить свѣдѣнія	VIII—X.
Списокъ членовъ 3-го археологическаго Съѣзда	X—XIII.
Открытіе археологическаго Съѣзда	XIII—XVIII.
Протоколы засѣданій Съѣзда	XVIII—LXXXV.

Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки? Рефератъ И. Е. Забѣлина	1—17.
Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи, и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа? Реф. графа А. С. Уварова	19—38.
Какія могутъ и должны быть устраиваемы при университетскомъ преподаваніи практическія упражненія и занятія? Реф. А. Г. Брикнера	39—48.
Нѣкоторыя соображенія о лучшей организаціи дѣятельности археологическихъ комиссій. Реф. М. Вл. Юзефовича	49—51.
О св. Софіи Кіевской. Реф. протоіерея П. Г. Лебединцева	53—93.
Св. Софія Царьградская по описанію русскаго паломника конца XII вѣка. Реф. академика И. И. Срезневскаго	95—109.
Откуда ведетъ свое начало обычай вѣшать княжескія одежды въ храмахъ, о существованіи котораго упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1203 и 1237 гг.? Реф. Ф. А. Терновскаго	111—113.

IV

Стран.

Объ одномъ славянскомъ имени въ Помпейскихъ надписяхъ. Реф. В. И. Модестова.	115—120.
Воспорскій городъ Стратоклея и новая монета Синдоуъ. Реф князя А. А. Сибирскаго.	121—129.
О способѣ исполненія эническихъ произведеній древнегреческими пѣвцами сравнительно съ малорусскими бандуристами. Реф. Ѳ. Г. Мищенко	131—138.
Мелкія древности Кубанской и Терской областей. Реф. Н. П. Кондакова	139—146.
Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Суль и ея притокамъ. Реф. Ф. И. Каминскаго	147—152.
О мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій человѣка вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гоццахъ на рѣкѣ Удаѣ, Дубен. уѣзда Полт. губерніи. Реф. К. М. Теофилактова.	153—159.
Матеріалы для археологій Волини. Реф. В. П. Рогге	161—169.
О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волинской губерніи. Реф. Г. О. Оссовскаго	171—180.
О курганахъ Черниговскаго уѣзда. Реф. Н. А. Константиновича	181—184.
Сѣверянскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи. Реф. Д. Я. Самоквасова	185—224.
Историческое значеніе городищъ. Реф. Д. Я. Самоквасова	225—235.
О трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уѣздѣ. Реф. А. П. Мисевскаго.	237—243.
Языческое кладбище въ Добрышицахъ. Реф. А. И. Навинскаго.	245—253.
Щебра бычачей скалы въ Моравіи. Реф. д-ра Пидриха Ванкеля.	255—261.
Кіевская архитектура X—XII вѣка. Реф. П. А. Лашкарева	263—282.
О значеніи пѣкоторыхъ фресковъ Кіевософійскаго собора. Реф. П. В. Павлова	283—287.
О разныхъ названіяхъ Кіева въ прежнее время. Реф. Ф. К. Бруна	289—296.
Дохристіанскіе могильники въ Моравіи. Реф. д-ра Беды Дудика	297—307.
Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ Южной Россіи. Реф. М. М. Левченко	309—319.
Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептапльяхъ (по неизданнымъ матеріаламъ). Реф. П. С. Иващенко.	313—326.
О резиденціи хановъ золотой орды до временъ Джанибека I. Реф. Ф. К. Бруна.	327—343.
Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Реф. Н. Я. Аристова	337—352.
Древнѣйшее арабское извѣстіе о Кіевѣ. Реф. А. Я. Гаркави	345—352.

I.

Правила Съезда, утвержденныя г. Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія,
3-го ноября 1873 года.

1) Съездъ открывается въ Кіевѣ 2-го августа 1874 г. и будетъ продолжаться не болѣе трехъ недѣль.

2) За недѣлю до открытія Съезда, а именно 26-го іюля 1874 г., открываетъ свои дѣйствія въ Кіевѣ Совѣтъ Съезда.

3) Совѣтъ Съезда составляютъ: а) всѣ прибывшіе къ Съезду члены Предварительнаго Комитета и б) присланные на Съездъ депутаты отъ тѣхъ высшихъ ученыхъ учреждений и археологическихъ Обществъ, коихъ представителей не было на Предварительномъ Комитетѣ.

4) Членами Съезда признаются: а) всѣ депутаты, прибывшіе на Съездъ; б) всѣ лица, получившія отъ Предварительнаго Комитета, или отъ Совѣта Съезда, приглашенія участвовать въ ономъ и пріѣхавшія на Съездъ, или приславшія къ нему свои сообщенія и в) всѣ лица, заявившія напередъ Предварительному Комитету или Совѣту о своемъ желаніи участвовать въ занятіяхъ Съезда и приготовившія ученія сообщенія.

5) Съездъ раздѣляется на восемь отдѣленій: I) древности первобытныя; II) историческая географія и этнографія Россіи и Славянскихъ земель; III) русскіе памятники искусствъ и художествъ; IV) бытъ домашній и общественный на Руси и у Славянскихъ народовъ; V) бытъ церковный; VI) русскіе и славянскіе памятники языка и письма; VII) древности классическія, византійскія и западно-европейскія; VIII) древности восточныя. Совѣтъ Съезда въ правѣ, если признаетъ необходимымъ, увеличить число отдѣленій, или слить нѣкоторыя изъ нихъ вмѣстѣ.

6) При Съездѣ предполагается устроить Археологическую Выставку русскихъ и славянскихъ памятниковъ для сравнительнаго ихъ изученія.

II

Примѣчаніе. Для этой цѣли комитетъ обратился какъ къ русскимъ, такъ и къ славянскимъ ученымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, располагающимъ коллекціями древностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ, просить всѣхъ лицъ, имѣющихъ принять участіе на Съѣздѣ, содѣйствовать устройству выставки доставленіемъ предметовъ древности.

7) Въ Секретари Съѣзда и отдѣленій Съѣзда приглашаются заблаговременно Совѣтомъ нѣсколько лицъ изъ членовъ Съѣзда. Секретари признаются членами Совѣта Съѣзда.

8) Всякій членъ Съѣзда можетъ по своему желанію приписаться къ одному или нѣсколькимъ отдѣленіямъ.

9) Совѣтъ Съѣзда, въ первомъ засѣданіи своемъ избираетъ, изъ своей среды, предсѣдателя Совѣта и шесть членовъ на Распорядительный Комитетъ, на все время Съѣзда. Независимо отъ сего, Совѣтъ въ томъ же засѣданіи раздѣляется, по числу отдѣленій Съѣзда, на комиссіи, впредь до открытія отдѣленій, которыя немедленно избираютъ своихъ особыхъ предсѣдателей и секретарей.

10) Распорядительный Комитетъ завѣдуетъ всею хозяйственною частью, и всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ порядкомъ Съѣзда.

11) Въ составъ Распорядительнаго Комитета кромѣ шести членовъ избранныхъ Совѣтомъ, входитъ казначей Съѣзда.

12) Предсѣдатели и секретари отдѣленій и секретари Съѣзда составляютъ Ученый Комитетъ Съѣзда.

13) Ученый Комитетъ руководитъ всею ученою частью Съѣзда и наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ его ученыхъ работъ.

14) Комитеты Распорядительный и Ученый сами избираютъ своихъ предсѣдателей. Они засѣдаютъ ежедневно въ продолженіи всего Съѣзда.

15) Совѣтъ Съѣзда и комиссіи Совѣта созываются ихъ предсѣдателями. Каждая комиссія въ правѣ избирать въ свои члены изъ среды Съѣзда ученыхъ, коихъ постоянное содѣйствіе она считаетъ для себя необходимымъ. О такихъ выборахъ предсѣдатели комиссій доводятъ до свѣдѣнія предсѣдателя Совѣта.

16) Засѣданія какъ Совѣта, такъ и Комитетовъ распорядительнаго и ученаго, а равнымъ образомъ комиссій совѣта, происходятъ при закрытыхъ дверяхъ.

17) Засѣданія Съѣзда бываютъ общія и частныя по отдѣленіямъ. На общихъ засѣданіяхъ обсуждаются всѣ предметы, относящіеся къ древностямъ вообще. На засѣданіяхъ отдѣленій обсуждаются спеціальные вопросы, входящіе въ кругъ занятій того или другаго отдѣленія.

18) Засѣданія Съѣзда всѣ публичны.

Примѣчаніе. Корреспонденты журналовъ и газетъ обращаются въ Распорядительный Комитетъ за полученіемъ особыхъ мѣстъ.

III

19) Предсѣдатели, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и собраній отдѣленій, назначаются на каждое засѣданіе особо Ученымъ Комитетомъ изъ среды членовъ Съѣзда.

20) Программа каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній, такъ и отдѣленій, опредѣляется заблаговременно на каждый разъ особо Ученымъ Комитетомъ. Программа засѣданія вывѣшивается наканунѣ, у дверей залы. Ни одинъ новый вопросъ не можетъ быть возбужденъ въ засѣданіяхъ Съѣзда безъ предварительнаго разрѣшенія Ученаго Комитета.

21) Время каждаго засѣданія, какъ общихъ собраній Съѣзда, такъ и отдѣленій, назначается Распорядительнымъ Комитетомъ.

22) На засѣданіяхъ Съѣзда допускаются какъ словесныя, такъ и письменныя сообщенія. Но ни одинъ членъ Съѣзда не въ правѣ говорить или читать болѣе получаса, не испросивъ на то, предварительно, разрѣшенія ученаго Комитета.

23) Всѣ разсужденія и пренія въ засѣданіяхъ Съѣзда, какъ общихъ, такъ и частныхъ по отдѣленіямъ, происходятъ на языкѣ русскомъ. Иностранные и славянскіе ученые, незнающіе по-русски, читаютъ свои сообщенія на томъ языкѣ, на какомъ онѣ написаны. Засѣданія для выслушанія подобныхъ сообщеній назначаются особыя. Право назначать эти засѣданія предоставляется Комитетамъ Ученому и Распорядительному по ихъ взаимному соглашенію.

25) Исслѣдованія и сообщенія, присланныя на Съѣздъ въ отлѣтъ на предложенные вопросы поступаютъ въ Ученый Комитетъ, разсматриваются въ комиссіяхъ Совѣта и докладываются еѣмъ либо изъ ихъ членовъ въ одномъ изъ засѣданій Съѣзда.

26) Всякій членъ Съѣзда получаетъ особый личный билетъ для входа на Съѣздъ.

27) Для напечатанія трудовъ Съѣзда избирается Совѣтомъ Съѣзда особый Редакціонный Комитетъ.

II.

Вопросы, предложенные къ обсужденію на Съѣздѣ.

А. ВОПРОСЫ ОБЩЕ.

1) Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки, и какое она имѣетъ отношеніе къ исторіи?

2) Какія могутъ и должны быть устраиваемы, при университетскомъ преподаваніи археологіи, практическія упражненія и занятія?

3) Что должна обнимать программа русской археологіи и по какой системѣ эта программа должна быть распределена?

4) О слияніи центральныхъ архивовъ съ археографическими комиссіями.

IV

5) О мѣрахъ для возбужденія взаимнаго содѣйствія между археологическими Обществами.

Б. ВОПРОСЫ ЧАСТНЫЕ.

I. ДРЕВНОСТИ ПЕРВОБЫТНЫЯ.

- 6) О курганахъ, встрѣчающихся на побережьяхъ рѣкъ Южной Россіи.
- 7) Свѣдѣнія о побережьи Днѣстра между Тирасполемъ и Аккерманомъ.
- 8) Къ какой народности могутъ быть отнесены курганы съ кострищами, находящіеся у г. Чернигова.
- 9) Объ историческомъ значеніи городищъ.
- 10) Какіе признаки должны входить въ описаніе внѣшнихъ формъ древнихъ земляныхъ насыпей?
- 11) Описаніе Ятвяжскихъ древностей, находящихся въ Виленскомъ музеѣ.
- 12) О Славянскихъ гробницахъ въ Моравіи.

II. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ И ЭТНОГРАФІЯ.

- 13) Возможно ли болѣе точное и болѣе соответствующее топографіи объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Босфора-Киммерійскаго, вошедшихъ потомъ въ область Русскаго Тмутороканскаго княжества?
- 14) Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей?
- 15) Что такое Драчь-Градъ, который, по свидѣтельству проповѣди Серапіона, 4000 лѣтъ стоялъ и потомъ, во время проповѣдника (XIII в.), въ море погруженъ?
- 16) Что значитъ Росовлахія въ греческихъ документахъ?
- 17) Какъ составить толковый географическій словарь Южно-Русской земли?
- 18) Въ названіи какихъ мѣстностей Юго-западнаго края встрѣчаются указанія на исторію колонизаціи этого края?
- 19) Значеніе Болоховскихъ князей и мѣстоположеніе Болоховскихъ княжествъ.
- 20) Топографія Таманскаго полуострова.
- 21) Древнія названія Кіева: Сатватасъ, Манкерменъ и проч.
- 22) Какія существуютъ примѣты и преданія, обозначающія мѣстности недавно упраздненныхъ въ Кіевѣ храмовъ?
- 23) Древнія кіевскія урочища, упоминаемыя въ лѣтописяхъ.
- 24) Неизданныя преданія и суевѣрные сказанія о кладахъ, какъ данныя къ вопросу объ археологической топографіи Гадячскаго уѣзда.

III. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

- 25) Кіевская архитектура X—XII вѣка. Что именно осталось отъ первоначальнаго

зданія древнихъ кіевскихъ церквей: Васильевской, Софійской, Златоверхо-Михайловской, Великой лаврской, Выдубицко-Михайловской, Спасо-берестовской, Троицко-Кирилловской? Сохранилась ли и на сколько сохранилась церковь св. Іоанна Предтечи, упоминаемая въ Патерикѣ печерскомъ? Древней ли постройки, и если древней, насколько уцѣлѣли: Троицкая на св. воротахъ лаврскихъ и Успенская на Подолѣ? Какія (судя по остаткамъ древнихъ кіевскихъ церквей) отличительныя черты кіевского архитектурнаго стиля X—XII вѣка? По какому плану строились кіевскія церкви того времени, какая ихъ кладка, фасадъ, формы кровельныя, орнаментація?

26) Вліяніе византійской иконописи и миниатюрной живописи съ X в. по XVIII в. на славянскую иконопись и миниатюрную живопись.

27) Откуда и какимъ образомъ произошелъ греческій менологій, приписываемый Василию Македонянину? Какое отношеніе имѣеть этотъ менологій къ славянскому прологу? Откуда внесены въ менологій и прологъ замѣтки о фізіономіи Святыхъ? Какое отношеніе имѣють эти замѣтки къ такъ-называемымъ подлинникамъ иконописнымъ.

28) Какое вліяніе имѣла византійская символика на русское искусство?

29) На основаніи какихъ памятниковъ можно установить исторію оружія въ древней Россіи?

30) Сводъ и критика литературныхъ преданій, соединенныхъ съ нѣкоторыми утварями, каковы напр. шапка и бармы Мономаха и проч.

31) Къ какому времени должны быть отнесены серебряныя монеты съ именемъ Владиміра?

32) Новыя разъясненія въ описанію и въ изслѣдованію монетъ Нѣжинскаго клада.

33) О значеніи напѣва Кіевопечерской лавры и о сохраненіи его въ томъ видѣ, какъ онъ исполняется по преданію.

34) Какое значеніе имѣеть гармонизація г. Потулова для пѣнія нашей церкви? Можетъ-ли она быть приложена къ другимъ напѣвамъ кромѣ Кіевского? Слѣдуетъ-ли сохранить ее какъ памятникъ обширныхъ трудовъ г. композитора и какъ поучительный образецъ для дѣятельности прочихъ композиторовъ?

IV. БЫТЬ ДОМАШНІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

35) Люди, принадлежавшіе къ княжеской дружинѣ, достигали-ли своего званія по родовому значенію или по личнымъ заслугамъ?

36) Какое значеніе имѣеть слово: толковинъ, или толковникъ, въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ?

37) Межигорскій монастырь и Запорожье.

38) Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ пещтаніяхъ.

VI

39) Роль судныхъ мужей въ производствѣ суда въ древней Руси.

40) Малорусскія народныя представленія о сотвореніи міра сравнительно съ зендскими и богумильскими.

V. БЫТЬ ЦЕРКОВНЫЙ.

41) Откуда ведетъ начало обычай вѣшать княжескія одежды въ храмахъ, о существованіи котораго упоминается въ лѣтописяхъ въ 1203 и 1237 гг.?

42) Было ли въ числѣ юридическихъ обычаевъ русскихъ монастырей что нибудь подобное афонскимъ, такъ называемымъ, адельфатамъ. (См. Акты Русскаго на Афонѣ монастыря № 23, 59 и 60)?

43) Определить годы управленія кievскихъ митрополитовъ отъ Мисаила до Описифора Дѣвочки, причеиъ объяснить въ частности, съ какаго времени и при какихъ обстоятельствахъ названіе галицкій вошло въ постоянное употребленіе въ титулѣ ихъ.

44) О заложеніи, освященіи, іерархическомъ значеніи и древнемъ видѣ Кіево-Софійскаго собора.

VI. ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И ПИСЬМА.

45) Разница древнихъ памятниковъ глаголическихъ и кирилловскихъ.

46) Какіе письменные памятники сохранили намъ старовѣры? Въ чемъ состояла ихъ пропаганда? Полезно ли пригласить ихъ сообщить о памятникахъ, не входящихъ въ кругъ ихъ ученія?

47) Необходимость областныхъ словарей—греческаго и румынскаго.

48) Какимъ языкомъ говорятъ Маріупольскіе греки? Слѣды таврическихъ письменности и искусствъ въ нихъ.

49) Судьбы Бизюкова монастыря и Іоакимовой лѣтописи.

50) Апокрифъ: хожденіе (περ(οδος) св. Апост. Андрея.

51) О грамотѣ кievскаго митрополита Мисаила къ папѣ Сиксту IV, изданной Ипатіемъ Поцѣемъ. Слѣдуетъ ли признать ее подложною?

52) О письмѣ Половца Іоанна Шмеры къ великому кн. Владиміру, писанномъ будто бы изъ Александріи въ 980 г. Кѣмъ и съ какою цѣлію сочинено это письмо?

53) Определить приблизительно составъ библіотеки Петра Могилы.

54) Подлинность какихъ изданныхъ памятниковъ народнаго творчества можетъ подлежать сомнѣнію, и на какіе можно указать признаки искусственнаго ихъ происхожденія?

55) Отличительные признаки палеографіи актовъ западной Руси.

56) О такъ называемой жалованной грамотѣ Андрея Боголюбскаго Кіево-Печерской лаврѣ.

VII

57) Можно ли признать подлинность Бѣлоцерковскаго универсала Богдана Хмѣльницкаго?

58) Что внесъ сербскаго митрополитъ Киприанъ въ наши богослужебныя книги своего времени?

59) Какъ составить библиографическій указатель польскихъ сочиненій, относящихся къ исторіи и археологіи западной Руси?

60) Насколько извѣстные списки „Слова о полку Игоревѣ“ Пушкинскій и Екатерининскій, соотвѣтствуютъ тексту подлинной рукописи? какой внѣшній видъ имѣла эта рукопись и сколько страницъ занимала въ ней текстъ самаго Слова? Какимъ письмомъ была она писана и къ какому вѣку относилась? Насколько рѣшеніе этихъ вопросовъ служитъ къ возстановленію исторженныхъ и къ объясненію непонятныхъ мѣстъ „Слова“?

61) Сравненіе великороссійскихъ „былинъ“ съ малороссійскими „думами“.

62) Какія бытовыя археологическія черты сохранились въ народномъ южно-русскомъ языкѣ?

63) Какіе есть древніе славянскіе памятники языка и исторіи, хранящіеся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ, но неприведенные еще въ общую извѣстность?

64) Какой видъ имѣетъ: Кормчая книга и другіе памятники каноническаго права по рукописнымъ книгамъ русской или средне-славянской редакціи, находящимся въ предѣлахъ Галиціи?

65) Не существуетъ ли рукописныхъ неизданныхъ памятниковъ полемической русской литературы?

66) О звуковыхъ особенностяхъ сѣверно-малорусскаго говора. Объ архаическихъ остаткахъ въ этомъ говорѣ въ связи съ вопросомъ о начальной исторіи русскаго языка.

67) Малорусскія народныя пѣсни о кровосмѣшеніи сравнительно съ древними мѣами, пѣснями и сказаніями новыхъ народовъ.

VII. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.

68) Сравнительная характеристика византійскихъ хронографовъ, встрѣчающихся въ древнихъ славянскихъ переводахъ, именно: Малалы, Амартола, Манассіи и Зонары.

69) Нѣсколько помпейскихъ надписей интересныхъ для русскаго филолога.

70) Представленія о чертахъ, выразившихся въ малорусскихъ сказкахъ и встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ греческой литературы.

VIII. Древности восточныя.

71) Слѣды хазарскаго языка въ татарскомъ языкѣ и въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

72) Было ли одинъ, или два Сарая?

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Вопросы, по которымъ Съѣзду желательно получить свѣдѣнія.

I. Древности первобытныя.

- 1) Определить время валовъ и городищъ въ предѣлахъ Кіевского княжества. Не составляютъ ли они всѣ вмѣстѣ одну общую систему укрѣпленія?
- 2) Не имѣютъ ли городища, находящіяся вблизи греческихъ поселеній, слѣдовъ греческой техники въ военномъ искусствѣ?
- 3) Въ какихъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи находимы были каменные бабы, кромѣ двухъ, описанныхъ Фундуклеемъ?
- 4) Составить карту Кіевского княжества съ обозначеніемъ кургановъ, валовъ, городищъ, древнихъ урочищъ, а также и населенныхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ.
- 5) Составить такую же карту Литвы и Кривской земли.
- 6) Собрать свѣдѣнія о Матронинскомъ городищѣ.
- 7) По какимъ правиламъ слѣдуетъ производить раскопки кургановъ и городищъ?
- 8) Какъ слѣдуетъ математически описывать находки въ древнихъ земляныхъ насыпяхъ?
- 9) Собрать свѣдѣнія о раскопкахъ и находкахъ въ курганахъ и городищахъ Черниговской губерніи.
- 10) На какихъ мѣстностяхъ Кіевской и смежныхъ съ нею губерній найдены были каменные орудія?
- 11) Составить карту кладовъ, найденныхъ въ предѣлахъ Кіевского княжества.
- 12) Какіе существуютъ документы, или иныя письменныя доказательства объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ разныя времена въ историческихъ мѣстахъ Кіева, какъ напр. Десятинной церкви, Софійскаго собора и проч.?

II. Историческая географія и этнографія.

- 13) Нельзя ли сдѣлать нѣкоторыхъ, интересныхъ въ научномъ отношеніи, обобщеній изъ современной номенклатуры рѣкъ, городовъ и селъ въ разныхъ полосахъ Россіи?
- 14) Топографія Кіева въ разныя эпохи его исторіи, съ указаніемъ и описаніемъ памятниковъ.
- 15) Возможно ли, хотя съ приблизительною точностію, начертать атласъ епархіальнаго дѣленія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, и обозначить отношеніе епархіальнаго дѣленія къ этнографическому и административно-политическому?
- 16) Распространеніе колонизаціи малорусскаго племени.
- 17) Критическое изслѣдованіе источниковъ топографіи Полоцкой (Кривской) земли.

IX

18) Имѣетъ ли какое либо историческое значеніе Кіево-печерское преданіе о Варажскихъ пещерахъ?

19) Какія мѣстности Россіи принадлежать къ позднѣйшей геологической формации, и, слѣдовательно, не могли быть обитаемы въ древнѣйшія времена?

III. ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

20) Существуетъ ли отличіе между архитектурнымъ стилемъ Сѣверной Руси и Южной?

21) Какія отличительныя черты узоровъ малороссійской орнаментики?

22) Какія древнѣйшія иконы находятся въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, нѣтъ ли на нихъ записей?

23) Какіе существуютъ памятники малорусскаго мастерства серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ? Какіе можно указать періоды его развитія?

24) Измѣрить величину кирпичей въ древнѣйшихъ зданіяхъ Кіевской земли, а также измѣрить ширину слоя цемента между кирпичами. Нѣтъ ли на кирпичахъ особыхъ знаковъ, или клеймъ?

25) Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый, какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева.

26) Какой гербъ употреблялся въ Кіевѣ до принятія герба съ изображеніемъ Архистратига Михаила?

27) Нельзя ли возстановить архитектуру золотыхъ воротъ Ярослава по аналогіи съ другими подобными зданіями?

IV. БЫТЬ ДОМАШНІЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ.

28) Подтверждаются ли филологическія объясненія Лелевеля въ области славянской мифологіи?

29) Какъ объяснить замѣчательную развитость и стройность Литовской мифологіи?

30) Русская флора и фауна, по письменнымъ свидѣтельствамъ, до половины XVII вѣка.

31) Существовало ли въ древней Руси тѣлесное наказаніе и когда оно введено?

32) Что такое были Изгой?

33) Собрать свѣдѣнія, въ какомъ видѣ сохранились въ настоящее время остатки древнихъ православныхъ церковныхъ братствъ.

34) На какой сторонѣ народной жизни отразилось главнымъ образомъ участіе южно-русскихъ князей въ Гуситскихъ войнахъ?

35) Предметы вывозной торговли Кіевской земли въ до-татарскій періодъ.

Х

36) Какіє слѣды древняго быта сохранились въ народныхъ обычаяхъ, обрядахъ и вообще въ памятникахъ народнаго творчества?

37) Какимъ образомъ произошло сословіе дѣтей боярскихъ?

V. Памятники языка и письма.

38) Какія древнія славянскія слова и техническіе термины утратились въ русской литературной рѣчи вслѣдствіе наплыва иностранныхъ словъ, имѣющихъ тоже самое значеніе.

39) Отношеніе языка южно-русскихъ лѣтописей къ языку лѣтописей сѣверо-русскихъ.

40) О непосредственномъ вліяніи польскаго языка на литературный русскій.

41) Критическій обзоръ источниковъ казацкой исторіи до В. Хмѣльницкаго.

42) Какія можно сдѣлать дополненія къ бібліографическому указателю источниковъ археологіи Кіева, находящемуся въ описаніи Кіева Закревскаго?

43) Не сохранились ли въ Южной Руси какіе нибудь остатки былеваго эпоса Владиміра, если не въ пѣсенной, то хотябы въ сказочной формѣ; если не въ устахъ народа, то въ какихъ-либо рукописныхъ сборникахъ?

VI. Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.

44) Какія есть свѣдѣнія о мѣстонахожденіи встрѣчающихся въ Юго-Западномъ краѣ поштучно римскихъ монетъ? Какія, приблизительно, можно указать границы этого мѣстонахожденія? Какимъ Императорамъ преимущественно принадлежатъ эти монеты?

45) Какія есть въ предѣлахъ Россіи древнія греческія и латинскія рукописи не приведенныя въ общую извѣстность?

III.

Списокъ членовъ 3-го Археологическаго съѣзда съ означеніемъ мѣста ихъ жительства.

1. Алексѣевъ Г. П. Екатеринославъ.	9. Барсовъ Е. В. Москва.
2. Амфилохій Архимандритъ Москва.	10. Безсоновъ П. А. „
3. Андріяшевъ А. О. Кіевъ.	11. Беренштамъ В. І. Кіевъ.
4. Андріяшевъ И. В. „	12. Бестужевъ-Рюминъ К. Н. С.-Петербур.
5. Антоновичъ В. Б. „Секретарь съѣзда.	13. Блау Отто. Одесса.
6. Антоновъ В. Г. „	14. Борисовъ В. В. Кіевъ.
7. Аристовъ П. Я. Харьковъ.	15. Борисякъ Н. Д. Харьковъ.
8. Артлебенъ Н. А. Владиміръ на Клязьмѣ.	16. Брандбургъ Н. Х. С.-Петербур.

17. Бригнеръ А. П. Дерптъ.	54. Дондуговъ-Корсаковъ, кн. В. М. Псковъ
18. Брунъ Ф. К. Одесса.	55. Ефименко П. С. Воронежъ.
19. Бунге Н. Х. Кіевъ.	56. Житецкій П. И. Кіевъ.
20. Бурачковъ П. О. Херсонъ.	57. Забѣдинъ И. Е. Москва.
21. Бычковъ А. Ф. С.-Петербургъ.	58. Завойко С. В. Кіевъ.
22. Бѣленькій Т. И. Кіевъ.	59. Задерацкій Н. П. „
23. Бѣлозерскій Н. М. Борзна.	60. Замысловскій Е. Е. С.-Петербургъ.
24. Бѣлоусовъ А. Т. Кіевъ.	61. Зконопиць-Грабовскій З. Ф. Кіевъ.
25. Ванкель Г. Бланско (въ Моравіи).	62. Знаменскій П. В. Казань.
26. Васильевъ Н. И. Псковъ.	63. Ивановскій Л. К. С.-Петербургъ.
27. Васильевъ Г. В. Кіевъ.	64. Ивановъ В. А. Кіевъ.
28. Вельяминовъ-Зерновъ В. В. С.-Петерб.	65. Иващенко П. С. Нѣжинъ.
29. Виндингъ В. В. Кіевъ.	66. Иверсенъ Ю. Б. С.-Петербургъ.
30. Викторовъ А. Е. Москва.	67. Изпосковъ И. А. Рязань.
31. Витковскій Э. К. Бѣлая Церковь.	68. Игонниковъ В. С. Кіевъ.
32. Воденюкъ П. Е. Кіевъ.	69. Иловайскій Д. И. Москва.
33. Водовозовъ В. И. С.-Петербургъ.	70. Ильницкій Л. В. Кіевъ.
34. Волковъ Ф. К. Кіевъ.	71. Калачевъ Н. В. Москва.
35. Волошинскій Я. Я. Ровно.	72. Калужняцкій Е. Г. Львовъ.
36. Воскресенскій, протоіерей. Кіевъ.	73. Каминскій Ф. И. Лубны.
37. Гаркави А. Я. С.-Петербургъ.	74. Квашнинъ-Самаринъ Н. Д. Зубцовъ
(Тверской губ.).
38. Гатцукъ А. А. Москва.	75. Керцелли Н. Г. Москва.
39. Гацискій С. П. Нижній Новгородъ.	76. Кибальчичъ Т. В. Борзна.
40. Гоздава-Тышинскій А. Г. Москва.	77. Кирьяковъ Г. С. с. Гонцы (Полт. г.).
41. Головацкій Я. Ф. Вильно.	78. Кпстяковскій А. Ф. Кіевъ.
42. Голубевъ С. Т. Кіевъ.	79. Ключевскій В. О. Москва.
43. Голышевъ Н. И. с. Мстера (Владим. г.).	80. Коляръ О. И. Прага (Чешская).
44. Григоровичъ В. И. Одесса.	81. Коляръ М. Таборъ (въ Чехіи).
45. Гротъ Я. К. С.-Петербургъ.	82. Коморошанъ М. Черновиць.
46. Давидовичъ Я. Н. Кіевъ.	83. Кондаковъ Н. П. Одесса.
47. Дашкевичъ Н. П. „	84. Константиновичъ Н. А. Черниговъ.
48. Демидовъ кн. Санъ-Донато П. П. Кіевъ.	85. Константиновъ Г. Сучавица (въ Бу-
ковинѣ).
49. Демченко В. Г. „	86. Кордышъ І. М. Кіевъ.
50. Дзяловскій С. Познань.	87. Корсаковъ Д. А. Казань.
51. Донцевъ Г. В. Кіевъ.	88. Косачъ П. А. Новоградъ-Волинскій.
52. Драгомановъ М. П. „	
53. Дудикъ Беда. Брюнъ.	

89. Костомаровъ Н. И. С.-Петербургъ.
 90. Красносельцевъ Н. Ѳ. Казань.
 91. Лашкаревъ П. А. Кіевъ.
 92. Лебединцевъ П. Г. „
 93. Левченко М. М. „
 94. Леже Люи. Парижъ.
 95. Линпиченко А. И. Кіевъ.
 96. Лисенко Н. В. „
 97. Лоначевскій А. И. „
 98. Лучицкій П. В. „
 99. Люценко Д. Е. „
 100. Люценко Е. Е. Керчь.
 101. Майковъ Л. Н. С.-Петербургъ.
 102. Малышевскій И. И. Кіевъ.
 103. Маркевичъ А. И. Одесса.
 104. Масловъ В. П. Москва.
 105. Миллеръ О. Ф. С.-Петербургъ.
 106. Мисевскій А. И. Козелець.
 107. Михальчукъ К. П. Кіевъ.
 108. Мищенко Ф. Г. „
 109. Модестовъ В. И. „
 110. Мурзакевичъ Н. Н. Одесса.
 111. Мѣржинскій А. П. Варшава.
 112. Науменко В. П. Кіевъ.
 113. Нижинецкій Д. Львовъ.
 114. Никитскій А. И. Варшава.
 115. Никольскій В. В. С.-Петербургъ.
 116. Новаковичъ Стоянъ. Бѣлградъ.
 117. Оглоблинъ Н. Я. Кіевъ.
 118. Оссовскій Г. О. Староконстантиновъ.
 119. Павянскій А. И. Варшава.
 120. Павловъ П. В. С.-Петербургъ.
 121. Перемежко П. И. Кіевъ.
 122. Петровъ Н. П. „
 123. Пильчиковъ Д. П. Полтава.
 124. Площанскій В. М. Львовъ.
 125. Помяловскій П. В. С.-Петербургъ.
 126. Поповскій Б. Ю. с. Залеваницна
 (Подол. губ.).
 127. Поповъ Н. А. Москва.
 128. Прозоровскій Д. П. С.-Петербургъ.
 129. Прохоровъ В. А. „
 130. Пузыревскій И. А. Кіевъ.
 131. Птицынъ В. Ѳ. „
 132. Радецкій С. А. „
 133. Разумовскій Д. В. Москва.
 134. Рамбо Альфредъ. Нанси.
 135. Ревякинъ П. И. с. Красная (Кіев. г.).
 136. Ригельманъ Н. А. Кіевъ.
 137. Рогге В. П. Житомиръ.
 138. Роговичъ А. С. Кіевъ.
 139. Розановъ П. П. „
 140. Розовъ А. В. „
 141. Романовичъ Славатинскій А. В. „
 142. Романовскій Л. М. Славута (Волин. г.)
 143. Ромеръ Ф. Пештъ.
 144. Рудченко П. Я. Житомиръ.
 145. Руликовскій Э. О. Ружинъ (Кіев. г.).
 146. Румянцевъ В. Е. Москва.
 147. Саввантовъ П. И. С.-Петербургъ.
 148. Самоквасовъ Д. Я. Варшава.
 149. Самоновъ Н. П. Кіевъ.
 150. Свирѣлинъ А. И. Переяславль-За-
 лѣвскій.
 151. Семптовскій Н. М. Кіевъ.
 152. Сибирскій князь А. А. с. Собакино
 (Орловской губ.).
 153. Сидоренко Ю. Д. Кіевъ.
 154. Сизовъ В. П. Москва.
 155. Сяницкій Д. А. Кіевъ.
 156. Скнмборовичъ П. Ф. Варшава.
 157. Смирновъ Ф. А. Кіевъ.
 158. Соколовъ А. П. Саратовъ.
 159. Сольскій С. М. Кіевъ.

XIII

<p>160. Сонцовъ Д. П. Москва.</p> <p>161. Сребницкій И. А. Нѣжинъ.</p> <p>162. Срезневскій И. И. С.-Петербургъ.</p> <p>163. Старицкій М. П. Кіевъ.</p> <p>164. Струковъ Д. М. Москва.</p> <p>165. Сычуговъ В. П. Кіевъ.</p> <p>166. Тарновскій В. В. Борзна.</p> <p>167. Терлецкій Вл. Кіевъ.</p> <p>168. Терлецкій О. П. Вѣна.</p> <p>169. Терновскій Ф. А. Кіевъ. <i>Казначей
сѣзда.</i></p> <p>170. Терновскій С. А. Казань.</p> <p>171. Тызенгаузенъ В. Г. Варшава.</p> <p>172. Тихонравовъ Н. С. Москва.</p> <p>173. Толстой графъ М. В. „</p> <p>174. Трегубовъ Е. К. Кіевъ.</p> <p>175. Троицкій П. А. „</p> <p>176. Туловъ М. А. „</p> <p>177. Тумасовъ Н. С. „</p> <p>178. Уваровъ, графъ А. С. Москва. <i>Пред-
сѣдатель сѣзда.</i></p> <p>179. Успенскій Н. Г. Кіевъ.</p> <p>180. Филимоновъ Г. Д. Москва.</p> <p>181. Фонъ-Бооль В. Г. Кіевъ.</p> | <p>182. Хандриковъ М. Ф. Кіевъ.</p> <p>183. Ходецкій С. М. „</p> <p>184. Хойнацкій А. Ф. Нѣжинъ.</p> <p>185. Хрущевъ И. П. Кіевъ.</p> <p>186. Царевскій Б. А. „</p> <p>187. Цвѣтковскій Ю. Ю. „</p> <p>188. Чубинскій П. П. „</p> <p>189. Шмитъ А. О. „</p> <p>190. Шугуровъ Н. В. Стародубъ.</p> <p>191. Шульгинъ В. Я. Кіевъ.</p> <p>192. Щербаковъ М. Г. „</p> <p>193. Эренбургъ баронъ. Прага (Чешская).</p> <p>194. Юзефовичъ М. В. Кіевъ.</p> <p>195. Юрчепко П. О. Одесса.</p> <p>196. Юськевичъ-Красковскій П. Д. Кіевъ.</p> <p>197. Юськевичъ-Красковскій В. П. Бѣлая
Церковь.</p> <p>198. Ягичъ В. Одесса.</p> <p>199. Яковенко А. П. Балта.</p> <p>200. Яковлевъ В. А. Варшава.</p> <p>201. Янчевецкій Г. А. Кіевъ.</p> <p>202. Яроцкій В. Я. „</p> <p>203. Теофилактовъ К. М. „</p> <p>204. Оярсевъ Н. А. Казань.</p> |
|---|---|

IV.

Открытие Археологическаго сѣзда.

3-й Археологическій сѣздъ былъ открытъ 2-го Августа въ 1 часъ по полудни въ торжественной залѣ Университета св. Владиміра въ собраніи всѣхъ членовъ сѣзда и при стеченіи многочисленныхъ посѣтителей.

Засѣданіе было открыто его сіятельствомъ, г. Кіевскимъ, Подольскимъ и Волынскимъ генераль-губернаторомъ, княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ, сказавшимъ слѣдующую привѣтственную рѣчь: „Мм. гг.! Почтенному предсѣдателю сѣзда угодно было предоставить мнѣ честь привѣтствовать васъ по случаю открытія въ Кіевѣ 3-го археологическаго сѣзда. Я не сомнѣваюсь, что древній Кіевъ напѣтъ, съ его историческими памятниками

и воспоминаніями, представить обильные матеріалы для вашихъ ученыхъ изслѣдованій.— Кіевское городское общество, черезъ просвѣщенныхъ представителей своихъ, еще до меня приняло всѣ зависящія мѣры для пріема давно жданныхъ и дорогихъ гостей своихъ. Позвольте и мнѣ, завѣривъ васъ въ самомъ искреннемъ и горячемъ участіи мѣстной администраціи къ предстоящимъ трудамъ вашимъ, предоставить себя въ полное распоряженіе ваше, въ сферѣ моей административной дѣятельности, во всемъ томъ, чѣмъ только могу содѣйствовать просвѣщеннымъ цѣлямъ вашимъ на пользу науки роднаго края. Отъ искреннаго сердца желаю полного успѣха начинаніямъ вашимъ и объявляю 3-й археологическій съѣздъ открытымъ“.

Затѣмъ, отъ имени города, привѣтствовать членовъ съѣзда Кіевскій городской голова П. П. Демидовъ князь Санъ-Дonato слѣдующими словами: „Мм. гг.! Какъ представитель Кіевского городского общества, считаю пріятнымъ долгомъ заявить вамъ, высокоуважаемые гости, то радостное чувство, съ которымъ принимаемъ васъ; честь, сдѣланная вами намъ, велика и мы вполне сознаемъ ее. Если, подобно Москвѣ и Петербургу, не можемъ выказаться передъ вами своимъ блескомъ, то радушіемъ и сердечнымъ сочувствіемъ къ нашему народному научному дѣлу ручаюсь, что не отстанемъ отъ обѣихъ столицъ“.

Послѣ городского головы ректоръ университета Св. Владиміра, Н. Х. Бунге обратился къ съѣзду: „Позвольте, мм. гг., привѣтствовать отъ имени университета дорогихъ гостей, представителей археологіи, которыхъ привлекли къ намъ серьезные интересы науки.—Археологическій съѣздъ—первый съѣздъ въ Кіевѣ, почтенный прибытіемъ заграничныхъ ученыхъ, обязанъ своимъ осуществленіемъ Высокому, дарованному намъ покровительству и вашему просвѣщенному участію. Какъ ни слабы права наши на честь, оказанную намъ вашимъ присутствіемъ, но университету, при бывшемъ помощникѣ попечителя, М. В. Юзефовичѣ, въ лицѣ профессора Н. Д. Иванешева, принадлежит не малая заслуга перваго серьезнаго изученія мѣстныхъ древностей. Смѣемъ надѣяться, что ваше содѣйствіе укрѣпитъ и разовьетъ неугасаемую у насъ любовь къ изученію старины. Къ этой надеждѣ я не могу не присоединить желанія, чтобы вы, мм. гг., сохранили доброе воспоминаніе объ университетѣ, устроенномъ славнымъ въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія министромъ, графомъ Уваровымъ, отцомъ глубокоуважаемаго предсѣдателя археологическаго съѣзда“.

Въ отвѣтъ на эти привѣтствія, графъ А. С. Уваровъ, отъ имени съѣзда, сказалъ слѣдующую рѣчь: „Мм. гг. Позвольте мнѣ, какъ предсѣдателю совѣта, отъ имени всѣхъ членовъ съѣзда изъявить искреннюю благодарность начальнику края, князю Александру Михайловичу за его радушный привѣтъ и г-ну городскому головѣ за то сочувствіе, которое онъ намъ высказалъ отъ имени города Кіева.“

„Позвольте мнѣ также выразить г-ну ректору кіевского университета глубочайшую

признательность за просвященное содѣйствіе, которое онъ, въ качествѣ представителя ученаго сословія, благоволилъ оказать устройству съѣзда.

„Теперь мнѣ предстоитъ, мм. гг., представити вамъ краткій очеркъ дѣятельности какъ предварительнаго комитета, такъ и совѣта съѣзда.

„Послѣ двухъ первыхъ съѣздовъ, бывшихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, всѣ русскіе ученые единогласно пожелали собраться въ Кіевѣ. Значеніе Кіева слишкомъ близко нашему сердцу, мы слишкомъ глубоко чувствуемъ дорогія воспоминанія, связанныя съ этимъ городомъ, чтобы представлялась надобность особенно распространяться объ этой привязанности къ Кіеву каждаго русскаго.

„Надо только замѣтить, что, при каждомъ новомъ съѣздѣ, въ трудахъ его проявляется все болѣе и болѣе этотъ особый мѣстный характеръ, который, какъ мнѣ кажется, есть вѣрный залогъ успѣха нашихъ съѣздовъ и развитія нашей отечественной археологіи. Тоже самое видимъ мы и на третьемъ археологическомъ съѣздѣ. Вѣковое вліяніе Кіева ярко отразилось на будущихъ нашихъ занятіяхъ.

„Если мы по программѣ нашей прослѣдимъ всѣ вопросы, то увидимъ; какъ *общіе вопросы* группируются вокругъ одной и той же задачи: разграничить археологію отъ исторіи, указать на способъ преподаванія археологіи и, наконецъ, поставить археологическую науку въ число наукъ, преподаваемыхъ въ нашихъ университетахъ. Затѣмъ уже, въ частныхъ вопросахъ, характеристическая черта, этотъ мѣстный отпечатокъ, о которомъ я говорилъ, ясно замѣтна въ каждомъ отдѣленіи.

„Такъ, *въ древностяхъ первообытныхъ* мы постараемся опредѣлить отличительные признаки могильныхъ насыпей первыхъ насельниковъ Россіи. Съ этими вопросами *тѣсно связаны свидѣнія о древней топографіи*, которыя одни могутъ разъяснить намъ не только границы первыхъ поселеній и древнихъ княжествъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, могутъ указать также и на пути, по которымъ шла сама колонизація.

„Въ III отдѣленіи съѣзда мы переходимъ къ *памятникамъ искусствъ и художествъ*, въ этомъ неомнѣнномъ свидѣтеляхъ культурнаго развитія Руси. Церковное зодчество древняго Кіева, мозаики, фрески, однимъ словомъ—всѣ остатки, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ о преобладаніи византійскаго искусства. При этомъ мы обратимъ вниманіе на лучшіе образцы этого искусства, какъ напримѣръ на Ватиканскій менологій; при чемъ постараемся объяснить и тѣ преданія, которыя связаны съ нѣкоторыми памятниками этого перваго періода нашего древняго быта. Къ этому же отдѣлу принадлежатъ вопросы по русской нумизматикѣ и по древнему церковному пѣнію.

„Въ отдѣленіи *быта домашняго и общественнаго* мы займемся составомъ княжеской дружины, должностью судныхъ мужей и наконецъ прослѣдимъ остатки вѣрованій языческихъ временъ.

Въ отдѣленіи *быта церковнаго* мы, съ помощью мѣстныхъ ученыхъ, будемъ изслѣ-

довать древности Софійскаго собора, загадочныя фрески на лѣстницѣ этого собора, вновь открытыя фрески Кирилловской церкви, при чемъ не забудемъ объяснить и нѣкоторыя особенности древнихъ обычаевъ.

„Въ отдѣленіи *памятниковъ письма и языка*, кромѣ новыхъ свѣдѣній по вопросу памятниковъ глаголицкихъ и кирилловскихъ, мы будемъ разсматривать важность областныхъ словарей греческаго и румынскаго, слѣды письменности и искусствъ въ Тавридѣ, подлинность нѣкоторыхъ грамотъ, важныхъ для русской исторіи, услышимъ новыя свѣдѣнія о словѣ о Полку Игоревѣ и получимъ даже нѣкоторое разъясненіе о составѣ знаменитой бібліотеки Петра Могилы. Наконецъ, въ засѣданіяхъ этого же отдѣленія будутъ разсматриваться остатки былеваго эпоса Владиміроваго и народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, сохранившіеся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

„Затѣмъ съѣздъ коснется древностей византійскихъ, римскихъ и восточныхъ, въ тѣхъ только памятникахъ и по тѣмъ только вопросамъ, которые имѣютъ отношеніе къ отечественной археологіи.

„По разсмотрѣніи всѣхъ матеріаловъ, поступившихъ на съѣздъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, совѣтъ съѣзда подраздѣлился на *восемь отдѣленій* и каждое изъ нихъ выбрало себѣ предсѣдателя и секретаря:

Отдѣленіе I—предсѣдателя графа А. С. Уварова,—секретаря Д. Я. Самоковсова.

Отдѣленіе II—предсѣдателя Н. И. Костомарова,—секретаря Д. А. Корсакова.

Отдѣленіе III—предсѣдателя Н. Н. Мурзакевича,—секретаря Н. И. Петрова.

Отдѣленіе IV—предсѣдателя О. Ѳ. Миллера,—секретаря А. П. Брикнера.

Отдѣленіе V—предсѣдателя П. Г. Лебединцева,—секретаря П. А. Лашкарева.

Отдѣленіе VI—предсѣдателя Н. И. Срезневскаго,—секретарей Л. Н. Майкова и Люи Леже.

Отдѣленіе VII—предсѣдателя В. П. Модестова,—секретаря Ф. Г. Мищенко.

Отдѣленіе VIII—предсѣдателя В. В. Вельяминова-Зернова,—секретаря А. Я. Гаркави.

„Археологическія изслѣдованія немислимы безъ свидѣтельства памятниковъ вещественныхъ; сверхъ того, самое разъясненіе памятниковъ объясняется нагляднѣе сравненіемъ ихъ съ памятниками или близкими имъ по времени, или по родству народа ихъ создаваго. По этой причинѣ, Высочайше утвержденный предварительный комитетъ рѣшился составить при съѣздѣ археологическую выставку. Для сравненія русскихъ памятниковъ древности съ памятниками славянскими, онъ пригласилъ къ участію на выставкѣ не только всѣ наши отечественныя учрежденія, но также и ученые общества во всѣхъ славянскихъ земляхъ.

„Судя по списку гг. депутатовъ, прибывшихъ на съѣздъ, вы, мм. гг., увидите съ

XVII

какимъ живымъ интересомъ оговзались всѣ ученые учрежденія и общества на приглашеніе комитета.

„Теперь мнѣ остается прибавить еще нѣсколько словъ, чтобы указать вамъ, мм. гг., на особое участіе, принятое нѣкоторыми славянскими учеными обществами, не только присылкою депутатовъ на съѣздъ, но также и присылкою памятниковъ на выставку.

„*Моравское общество* отечественныхъ древностей въ Брюнѣ препоручило своему ученому историографу *Бедъ Дудику* передать на выставку нѣсколько предметовъ, найденныхъ въ могилахъ моравскихъ. Въ томъ числѣ находятся и извѣстныя золотыя монеты съ надписями и знаменитая рукопись *Martyrologium Odonis* съ славянскою припискою кириллицею, относимою къ IX вѣку. Г. Беда Дудикъ намъ изложитъ характеристику древнихъ могилъ языческаго періода, въ раскопкѣ которыхъ онъ самъ участвовалъ.

„*Бъградское ученое Дружество* прислало къ намъ депутатомъ г. Стояна Новаковича. Г. Нозаковичъ, извѣстный своими библиографическими трудами, своими изслѣдованіями по славянскому языкознанію, представляетъ намъ примѣръ истиннаго ученаго, который, несмотря на высшую государственную должность, которую занималъ, никогда не отрывался отъ своихъ ученыхъ работъ и никогда не покидалъ свои занятія по званію бібліотекаря ученаго Дружества. Онъ привезъ съ собою, кромѣ драгоценныхъ сербскихъ рукописей, много сербскихъ монетъ и образцовъ древняго сербскаго искусства.

„Мы ожидаемъ еще почтеннаго президента Загребской академіи, д-ра Рачки, профессоровъ: Колара, Ганеля, Калужняцкаго, Ромера, Ванкеля и съ удовольствіемъ встрѣтили профес. Мартина Колляра изъ Табора и г. Дзйловскаго, депутата Познанскаго общества любителей наукъ и словесности. Не могу пропустить безъ особаго вниманія словенскую библиографію, напечатанную въ Люблинѣ извѣстнымъ писателемъ д-ромъ Коста и посвященную третьему съѣзду въ Кіевѣ.

„Изъ за-границы прибыли, чтобы принять участіе въ трудахъ нашего съѣзда: г. *Леже*, депутатъ министерства народнаго просвѣщенія во Франціи, авторъ многочисленныхъ статей о славянахъ, намѣревающийся сообщить намъ рефератъ, на русскомъ языкѣ, о глаголицкой надписи; и г. *Айфредъ Рамбо*, извѣстный своими изслѣдованіями о Константиѣ Багрянородномъ“.

Затѣмъ, послѣ рѣчи графа Уварова, академикъ П. И. Срезневскій изложилъ въ подробномъ и весьма оживленномъ рефератѣ историческое развитіе работъ по археологій и археографіи, производившихся и издававшихся трудами Кіевскихъ ученыхъ дѣятелей и Кіевскихъ историческихъ обществъ и учреждений.

Въ заключеніе предсѣдатель Кіевской археографической комиссіи, М. В. Юзефовичъ, объявилъ, что ко дню съѣзда комиссія издала, подъ редакцію В. В. Антоновича

XVIII

и Ф. А. Терновскаго, книгу: „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, съ цѣлью доставить возможность пользоваться указаніями источниковъ первой руки при обзорѣни и изученіи памятниковъ и топографіи древняго Кіева, какъ вообще лицамъ, интересующимся этими памятниками, такъ и въ особенности членамъ 3-го археологическаго сѣзда. Эземпляры этого изданія тутъ-же были розданы членамъ сѣзда.

V.

Протоколы засѣданій Сѣзда.

1. Общія собранія.

Первое засѣданіе, 5 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ В. С. Иконникова.

Е. И. Забѣлинъ прочелъ рефератъ: „Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи какъ самостоятельной науки?“ (см. т. I, стр. 1—17).

Послѣ прочтенія этого реферата, *П. В. Павловъ* изложилъ свое мнѣніе о значеніи и объемѣ археологіи какъ самостоятельной вѣтви исторической науки. Какъ основаніе своего мнѣнія *П. В. Павловъ* предпослалъ очеркъ научнаго развитія исторіи: сперва историческое вѣденіе явилось въ видѣ *историческихъ мифовъ*, затѣмъ, въ сочиненіяхъ классическихъ и средневѣковыхъ писателей, оно является въ видѣ историческаго *искусства*; потомъ историческое знаніе является въ видѣ *науки умозрительной*, метафизической, стремившейся къ преждевременному обобщенію фактовъ; такое направленіе развивалось съ особенной силою въ новѣйшее время въ умозрительныхъ историческихъ теоріяхъ германскихъ мыслителей отъ Канта до Гегеля включительно. Послѣдній высшій моментъ исторической дѣятельности—это *положительная историческая наука*, предметъ которой не одни политическія событія, но всѣ стороны человѣческой жизни; запросъ на такую науку сдѣланъ еще въ прошломъ столѣтіи Болинбромомъ, Вольтеромъ, Гердеромъ, Шлегеромъ. Только въ настоящемъ столѣтіи создается такая историческая наука трудами англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Послѣ трудовъ Бокля, Огюста Конта, Чарльза Лайеля и другихъ явилось въ наукѣ сознаніе, что, по современному понятію, исторія должна быть синтезомъ нравственныхъ наукъ въ прошедшемъ, такъ точно, какъ геологія есть синтезомъ естественныхъ наукъ въ прошломъ земнаго шара. Науки, входящія въ составъ историческаго вѣденія, составляютъ слѣдующій цѣль: 1) географія, 2) этнологія, 3) право, 4) экономія, 5) домостроительство (въ смыслѣ ученія о вещественномъ потребленіи), 6) философія, т. е. ученіе о развитіи самосознанія, 7) эстетика, т. е.

ученіе о развитіи изящнаго искусства. Всѣ эти науки, взятыя вмѣстѣ въ ихъ развитіи въ прошедшемъ, составляютъ то, что называется исторіею цивилизаціи. Историческія науки въ ихъ синтезѣ и въ отдѣльности совершенствуются вслѣдствіе разработки ихъ предмета по источникамъ; источники-же историческихъ наукъ бываютъ *письменные и неписьменные*; на основаніи письменныхъ источниковъ создались два историческіе метода: литературный и филологическій (лингвистическій). Неписьменные источники бываютъ: а) географическіе, на которыхъ основанъ методъ географическій, при помощи котораго опредѣляется взаимодѣйствіе природы и человѣка; б) этнологическіе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (иначе историко-антропологическіе) и этнографическіе, на которыхъ основаны методы: историко-антропологическій и этнографическій; наконецъ, в) *источники археологическіе* или *вещественные памятники*, какъ произведенія механическихъ и изящныхъ искусствъ; на нихъ основанъ *методъ археологическій*. Археологическіе источники обыкновенно раздѣляютъ на *доисторическіе* или *первобытные* и *историческіе*, вслѣдствіе чего и основанный на нихъ археологическій методъ можетъ быть двоякій: *геолого-археологическій* и *чисто-археологическій*. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что археологія, подобно лингвистикѣ, географіи и этнографіи обнимаетъ всѣ историческія науки, на сколько содержаніе ихъ выражается въ матеріальныхъ памятникахъ, какъ произведеніяхъ механическихъ и изящныхъ искусствъ. Наука, понимаемая такимъ образомъ, имѣетъ и свой особый археологическій методъ, задача котораго—приходить къ научнымъ выводамъ, путемъ сравненія однородныхъ, вещественныхъ, монументальныхъ памятниковъ. И такъ археологія, иначе монументальная исторія, есть наука древнихъ вещественныхъ памятниковъ, въ смыслѣ произведеній механическихъ и изящныхъ искусствъ, на сколько въ этихъ памятникахъ выразилась цивилизація въ ея развитіи по присущимъ ей законамъ.

Затѣмъ, *графъ А. С. Уваровъ* изложилъ содержаніе первой части своего реферата: „Что должна обнимать программа для преподаванія Русской археологіи, и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа“. (См. т. I, стр. 19—33). Изложеніе свое *графъ Уваровъ* закончилъ заявленіемъ слѣдующаго положенія: „Достопочтенный П. В. Павловъ высказалъ сейчасъ мнѣніе, что археологія есть наука о вещественныхъ памятникахъ; дѣйствительно мы ipso facto понимаемъ обыкновенно археологію въ смыслѣ исторіи искусства; но я полагаю, что можно принять болѣе обширную задачу археологіи и разсматривать ее какъ ученіе о древнемъ бытѣ человѣка, обнимающее изслѣдованіе всѣхъ памятниковъ, какого-бы рода они ни были, оставшихся отъ древней жизни каждаго народа“.

В. И. Модестовъ выразилъ мнѣніе, что къ кругу памятниковъ, составляющихъ предметъ археологическихъ изслѣдованій, не могутъ быть причислены памятники литературные. Такіе памятники словесности, какъ напримѣръ: трагедіи Софокла, комедіи Аристофана, оды Пиндара, элегіи Тибула, могутъ разсматриваться только какъ памятники

литературы, но не могут быть причислены къ памятникамъ археологическимъ; археологія можетъ пользоваться этими памятниками для подтвержденія своихъ выводовъ и для разъясненія своихъ задачъ, можетъ черпать изъ нихъ полезныя для себя данныя, но если причислить ихъ къ археологіи, то область этой науки раздвинется до слишкомъ обширныхъ предѣловъ, и охватитъ рѣшительно все науки, даже такія, которыя относятся къ совершенно другому циклу, какъ науки естественныя. Въ каждой наукѣ слѣдуетъ опредѣлить самымъ точнымъ образомъ предметъ ея занятій, и это опредѣленіе необходимо какъ средство для выбора метода изслѣдованія и какъ условіе прогресса науки; если же составимъ себѣ объ области науки понятіе сбивчивое, неполное или неопредѣленное, то дальнѣйшіе шаги въ наукѣ будутъ сопряжены съ колебаніями и уклопеніями то въ ту, то въ другую сторону, и невозможно будетъ способствовать такому преуспѣванію въ наукѣ, какъ если-бы задача ея была строго опредѣлена. Потому В. П. Модестовъ полагалъ, что изъ задачъ археологіи слѣдуетъ прежде всего исключить памятники литературныя, которые могутъ разсматриваться только какъ позобія археологіи, но не могутъ служить задачею этой науки; къ области археологіи всецѣло могутъ быть отнесены изъ числа письменныхъ памятниковъ только надписи на общественныхъ зданіяхъ и монументахъ, и такіе памятники, какъ акты и другіе архивные документы.

Н. А. Поповъ выразилъ мнѣніе, что письменные памятники вообще составляютъ предметъ археологіи, если разсматриваются по археологическому методу и изучаются согласно приемамъ археологической критики.

Графъ А. С. Уваровъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Н. А. Попова, указалъ на то, что каждый литературный памятникъ можетъ быть изучаемъ по тремъ методамъ изслѣдованія: историческому, филологическому и археологическому, въ послѣднемъ случаѣ задача изслѣдователя—извлечь данныя для опредѣленія древняго быта какого нибудь народа и литературный памятникъ, если изучается по этому методу, становится предметомъ археологіи. Благодаря примѣненію этого метода къ литературнымъ памятникамъ Греціи и Рима, ученые успѣли возсоздать бытъ этихъ народовъ, причемъ многія бытовыя подробности извлечены были не только изъ Гомера, безъ котораго не существовала-бы археологія Греціи но и изъ сочиненій Софокла, Эсхила, Аристофана и друг. Для русской археологіи такое-же значеніе имѣетъ „Слово о полку Игоревѣ“, которое не можетъ быть исключено изъ области археологіи, такъ какъ для возстановленія картины прежняго быта оно дополняетъ и уясняетъ данныя вещественныхъ памятниковъ и представляетъ многія черты не существующія въ нихъ. Такимъ образомъ всякій памятникъ литературный становится предметомъ археологіи, если изслѣдователь смотритъ на него съ точки зрѣнія бытового его значенія и изслѣдуетъ его археологическимъ методомъ.

Д. И. Иловайскій отдѣлилъ понятіе о цѣли и задачахъ археологіи отъ понятія о ея источникахъ и средствахъ; отрицая возможность ограничить предѣлы средствъ архео-

логія, онъ полагалъ, что наука эта должна искать источниковъ во всѣхъ отрасляхъ вспомогательныхъ наукъ, гдѣ только есть возможность найти археологическій матеріалъ; но съ другой стороны Д. П. Пловайскій указывалъ на потребность опредѣлить точно задачи археологій; всѣ, по его мнѣнію, согласны въ томъ, что задачи эти состоятъ въ раскрытіи быта различныхъ народовъ во всѣхъ его проявленіяхъ; но, по его мнѣнію, слѣдуетъ точнѣе опредѣлить какіе именно стороны быта археологія призвана опредѣлить?

Л. К. Ивановскій замѣтилъ, что, по его мнѣнію, къ числу вспомогательныхъ знаній археологій, перечисленныхъ графомъ Уваровымъ, нужно причислить *антропологию*, изъ которой археологія можетъ заимствовать весьма цѣнные указанія, особенно полезныя при раскопкѣ кургановъ и опредѣленіи похоронныхъ обычаевъ разныхъ эпохъ и народовъ.

Графъ А. С. Уваровъ призналъ послѣднее замѣчаніе вполне справедливымъ.

Второе засѣданіе, 8-го Августа утромъ, подъ предѣлительствомъ А. Θ. Бичкова.

Графъ А. С. Уваровъ изложилъ содержаніе второй части своего реферата: „Что должна обнимать программа для преподаванія Русской археологій и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распределена эта программа“. (I, стр. 19—38).

В. В. Никольскій выразилъ мнѣніе, что всѣ высказанныя опредѣленія археологій, предмета и метода ея изслѣдованія, не достаточно опредѣляютъ понятіе и сущность этой науки и въ окончательномъ выводѣ приводятъ къ тому убѣжденію, что археологія не есть наука самостоятельная, а только одна изъ вспомогательныхъ наукъ исторіи. Мнѣніе это В. В. Никольскій основывалъ на разборѣ опредѣленій, высказанныхъ на двухъ засѣданіяхъ съѣзда: По мнѣнію однихъ археологія есть наука, изслѣдующая только вещественные памятники, на сколько въ нихъ отразилось развитіе цивилизаціи известнаго народа; но съ мнѣніемъ этимъ не согласны весьма многіе археологи, включающіе въ кругъ археологій и памятники невещественные, какъ языкъ, народныя вѣрованія и представленія, подробности быта домашняго и общественнаго и т. п. Другіе утверждаютъ, что предметъ археологій составляетъ вообще всѣ памятники быта народа; но опредѣленіе это слишкомъ общее и при обсужденіи его является вопросъ: по какимъ признакамъ всякій памятникъ народнаго быта можетъ быть отнесенъ къ области археологій? Важнѣйшій и бесспорный признакъ состоитъ въ томъ, что предметомъ археологій можетъ быть памятникъ быта *прошедшаго*; но граница прошедшаго не точна и произвольна; такъ было высказано мнѣніе, что для русской археологій граница эта должна быть положена въ XVII столѣтіи; но это мнѣніе далеко не общее; многіе отодвигаютъ ее до XVIII и даже до XIX столѣтій; такимъ образомъ границы археологій сглаживаются и опредѣленіе дѣлается неяснымъ. И. Е. Забѣлинъ распределяетъ памятники быта на об-

ще и индивидуальные, полагая, что къ области археологіи относятся только тѣ памятники, которые выражаютъ собою творчество личное, индивидуальное, между тѣмъ какъ всѣ памятники общаго творчества онъ отнесъ къ области исторіи. Но съ этимъ мнѣніемъ В. В. Никольскій не согласенъ, онъ полагаетъ, что правильнѣе было-бы поставить вопросъ совершенно обратно и исключить изъ области археологіи все то, что составляетъ продуктъ творчества индивидуальнаго; задача археологіи состоитъ въ томъ именно, чтобы отыскать проявленія народнаго быта вообще, а задача исторіи въ томъ, чтобы на почвѣ установленнаго археологіею народнаго быта, представить характеристику личной дѣятельности. Затѣмъ, замѣтилъ В. В. Никольскій, графъ А. С. Уваровъ указалъ на двѣ стороны, съ которыхъ можетъ быть разсматриваемъ каждый памятникъ: художественную или эстетическую и собственно археологическую; при чемъ второй способъ изслѣдованія онъ подраздѣлил на два приема: общій и индивидуальный или детальный; полагая, что второй приемъ, можно-бы назвать точнѣе *частнымъ*, В. В. Никольскій полагаетъ, что эстетическаго изученія памятниковъ невозможно отграничить отъ археологическаго, а, слѣдовательно и исключить изъ области археологіи. Наконецъ, переходя къ разсмотрѣнію характеристики научнаго археологическаго метода, В. В. Никольскій заявилъ сомнѣніе въ самомъ существованіи особаго археологическаго метода; онъ полагалъ, что археологическій методъ состоитъ только въ приложеніи къ изученію памятниковъ общихъ логическихъ приемовъ, опирающихся лишь на нѣкоторый практической навыкъ, который не можетъ быть названъ научнымъ методомъ.

Графъ А. С. Уваровъ, отвѣчая на замѣчанія В. В. Никольскаго, выразилъ совершенное согласіе съ его мнѣніемъ, что опредѣленіе археологіи, какъ науки занимающей исключительно памятниками вещественными, узко и несостоятельно. Затѣмъ, графъ А. С. Уваровъ указалъ на то, что предлагаемый предѣлъ преподаванія русской археологіи до конца XVII вѣка, не произвольно поставленъ, а основанъ на томъ коренномъ измѣненіи бытоваго строя русской жизни, которое было послѣдствіемъ Петровскихъ реформъ и которое продолжалось развиваться по одному направленію до нашего времени. Если нѣкоторые писатели, какъ напримѣръ издатели журналовъ: „Русскій Архивъ“ и „Русская Старина“, и не дѣлаютъ строгаго различія между памятниками относящимися до болѣе древняго времени и позднѣйшими, то это случается только вслѣдствіе того, что они не разграничиваютъ строгаго понятій о *древнемъ* и *старинномъ*. Затѣмъ графъ Уваровъ указалъ на то, что онъ не исключаетъ изъ области археологіи художественнаго изученія памятниковъ, и видитъ въ такомъ изученіи одинъ изъ вспомогательныхъ приемовъ археологіи. Наконецъ, онъ полагаетъ, что археологическій методъ изслѣдованія не только несомнѣнно существуетъ, но что могутъ быть указаны цѣлыя области знанія открытыя и изслѣдованныя по приемамъ этого метода. Такъ, первыя каменныя орудія найдены были въ Германіи еще около 1750 года, но они оставались безъ вниманія, какъ рѣдкости и

XXIII

предметы простаго любопытства, пока археологическій методъ не указалъ истиннаго научнаго значенія этихъ орудій и не далъ возможности на основаніи ихъ создать цѣлой науки—исторіи первобытнаго человѣка. Такъ, исторія Босфорскаго царства была почти невѣдома, пока археологическій методъ, примѣненный къ изученію Босфорскихъ монетъ, не раскрылъ цѣлыхъ династій Босфорскихъ царей и не далъ возможности возстановить этотъ пробѣлъ, существовавшій въ исторіи.

Е. И. Забѣлинъ высказалъ мысль, что творчество человѣческое проявляется въ двухъ направленіяхъ: оно бываетъ родовое, при чемъ человѣкъ работаетъ какъ-бы цѣлымъ родомъ и создаетъ памятники, въ которыхъ невозможно отличить единичную волю творца, такимъ произведеніемъ общаго творчества есть государство и всѣ проявленія государственной жизни народа; изслѣдованіе произведеній этого родового творчества есть предметъ исторіи; если историкъ пользуется нѣкоторыми фактами и частнаго творчества, то онъ дѣлаетъ это лишь для того, чтобы факты родового творчества представить болѣе выпукло и наглядно; но онъ изъ многихъ фактовъ частнаго творчества выбираетъ только немногіе, по своему усмотрѣнію, прочіе-же оставляетъ безъ вниманія. Но кромѣ общаго, родового творчества, существуетъ еще необозримая масса частнаго творчества, какъ результатъ частныхъ отношеній, связей, потребностей, представленій фантазіи—всѣ эти памятники относятся къ области археологіи. Область родового и частнаго творчества независимы другъ отъ друга и равносильны, потому и науки изслѣдующія ихъ не могутъ быть поставлены въ положеніе исключительно вспомогательныхъ, служебныхъ другъ другу наукъ; исторія и археологія науки независимы, параллельныя, иногда другъ друга дополняющія, но вполнѣ самостоятельныя.

А. И. Брикнеръ прочиталъ рефератъ: „Какъ могутъ и должны быть устраиваемы, при университетскомъ преподаваніи археологіи, практическія упражненія и занятія (См. т. I, стр. 39—48).

П. В. Павловъ въ дополненіе къ реферату г. Брикнера, представилъ *планъ археологическаго музея*, который полезно бы было устроить при университетахъ, въ видахъ содѣйствія наиболѣе успѣшному преподаванію въ нихъ исторіи искусствъ.

I. Музей первобытныхъ вещественныхъ древностей.

II. Музей историческихъ вещественныхъ древностей.

1 Отдѣленіе вещественныхъ древностей быта.

А. Отдѣлъ вещественныхъ древностей быта государственнаго. (Военныя древности—фортификаціонныя и боевыя; гражданскія древности, напр. правительственныя зданія, официальные одежды, монеты и проч.).

В. Отдѣлъ вещественныхъ древностей быта общественнаго. (Общественныя зданія, вещественные предметы общественной обрядности и т. д.).

С. Отдѣлъ вещественныхъ древностей быта домашняго. (Орудія труда, жилье и его убранство, одежда, утварь, средства передвиженія).

2 Отдѣленіе вещественныхъ древностей художественныхъ.

А. Отдѣлъ памятниковъ изящной архитектуры.

В. Отдѣлъ памятниковъ скульптуры.

С. Отдѣлъ памятниковъ живописи и гравированія.

Д. Отдѣлъ музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

Е. Отдѣлъ рукописей (палеографіи) и старопечатныхъ книгъ.

Примѣчаніе. Дополненіемъ къ археологическому музею долженъ быть музей этнографической. При обоихъ музеяхъ слѣдуетъ завести имъ соответствующую бібліотеку и читальню.

Музеи должны быть доступны не только для студентовъ, но и для публики (по праздничнымъ днямъ). При нихъ могутъ быть устраиваемы, въ удобное для того время, публичныя лекціи о разныхъ предметахъ, относящихся къ области археологіи или этнографіи.

М. В. Юзефовичъ прочиталъ рефератъ, подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя соображенія о лучшей организаціи дѣятельности археографическихъ комиссій. (См. т. I, стр. 49—51).

2. Засѣданія I Отдѣленія—Древности первобытныя.

Первое засѣданіе, 3-ю Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

Послѣ открытія засѣданія, предсѣдатель отдѣленія, графъ *А. С. Уваровъ* заявилъ о томъ, что онъ получилъ утромъ того-же дня отъ проф. Гревинга изъ Дерпта брошюру, подъ заглавіемъ: „Zur Archacologie des Balticum und Russlands. Braunschweig. 1874“ посвященную археологическимъ съѣздамъ Стокгольмскому и Кіевскому. Г. Гревингъ проситъ гг. членовъ съѣзда принять въ даръ присланные имъ экземпляры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить ему свои адреса, дабы онъ могъ доставить имъ остальную половину предложеннаго сочиненія, послѣ ея выхода въ свѣтъ.

Н. А. Поповъ: „Г. предсѣдатель совѣта нашего съѣзда, узнавъ о выходѣ въ свѣтъ 1 выпуска 3-й книги „Трудовъ“ Этнографическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ, пригласилъ меня, какъ предсѣдателя этого отдѣла, сообщить здѣсь краткія свѣдѣнія о содержаніи сей книги. При той близкой связи, какую въ настоящее время этнографія имѣетъ съ археологіей, нѣкоторыя изъ статей, помѣщенныхъ въ упомянутомъ сборникѣ, могутъ имѣть интересъ и для занимающихся археологіей. Укажу прежде всего: на статью г. Бвашнина-Самарина о кладонскателяхъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ коей приведена одна древняя запись о кладахъ; описаніе раско-

покъ, произведенныхъ г. Анастасьевымъ въ курганахъ Коломенскаго уѣзда; статью Е. П. Добрышкиной о хороненіи Костромы въ Муромскомъ уѣздѣ; К. А. Попова о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губерніи, а также нѣсколько статей и замѣтокъ библиографическаго содержанія, изъ коихъ особенно любопытенъ обзоръ этнографической литературы. Прибавлю, что въ настоящее время отдѣлъ нашъ занятъ печатаніемъ большого сочиненія К. А. Попова: „Зыряне и Зырянскій край“, а также приготовленіемъ цѣлаго ряда публичныхъ чтеній по этнографіи и антропологіи.

Д. Я. Самоковасовъ прочиталъ рефератъ *Ф. И. Каминскаго*: „Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ“. (См. т. I, стр. 147—152).

К. М. Теофилактовъ прочиталъ рефератъ: „О мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій человѣка, вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гонцахъ на р. Удаѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи“. (См. т. I, стр. 153—159).

Н. А. Поповъ обратился къ *К. М. Теофилактову* съ слѣдующимъ вопросомъ: „Между костями мамонта изъ с. Гонцевъ, представленими г. Каминскимъ, находится одна съ наколомъ, который, по мнѣнію г. Каминскаго, произошелъ вслѣдствіе разбитія кости человѣкомъ для добытія костяного мозга. Я хотѣлъ-бы спросить васъ: полагаете-ли вы возможнымъ совершеніе этого надкола однимъ изъ кремневыхъ орудій, найденныхъ подлѣ костей мамонта? Сдѣланъ-ли этотъ надколъ по свѣжей кости, или по устарѣлой? Считаете-ли вы этотъ надколъ сдѣланнымъ человѣкомъ, желавшимъ добыть мозгъ изъ кости?“

К. М. Теофилактовъ: „Относительно значенія надкола, который замѣчается на одной изъ костей оконечностей мамонта, я не рѣшаюсь въ настоящую минуту дать положительный отвѣтъ. Надколы въ костяхъ животныхъ, находящихся вмѣстѣ съ орудіями человѣка, могутъ быть случайные или дѣйствительно происшедшіе отъ удара при разбитіи кости съ цѣлью добытія мозга. При рѣшеніи такого рода вопросовъ должно быть очень осторожнымъ, дабы не увлечься аналогією съ расколами костей въ кухонныхъ кухахъ Даніи и другихъ мѣстностей.“

Человѣкъ, питавшійся мясомъ мамонта, не могъ оставить безъ употребленія въ пищу головного мозга животного, добыть который онъ могъ лишь съ большимъ трудомъ: приходилось разбить двѣ крѣпкія костяныя клѣтки; чтобы добыть головной мозгъ естественно недостаточны были найденныя доселѣ въ Гонцахъ кремневые орудія; для разбитія костей человѣкъ употреблялъ каменные молотки. Если доселѣ въ раскопкахъ Гонцовъ не были найдены вмѣстѣ съ мелкими кремнями молотки, то явленіе это объясняется легко цѣнностью такого орудія, какъ молотъ, который человѣкъ берегъ, не бросая, а уносилъ съ собою, оставляя мелкіе кремневые ножи на мѣстѣ приготовленія пищи“.

Графъ А. С. Уваровъ сдѣлалъ сообщеніе о могильникѣ, открытомъ въ Ярославской

губерніи: Во время постройки Ярославско-Вологодской линии желѣзной дороги, около первой станціи отъ Ярославля, Уткино, инженеры сдѣлали прорѣзъ на близъ лежащей возвышенности, съ цѣлью добыть изъ нея песокъ, нужный для производства работъ; послѣ снятія слоя чернозема, толщиною въ 7—8 вершковъ, обнаженъ былъ слой бѣлаго песку въ $2\frac{1}{2}$ аршина толщиною, въ которомъ найдены были многочисленныя каменныя орудія, отдѣльные черепа и сосуды, украшенные орнаментами. Узнавъ объ этой находкѣ, Московское археологическое общество въ Маѣ 1874 года поручило одному изъ своихъ членовъ изслѣдовать мѣсто ея нахождения. Такъ какъ прорѣзъ первоначальный былъ уже закрытъ осунувшеюся съ боковъ почвою, то изслѣдователю пришлось начать розыски съизнова. На довольно значительномъ пространствѣ (около 2 десятинъ) подъ слоємъ чернозема, въ песокѣ, оказались могилы; въ двухъ изъ нихъ найдены были полные скелеты, лежавшіе головами на востокъ, съ протянутыми вдоль туловища руками; у одного изъ нихъ подъ затылкомъ лежалъ большой камень, употреблявшійся какъ оселокъ для шлифованія каменныхъ орудій, въ лѣвой рукѣ его находилась кость, съ ясными слѣдами отдѣлки и полировки, по правую сторону лежалъ каменный топоръ, рукоятка котораго, вѣроятно, находилась въ правой рукѣ остова; на шеѣ найденъ былъ звѣриный зубъ, подобные которому находились во множествѣ и въ другихъ гробницахъ; около другого скелета найдены были колечка изъ бронзовой проволоки, и, притомъ, нижняя часть черепа окрашена была въ зеленый цвѣтъ окисью мѣди; во всѣхъ гробницахъ найдено было значительное количество каменныхъ орудій, особенно кремневыхъ ножей и кремневыхъ полированныхъ клиповъ и долотъ, а также глиняныхъ небольшихъ сосудовъ, сдѣланныхъ безъ помощи гончарнаго колеса, но покрытыхъ различными орнаментами, состоящими изъ прямыхъ и кривыхъ линий.

Указанныя могилы Ярославской губерніи относятся, по мнѣнію графа А. С. Уварова, къ концу каменнаго вѣка, къ тому времени, когда бронза сдѣлалась уже извѣстною, но не успѣла еще вытѣснить изъ употребленія каменныхъ орудій. Графъ Уваровъ указалъ на интересный фактъ, подтвержденіемъ которому можетъ служить вновь открытый могильникъ: что вначалѣ появленія бронзы, люди, ознакомившіеся съ нею, узнали прежде всего свойство ея вытягиваться въ проволоку, и стали употреблять послѣднюю для украшеній, с чѣмъ свидѣлствуютъ найденныя въ разсматриваемомъ могильникѣ колечка; только впоследствии изобрѣтено было искусство отливки изъ бронзы орудій, для замѣны ими, какъ болѣе удобными, орудій каменныхъ, которые, въ началѣ послѣ появленія бронзы, нѣкоторое время сопровождаютъ послѣднюю, появившуюся первоначально только въ видѣ проволоки, и украшеній, изъ нея сдѣланныхъ.

К. М. Теофилактовъ представилъ геогностическую карту города Кіева и указалъ на сопровождающихъ карту профилѣ на взаимное расположеніе послѣдниковыхъ, ледниковыхъ и третичныхъ образованій. Объясненный профиль послужилъ ему примѣромъ

для лучшаго выясненія отношеній породъ и орографіи территоріи Малороссіи въ предѣлахъ Кіевской и Полтавской губерній. Затѣмъ г. Теофилактовъ указалъ на положеніе пещеръ Кіево-Печерской лавры и описалъ свойства пещаника, въ которомъ прорыты эти пещеры.

Второе засѣданіе, 14 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Иловайскаго.

Л. К. Ивановскій сообщилъ рефератъ: „О курганахъ С.-Петербургской и Новгородской губерній“. Г. Ивановскій разрылъ въ этихъ губерніяхъ около 1000 кургановъ; большинство гробницъ въ этихъ курганахъ было выложено каменными плитами или валунами; скелеты находились по большей части въ горизонтальномъ положеніи, но нѣкоторые встрѣчались и въ положеніи сидячемъ. Оружіе и орудія при нихъ: топоры, ножи, серпы и т. д. были желѣзные; украшенія: браслеты, ожерелья, серги, привѣски, височныя кольца, перстни—бронзовые, по большей части изъ пластинокъ или проволоки бронзовыхъ, согнутыхъ спирально. Г. Ивановскій встрѣчалъ значительное количество ожерелій, состоявшихъ изъ буссъ, сдѣланныхъ изъ янтаря, стекла (иногда съ позолотою), горнаго хрусталя, глины, кости и различныхъ композицій; на ожерельяхъ, состоявшихъ изъ этихъ буссъ, въ видѣ привѣсокъ находились часто монеты, между которыми можно было различить монеты Саманидскія, Германскія и Англо-Саксонскія IX—X столѣтій.

А. И. Павинскій прочиталъ рефератъ: „Языческое кладбище въ Добрышицахъ“ (См. т. I, стр. 245—253).

Л. К. Ивановскій попросилъ г. Павинскаго разъяснить нѣкоторыя подробности его раскопки: а именно: была-ли песчаная полоса, въ которой помѣщались каменные гробницы, насыпанная или природная? Находились-ли гробницы въ ямахъ, вырытыхъ въ почвѣ съ этою цѣлью? Покрывалъ-ли слой чернозема песчаную почву надъ гробницами?

А. И. Павинскій пояснилъ, что песчаная полоса, въ которой онъ нашелъ каменные гробницы, была природная—она простиралась на столь обширномъ пространствѣ, что допустить искусственную насыпь песку на немъ было невозможно; притомъ песокъ находился не только въ томъ мѣстѣ, гдѣ были найдены гробницы, но полоса тянулась далеко дальше за предѣлы языческаго кладбища. Гробницы были устроены въ ямахъ, вырытыхъ въ бѣломъ пескѣ; г. Павинскій замѣтилъ, не только въ Добрышицахъ, но и въ нѣсколькихъ другихъ, изслѣдованныхъ имъ, мѣстностяхъ Привислянскаго края, что языческія кладбища славянъ того края помѣщались исключительно въ бѣломъ пескѣ; въ Добрышицахъ песокъ этотъ былъ обнаженъ, въ другихъ мѣстностяхъ, покрытъ болѣе или менѣе толстымъ слоемъ чернозема; во всякомъ случаѣ, ямы для гробницъ были вырыты въ бѣломъ пескѣ. Г. Павинскій предполагаетъ, что это обстоятельство, можетъ быть, основывалось на какомъ нибудь вѣрованіи; можетъ быть на понятіи о Бѣломъ Богѣ, о необ-

ходимости окружить загробную жизнь чистымъ, бѣлымъ веществомъ и т. п. Во всякомъ случаѣ онъ увѣренъ, что каменныя языческія гробницы, никогда не устраивались въ черноземѣ.

Графъ А. С. Уваровъ предложилъ вопросъ: не было-ли надъ гробницами никакого слѣда насыпей?

А. И. Павинскій пояснилъ, что кладбище составляло совершенно ровную плоскость, безъ всякаго слѣда курганныхъ насыпей; не представляется возможности допустить, чтобы насыпи были распаханы, такъ какъ все поле, на пространствѣ до 60 десятинъ, никогда не воздѣлывалось, вслѣдствіе бесплодной, песчаной почвы и покрыто было довольно густымъ лѣсомъ, главнымъ образомъ можжевельникомъ.

Затѣмъ *Н. П. Кондаковъ* прочиталъ рефератъ: „О древностяхъ Кубанской и Терской областей“. (См. т. I, стр. 139—146).

Третье засѣданіе, 16 Августа утромъ, подъ председательствомъ Н. Н. Мурзакевича.

Д. Я. Самоквасовъ прочелъ рефератъ: „О курганахъ Черниговской губерніи. (См. т. I, стр. 185—224).

Д. И. Иловайскій заявилъ полное согласіе съ выводами Д. Я. Самоквасова и указалъ на то обстоятельство, что произведенныя имъ раскопки и добытыя находки, ясно доказываютъ, что Сѣверяне въ IX и X вѣкѣ стояли на гораздо болѣе высокой степени культуры, чѣмъ предполагали обыкновенно историки, руководясь исключительно текстомъ лѣтописи, не достаточно проверенныхъ критикою. Византійскія монеты, найденныя въ Черниговскомъ курганѣ Д. Я. Самоквасовымъ, равно какъ и нѣкоторые предметы, правдоподобно византійскаго происхожденія, доказываютъ существованіе торговыхъ сношеній Сѣверской земли съ Византією въ дохристіанское время, фактъ, подтвержденіе которому находимъ въ договорахъ Русскихъ князей съ Греками. При существованіи отдаленныхъ торговыхъ связей, въ Сѣверскую землю могли проникать издѣлія не только Византіи, но и другихъ отдаленныхъ странъ; такъ, по мнѣнію г. Иловайскаго, если и утверждаютъ, что мечъ, найденный въ Черниговской могилѣ, напоминаетъ своею формою мечи, находимые въ Нормандскихъ странахъ, то это указываетъ только на обширный районъ торговли того времени, доставлявшей мечи западнаго, вѣроятно франкскаго, производства, какъ въ Скандинавію, такъ и въ Сѣверскую землю. Встрѣчающіеся между предметами изъ Черниговской раскопки игральныя кости составляли забаву давно извѣстную Славянамъ, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ свидѣтельства византійскаго историка Теофилакта. Вообще разнообразныя предметы, найденныя въ Черниговскомъ курганѣ, свидѣтельствуютъ о такой степени самостоятельной культуры коренныхъ славянскихъ жителей Поддѣпровія, при которой предположеніе объ иноплеменномъ, будто цивилизаціонномъ, влияніи предполагаемыхъ пришельцевъ, становится еще болѣе прежняго сомнительнымъ.

Затѣмъ прочитаны были рефераты: *Н. А. Константиновича* „О курганахъ Черниговскаго уѣзда“. (См. т. I, стр. 181—184); *А. П. Мисевскаго* „О трехъ городищахъ въ Козелецкомъ уѣздѣ“. (См. т. I, стр. 238—243); *В. П. Роше* „Матеріалы для археологій Воыни“. (См. т. I, стр. 161—169) и *Г. О. Оссовскаго* „О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Воынской губерніи“. (См. т. I, стр. 171—180).

3. Засѣданія II Отдѣленія—Историческая географія и этнографія.

Первое засѣданіе, 6 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ В. И. Григоровича.

И. Е. Забѣлинъ прочиталъ рефератъ: „Объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Воспора Камерійскаго“. (См. т. II, стр. 1—33).

Графъ А. С. Уваровъ предложилъ референту вопросъ, не повѣрялъ ли онъ мѣру Воспорскаго пролива, указанную на Тмутараканскомъ камнѣ. *И. Е. Забѣлинъ* отвѣчалъ, что не успѣлъ заняться этимъ вопросомъ и что онъ вообще считаетъ этотъ камень загадкою въ Русскихъ древностяхъ.

П. О. Юрченко прочиталъ рефератъ: „О происхожденіи названія Лядскихъ воротъ въ Кіевѣ“. (См. т. II, стр. 59—61). Референту сдѣлалъ возраженіе *В. И. Григоровичъ*. Онъ выразилъ сомнѣніе, не злоупотребляетъ ли референтъ филологіею и развилъ мысль, что Поляки могли быть поселены въ Кіевѣ не для торговли, а насильно, какъ плѣнные; въ подтвержденіе происхожденія названія Лядскихъ воротъ именно отъ плѣнныхъ Поляковъ, жившихъ въ Кіевѣ, указывалъ на подобныя названія улицъ и воротъ въ городахъ Казанской губ. (въ Чистополѣ), гдѣ были поселены Поляки при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

А. И. Никитскій прочелъ рефератъ: „О торговыхъ путяхъ изъ Новгорода къ нѣмцамъ“.

Секретаремъ отдѣленія, *Д. А. Корсаковымъ* прочитанъ былъ рефератъ *Л. А. Износкова*: „Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей“. (См. т. II, стр. 35—40).

На этотъ рефератъ сдѣлано было замѣчаніе *Н. А. Поповымъ*. „По мнѣнію г. Износкова, сказалъ онъ, сохраненіе въ народѣ русскихъ названій мѣстностей, имѣющихъ двойное русское и инородческое названіе, свидѣлствуетъ о давности русскихъ поселеній въ этой мѣстности, тогда какъ сохраненіе инородческихъ названій говоритъ о противномъ. Въ доказательство этого онъ приводитъ съ одной стороны названіе деревни *Собакино-Ямчурино*, по отношенію къ которой въ народѣ болѣе употребляется первое названіе, съ другой—названія: *Коцаково-Троицкое, Коймары-Кириловское*, въ которыхъ русское названіе не усвоилось и которыя поэтому, по мнѣнію г. Износкова, заселены русскими въ недавнее время. Это объясненіе не совсѣмъ вѣрно. И у насъ въ Велико-

россія есть много мѣстностей съ двойными названіями—по прозвищу и по имени церквей; но при этомъ названіе по прозвищу всегда въ народѣ удерживается долѣе, чѣмъ по имени церквей, напр. подѣ Москвой: *Троицкое-Голенищцево*, *Троицкое-Хорошово*, *Спасское-Ступунь*, *Покровское-Фили*, *Влахернское-Кузминки*; въ Тверской губ. *Василья Великова—Глинѣво* и т. п., изъ коихъ названія отъ церквей менѣе извѣстны народу, чѣмъ названія отъ урочищъ или прозвищъ. Отсюда можно заключить, что и въ Казанской губерніи, если русскіе поселенцы имѣли привычку или обычай называть свои поселенія по церкви, то имя погибало и уступало народному, хотя бы инородческому; если же давали названіе по какому либо прозвищу, то оно оставалось и могло удержаться на ряду съ инородческими или удаляло послѣднее изъ народной памяти. Такимъ образомъ изъ одного названія *Собакино* еще нельзя выводить, что русскіе тамъ раньше поселились, чѣмъ напр. въ *Коцаковъ-Троицкомъ* и т. п.⁴.

В. И. Григоровичъ читалъ рефератъ: „Что значить Рассовлахія въ греческихъ документахъ“. (См. т. II, стр. 49—50).

Второе засѣданіе, 12 Августа утромъ, подѣ председательствомъ И. Θ. Красносельцева.

И. Θ. Головацкій прочелъ рефератъ: „Историко-этнографическій очеркъ Галичины и Угорской Русіи“. (Рефератъ напечатанъ въ Журналѣ Мѣст. Нар. Просвѣщ. 1875 г.).

И. П. Дашкевичъ прочелъ рефератъ: „Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи“. (См. т. II, стр. 69—129).

И. Д. Квашиный-Самаринъ возразилъ послѣ прочтенія реферата слѣдующее: „Г. Дашкевичъ въ своемъ рефератѣ высказалъ мнѣніе, что князья Болоховскіе не принадлежали къ Рюриковичамъ, были выборными начальниками Болоховскаго края, въ началѣ 13 вѣка отложившагося отъ Кіевскихъ князей. При этомъ онъ замѣтилъ, что я въ своей статьѣ о Любецкомъ синодикѣ не совсѣмъ точно опредѣлилъ мѣстность этого княженія. На эти положенія я могу возразить: что мѣстность опредѣлена мною совершенно согласно съ самимъ г. Дашкевичемъ, и что я считаю болѣе вѣроятной старинную теорію, производящую князей Болоховскихъ отъ Владиміра Игоревича Галицкаго, а можетъ быть и отъ его братьевъ, убитыхъ въ Галичѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія я повторю доказательства, приведенныя въ моей статьѣ. Возстаніе незначительнаго Болоховскаго края противъ власти Рюриковичей было бы слишкомъ исключительнымъ явленіемъ и не могло имѣть успѣха. Болоховскіе князья являются въ исторіи только послѣ Галицкой катастрофы. У Владиміра Игоревича былъ сынъ Изяславъ, впоследствии упоминаетъ о нѣмъ, въ которомъ князь Изяславъ, княжившимъ, какъ видно, неподалеку отъ Галича, ибо онъ покушался овладѣть имъ съ Татарской помощью. Болоховскіе князья были друзьями Татаръ и врагами короля Даніила и этого Изяслава легко принять за одного изъ князей

Болоховскихъ и притомъ отождествить его съ Изяславомъ Володимеричемъ. Лѣтопись называетъ Каменецъ, лежавшій въ Болоховской землѣ, Каменцемъ Изяславлемъ, значитъ между Болоховскими дѣйствительно находился Изяславъ. Въ Любецкомъ синодикѣ помануть князь Всеволодъ (изъ Ольговичей) и сынъ его Ѳеодоръ. У Изяслава Володимерича былъ братъ Всеволодъ, а въ лѣтописи рядомъ съ Изяславомъ, претендентомъ на Галичь, выводится его союзникъ Ѳеодоръ, котораго легко счесть сыномъ Всеволода и племянникомъ Изяслава Володимеричей. Что Ольговичи изгнанные изъ Галича получили удѣлы въ западной части Кіевской земли, по сосѣдству съ этимъ самымъ Галичемъ, то здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго, ибо Кіевскимъ княземъ въ то время былъ ихъ родственникъ Всеволодъ Черный.

Затѣмъ г. Дашкевичъ сказалъ, что Черный послѣ Галицкихъ убійствъ оставался на Кіевѣ очень не долго, а слѣдующіе великіе князья были изъ Мономаховичей, что же касается до всѣхъ приведенныхъ мною княжескихъ именъ, то изъ нихъ трудно вывести что нибудь опредѣленное, а свидѣтельство Любецкаго синодика вообще слишкомъ темно, чтобы возсоздавать на его основаніи исторію южной Руси послѣ нашествія монголовъ, какъ это пытался сдѣлать я. Съ своей стороны я полагаю что Черный княжилъ достаточно долго, чтобы надѣлать своихъ родичей, а послѣ того, какъ разъ они получили удѣлы, ихъ не такъ легко было оттуда выжить. Я не считаю своихъ доказательствъ вполне неопровержимыми, но думаю, что онѣ все таки придаютъ моей теоріи извѣстное вѣроятіе сравнительно съ прочими, не имѣющими и такого подкрѣпленія, и что исторія Кіева въ 13 столѣтіи можетъ быть объяснена весьма удовлетворительно на основаніи синодика. При этомъ г. Дашкевичъ замѣтилъ, что князь Всеволодъ, отецъ Ѳеодора, о которомъ шла рѣчь въ синодикѣ, названъ княземъ Черниговскимъ, значитъ онъ не княжилъ въ Болоховѣ. Я полагаю, что лица, дѣйствительно княжившіе въ Черниговѣ, въ синодикѣ названы великими князьями Черниговскими, титулъ же князей Черниговскихъ дается въ немъ лицамъ, о которыхъ достоверно извѣстно, что они никогда не княжили въ Черниговѣ. Впрочемъ одно другому не мѣшаетъ и князь Болоховскій могъ впоследствии перейти и на Черниговскій стогль“.

Въ отвѣтъ на это возраженіе, *Н. П. Дашкевичъ* сказалъ: „г. Квашнинъ-Самаринъ въ опредѣленіи мѣстожителства Болоховскихъ князей не вполне согласенъ со мною, такъ какъ полагаетъ Болоховъ въ восточной части Волынской губ., я же включаю въ его предѣлы и часть сѣверныхъ уѣздовъ Подольской губерніи; далѣе, г. Квашнинъ-Самаринъ причислялъ къ Болоховскимъ городамъ Каменецъ, для чего нѣтъ ни малѣйшаго основанія: Каменецъ считали прежде городомъ Изяслава потому, что въ галицко-волынской лѣтописи, при перечисленіи городовъ, разрушенныхъ татарами, рядомъ съ названіемъ Каменца стоитъ слово Изяславль; но оно обозначаетъ отдѣльный городъ—теперешній Заславль.“

Обратившись затѣмъ къ вопросу о генеалогіи Болоховскихъ князей, я могу замѣтить, что Болоховскій край былъ не незначителенъ по своему пространству, что отпаденіе Болохова было возможно въ XIII стол. въ силу разобщенія господствовавшаго между тогдашними русскими князьями. Всеволодъ Чермный не могъ отдать Болохово своимъ родичамъ, потому что, какъ указано въ рефератѣ, послѣ поднятія имъ вопроса о галицкихъ убійствахъ и изгнанія Ростиславичей изъ Кіевской земли, онъ самъ былъ вскорѣ изгнанъ изъ Кіева, а занимавшіе Кіевскій столъ послѣ него великіе князья были изъ Мономаховичей и не потерпѣли бы сидѣнья въ Кіевскихъ городахъ членовъ враждебнаго имъ дома; притомъ тогда установился такой порядокъ, что, съ изгнаніемъ правившаго въ Кіевѣ князя, теряли своя владѣнія въ Кіевской землѣ и его родичи. Да и князья Болоховскіе являются въ лѣтописи весьма нескоро послѣ галицкой катастрофы. Неизвѣстно, былъ ли Изяславъ, о которомъ говоритъ г. Квашнинъ-Самаринъ, — Володимеричъ, и, во всякомъ случаѣ, ничто не даетъ права думать, что онъ княжилъ въблизи Галича и былъ изъ числа Болоховскихъ. Онъ могъ вмѣшиваться въ галицкіе дѣла и не бывши Болоховскимъ княземъ, и не названъ въ лѣтописи таковымъ. Союзъ его съ татарами, при отсутствіи другихъ указаній, еще не представляетъ основанія относить Изяслава къ Болоховскимъ князьямъ. Я не спорю противъ того, что сказано г. Квашнинымъ-Самаринымъ въ пользу отнесенія Изяслава, упомянутаго въ Ипатскомъ спискѣ подъ 1255 г., къ Ольговичамъ. О Ѳеодорѣ, упомянутомъ подъ тѣмъ же годомъ, я замѣтилъ, что онъ могъ быть племянникъ Изяслава, но могъ быть и однимъ изъ другихъ Ѳеодоровъ, названныхъ въ Синодикѣ¹⁾; вообще, по моему мнѣнію, изъ князей Черниговской вѣтви, перечисленныхъ Любецкимъ синодикомъ, никого нельзя съ вѣроятностію приурочить къ Болохову. Слѣдовавшій за Изяславомъ сынъ Владиміра Игоревича, Семень-Всеволодъ, названъ въ помянникѣ княземъ Черниговскимъ. Г. Квашнинъ-Самаринъ считаетъ сыновьями Владиміра Игоревича еще четырехъ князей, которые въ Сѣверскомъ и Елецкомъ синодикахъ названы Володимеричами, но предположеніе это не неоспоримо²⁾. Замѣчательно, что ни одинъ изъ указанныхъ г. Квашнинымъ-Самаринымъ князей не названъ въ синодикѣ Болоховскимъ. Сказавши о князьяхъ, причисляемыхъ г. Квашни-

¹⁾ Я разумѣлъ Ѳеодора Дмитріевича, извѣстнаго по тому же помяннику, и Ѳеодора Мстислава Глѣбовича, двоюроднаго брата Михаила Черниговскаго, послѣ не удавшейся попытки остановить татаръ бѣжавшаго въ Венгрію. Преосв. Филаретъ считалъ Ѳеодора, упомянутаго въ Ип. сп. подъ 1255 г., сыномъ Изяслава.

²⁾ Преосв. Филаретъ считалъ этихъ князей сыновьями князя Владиміра Давыдовича, но сынъ Владиміра Давыдовича Святославъ упомянутъ въ Синодикѣ нѣсколько раньше. Не были ли эти Володимеричи сыновья Бориса Владиміра Святославича, при упоминаніи о которомъ не указано его потомство?

нымъ-Самаринымъ къ семейству Владиміра Игоревича, а перехожу къ сыновьямъ братьевъ послѣдняго. Изъ сыновей Романа Игоревича старшій названъ въ Любецкомъ помянникѣ Путивльскимъ; остальные два поставлены рядомъ съ нимъ, и о второмъ говорится, что онъ былъ убитъ Литвою. Третій изъ Игоревичей, Святославъ, былъ повѣшенъ галичанами. У него, по всей вѣроятности, былъ одинъ сынъ—Олегу. О семействѣ младшаго изъ Игоревичей, Ростислава, ничего не извѣстно.

Относительно титула „князь Черниговскій“, которымъ обозначается въ Синодикѣ князь Всеволодъ, отецъ Феодора, если титулъ „великій князь Черниговскій“ дѣйствительно принятъ былъ для опредѣленія князей, владѣвшихъ Черниговомъ, то просто Черниговскими князьями, названы въ Синодикѣ весьма не многочисленныя лица, жившія, вѣроятно, въ этомъ городѣ при великихъ князьяхъ, подобно Николѣ-Святославу, который послѣ изгнанія изъ Южной Руси „прииде къ отцу своему Чернигову (Ипат. сп. подъ 1097 г.) или Феодосію (Олегу) Святославичу (Ипат. сп. стр. 358). Князья, жившіе въ другихъ городахъ, постоянно получали прозваніе по именамъ послѣднихъ, и не было причины называть ихъ Черниговскими“.

Затѣмъ прочитаны были рефераты: *И. О. Бурачкова* „Опытъ рѣшенія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скиѳіи. (См. т. II, стр. 63—64) и *И. С. Иващенко*: „Преданія о суевѣрныхъ сказаніяхъ и кладахъ, какъ данныхъ по вопросу археологической топографіи Гадячскаго уѣзда Полтавской губерніи“. (См. т. II, стр. 65—68).

Третье засѣданіе, 15 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ В. И. Сычугова.

Д. Я. Самохвасовъ прочиталъ рефератъ: „Историческое значеніе городищъ“. (См. т. I, стр. 225—235).

А. О. Шмитъ замѣтилъ, что не каждое городище можетъ быть принято какъ признакъ древняго города или поселенія. Многія городища возникли въ весьма недавнее время вслѣдствіе устройства временныхъ фортификацій, назначенныхъ для охраны военныхъ отрядовъ, наблюдавшихъ надъ степными пограничными мѣстностями; укрѣпленія эти никогда не вмѣщали въ себѣ осѣдлаго народонаселенія, а между тѣмъ, могутъ быть зачислены въ число городищъ и такимъ образомъ послужать къ ошибочному заключенію о количествѣ древнихъ городскихъ поселеній. Какъ на примѣры такого рода укрѣпленій *А. О. Шмитъ* указалъ на цѣлый рядъ городковъ, сооруженныхъ уже въ текущемъ столѣтіи вдоль береговъ Кубани, и на шанцы, насыпанные въ прошломъ столѣтіи въ Херсонской и Екатеринославской губ. и въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ. для охраны козацкихъ отрядовъ, наблюдавшихъ за степью.

Графъ А. С. Уваровъ высказалъ мнѣніе, что, при опредѣленіи значенія городищъ,

необходимо отличать древнія, представляющія слѣды бывшихъ поселеній, отъ позднѣйшихъ временныхъ укрѣпленій. Признакомъ для отличія должно принять существованіе или отсутствіе кургановъ вблизи городищъ: если рядомъ съ городищемъ существуютъ курганы, то, въ такомъ только случаѣ, городище можетъ быть принято какъ мѣсто древняго поселенія, — ибо осѣдлое населеніе должно было хоронить мертвыхъ и оставить, такимъ образомъ, слѣды своего существованія въ могильныхъ насыпяхъ.

Д. Я. Самоквасовъ возразилъ, что онъ совершенно согласенъ, что должно раздѣлять городища на два вышеуказанные разряда, но что присутствіе кургановъ, не всегда можетъ служить для этого руководящимъ признакомъ; могильныя насыпи изглаживаются и исчезаютъ гораздо скорѣе, чѣмъ валы; какъ примѣръ *Д. Я. Самоквасовъ* указалъ на изслѣдованную имъ мѣстность въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ, гдѣ на протяженіи 35 верстъ онъ встрѣтилъ 11 городищъ, не сопровождаемыхъ уже теперь курганами; тѣмъ не менѣе, обративъ вниманіе на едва замѣтныя, волнообразныя неровности окружающей городища почвы, онъ сталъ производить раскопки, и нашелъ во многихъ мѣстахъ человѣческія кости и даже цѣлыя остовы; очевидно, что могильныя насыпи окружали нѣкогда эти городища, но съ теченіемъ времени изгладились.

А. А. Гатиукъ замѣтилъ, что возлѣ древнихъ поселеній курганы могутъ отсутствовать и потому, что извѣстное племя, какъ напримѣръ Вятичи, сожигая своихъ покойниковъ, не имѣло нужды насыпать кургановъ.

Графъ А. С. Уваровъ возразилъ, что многочисленныя раскопки доказали, что обычай сожженія покойниковъ вовсе не исключалъ обычая насыпать надъ пепломъ сожженного курганной насыпи; что если сами насыпи и изгладились въ иныхъ мѣстностяхъ, то остались могильныя помѣщенія и только открытіе послѣднихъ можетъ служить доказательствомъ, что городище было нѣкогда населеннымъ мѣстомъ.

В. Б. Антоновичъ указалъ на возможность распредѣлить до извѣстной степени городища въ хронологическомъ порядкѣ по внѣшнимъ ихъ очертаніямъ. По его мнѣнію, значительное большинство городищъ относится къ разнымъ періодамъ исторически извѣстнаго времени и должно быть исключено изъ числа тѣхъ городищъ, которыя, по мнѣнію референта, могутъ служить указаніями на существованіе доисторическихъ поселеній. О времени возникновенія многихъ городищъ въ историческое время есть неоспоримыя письменныя свидѣтельства. Наблюдая форму очертанія такихъ городищъ, можно установить типы укрѣпленій, возникавшихъ въ различные періоды исторіи данной мѣстности. Такъ среди многочисленныхъ городищъ Юго-западнаго края *В. Б. Антоновичъ* указалъ на два типа, которые, по его мнѣнію, относятся: одинъ въ великокняжеской эпохѣ, другой — во времени отъ XVI по XVIII столѣтіе, когда существовали въ краѣ многочисленныя правительственныя и частныя замки. Основываясь на формѣ городищъ: въ Вышгородѣ, Вятчевѣ, у Китаевской пустыни (бывшій Пересѣчень) и у с. Хотова (бывшій Звенигородъ),

т. е. тѣхъ мѣстностей, гдѣ укрѣпленія существовали только до половины XIII столѣтія. В. Б. Антоновичъ. полагаетъ, что типъ городищъ, возникшихъ въ великокняжеское время, отличается слѣдующими главными признаками: городища эти сооружались обыкновенно на уединенныхъ возвышенностяхъ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ возвышенность примыкала къ сосѣднимъ высотамъ, она отдѣлялась очень высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ; остальные, пологія части горы опоясывались концентрическими кругами валовъ, спускавшимися все ниже и ниже до самой подошвы горы (въ Китаевскомъ городищѣ ихъ 3, въ Вышгородѣ 5 и т. д.). Городища-же, оставшіеся отъ замковъ XVI—XVIII столѣтій имѣютъ всегда видъ прямоугольника, 4 угла котораго расширяются въ видѣ прибавочныхъ четырехугольныхъ площадокъ.

А. П. Мисевскій, заявилъ свое согласіе съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ, и полагая, что форма очертаній городищъ весьма важна для ихъ опредѣленія, высказалъ предложеніе, чтобы лица, занимающіяся отечественною археологіею, по мѣрѣ возможности, озаботились собраніемъ плановъ городищъ, и изъявилъ готовность приступить къ съемкѣ всѣхъ городищъ Козелецкаго и Остерскаго уѣздовъ.

Затѣмъ *А. А. Гатцукъ* прочиталъ рефератъ: „О сторожевыхъ курганахъ“. Референтъ, указавъ распредѣленіе кургановъ на категоріи по сочиненію Фундукля, призналъ дѣйствительно существующими только двѣ первыя категоріи: курганы могильные и боевые и отрицалъ существованіе двухъ другихъ категорій: кургановъ, насыпанныхъ въ память героевъ, погибшихъ на чужбинѣ, и кургановъ сторожевыхъ. Возможность существованія поминальныхъ кургановъ онъ отрицалъ на основаніи представленія о загробной жизни, существовавшего у первобытныхъ народовъ, понимавшихъ ее исключительно какъ продолженіе жизни земной, и, вслѣдствіе этого, смотрѣвшихъ на могилу какъ на домъ покойника, а не какъ на монументъ или символъ воспоминанія объ умершемъ лицѣ. Курганы, обыкновенно принимаемые за сторожевые, А. А. Гатцукъ причислялъ также къ могильнымъ насыпямъ. Съ сторожевою цѣлью курганы, по его мнѣнію, не могли насыпаться ни въ доисторическое время, ни въ историческое. Первобытные народы стояли на слишкомъ низкой степени культурнаго и государственнаго развитія для того, чтобы мы могли имъ приписывать многотрудное сооруженіе цѣлыхъ линий кургановъ, съ цѣлью обереганія границъ занятой ими территоріи. Въ историческое время мы нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы курганы насыпались съ сторожевою цѣлью; курганы эти обыкновенно тянутся вдоль рѣкъ и расположены на мѣстахъ возвышенныхъ, изъ которыхъ можно безъ всякой насыпи наблюдать въ открытой мѣстности горизонтъ въ 20—30 верстъ въ окружности, такъ что насыпь въ 2—3 сажня является совершенно излишнею; въ лѣсной-же мѣстности такая насыпь бесполезна, такъ какъ ея вершина не возвышается выше деревьевъ. Систематическое будто расположеніе кургановъ въ такомъ порядкѣ, что изъ вершины одного, мы замѣчаемъ другой, изъ этого третій и т. д. есть только про-

стая случайность. Если мы встречаемъ историческія свидѣтельства о томъ, что Малоросійскіе козаки наблюдали приближеніе татаръ изъ вышекъ и извѣщали объ немъ, зажигая сигнальные огни; если такой-же приемъ употребляли Черноморскіе козаки для предотвращенія внезапныхъ нападеній горцевъ, то они выбирали для наблюдений естественныя возвышенности, и не дѣлали для этого особыхъ насыпей. Если Запорожцы сооружали для своихъ сторожевыхъ степныхъ стоянокъ т. н. редуты, то послѣднія имѣли значеніе военное, представляя довольно сложныя укрѣпленія, а не простые курганы. Г. Фундуклей и графъ Тышкевичъ утверждаютъ, что при раскопкѣ сторожевыхъ кургановъ не было найдено ни костей, ни другихъ предметовъ, которые бы свидѣтельствовали о погребальномъ значеніи насыпей; А. А. Гатцукъ сомнѣвается въ отсутствіи этихъ предметовъ, полагая, что они только не были замѣчены, вслѣдствіе недостаточной внимательности при производствѣ раскопки. Ему самому случалось вскрывать курганы, ничего не содержащія на первый взглядъ, но при болѣе точномъ наблюденіи, онъ открывалъ въ массѣ земли слѣды золы, угля и осколки сосудовъ—признаки, по его мнѣнію, достаточныя для того, чтобы признать курганы погребальными.

А. И. Мисевскій, не соглашаясь съ мнѣніемъ референта, заявилъ, что въ хорошо извѣстной ему мѣстности—въ Козелецкомъ уѣздѣ, есть цѣлые ряды кургановъ, обыкновенно расположенныхъ кругомъ селъ на возвышенныхъ мѣстахъ, которые носятъ поныпѣ названіе „Сторожежня“. О времени насыпки этихъ кургановъ и объ ихъ сторожевомъ назначеніи сохранились въ народѣ, со временъ козачества, весьма живыя воспоминанія. Такъ, на примѣръ, два кургана: Дальняя и Ближняя Сторожежня у села Новой-Басани, насыпаны, по словамъ преданія, основателями этого села, козаками Зубцами и на нихъ постоянно стояли сторожевые козаки съ сигнальными „вихами“.

А. А. Гатцукъ заявилъ, что возраженіе, заявленное г. Мисевскимъ не можетъ опровергнуть его мнѣнія, такъ какъ оно основано исключительно на довольно сбивчивомъ источникѣ—на народномъ преданіи.

А. О. Шмитъ возразилъ г. Гатцуку, что, осмотрѣвъ нѣсколько тысячъ кургановъ въ Херсонской губерніи, онъ пришелъ къ заключенію, что многіе изъ нихъ насыпаны не съ погребальною цѣлью; они имѣли значеніе стратегическое для ориентировки въ степи и для ея наблюденія. Мнѣніе это А. О. Шмитъ основывалъ на слѣдующихъ данныхъ: курганы въ Херсонскихъ степяхъ всегда весьма круты къ сѣверу и отлоги къ югу—обстоятельство это не случайное и находитъ подтвержденіе въ текстѣ Геродота: описывая жертвоприношенія Скиновъ Аресу, Геродотъ говоритъ, что они устраивали насыпи изъ хворосту и земли, обрывистыя съ одной стороны и пологія съ другой; что Скины умѣли ориентироваться въ степи мы видимъ изъ словъ того-же писателя, свидѣтельствующаго, что Скины отступали передъ нашествіемъ Дарія къ *сѣверу*; между тѣмъ тѣ-же Скины, разставшись съ своими степями, во время вторженія въ Мидію, утратили умѣніе ориен-

тироваться, сбились съ пути и заблудили. Сопоставляя всѣ эти показанія Геродота А. О. Шмитъ выразилъ мнѣніе, что курганы, насыпаны указаннымъ образомъ Скинами съ цѣлью дать имъ возможность ориентироваться въ степи. Но кромѣ этого значенія, степные курганы имѣли несомнѣнно и сторожевое значеніе; для военнаго отряда, наблюдающаго за степью, весьма важно расположиться такъ, чтобы люди могли другъ друга видѣть и условными знаками сообщать себѣ взаимно свои наблюденія; такой методъ наблюденія и понынѣ употребляется Черноморскими козаками; значительную помощь при этомъ оказываютъ курганы, если они насыпаны такъ, чтобы съ вершины одного можно было видѣть другой; тогда образуется на значительномъ пространствѣ, по заранѣе опредѣленной линіи, сторожевая правильная цѣпь. Незначительная, повидимому, высота кургановъ въ 2—3 сажня—весьма важна. Всякій проѣзжавшій по степи могъ опытомъ убѣдиться, что всадникъ видитъ на гораздо большемъ пространствѣ и наблюдаетъ гораздо точнѣе предметы въ дали—чѣмъ пѣшій; тѣмъ болѣе удобствъ представляетъ насыпь въ 2 или 3 сажня.

А. А. Гатцукъ заявилъ сомнѣніе въ ориентировочномъ значеніи кургановъ, предполагая, что крутизна кургановъ къ сѣверу можетъ быть объяснена вліяніемъ сѣвернаго вѣтра, измѣнившаго постепенно фигуру насыпи въ продолженіи весьма долгаго времени.

А. О. Шмитъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ согласиться съ этимъ предположеніемъ, такъ какъ господствующіе въ Южной Россіи вѣтры: сѣверовосточный и восточный, самыя-же сильныя по напору вѣтры, которые могли-бы скорѣе всего повліять на видоизмѣненіе формы насыпей—это сѣверозападный и западный, между тѣмъ крутизна кургановъ обращена всегда на сѣверъ, что онъ провѣрилъ компасомъ на весьма многочисленныхъ курганахъ.

В. Б. Антоновичъ представилъ слѣдующія доказательства въ пользу существованія сторожевыхъ кургановъ: линіи сторожевыхъ кургановъ онъ наблюдалъ только въ открытыхъ мѣстностяхъ; онѣ никогда не расположены по берегу рѣки, а напротивъ постоянно помѣщаются на самомъ гребнѣ водораздѣльныхъ линій; какъ примѣръ весьма убѣдительный можно указать въ этомъ отношеніи на гряды кургановъ, расположенныхъ на границѣ Волынской и Подольской губерній, которую В. Б. Антоновичъ прослѣдилъ на протяженіи почти 200 верстъ; гряда эта сопровождаетъ водораздѣльную линію, отдѣляющую бассейнъ Припяти отъ бассейна Буга. Курганы въ грядѣ расположены весьма правильно: изъ вершины каждаго изъ нихъ видны только два другіе кургана на двухъ противоположныхъ краяхъ горизонта, разстояніе между курганами 10—20 верстъ. Если принять предположеніе *А. А. Гатцука*, что курганы эти первоначально были насыпаны съ похоронною цѣлью, въ послѣдствіи-же могли служить и для сторожи, то являются неразрѣшимые вопросы: почему они непременно помѣщаются на водораздѣльныхъ линіяхъ? почему между ними оставлено значительное разстояніе? почему они стоятъ единично а

не группами, что было-бы естественно, если-бы они имѣли погребальное значеніе? Расположеніе сторожевыхъ кургановъ въ югозападномъ краѣ совпадаетъ съ направленіемъ татарскихъ „шляховъ“ — изъ свидѣтельства Боплана мы знаемъ, что Татары обыкновенно вторгались также по водораздѣламъ, желая избѣгнуть переправъ черезъ рѣки. Наконецъ, можно указать письменные свидѣтельства, доказывающія сторожевое значеніе кургановъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ панцырные бояре, замковые слуги и мѣщане многихъ городовъ и замковъ въ В. К. Литовскомъ обязаны были къ отбыванію особой повинности, называвшейся: „полевая сторожа“ или „ордынская сторожа“; въ силу этой повинности они должны были поочередно въ указанныхъ мѣстахъ въ степи сторожить Татаръ и „подавать о нихъ вѣсть“. Мѣста этихъ стоянокъ, указанные въ документахъ, совпадаютъ съ водораздѣльными линіями; что на стоянкахъ существовали курганы, о томъ свидѣлствуютъ также документы, такъ въ граничномъ актѣ 1546 года одинъ курганъ, лежащій въ вышеуказанной грядѣ, названъ „Сторожевою могилою“. (Виленск. Археографич. Сборникъ I. 121).

А. А. Гатцукъ возразилъ, что предполагаемое правильное расположеніе кургановъ, можетъ быть зависить только отъ того обстоятельства, что въ открытой мѣстности видны бываютъ предметы на значительномъ разстояніи, и потому не удивительно если изъ вершины каждаго кургана видны другіе курганы, лежащіе на горизонтѣ. Вообще А. А. Гатцукъ отказался-бы отъ положенія, что курганы сторожевые были первоначально насыпаны съ погребальною цѣлью и потомъ только служили для сторожи—только въ такомъ случаѣ, еслибы эти курганы были разрыты и оказалось-бы, что въ нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ погребенія.

Н. И. Костомаровъ заявилъ, что въ одной лѣтописи онъ встрѣтилъ при перечисленіи козацкаго войска упоминаніе, среди другихъ должностныхъ лицъ, о *могильничкахъ*; въ документахъ XVI и XVII столѣтій онъ нашелъ поясненіе этого термина: *могильничками* назывались лица, обязанность которыхъ при козацкомъ войскѣ состояла въ томъ, что они копали и насыпали *сторожевыя могила*; *могила*, по малорусски значить курганъ (tumulus) и никогда не употребляется въ смыслѣ мѣста погребенія (sepulcrum). Назначеніе это *могильничковъ* въ документахъ опредѣлено совершенно ясно и отчетливо и доказываетъ что въ XVI и XVII столѣтіяхъ насыпались дѣйствительно сторожевые курганы съ стратегическою цѣлью.

А. А. Гатцукъ возразилъ, что *могильнички* могли заниматься только подаваніемъ сигналовъ, стоя на могилахъ или, что еще правдоподобнѣе по его мнѣнію, погребеніемъ мертвыхъ; хотя слово *могила* по малороссійски значить курганъ, во духовенство могло называть могилами (по церковно-славянски) и мѣста похоропъ, а отъ этого и могъ произойти офиціальныи терминъ—*могильнички*.

Н. В. Калачевъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Въ какихъ городахъ могли бы

быть учреждены центральные архивы и какимъ образомъ могли-бы быть учреждены при нихъ мѣстные историческія общества“? Референтъ сообщилъ, что коммиссія, учрежденная въ 1873 году для устройства архивовъ, собрала уже многочисленныя данныя относительно состоянія архивовъ разныхъ министерствъ—въ Россіи и о положеніи многихъ архивовъ и состоящихъ при нихъ институтовъ археографіи—за границею. Коммиссія предполагаетъ приступить къ проекту устройства областныхъ центральныхъ архивовъ въ разныхъ городахъ Россіи и организациі при нихъ историческихъ обществъ для научной разработки этихъ архивовъ. Хотя Коммиссія еще не остановилась окончательно на выборѣ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ предполагено устроить центральные архивы, но, по имѣющимся соображеніямъ, референтъ полагаетъ, что было-бы полезно устроить архивы, кромѣ Москвы, Петербурга, Варшавы и Вильны, гдѣ существуютъ уже правильно организованныя архивы, еще въ слѣдующихъ городахъ имперіи: въ Архангельскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Владимірѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани, Перми, Уфѣ, Саратовѣ, Рязани, Тифлисѣ, Новочеркасскѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и Кіевѣ. Кіевскій центральный архивъ могъ-бы быть расширенъ приобщеніемъ къ нему документовъ изъ губерній: Черниговской, Полтавской, Харьковской и Курской, а Кіевская археографическая Коммиссія могла-бы быть преобразована въ историческое общество. Значеніе историческихъ обществъ, по мнѣнію референта, не должно ограничиваться только историческою разработкою архивнаго матеріала; общества эти могли-бы сверхъ того оказать значительную услугу исторической наукѣ подготовкою и сообщеніемъ прочнаго научнаго направленія молодымъ людямъ, приготовляющимъ себя къ историко-археографической дѣятельности, а также они-бы поддерживали тѣсную живую связь какъ съ центральною властью, которая должна въ Петербургѣ завѣдывать архивами и ихъ разработкою, такъ и съ обществомъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ будутъ устроены архивы.

В. И. Григоровичъ выразилъ желаніе, чтобы архивная коммиссія приняла возможные мѣры для сохраненія, приведенія въ извѣстность и изслѣдованія не только документовъ, принадлежащихъ официальнымъ учрежденіямъ, но и тѣхъ, которые находятся во владѣніи частныхъ лицъ, гдѣ часто на нихъ не обращаютъ должнаго вниманія, при чемъ нерѣдко очень цѣнные документы подвергаются порчѣ и уничтоженію.

М. П. Драгомановъ выразилъ мнѣніе, что одинъ изъ центральныхъ архивовъ могъ-бы быть учрежденъ съ пользою въ Харьковѣ, какъ потому, что въ этомъ университетскомъ городѣ нашелся-бы достаточный контингентъ научныхъ силъ для образованія историческаго общества, такъ и потому, что край представляетъ совершенно оригинальныя бытовыя историческія черты. Въ Харьковскомъ центральномъ архивѣ могли-бы сосредоточиться документы, относящіеся къ исторіи Слободско-Украинскихъ полковъ, изъ губерній: Харьковской, Воронежской и Курской.

Н. В. Камчевъ отвѣтилъ, что при обозначеніи количества центральныхъ архивовъ

Коммиссія должна была принимать во вниманіе значительные расходы, предвидящіеся при устройствѣ большаго ихъ количества, но что, тѣмъ не менѣе, она, въ виду серьезныхъ научныхъ доводовъ, готова будетъ обратить вниманіе на города, не внесенные ею въ списокъ, если отъ мѣстныхъ жителей будутъ поступать въ Коммиссію письменныя заявленія съ изложеніемъ побудительныхъ причинъ, вызывающихъ потребность устройства центральныхъ архивовъ въ данныхъ мѣстностяхъ.

А. А. Гатцукъ прочелъ рефератъ: „О древне-славянскихъ черепахъ“. Референтъ указалъ на ошибочность положенія академика Бера, будто въ Меклембургѣ удобнѣе всего искать типическихъ древнеславянскихъ череповъ; по мнѣнію А. А. Гатцука историческія данныя заставляютъ обратить скорѣе вниманіе на черепа, находимые въ курганахъ прикарпатскаго края, а также тѣхъ областей, которыя населены были Вятичами и Радимичами. такъ какъ въ земляхъ этихъ совмѣстно со Славянами не были никогда расселены другіе народы, между тѣмъ какъ въ Прибалтійской области можно указать поселенія и переходы разновременно: Кельтовъ, Готовъ, Саксовъ и Норманновъ.

Л. К. Ивановскій указалъ на то, что земли Кривичей и Вятичей не были также свободны отъ иноземныхъ нашествій, что Готы, Угры и Варяги проходили по этимъ землямъ, и вѣроятно останавливались въ нихъ и селились, что лѣтописныя указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что Вятичи довольно поздно заняли ту область, въ которой жили въ историческое время. Тѣмъ не менѣе Л. К. Ивановскій полагаетъ что типическій древнеславянскій черепъ можетъ быть отличенъ отъ иноплеменнаго по антропологическимъ даннымъ, находимымъ при разсмотрѣніи какъ самаго черепа, такъ и всего скелета.

4. Засѣданія III Отдѣленія—Памятники искусствъ и художествъ.

Первое засѣданіе, 4 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Ойрсова.

Архимандритъ Амфилохій прочелъ рефератъ: „О вліяніи византійской иконописи и миниатюрной живописи съ X по XVI в. на славянскую иконопись и миниатюрную живопись“. Рефератъ этотъ состоялъ въ описаніи миниатюръ, находящихся въ двухъ рукописныхъ греческихъ евангеліяхъ XII в., рукописныхъ бесѣдахъ Григорія Богослова, Сборникѣ житій XI в., въ стихирахъ XIII—XIV в. и на шитой пеленѣ княгини Соломоніи 1525 года. Въ греческихъ евангеліяхъ XII вѣка находятся изображенія 4-хъ евангелистовъ, и во второмъ изъ нихъ съ Евангелистомъ Матвеемъ изображено Рождество Хр., съ Маркомъ—Крещеніе Господне и съ Лукой—Благовѣщеніе. Въ сборникѣ бесѣдъ Григорія Богослова изображены Воскресеніе Христово, Пятдесятница и Рождество Христово; въ сборникѣ житій XI вѣка—Рождество Богородицы, въ стихирахъ XIII—XIV в.—Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, Срѣтеніе, Преображеніе, Успеніе Богоматери и Входъ Господень въ Іерусалимъ; на пеленѣ 1525 г., вышитой княгиней

Соломонією—Рожество Христово, Вознесеніе Господне и Сошествіе св. Духа на апостоловъ. Соотвѣтствующія греческія и славяно-русскія изображенія почти тождественны между собою.

Н. И. Петровъ прочелъ Рефератъ: „О минологіѣ В. Македонянина и славяно-русскомъ прологѣ“. Референтъ нашелъ ближайшее родство между этими двумя сборниками и старался объяснить ихъ историческое значеніе. Оно главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что и минологіи и переводной славяно-русскій печатный прологъ суть ипологи-ческие сборники мѣстнаго Константинопольскаго происхожденія и характера и заключаютъ въ себѣ немало указаній на мѣстные Константинопольскіе храмы, праздники, событія, мощи, иконы и другія святыни. Изъ Греціи сборникъ этотъ перешелъ и въ Россію и здѣсь потерялъ мѣстный Константинопольскій характеръ и дополненъ былъ сказаніями о славянорусскихъ святыхъ ¹⁾.

И. И. Срезневскій считалъ случайнымъ дѣломъ указанія минологія и пролога на мѣстные Константинопольскія святыни, поэтому отрицалъ мѣстный Константинопольскій характеръ и считалъ означенные въ нихъ праздники и житія святыхъ общехристіанскими. Референтъ и *И. И. Мальшевскій*, не отрицая общехристіанскаго значенія означенныхъ въ минологіѣ и прологѣ праздниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли доказать, что какъ празднованія святыхъ, такъ и житія ихъ, имѣя общехристіанскій характеръ, централизовались въ Константинополѣ и получили здѣсь мѣстный оттѣнокъ.

Затѣмъ *В. А. Прохоровъ* началъ свой рефератъ подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи византійскаго искусства и обзоръ исторіи русской архитектуры“ (оконченъ въ вечернемъ экстренномъ засѣданіи 12 Августа). Въ популярномъ видѣ референтъ изложилъ слушателямъ два періода развитія византійскаго искусства, до перехода его въ Россію. Первый періодъ развитія византійскаго искусства—въ древне-греческомъ мірѣ. Сказавъ нѣсколько словъ о состояніи римской имперіи до Р. Хр. и послѣ Р. Христова до Константина Великаго и о состояніи греко-римскаго искусства въ это время, референтъ говорилъ, что первые вѣка христіанства христіанское искусство ничѣмъ почти не отличалось отъ древнегреческаго языческаго искусства. Во времена гоненій христіане скрывались въ катакомбахъ и значеніе христіанскихъ предметовъ выражали только символами. Во второй періодъ развитія христіанскаго искусства, со времени Константина Великаго, катакомбы не только не были оставлены христіанами, но пользуются большимъ вниманіемъ и начинаютъ украшаться фресками, мозаикою и рельефными изображеніями. Въ періодъ христіанскаго искусства, со времени Константина Великаго, являются и прежнія произ-

¹⁾ Рефератъ этотъ, въ дополненномъ и измѣненномъ видѣ, вошелъ въ составъ изслѣдованія г. Петрова, „О составѣ и происхожденіи славяно-русскаго печатнаго пролога“. Кіевъ. 1875 года.

веденія языческаго искусства, и произведенія переходнаго, смѣшаннаго характера, и наконецъ христіанско-византійскія. Оставляя въ сторонѣ другія искусства, референтъ обратилъ свое вниманіе только на христіанскую архитектуру этого періода. Со времени признанія христіанства господствующею религіею, многіе языческіе храмы и общественныя зданія—*базилики* обращены были въ христіанскіе храмы. Поэтому форма базиликъ долго удерживалась въ христіанскихъ храмахъ: въ Римѣ, Равеннѣ, Селунѣ и Константинополѣ. Кромѣ храмовъ въ формѣ базиликъ, были еще круглыя храмы, на коихъ основана такъ называемая купольная византійская система. Они отличались присутствіемъ оконъ въ куполѣ. Таковъ храмъ св. Софіи въ Константинополѣ, въ куполѣ котораго, основанномъ на контрфорсахъ, было около 40 оконъ, а также въ VI в. церковь св. Ирины и Новая Софія, въ VII в. другая церковь св. Ирины съ болѣе возвышеннымъ куполомъ. Въ VIII и IX в.в. являются церкви съ большими куполами, такъ что съ теченіемъ времени куполь возрасталъ все болѣе и болѣе. Въ IX в. вмѣсто контрфорсовъ являются малыя колонны какъ напр. въ церкви 12-ти апостоловъ въ Фессалоникѣ или Солунѣ. Далѣе, отъ круглыхъ храмовъ дѣлается переходъ къ многограннымъ, каковъ напр. восьмигранный храмъ въ Равеннѣ и, въ Константинопольской Софіи, потомъ къ квадратнымъ и крестообразнымъ. Эти и подобныя постройки послужили образцами для постройки русскихъ храмовъ. 12 Августа г. Прохоровъ говорилъ собственно о древнерусской архитектурѣ храмовъ Кіевскихъ, Суздальскихъ, Московскихъ и Новгородо-Псковскихъ, обративъ особенное вниманіе слушателей на Суздальскіе храмы: Рождества Богородицы, Успенія, Покровы и Димитріевскій Соборъ, на Московскіе храмы: Успенія и св. Василія, Новгородскій Ипатьевскій монастырь, и указавъ различіе между этими храмами по внѣшнему виду. Суздальскіе храмы, по его мнѣнію, отличаются одноглавостію, Московскіе—трехглавостію и Новгородо-Псковскіе—восьмисточностію крыши. Въ заключеніе референтъ сказалъ нѣсколько словъ о вліяніи Московской архитектуры на Новгородо-Псковскую, со времени подчиненія Новгорода и Пскова Москвѣ.

Второе засѣданіе, 9 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Е. Е. Замысловскаго.

П. В. Павловъ читалъ рефератъ: „О значеніи нѣкоторыхъ фресковъ Кіево-Софійскаго собора“. (См. т. I, стр. 283—287).

В. А. Прохоровъ замѣтилъ, что референтъ напрасно отчисляетъ однокупольные и многокупольные храмы къ разнымъ эпохамъ, такъ какъ тѣ и другіе существовали одновременно.

П. В. Павловъ отвѣтилъ, что онъ только различаетъ два момента и опредѣлилъ ихъ не столько хронологически, сколько логически.

Далѣе, *В. А. Прохоровъ* утверждалъ, что на лѣстницѣ Софійскаго собора нѣтъ фресковъ религіознаго содержанія. На указаніе такихъ фресковъ со стороны референта въ символическихъ фрескахъ, напр. въ борьбѣ челоуѣка съ антропоморфической фигурой, г. Прохоровъ от-

вѣчалъ, что онъ видитъ въ нихъ только охоту княжескую на звѣрей и въ указанномъ примѣрѣ видитъ простое изображеніе чудовища, неимѣющее никакого символическаго значенія.

Графъ А. С. Уваровъ указалъ г. Прохорову на средневѣковыя фазіологіи, въ которыхъ описывались подобныя символическія фигуры перешедшія и въ символику искусства. Пренія закончились нѣкоторыми бѣглыми замѣчаніями референта и г. Прохорова о костюмѣ изображеннаго на фрескахъ собора князя и объ его византійскомъ или туземномъ характерѣ. Г. Прохоровъ заключилъ, что по нынѣшнему исправленному состоянію фресковъ нельзя правильно судить о томъ, кто изображенъ на нихъ.

Затѣмъ *Н. Н. Мурзакевичъ* сообщилъ: „Свѣдѣніе о Влахернской или Лахернской иконѣ“. (См. т. I, стр. 131—135).

Графъ М. В. Толстой прочелъ рефератъ: „Нѣсколько словъ о лицевыхъ псалтиряхъ“. (См. т. II, стр. 137—146).

Г. О. Оссовскій прочелъ рефератъ: „Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева“. (См. т. II, стр. 159—164).

Въ заключеніе *И. Ѡ. Скимборовичъ* прочелъ рефератъ: „Рукопись псалтири XIV столѣтія“, находящаяся теперь въ Варшавѣ, въ бібліотекѣ графовъ Замойскихъ. (См. т. II, стр. 147—150).

По прочтеніи реферата *графъ А. С. Уваровъ* изъявилъ сожалѣніе, что референтъ не сообщилъ съѣзду снимка съ одной миниатюры, изображающей трехкупольный Софійскій храмъ въ Кіевѣ. Снимокъ этотъ, по заявленію референта, переданъ имъ г. директору Императорской публичной бібліотеки.

Третье засѣданіе, 14 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Л. Н. Майкова.

В. Е. Румянцевъ сдѣлалъ сообщеніе „О плацаницѣ, присланной изъ Буковины на выставку“. Еще въ 1860 г. открытъ былъ въ Быстричскомъ монастырѣ, въ Валахіи, воздухъ, на которомъ разноцвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ вышито всѣмъ намъ хорошо знакомое изображеніе положенія Христа во гробъ. Посрединѣ воздуха простерто тѣло Христа, въ ногахъ у него І. Богословъ, Іосифъ и Никодимъ, а внизу на серединѣ свернутая пелена. Это главное изображеніе окружено со всѣхъ сторонъ рамкою, на которой вышиты медальоны съ изображеніемъ разныхъ святыхъ, преимущественно русскихъ. У самаго главнаго изображенія серебряными буквами вышита надпись, изъ которой видно, что этотъ воздухъ вышитъ въ царствованіе Бориса Годунова, по распоряженію его постельничаго Харитона Осиповича Безобразова и пожертвованъ имъ въ Тихвинскій монастырь въ память жены своей Екатерины Петровны 7109=(1601) года. Изслѣдова-

ніе объ этомъ воздухѣ напечатано въ 1 выпускѣ IV тома Древностей Московскаго Археологическаго Общества. Здѣсь, на Археологической выставкѣ,—продолжалъ референтъ, встрѣтился подобный-же случай, о которомъ я и сообщу съѣзду. Между церковными древностями, которыя привезены на выставку буковинскими депутатами, обращаетъ особенное вниманіе большая плащаница, вышитая также разноцвѣтными шелками, золотомъ и серебромъ. Она относится къ тому же времени и представляетъ въ увеличенномъ размѣрѣ тотъ же самый воздухъ, сейчасъ описанный. Она точно также изображаетъ положеніе Христа во гробѣ и также окружена рамкою или каймою изъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ преимущественно русскаго происхожденія; точно также у ногъ Спасителя вышита надпись славянскою вязью, изъ которой видно, что плащаница эта совершена 7106 (1598) года при царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ, патріархѣ Іовѣ и царицѣ Иринѣ, повелѣніемъ перваго Ростовскаго митрополита Варлаама, для Ростовскаго собора и окончена 22 Декабря. Разница между воздухомъ и плащаницей слѣдующая: на плащаницѣ изображены другіе святые, не встрѣчающіеся на воздухѣ, а именно: вверху находится изображеніе Саваоа, а по обѣимъ сторонамъ его, обратившись къ нему лицомъ, изображены ветхозавѣтные праотцы, внизу новозавѣтные святые, преимущественно апостолы, справа и слѣва въ медальонахъ преимущественно русскіе святые: Ростовскіе чудотворцы и св. Петръ и Алексѣй, митрополиты Московскіе. На нижней рамкѣ по серединѣ находится изображеніе Успенія Богоматери очевидно потому, что плащаница эта назначалась для Успенскаго (Ростовскаго) собора. Какимъ образомъ она попала въ Буковину, также неразъяснено какъ и относительно воздуха Быстричскаго монастыря. Если они перешли сюда въ древнее время, то могутъ имѣть значеніе для поясненія нашихъ древнихъ сношеній съ южными нашими единовѣрцами.

Затѣмъ князь *А. А. Сибирскій* прочелъ рефератъ: о „Воспорскомъ городѣ Стратоклеѣ и новой монетѣ Синдовъ“. (См. т. I, стр. 121—129).

Референту возражалъ *Θ. Г. Мищенко*. Князь Сибирскій, сказалъ онъ, нарисовалъ намъ послѣдовательную и вполне связную картину основанія Стратоклеи Аѣинянами. Главными данными для него служили: 1) имя Спартокеса и 2) то обстоятельство, что будто-бы колонія была выведена въ Понтъ Аѣинянами 2 года спустя послѣ войны Лесбоса съ Аѣинянами. Мы прежде воснемся втораго обстоятельства. Война Аѣинянъ съ Лесбосомъ дѣйствительно была въ 428 году. Но Θукидидъ, излагающій событія послѣдовательно, безъ перерыва изъ года въ годъ, даже съ обозначеніемъ зимы и лѣта, говоритъ о раздѣленіи Аѣинянами Лесбоса на клерухи непосредственно за извѣстіемъ о рѣшеніи Аѣинянъ умертвить 100 заложниковъ Лезбійскихъ и о смягченіи этого опредѣленія, и слѣдовательно мнѣніе о раздѣленіи Лесбоса на клерухи черезъ 2 года войны въ текстѣ Θуклида не имѣетъ никакого основанія. Тамъ сказано только *εποστδστωι*. А подъ этимъ выраженіемъ можно разумѣть и одинъ и три года. Вамъ важно было разу-

мѣтъ здѣсь два года, потому что съ этимъ временемъ совпадаетъ время архонства *Стратокла*, будто-бы давшаго имя Стратоклѣ. А между тѣмъ Аѳиняне не имѣли побужденій откладывать своего рѣшенія относительно Лесбійцевъ на 2 года.

Князь Сибирскій сказалъ, что у него нѣтъ никакой натяжки: Аѳиняне могли откладывать исполненіе своего рѣшенія о Лесбійцахъ вслѣдствіе приготовленій и заботъ о войнѣ и желанія привести замысль въ исполненіе, замысль, который тутъ былъ очевиденъ и который родился не внезапно, не какъ молнія или громъ; замыслы, какъ и всякія политическія комбинаціи, растутъ постепенно. Аѳиняне сначала хотѣли узнать, что за колоніи у Лесбійцевъ, кто бы пошелъ для разузнаванія? а на это требовалось довольно времени. Слѣдовательно, весьма понятно, что раздѣленіе занятой территоріи произошло и должно было послѣдовать не тотчасъ же, а съ нѣкоторою остановкою, съ обдуманностію, съ приспособленіями для эмигрантовъ, которые должны были идти такъ долго, за тридевять земель. Слѣдовательно сама логика показываетъ, что, вѣроятно, на это нужно было нѣкоторое время. А *Θυκιδιδης* говоритъ, что впоследствии Аѳиняне подѣлили всю землю Лесбійцевъ на участки и овладѣли мѣстами, которыя принадлежали Митиленѣмъ внѣ острова. А такъ какъ я говорилъ въ своемъ рефератѣ, что *Гермонасса* была колоніей Лесбоса въ Синдикѣ и тутъ же явилась на ея территоріи Стратоклея, то совпаденіе этихъ обстоятельствъ: 428 г., паденія Лесбоса, раздѣленія его земель, и наконецъ второй очереди Аѳинскихъ колонистовъ, не столь требовательныхъ и значительныхъ, которые не попали въ Лесбосъ и согласны были идти въ дальнюю Синдику, пока они собрались и пока ихъ снарядили,—дастъ понять, что легче допустить надѣлъ Лесбоса, чѣмъ занятіе земли въ дальнихъ мѣстахъ Синдика.

Г. Мищенко согласился, что надѣлъ Синдскихъ колоній Лесбоса могъ послѣдовать послѣ раздѣла самаго Лесбоса, и обратился къ другому пункту возраженія относительно имени *Евмолпа*. Дѣйствительно, подъ этимъ именемъ Аѳиняне обыкновенно представляли себѣ основателя жреческой фамиліи *Евмолпидовъ*, но онъ былъ выходцемъ изъ *Θρακίης*. Своимъ происхожденіемъ онъ скорѣе всего ведетъ къ другому предположенію, что на образованіе *Эллинской* цивилизаціи имѣли неотразимое вліяніе въ доисторическую эпоху *Θρακίϊκῶν* племена. Но что извѣстный царь назывался сыномъ *Евмолпа* и *Геракла*, этому нельзя придавать какого либо историческаго значенія, кромѣ желанія этого царя возвести свой родъ къ богамъ или къ полубогамъ. Самое названіе *Евмолпъ* есть мнѣшеское и означаетъ *прекрасно-поющаго*. Поэтому *Евмолпиды* означаютъ служителей боговъ; первоначальная обязанность ихъ состояла въ *ᾠδῶν* гимновъ богамъ. Вслѣдствіе этого если извѣстный историческій родъ отправляетъ обязанность сначала воспѣванія боговъ въ гимнахъ, а потомъ исполненія другихъ сторонъ культа въ отношеніи къ этому Богу, то потомки этого рода получаютъ названіе *Ἰερόμολποι*. *Евмолпидовъ* перешелъ въ *Ἀττικὴν* черезъ *Θρακίαν*, а можетъ и

Этимъ я хочу сказать, что упоминаніе Евмолпа въ какой либо мѣстности не служить еще доказательствомъ того, что на эту мѣстность имѣли вліяніе Аѳиняне.

Князь *А. А. Сибирскій* не отвергалъ совершенно мнѣнія г. Миценки о Фракійскомъ происхожденіи Евмолпа, добавивъ, что по преданію, онъ родился въ Элладѣ, потомъ брошенъ въ море, пристаеъ къ берегамъ Фракіи и водворяется здѣсь. Но по происхожденію онъ грекъ и, возмужавъ, дѣйствуетъ въ Элладѣ и поэтому называется Аѳиняниномъ. Правда Эвмолпъ—лицо мифическое, но потомки его Эвмолпиды—исторически существовавшій въ Элладѣ жреческій родъ, изъ котораго производимы были цари. Греческій народъ такъ сроднился съ этимъ именемъ, что, несомнѣваясь въ его исторической дѣйствительности, переносилъ его имя туда, гдѣ только распространялъ свое владычество. Въ этомъ отношеніи имя Евмолпа можетъ быть вѣрнымъ указателемъ на дѣйствительныя историческія событія и отношенія.

Затѣмъ прочтены были рефераты: *Л. М. Романовскаго*: „О Константинѣ Острожскомъ“. (См. т. II, стр. 205—209), и *Ф. К. Волкова*: „Объ отличительныхъ чертахъ Южнорусской орнаментики“. (См. т., стр. 317—326).

Г. Волкову возражалъ *В. А. Прохоровъ*, онъ замѣтилъ что онъ не можетъ вполне согласиться съ выводами г. Стасова, такъ какъ послѣдній, дѣлая свои заключенія, иногда не представляетъ къ тому данныхъ. Я самъ нѣсколько лѣтъ собиралъ узоры костюмовъ и собралъ ихъ до 80-ти, въ числѣ которыхъ есть и византійскіе, и малорусскіе, и финскіе. Между послѣдними мнѣ встрѣчалось видѣть такіе же узоры, какіе вы показывали на южно-русскихъ произведеніяхъ. Они переходили и въ русскую орнаментку, въ особенности въ одежду, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями въ линіяхъ и краскахъ. Поэтому извѣстные цвѣты и узоры нельзя приписывать одной какой нибудь мѣстности. У меня было до 10—20 экземпляровъ одного и того же узора, но съ разными прибавленіями и измѣненіями. Я хотѣлъ, сравнивая ихъ, прослѣдить исторію орнаментики, хотѣлъ распредѣлить ихъ по мѣстностямъ, и по народамъ, рассмотреть переходныя ступени, и долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Но все-таки я вывелъ то заключеніе, что квадраты и вообще геометрическія фигуры существуютъ преимущественно у финскихъ народовъ сѣвера. Финскія женщины, нужно замѣтить, имѣютъ несравненно болѣе вкуса, чѣмъ наши русскія бабы, и въ этомъ отношеніи не уступятъ малорусскимъ женщинамъ. Что же касается указанія на персидское происхожденіе нѣкоторыхъ рисунковъ, то его слѣдуетъ оставить совершенно въ сторонѣ, потому что и рыбы, и животныя—суть общія изображенія и въ Византіи, и въ Персіи, и въ Россіи. Общій историческій ходъ нашей орнаментики слѣдующій. Послѣ византійскаго узора, который оканчивается у насъ XII вѣкомъ, начинается съ XIII в. совершенно новый самостоятельный узоръ. Это особые плетеные узоры. Тутъ есть и звѣри, и птицы, и разныя растенія. Эти узоры часто появляются у насъ и на рукописяхъ, въ разныхъ заставкахъ XIII—XV вв. Съ XVI в. начи-

нается другое направлѣніе нашей орнаментики. Съ этого времени замѣтно уже персидское вліяніе на нашу орнаментиву. Но и на узорахъ этого времени видно повтореніе прежнихъ орнаментовъ. По этому нельзя ихъ исключительно производить отъ Персидскихъ, какъ это дѣлаетъ г. Стасовъ. Онъ бралъ многія вещи изъ моего же собранія, большею частію изъ узоровъ полотенецъ, но нерѣдко давалъ имъ произвольныя названія и навязывалъ имъ какое либо символическое или мифологическое значеніе. Поэтому, мнѣ кажется, рано дѣлать какіе-либо положительные выводы изъ такой орнаментики, которая часто повторяется у разныхъ народовъ; гдѣ только есть хорошій узоръ, хорошее расположеніе красокъ, то женщины передѣлаютъ этотъ узоръ на свой ладъ. Это повторялось очень часто въ разныхъ мѣстахъ. Что касается до вашего замѣчанія о томъ, что вы видѣли на пороховницѣ крестъ съ звѣздочкою въ срединѣ, то я имѣю двѣ такія же вещи, полученныя изъ Архангельской губерніи.

Ө. К. Волковъ согласился съ г. Прохоровымъ, что положительные выводы на счетъ орнаментики дѣлать еще преждевременно, и самъ чуть ли не съ этого началъ свой рефератъ, и потому воздерживался отъ рѣшительныхъ выводовъ. Мнѣ не приходится, сказалъ онъ, быть адвокатомъ г. Стасова, который утверждаетъ, что извѣстные узоры бывають финскаго или персидскаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, персидская орнаментика недостаточно хорошо изслѣдована. Но съ другой стороны нельзя не признать и за г. Стасовымъ значительной достовѣрности, тамъ, гдѣ онъ дѣлаетъ вполне научныя и удачныя сопоставленія, тамъ, гдѣ онъ даетъ извѣстный рисунокъ, и я воспользовался его трудомъ въ примѣненіи къ южнорусской орнаментикѣ, опираясь исключительно на вполне обстоятельныя и доказанныя его положенія.

Въ заключеніе засѣданія *В. Б. Антоновичъ* прочелъ рефератъ: „О новонайденныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра“. (См. т. II, стр. 151—157).

Четвертое засѣданіе, 19 Августа вечеромъ, подѣ председательствомъ Е. Е. Цветковскаго.

Графъ А. С. Уваровъ прочелъ рефератъ *Е. Е. Люценко*: „О древней вислой свинцовой печати, съ надписью: отъ Ратибора, найденной въ 1872 году около города Ени-вале, что въ Керченскомъ градоначальствѣ“. (См. т. II, приложенія, стр. 165—169).

Затѣмъ *А. И. Павинскій* прочелъ рефератъ: „О монетномъ кладѣ XI вѣка, найденномъ въ царствѣ Польскомъ“. Въ 1873 г. въ Плоцкой губерніи, Плоцкаго уѣзда, въ 35 верстахъ отъ города, найденъ былъ горшокъ съ сергами гранной работы и 600 монетами. Не излагая подробностей объ этой находкѣ, референтъ сообщилъ только, что въ числѣ монетъ есть образчики арабской монеты X—XI в., Англосаксонской короля Этельреда X в., Канута Великаго 1035 г. нѣмецкихъ Оттоновъ I, II и III, и Генриха III. Есть также монеты славянскія, магдебургскія, кельнскія и 1 изъ Намура. Судя по монетамъ

съ определеннымъ именемъ и годомъ, владѣ долженъ быть отнесенъ къ первой половинѣ XI вѣка. Заключающіяся въ немъ заграничныя монеты имѣютъ общее и частное значеніе. Своимъ мѣстонахожденіемъ онѣ указываютъ на пункты заграничной торговли, а надписями—на время этой торговли и на царствующія лица. Въ этомъ отношеніи онѣ опровергаютъ мнѣніе Мартина Галла, будто-бы Польское государство не стояло на торговомъ пути и открыто было только для торговли съ русскими. Будишинскій трактатъ 1018 г. открылъ для нея торговлю до береговъ Эльбы.

Н. И. Петровъ прочиталъ рефератъ *Н. Я. Аристова*: „Замѣтка о поученіяхъ епископа Серапіона“. (См. т. II, стр. 41—48).

Затѣмъ *М. М. Левченко* прочелъ рефератъ: „Объ уничтоженіи памятниковъ старины въ южной Россіи“. (См. т. I, стр. 309—312).

Графъ А. С. Уваровъ заявилъ, что на первомъ и второмъ археологическихъ сѣздахъ неоднократно высказывались сожалѣнія о разрушеніи многихъ древнихъ памятниковъ и о погибши ихъ для нашей отечественной археологіи. Съ своей стороны первый и второй сѣзды сдѣлали объ этомъ представленіе, и составили комиссію, которая выработала особый проектъ относительно сохраненія памятниковъ старины. Остается надѣяться, что представленіе обоихъ сѣздовъ будетъ удовлетворено правительствомъ.

П. С. Иващенко изъявилъ желаніе, чтобы высказанная графомъ Уваровымъ мысль получила возможно скорѣйшее осуществленіе, потому что изъ упомянутыхъ въ рефератѣ г. Левченка памятниковъ старины дѣйствительно одинъ уже не существуетъ. Въ настоящее время на томъ мѣстѣ, гдѣ преданіе указываетъ памятникъ съ надписью, что онъ поставленъ родственниками Ивана Мартиновича Брюховецкаго на мѣстѣ его смерти, разведены огороды, и памятника не существуетъ.

И. И. Мамышевскій прочелъ рефератъ: „О грамотѣ Кіевского митрополита Мисаила 1476 г. къ папѣ Сиксту IV“. Въ первый разъ издалъ эту грамоту Ипатій Поцѣй и 15 Юня 1605 г. записалъ ее, какъ древнюю, въ книги Виленской городской ратуши для того, чтобы православные не сочли этой грамоты выдумкою самаго Поцѣя. Опасенія его были ненапрасны. Авторъ Перестроги считалъ эту грамоту подложною и составленіе ея приписываетъ Поцѣю. Вслѣдъ за авторомъ Перестроги и другіе православные полемисты считали грамоту подложною и поднимали ее на смѣхъ. Каждый изъ нихъ добавлялъ что нибудь новое въ доказательство ея подложности. Въ виду этихъ нападокъ на грамоту Мисаила, уніаты замолчали о ней и неотваживались защищать ее, пока наконецъ Мелетій Смоглицкій не вступился за ея подлинность. Въ церкви села Вильбойны близъ Острога онъ нашелъ другой списокъ грамоты, наполовину изъѣденный молью. Послѣ Смоглицкаго уніаты дружно защищаютъ подлинность грамоты. Поляки также признаютъ ее подлинною и хвалятъ за нее митрополита Мисаила. Въ послѣднее время Антоній Петрушевичъ издалъ ее на основаніи трехъ списковъ: одинъ изъ Львовскаго Ставропи-

гіального братства и двухъ, полученныхъ имъ отъ профессора греческой коллегіи св. Аеанасія въ Римѣ, и тоже пришелъ къ убѣжденію въ ея подлинности, въ которой до сихъ поръ сомнѣваются наши русскіе изслѣдователи. Какъ же судить объ этой грамотѣ? Изложивъ содержаніе грамоты, референтъ разсмотрѣлъ сначала признаки ея подлинности, а за тѣмъ доводы считающихъ ее подложною. Признаки подлинности грамоты заключаются въ согласіи ея содержанія съ историческими обстоятельствами того времени. Вообще западная Русь издавна склонна была къ принятію уніи, какъ это видно изъ примѣра Даніила Галицкаго, сравнительно благосклоннаго приѣма митрополита Исидора и Григорія Булгара въ югозападной Россіи. Съ другой стороны, развитію уніи помогали и репрессивныя мѣры католическаго правительства. Вслѣдствіе этого югозападные православные не чуждались мысли обратиться за помощію въ Римъ и искать единенія съ нимъ. Такъ именно поступилъ Кіевскій митрополитъ Іосифъ Солтанъ, пославшій 1501 г. съ Іоанномъ Сапѣгой грамоту къ папѣ о подчиненіи его римской церкви. Такъ могъ поступить въ 1476 г. и митрополитъ Мисаилъ. Въ подписяхъ подъ его грамотою означены все такія лица, которыя дѣйствительно жили около этого времени, и между ними Іоаннъ подскарбій, вѣроятно Солтанъ. Доказательства противъ подлинности грамоты не имѣютъ особенной силы: 1) языкъ грамоты не новый и макароническій, а славянскій языкъ 1480 годовъ; 2) въ ней нѣтъ обожанія папы, какъ утверждали Смотрицкій до совращенія въ унію и Копыстенскій, а только извѣстнаго рода лесть, допускаемая по отношенію къ Константинопольскому патріарху; 3) если Кіевляне не хотѣли принять назначеннаго Кіевскимъ воеводою католика Мартина Гаштольда, то этимъ они хотѣли избѣжать того же самаго, чего хотѣли избѣжать грамотою къ папѣ, т. е. избѣжать преслѣдованій со стороны католиковъ и союзомъ церквей оградить свою безопасность; 4) если при Мисаилѣ не было еще уніи русской церкви съ западною, какъ утверждаютъ непризнающіе подлинности грамоты, за то была мысль объ уніи и попытка къ ней. На основаніи вышесказаннаго, референтъ призналъ грамоту митрополита Мисаила 1476 г. къ папѣ Сиксту IV подлинною. Въ заключеніе онъ сказалъ нѣсколько словъ о внѣшней формѣ грамоты. Она не строго официальнаго характера и скорѣе имѣетъ видъ эпистоли. Въ составленіи ея замѣтно участіе двухъ лицъ. То были: Якубъ писарь королевскій и Іоаннъ подскарбій, подписавшійся послѣ Солтановъ, какъ юнѣйшій братъ ихъ, и по всей вѣроятности бывший впоследствии Кіевскимъ митрополитомъ подъ именемъ Іосифа Солтана, отъ котораго дошла до насъ указанная выше грамота къ папѣ 1501 г. Подписи подъ грамотою явились не вдругъ, а собирались постепенно. Нѣкоторыя несообразности и разнорѣчія подписей объясняются тѣмъ, что нѣкоторые списки ея неподлинны (Рефератъ этотъ, въ болѣе подробномъ изложеніи напечатанъ въ Кіевскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1875 годъ, № 18).

5. Засѣданія IV отдѣленія—Быть домашній и общественный.

Первое засѣданіе, 3-го Августа вечеромъ, подѣ председательствомъ Н. А. Попова.

Н. И. Костомаровъ прочелъ рефератъ на тему: „Люди, принадлежавшіе къ княжеской дружинѣ, достигали ли своего званія по родовому значенію или по личнымъ заслугамъ?“ Прослѣдивъ историческое развитіе дружины, референтъ указалъ на постепенное преобразованіе ея въ земскій элементъ—боярщину.

По окончаніи реферата *М. И. Драгомановъ* обратилъ вниманіе еще на одинъ видъ матеріала, по которому можно возсоздать исторію дружины на Руси, и который на этотъ разъ оставленъ референтомъ безъ вниманія,—именно на малорусскія народныя пѣсни. Онъ прочиталъ съ комментариемъ извлеченія изъ нѣсколькихъ пѣсень, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразились черты древняго дружиннаго быта на Руси.

А. И. Никитскій прочелъ рефератъ подѣ заглавіемъ: „Роль судныхъ мужей въ производствѣ суда въ древней Руси“. Присутствіе судныхъ мужей на судѣ было—по заключительнымъ словамъ референта, особымъ способомъ обезпеченія справедливости судебного приговора въ древней Руси.

По окончаніи реферата возражалъ *А. И. Маркевичъ*, заявившій между прочимъ, что выводы референта весьма напоминаютъ книгу пр. Дювернуа: „Источники права и суда русскаго“, которой однако референтъ не цитируетъ. *А. И. Никитскій* объяснилъ, что онъ книги Дювернуа не знаетъ.

Второе засѣданіе, 8-го Августа вечеромъ, подѣ председательствомъ И. И. Малышевскаго.

А. И. Никитскій слѣдующимъ образомъ дополнилъ свой отвѣтъ *А. И. Маркевичу*: Рефератъ о княжескомъ судѣ въ вел. Новгородѣ, читанный мною въ прошедшемъ засѣданіи IV отд. археологическаго съѣзда, подвергся со стороны г. Маркевича нѣкоторому возраженію. Смыслъ этого возраженія не довольно ясенъ. Г. оппонентъ говорилъ о мѣстничествѣ и о книгѣ Дювернуа. Одно обстоятельство впрочемъ было высказано съ достаточною опредѣленностію, а именно то, якобы выводы, представленные мною въ рефератѣ, уже предвосхищены раньше г. Дювернуа въ трудѣ его: „Источники права и суда въ древней Руси“. Для разьясненія недоразумѣнія, возникшаго изъ этого замѣчанія и оставленнаго мною тогда, по незнакомству съ книгою Дювернуа, безъ всякаго разьясненія, я позволю себѣ теперь сопоставить свои выводы съ соображеніями г. Дювернуа: а) Главною цѣлью моего реферата было точное отдѣленіе тиунскаго суда въ Новгородѣ отъ намѣстничьяго, равно какъ устройство каждаго изъ нихъ. Для г. Дювернуа предметъ этотъ остался совершенно чуждымъ: онъ разсматриваетъ только

одинъ докладъ. При разъясненіи отношеній тунскаго суда къ намѣстничьему я сосредоточилъ все свое вниманіе на опредѣленіи того, какія именно изъ формъ доклада, выработанныя русскою наукою, могутъ быть приложены къ намѣстничьему суду, былъ ли послѣдній только продолженіемъ низшаго суда или ограниченіемъ его? Г. Дювернуа говоритъ только о докладѣ какъ о судебной инстанціи, но о какой—неизвѣстно. Всѣ доказательства мои о значеніи доклада основывались существенно на отдѣленіи между членами доклада приставовъ отъ докладчиковъ. Г. Дювернуа напротивъ того не только смѣшиваетъ то и другое—все вмѣстѣ, но еще въ добавокъ смѣшиваетъ ихъ съ 12 мужами Русской правды. Я предостерегалъ въ заключеніе отъ перенесенія безъ особыхъ доказательствъ судебного устройства Новгородской грамоты даже на ближайшее къ грамотѣ время Новгородской исторіи. Г. Дювернуа напротивъ того ни мало не затрудняется сопоставленіемъ явленій позднѣйшей Новгородской жизни даже съ данными Русской правды. Изъ всего этого слѣдуетъ, что рефератъ говорилъ или то, чего у Дювернуа совсѣмъ нѣтъ, или же, въ случаѣ совпаденія матерій, опровергалъ шагъ за шагомъ почти всѣ соображенія Дювернуа, который даже не вездѣ стумѣлъ точно прочесть Новгородскій судный уставъ: впрочемъ онъ и самъ отчасти въ этомъ сознается. Если это такъ, то какимъ же образомъ мы могли навлечь на себя упрекъ со стороны оппонента, что мы нѣсколько опоздали съ своими выводами, что все это было сдѣлано уже нѣсколько раньше? Это вопросъ, на который можно отвѣтить различно. Можно думать—и думать не безъ основанія, что отъ г. Маркевича ускользнуло какъ-нибудь содержаніе и существенный смыслъ нашего реферата. Это весьма вѣроятно. Но гораздо скорѣе можно думать совершенно другое,—а именно то, что и книга Дювернуа была извѣстна г. Маркевичу далеко не въ той мѣрѣ, какая требовалась обстоятельствами возраженія. Но если вы уже хотите знать самое вѣроятное, то это несомнѣнно будетъ то, что г. Маркевичу не были достаточно извѣстны ни смыслъ нашего реферата, ни смыслъ книги Дювернуа.

А. И. Маркевичъ прочелъ рефератъ: „О мѣстничествѣ“. Референтъ представилъ извлеченія изъ найденнаго имъ въ архивѣ 4 мѣстническихъ дѣлъ 7148 года, Министерства юстиціи за № 157 части мѣстническаго дѣла о нежеланіи князя Θεодора Семеновича Куракина быть воеводою на Крапивнѣ подъ начальствомъ воеводы большаго полка на Туль, князя А. И. Трубецкаго. Этотъ мѣстническій споръ имѣлъ мѣсто въ 7148 (1640) году по случаю распоряженій царя Михаила Θεодоровича объ обереганіи Украйны отъ набѣговъ Крымскаго хана. Мѣстническое дѣло это большое и незаконченное, содержитъ между прочимъ указаніе на то, что послѣ бѣгства кн. Андрея Михайловича Курбскаго состоялся царскій указъ и боярскій приговоръ о пониженіи всѣхъ родственниковъ всякаго, подобнымъ образомъ отъѣзжающаго, лица—даже большихъ его по родовой лѣстницѣ—на 12 мѣсть въ мѣстническихъ счетахъ. Затѣмъ референтъ высказалъ

свои соображенія о значеніи этого указа и объ его практическомъ примѣненіи въ послѣдующее время.

Ш. С. Иващенко прочелъ рефератъ на тему: „Слѣды языческихъ вѣрованій въ южно-русскихъ шептаніяхъ“. (См. т. I, стр. 313—326, прилож., стр. 171—183).

Затѣмъ *А. И. Мържинскій* прочелъ рефератъ: „Янъ Ласицкій и его сочиненіе: de diis Samogitarum“. (См. т. II, стр. 173—204).

Я. О. Головацкій, согласившись съ референтомъ, что литовская мѣология запутанна, темна и неточна (что тѣмъ болѣе удивительно, что до второй половины XIV в. язычество въ Литвѣ держалось еще въ полной силѣ), выразилъ желаніе обратить вниманіе ученыхъ на находящіяся въ Виленскомъ музеѣ статуетки, которые якобы образуютъ собою литовскій Олимпъ. Графъ *А. С. Уваровъ* заявилъ, что эти quasi-литовскіе идолы представляютъ собою поддѣлку и притомъ весьма грубую, и что наука ничего не можетъ извлечь изъ ихъ разсмотрѣнія. *А. И. Мържинскій* прибавилъ, что онъ ни въ одномъ источникѣ не нашелъ извѣстія о поклоненіи литовцевъ идоламъ.

В. Б. Антоновичъ заявилъ, что, нельзя въ описаніи Ласицкаго объяснять все исключительно его цѣлью иронизировать надъ католическими святыми или хоть бы даже надъ литовскими божествами, что можно придать отчасти извѣстіямъ Ласицкаго объективное значеніе, принявъ во вниманіе, что литовская мѣология, начавъ свое развитіе съ самой грубой формы пантеизма, достигла до степени зооморфическаго представленія божествъ, въ родѣ напримѣръ *заячьяго бога*, упоминаемаго въ Ипатской лѣтописи; тоже свидѣтельствуется Петръ Дюсбургъ (III, 5), утверждая, что Литовцы поклонялись четвероногимъ, птицамъ и жабамъ.

В. И. Григоровичъ заявилъ, что нельзя окончательно отрицать у литовцевъ существованія идоловъ или какихъ бы то ни было изображеній божества.

Третье засѣданіе, 20 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ Е. В. Барсова.

А. И. Мържинскій прочелъ рефератъ: „О Литовской мѣологии“. Въ которомъ занялся преимущественно критическимъ разборомъ мнѣній, высказанныхъ о литовской мѣологии историкомъ Нарбуттомъ; г. Мържинскій весьма вѣскими доводами опровергнулъ мнѣнія, высказанныя Нарбуттомъ, и доказалъ неосновательность и полное отсутствіе критики, которыми грѣшилъ этотъ историкъ, при собираніи фактическихъ данныхъ для составленія своего каталога Литовскихъ божествъ.

В. И. Григоровичъ прочелъ рефератъ на тему: „Что значитъ слово „толковинъ“ или „толковникъ“ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ словѣ о полку Игоревѣ“?

Это чисто филологическій вопросъ,—говорилъ референтъ,—но онъ связанъ однако съ нашими бытовыми отношеніями.

ЛІІІ

Перебирая *азбуковникъ* — известное собрание словъ, ранній словарь, котораго памятники встрѣчаются первоначально въ XVI столѣтіи, я былъ озадаченъ тѣмъ, что при объясненіи собственныхъ именъ употребляются иногда такія слова, которыя для насъ непонятны: такъ, дѣлая объясненіе слова Ἀλέξιος, *Алѣксій*, составитель говорить, что это имя значитъ *пособникъ* (съ греческаго оно такъ и выходитъ отъ слова ἀλέξω, помогаю, защищаю); тутъ же и другое значеніе: *толковникъ*. Это тѣмъ болѣе меня озадачило, что при объясненіи подобозначущаго имени *Александръ* въ другомъ азбуковникѣ говорится: *помощникъ людямъ, сирѣчь толковникъ*.

Обратимся къ древнимъ памятникамъ, гдѣ встрѣчается слово: *толковникъ*. Уличи и Тиверцы у лѣтописца называются *толковинами*, а далѣе говорится, что съ этими племенами имѣли рать воеводы Олега. Слѣдовательно то мѣсто, гдѣ Уличи и Тиверцы называются *толковинами*, можно понимать такъ, что эти племена еще не вошли въ составъ русскаго государства, но были уже пособниками, быть можетъ въ родѣ тѣхъ, какіе въ Византіи назывались foederati. Въ словѣ о полку Игоревѣ, хотя также темно, но съ замѣтною ироніею, говорится, что князь Святославъ видѣлъ во снѣ, что ему принесена была добыча, вышпанъ жемчугъ изъ пустыхъ колчаковъ *поганыхъ тѣлковинъ*. Смыслъ этой ироніи состоитъ въ томъ, что Ольговичи часто призывали къ себѣ на помощь Половцовъ, и такимъ образомъ Половцы были для нихъ *тѣлковины*, пособники, но пособники поганые.

Въ бытовомъ отношеніи [всѣмъ известное и употребительное во всей Малороссіи слово *толока*, означающее обычную сходку для того, чтобы скорѣе сжать или вообще пособить въ трудной сельской работѣ, можетъ считаться корнемъ для слова *толковинъ*. Въ Валахіи слово *тлак* имѣетъ значеніе юридическое, въ смыслѣ известнаго условія вспомошествованія богатаго бѣдному. Нѣчто подобное это слово означаетъ и въ Бессарабіи.

Графъ А. С. Уваровъ выразилъ свое согласіе съ объясненіемъ референта, а *Е. В. Барсовъ* высказалъ мнѣніе, что слово *толковинъ* происходитъ отъ тюркскаго корня и означаетъ *поморянина*, но не нашелъ возможнымъ въ настоящемъ же засѣданіи подкрѣпить свое мнѣніе твердыми данными.

За тѣмъ *В. И. Григоровичъ* прочелъ рефератъ на тему: „Межигорскій монастырь и Запорожье“.

А. И. Маркевичъ прочелъ рефератъ: „О мѣстническихъ счетахъ“. При разъясненіи основаній того счета, которымъ считались между собою мѣстничавшіяся лица, референтъ, принимая общепринятое мнѣніе, доказывалъ невозможность допустить поправку внесенную г. Валуевымъ въ его „Исслѣдованіе о мѣстничествѣ“, будто лица бездѣтныя не принимались въ счетъ. Невозможность согласить мѣстническіе счета съ имѣющимися родословными книгами референтъ объяснял ошибочностью самихъ древнерусскихъ родослов-

ныхъ, которыя именно могутъ быть исправлены по мѣстническимъ дѣламъ. Для доказательства, среди иныхъ примѣровъ, референтъ подробно остановился на родословныхъ указаніяхъ кн. Волконскихъ, какъ на характеристически невѣрныхъ. При этомъ референтъ познакомилъ публику съ находившеюся во время сѣзда въ Университетѣ рукописною родословною книгою, принадлежащею кн. Н. В. Рѣпинну, которая предназначена была спеціально для мѣстническихъ дѣлъ, что и видно изъ приложенныхъ къ ней таблицъ, гдѣ лица расположены сообразно ихъ мѣстническому значенію.

6. Засѣданія V отдѣленія—Древности церковныя.

Первое засѣданіе, 2 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго.

Предсѣдатель отдѣленія, протоіерей *П. Г. Лебединцевъ*, прочелъ обширный рефератъ: „О св. Софіи Кіевской. (См. томъ I, стр. 53—93; табл. III—IV).“

То мнѣніе референта, что при первомъ взглядѣ на планъ и фасадъ Софіи Кіевской и Цареградской не трудно усмотрѣть, что не можетъ быть никакой рѣчи объ ихъ сходствѣ, вызвало возраженіе со стороны Н. А. Попова, который замѣтилъ, что, хотя и нельзя утверждать, чтобы Софія Кіевская была точною копіею Цареградской, но такъ какъ строители Софіи Кіевской были греки, для которыхъ Софія Цареградская служила высшимъ образцемъ и идеаломъ церковнаго зодчества, то конечно послѣдняя въ извѣстной степени должна была сдѣлаться прототипомъ для первой.

Сторону референта приняли: *И. И. Срезневскій* и графъ *А. С. Уваровъ*. *И. И. Срезневскій* сказалъ: Всѣ православныя церкви имѣли и доселѣ большею частию имѣютъ основаніемъ расположенія частей—крестъ, котораго верхній конецъ занимаетъ абсидъ алтарный, а три другіе—заняты входами: западнымъ, южнымъ и сѣвернымъ; середина же храма образуетъ кругъ съ возвышающимся надъ нимъ куполомъ. Но Константинопольская церковь св. Софіи,—повторивъ общія условія расположенія частей крестомъ,—отличается отъ нихъ многими особенностями. На общее отличіе крестовыхъ церквей надо обращать вниманіе, когда сравниваемъ ихъ съ базиликами. Если смотрѣть на Константинопольскую Софію внутри, не обращая вниманія на общность ея плана, то найдемъ въ ней сходство скорѣе съ базиликою, чѣмъ съ Кіевскою Софіею. Если же, стоя въ ней, посмотримъ вверхъ, то найдемъ куполь, а если зайдемъ за боковыя колоннады, то найдемъ и двѣ боковыя оконечности креста: южную и сѣверную,—и возможность сравненія ея съ базиликою исчезаетъ. И все-таки этого общаго отличія всѣхъ крестообразныхъ церквей слишкомъ мало, чтобы сравнивать Константинопольскій Софіискій храмъ съ Кіевскимъ. Для того, чтобы особенное сравненіе этихъ двухъ храмовъ было возможно, нужны особыя черты сходства между ними, а ихъ—кромѣ имени *Софія*—нѣтъ никакихъ. Существовали, и доселѣ уцѣлѣли *другія* древнія церкви, очень похожія на нашу св. Софію.

Графъ А. С. Уваровъ, обращаясь къ Н. А. Попову, сказалъ: Вы полагаете, что въ тѣ времена зодчіе не такъ аккуратно придерживались подлинника, какъ теперь, и только поэтому Софія Кіевская не вышла точною копіею Цареградской. Напротивъ того, въ тѣ времена подражанія въ архитектурныхъ постройкахъ были гораздо точнѣе, чѣмъ теперь. Сравните напримѣръ св. Софію (Цареградскую) съ современною ей церковію св. Виталія въ Равеннѣ: обѣ церкви имѣютъ одинъ и тотъ же типъ и сходство между ними весьма ярко: обѣ имѣютъ круглые или почти круглые (осьмиугольные) корабли. Св. Софія Кіевская имѣетъ въ срединѣ корабль прямолинейный, и уже этимъ существенно отличается отъ св. Софіи Цареградской, имѣющей корабль овальный.

А. Ф. Терновскій прочелъ рефератъ: „Откуда ведетъ начало обычай вѣшать княжескія одѣянія въ храмахъ, о существованіи котораго упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1203 и 1237 гг.“ (См. т. I, стр. 111—113).

По поводу этого реферата графъ *А. С. Уваровъ* высказалъ предположеніе, что вѣнцы, жертвуемые въ Софійскій храмъ византійскими императорами, были не только вкладами *на память*, но могли имѣть какое-нибудь символическое значеніе въ качествѣ церковной утвари, ибо они помѣщались подъ сѣнію надъ престоломъ. т. е. тамъ, гдѣ обыкновенно помѣщается изображеніе св. Духа въ видѣ голубя. вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Уваровъ сдѣлалъ упоминаніе о вѣнцахъ, о которыхъ говоритъ имп. Константинъ Багрянородный въ книгѣ *de ceremoniis* и о вѣнцахъ, найденныхъ лѣтъ 12 тому назадъ въ испанскомъ мѣстечкѣ Гуаназарѣ.

И. И. Малышевскій сдѣлалъ предположеніе, что одежды, жертвуемыя въ храмъ, могли быть перекраиваемы на ризы, и при этомъ припомнилъ извѣстное мѣсто изъ восточныхъ Кирика о женскомъ платьѣ, шиваемомъ въ ризу священника.

Графъ М. В. Толстой повторилъ тоже предположеніе, прибавивъ при томъ, что въ Суздаль въ ризницѣ Спасо-Евфиміева монастыря есть риза, сшитая изъ шубы князя Пожарскаго. Графъ М. В. Толстой сказалъ также, что и доселѣ гробы царскіе покрываются порфирами, а архіерейскіе—мантіями, что въ Псковѣ въ Троицкомъ соборѣ и доселѣ висятъ мечи князей Довмонта и Всеволода надъ ихъ гробницами и бывають носимы въ процессіяхъ при крестныхъ ходахъ.

Второе засѣданіе, 15 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ графа М. В. Толстаго.

И. И. Срезневскій прочелъ рефератъ: „О св. Софіи Цареградской, по описанію русскаго паломника конца XII вѣка“. (См. т. I, стр. 95—109).

Затѣмъ были прочитаны рефераты: *П. А. Лашикарева*: „Кіевская архитектура X—XII вѣка“. (См. т. I, стр. 263—282) и *И. И. Малышевскаго*, на тему: „Опредѣлить годы управленія Кіевскихъ митрополитовъ отъ Мисаила до Онисифора Дѣвочки, при чемъ

объяснить, при какихъ обстоятельствахъ названіе: „Галицкій“ вошло въ постоянное употребленіе въ титулъ ихъ“.

Сущность этого реферата состояла въ поправкахъ къ общепринятому каталогу митрополитовъ Кіевскихъ отъ Мисаила до Онисифора. Результаты этихъ поправокъ могутъ быть представлены въ такомъ видѣ:

П О Р Я Д О К ъ М И Т Р О П О Л И Т О В ъ .

По каталогу помѣщенному при описаніи
Кіева Забревскаго.

Мисаиль князь Пеструцкій 1474—77.

Симеонъ 1477—82.

Іона Глезна 1483.

Макарій I святой 1495—7.

Іосифъ Солтанъ 1497—517.

Іона II 1518.

Іосифъ Русинъ 1520 и т. д.

По реферату И. И. Малышевскаго.

Мисаиль князь Пестручій 1474—77.

Симеонъ 1477—88.

Іона Глезна 1490—95.

Макарій I св. 1495—7.

Іосифъ I Болгариновичъ 1498—1501.

Іона II 1501—507.

Іосифъ Солтанъ 1507—520.

Іосифъ Русинъ 1522—33 и т. д.

Такимъ образомъ важнѣйшая поправка состоитъ въ томъ, что вмѣсто одного митрополита Іосифа Солтана референтъ за время отъ 1497 по 1528 годъ признаетъ трехъ митрополитовъ. Вотъ основанія, которыми руководился референтъ въ этомъ случаѣ.

Несомнѣнно, что непосредственнымъ преемникомъ Макарія I былъ Іосифъ I, фамилію котораго мы пока не называемъ. Онъ назначенъ на митрополию изъ епископовъ Смоленскихъ, по личному желанію в. кн. литовскаго Александра, оставившаго за нимъ при этомъ и Смоленскую епископію. Назначеніе послѣдовало 30 мая 1498 г., а поставленіе 10 мая 1500 г. послѣднее совершено русскими епископами: Лукою Полоцкимъ, Кирилломъ Луцкимъ и Васьяномъ Пинскимъ и Туровскимъ по благословенію патріарха Іоакима, въ присутствіи его посла Авраамія. Обо всемъ этомъ обстоятельно говоритъ Супрасльская лѣтопись подъ 1498 и 1500 гг. Указаніе на имена патр. Іоакима и епископовъ русскихъ подтверждается современными византійскими и русскими (акты Зап. Р. №№ 12, 73, 174, 201, 209) извѣстіями и самый фактъ назначенія, а потомъ поставленія Іосифа епис. Смоленскаго въ митрополиты также вполне оправдывается современными грамотами и даже папскими буллами (булла отъ 7 мая 1501 г. у Тейнера т. II, р. 283). Этому-то Іосифу усвоилось до сихъ поръ названіе Солтана и насчитывалось около 20 лѣтъ управленія. Но это былъ не Іосифъ Солтанъ, а Іосифъ *Болгариновичъ*,—новое лицо въ ряду Кіевскихъ митрополитовъ, доселѣ не записанное въ каталогахъ и у церковныхъ историковъ. Указаніе на митрополита Іосифа Болгариновича имѣлось и прежде, но оста-

лось незамѣченнымъ вслѣдствіе установившагося представленія о Іосифѣ Солтанѣ, какъ единственномъ того имени митрополитѣ, управлявшемъ съ 1498—500 по 1518 г. Указаніе это находится въ напечатанной въ 1 т. *актовъ южн. и зап. Россіи* (№ 87) грамотѣ Кіевскаго митрополита Іосифа Русина отъ 1528 г. февр. 1 дня, данной отчинницѣ Аграфенѣ, женѣ Романа Болгариновича, на льготу во взносѣ хлѣбной руги, записанной ея деверемъ (т. е. братомъ мужа), митр. Іосифомъ, Слуцкому Троицкому монастырю съ отчины села Болгариновичей. Другое указаніе содержится въ грамотѣ митрополита Іосифа Солтана отъ 1511 г. о предѣлахъ участія виленскихъ мѣщанъ въ дѣлахъ ихъ приходскихъ церквей (Вил. арх. сборн. т. VI, № 4). Здѣсь, ссылаясь на примѣры своихъ предшественниковъ, митрополитъ въ числѣ ихъ упоминаетъ и Іосифа *Болгариновича*. (Слич. *ibid.* т. IX № 5). Въ помянникѣ Супрасльскаго монастыря (*ibid.* т. IX), послѣ Макарія I, поставлены три Іосифа: а такъ какъ два послѣдніе извѣстны—Солтанъ и Русинъ,—то первый—Болгариновичъ.

Сколько лѣтъ управлялъ этотъ Іосифъ Болгариновичъ, поставленный 10 Мая 1500 г.? Всего одинъ годъ. На это также есть свидѣтельство, давно извѣстное, но оставленное безъ вниманія. Это свидѣтельство двухъ лѣтописей Московской Руси. Воскресенская лѣтопись, подъ 1500 г., рассказавъ о томъ, что Александръ литовскій чрезъ Смоленскаго владыку Іосифа, виленскаго бискупа и чернцовъ бернардиновъ понуждалъ Елену къ принятію римскаго закона, продолжаетъ: *а Смоленскому владыкѣ обѣща (Александръ) про то митрополію, на негоже посла Богъ недугъ разслабу, и поставленъ бысть въ томъ недугъ нездоровъ и едино (лѣто) пребысть въ тому саму и измѣнися живота*. Въ тѣхъ же почти словахъ говоритъ и 2-я Софійская лѣтопись (П. С. русск. лѣт. VI, 243; VIII, 248—9). Въ Москвѣ хорошо знали про этого Іосифа, пріобрѣтшаго здѣсь извѣстность по дѣлу Елены.

Послѣ Іосифа Болгариновича референтъ помѣщаетъ не Іосифа Солтана, а Іону II; основываясь въ этомъ случаѣ на документальныхъ данныхъ, именно на цитованной уже грамотѣ Іосифа Солтана (Вил. арх. сборн. т. VI, № 4) гдѣ *продкомъ* Іосифа Солтана называется не только Іосифъ Болгариновичъ, но и Іона, отличный отъ Іоны I или Глезны, упоминаемаго особо, слѣд. Іона II. (Слич. также акты Супрасльскаго монастыря въ IX томѣ *Вил. арх. сборн.* стр. 418, 420, 422). Такимъ образомъ референтъ Іону II, который доселѣ считался преемникомъ Іосифа Солтана, признаетъ его предшественникомъ и перемѣщаетъ Іону изъ 1518—22 г. на 1501—507.

Что касается до времени, когда названіе *Галицкій* вошло въ титулъ Кіевскаго митрополита, то референтъ обратилъ вниманіе на то, что послѣднее извѣстіе о Галицкомъ епископѣ встрѣчается въ 1414 г. (А. З. Р. I, № 12), и съ того же времени утверждается во Львовѣ резиденція латинскаго епископа Яна Рѣшовскаго съ титуломъ архіепископа (Зубрицкій 238). Когда такимъ образомъ упразднилась Галицкая кафедра, то

завѣдываніе ею и епархією естественно должно было перейти къ Кіевскимъ митрополитамъ; потому именно, что она была праздною, а празднымъ мѣстомъ обыкновенно распоряжалась главная власть и потому еще, что праздная епископія называлась предъ тѣмъ митрополією и по упраздненіи должна была составить участокъ митрополичьей епархіи.

По прочтеніи реферата *П. Г. Лебединцевъ* заявилъ, что митрополита Іону нельзя удалять изъ годовъ 1518—22, такъ какъ отъ этого времени существуютъ докуметны съ именемъ митрополита Іоны, на что референтъ выразилъ желаніе провѣрить эти докуметы.

7. Засѣданія VI Отдѣленія—Памятники языка и письма.

Первое засѣданіе, 5 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ А. П. Брикнера.

Н. С. Тихонравовъ представилъ исторію русской статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Начало этой исторіи восходитъ къ первымъ памятникамъ русской письменности, а конецъ ея совпадаетъ съ эпохой, предшествовавшей реформамъ Петра Великаго, такъ какъ статья въ окончательномъ видѣ явилась въ знаменитой Кирилловой книгѣ 1644 г. По мнѣнію референта, этотъ небольшой памятникъ отразилъ важнѣйшіе фазисы культурнаго развитія древней Россіи, поэтому разложеніе его на составныя части можетъ объяснить намъ, какого рода вліяніе на русскую письменность шло изъ Болгаріи, Сербіи, Византіи, далекаго христіанскаго Востока, и что въ ней возникло независимо отъ посторонняго вліянія. Референтъ началъ свое изслѣдованіе сообщеніемъ, что только во II в. по Р. Х. начали думать о составленіи списка каноническихъ книгъ. Затѣмъ перешелъ къ древнѣйшему славянскому списку книгъ истинныхъ и ложныхъ, относящемуся ко второй половинѣ XI в. Онъ состоитъ изъ перевода, между прочимъ, статьи, приписываемой Анастасію: она-то и была тѣмъ основнымъ зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи развилась и сложилась русская статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Съ особенною подробностію референтъ остановился на болгарскомъ индексѣ книгъ истинныхъ и ложныхъ, который былъ принесенъ въ Россію митрополитомъ Кипріаномъ (XIV в.) и внесенъ въ его требникъ. Этотъ индексъ значительно отличается отъ своего оригинала, т. е. указаній Анастасія. Главное отличіе его заключается въ страстной полемикѣ автора съ тѣми еретиками, которые распустили множество ложныхъ писаній на соблазнъ людей, и во главѣ которыхъ былъ попъ Іеремія. По всѣмъ соображеніямъ, составленіе этого индекса должно быть отнесено къ первой половинѣ XI в. Въ XV вѣкѣ статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ измѣнилась въ томъ отдѣлѣ, который посвященъ былъ книгамъ истиннымъ: здѣсь нашла себѣ представителей вся почти оригинальная русская письменность, которая была плодомъ христіанскаго просвѣщенія, развивавшагося подъ византій-

скимъ вліяніемъ и особенно процвѣтавшаго въ XV в. Затѣмъ, вопросъ о томъ, какія книги нужно считать ложными, въ XVI в. получилъ особенное значеніе. Онъ вытекалъ изъ потребностей русской жизни, смущенной еретическими ученіями и толками о концѣ міра. Подъ вліяніемъ эпохи измѣнилась и статья о книгахъ истинныхъ и ложныхъ... Съ конца XVI в. начинаютъ проникать въ русскую жизнь иностранныя вліянія, появились сочиненія переведенныя съ нѣмецкаго, польскаго и латинскаго языковъ, — и вотъ въ статью заносятся заглавія этихъ сочиненій. Въ началѣ XVI в., когда господство византийскихъ догматовъ сильно ослабѣло, когда вліяніе западное, поддерживаемое Московскими государями, все болѣе и болѣе укрѣплялось, уже немногіе заводили рѣчь о необходимости преслѣдовать ложныя книги. Только отсталые люди, напр. старовѣры, могли еще въ то время сѣтовать, что православные увлекаются ложными ученіями. Въ заключеніе референтъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ индексѣ ложныхъ книгъ, который составленъ былъ Никономъ Черногорцемъ.

В. И. Григоровичъ сообщилъ нѣсколько замѣчаній о языкѣ маріупольскихъ грековъ. До временъ крымскаго хана Шагинъ-Гирея они, какъ извѣстно, жили въ краѣ, составлявшемъ нѣкогда епархію: Сугдайскую, Готскую и Херсонскую. Вызванные изъ Крыма нашимъ правительствомъ въ 1778 г., они должны были занять часть запорожскихъ земель, но окончательно поселены между Калкою и Калміусомъ, составивъ такимъ образомъ Маріупольскій округъ. Все трудное дѣло переселенія ведено было знаменитымъ А. В. Суворовымъ еще до присоединенія Крыма къ Россіи. Особенный интересъ представляетъ языкъ той части населенія, которая вышла изъ Сугдайской епархіи и на мѣстѣ называется *Татами*. Отличительная черта въ языкѣ *Татовъ* есть переходъ передъ *i*, *e* звуковъ *x*, *sk*, *k* въ *ш*, *щ* и *ч*, сопровождаемый выпаденіемъ и перестановкой звуковъ, что собственно и затрудняетъ производство словъ. Въ лексиконѣ, кромѣ словъ своеобразныхъ, поражаютъ слова древняго греческаго языка, какъ-то *анса*, *пса* ἀψά—скоро и проч., а также присутствіе славянскихъ словъ съ ринезмомъ: *ринзи* (грязь), *ренда* (град). Изъ наблюдений надъ языкомъ *Татовъ* можно заключить: 1) что свойства этого языка возникли въ очень древнее время, 2) что въ русскомъ языкѣ есть слова, поясняемыя языкомъ *Татовъ*, 3) что онъ сходенъ съ языкомъ трапезундскихъ грековъ. Вообще же изученіе языка *Татовъ* объяснило бы значеніе Сурожанъ въ жизни русской и, можетъ быть, *афеней*, такъ какъ это слово можно выводить тоже изъ языка *Татовъ* (ἀφεν—ἀφτη) оставленный, отшедшій) (Подробнѣе объ этомъ см. брошюру В. И. Григоровича „Записка Антигвара“. Одесса. 1874 г. стр. 6—9 и прибавленіе 1-е).

М. П. Драгомановъ представилъ обзоръ малорусскихъ пѣсень о кровосмѣшеніи въ связи съ сказаніями о томъ же предметѣ у разныхъ европейскихъ народовъ. Сравнительнымъ путемъ полученъ былъ выводъ не въ пользу мнѣнія о миѣическомъ туземномъ происхожденіи малорусскихъ пѣсень на эту тему. Варіанты о покупкѣ сестры на рынкѣ

зашли въ Малороссію изъ Балканскаго полуострова отъ южныхъ славянъ,—о женитьбѣ въ корчмѣ изъ Германіи чрезъ западныхъ славянъ; пѣсни о женитьбѣ сына на матери или о двойномъ кровосмѣшеніи переработаны изъ легенды о св. Григоріи, ходившей по Руси въ рукописяхъ. Хотя напечатанные г. Костомаровымъ рукописи и сѣвернорусскія, существуютъ однако такія рукописи и западнорусскаго письма. (Подробнѣе см. Истор. пѣс. Малор. нар. Ант. и Драг. т. I, стр. 275—286). Докладъ М. П. Драгоманова вызвалъ возраженія со стороны гг.: Н. И. Костомарова, Е. В. Барсова, Н. И. Петрова, О. Θ. Миллера, В. А. Яковлева. *Н. И. Костомаровъ* замѣтивъ, что между пѣснями о кровосмѣшеніи сына съ матерью и брата съ сестрой ничего нѣтъ общаго, что вообще въ малорусскихъ пѣсняхъ о кровосмѣшеніи нѣтъ никакихъ слѣдовъ книжнаго вліянія. *Е. В. Барсовъ* заявилъ, что письменный источникъ пѣсень о кровосмѣшителѣ устраняетъ всякую возможность предполагать распространеніе ихъ съ юга на сѣверъ, даже въ томъ случаѣ, если малорусскія пѣсни обязаны своимъ происхожденіемъ вліянію южныхъ или западныхъ славянъ. *Н. И. Петровъ* указалъ на мифическія представленія о смѣшеніи какихъ-то мифическихъ божествъ, связаннаго съ днемъ Андрея Первозваннаго, о которомъ въ Волынской губерніи есть преданіе, будто бы онъ убилъ своего отца и женился на матери,—поэтому пѣсни о кровосмѣшеніи имѣютъ мифическое значеніе и у насъ, какъ у Индусовъ и у другихъ народовъ. Въ такомъ же родѣ представилъ возраженіе *О. Θ. Миллеръ*. Онъ сослался на купальскія пѣсни, записанныя въ Бѣлоруссіи, въ которыхъ говорится о кровосмѣшеніи брата съ сестрой, между тѣмъ не доказано, чтобы рукописныя сказанія или же сказанія, сложившіяся подъ вліяніемъ рукописныхъ источниковъ, могли переходить въ обрядныя пѣсни. *В. А. Яковлевъ* замѣтилъ, что рукописная редакція сказанія о кровосмѣшителѣ Пыпина, на которую ссылается М. П. Драгомановъ, представляетъ громадное количество полонизмовъ въ отличіе отъ списка Н. И. Костомарова. На всѣ эти возраженія отвѣчалъ *М. П. Драгомановъ*. Сущность его отвѣта заключалась въ томъ, что исключительное примѣненіе мифологическаго метода къ объясненію пѣсень о кровосмѣшеніи можетъ привести къ одностороннимъ заключеніямъ, что даже въ обрядныхъ пѣсняхъ далеко не все можно объяснять мифологіей, что во многихъ случаяхъ нельзя обойтись безъ историческаго метода, наконецъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду разяснять, какъ перешли съ юга на сѣверъ сказанія о кровосмѣшителѣ, а желалъ только указать на возможность перехода одной изъ пѣсень этого рода и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать новый пересмотръ вопроса, который, казалось бы, окончательно рѣшеннымъ.

Второе засѣданіе, 9-го Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ В. П. Ключевскаго.

Д. И. Иловайскій представилъ извлеченіе изъ напечатанной монографіи своей „О происхожденіи Болгарской народности и письменности“. Основная мысль этой монографіи заключается въ отрицаніи господствующаго мнѣнія о неславянскомъ происхожденіи

Болгарь. Въ защиту своего мнѣнія о славянствѣ Болгарь Д. И. Иловайскій привелъ доказательства историческія, этнографическія и филологическія. (Подробности см. Розысканія о началѣ Руси Иловайс. 1876 г. стр. 330—401). Возражали Д. И. Иловайскому: В. И. Григоровичъ, Н. А. Поповъ, В. В. Ягичъ. *Н. А. Поповъ* находилъ, что вопросъ поставленъ былъ Д. И. Иловайскимъ несовсѣмъ точно. Гг. *Григоровичъ* и *Ягичъ* возражали съ филологической точки зрѣнія. Первый замѣтилъ, что въ народѣ, у котораго упоминаются *тарганы*, князя котораго до половины IX в. носятъ названія, непонятныя славянамъ, въ такомъ народѣ тщетно искать исключительнаго славянства. Можетъ быть, не лишнее было бы принять къ свѣдѣнію и то, что въ житіи преподобнаго Іоаннѣнія, современника Круму, Болгаре называются Уграми. Въ томъ же духѣ высказался г. *Ягичъ*. Пренія не привели къ опредѣленному результату.

И. И. Срезневскій сообщилъ рефератъ: „О глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи“. (См. т. II, стр. 269—276).

Г. Леже прочелъ рефератъ: „О нѣкоторыхъ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ Турской бібліотекѣ“. (См. т. II, стр. 253—255).

Е. В. Барсовъ прочелъ изслѣдованіе о Словѣ о полку Игоревѣ. Пользуясь бумагами покойнаго А. Θ. Малиновскаго, г. Барсовъ пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ о томъ, какой внѣшній видъ имѣла рукопись, находившаяся въ рукахъ первыхъ издателей, и сколько страницъ занималъ въ ней текстъ самаго слова. Къ другимъ палеографическимъ выводамъ, извѣстнымъ изъ предисловія г. Тихонова къ его изданію слова о полку Игоревѣ, г. Барсовъ присоединилъ слѣдующее: 1) въ рукописи слова употреблялось сложное (оу), 2) строки рукописи были раздѣлены точками. Во второй части своего изслѣдованія, г. Барсовъ, опираясь на представленныя имъ палеографическія соображенія, предложилъ опытъ возстановленія испорченныхъ и объясненія непонятныхъ мѣстъ Слова. Кромѣ палеографическихъ основаній, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ, какъ второстепеннымъ пособіемъ, замѣчаніями народныхъ пѣвцевъ и разказчиковъ, которымъ онъ читалъ древній памятникъ съ своими объясненіями. Такъ объяснены имъ слова и выраженія: „кожухъ“, „уѣдіе“, „болонь“, „мытъ“, „чернядь“, „дивъ“, „лисици брешуть“, „растѣкашется мыслию по древу“ (вм. *мыслию—листоіемъ*),—„иже истягну умъ крѣпостию своею“ (вм. *истягну—стяну(ль)*),—„на канину зелену паполому постла“ (вм. *канину—нѣжатину*),—„и схотию на кровать и рекъ“... Последнюю фразу г. Барсовъ представилъ въ такомъ видѣ: „и с хотию на крови тѣй рекъ“... Это чтеніе послужило исходной точкой для возраженій *П. Е. Ваденюка*. Онъ выразилъ сомнѣніе въ логической состоятельности этого чтенія и затѣмъ, на основаніи палеографическихъ соображеній, предложилъ свое чтеніе даннаго мѣста: „и съ хотъ юна коуваеъ (или карить) и речеть“, т. е. „и вотъ молодая жена причитывая говоритъ“... Вмѣстѣ съ тѣмъ оппонентъ выразилъ убѣжденіе въ научной непригодности замѣчаній, которыя можетъ сдѣлать на-

родный пѣвецъ, слушающій чтеніе Слова о полку Игоревѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ нашель, что объясненія г. Барсова указанныхъ выше словъ и выраженій Слова о полку Игоревѣ не имѣютъ интереса новости, такъ какъ одни изъ объясняемыхъ имъ словъ имѣютъ определенное и всѣмъ извѣстное значеніе въ южнорусской рѣчи, а другія объяснены наукой: въ томъ и другомъ случаѣ содѣйствіе народныхъ пѣвцевъ не имѣетъ мѣста. Въ отвѣтъ на эти возраженія г. *Барсовъ* замѣтилъ, что непосредственное чутье народа въ лицѣ его художественныхъ представителей можетъ только натолкнуть на болѣе важныя догадки и соображенія, которыя могутъ быть подтверждены палеографическими данными, а затѣмъ само по себѣ это чутье не есть критеріумъ для оцѣнки слова о полку Игоревѣ.

Третье засѣданіе, 13-ю Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ Н. В. Калачева.

Д. И. Иловайскій, опираясь на выводы о славянскомъ происхожденіи Болгаръ, изложенныя имъ въ предшествующемъ засѣданіи, представилъ нѣсколько данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи древнеславянскихъ письменъ. По его мнѣнію, изслѣдователи этого вопроса давали преувеличенное значеніе извѣстію Черноризца Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Они не были изобрѣтателями, а только устроителями и распространителями готовыхъ письменъ. Это именно были *русскія письмена*, которыми написано было Евангеліе и Псалтирь, найденныя Кирилломъ въ Корсунѣ, во время его хазарской миссіи. Объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ *всѣ* списки паннонскаго житія. Письмена эти имѣли тотъ видъ, который впослѣдствіи получилъ названіе Кириллицы въ отличіе отъ глаголицы, существовавшей независимо среди западныхъ славянъ. Самый переводъ Евангелія и Псалтиря сдѣланъ былъ до Кирилла на языкъ таврическихъ или таманскихъ Болгаръ. Названы эти письмена русскими, вѣроятно потому, что Черные Болгаре извѣстны были составителю Паннонскаго житія подъ именемъ *Русь*. (Подробнѣе объ этомъ см. Разысканія о началѣ Руси Иловайскаго стр. 130—155).

Затѣмъ прочтены были рефераты: *П. И. Житецкаго*: „О Пересопницкой рукописи“. (См. т. II, стр. 221—230) и *Е. I. Калужняцкаго*: „Обзоръ славянорусскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ“. (См. Приложенія, стр. 214—312).

В. В. Яичъ отъ имени Загребской Академіи представилъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ глаголическаго письма. На одинъ изъ этихъ снимковъ, именно на древнюю глаголическую надпись въ церкви св. Луціи (на островѣ Велья), онъ обратилъ вниманіе членовъ съѣзда. (См. т. II, стр. 327—330).

Четвертое засѣданіе, 16 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ П. И. Саввантова.

О. Θ. Миллеръ сообщилъ рефератъ: „Великорусскія былины и Малорусскія думы“. (См. т. II, стр. 285—306).

По поводу реферата О. Θ. Миллера М. П. Драгомановъ заявилъ, что слѣды богатырскаго эпоса въ настоящее время можно находить не столько въ южнорусскихъ думахъ, сколько въ сказкахъ. На это заявленіе въ свою очередь отвѣчалъ О. Θ. Миллеръ. Сущность этихъ преній подробно изложена въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) въ вопросу о былинахъ сравнительно съ думами (Спб. Вѣд. 1874 № 265); 2) примѣчанія О. Θ. Миллера къ письму М. П. Драгоманова: „О слѣдахъ великорусскаго эпоса въ Малороссіи“. (Древняя и новая Россія. 1875 г. Сентябрь).

Затѣмъ прочитаны были рефераты: *Н. И. Костомарова* „О мнимой подлинности бѣлоцерковскаго универсала Богдана Хмельницкаго“ и *И. И. Мамышевскаго* „Подложное письмо Половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру святому“. (См. т. II, стр. 307—316).

Пятое засѣданіе, 19 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ А. Е. Викторова.

А. Е. Викторовъ сообщилъ рефератъ: „Не было-ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде первопечатнаго Апостола 1564 года?“ (См. т. II, стр. 211—220).

По поводу этого реферата *В. Е. Румянцевъ* замѣтилъ, что сказанію г. Викторова придалъ слишкомъ важное значеніе, что промежутокъ въ десять лѣтъ между заведеніемъ типографіи въ Москвѣ и первою печатною книгою объясняется трудностію начинавшагося дѣла, что, наконецъ, изъ послѣсловія къ первопечатному Апостолу нельзя сдѣлать никакихъ заключеній о печатаніи какихъ бы то ни было книгъ въ Москвѣ раньше 1564 г. *А. И. Павинскій* дополнилъ сообщенія г. Викторова указаніемъ на краковскія старопечатныя изданія и затѣмъ, въ подтвержденіе мнѣнія г. Викторова, заявилъ, что въ послѣловіяхъ къ печатнымъ изданіямъ, вышедшимъ при Федорѣ Иоанновичѣ, говорится почти то же, что и въ послѣловіи къ Апостолу 1564 г., т. е. что типографское дѣло заводится какъ бы вновь. На это г. *Румянцевъ* замѣтилъ, что въ указанныхъ послѣловіяхъ этотъ тонъ объясняется перерывомъ въ типографскомъ дѣлѣ. *П. И. Саввантовъ* коснулся такъ называемыхъ *выходовъ*, отсутствіе которыхъ въ нѣкоторыхъ старопечатныхъ изданіяхъ подало г. Викторову поводъ считать ихъ болѣе древними, чѣмъ известный Апостолъ 1564 г. По заявленію г. Саввантова, *выходы* часто вырывали раскольники для пополненія недостающихъ листовъ. *А. Е. Викторовъ* возразилъ, что доказательства его о печатаніи книгъ въ Москвѣ до 1564 г. основаны вовсе не на *выходахъ*.

И. П. Хрущовъ прочелъ рефератъ: „О памятникахъ прославившихъ Куликовскую битву“. (См. т. II, стр. 277—283).

В. И. Григоровичъ сдѣлалъ два сообщенія, о которыхъ заявилъ, что они внушены ему желаніемъ склонить вниманіе членовъ съѣзда на южнорусскую землю, на которую указываютъ и вѣсть о посѣщеніи ея Апостоломъ Андреемъ, и темное преданіе объ епископѣ Іоакимѣ, „иже, изшедь изъ Корсуня, учаще ны“. Сказаніе о хожденіи Апостола Андрея, вѣроятно, подало поводъ къ замѣчательному разсказу нашего лѣтописца о греческомъ пути и пребываніи Апостола въ Кіевѣ и Новгородѣ. Списки этого сказанія находятся въ рукописяхъ Волоколамской библіотеки, что нынѣ въ Московской Духовной Академіи, и Новгородской Софійской библіотеки, что нынѣ въ С.-петербургской Духовной Академіи. Оба списка XV в. Подобные списки внесены въ Макарьевскую Четъ-Минею. Сказаніе это, очевидно, переведено съ греческаго сказанія, извѣстнаго въ XVII вѣѣ Тилеману, а въ XVIII в. Ассеманію, но только въ 1841 г. изданнаго Дресселиемъ и перепечатаннаго затѣмъ въ 120-мъ томѣ *Patrologiae cursus completus*. И славянскій переводъ, и греческій печатный текстъ оказываются неточными. По мнѣнію г. Григоровича, славянскій переводъ послужилъ бы къ исправленію греческаго текста. Лучшая рукопись греческаго сказанія подъ названіемъ: *ἡ περίοδοι τῆ ἀγίας ἀποσ. ἀνδρέου* находится на Аѳонской горѣ, въ библіотекѣ Лавры св. Аѳанасія. Сказаніе это, приписываемое монаху Епифанію, заключаетъ, какъ извѣстно, воспоминаніе о хожденіи Апостола Андрея въ странахъ черноморскихъ отъ Синопа до Кавказа, и оттуда въ Босфоръ, Θεοδοσίю и Херсонъ. Такъ какъ въ немъ упоминается о поклоненіи мощамъ и святымъ иконамъ, то, вѣроятно, это воспоминаніе сочинено въ VIII в., во время Льва Исавра. О времени составленія этого сказанія можно заключать по житію св. Стефана новаго, замученнаго Львомъ Исавромъ, такъ какъ въ житіи этомъ упоминаются черноморскія земли. Въ сказаніи о хожденіи Апостола Андрея наиболѣе замѣчательно упоминаніе объ Андреевомъ *алфавитарѣ*: „и алфавитаръ Андрѣовъ Херсоніане сѣтвориша—синопіане творѣще челоуколадци“. Можно было соблазниться этимъ упоминаніемъ, принявъ слово *алфавитаръ* въ буквальный смыслъ. Къ сожалѣнію, сличивъ это мѣсто съ греческимъ подлинникомъ, нельзя нынѣ сомнѣваться, что слово *ἄλφαβηταρίον* имѣетъ другое значеніе. И дѣйствительно, въ одной изъ Бодлеяновскихъ рукописей этимъ именемъ названъ особый родъ сатирическихъ стихотвореній. Въ смыслъ стиховъ слово *ἄλφαβηταρίον* употреблено у Константина Багрянороднаго въ сочиненіи *De saeremoniis*. Во всякомъ случаѣ, сказаніе это можетъ быть принято къ свѣдѣнію въ вопросѣ о культурномъ значеніи Корсуня наканунѣ основанія русскаго государства. Въ другомъ сообщеніи В. И. Григоровичъ коснулся лѣтописи Іоакима Корсунянина въ связи съ судьбой Бизюкова монастыря. Извѣстно, что Новгородская лѣтопись, упоминая объ Іоакимѣ, епископѣ—Корсунянинѣ, прибавляетъ: „иже ны учаще“. Въ XVIII в. Татищевъ, окончивъ уже свою исторію, получилъ изъ Би-

зюкова монастыря, что въ Смоленской губ., тетради съ выписками будтобы изъ Иоакимовой лѣтописи. Сомнѣнія въ существованіи такой лѣтописи высказаны Шлецеромъ, Карамзинымъ и другими. Въ защиту ея сдѣланы были соображенія Бутковымъ въ его „Оборонѣ“ Нестора. Наконецъ, П. А. Лавровскій въ своемъ аналитическомъ разборѣ такъ называемой Иоакимовой лѣтописи доказалъ возможность такого лѣтописнаго свода, къ которому могли уцѣлѣть подлинныя сказанія Иоакима. Въ оправданіе Татищева Н. А. Поповъ привелъ также нѣсколько соображеній. По мнѣнію г. Григоровича, судьба Иоакимовой лѣтописи выяснилась бы, если бы ближе ознакомились съ самимъ Бизюковымъ монастыремъ, гдѣ она найдена. Бизюковъ монастырь, основанный въ 1660 г. Салтыковымъ, былъ ставропигіальнымъ и пользовался покровительствомъ знатныхъ родовъ. Около 1786 г. онъ обѣдпѣлъ и въ 1803 г. переведенъ въ Херсонскую губернію, на Днѣпръ, гдѣ было образовалась Софроніева пустынь. Туда перенесена вся движимость монастыря. Есть преданіе, что въ этомъ монастырѣ лѣтъ 20 тому назадъ сожгли кучи бумагъ. Теперь остались еще два помянника первой половины XVIII в., изъ которыхъ видно, что около 1730 года въ Бизюковѣ монастырѣ жилъ Архим. Иоакимъ. По мнѣнію г. Григоровича этотъ Иоакимъ имѣлъ возможность изъ готовыхъ лѣтописей составить сводъ, тетради котораго доставлены были Татищеву въ 1748 году.

С. Т. Голубевъ сдѣлалъ сообщеніе: „О составѣ библіотеки Петра Могилы“. (См. т. II, стр. 257—268).

Затѣмъ *М. Г. Щербаковъ* прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Какія бытовья археологическія черты, сохранились въ народномъ южнорусскомъ языкѣ. „Референтъ представилъ рядъ наблюденій и соображеній, въ силу которыхъ, по его мнѣнію, многіе слова живой южно-русской рѣчи сохранили слѣды понятій давно уже исчезнувшихъ, относящихся къ глубокой старинѣ исторической и даже доисторической.“

Шестое засѣданіе, 21 Августа утромъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго.

О Архим. Амфилоіи представилъ рефератъ: „Что внесъ св. Кипріанъ митрополитъ изъ своего роднаго нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги?“ (См. т. II, стр. 231—251).

В. И. Григоровичъ дополнилъ сообщенія о Амфилохіи нѣкоторыми соображеніями. Обыкновенно считали митрополита Кипріана сербиномъ и думали поэтому, что онъ придерживался сербской рецензіи. Но Кипріанъ былъ ученикомъ Евѣмія, патріарха Терновскаго, и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ. Онъ возобновилъ рецензію славянскую, которая въ XIV в. замѣтно уступила русской, но не въ сербской, а въ среднеболгарской формѣ; поэтому въ XV, даже въ XVI в., на Руси держались кссовыя изводы, но подвергались синкетизму. Впрочемъ, самая смѣшанность этихъ изводовъ содѣйствовала со-

знанію необходимости окончательно дать преимущество русской рецензіи, за которой грамматика Смотрицкаго въ XVII в. закрѣпила авторитетъ.

По поводу реферата О. Э. Миллера объ отношеніяхъ великорусскихъ былинь къ малорусскимъ думамъ г. *Житецкій* высказалъ нѣсколько своихъ соображеній. Въ сравнительномъ очеркѣ г. Миллера, по мнѣнію г. Житецкаго, главными точками сходства между былинами и думами признаны были, съ одной стороны общинно-земскія, съ другой стороны, семейно-родственные воззрѣнія и чувства, которыми проникнуть, какъ великорусскій, такъ и малорусскій эпосъ. Но справедливость требуетъ сказать, что не въ одной русской народной поэзіи воспроизводятся идеалы любви къ родной землѣ и къ родной семьѣ. Можно было бы, на основаніи Краледворской рукописи и сербскихъ пѣсень, представить блестящіе образы старинныхъ славянскихъ добродѣтелей, основанныхъ на семейныхъ симпатіяхъ и земскихъ инстинктахъ славянской природы. Сводя такимъ образомъ въ одно цѣлое мотивы славянской поэзіи, мы пошли бы по пути нѣсколько преждевременному и не совсѣмъ безопасному въ наукѣ, которая прежде всего должна заняться анализомъ отдѣльныхъ явленій съ тѣмъ, чтобы потомъ уже создать изъ нихъ стройное цѣлое. Съ этою цѣлію г. Житецкій предложилъ опытъ установленія историческихъ данныхъ относительно малорусскихъ думъ для уясненія ихъ конкретныхъ особенностей. Предпославъ краткую исторію поднѣпровскаго населенія, среди котораго особенно процвѣтало козачество и поэтическое выраженіе его—думы, онъ пришелъ къ тому выводу, что думы появились вмѣстѣ съ козачествомъ, т. е. въ эпоху позднѣйшую. Самое слово *дума* въ первый разъ встрѣчается въ анналахъ Сарницкаго подъ 1506 г., т. е. почти совпадаетъ съ первымъ извѣстіемъ о появленіи козачества. Но само собою разумѣется, что думы и козачество явились прежде, чѣмъ попали на страницы актовъ и анналовъ. Нельзя поэтому отрицать связи думъ съ пѣснопѣніями Кіевской эпохи. Какими? Въ этомъ весь вопросъ. Допуская родственныя отношенія думъ къ былинамъ можно искать для думъ такихъ же отношеній въ поэзіи иного рода: это именно дружинная поэзія, остатки которой скользятъ между строками начальной Кіевской и Волынской лѣтописей, а также поэзія Слова о полку Игоревѣ. Здѣсь уже не просто родственныя отношенія, но отношенія потомка къ отдаленному предку. На смѣну княжескихъ дружинъ явились козацкія дружины, во главѣ которыхъ стояли народные вожди, тѣмъ не менѣе сущность борьбы съ степными варварами, начатой еще въ Кіевскую эпоху, оставалась та-же. Условія борьбы нисколько не измѣнились: поэтому неудивительно, что въ думахъ отзывался звонъ Бояновыхъ струнъ, только пѣвцы думъ слагали пѣснь не князьямъ, а рыцарямъ козакамъ за подвиги сходные во всѣхъ подробностяхъ съ подвигами княжескихъ дружинъ. Что касается былинь, то онѣ представляютъ иной типъ поэзіи, такъ называемый, героическій. Сущность героическаго эпоса заключается въ томъ, что онъ составляетъ органическое продолженіе мифологическаго: боги сходятъ на землю, становятся

героями, но въ этихъ герояхъ живутъ еще старыя боги. Такимъ образомъ точкой отправленія фантазіи въ развитіи героическихъ типовъ служатъ древніе мифическіе образы, а не былъ, фактъ, какъ въ эпосѣ историческомъ. Безъ сомнѣнія, и малорусское племя имѣло свои героическія преданія, затерявшіяся въ бранныхъ тревогахъ козацкой эпохи. Весьма можетъ быть, что, вслѣдствіе единства происхожденія, эти преданія отразились въ былинахъ, но мы напрасно искали бы въ былинахъ прямыхъ указаній на то, что онѣ вмѣстѣ съ думами составляютъ два момента одной и той же поэзіи. По крайней мѣрѣ, въ сообщеніяхъ О. Θ. Миллера положительныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ нѣтъ. Отсутствие такихъ данныхъ и вызвало съ его стороны попытку найти какіе-нибудь слѣды былиннаго эпоса въ малорусской поэзіи. Искать ихъ можно, но только необходимо установить наиболѣе вѣрный путь. По мнѣнію г. Житецкаго, этотъ путь долженъ быть апостериорный, а не апіорный. Необходимо начать съ изслѣдованія самихъ думъ въ связи съ историческою обстановкою, среди которой онѣ появились и, восходя отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, можно раздвигать границы сравненія до тѣхъ размѣровъ, которые дадутъ возможность видѣть, какъ для думъ, такъ и для былинъ, одинъ общій источникъ. Если же мы, оставивъ этотъ путь, начнемъ съ сравненія, то едва ли въ состояніи будемъ придти къ положительнымъ результатамъ.

О. Θ. Миллеръ началъ свой отвѣтъ замѣчаніемъ, что онъ никогда не отрицалъ историческаго характера думъ, чѣмъ объясняется лирическій тонъ и страстность въ исполненіи ихъ. Съ другой стороны, онъ всегда считалъ думы поэтическимъ выраженіемъ народно-козацкихъ понятій; поэтому онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ попали въ сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова пѣсни, которыя изображаютъ иныя, не народные отношенія князя къ дружинѣ, отношенія, чуждыя, какъ думамъ, такъ и былинамъ. Древній слой не въ этихъ пѣсняхъ, а въ былинахъ, такъ какъ позже, подъ вліяніемъ обстановки, не благопріятствовавшей свободному развитію народно-земскихъ силъ, этотъ слой возникнуть не могъ. Въ былинахъ онъ сохранился, какъ воспоминаніе о весьма давней порѣ. Правда, слоевой составъ думъ не разработанъ; можно пожелать, чтобы думы сдѣлались предметомъ изслѣдованія въ этомъ направленіи: тогда яснѣе выступятъ слѣды древнѣйшаго слоя, сближающаго думы съ героическимъ эпосомъ, который служитъ переходомъ отъ мифологическаго въ историческому, слѣдовательно, и по отношенію къ думамъ составляетъ предшествующую ступень.

Е. В. Барсовъ замѣтилъ, что въ основаніи соображеній г. Житецкаго положена невѣрная мысль, будто бы малорусская поэзія исчерпывается однѣми думами, и вмѣстѣ съ тѣмъ упомянулъ о принадлежащей ему рукописи XVIII в. малорусскаго происхожденія съ пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ. Если въ Малороссіи интересовались пѣснями этого рода въ XVIII в., то подобные сборники могутъ еще открыться. Сверхъ того, г. Барсовъ заявилъ, что одинъ изъ членовъ съѣзда, И. И. Малышевскій, слышалъ въ Кіевѣ отъ

лодочника пѣсню о какомъ-то Севрюгѣ-Севрюжскомъ. Складомъ своимъ эта пѣсня очень похожа на былины. Вообще же, по мнѣнію г. Барсова, собиратели малорусскихъ пѣсень ограничивались только думами и мало интересовались пѣснями былиннаго характера.

В. Б. Антоновичъ, находя оба замѣчанія г. Барсова интересными, въ то же время выразилъ желаніе получить отвѣты на слѣдующіе вопросы: кѣмъ описана рукопись г. Барсова? Какія статьи въ ней паходятся? На какомъ языкѣ онѣ составлены? Пока не слѣданы обстоятельные отвѣты на эти вопросы, рукопись г. Барсова ничего не доказываетъ. Такъ же не опредѣленны и показанія относительно пѣсни, слышанной г. Малышевскимъ. Что касается до мнѣнія г. Барсова о приѣмѣ собирателей записывать однѣ думы, то г. Антоновичъ, основываясь на непосредственномъ знакомствѣ съ источниками по изданію историческихъ малорусскихъ пѣсень, не нашелъ возможнымъ отказать въ научной добросовѣстности лицамъ, которые принимали участіе въ записываніи пѣсень изъ устъ народа.

И. И. Малышевскій замѣтилъ, что пѣсню о Севрюгѣ-Севрюжскомъ, па которую сослался г. Барсовъ, онъ слыхалъ отъ лодочника изъ южной части Могилевской губерніи.

М. И. Драгомановъ заявилъ, что сравнивая думы въ цѣломъ ихъ видѣ съ былинами въ цѣломъ ихъ видѣ, мы беремъ величины несоизмѣримыя. Сравненіе возможно по частямъ, и то лишь съ нѣкоторыхъ только сторонъ: можно, на примѣръ, сравнивать съ былинами нѣкоторыя малорусскія легенды и въ особенности прозаическіе малорусскіе пересказы историческихъ событій. Замѣчательно, что пѣсни и думы, въ которыхъ не разрушенъ еще стихъ, чужды сказочнаго фантастическаго содержанія, тогда какъ прозаическія сказанія, относящіяся къ тѣмъ же лицамъ и событіямъ, поражаютъ неестественностію образовъ и гиперболическимъ тономъ, напоминающимъ былевой эпосъ. Замѣчательно также, что сказанія эти часто относятся къ историческимъ дѣятелямъ позднѣйшаго времени, на примѣръ, къ гайдамакамъ, Палею и пр.

О. Ѡ. Миллеръ замѣтилъ, что важны собственно тѣ слѣды приемовъ героическаго эпоса, которые сохраняются въ настоящихъ думахъ, а не въ сказаніяхъ, потерявшихъ пѣсенную форму, — что думы и былины могутъ и должны быть предметомъ сравненія, потому что тѣ и другія воспроизводятъ жизнь одного и того-же народа, только въ разные эпохи.

П. И. Житецкій предложилъ иной способъ открытія точекъ сходства между думами и былинами. Такъ какъ въ былинахъ идеализируется древній Кіевскій бытъ, а идеализація эта была вызвана и поддержана контрастомъ съ позднѣйшею дѣйствительностію, то былины въ современномъ ихъ видѣ во всякомъ случаѣ не одновременны съ Кіевскою эпохою. Съ этой точки зрѣнія допустить нужно, что скелетъ былинъ, самъ по

себѣ—очень сухой, фактической и, можетъ быть, краткій. Если это справедливо, то пѣсни вѣка дружиннаго, какъ называютъ ихъ въ своемъ изданіи гг. Антоновичъ и Драгомановъ, совсѣмъ не такъ чужды богатырскому эпосу, какъ на этомъ настаиваетъ О. Ѳ. Миллеръ. Онѣ то собственно и составляютъ тотъ дружинный эпосъ, который послужилъ исходной точкой для думъ и для былинъ: тѣ и другія представляютъ какъ-бы два параллельные ручья, идущіе въ одномъ направленіи изъ одного и того-же источника. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, мы уже имѣемъ то, что нужно; и, если это такъ, то наши поиски былиннаго эпоса на югѣ, совершенно напрасны.

И. В. Лучицкій прочелъ рефератъ, подъ заглавіемъ: „Сравненіе Малорусской и Великорусской демонологіи и колдовства съ западно-европейскими“. (Рефератъ не былъ записанъ и доставленъ въ редакцію „Трудовъ Съѣзда“ по заявленію автора, въ болѣе пространномъ видѣ онъ будетъ напечатанъ въ „Знаніи“ или въ „Revue historique“).

Затѣмъ *И. И. Срезневскій*, какъ предсѣдатель засѣданія, заявилъ, что недостатокъ времени лишаетъ членовъ съѣзда возможности выслушать всѣ заготовленные рефераты; такъ два члена съѣзда отказались отъ чтенія двухъ заявленныхъ рефератовъ, не желая, чтобы текущее засѣданіе, которымъ заканчиваются труды съѣзда, затянулось черезъ мѣру долго; одинъ изъ референтовъ заготовилъ сообщеніе о древностяхъ Архангельской губ. (А. Г. Гоздава-Тышинскій), другой—замѣчанія по поводу реферата Е. В. Барсова о Словѣ о полку Игоревѣ (П. Е. Ваденюкъ). Вслѣдствіе ихъ отказа, въ настоящемъ засѣданіи будетъ прочтена только „Инструкція для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ“, выработанная комиссіею, назначенною совѣтомъ съѣзда; въ составъ Комиссіи входили члены съѣзда: Д. Я. Самоквасовъ, Л. К. Ивановскій и В. Б. Антоновичъ.

Д. Я. Самоквасовъ прочелъ эту инструкцію:

1. О П И С А Н І Е Г О Р О Д И Щ Ъ .

1. *Мѣстонахожденіе*. За указаніемъ губерніи, уѣзда и волости должны быть указаны: направленіе и разстояніе даннаго городища отъ ближайшаго къ нему поселенія: города, села, или деревни. *При томъ необходимо перечислить названія встѣхъ, окружающихъ городище, населенныхъ мѣстъ и урочищъ*¹⁾.

2. *Мѣстоположеніе*. Должно быть указано на какомъ берегу данной рѣки, или даннаго ручья; правомъ, или лѣвомъ, возвышенномъ, или низменномъ, въ луговомъ мѣстѣ, въ лѣсу, или въ открытомъ полѣ лежитъ городище. Въ какомъ разстояніи оно отъ ближайшаго нынѣшняго или бывшаго водохранилища.

¹⁾ Последнее замѣчаніе прибавлено къ инструкціи во время самаго чтенія, по совѣту *А. И. Павинскаго*.

3. *Площадь.* а) *Величина площади.* Должна быть выражена въ квадратныхъ саженьхъ величина внутренней части городища безъ внѣшнихъ укрѣпленій (рвовъ и валовъ). По крайней мѣрѣ должна быть выражена въ саженьхъ или аршинахъ окружность площади. б) *Форма площади:* Правильная или неправильная, кругообразная, яйцевидная, треугольная, квадратная и т. д. с) *Поверхность площади:* ровная или холмистая, поросшая лѣсомъ, нѣтъ-ли на городищѣ слѣдовъ колодца, погреба или бывшихъ построекъ.

4. *Внѣшнія укрѣпленія.* а) *Способъ укрѣпленія* городища: рвы, валы или стѣны, или соединеніе того и другаго. б) *Положеніе укрѣпленія въ отношеніи къ площади городища.* Съ какой стороны примыкаютъ къ площади городища его укрѣпленія. с) *Величина укрѣпленія.* Длина и ширина рвовъ и валовъ. д) *Форма укрѣпленій.*

5. *Входы.* Въ какомъ количествѣ и съ какой стороны помѣщены входы въ городище.

6. Къ описанію городищъ должны быть приложены, хотя отъ руки сдѣланные, *планы* площадей и укрѣпленій.

7. Если вблизи городища имѣются курганы, то въ какомъ они отъ городища направленіи и разстояніи.

Примѣчаніе. Если городище сохранилось не вполне, то что представляютъ собою сохранившіяся его части? Къ описанію городищъ должны быть прилагаемы *народныя преданія* объ ихъ историческомъ значеніи и указатель *находокъ* на городищѣ, если можно, съ показаніемъ мѣстъ и лицъ, у которыхъ найденныя вещи находятся.

2. О П И С А Н І Е К У Р Г А Н О В Ъ .

1. *Мѣстонахожденіе.* Должно быть указано направленіе и разстояніе описываемыхъ кургановъ отъ ближайшаго поселенія и перечислены названія близлежащихъ поселеній и урочищъ.

2. *Мѣстоположеніе.* На возвышенномъ или низменномъ мѣстѣ помѣщены курганы? На какомъ разстояніи они отъ ближайшаго водохранилища?

3. *Количество* кургановъ въ данной мѣстности.

4. Взаимное расположеніе и разстояніе одной насыпи отъ другой.

5. *Величина окружности* основанія кургановъ и ихъ приблизительная высота.

6. *Форма.* Имѣются на вершинѣ кургановъ площадки или углубленія, или нѣтъ ихъ?

7. Обложено основаніе кургановъ камнями или нѣтъ? Если обложено то плитами или валунами?

8. Если вблизи кургановъ имѣются городище, или городокъ, или замковище, то въ какомъ они разстояніи отъ кургановъ?

3. О ПИСАНИЕ ПЕЩЕРЪ.

1. *Мѣстонахождение* пещеры. Должны быть указаны направленіе и разстояніе пещеры отъ ближайшаго поселенія.
2. Составъ слоя почвы, въ которомъ вырыта пещера.
3. Форма, высота, ширина и длина пещеры.
4. Нѣтъ ли на стѣнахъ пещеры рисунковъ и надписей?
5. Нѣтъ ли въ пещерѣ костей животныхъ или человѣка?

ИНСТРУКЦІЯ ДЛѢ ПРОИЗВОДСТВА РАСКОПОКЪ КУРГАНОВЪ.

1. Каждый, назначенный для раскопки, курганъ долженъ быть описанъ по правиламъ, изложеннымъ въ инструкціи для изслѣдованія внѣшнихъ формъ древнихъ насыпей.

2. При производствѣ раскопки кургановъ, необходимо вести дневникъ, въ которомъ должно быть помѣщено описаніе разрытыхъ кургановъ, ихъ измѣреніе, ходъ работъ, устройство гробницъ, положеніе костяковъ, перечень вещей найденныхъ на костякахъ и около нихъ и планы разрытыхъ кургановъ, съ указаніемъ глубины, на которой помѣщены были найденные предметы.—Каждый курганъ, при раскопкѣ котораго дневникъ не былъ составленъ, считается потеряннымъ для науки.

3. Каждый курганъ, назначенный для раскопки, долженъ быть измѣренъ:

а) Вокругъ основанія. б) Черезъ вершину отъ одной стороны основанія кургана до противоположной и с) Должна быть обозначена, хотя приблизительно, вертикальная высота кургана. Курганы, составляющіе группу, должны быть нанесены на планъ и каждый курганъ обозначенъ особымъ номеромъ.

4. Раскопка кургановъ, отдѣльно стоящихъ, равно какъ и группъ кургановъ, должна быть начата вырытіемъ пробной ямы близъ подошвы кургана съ цѣлью опредѣлить слой почвы и ихъ относительную плотность.

5. Всѣ одинако стоящіе курганы и два или три изъ группы изслѣдуемыхъ кургановъ должны быть разрываются не иначе какъ послойною съемкою земли, начиная съ вершины до основанія.

6. Убѣдившись въ способѣ устройства могилъ данной группы кургановъ послойною съемкою нѣсколькихъ изъ нихъ, остальные изслѣдователь можетъ раскапывать колодцемъ, который закладывается по предварительномъ снятіи вершины кургана, по крайней мѣрѣ на треть высоты его, труба колодца опускается въ глубь шириною равную площади, образовавшейся на вершинѣ кургана, послѣ того какъ снята была послойно треть его высоты. *Въ курганахъ значительной высоты, для облегченія очистки земли, удобнѣе производить раскопку, не колодцемъ, а сегментомъ, т. е. такимъ-же колодцемъ, вынимаемымъ не на срединѣ кургана, но нѣсколько съ боку, такъ, чтобы при отбрасываніи земли, сно-*

силь до основанія одну сторону кургана, для того, чтобы въ эту брешь можно было выбрасывать землю¹⁾.

7. При раскопкѣ кургановъ необходимо употребленіе тонкаго желѣзнаго или стальнаго щупа, длиною не болѣе аршина; при появленіи признаковъ близости остова, щупомъ должно опредѣлить направленіе остова, отыскать его черепъ и бедренныя кости; затѣмъ отъ черепа въ направленіи остова должно отмѣрить два аршина десять вершковъ и очертить остовъ такъ, чтобы со всѣхъ сторонъ костяка оставалось около четверти земли; затѣмъ внѣ очерченнаго круга должна быть снята земля на четверть ниже остова.

8. Дальнѣйшую работу изслѣдователь долженъ производить лично, удаливъ рабочихъ. Осторожно разрываема надъ костякомъ и по бокамъ его земля должна быть тщательно просматриваема, а, въ случаѣ мелкихъ находокъ, напр. бусъ, просѣваема. Разрыхленную землю должно убирать съ возможною осторожностію, чтобы очистить весь костякъ, не раздѣляя его частей.

9. Въ описаніи положенія костяка должно быть указано направленіе головы, положеніе рукъ и ногъ и величина остова.

10. Изъ остова, если состояніе костей это позволитъ, необходимо сохранить черепъ, одну изъ верхнихъ и одну изъ нижнихъ конечностей и тазъ.

11. Украшенія и другія вещи, найденныя при раскопкѣ кургана должны быть записаны въ дневникъ, съ обозначеніемъ въ какомъ положеніи относительно костяка онѣ найдены.

12. Если раскопка обнаружитъ въ курганѣ деревянную или каменную гробницу, то послѣднія должны быть точно измѣрены и подробно описаны съ указаніемъ матеріала и способа устройства гробницы; кусокъ дерева отъ гробницы слѣдуетъ сохранить для изслѣдованія. Положеніе костяка и находки въ гробницахъ описываются по способу вышесказанному. Тоже слѣдуетъ связать и о погребальныхъ камерахъ въ курганахъ.

13. Если раскопка пробныхъ кургановъ обнаружитъ группу кургановъ съ остатками трупосожженія, то всѣ курганы такой группы должны быть раскапываемы послойно. При описаніи кургановъ съ кострищами должно быть указано: на какой высотѣ отъ кострища найдена мертвенная урна, величина кострища и перечень вещей въ немъ найденныхъ.

14. Открытіе костяка или другихъ вещей, на какой бы глубинѣ они не были найдены, не должно служить поводомъ къ прекращенію раскопки данной насыпи, раскопку слѣдуетъ прекратить не иначе, какъ убѣдившись, что колодезь выкопанъ до материка, равнаго по составу и плотности матеріку подпочвы въ пробной ямѣ.

¹⁾ Последнее замѣчаніе прибавлено также во время чтенія, по совѣту гр. А. С. Уварова.

15. Всѣ находки должны быть пронумерованы номеромъ кургана, въ которомъ онѣ найдены, и сохраняемы отдѣльно, по курганамъ.

Примѣчаніе. Очищать металлическія находки можно, какъ механически, такъ и при посредствѣ кислотъ. Для очищенія бронзовыхъ вещей употребляется соляная кислота; золотыхъ и серебряныхъ—сѣрная. Желѣзныя вещи очищаются механически. Роздавленные глиняные сосуды можно клеить густымъ растворомъ аравійской камеди или желатины, съ примѣсью порошка изъ черепковъ древнихъ сосудовъ, или порошка рыхлаго чернозема.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдатель съѣзда, графъ *А. С. Уваровъ* произнесъ слѣдующую рѣчь: „Г.Г. члены археологическаго съѣзда! Мы сегодня кончаемъ наши засѣданія. Въ продолженіе почти трехъ недѣль, мы ежедневно собирались два раза въ день, занимаясь изслѣдованіемъ памятниковъ старины. Но, не смотря на все это время, мы все еще не исчерпали тотъ богатый матеріалъ, который былъ заготовленъ для съѣзда, и даже не могли обслѣдовать всѣ памятники древности, которыми изобилуетъ Кіевъ. Кромѣ засѣданій въ этихъ залахъ университета, мы еще внѣ стѣнъ его предпринимали поѣздки. Мы хотѣли на самомъ мѣстѣ опредѣлить и, такъ сказать, приложить то, что слышали въ этой залѣ: мы разрывали группу кургановъ у с. Гатного, съ цѣлью опредѣлить погребальныя обычаи племени, издревле населявшаго Кіевскую область, затѣмъ, мы осматривали мѣстоположеніе древняго Витичева, упоминаемаго у Константина Багрянороднаго; у с. Монастырѣва отыскивали древнюю пещеру; въ Вышгородѣ старались разрыть основаніе и отыскать абрисъ древняго храма во имя св. Бориса и Глѣба, котораго любопытное описаніе и даже изображеніе мы имѣемъ въ Сильвестровомъ спискѣ житія св. Бориса и Глѣба; мы осматривали старинный Межигорскій монастырь и т. д. Для всѣхъ этихъ экскурсій мы пользовались нарочито заготовленными для съѣзда пособіями: у насъ былъ сборникъ всѣхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ лѣтописей, старинныхъ писателей и архивныхъ документовъ, относящихся къ урочищамъ города Кіева и его окрестностей; для поѣздки по Днѣпру намъ роздали археологическую карту Днѣпровскаго побережья. Такими подготовительными работами встрѣченъ былъ 3-й археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. Самый ходъ нашихъ занятій показалъ, что вопросъ о пользѣ археологическихъ съѣздовъ окончательно рѣшенъ въ ихъ пользу во мнѣніи образованнаго нашего общества, и что они возбуждаютъ живое сочувствіе во всѣхъ къ изученію нашего древняго быта и нашей родной старины. Успѣхъ 3-го съѣзда мы должны, говоря безъ лести, приписать главнымъ образомъ тѣмъ ученымъ силамъ, которыя мы нашли здѣсь, въ Кіевѣ; мы имъ обязаны не только учеными изслѣдованіями, представленными на съѣздъ, но также и тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, которымъ они привлекли учащуюся молодежь къ тѣмъ серьезнымъ занятіямъ, которымъ они посвятили свои силы. Ежедневно, приходя въ эти залы, я ви-

дѣль, какъ профессора, кандидаты, студенты совмѣстно занимались устройствомъ выставки и составленіемъ ея указателя. Такое взаимодѣйствіе, такія дружескія, близкія отношенія на полѣ науки учащихъ и учащихся, общаются нашему отечеству богатую жатву самыхъ полезныхъ дѣятелей. Если взглянемъ на характеръ собственныхъ нашихъ занятій, то увидимъ, что они были посвящены главной нашей цѣли: изученію памятниковъ древности нашего отечественнаго быта и не выходили изъ предѣловъ этой задачи; если одинъ референтъ немного и удалился отъ нея, то это было единичное исключеніе, достойное сожалѣнія“.

„Труды нашего съѣзда будутъ переданы, по рѣшенію совѣта, особой, избранной имъ, редакціонной комиссіи, состоящей изъ В. Б. Антоновича, П. И. Житецкаго, В. И. Модестова, Н. И. Петрова и Ф. А. Терновскаго“.

„Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи совѣтъ съѣзда постановилъ собрать 4-й археологическій съѣздъ въ Казани. Мнѣ, съ своей стороны, остается пожелать Казанскому съѣзду такого-же сочувствія, какое мы встрѣтили въ Кіевѣ, и объявить вамъ, мм. гг., третій съѣздъ закрытымъ“.

8. Засѣданіе VII отдѣленія—Древности классическія, византійскія и западно-европейскія.

Засѣданіе, 6 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ А. О. Мпржинскаго.

В. И. Модестовъ прочелъ рефератъ объ одномъ славянскомъ имени въ помпейскихъ надписяхъ (*Jaripus*). (См. т. I, стр. 114—120).

По прочтеніи реферата *Я. Ѳ. Головацкій* заявилъ, что съ корнемъ слова *яр* и теперь существуютъ фамиліи, а именно, въ львовскомъ университетѣ былъ недавно профессоръ *Ярина*, и до сихъ поръ въ Галиціи есть семейство, называющее себя *Яринами*, въ слѣдствіе чего можно заключать о значительной распространенности у славянъ этого имени въ качествѣ собственнаго.

Ф. А. Терновскій прочелъ рефератъ на тему: „Сравнительная характеристика Византійскихъ хроникеровъ, вошедшихъ въ составъ русскаго своднаго хронографа; именно: Иоанна Малалы, Георгія Амартола и Константина Манасіи“. Въ этомъ рефератѣ, который въ болѣе распространенномъ видѣ вошелъ въ составъ сочиненія: „Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси“. 1875 вып. 1-й,—референтъ, характеризуя Амартола и Манасію, сообщилъ, что первый изъ нихъ вліялъ на древне-русскую письменность своими историческими воззрѣніями, а второй—своимъ цвѣтистымъ высокопарнымъ изложеніемъ; вліяніе же Малалы на русскую письменность было сравнительно малозначительно. Въ заключеніе референтъ выразилъ желаніе, чтобы предпринято было параллельное изданіе греческаго и славянскаго текста Амартола и Манасіи, которое могло бы дать богатые матеріалы для славянскаго языкознанія.

Н. С. Тихонравовъ возразилъ, что *Іоанну Малалѣ* принадлежитъ не менѣ почетное мѣсто въ русской письменности, какъ и *Амартолу* и *Манассіи*, ибо въ древнѣйшемъ видѣ славянскаго хронографа—*Палей* заимствованія изъ *Малалы* преобладаютъ,—и къ желанію референта присоединилъ и свое желаніе, чтобы былъ изданъ параллельно греческій и славянскій текстъ не только *Амартола* и *Манассіи*, но и *Малалы*.

Ө. Г. Мищенко прочелъ рефератъ на тему: „О способѣ исполненія эпическихъ произведеній древне греческими пѣвцами сравнительно съ малорусскими бандуристами“. (См. т. I, стр. 131—138). Основная мысль реферата, что поэмы Гомера речитатировались не просто, а съ аккомпаниментомъ китары или форминга; при чемъ музыкальный инструментъ имѣлъ для Гомера такое же значеніе, какое для малорусскаго пѣвца имѣетъ бандура: текстъ всегда преобладалъ надъ музыкою.

А. А. Ивановъ, не соглашаясь съ положеніемъ референта, утверждалъ: а) что только въ до-гомеровскую эпоху существовало музыкальное исполненіе эпическихъ произведеній; б) что въ Гомеровскихъ поэмахъ только нѣкоторыя части, именно лирическія, напр. пѣснь *Демодока*, исполнялись съ аккомпаниментомъ китары. Референтъ возразилъ: а) что нѣтъ возможности основательно разсуждать о до-Гомеровской поэзіи, о которой мы можемъ знать только изъ Гомера; б) что пѣснь *Демодока*, въ которой изображается, какъ *Арей* любилъ *Афродиту*, какъ попалъ въ ловушку и какъ всѣ боги разсмѣялись надъ такимъ неловкимъ положеніемъ,—едвали можетъ быть названа произведеніемъ лирическимъ, существенно отличнымъ отъ остальныхъ частей поэмъ Гомера.

9. Засѣданіе по VIII отдѣленію—Древностей восточныхъ.

Засѣданіе, 10 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ И. Е. Забѣлина.

Ф. К. Брунъ прочелъ рефератъ: „О разныхъ названіяхъ *Кіева* въ прежнее время“. (См. т. I, стр. 289—296).

А. Я. Гаркави прочелъ рефератъ: „Древнѣйшее арабское извѣстіе о *Кіевѣ*“. (См. т. I, стр. 345—352).

Ф. К. Брунъ прочелъ рефератъ: „О резиденціи хановъ *Золотой Орды* до временъ *Джанибека I*“. (См. т. I, стр. 327—336).

По поводу всѣхъ трехъ рефератовъ никакихъ преній возбуждено не было.

10. Особья засѣданія.

Первое засѣданіе, 7 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ С. Новаковича.

Д-ръ Беда Дудикъ прочиталъ на нѣмецкомъ языкѣ рефератъ: „Дохристіанскіе могильники въ *Моравіи*“. (См. т. I, стр. 297—307).

Г-нъ Симионъ Дзяловскій прочиталъ рефератъ на польскомъ языкѣ: „Объ археологическихъ находкахъ въ Познани“. Референтъ посвятилъ большую часть своего доклада изложенію развитія археологической науки въ польской литературѣ. Указавъ на недавнее возникновеніе археологіи, понимаемой въ настоящемъ смыслѣ, г. Дзяловскій перечислилъ труды первыхъ польскихъ писателей, занимавшихся этою наукою: гр. Евстафія Тышкевича, Михаила Грабовскаго, Либельта, Лелевеля, Крашевскаго, гр. Пржездзецкаго, Глогера, Киркора, Ленковскаго, Завиши и друг. Затѣмъ онъ перечислилъ музеи древностей устроенныя: въ Краковѣ, Варшавѣ, Познани, Торнѣ и Львовѣ и органы польской печати, посвященные археологіи или помѣщающіе археологическія статьи: Археологическія извѣстія въ Варшавѣ; изданія центрального общества любителей наукъ въ Познани; Ежегодники Краковской академіи; Записки Института Оссолинскихъ во Львовѣ; археологическіе ежегодники, издаваемые въ Краковѣ и „Варшавскую Библіотеку“. Затѣмъ, переходя къ древностямъ, открытымъ въ Познани и польской Пруссіи, онъ указалъ на то, что самыя многочисленныя предметы, находимыя въ раскопкахъ тѣхъ странъ—это различныя керамическія издѣлія, въ числѣ которыхъ особенно характеристичны лицевыя урны (*urny obliczowe, Gesichtsurnen*) т. е. сосуды, на которыхъ изображено подобіе человѣческаго лица; такія урны встрѣчаются особенно часто въ Поморскомъ поозеріи и въ окрестности Сухольскаго лѣса; онѣ бывають различной величины, но всѣ, понынѣ найденныя, за исключеніемъ одной, сдѣланы съ помощью гончарнаго колеса.

Затѣмъ г. *Стоянъ Новаковичъ* прочелъ на сербскомъ языкѣ рефератъ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на развитіе восточно-славянской культуры преимущественно до нападенія турокъ“. Г. Новаковичъ прежде всего представилъ фактъ, что литературное и культурное развитіе Болгаръ, Сербовъ и Русскихъ въ средніе вѣка имѣло своимъ органомъ одинъ литературный языкъ и происходило подъ исключительнымъ вліяніемъ Византіи. Эту вѣтвь культурно-славянской исторіи можно было бы назвать „восточно-славянскою“. Затѣмъ г. Новаковичъ остановился на томъ, что принадлежитъ восточнымъ и южнымъ славянамъ. Онъ напомнилъ, что, по отношенію къ оцѣнкѣ и изученію этой культуры, есть двѣ стороны, на которыя надо обратить вниманіе: первая сторона—византійское вліяніе и его характеръ, другая-же заключается въ фактической славянской производительности и въ той прогрессивной силѣ, которая въ ней могла быть и не быть.

Относительно первой стороны г. Новаковичъ заявилъ, что значеніе Византіи еще недостаточно оцѣнено: 1) въ источникахъ, изданныхъ для изученія Византіи, нѣтъ надлежащаго безпристрастія; по традиціи и укоренившимся привычкамъ очень часто были высказываемы предвзятія воззрѣнія, вытекающія изъ средневѣковыхъ религіозныхъ споровъ; 2) Встрѣчаются иногда неточныя критическія приемы, такъ какъ событія болѣе раннихъ вѣковъ измѣрялись масштабомъ позднѣйшихъ вѣковъ. Какъ въ лингвистикѣ подлежатъ сравненію только формы одной эпохи и одной степени развитія: такъ точно

и въ оцѣнѣ культуры нужно сравнивать эпохи одинаковаго развитія. Поэтому западная Европа позднѣйшихъ вѣковъ не можетъ быть сопоставляема въ восточную Европою болѣе раннихъ вѣковъ; 3) забываютъ иногда, что развитіе Востока было насильственно прервано,—поэтому нельзя знать, отсталъ ли бы онъ отъ Запада въ дальнѣйшемъ своемъ культурномъ развитіи, если бы находился въ одинаковой съ нимъ обстановкѣ; 4) одни литературные памятники и исторія государства, на чемъ обыкновенно до сихъ поръ основывались приговоры о Византіи, представляютъ сами по себѣ недостаточный матеріалъ для оцѣнки культуры византійской вообще. Этотъ матеріалъ необходимо пополнить и остальными вѣтвями культуры. Если бы въ изученіи Византіи устранены были всѣ эти неблагопріятныя условія, то результаты показали бы, что Византія въ первой половинѣ XV вѣка, если не была вообще болѣе развита, то, во всякомъ случаѣ, не могла быть менѣе развита какой бы то ни было страны Запада того же времени.

Относительно славянской производительности въ культурномъ направленіи г. Новаковичъ замѣтилъ, что здѣсь главный вопросъ заключается въ томъ, замѣчается ли прогрессъ при историческомъ обзорѣ древнихъ культурныхъ памятниковъ, разсматриваемыхъ одинъ за другимъ, по времени ихъ происхожденія, т. е. возвышалась ли югославянская культура до той ступени, на которой стояла культура византійская? Источниками для рѣшенія этого вопроса можно считать археологическіе памятники разныхъ временъ. Исслѣдованіе этихъ памятниковъ приводитъ къ положительному выводу, что югославянскія племена въ XV вѣкѣ начали приближаться къ той высотѣ культуры, на которой стояла Византія. Въ подтвержденіе этого вывода г. Новаковичъ привелъ слѣдующія данныя:

1) Старыя сербскія монеты эпохи деспота Стефана Лазаревича (1405—1427) и Юрія Бранковича (1427—1451), представляющія въ рисункахъ и въ чеканѣ образцы вкуса и значительнаго развитія художественной техники.

2) Древнія рукописи, разсматриваемыя со стороны начертанія буквъ, инициаловъ, арабесковъ, миниатюръ.

3) Книгопечатаніе, второе спустя 50 лѣтъ послѣ своего изобрѣтенія уже явилось у южныхъ славянъ (г. Новаковичъ сослался именно на начертаніе буквъ въ первой сербской книгѣ, отпечатанной въ Черногоріи въ 1493 г., и на служебникъ, отпечатанный въ 1538 г. съ миниатюрами—произведеніе чрезвычайно красивое, находящееся въ національной библіотекѣ въ Бѣлградѣ).

4) Миниатюры въ различныхъ рукописяхъ (нѣкоторыя изъ нихъ, съ подписью югославянскаго художника, находятся въ одной изъ рукописей преосвященнаго Порфирія), а также фрески въ церквахъ.

5) Архитектурные памятники XV вѣка (монастырь Манасія и Любостыня въ Сербіи; архитекторомъ этого послѣдняго былъ природный Сербъ).

6) Воспоминанія о богатствѣ и лучшей общественной жизни у Сербовъ XIV и XV в. (См. Гласник српс. учен. друш. соч. Чед. Мијатовића).

7) Литература, по преимуществу беллетристическая, которая въ это время сильнѣе начала развиваться.

8) Грамматическое изученіе языка и исправленіе текста церковныхъ книгъ (въ эпоху деспота Стефана Высокого (Лазаревича).

9) Появленіе образованныхъ государей и бояръ, которые являются постоянными покровителями литературной дѣятельности даже послѣ Косовскаго погрома. Таковы: деспотъ Стефанъ (Лазаревичъ), деспотъ Юрій (Бранковичъ), Юрій Црноевичъ, Божидаръ Вуковичъ и др.

10) Нѣсколько типовъ женской образованности. (См. Гласн. соч. Чед. Мијатовића: „Цар Урош и крал Вукашинъ“).

11) Свидѣтельство о высокоразвитомъ вкусѣ деспота Стефана, которое находимъ въ рассказѣ его біографа Константина философа (Гласник XLII) о постройкѣ Бѣлграда.

Наконецъ, не нужно опускать изъ виду, что вмѣстѣ съ вліяніемъ Византіи (преимущественно религіознымъ) въ послѣднее время въ Сербіи болѣе и болѣе усиливалось вліяніе Италіи чрезъ Анкону, Венецію и Дубровникъ (Рагузу).

Сводя все сказанное къ одному цѣлому, г. Новаковичъ замѣтилъ, что въ цѣломъ ходѣ культурнаго развитія оказывается одно существенное различіе между славянскимъ востокомъ и европейскимъ западомъ. На западѣ христіанская культура развилась безостановочно, на славянскомъ Востокѣ: у Русскихъ, Сербовъ и Болгарь, ее прерывали грозныя и гибельныя столкновенія съ азіатскими ордами татаръ и турокъ. Эту разницу постоянно нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ культурнаго состоянія славянскихъ странъ съ состояніемъ культуры на Западѣ.

Н. С. Тихонравовъ, въ дополненіе сказанному г. Новаковичемъ, выразилъ мысль, что изученіе древнесербской и древнеболгарской литературы важно для пониманія исторіи славянскихъ средневѣковыхъ литературъ еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ вѣроятно уцѣлѣли въ переводахъ такія сказанія Византійскія, которыя служили мотивами для многихъ литературныхъ произведеній какъ славянскихъ, такъ и западно-европейскихъ, и византійскіе подлинники которыхъ утеряны. Между тѣмъ въ настоящее время для исторіи, въ вопросѣ о такъ называемыхъ странствующихъ повѣстяхъ средневѣковой литературы, раскрытіе Византійскихъ подлинниковъ этихъ повѣстей представляетъ интересъ первостепенной важности.

Второе засѣданіе, 12 Августа вечеромъ, подъ предсѣдательствомъ Л. Леже.

Д-ръ Мартынъ Коляръ прочиталъ рефератъ: „О топографическомъ словарѣ всѣхъ славянскихъ земель“. (См. т. II, стр. 165—171). Въ дополненіе къ этому реферату

В. И. Григоровичъ и *Л. Леже* указали на важность этимологических выводовъ изъ названій мѣстностей; при чемъ г. Леже заявилъ сожалѣніе объ отсутствіи славянскихъ этимологическихъ словарей. Гр. *А. С. Уваровъ* возразилъ указаніемъ на рядъ весьма почтенныхъ трудовъ по топографіи, совершенныхъ славянскими и русскими учеными съ помощью этимологическаго метода.

Д-ръ В. Яичъ упомянулъ о польскомъ словарѣ Линде, какъ о богатомъ источникѣ для славянской этимологіи и указалъ на необходимость озаботиться составленіемъ сравнительнаго словаря всѣхъ живыхъ славянскихъ языковъ и нарѣчій.

Д-ръ Г. Коляръ прочиталъ на русскомъ языкѣ рефератъ д-ра *И. Ванкеля*: „Пещера Бычачей скалы въ Моравіи“. (См. т. I, стр. 255—261), и затѣмъ сообщилъ, на русскомъ-же языкѣ, свѣдѣнія о чешской рукописной библии XV столѣтія.

VI.

Экспедиціи и раскопки предпринятыя во время 3-го Археологическаго съѣзда.

1. *Экспедиціи*. Посвящены были осмотру древностей какъ въ самомъ Кіевѣ, такъ и въ его окрестностяхъ вдоль по теченію Днѣпра:

4 Августа утромъ члены съѣзда посѣтили Кіево-Софійскій соборъ, при чемъ каеодральный протоіерей, членъ съѣзда, *П. Г. Лебединцевъ* сообщилъ весьма подробные комментаріи, относящіеся къ исторіи зданія и отдѣльныхъ его частей.

Графъ А. С. Уваровъ, *П. В. Павловъ* и *В. А. Прохоровъ* сообщили свои замѣчанія о художественномъ и религіозно-символическомъ значеніи фресковъ и мозаикъ, *П. А. Лашкаревъ* объ архитектурныхъ особенностяхъ самаго зданія собора и *П. С. Евфименко* о значеніи оригинальныхъ орнаментовъ, на стѣнахъ зданія, изображеннаго на одной картинѣ на правой лѣстницѣ, ведущей въ хоры.

Утро 7-го Августа посвящено было осмотру древней церкви бывшаго монастыря св. Кирилла, основанной въ половинѣ XII столѣтія княгинею Маріею Всеволожею; часть древнихъ фресковъ, оставшихся на стѣнахъ этой церкви, была восстановлена для осмотра членовъ съѣзда *П. Г. Лебединцевымъ*.

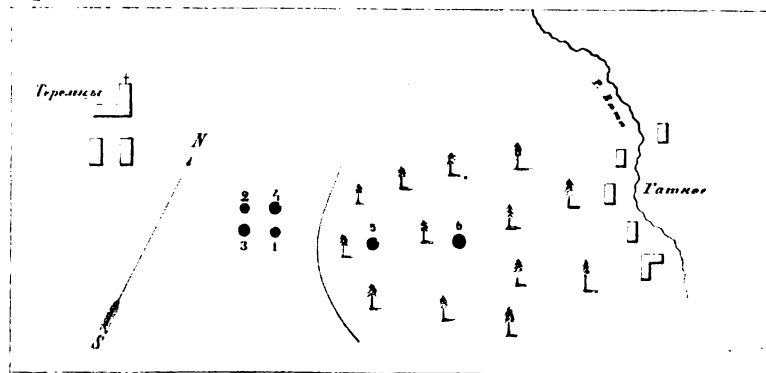
10 Августа утромъ члены съѣзда осматривали древности Кіевопечерской лавры и церкви „Спаса на Берестовѣ“.

17 и 18 Августа посвящены были экспедиціи по Днѣпру съ цѣлью осмотрѣть древности Днѣпровскаго побережья; для облегченія этой экспедиціи приготовлена была секретаремъ съѣзда *В. Б. Антоновичемъ* археологическая карта береговъ Днѣпра отъ Вышгорода до устья Роси. Пароходъ, любезно предоставленный въ распоряженіе съѣзда Кіев-

скимъ городскимъ головою, предсѣдателемъ распорядительнаго комитета съѣзда, *П. П. Демидовымъ кн. Санъ-Дonato*, остановился у Витичева, гдѣ члены съѣзда осмотрѣли древнее городище, насыпанное еще во время великихъ Кіевскихъ князей. Затѣмъ, спустившись ниже по Днѣпру, осмотрѣны были два городища, лежація на возвышенномъ правомъ берегу Днѣпра у м. Ржищева и, наконецъ, вечеромъ того-же дня пароходъ остановился нѣсколько ниже Трехтымирова, у с. Монастырка, гдѣ члены съѣзда осматривали мѣстоположеніе стариннаго Трехтымировскаго монастыря, и пытались расчистить входъ въ весьма обширную и вѣтвистую пещеру, нѣсколько лѣтъ назадъ закрытый обваломъ земли. Позднее время не дозволило окончить начатой раскопки. На другой день, 18 Августа, поднявшись назадъ, вверхъ по Днѣпру, члены съѣзда осматривали городище въ Вышгородѣ, древности, найденныя въ послѣднее время въ окрестности мѣстной церкви: гробъ изъ досокъ краснаго шиффера, перстень, найденный на ружѣ скелета, похороненнаго въ этомъ гробу и древнюю церковную бронзовую печать.

Затѣмъ предпринята была, подъ руководствомъ графа *А. С. Уварова*, раскопка съ цѣлью опредѣлить фундаментъ древней церкви св. Бориса и Глѣба; часть этого фундамента была обнаружена; кладка его состоитъ изъ большихъ четырехугольныхъ кирпичей, соединенныхъ толстымъ слоемъ цемента, подобно кладкѣ Золотыхъ воротъ и церкви св. Ирины въ Кіевѣ. Затѣмъ, многіе члены съѣзда отправились въ близлежащее Межигорье для осмотра старинныхъ, находящихся тамъ церквей: Преображенской, воздвигнутой постриженникомъ Межигорскаго монастыря, Московскимъ патріархомъ Іоакимомъ, и Петропавловской, построенной послѣднимъ Запорожскимъ кошевымъ, Петромъ Калнишевскимъ.

2. *Раскопки* предприняты были 11 Августа, въ 14 верстахъ къ западу отъ Кіева у села Гатного; въ $1\frac{1}{4}$ верстѣ отъ этого села, по направленію къ хутору Теремцамъ, на площади, слегка наклонной къ рѣкѣ Вѣтѣ, протекающей черезъ Гатное, на урочищѣ „Курганъ“ находилась группа 6 могилъ; двѣ изъ нихъ лежали въ лѣсу, 4 на полѣ.

Расстояніе отъ кургана № 6 до № 5=295 шаговъ, отъ № 5 до № 3=350 шаговъ; №№ 1, 2, 3, 4 лежали близко другъ къ другу (отъ 12—20 шаговъ), а № 2 насыпанъ былъ на склонѣ кургана № 3.

При предварительной раскопкѣ, за мѣсяць до съѣзда, раскопаны были курганы: №№ 1 и 4 и потомъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ съѣзда, 11 Августа: №№ 3, 5 и 6.

LXXXI

Поверхность почвы, на которой насыпаны были курганы, состоитъ изъ слоя чернозема (30—35 сантиметровъ толщиною), подъ которымъ находится подпочва, представляющая глей бурога, бѣловатаго цвѣта. Сама насыпь кургановъ, состояла изъ чернозема, въ массѣ котораго встрѣчались во всѣхъ курганахъ: осколки глиняныхъ сосудовъ и разрозненныя человѣческія кости: ключицы, фаланги пальцевъ, позвонки, отломки челюстей и длинныхъ костей конечностей.

Курганъ № 1: вышиною въ 2 метра, окружностью у подошвы въ 104 метра, заключалъ въ себѣ слѣдующіе предметы: на глубинѣ $\frac{1}{2}$ метра отъ поверхности найдены два сосуда, стоявшіе въ опрокинутомъ положеніи; оба имѣли видъ кувшиновъ съ широкимъ отверстіемъ, сдѣланы изъ бурой глины ¹⁾; большій изъ нихъ (25 сантиметровъ вышины, 20 сент. въ діаметрѣ у отверстія и 11 сент. въ діам. дна) украшенъ былъ лѣпнымъ грубымъ орнаментомъ, въ видѣ плохо сплетенаго снурка; орнаментъ этотъ расположенъ былъ въ два ряда, изъ которыхъ одинъ лежалъ непосредственно у верхняго края, другой опоясывалъ средину сосуда; другой сосудъ, меньшій (10 сент. вышины, 8 сент. въ діаметрѣ у отверстія и 5 сент. въ діам. дна—см. Т. XV, ф. 13), не былъ вовсе орнаментированъ. Нѣсколько сантиметровъ ниже сосудовъ оказались дубовыя бревна, сложенныя въ видѣ прямоугольника, расположеннаго съ сѣверо-запада на юго-востокъ, въ бревнахъ находились желѣзные гвозди. Внутри прямоугольника находился человѣческій черепъ и остатки нѣкоторыхъ другихъ костей (ключицы, бедра, голени); кости эти были разрознены такъ, что положенія скелета не возможно было опредѣлить; около черепа находились многочисленныя, весьма мелкія костяныя буссы; рядомъ съ нимъ плоскій глиняный сосудъ, въ видѣ тарелки, обломки желѣзнаго орудія, формы котораго невозможно было возстановить и кремневый наконечникъ стрѣлки (см. Т. XV, ф. 14). Съ наружной стороны деревяннаго прямоугольника найдена бронзовая, плохо сохранившаяся пластинка, лежавшая на остаткѣ совершенно истлѣвшаго дерева. Послѣ того, какъ всѣ исчисленные предметы были сняты, раскопка продолжалась, и на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ метровъ отъ вершины кургана (на 2 метра ниже перваго скелета) найденъ былъ другой полный скелетъ, лежавшій головою къ сѣверо-востоку, вверхъ лицомъ, съ руками, вытянутыми вдоль туловища; при немъ никакихъ предметовъ не было найдено, не смотря на весьма тщательное изслѣдованіе окружающей почвы.

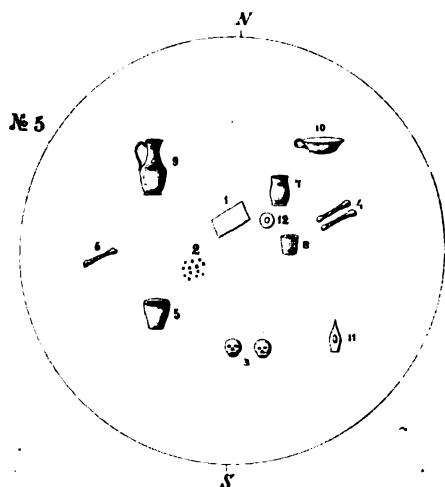
Курганъ № 4 былъ совершенно распаханъ и едва нѣсколько выдавался надъ уров-

¹⁾ Всѣ сосуды, найденные во всѣхъ курганахъ группы у с. Гатного, сдѣланы безъ помощи гончарнаго колеса и очень плохо выжжены—только наружная и внутренняя поверхности представляли пережженныя пластинки, середина-же стѣнокъ, болѣе темнаго цвѣта, не была выжжена. Въ составѣ вѣщества кромѣ глины находилось много постороннихъ примѣсей: зеренъ кварца, комковъ бѣловатаго глею и т. п.

немъ окружающаго поля; вѣроятно, самая могила была уже разрушена плугомъ: въ массѣ кургана найдены разрозненныя человѣческія кости, нѣсколько костей быка, и осколки сосудовъ съ орнаментами, похожими на орнаменты сосудовъ, найденныхъ въ курганѣ № 6.

Курганъ № 3, самый крупный (2 м. 65 сантим. вышиною и 128 метровъ въ окружности у подошвы) оказался также не вполне сохранившимся: западная его половина была распахана и курганъ прерывался съ той стороны почти отвѣсно; не смотря на весьма тщательную раскопку, производившуюся подъ наблюдениемъ *Л. К. Ивановскаго*, кромѣ разрозненныхъ костей человѣческихъ и звѣриныхъ, а также разнородныхъ черепковъ отъ разбитыхъ сосудовъ, въ немъ ничего не было найдено.

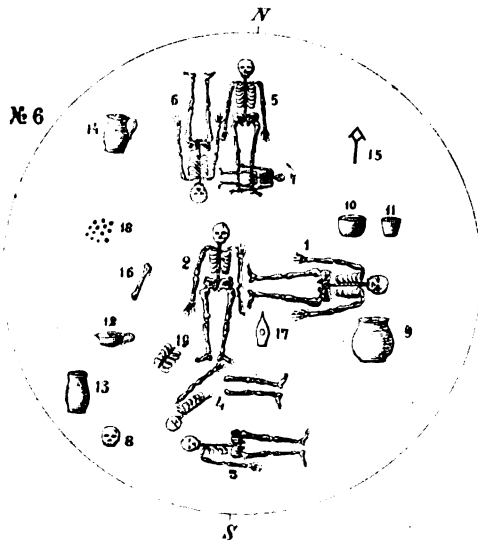
Гораздо лучше сохранившимися оказались курганы, находившіеся въ лѣсу. Въ № 5, (высота 2 метра, окружность 40 метровъ) раскопанномъ подъ наблюдениемъ *Д. Я. Самохвасова*, найдены слѣдующіе предметы: на глубинѣ 25—30 сантиметровъ отъ вершины

кургана лежалъ гранитный точильный камень (1), имѣвшій видъ прямоугольника (28 сент. длины, 15 с. ширины и 9 толщины); верхняя поверхность его, совершенно гладкая, представляла вогнутую плоскость; рядомъ съ камнемъ находились остатки древеснаго угля (2); нѣсколько дальше найдены лежавшими вмѣстѣ два человѣческіе черепа, (3) раздавленные и сплюснутые отъ давленія насыпи; другихъ частей скелета при нихъ не оказалось и только, на значительномъ разстояніи лежали двѣ кости голени (4). Въ разныхъ мѣстахъ кургана стояли 5 глиняныхъ сосудовъ (5, 7, 8, 9, 10); изъ нихъ только два (7 и 10) сохранились въ первоначальномъ видѣ, остальные были совершенно раздавлены землею; верхніе края одного изъ нихъ (5) были украшены съ наружной стороны лѣпнымъ орнаментомъ въ видѣ грубо сдѣланнаго шнура, (см. Т. XV, ф. 3) узламъ котораго на внутренней сторонѣ черепковъ отвѣчали круглыя отверстія, величиною въ $\frac{1}{2}$ горошины, проходившія насквозь черезъ всю толщину стѣнокъ и закрывавшіяся только узлами лѣпнаго орнамента; сосудъ былъ значительной величины, съ широкимъ отверстіемъ, сдѣланъ изъ бурой глины. Другой сосудъ (7) изъ красноватой глины, весь покрытый орнаментомъ изъ прямыхъ линій и точекъ, сохранился вполне (см. Т. XV, ф. 1). Вышина его 12 сент., діам.—10 сент.). Третій сосудъ (9) сдѣланный изъ черной глины, имѣлъ видъ узкогорлаго кувшина съ ушкомъ. Четвертый (10) представлялъ широкую, плоскую миску сдѣланную изъ черной глины, съ краями загнутыми внутрь (высота=8 сент.; діам. у верхняго края=30 сент.); оба послѣдніе сосуды не были украшены ор-

наментами. Наконецъ, пятый сосудъ (8) былъ настолько раздавленъ землею, что контуровъ его и величины невозможно было возстановить. Рядомъ съ жерновнымъ камнемъ найденъ былъ бронзовый кружокъ (12) (9 сент. въ діаметрѣ—См. Т. XV, ф. 5) съ ясными слѣдами зеркальной полировки на лицевой сторонѣ и съ небольшимъ ушкомъ и остатками тонкой деревянной рамки на оборотной сторонѣ; подъ кружкомъ лежала рассыпавшаяся янтарная бусса и маленькое плоское кремневое остріе (см. Т. XV, ф. 4—натуральная величина). Въ сторонѣ отъ группы перечисленныхъ предметовъ, ближе къ краю кургана (6) найденъ обломокъ желѣзнаго ножица (см. Т. XV, ф. 6—натур. велич.) и въ другомъ направленіи, также въ сторонѣ, и на 10 сантиметровъ глубже, чѣмъ остальные предметы—каменный молотокъ изъ кварцита (см. Т. XV, ф. 2).

Курганъ № 6, носившій названіе „Вовча могила“ (высота 2 метра, окружность 84 метра) былъ раскопанъ подъ наблюденіемъ *В. Б. Антоновича*. Въ курганѣ этомъ на

глубинѣ 1½ метра отъ вершины, найдены были слѣдующіе предметы: сосудъ изъ бурой красноватой глины (9), лежавшій на боку и совершенно раздавленный тяжестью земли; онъ имѣлъ видъ кувшина съ широкимъ отверстіемъ и былъ значительныхъ размѣровъ (около 1 аршина вышиною; у верхняго края сосудъ этотъ былъ украшенъ прямолинейнымъ узоромъ, расположеннымъ въ видѣ треугольниковъ. (См. Т. XV, ф. 8).

Въ 1 метрѣ разстоянія къ сѣверу стояли два другіе сосуда отверстіемъ вверхъ; одинъ, довольно большой, сдѣланный изъ бѣловатой глины (10) имѣлъ первоначально видъ узкогорлаго кувшина, но тяжестью насыпи онъ былъ раздавленъ и верхняя половина его была вдавлена въ нижнюю; у верхняго края онъ былъ украшенъ орнаментомъ въ видѣ шнура, подъ которымъ находился рядъ точекъ. (См. т. XV, ф. 9), верхняя же половина выпуклой части кувшина была украшена рядомъ горизонтальныхъ концентрическихъ круговъ; рядомъ съ этимъ сосудомъ стоялъ другой (11) гораздо меньшій, сдѣланный изъ чернубурой глины съ примѣсью значительнаго количества песку и не украшенный орнаментами. На одномъ уровнѣ съ тремя перечисленными сосудами, но въ значительномъ отъ нихъ разстояніи, найденъ наконечникъ желѣзнаго вопья (15). (См. Т. XV, ф. 11). Затѣмъ, углубивши раскопку на 1 метрѣ ниже, на слоѣ подпочвы найдены были слѣдующіе предметы: въ срединѣ кургана, между выше описанными сосудами, лежалъ цѣльный мужескій скелетъ (1) головою къ востоку, лицомъ вверхъ, съ руками протянутыми вдоль туловища, у лѣвой руки его находился каменный молотокъ изъ кварцита (17). (См. Т. XV,

ф. 7). У ногъ этого скелета лежалъ полный скелеть (2) молодой женщины 18—20 лѣтъ, головою къ сѣверу, навзничъ, черепъ поворочень былъ въ лѣво; лѣвая рука этого скелета находилась не на мѣстѣ, она была брошена возлѣ скелета въ такомъ положеніи, что головка плечевой кости находилась у колѣнъ, кисть-же руки обращена была къ головѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ правой стороны скелета найдены: кремневое долото (16) остріе котораго было тщательно отполировано. (См. Т. XV, ф. 12) и маленькій сосудъ изъ черной глины съ ушкомъ (12). Въ той-же сторонѣ кургана найдена небольшая кучка (15) птичьихъ костей, обожженныхъ обломковъ раковины *unio pictorum* и угля (18). Въ сѣверной сторонѣ кургана лежала группа, состоявшая изъ 3 скелетовъ, лежавшихъ: одинъ (5) головою къ сѣверу, другой, рядомъ съ нимъ (6) головою къ югу и третій—скелеть ребенка 4—5 лѣтъ (7) брошень былъ поперегъ на ноги перваго. Рядомъ съ этою группою скелетовъ стоялъ большой сосудъ (14) изъ красной глины, имѣвшій видъ кувшина съ суженымъ горломъ, соединявшимся съ выпуклою частью сосуда посредствомъ широкаго уха. Весь этотъ сосудъ покрытъ былъ прямолинейнымъ орнаментомъ, расположеннымъ въ видѣ треугольниковъ. (См. Т. XV, ф. 10). Въ противоположной, южной части кургана, найдены были два скелета, лежавшіе на боку, головами къ западу: у одного изъ нихъ (3) черепъ былъ раздавленъ и недоставало большинства черепныхъ костей; другой (4) находился въ такомъ положеніи, что черепъ, грудные позвонки, ребра и руки лежали въ одномъ направленіи (отъ WS къ NE), кости-же ногъ въ другомъ (отъ NW къ SE); костей таза и поясничныхъ позвонковъ у этого скелета недоставало. Нѣсколько далѣе къ западу отъ этихъ скелетовъ найдень отдѣльный черепъ (8) безъ другихъ костей скелета и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него нѣсколько отдѣльныхъ реберъ и позвонковъ (19), наконецъ, возлѣ черепа, сосудъ (13), совершенно сходный съ сосудомъ, найденнымъ въ курганѣ № 5. (См. Т. XV, ф. 1). Сверхъ перечисленныхъ предметовъ, гг. Ванкель и Леже обратили еще вниманіе на одну изъ костей, находившихся въ самой массѣ насыпи—это была верхняя треть лѣвой человѣческой бедренной кости, безъ сочленительной головки и большого мыщелка; на передней поверхности этой кости были правильно сдѣланные поперечные нарѣзы (по мнѣнію г. Ванкеля, произведенные на свѣжей кости) расположенные въ 2 ряда—въ каждомъ по 5 нарѣзовъ.

Всѣ курганы группы, разкопанной у с. Гатного принадлежали одному народу и одному времени; доказательствомъ этому служить большое сходство предметовъ каменныхъ и металлическихъ, найденныхъ въ различныхъ курганахъ, а также тождество керамическихъ издѣлій, ихъ вещество, способъ отдѣлки и характеръ орнаментики. Курганы эти были насыпаны надъ могилами людей, жившихъ во время переходной эпохи отъ каменнаго къ металлическому вѣку—металлы: совмѣстно бронза и желѣзо, вошли уже въ употребленіе, но не успѣли еще вытѣснить и вполне замѣнить каменныхъ орудій. Курганъ № 6, единственный, въ которомъ скелеты сохранились въ первобытномъ положеніи,

LXXXV

указывает на особенный погребальный обычай того времени: вокруг центрального скелета (1) расположены 7 других скелетов, на четырех из которых (2, 3, 4, 8) видны несомненные признаки насильственных повреждений, причинивших смерть данным субъектам; положение 3-х других скелетов (5, 6, 7) наводит также на предположение о неестественной их смерти; наконец остатки пищевых веществ (18) заставляют предполагать трапезу или жертву. Конечно, по единичному факту трудно восстановить похоронный обряд в полном его виде, но, во всяком случае, раскопка курганов у с. Гатного дает вский факт для будущего восстановления этого обряда, существовавшего в землѣ Полянъ въ указанную эпоху.

ВЪ ЧЕМЪ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ АРХЕОЛОГИИ, КАКЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ?

Рефератъ И. Е. Забѣлина.

Вопросъ, нѣтъ сомнѣнія, очень важный для установленія правильныхъ понятій объ археологической изыскательности; но вопросъ столько затруднительный въ своемъ рѣшеніи, что его предложеніе съ нашей стороны можетъ оправдываться только горячимъ желаніемъ подвергнуть это рѣшеніе общему всестороннему обсужденію.

Многіе и до сихъ поръ не безъ основанія сомнѣваются: наука-ли археологія? Имѣетъ-ли она свой отдѣльный, опредѣленный предметъ познанія? Есть-ли у ней какая-либо система, какой-либо методъ въ распредѣленіи и въ изученіи познаваемого предмета?

Что археологическія познанія не сложились еще въ систему, объ этомъ прежде всего свидѣтельствуютъ горячія заботы достойнѣйшихъ археологовъ начертить такую систему подъ видомъ программы для русской археологіи.

Объ археологическомъ методѣ изслѣдованія никто, конечно, ничего еще не слыхаль.

Положимъ, что каждая наука въ своихъ изысканіяхъ руководится общими логическими основами разсужденій и заключеній; но каждая наука, сообразуясь съ своимъ матеріаломъ, непременно выработываетъ особые приемы въ употребленіи этихъ общихъ логическихъ основъ изслѣдованія.

Такихъ особыхъ приемовъ въ археологіи не существуетъ.

Наконецъ очень трудно въ точности выяснитъ себѣ даже и самый предметъ археологіи.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ именно занимается эта наука, что она разрабатываетъ? Каковой именно предметъ служитъ центромъ ея изысканій, описаній и объясненій?

Говорятъ,—предметъ археологіи есть древность. Она потому и называется наукою древностей.

Но слово древность имѣетъ такое обширное значеніе и такую, можно выразиться,

безпредѣльность въ своемъ содержаніи, что очень трудно и почти невозможно отвѣтить сколько - нибудь опредѣлительно, что такое на самомъ дѣлѣ древность, какъ предметъ науки. Это слово по своему смыслу не равняется-ли слову *хаосъ*?

Все, что подъ видомъ какого бы то ни было памятника сохранилось отъ прожитой жизни человѣка, все это есть древность, все это есть предметъ для археологической изыскательности. Съ другой стороны, все это существуетъ въ крупныхъ и мелкихъ остаткахъ, обломкахъ, раскинутыхъ въ безпорядкѣ на неизмѣримомъ пространствѣ времени и мѣста.

Неисчислимое разнообразіе памятниковъ, ихъ всегдашняя отрывочность и неполнота, ихъ разновременность—не представляетъ-ли все это въ дѣйствительности нѣчто очень похожее на первородный хаосъ, гдѣ нѣтъ еще никакой тверди, никакого порядка, никакого организующаго начала?

Въ болѣе смутномъ и безвыходномъ положеніи едва-ли находилась какая-либо другая наука. Какимъ образомъ ботаникъ начерталъ-бы свою систему растеній, а зоологъ свою систему животнаго царства, еслибъ для ихъ первоначальныхъ изслѣдованій матеріалъ ихъ науки состоялъ весь не изъ цѣльныхъ и при томъ еще живыхъ организмовъ, а только изъ ихъ частей, разорванныхъ, переломанныхъ и разбросанныхъ въ своихъ остаткахъ повсюду. Если палеонтологія возстановляетъ видъ животнаго по одной открытой косточкѣ, то въ этомъ случаѣ она очень вѣрно и рѣшительно руководится уже выработаннымъ планомъ животнаго развитія во всѣхъ подробностяхъ.

Всѣ другія науки, отправляясь за своими изслѣдованіями, всегда имѣли у себя въ виду нѣчто неподвижное и нерушимое, имѣли твердую точку опоры, около которой и распространялись ихъ изысканія. Но можно-ли найти въ понятіи о древности какую-либо опредѣленную твердую точку опоры? Слово *памятникъ*, которымъ постоянно и исключительно занимается археологія, вовсе не имѣетъ того же или подобнаго значенія и смысла, какъ слова: *растеніе*, *животное*, въ которыхъ съ такою ясностію опредѣляется самая цѣль науки.

Въ то время, когда археологическое знаніе стало впервые складываться въ особую научную систему, подъ именемъ древности и древностей всѣ ученые разумѣли только древности античнаго міра и при томъ по преимуществу только древности художественныя, потому что другихъ, не художественныхъ памятниковъ, Греки и Римляне намъ не оставили. Всякая мелочь ихъ быта носить на себѣ печать художественнаго творчества. Ихъ памятники всякаго рода и вида представляютъ только болѣе или менѣе высокую степень развитія самаго искусства. Открытіе, изученіе этихъ памятниковъ и, такъ сказать, одно только прикосновеніе къ нимъ изыскательной мысли, произвело изумительный переворотъ въ европейской культурѣ. Оно создало эпоху Возрожденія искусствъ. Оно же положило первое основаніе археологіи, какъ особой самостоятельной системы знанія.

Съ той поры слово древность, древній, *антикъ*, стало обозначать исключительно лишь произведенія художественныя, а потому и археологія явилась наукою древняго античнаго искусства. Весь смыслъ ея первородной задачи очень коротко, но весьма определенно выразился въ этомъ самомъ словѣ: *антикъ*. Съ этимъ первороднымъ смысломъ она остается и до сихъ поръ вполне самостоятельною наукою. Самое изученіе античнаго быта и мелочей античной жизни составило лишь прикладную часть знанія къ объясненію того же антика и выдѣлило только особый отдѣлъ государственныхъ древностей, разъяснявшій тоже антикъ особаго рода, т. е. Римское государство.

Само собою разумѣется, что въ виду такого исключительно художественнаго понятія о древности, національная, своенародная древность не имѣла значенія. Объ ней, какъ о бѣдномъ и ничтожномъ со стороны художественнаго творчества, — варварствѣ, не могло быть ни рѣчи, ни помышленія. Объ ней очень долгое время совсѣмъ не догадывались, существуетъ-ли она, эта народная, національная древность? Всѣ умы были исполнены Греками и Римлянами и ничего кругомъ себя не хотѣли видѣть, ничего не хотѣли слышать, о чемъ рассказывала лѣтопись родной земли.

Но исторія и наука шли впередъ. Мало по малу европейскія народности стали обращать вниманіе и на собственную древность, и кругъ понятій о древности естественно распространился самъ собою. Возникла археологія національная. По образу своей матери, археологіи античнаго искусства, и національная археологія остановила свое изысканіе исключительно на искусствѣ же, на художествѣ народномъ.

Но если изученіе античныхъ памятниковъ приводило изыскателя къ постиженію законовъ изящнаго, къ раскрытію законовъ искусства вообще, и тѣмъ утверждало за археологіею мѣсто и значеніе самостоятельной науки, то изученіе своенародныхъ памятниковъ раскрывало по большей части только беззаконіе искусства или самую наивную и неопытную степень его развитія.

Очевидно, что національная археологія явилась какимъ-то незаконнымъ придаткомъ къ познанію античной древности, съ которымъ, неизвѣстно, что слѣдовало дѣлать и куда его устроить.

Но готическій, какъ тогда говорили, или варварскій придатокъ сталъ на своемъ мѣстѣ твердо и выдвинуть его изъ области общаго археологическаго знанія не было возможности. Онъ тоже описывалъ и разрабатывалъ древность. Онъ своимъ присутствіемъ вносилъ въ понятіе объ археологіи новую мысль, ту мысль, что значеніе древности обширнѣе, чѣмъ значеніе антика, что въ ней, кромѣ возвышеннаго, чистаго искусства, есть необозримая сфера низменнаго или рядоваго, повседневнаго искусства и творчества, хотя бы и очень безобразнаго, которое въ своемъ родѣ такой же антикъ.

Къ тому же рядомъ съ изученіемъ памятниковъ народнаго художества накопились познанія и о другихъ, самыхъ разнообразныхъ, сторонахъ прожитаго народнаго быта.

Понятіе о древности съ значеніемъ науки распространялось во всѣ стороны. Исторія каждой науки и cadaго предмета для науки въ сущности становилась главою или отдѣломъ той массы знанія, которая по справедливости должна носить имя археологіи. Археологія во имя древности стала распространять свои изысканія повсюду, гдѣ только шло дѣло о древности.

Безпредѣльность археологическаго знанія и того понятія, какое связано съ именемъ древности, указывается между прочимъ вопросами, которые были предложены на второмъ съѣздѣ. Тамъ разсуждали о томъ, какъ „отыскать и опредѣлить одинъ общій методъ для измѣренія и изображенія череповъ“, и спрашивали: „принадлежатъ-ли черепа, находимые въ курганахъ и жальникахъ Новгородской губерніи, одному и тому же типу и тождественны ли они съ типомъ современнаго населенія; вообще существуетъ-ли типическая племенная разница между черепами, находимыми въ курганахъ и жальникахъ?“.

Археологъ необходимо долженъ былъ спросить объ этомъ, ибо познаніе о различіи племенъ даетъ ему весьма важную точку опоры въ опредѣленіи и объясненіи памятниковъ ихъ быта. Онъ долженъ былъ принять эти вопросы въ кругъ археологическаго знанія и по той еще причинѣ, что антропологія (которая собственно одна и можетъ рѣшить эти вопросы), въ лицѣ нѣкоторыхъ русскихъ представителей, въ одно время обратилась къ археологамъ съ великими притязаніями и поученіями, что они вообще не умѣютъ дѣлать своего дѣла, или не дѣлаютъ его такъ, какъ слѣдуетъ. Антропологія потребовала, чтобы курганныя раскопки велись *иначе*. Это *иначе* состояло въ томъ, чтобы сохранять въ цѣлости черепа и весь остовъ покойниковъ; чтобы черепа подвергать систематическимъ измѣреніямъ. Само собою разумѣется, что антропологъ дорожитъ костями болѣе, чѣмъ вещами, между тѣмъ какъ археологъ, на-оборотъ, дорожитъ только вещами, хотя по указанію антропологіи давно уже принялъ обычай сохранять и черепа.

Оказалось, что въ раскопкѣ кургана, надъ костями покойника встрѣтились двѣ науки, каждая съ своею особою задачей, при чемъ новая, молодая наука потребовала отъ старушки археологіи, чтобы и она была антропологіею. Но должно согласиться, что для пользы науки необходимо, чтобы изслѣдованія надъ черепами и костями производили сами антропологи.

Недавно антропологія указала, что племенные различія можно наблюдать, изучая наприм. такъ - называемый *носовой указатель* черепа, т. е. отношеніе ширины носоваго отверстія въ черепѣ къ длинѣ этого отверстія. По этому предмету сдѣланы уже различные выводы по сравненію человѣческихъ расъ и эти расы уже раздѣлены на три группы — широконосыхъ, тонконосыхъ, средненосыхъ (Знаніе, 1872, № 7, стр. 75).

Нѣтъ сомнѣнія, что антропология со временемъ можетъ открыть и еще новый способъ по костямъ же различать не только расы или племена, но и сословія, т. е. опредѣлять образъ жизни и занятія угасшаго колѣна, на что уже были сдѣланы указанія (академикомъ Бэрромъ).

Археология, занимаясь только изученіемъ курганныхъ вещей, можетъ повѣрять выводы антропологии, такъ какъ и антропология можетъ повѣрять заключенія археологии. Такія повѣрки въ высшей степени будутъ важны для науки, но лишь въ томъ случаѣ, когда обѣ науки будутъ работать независимо другъ отъ друга, ибо соединенные въ одномъ лицѣ, антропологъ и археологъ, едва-ли могутъ производить свои наблюденія въ надлежащей правильности. По естественнымъ причинамъ у нихъ будетъ двоить въ глазахъ, такъ какъ точки ихъ зрѣнія довольно различны.

Конечно, всѣ науки сливаются, такъ сказать, въ одно русло, переплетаются между собою въ одну общую живую связь и непрерывно помогаютъ другъ другу. Но каждая наука необходимо должна видѣть свою опредѣленную цѣль и располагать свои изысканія самостоятельно и соотвѣтственно своей цѣли. Неустройство археологическаго знанія заключается именно въ отсутствіи такой цѣли или, вѣрнѣе сказать, въ слишкомъ обширномъ понятіи объ этой цѣли, каковое выражается словомъ древность.

Простое наблюденіе показываетъ, что всѣ науки, сколько бы ихъ ни явилось впоследствии, распредѣляются на два существенные отдѣла и всѣ соединяются или сливаются въ одномъ понятіи объ одномъ ихъ началѣ. Точка ихъ единства и начало ихъ изслѣдовательности суть творчество жизни. Слово *творчество* мы разумѣемъ въ томъ обширнѣйшемъ смыслѣ, какой ему дала наша древность (творить укоризну, творить пиръ, творить известъ, утворять мусію, творить себѣ кумиръ и т. д.).

Человѣкъ стремится постигнуть это творчество во всѣхъ его видахъ и на всѣхъ путяхъ. Отсюда великое разнообразіе приемовъ и способовъ его постиженія и отдѣловъ познанія, особыхъ наукъ, которыя однако всѣ группируются около двухъ существенныхъ задачъ.

Творчество природы—одна задача. Творчество человѣка—другая задача.

Вся область естествознанія съ прикладными науками стремится уяснить первую задачу или творчество природы.

Вся область человѣкознанія стремится уяснить вторую задачу—творчество человѣка.

Какъ сотворена природа, откуда что идетъ, какъ подмѣтить и открыть самый процессъ, самый актъ творческой силы, — вотъ любопытнѣйшіе и самые важные вопросы естествознанія.

Какъ, откуда произошелъ человѣкъ, какъ и что онъ создалъ на землѣ, какъ заражается и воспитывается въ немъ самый актъ его творческой силы — вотъ вопросы чело-

въвознания, на которые стремятся дать отвѣтъ всѣ науки о природѣ человѣка духовной и тѣлесной.

Въ послѣднее время центральное положеніе среди всѣхъ этихъ наукъ стремится занять антропология, и нѣтъ сомнѣнія, что она станетъ однимъ общимъ русломъ для теченія всѣхъ отдѣловъ знанія о человѣкѣ. Въ нее, какъ въ матерую рѣку, сольются всѣ другія рѣки, рѣчки и ручьи человѣко-познанія, ибо ея задачи верховнѣе всѣхъ другихъ. Исторія, археологія, наука о языкѣ, политика, юриспруденція, этнографія, этнологія, социология и т. д. — все это части, изъ которыхъ впоследствии должно сложиться одно органическое цѣлое.

Сверхъ того въ антропологии сливаются оба великіе отдѣла человѣческой научной пытливости, наука о творествѣ природы и наука о творествѣ человѣка, такъ что она становится сама по себѣ средоточіемъ всей области человѣческаго знанія.

Отъ такого центрального положенія между всѣми науками, изслѣдованія антропологии переплетаются и иногда очень связно съ изслѣдованіями другихъ наукъ.

Въ археологіи антропология прокладываетъ свою дорогу въ до-историческому быту человѣка и потому очень интересуется курганными и другими подобными раскопками, гдѣ открываются слѣды первыхъ человѣческихъ шаговъ. Ясно, что она здѣсь работаетъ, какъ археологія. Ясно также, что археологія должна на этомъ пути внимательно изучить задачи и цѣли антропологии и принести ей посильную помощь.

Антропология изучаетъ человѣческое существо въ цѣломъ его родѣ а, главное, въ связи съ остальною природою, почему она цѣлою половиною своихъ задачъ примыкаетъ къ естествознанію. Но другая ея половина прямо обращена въ самую глубину наукъ, изучающихъ по преимуществу только человѣческое творчество во всѣхъ его видахъ. Для нея столько же важны свидѣтельства и о первомъ появленіи человѣка на землѣ въ качествѣ особаго зоологическаго вида, какъ и о первыхъ начаткахъ его изобрѣтательности въ борьбѣ съ природою и окружающими обстоятельствами. Она равно цѣнитъ и каменное или костяное орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ впервые защищался отъ враговъ, или промышлялъ себѣ пропитаніе или защиту отъ напастей климата; равно цѣнитъ и всякій памятникъ его дальнѣйшаго развитія на этомъ пути, какъ и всякій фактъ его развитія уже въ историческое время.

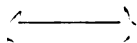
При помощи общихъ антропологическихъ идей теперь съ особенною славою и силою возникаетъ какъ бы особый отдѣлъ антропологическаго знанія въ такъ-называемой *исторіи человѣческой культуры*, гдѣ умственное и нравственное развитіе человѣка составляетъ главнѣйшій предметъ научныхъ изслѣдованій. Но исторія культуры въ сущности есть археологія. Весь матеріалъ, которымъ она пользуется, есть матеріалъ археологическій. Задачи, какія ставитъ себѣ эта исторія, тѣ же самыя, что и задачи археологіи, и отъ

археологии она, может быть, отличается только взглядом на предмет. Этот взгляд, по преимуществу антропологический, показывает, что разработка археологического материала совершается здесь с антропологической или общечеловѣческой точки зрѣнія, что здесь главною задачею служить культура или развитіе *общаго* человѣка, раскрытіе и объясненіе общихъ законовъ его природы, общихъ законовъ его мысли и дѣль.

Руководясь изысканіемъ общихъ законовъ умственнаго, нравственнаго, художественнаго, промышленнаго, социальнаго и вообще бытового развитія въ человѣческой средѣ, исторія культуры не могла обойти въ своихъ разслѣдованіяхъ очень важнаго для нея и многочисленнаго матеріала, который именуется этнографическимъ.

Опять и этотъ матеріалъ столько же этнографическій, сколько и археологическій, ибо вся разница между этнографіею и археологіею заключается только въ предѣлахъ времени: археологія—древность, этнографія—современность. Но и та и другая наука занимается описаніемъ, изслѣдованіемъ, изображеніемъ народнаго быта во всѣхъ его видахъ и во всѣхъ направленіяхъ, такъ сказать, домашней народной жизни.

Не говоря о правахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и т. п., упомянемъ, что напр. крестикъ-тѣльничекъ, носимый на груди поселяниномъ, есть столько же предметъ этнографическаго описанія и изслѣдованія, сколько и предметъ для археологическихъ справокъ и повѣрокъ, какъ и всякая другая вещь современнаго народнаго быта. Такимъ образомъ археологія стоитъ на той же самой почвѣ, на какой стоятъ этнографія, этнологія и частью сама антропологія. Но чѣмъ же ее отличить отъ поименованныхъ наукъ? Есть-ли у ней своя особая точка зрѣнія на общій для нихъ матеріалъ? Или она какъ океанъ—море, становится только Божьею дорогою, общимъ достояніемъ для всѣхъ наукъ, которыя направляютъ свои изысканія къ познанію человѣка?

Всѣ науки о человѣкѣ могутъ разсматривать человѣка лишь съ двухъ сторонъ. Для однихъ онъ творческое удивительное созданіе Создателя природы. Для другихъ онъ самъ по себѣ творческая сила, которая сама создаетъ свой бытъ, сама обрабатываетъ свою природу.

Точка зрѣнія первыхъ наукъ есть точка зрѣнія естественно-историческая. Поэтому всѣ онѣ занимаются изученіемъ человѣка въ качествѣ отдѣльнаго рода въ средѣ земныхъ существъ.

Точка зрѣнія вторыхъ наукъ есть историческая въ собственномъ смыслѣ, которая ставитъ человѣка особою природою, какъ бы совсѣмъ независимою отъ остальной природы, отчего первородная исторія и поставила его во главѣ всего творенія, сказавши, что все сотворено для него одного.

Вся древность, оставшаяся отъ прожитой жизни чловѣка въ разнообразнѣйшихъ памятникахъ есть въ сущности одинъ памятникъ, — памятникъ его безпредѣльнаго творчества, памятникъ его безчисленныхъ дѣлъ на землѣ, начиная послѣднимъ произведеніемъ его ремесла и мастерства и оканчивая высотой его умственныхъ и нравственныхъ созерцаній.

Творцемъ, создателемъ всего неисчислимаго разнообразія этихъ памятниковъ былъ самъ чловѣкъ.

Очень естественно, что всѣ науки, которыя выросли и будутъ еще выростать на этой безпредѣльной почвѣ, должны имѣть между собою родственную кровную связь, родовое единство, въ силу котораго въ каждой изъ нихъ будутъ оказываться общія одни и тѣ же черты.

Само собою разумѣется, что всѣ эти науки могутъ быть распределены и организованы только по тѣмъ особымъ началамъ, въ какихъ неизмѣнно проявляется само чловѣческое творчество. А оно прежде всего распадается тоже на два отдѣла. Мы замѣчаемъ въ творческой производительности чловѣка или дѣйствіе единичное, дѣйствіе свободной чловѣческой воли, или дѣйствіе родовое, дѣйствіе цѣлаго рода, которое на столько не произвольно со стороны чловѣка, что становится для него какъ бы закономъ самого естества.

Такъ, наука о языкѣ сама собою уже отдѣляется въ особую науку по случаю довольно опредѣленныхъ свойствъ самаго предмета ея изслѣдованій. Чловѣческое творчество со стороны звуковаго воспроизведенія мысленныхъ представленій — вотъ предметъ этой науки.

Здѣсь творчество единицы, т. е. творчество, зависимое болѣе или менѣе отъ свободной воли отдѣльнаго лица, такъ сливается съ творчествомъ цѣлаго рода, т. е. съ творчествомъ, вовсе независимымъ отъ свободной воли, что науку о языкѣ почитаютъ естественною наукою именно на томъ основаніи, что развитіе языка, его исторія, иначе — его ростъ, возрастаніе „не находятся во власти чловѣка“, какъ отдѣльнаго лица.

Но чтó думаютъ о языкѣ, то же можно думать и о другихъ проявленіяхъ чловѣческаго творчества. Созданіе мифовъ, легендъ, сказокъ, пѣсенъ, пословицъ, примѣтъ, по-вѣрій и т. д. идетъ по тому же закону. Отдѣльный чловѣкъ не во власти измѣнить ходъ развитія, нарастанія и возрастанія тѣхъ или другихъ народныхъ представленій и они неизмѣнно по непреложнымъ своимъ причинамъ или законамъ всегда выразятся не такъ, какъ бы того хотѣла свободная единичная воля, бывающая всегда послушнымъ орудіемъ въ рукахъ общей родовой силы народнаго творчества.

Конечно, въ такихъ случаяхъ играетъ великую роль преданіе или передача отъ од-

ного поколѣнія къ другому извѣстныхъ мотивовъ и образцовъ; но тоже самое происходитъ и съ языкомъ.

Возьмемъ другой примѣръ, который, по видимому, уже прямо зависитъ отъ свойствъ и направленій единичнаго творчества.

Вся орнаментика какого-либо народа, — узоръ, которымъ онъ украшаетъ свою одежду и всякіе предметы домашняго обихода, украшаетъ свои постройки, свои рукописи, свое оружіе, словомъ сказать все то, чему хочетъ придать красоту, — вся эта узорочная красота точно также въ ходѣ своего возрастанія, распространенія и употребленія никакъ не находится во власти отдѣльнаго лица, которое создаетъ лишь ея части, первообразы, развиваемые и распространяемые тоже отдѣльными лицами, но всегда по волѣ чего-то общаго, родового, принадлежащаго всему поколѣнію и народу.

Формы красоты да и всякой мысли въ изображеніяхъ, какъ и формы мысли въ звукахъ, по основамъ человѣческаго творчества однородны или параллельны.

Развивалась, нарастая, распространяясь, онѣ готовятъ и всегда представляютъ изъ себя почву для послѣдующихъ измѣненій и переходовъ въ развитіи народнаго творчества.

Въ созданіи такой почвы участвуютъ, конечно, единицы, отдѣльныя лица, но всегда въ подчиненіи общимъ родовымъ силамъ и идеямъ, предъ которыми значеніе единичнаго творчества съ его свободною волею совсѣмъ исчезаетъ и первый изобрѣтатель той или другой формы и всякаго дѣла, по большей части, пропадаетъ безслѣдно.

Единица творить, производитъ что бы то ни было болѣе или менѣе сознательно, по своей доброй волѣ. Родъ или народъ въ своемъ творествѣ влечется такою силою, которую не иначе можно понимать, какъ за естественный законъ, необходимо выводящій изъ извѣстныхъ причинъ извѣстныя послѣдствія.

Вотъ почему нѣкоторые ученые очень справедливо разсуждаютъ, что сама исторія есть только глава фізіологіи (Дренеръ, Фізіологія. III, 245), т. е. глава или отдѣлъ естествознанія.

Фізіологи говорятъ: „дѣйствія человѣка, по видимому, свободны и произвольны по отношенію къ нему самому; но они невольны, какъ бы автоматичны и машинальны, когда разсматриваются по отношенію къ жизни цѣлой расы, народа, поколѣнія.... Вообще отдѣльная личность въ общемъ ходѣ народнаго развитія работаетъ для достиженія результатовъ, о которыхъ не имѣетъ понятія; она замѣшана въ созиданіи такихъ послѣдствій, которыхъ сама не сознаетъ“ (Дренеръ, III, 307. Максъ Мюллеръ, О языкѣ, 30).

Въ этомъ замѣчаніи въ сущности обрисовывается отношеніе двухъ силъ человѣческаго творчества, силы единичной и потому свободной или сознательной, и силы родовой, не сознательной и не свободной для дѣйствій отдѣльнаго лица, управляемой естественнымъ закономъ.

Человѣческое развитіе непрестанно находится подъ вліяніемъ обѣихъ этихъ силъ,

дѣйствующихъ взаимно въ созданіи того великаго образа человѣческой жизни, который именуется исторією и который въ своемъ ходѣ оставляетъ за собою неисчислимыя памятники или такъ-называемыя „древности“.

Въ жизни эти силы неотдѣлимы, но въ наукѣ ихъ можно и даже необходимо разсматривать и изучать отдѣльно другъ отъ друга.

Въ началѣ вся область человѣческой древности принадлежала одной наукѣ или одному отдѣлу знанія—исторіи, книгѣ бытія, описывавшей то, что было. Но съ самаго же начала исторія стала обращать особое вниманіе только на такія были, гдѣ виднѣе всего проявлялось творчество или дѣлю человѣка, созидаемое цѣлымъ родомъ, конечно подъ предводительствомъ или подъ руководствомъ отдѣльной личности, ибо первородныя историческія понятія давали большой просторъ личному творчеству и все приписывали исключительно волѣ единичнаго художника.

Какъ бы то ни было, но исторія, по преданію отъ лѣтописи, хорошо поняла и запомнила, что главная ея задача состоитъ въ описаніи и изображеніи общихъ, родовыхъ дѣлъ человѣка. Поэтому самымъ первымъ и важнѣйшимъ памятникомъ для ея наблюденій явилось государство со всѣми его органами и дѣяніями. Государство, не въ смыслѣ тиранніи, какъ иные понимаютъ, а въ образѣ органическаго народнаго устройства, дѣйствительно есть самый возвышенный и, такъ сказать, центральный памятникъ народнаго творчества. Оно даетъ направленіе и всѣмъ другимъ сторонамъ творческой народной дѣятельности. Оно же вполне обозначаетъ тотъ родъ памятниковъ, которыми исключительно занимается историкъ. Это памятники, проявляющіе вообще творчество народныхъ общественныхъ идей, это сами идеи, руководительницы всѣхъ подвиговъ и дѣлъ народа, всей его жизни.

Такъ какъ общія, родовыя дѣла и общія, родовыя идеи слагаются изъ частныхъ, единичныхъ дѣлъ и помышленій, то историческій трудъ по необходимости касается и частныхъ. Но онъ не даетъ имъ у себя самостоятельнаго мѣста, не занимается ихъ обработкою и если вводитъ ихъ въ свое повѣствованіе, то лишь на столько, на сколько эти частности могутъ рисовать общее состояніе народнаго жизни. Но всѣ частности и мелочи жизни суть памятники личнаго творчества человѣка, суть тѣ древности, которыми присуждено заниматься археологіи.

Если понятіе объ археологіи, какъ наукѣ, установить на понятіи о цѣломъ особомъ отдѣлѣ личнаго или единичнаго человѣческаго творчества, по своимъ свойствамъ и цѣлямъ весьма различнаго отъ творчества родоваго или собственно историческаго, то на этомъ только основаніи возможно будетъ начертить, такъ сказать, топографическую карту для безпредѣльной области древностей и такимъ образомъ обозначить ея предѣлы, которые сами собою укажутъ и на то, что должно находиться въ жизненномъ центрѣ этой области. Словомъ сказать, намъ кажется, что только на этомъ основаніи будетъ возможна научная постройка археологическаго знанія со всѣми его отдѣльными вѣтвями.

Въ самомъ дѣлѣ, даже и при теперешней неясности, въ чемъ именно должна заключаться основная задача археологическаго знанія, мы однако очень ясно можемъ видѣть, что именемъ *археологическій* обозначаются только такіе памятники и факты, которые прямо указываютъ, что они есть произведеніе единичнаго или личнаго человѣческаго творчества, что вообще археологія въ любомъ памятникѣ имѣетъ дѣло прежде всего съ творчествомъ отдѣльнаго лица, единицы, между тѣмъ какъ исторія даже и въ творествѣ единичнаго героя находитъ общія, родовыя силы и направленія и очень справедливо почитаетъ единицу только выразителемъ общихъ стремленій и желаній.

Для исторіи всегда трудно бываетъ разобрать, кто первый или кто личный строитель того или другаго историческаго событія. Для археологіи, на-оборотъ, всегда трудно разобрать, что внесено общаго, родового въ личное дѣло создателя любого археологическаго памятника.

Если задача исторіи состоитъ главнымъ образомъ въ изслѣдованіи и изображеніи общихъ дѣлъ народа, общаго, родового, общественнаго творчества народной жизни, то задача археологіи по необходимости должна состоять въ изслѣдованіи и изображеніи личныхъ дѣлъ народа, въ изслѣдованіи и изображеніи единичнаго творчества народной жизни, разработку котораго исторія на себя не принимаетъ.

Личное и единичное въ отношеніи исторіи есть внутреннее и домашнее народной жизни. Отсюда внутрѣнній бытъ и домашній бытъ—отдѣлы чисто археологическіе.

Единичное творчество народа по самой своей натурѣ есть творчество *изобразительное*, для котораго прежде всего потребно *вещество*. Поэтому великій отдѣлъ археологическихъ памятниковъ составляютъ памятники *вещественные*, начиная отъ папируса или писаной бумаги и оканчивая египетскими пирамидами.

Но изображеніе и всякая матеріальная форма, сработанная и созданная человекомъ, суть только отпечатокъ его мысли, его замысла въ кругу разнаго рода необходимостей или отпечатокъ его свободнаго идеала въ кругу высшихъ понятій и представленій. Вещественный памятникъ есть только обликъ умственныхъ соображеній и созерцаній или нравственныхъ стремленій и желаній.

Поэтому ограничить задачу археологіи изученіемъ однихъ вещественныхъ памятниковъ даже совсѣмъ невозможно.

Въ каждомъ такомъ памятникѣ представляется не одно изобразительное, осязаемое или уловляемое глазомъ; но въ немъ со стороны того же изображенія всегда раскрывается цѣлый рядъ фактовъ, которые относятся къ неосязаемой области помышленій, идей, чувствъ, желаній и т. д., вообще къ области умственнаго и нравственнаго народнаго единичнаго же творчества. Эта область также исполнена своихъ памятниковъ, неосязаемыхъ, не-

щественныхъ, для которыхъ памятники вещественные служатъ только символами, іероглифами, буквами, вещественными выразителями.

Такимъ образомъ другой, не менѣ великій отдѣлъ археологическихъ памятниковъ будетъ заключать въ себѣ памятники быта или бытія умственного и нравственного, къ которымъ относятся нравы, обычаи, обряды, вѣрованія, примѣты и всѣ неосязаемыя выраженія и изображенія духовной жизни человѣка.

Все это произведенія человѣческаго творчества. Все это такія же древности, какъ обдѣланные камни, металлы и дерево.

Итакъ общая единая основа археологическаго знанія, изученія, изслѣдованія, описанія есть творчество человѣческой единицы, которое раскрывается въ разнородныхъ и разнообразныхъ памятникахъ вещественныхъ и невещественныхъ.

Каждый памятникъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть произведеніе этого творчества, есть созданіе, мастерство, художество, искусство человѣка—единицы.

Наука прежде всего, конечно, изучаетъ и объясняетъ только памятники. Но это дѣло первоначальное, подготовительное. На немъ одномъ наука остановиться не можетъ. Она не можетъ остановиться и на томъ, чтобы выдѣлить для своихъ изслѣдованій какой-либо одинъ родъ, или одинъ видъ памятниковъ, напр. памятники художественнаго творчества, на которыхъ сосредоточила свое вниманіе археологія антика. Это только особый отдѣлъ ученыхъ археологическихъ изысканій, но не вся полная, не вся цѣлая наука древностей. Художественное творчество, искусство въ тѣсномъ значеніи, есть только вѣнецъ, высшая, божественная степень всей творческой, созидательной производительности человѣка въ обширѣйшемъ смыслѣ. Поэтому ученіе объ этой только сторонѣ человѣческаго творчества есть часть общаго ученія о творествѣ вообще, которое начинается кремневымъ орудіемъ и оканчивается античною статуею, начинается пещерною порою и оканчивается Парееономъ или римскимъ соборомъ Петра; начинается односложнымъ звукомъ въ языкѣ и оканчивается высокими созданіями поэтическаго слова.

Таково обширное, безпредѣльное поле археологическихъ изслѣдованій.

На этомъ полѣ повсюду разсыпаны *древности*, разсыпаны памятники, свидѣтельствующіе объ одномъ: о безпредѣльной способности человѣка создавать, творить, строить свою жизнь во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ своего вещественнаго и духовнаго быта, во всемъ совершенствѣ своего замысла.

Эта самая способность по необходимости и становится исходною точкою для научнаго изученія всякаго рода древностей или памятниковъ. Къ ней же необходимо приходитъ и всякое изученіе этихъ памятниковъ, ибо каждый памятникъ есть не болѣе, какъ

только свидетель, очевидец великаго, въ безчисленномъ разнообразіи *единого*, дѣла, именуемаго творчествомъ.

Дѣло это по разнообразію своихъ естественныхъ задачъ распадается на множество вѣтвей, питающихъ каждая особый отдѣлъ знанія, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли уже организоваться въ отдѣльныя науки.

Исторія языка образовалась въ науку о языкѣ. Но исторія языка въ сущности была археологіей, ибо всякая исторія какого-либо особаго отдѣла въ человѣческомъ творествѣ необходимо носитъ значеніе археологіи, такъ какъ непременно начинается свою повѣсть съ творчества единицы, съ предметовъ, воспроизведенныхъ единицею.

Отдѣленная отъ археологіи, исторія искусства есть тоже археологія, какъ въ прежнее время она и обозначалась.

Болѣе или менѣе широкое развитіе особыхъ отдѣловъ археологіи заставляло скоро забывать ея имя и придумывать новое съ цѣлью опредѣлить независимость и самостоятельность, если не новой науки, то новой мысли о наукѣ. Такъ въ настоящее время развивается какъ-бы особая наука—исторія культуры, между тѣмъ какъ ея задачи и весь матеріалъ, какъ мы говорили, принадлежатъ археологіи.

Утвержденіе за наукою того или другаго имени, конечно, зависитъ отъ употребленія. Но употребленіе имени забывается, устраняется, исчезаетъ главнымъ образомъ по той причинѣ, что для новаго вина требуются и новые мѣхи, что старое имя, значить, не совсѣмъ соответствуетъ новому взгляду на науку.

Однако имя археологіи такъ обширно по своему значенію, какъ и слово древность, и потому можетъ съ великою пользою обозначать и всякій нововыработанный отдѣлъ того же археологическаго знанія.

Всякій предметъ познанія въ области человѣческаго единичнаго творчества, всякій родъ и видъ этого творчества могутъ служить лишь отдѣльными главами изъ цѣлой одной книги, ей же имя археологія.

Очень естественно также, что вся система археологіи и классификація археологическихъ памятниковъ должны расположиться въ томъ порядкѣ, какой лежитъ въ основаніяхъ или руководящихъ началахъ самой творческой дѣятельности человѣка.

Ея основанія очень просты и первоначально, какъ и все въ человѣческихъ дѣлахъ, явились плодами первыхъ потребностей.

Творецъ великихъ дѣлъ, человѣкъ, поставленъ въ природѣ существомъ безсильнымъ и беззащитнымъ, существомъ, которое быть можетъ по этой самой причинѣ и развило въ себѣ этотъ творческій, созидающій огонь жизни. Онъ долженъ былъ завоевать себѣ собственное существованіе, долженъ былъ пробить неисчислимыя преграды, восторжествовать

надъ неисчислимыми препятствіями, побѣдить безчисленное множество враговъ, пока его развитіе стало на твердую и прочную ногу.

Первое дѣло—*пища, одежда, жилище*. Вотъ тѣ три вѣта, на которыхъ основанъ міръ разнообразной человѣческой дѣятельности и всяческихъ изобрѣтеній. Добыть пищу, добыть и устроить одежду, устроить жилище—вотъ три первоначальныя дороги, по которымъ ходило человѣческое развитіе.

На этихъ дорогахъ приобрѣтенъ цѣлый особый кругъ дѣятельности, труда и работы, называемый *ремесломъ, мастерствомъ*, или по древнему вообще *художествомъ*, и другой, называемый *промысломъ* въ обширномъ смыслѣ.

Приобрѣтена первая наука въ различныхъ наблюденіяхъ и *примѣтахъ* надъ собственнымъ существомъ и надъ природою. Приобрѣтена цѣлая система *вѣрованій, убѣжденій*, изъ которыхъ вскорѣ возникли чудные образы первыхъ мифовъ, подвинувшіе и самое ремесло—мастерство на степень свободнаго художества.

На тѣхъ же дорогахъ открыта община и общество съ понятіями о нравѣ и законѣ и наконецъ открыто государство, т. е. открытъ путь для историческаго развитія человѣка.

Такимъ образомъ первый отдѣлъ археологій долженъ вмѣстить въ себѣ порядокъ памятниковъ домашняго народнаго быта во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ и во всѣхъ направленіяхъ его развитія.

Здѣсь творчество, художество, въ смыслѣ мастерства и промысла, вполне еще зависитъ отъ естественныхъ потребностей, а потому здѣсь всѣми сторонами его производительности руководитъ законъ необходимости.

Но скоро на этомъ пути возникаетъ система вѣрованій, система помысленій и представленій первичнаго знанія, ибо всякое вѣрованіе есть уже образъ какого-либо опыта и знанія, иначе сказать, всякое вѣрованіе есть поэтическое воссозданіе сдѣланныхъ наблюденій и умозаключеній.

Древній человѣкъ стремился понять природу, каждое явленіе въ природѣ, больше силою воображенія, чѣмъ силою разсужденія; оттого каждое свое наблюденіе онъ олицетворялъ въ живой образъ.

Такимъ путемъ совершалась постройка всякихъ мифовъ. Мифъ явился воплощеніемъ первороднаго знанія, первородной науки, гдѣ для познанія всего существующаго употребленъ былъ только иной методъ, чисто воображительный, а не разсудительный.

Какъ скоро первородное сознаніе человѣка достигло до созданія мифа, то всѣ остальные стороны его творчества получили совсѣмъ иное освященіе. Животворный, художественный свѣтъ мифа, распространился на все, даже на послѣднюю мелочь домашняго хозяйства. Самая пища стала приобрѣтать въ извѣстномъ смыслѣ различныя художественныя формы. Пирогъ, коровай, сыръ и т. д. явились не простыми предметами снѣди, но вмѣстѣ и художественными символами различныхъ мифическихъ созерцаній. То же случилось съ

одеждою и съ самымъ жилищемъ. Ремесло, простая работа для необходимости, приобрѣли свободу искусства и стремились изобразить въ своихъ издѣліяхъ тотъ или другой мотивъ мнѳическихъ помысловъ. Не было и нѣтъ въ нихъ искусства въ смыслѣ его идеальной высоты, но оно въ нихъ господствуетъ въ смыслѣ свободы творчества, въ смыслѣ перво-родныхъ, первоначальныхъ, зародышныхъ его стремленій.

Вотъ почему археологія и не можетъ ограничить свою задачу только совершеннымъ искусствомъ, искусствомъ античнаго міра.

Само собою разумѣется, что въ этомъ возрастаніи человѣческаго творчества мы напрасно будемъ отыскивать какую-либо хронологію, какъ въ возрастаніи событій въ лѣтописи и въ исторіи. Все здѣсь крупное и мелкое связано въ одно жизненное цѣлое, все здѣсь цѣпляется неразрывно другъ за друга, порождаетъ, развиваетъ другъ друга и изнашиваетъ, упраздняетъ только свои формы, нисколько не измѣняя существа самыхъ силъ и давая этимъ силамъ только новыя направленія. Формы погибаютъ по той причинѣ, что не отвѣчаютъ уже развитію идей и представленій.

Очень естественно, что вмѣсто хронологіи, вмѣсто годовыхъ чиселъ, здѣсь связываютъ и скрѣпляютъ все дѣло нити и узлы, начала и источники самихъ творческихъ силъ человѣка.

Для устройства системы и порядка въ археологіи необходимо, стало быть, раскрыть основные узлы самой творческой производительности человѣка, ибо ея шествіе обозначается не годовыми числами и не порядкомъ формъ и памятниковъ, а именно *узлами*, въ которыхъ всегда сплетается множество нитей или особыхъ направленій этой производительности, исходящихъ изъ одного центра.

Такой узелъ представляетъ напр. мнѳ. Отъ него во всѣ стороны расходится или къ нему со всѣхъ сторонъ сходятся множество нитей, идущихъ отъ другихъ узловъ человѣческаго творчества и создающихъ на своемъ пути множество разнородныхъ и разнообразныхъ памятниковъ. Такой узелъ можетъ представлять простое *жилище*, равно какъ задача *одежды*, какъ задача *пропитанія* — три основные узла человѣческой творческой производительности.

Чѣмъ внимательнѣе будетъ осмотрѣнъ и разслѣдованъ кругъ этихъ узловъ, тѣмъ правильнѣе выработается и система археологіи.

Къ этому необходимо присовокупить, что въ археологическомъ изученіи, не такъ какъ въ историческомъ, не можетъ быть ничего не важнаго или менѣе важнаго, ничего недостойнаго или менѣе достойнаго для любопытства и наблюденія. Здѣсь все имѣетъ цѣну и свое мѣсто, которое въ наукѣ не должно оставаться пустымъ. Всякая мелочь и незна-

чительность составляютъ здѣсь нить извѣстнаго узла, которая одна, не найденная или отвергнутая, можетъ затруднить изученіе и разслѣдованіе самаго узла.

Исторія, слѣдя исключительно за проявленіями родового творчества, можетъ очень основательно отвергать въ своихъ изысканіяхъ и изображеніяхъ всякую мелочь творчества единичнаго. Археологія, занимаясь изученіемъ и изслѣдованіемъ творчества единицъ, колеблеть собственное основаніе, если будетъ оставлять въ сторонѣ какія-либо, по видимому, не важныя и мало замѣтныя нити этого творчества.

Орудіемъ археологическихъ изысканій становится въ нѣкоторомъ смыслѣ микроскопъ. Отъ этого внимательный археологъ и на самомъ дѣлѣ всегда запасается увеличительнымъ стекломъ.

Археологія разсматриваетъ и изучаетъ міръ инфузорій и монадъ. Исторія, какъ бы въ телескопъ, обозрѣваетъ только свѣтила или идеи человѣческаго жизненнаго творчества.

Отсюда понятно также, что живая жизнь больше всего находится въ рукахъ археолога и исторія только изъ археологическаго познанія почерпаетъ краски для своихъ изображеній. Только археологическое изученіе эпохи или событія даетъ возможность историкъ представлять въ своихъ картинахъ живыя лица съ живою ихъ обстановкою. Сухость и отвлеченность историческаго разсказа всегда будетъ находиться въ зависимости отъ недостаточнаго археологическаго или микроскопическаго изученія времени и людей.

Оттого же вполне зависитъ вѣрность и правдивость самой исторіи.

Невозможно въ человѣческихъ дѣлахъ видѣть истину вполне, когда изучаемъ эти дѣла только со стороны ихъ общаго хода и развитія, только въ области дѣйствій и направленій *родового* человѣческаго творчества, ясны сказать—только въ гостинной, только на форумѣ или на площади жизненныхъ отношеній, только во внѣшнихъ и общихъ ихъ проявленіяхъ, а не во внутреннихъ помыслахъ и желаніяхъ каждаго человѣка, не въ мелкихъ домашнихъ связяхъ людей.

Если каждое историческое дѣло есть собственно воплощеніе давно гдѣ-то созрѣвавшихъ общественныхъ, родовыхъ идей, то наука не можетъ спокойно указывать только на то, что такія идеи гдѣ-то созрѣвали. Она необходимо должна раскрыть, какъ, какими путями, изъ какихъ источниковъ, при какихъ обстоятельствахъ, посредствомъ какихъ сочетаній происходило это созрѣваніе, это нарастаніе и возрастаніе исторической идеи. А это уже работа археологіи.

И только въ такомъ, уже чисто археологическомъ, разслѣдованіи предмета открывается полная истинна исторіи, способная дать всестороннюю повѣрку каждому своему выводу. И надо согласиться, что самыя занимательныя страницы въ исторіи бываютъ именно тѣ страницы, гдѣ историкъ касается разслѣдованій, какими путями общественныя, родовыя идеи и дѣла нараждались изъ частныхъ, единичныхъ идей и дѣлъ, т. е. когда историкъ выходитъ самъ на путь археологической изыскательности и работаетъ заодно съ археологомъ.

Приводя къ одному концу предложенныя нами краткія мысли о томъ, въ чемъ могутъ заключаться основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки, смѣемъ заключить:

1) Что наука археологіи имѣетъ, какъ и наука исторіи, свой особый, опредѣленный и самостоятельный предметъ познанія. Этотъ предметъ есть единичное творчество чело-) вѣка, въ безчисленныхъ разнородныхъ и разнообразныхъ памятникахъ, вещественныхъ и духовныхъ.

2) Что основная задача археологіи, какъ науки, заключается въ раскрытіи и объясненіи законовъ единичнаго творчества, въ раскрытіи и объясненіи путей, по которымъ единичное творчество возсоздаетъ творчество родовое, или общественное, т. е. историческое, въ раскрытіи и объясненіи той живой, неразрывной связи, въ какой постоянно находятся между собою творчество единицы и творчество цѣлаго рода или народа.

Что́ должна обнимать программа для преподаванія Русской Археологіи,
и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа?

Рефератъ графа А. С. Уварова.

§ 1. *Археологія*, какъ видно изъ самаго производства этого слова (*ἀρχαῖος* и *λόγος*), означаетъ науку о древностяхъ.

Задача и *объемъ* археологіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, понимались въ смыслѣ довольно обширномъ, судя по сочиненію профессора *Каммисера*: *Grundriss des Alterthumswissenschaft* (Halle, 1815, 8°); но за тѣмъ это довольно обширное пониманіе задачи археологіи стало постепенно суживаться и перешло, наконецъ, въ совершенно одностороннее толкованіе археологіи, какъ науки, занимающейся исключительно одними памятниками искусства.

Къ такому одностороннему толкованію много содѣйствовали успѣхъ извѣстнаго руководства по археологіи искусства, изданнаго Отфридомъ Мюллеромъ въ 30-хъ годахъ (*Handbuch der Archäologie der Kunst*. 1830 — 1833: 2-е изданіе въ 1835 году, а 3-е изданіе въ 1848 году) и публичныя лекціи, читанныя въ разныхъ городахъ Европы. Впрочемъ Отфридъ Мюллеръ не ограничилъ археологическую науку одними художественными памятниками, а только обратилъ вниманіе своихъ современниковъ на ту часть археологіи, которую считалъ важнѣе всѣхъ прочихъ. Но нѣкоторые профессора, читавшіе въ то время публичныя лекціи, не подражали осторожной критикѣ нѣмецкаго ученаго, который прямо указалъ въ самомъ заглавіи своего руководства (*Archäologie der Kunst*), что разсматривалъ въ немъ только древности, относящіяся до художествъ. Напротивъ того, другіе ученые изъ одного художественнаго отдѣла сдѣлали весь объемъ археологіи.

Такъ *Рауль-Рошетъ*, въ публичной библиотекѣ въ Парижѣ, читалъ подъ обширнымъ заглавіемъ курса археологіи (*Cours d'Archéologie, professé à la bibliothèque du Roi tous*

les mardis; publié par la sténographie. Paris. 1828. 8°) одну только исторію художествъ у древнихъ народовъ. Почти въ тоже время профессоръ *Вермиольи* (Gior. Batista) читалъ въ Университетѣ въ Перуджіи полный курсъ археологіи, подраздѣляя всѣ источники археологіи на два разряда: на памятники словесности и на памятники художествъ (*Lezioni elementari di Archeologia esposte nella pontificia Università di Perugia. 1 ediz. milanese. Milano. 1824. 2 libri 8°*).

Совершенно подобное, одностороннее пониманіе объема археологической науки было распространено какъ на *археологію христіанскую*, такъ и на *археологію средневѣковую*. Только памятники вещественные, и то извѣстнаго художественнаго достоинства, могли считаться предметомъ этихъ отраслей археологической науки. Такимъ образомъ, какъ я выше замѣтилъ, подъ общимъ названіемъ археологіи, стали понимать не цѣлую науку, въ обширномъ ея значеніи, а только художественную часть этой науки. Недостаточность и неполнота такого пониманія археологіи такъ ярко били въ глаза, что ученые принуждены были соединить вмѣстѣ все, что не прямо относилось до исторіи искусствъ и дать этой смѣси особое названіе *древностей*. Отсюда произошло странное явленіе, что одинъ и тотъ же народъ имѣлъ подъ двумя различными названіями отдѣльныя отрасли одной и той же науки; на примѣръ, для древняго міра появились сочиненія о греческихъ древностяхъ и о греческой археологіи, о римскихъ древностяхъ и о римской археологіи и т. д.

Доселѣ многія изъ новѣйшихъ руководствъ составлены въ этомъ направленіи, безъ точнаго разграниченія того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ: археологія. Для примѣра выпишываю нѣсколько заглавій подобныхъ руководствъ.

Heinrich Otte. Handbuch der kirchlichen Kunst-Archäologie. 3-te Auflage. Leipzig. 1854. Съ полнотипажамъ.

L'abbé Godard. Cours d'Archéologie sacré. Paris. 8°. 1853—1854, двѣ части.

L'abbé Bourassé. Archéologie chrétienne ou Précis de l'histoire de monuments religieux du moyen âge. Tours. 1841. 8°.

L'abbé Pierret. Manuel d'Archéologie pratique. Paris. 1864. 8°.

E. Reusseau. Elements d'Archéologie chrétienne. Louvain. 8°. 1872. Издана еще только первая часть.

Caumont. Abécédaire ou rudiment d'Archéologie. 1853—1862. Три части. Авторъ съумѣлъ обнять задачу археологіи гораздо обширнѣе и полнѣе, чѣмъ остальные писатели, хотя и онъ рассматриваетъ почти исключительно одни вещественные памятники.

Что же касается до Россіи, то у насъ слишкомъ мало доселѣ занимались археологіею, чтобы составить себѣ самостоятельное опредѣленіе этой науки. Отъ того въ 1835 году въ энциклопедическій словарь (изд. Плюшара. С.Пб., томъ III) В. С. Печеринъ занесъ безъ всякой критики въ статью объ археологіи слова: „въ настоящее время въ общепринятомъ значеніи археологія есть наука древняго искусства“.

Теперь всѣ эти узкія или одностороннія пониманія задачи археологіи начинаютъ постепенно, при помощи изслѣдованій и открытій, измѣняться, и взглядъ на задачу археологіи становится шире, такъ что вообще принято понимать теперь подъ словомъ *археологія—наука, изучающую древній бытъ народовъ по вѣщимъ памятникамъ, каково бы ни было рода, оставшимся отъ древней жизни каждаго народа.*

§ 2. *Археологическій памятникъ.* И. Е. Забѣлинъ очень справедливо замѣтилъ, что археологія, или „наука древностей по преимуществу, имѣеть дѣлю только съ обломками, развалинами и не одними монументальными, вещественными, какъ ее обыкновенно понимаютъ, а вообще съ обломками и развалинами жизни человѣка, въ какомъ бы видѣ и въ какой бы формѣ они ни встрѣчались“¹⁾.

Но при этомъ опредѣленіи главныхъ источниковъ археологической науки рождается вопросъ: всѣ-ли остатки древней жизни народовъ могутъ быть признаны за археологическіе памятники? не существуетъ-ли различія между обыкновеннымъ остаткомъ древней жизни и остаткомъ, достойнымъ быть признаннымъ за археологическій памятникъ?

Не каждый остатокъ древняго быта имѣеть научное значеніе для археологіи, а только тотъ остатокъ для нея важенъ, который дѣйствительно способствуетъ къ достиженію извѣстнаго научнаго вывода.

Такимъ образомъ, древній желѣзный гвоздь, найденный гдѣ нибудь, нечаянно, не можетъ привести ни къ какому научному результату; между тѣмъ какъ тотъ же самый гвоздь, если онъ найденъ въ древней могилѣ, несомнѣнно указываетъ на эпоху желѣзнаго вѣка, къ которой должна быть отнесена открытая могила, и вслѣдствіе такого результата желѣзный гвоздь дѣлается *памятникомъ археологическимъ.*

Другой примѣръ. Отвалившійся кусокъ штукатурки съ стѣдами живописи не имѣеть самъ по себѣ никакого научнаго значенія, если мы не знаемъ, на какомъ мѣстѣ онъ найденъ, и на какой глубинѣ. Но когда такой кусокъ стѣнописи открывается, напр., въ развалинахъ Десятинной церкви, и на глубинѣ древняго помоста этой церкви, то изъ этой находки положительно можемъ заключить, что внутреннія стѣны древняго храма украшены были стѣнописью, и что найденный кусокъ принадлежалъ къ этой стѣнописи.

Третій примѣръ долженъ относиться къ степени сохранности памятника. Сколько древнихъ надписей дошло до насъ въ такомъ поврежденномъ состояніи, что не только не могутъ быть удовлетворительно прочитаны и объяснены, но даже иногда и смыслъ и самые палеографическіе признаки остаются совершенно неотгаданными!

Наконецъ, если на какомъ бы то ни было остаткѣ древняго быта обозначенъ годъ, къ которому онъ принадлежитъ, то этимъ однимъ уже этотъ остатокъ дѣлается археологическимъ памятникомъ, занимающимъ видное мѣсто для хронологіи и можетъ навести

¹⁾ Опытъ изученія русскихъ древностей. Томъ 1-й.

на важный выводъ для науки. Въ этомъ случаѣ всякія другія свѣдѣнія, кромѣ точнаго извѣстія о мѣстѣ его находженія, не составляютъ существенной необходимости для значенія этого памятника.

Отсюда слѣдуетъ, что *археологическимъ памятникомъ слѣдуетъ признать только тотъ остатокъ вещественный, только то письменное извѣстіе или устное свѣдѣніе, которые поясняютъ намъ культурное состояніе древняго быта какаго-либо народа въ извѣстную эпоху.*

Вин Разъяснивъ такимъ образомъ, что не всякій остатокъ древней жизни имѣетъ право считаться археологическимъ памятникомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны указать на то, что остатокъ древняго быта теряетъ всякое научное значеніе не столько отъ собственной маловажности, какъ отдѣльный предметъ, извѣстіе или свѣдѣніе, сколько отъ неизвѣстности тѣхъ *трехъ условій*, при помощи которыхъ самый ничтожный остатокъ приобретаетъ значеніе археологическаго памятника.

Для этого необходимо знать:

- а) на какомъ мѣстѣ найденъ былъ или сдѣланъ былъ этотъ памятникъ?
- б) при какихъ условіяхъ найденъ былъ этотъ памятникъ? и
- в) къ какому времени принадлежитъ этотъ памятникъ и какая степень его сохранности?

При достовѣрной извѣстности этихъ трехъ главныхъ условій, самый, повидимому, незначительный остатокъ старины можетъ служить намъ важнымъ источникомъ для археологій. Кусокъ дерева или кусокъ камня, при такихъ условіяхъ, неоспоримо доказываетъ намъ существованіе деревяннаго или каменнаго зданія на извѣстномъ мѣстѣ, можетъ пояснить время, въ которое были воздвигнуты эти зданія и даже отчасти можетъ указывать на художественную сторону такихъ построекъ въ данную эпоху. Между тѣмъ, при полной неизвѣстности этихъ трехъ условій, кусокъ дерева или кусокъ камня лишаются всякаго научнаго значенія и остаются только простыми кусками дерева или камня.

Конечно, не всѣ остатки древности могутъ дать точные отвѣты на всѣ три вопроса, и большая часть изъ нихъ оставляютъ одинъ или два изъ этихъ вопросовъ въ неизвѣстности. Въ такомъ случаѣ недостатокъ положительныхъ свѣдѣній долженъ пополниться сравненіемъ этихъ остатковъ съ другими однородными съ ними остатками; при чемъ, съ помощью строгой критики, можно иногда возстановить утраченныя свѣдѣнія. При такихъ же обстоятельствахъ ученое изслѣдованіе можетъ возратить остатку древности то мѣсто между источниками науки, которое онъ бы занялъ и первоначально при достовѣрномъ знаніи трехъ вышеупомянутыхъ условій.

Наконецъ, точное знаніе этихъ же трехъ условій доставляетъ намъ убѣжденіе въ неоспоримой *подлинности* изучаемаго памятника; а несомнѣнная подлинность памятника составляетъ драгоценное свѣдѣніе для развитія всякой науки.

Такъ какъ мы теперь опредѣлили, когда остатки древняго быта достойны быть причисленными къ археологическимъ памятникамъ, то мы увидимъ, при дальнѣйшемъ обслѣдованіи ихъ, что въ каждомъ археологическомъ памятникѣ находятся *два стороны*: одна—*археологическая*, другая—*художественная*.

Археологическая сторона всякаго памятника главнымъ образомъ должна сперва указать на значеніе этого памятника въ тѣ времена, къ которымъ онъ принадлежитъ. Потомъ—опредѣлить насколько этотъ памятникъ, самъ по себѣ, разъясняетъ древній бытъ своего времени, или насколько онъ пополняетъ свѣдѣнія, недостаточно ясныя, или недостаточно точныя, дошедшія до насъ посредствомъ другихъ памятниковъ той же эпохи.

Если мы вникнемъ во всѣ подробности археологической стороны каждаго памятника, то увидимъ, что эти подробности содержатъ два различные характеристическіе *оттѣнка*, болѣе или менѣе явственно проявляющіеся въ каждомъ памятникѣ.

Одинъ оттѣнокъ, который можно назвать *общимъ*, ложится на всякій памятникъ отъ вліянія общаго характера той эпохи, въ которой сдѣланъ былъ, или къ которой принадлежитъ этотъ памятникъ. Въ этомъ *общемъ* оттѣнкѣ отражается не только внѣшняя, физическая обстановка быта того времени, но также и внутренняя духовная сторона этого быта.

Такъ въ словѣ о богачѣ и Лазарѣ, изданномъ И. И. Срезневскимъ, по списку XII вѣка ¹⁾, мы находимъ подробное описаніе обычаевъ и обстановки жизни богатаго русскаго челоука того времени. Приведенныя неизвѣстнымъ авторомъ подробности о коняхъ, одеждѣ прислуги, яствахъ, чашахъ, питіяхъ и увеселеніяхъ рисуютъ передъ нами картину домашняго быта на Руси въ XII вѣкѣ, которую авторъ могъ изучить на своихъ современникахъ и видѣть собственными глазами.

Въ подробностяхъ этого общаго оттѣнка заключаются также черты, иногда весьма ясно обозначенныя, такія, которыя не столько произошли отъ общаго вліянія эпохи, сколько отъ вліянія извѣстнаго лица. Эти-то особенныя, индивидуальныя черты составляютъ тотъ *второй оттѣнокъ*, который слѣдуетъ назвать *оттѣнкомъ личнымъ*, какъ происшедшій отъ отраженія на памятникѣ того лица, которое сдѣлало, создало или составило этотъ памятникъ, или владѣло имъ, или инымъ способомъ могло вліять на судьбу этого памятника.

Для поясненія, въ какихъ чертахъ отражается *личный оттѣнокъ*, мы обратимся опять къ слову о богачѣ и Лазарѣ. Въ Сборникѣ Троицкой Лавры (Срезневскій. Памятники русскаго письма, стр. 202) находится другой списокъ того же слова, принадлежащій также XII вѣку. И въ этотъ списокъ другой, хотя также неизвѣстный, авторъ, при-

¹⁾ По тожественнику Императорской Публичной библіотеки, въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ. Отд. III, стр. 28.

держиваясь той же общей рамки евангельской притчи о богачѣ и Лазарѣ, вставилъ почти одинаковую картину жизни русскаго богача, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ подробностяхъ. Такъ, на примѣръ, этотъ второй авторъ упустилъ подробное описаніе различныхъ сосудовъ; онъ не упоминаетъ о серебряной умывальницѣ, объ укропницѣ, о стеклянныхъ сосудахъ съ виномъ и проч. Такое разночтеніе происходитъ, какъ замѣчаетъ И. И. Срезневскій, отъ замѣчательнаго обстоятельства, что въ одно и то же время сдѣлано было на Руси два списка этого слова. Слѣдовательно авторы или даже переписчики обоихъ этихъ списковъ вводили въ нихъ тѣ подробности, которыя имъ казались болѣе замѣчательными или которыя они сами имѣли случай лично видѣть и изучать. Такимъ образомъ своеобразная наблюдательность каждаго автора сзумѣла наложить особый отпечатокъ на каждый списокъ; и этотъ - то отбѣнокъ составляетъ тотъ *личный отбѣнокъ*, о которомъ я говорю.

Несомнѣнно, что въ каждомъ археологическомъ памятникѣ, кромѣ *отбѣнка общаго*, должны находиться слѣды, болѣе или менѣе ясныя, *отбѣнка личнаго*. До этихъ слѣдовъ всегда можно доискаться, хотя они, болѣею частію, заслоняются отпечаткомъ, налагаемымъ всею эпохою вообще. Сверхъ того, яркость личнаго отбѣнка постепенно исчезаетъ по мѣрѣ удаленія памятника въ глубокую старину, и слѣды его вліянія все болѣе и болѣе блѣднѣютъ передъ общимъ отпечаткомъ эпохи. Исключеніями изъ этого общаго правила могутъ служить только тѣ памятники, на которыхъ творчество одного лица, достигши до размѣровъ геніальности, наложило свою неизгладимую печать. Но появленія такихъ геніальныхъ произведеній весьма малочисленны въ исторіи всѣхъ народовъ, и, какъ примѣры рѣдкіе, всегда остаются только исключеніями изъ общаго правила.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію *художественной стороны* археологическаго памятника, мы и въ ней отмѣтимъ два *различныя подраздѣленія*; одна часть — *художественная*, другая — *техническая*.

Первая изъ нихъ, *художественная часть*, занимается только рѣшеніемъ вопросовъ, относящихся до требованій установившихся правилъ объ изящномъ. Насколько рисунокъ и формы красивы? насколько они вѣрно передаютъ то, что должны выражать? и, наконецъ, насколько и рисунокъ и форма соотвѣтствуютъ своему назначенію?

Съ совершенно противоположной точки зрѣнія разсматривается памятникъ по части *технической*. Тутъ обращается вниманіе на самый способъ, какимъ сдѣланъ памятникъ, на прочность его, на вещество, изъ котораго онъ сдѣланъ, даже на составъ этого вещества и, наконецъ, на техническіе приемы, которые употреблены были при исполненіи извѣстнаго памятника.

Какъ въ археологической сторонѣ памятника мы отличили разные отбѣнки, такъ и въ *художественной* его *сторонѣ* можно открыть такіе же отбѣнки, но съ извѣстными видоизмѣненіями.

iii.

Первое мѣсто и тутъ занимаетъ, конечно, *оттѣнокъ общій*, или отпечатокъ того времени, къ которому принадлежитъ памятникъ. Но съ художественной стороны этотъ *общій оттѣнокъ* имѣетъ свое особое названіе—*стиль*—и свои особыя измѣненія.

Стиль есть соединеніе тѣхъ характеристическихъ признаковъ, которые составляютъ отличительный отпечатокъ произведеній каждаго самостоятельнаго народа и каждой особой эпохи. Такъ какъ онъ, по преимуществу, высказывается въ произведеніяхъ искусства, то и требуетъ извѣстной уже степени развитія, какъ въ пониманіи искусства, такъ и въ умѣннн производить эти памятники искусства. И въ томъ и въ другомъ отношеніи *стиль* остается общимъ выраженіемъ вліянія, какъ эпохи, такъ и народа, которые его создали. Но кромѣ этого общаго вліянія всего народа, всей страны, *стиль* подвергается еще вліянію болѣе ограниченнаго пространства, которое прикрываетъ его особымъ отпечаткомъ *мѣстнаго характера*. Такъ напримѣръ, Новгородъ, Кіевъ, Псковъ, Владиміръ и Суздаль наложили въ особенности на свои зданія такой яркій отпечатокъ своего *мѣстнаго* или *областнаго вліянія*, что индивидуальное вліяніе зодчаго совершенно исчезаетъ. Любопытно припомнить при этомъ, что даже имена зодчихъ самыхъ лучшихъ и главныхъ церквей не дошли до насъ, и что въ этихъ зданіяхъ, образцовыхъ во многихъ отношеніяхъ, мы не въ состояніи указать на тѣ архитектурныя части, которыя составляли отличительныя черты индивидуальнаго таланта каждаго зодчаго. Въ памятникахъ живописи *пошибъ* художника въ русскихъ произведеніяхъ, сравнительно, болѣе сохранилъ отличительныхъ признаковъ каждой личности, чѣмъ въ произведеніяхъ архитектуры, ваянія, литія и проч. Но вообще какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ памятникахъ, *личный оттѣнокъ* не только заслоняется общимъ оттѣнкомъ или стилемъ всей эпохи, но почти совершенно изглаживается характеромъ *мѣстнымъ*, или *школы*. Освободить отличительныя черты своего личнаго таланта отъ прямаго вліянія или отъ преданій *школы*, художникъ, въ извѣстную отдаленную эпоху, рѣшительно не могъ. Самая обстановка его жизни способствовала къ поглощенію *школою* всякаго личнаго оттѣнка. Исключеніями изъ этого общаго правила, и то рѣдкими исключеніями, служатъ тѣ памятники, въ которыхъ творчество художника достигло до размѣровъ гениальности. Несмотря однако на то, что такіе примѣры рѣдки у всѣхъ народовъ и составляютъ все-таки исключенія весьма малочисленныя, и они даже не могли всегда избѣгнуть изглаживающаго вліянія эпохи или школы. Сколько гениальныхъ произведеній во всѣхъ странахъ не сохранили даже именъ своихъ художниковъ! Если выбрать примѣръ намъ очень близкій, то стоитъ только вспомнить о соборѣ Василя Блаженнаго въ Москвѣ.

Для примѣра изслѣдованія археологическаго памятника съ разныхъ вышеупомянутыхъ сторонъ, мы возьмемъ *икону св. Димитрія и Георгія изъ моего собранія* (№ 9).

Св. Димитрій на зеленоватомъ конѣ поражаетъ копьемъ дьявола, изображеннаго на бѣломъ конѣ. Направо отъ св. Димитрія, св. Георгій, также верхомъ на бѣломъ конѣ,

поражаетъ дракона. Два царяще ангела вѣнчаютъ святыхъ мучениковъ; а вдали, на лѣво, палаты; направо — дворець съ царскою дочерью, освобожденною св. Георгіемъ. Внизу, подъ иконою, надпись: „лѣта 7122 (1614 г.) написана сия икона многогрешною рукою Никиты Павловца“. При этомъ, для правильной оцѣнки этой иконы слѣдуетъ вспомнить слова Д. А. Ровинскаго, въ его Исторіи русскихъ школъ иконописанія (стр. 26), что изъ Строгановскихъ писемъ, икона Воскресенія, письма Петра Савина, есть единственный извѣстный ему примѣръ того, что надпись мастера находится на лицевой сторонѣ иконы.

Надпись, о которой мы тутъ говоримъ, облегчаетъ изслѣдованіе археологической и художественной стороны нашей иконы. Обозначеніе года и имени художника съ такою ясностію и точностію указываетъ на два изъ трехъ вышеупомянутыхъ условій, что третье условіе дѣлается совершенно излишнимъ.

Намъ извѣстно, что *Никита Ивановъ Павловецъ*, бывшій Нижегородскій крестьянинъ князя Якова Куденетовича Черкаскаго, взятъ былъ 10 января 1668 года въ жалованные иконописцы Оружейной Палаты (Ровинскій, стр. 32, 44, 169). Онъ славился своимъ умѣньемъ писать и, по свидѣтельству государевыхъ иконописцевъ, оказался „иконнаго художества и въ письмѣ мастеръ“. Пошибъ Никиты Павловца, какъ замѣтилъ Ровинскій (стр. 44), въ родѣ Строгановскихъ третьихъ или Бароновскихъ писемъ, и изъ его иконъ, писанныхъ послѣ 1668 года, извѣстны: икона царь-царемъ 1677 г. въ Новгородвѣчьемъ монастырѣ; икона св. Троицы 1681 года въ собраніи графа С. Г. Строганова; и три иконы Спаса, Божіей Матери и Предтечи, писанныя на показъ, когда его въ 1668 году выбирали въ жалованные иконописцы. Изъ этихъ данныхъ видно, что моя икона 1614 года принадлежитъ къ юношескимъ трудамъ Никиты Павловца, и ею, можетъ быть, отъкрывается долготѣнная его художественная дѣятельность, продолжавшаяся не менѣе шестидесяти семи лѣтъ (отъ 1614 до 1681 г.); такъ что наша икона можетъ служить, какъ исходная точка, для изученія постепеннаго развитія художественнаго таланта Никиты Павловца.

Разсматривая мою икону *со стороны художественной*, мы должны сперва обратить вниманіе на правильность *рисунка* или *знамени*, причемъ замѣтимъ, что *ландшафтъ* и *палаты* писаны безъ всякой перспективы; что копн писаны правильнѣе самихъ фигуръ, хотя общій ихъ характеръ болѣе условный, чѣмъ скопированный съ натуры; что фигуры нарисованы неправильно, а для величины ихъ онъ придерживался указовъ въ подлинникахъ XVI вѣка (Ровинскій, стр. 56), опредѣляющихъ размѣръ фигуры въ девять головъ. Вообще можно сказать, что Павловецъ не умѣлъ правильно *знаменить* (рисовать); но за то техническая сторона его произведеній вполне безупречна. Наша икона писана прямо по *Левтису*, безъ наклейки особой *поволоки* на доску, какъ это дѣлалось въ XVII в. Лица писаны тонко, *облачнымъ письмомъ*, а свѣта на одеждахъ проложены *творенымъ золотомъ*.

Если теперь изслѣдовать въ нашей иконѣ, въ чемъ замѣчаются слѣды *личнаго от-тѣнка*, наложеннаго Никитой Павловцемъ на эту работу; мы должны сознаться, что эти слѣды весьма слабы и даже почти ничтожны. Сочиненіе *перевода* этой иконы не принадлежитъ Павловцу, а извѣстно было гораздо прежде его. Но и при древнемъ переводѣ, онъ могъ бы отличиться особою разстановкою фигуръ, чего онъ не сдѣлалъ. Поза св. Дмитрія Солунскаго и пораженнаго дьявола заимствованы изъ болѣе древнихъ иконъ, и даже, можетъ быть, съ иконы Прокопя Чирива, теперь въ собраніи графа С. Г. Строганова (Ровинскій, стр. 24). Тоже самое отсутствіе личнаго отпечатка замѣчается въ ландшафтѣ, въ палатахъ и въ прочихъ деталяхъ (напр. вооруженіе обоихъ мучениковъ), которые вообще писаны по образцамъ той школы, къ которой принадлежалъ Павловецъ. Единственные слѣды его личнаго умѣнія писать замѣтны въ плавности и отсутствіи рѣзкихъ тѣней, въ особенноти въ человѣческихъ фигурахъ; но и эти слѣды такъ блѣдны, такъ не индивидуальны, что для неопытнаго знатока совсѣмъ исчезаютъ подъ общимъ пошибомъ школы царскихъ иконописцевъ, или третьихъ Строгановскихъ писемъ.

Тоже поглощающее вліяніе школы, которое почти изгладило характеристическія черты письма Павловца, повредило и *археологической сторонѣ* нашей иконы. Въмѣсто копій съ современныхъ одеждъ, вооруженій, построекъ и проч., на иконѣ нашей изображены условныя формы одеждъ, вооруженій, построекъ и проч., почерпнутыя изъ фантазій прежнихъ художниковъ и сохранившіяся преемственно въ школу, какъ лучшіе образцы для подражанія,—такъ что археологическая сторона въ этомъ памятникѣ совершенно ничтожна въ сравненіи съ художественной, и совершенно заслонена вліяніемъ школы.

§ 3. *Задача и объемъ русской археологii.* Мы доселѣ старались опредѣлить понятіе объ археологической наукѣ и археологическомъ памятникѣ вообще, не обращая вниманія на ихъ народность; но теперь мы должны обратиться къ *русской археологii* и объяснить, въ чемъ состоитъ какъ *задача*, такъ и *объемъ* этой науки. Лучшимъ способомъ для достиженія этой цѣли послужитъ хронологическій обзоръ постепеннаго у насъ развитія понятія о русской археологii.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія ни задача, ни объемъ русской археологii не были разъяснены научно. Такъ въ 1804 году, при учрежденіи въ Москвѣ, по предложенію гёттингенскаго профессора Шлецера, Историческаго Общества и даже при переименованіи этого Общества, спустя семь лѣтъ, въ Общество Исторii и Древностей, не было сдѣлано никакой попытки для научнаго разъясненія задачи отечественной археологii. Всего-на-всего упомянуто было въ § 3 новаго устава о нѣкоторыхъ только вещественныхъ памятникахъ. „Общество постарается собирать рукописи, медали, монеты и другіе памятники, служащіе къ объясненію разныхъ происшествій въ русской исторii; для чего и войдетъ въ переписку съ разными особами, въ разныхъ мѣстахъ Россii живущими, которыя могутъ доставить ему вещи или свѣдѣнія такого рода“.

Гораздо болѣе чувствуется пониманіе важности отечественной археологіи въ вступительной рѣчи предсѣдателя, Платона Петровича Бекетова, хотя онъ коснулся только мимоходомъ научнаго значенія вещественныхъ памятниковъ. „Я присовокупить долженъ, что Россія, богатая древними лѣтописями, можетъ похвалиться, что имѣетъ въ нѣдрахъ земли и на поверхности оной и другіе важные остатки древности, могущіе служить не только для объясненія нашей отечественной исторіи, но и исторіи другихъ народовъ, хотя къ сожалѣнію до сего времени мало прилагаемо было старанія къ отысканію оныхъ“.

Хотя съ тѣхъ поръ прошло и много времени, но рѣдко были дѣлаемы попытки къ опредѣленію задачи и объема русской археологіи. Часто даже эти попытки не соответствовали требованіямъ ученой критики.

Такъ профессоръ Харьковскаго университета, Гавріилъ Успенскій, напечаталъ въ томъ же 1811 году первую часть сочиненія, носящаго громкое заглавіе: „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“, между тѣмъ какъ содержаніе книги далеко не соответствовало обширному обѣщанію этого заглавія. Однако уже въ слѣдующемъ году (1812) Успенскій напечаталъ первое отдѣленіе 2-го тома и затѣмъ въ 1818 году приступилъ къ печатанію втораго изданія, не докончивъ печатанія втораго тома (Харьковъ, въ университет. типографіи). Въ „предызвѣщеніи“ ко второму изданію онъ говоритъ, что „первыя книги были раскуплены и требованія на сіе сочиненіе умножились“. Слѣдовательно, не смотря на недостатки сочиненія Успенскаго, его книга читалась и читалась съ любопытствомъ, какъ первый опытъ изображенія, хоть сколько-нибудь быющаго на полноту, домашняго и общественнаго быта нашихъ предковъ. Если судить по одному заглавію „повѣствованія о древностяхъ русскихъ“, то Успенскій обнялъ свою задачу весьма широко; если же провѣрить выставленное заглавіе по содержанію, то видно, до какой степени авторъ не выяснилъ себѣ значенія слова *древности* и какъ односторонне онъ понималъ содержаніе, обнимаемое этимъ словомъ. При этомъ любопытно замѣтить, что Успенскій совершенно упустилъ изъ числа источниковъ для древностей памятники вещественные.

Послѣ этого перваго и неудачнаго пониманія объема науки о древностяхъ, русская археологія обогатилась многими учеными изслѣдованіями объ отдѣльныхъ памятникахъ нашей старины. Благодаря въ особенности нѣкоторымъ монографіямъ, дѣйствительно образцовымъ, теперь стали устанавливаться вѣрные критическіе приемы для научной обработки археологическихъ памятниковъ. Но какъ въ этихъ отдѣльныхъ памятникахъ не было и не могло быть одной общей связи между ними, которая привела бы къ синтетическому уясненію задачи русской археологіи, то и заслуга этихъ монографій должна была ограничиться одними намеками на объемъ всей этой науки. Однакоже эти монографіи отдѣльныхъ остатковъ старины постепенно раскрывали наши научныя богатства

и незамѣтно приближали срокъ выработки самостоятельнаго опредѣленія задачи и объема русской археологіи.

Къ такого рода попыткамъ можно причислить и первоначальное намѣреніе спеціального комитета, учрежденнаго для изданія рисунковъ, заготовленныхъ академикомъ Е. Г. Солнцевымъ. Первый предсѣдатель этого комитета, А. Н. Оленинъ, предполагая издать эти рисунки подъ заглавіемъ: „Древности Россійскаго Государства“, задался широкимъ планомъ—обозрѣть, въ приложенномъ къ нимъ текстѣ, не только весь бытъ русскаго народа, но также и бытъ всѣхъ остальныхъ славянскихъ племенъ. Со смертію Оленина, эта широкая програма оставлена безъ исполненія, и, на мѣсто ея, комитетъ приложилъ къ рисункамъ простое описаніе изображенныхъ памятниковъ. Но и эти описанія сдѣланы такъ кратко и поверхностно, что, по научному достоинству, вовсе не соответствуютъ великолѣпію рисунковъ.

Съ основаніемъ въ 1846 году въ *Петербургъ Археологическаго Общества* понятіе объ объемѣ отечественной археологіи стало постепенно разъясняться. Сперва Общество существовало въ узкой рамкѣ *археологическо-нумизматическаго Общества*; но вскорѣ оно отрѣшилось отъ такого односторонняго взгляда на науку, и подъ названіемъ *Археологическаго Общества* раздвинуло широко границы своихъ изслѣдованій. Съ тѣхъ поръ не одни только нумизматическіе памятники остались предметомъ его занятій, но также и всѣ остальные остатки древняго быта. Такимъ образомъ, уже въ 1851 году мы видимъ, какъ И. П. Сахаровъ, по случаю изданія перваго тома Записокъ отдѣленія Славянской и Русской археологіи, дѣлаетъ новый опытъ опредѣленія объема русской археологіи (ср. его *Обозрѣніе русской археологіи*). Конечно эта попытка, какъ ни широко она была задумана по мнѣнію Сахарова, все-таки не удалась ему и вообще не соответствовала требованіямъ современной науки. Сахаровъ не только не разъяснилъ, какіе матеріалы должны входить въ русскую археологію, но даже урѣзалъ ея объемъ несоответственно съ эпохою историческаго существованія Руси. Онъ полагалъ, что „въ область русской археологіи должны входить первые восемь вѣковъ древней русской жизни, начиная съ X вѣка“.

Подобное мнѣніе объ объемѣ русской археологіи не требуетъ, кажется, дальнѣйшаго опроверженія; несостоятельность его совершенно явственна.

Однакоже и эта неудачная попытка Сахарова принесла свою долю пользы, возбуждивъ полемику въ журналахъ (*Отечественныя Записки* 1852 г., статья И. Е. Забѣлина), не обращавшихъ доселѣ вниманія на разъясненіе задачи археологической науки.

Между тѣмъ ежегодные труды Петербургскаго археологическаго Общества и археологическія изслѣдованія Одесскаго Общества продолжали доказывать фактически, что русская археологія обнимаетъ болѣе обширное поле, чѣмъ до тѣхъ поръ предполагали.

Для разработки понятія объ объемѣ русской археологіи много также содѣйствовало и Императорское Русское Географическое Общество. Оно не только не ограничило про-

грамму своего этнографическаго отдѣла однимъ современнымъ матеріаломъ, но также обратило вниманіе и на древнее происхожденіе этихъ этнографическихъ своеобразностей существующихъ доселѣ племенъ, населяющихъ Россію.

Такая разработка археологическаго матеріала не могла не отозваться и на самомъ пониманіи, которое теперь складывалось о задачѣ и объемѣ русской археологіи. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ уже въ 1860 г. статью И. Е. Забѣлина подъ заглавіемъ: „Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей“¹⁾.

И. Е. Забѣлинъ въ этой статьѣ широко очертилъ задачу русской археологіи и показалъ, какимъ образомъ предметъ ея изслѣдованій касается до всесторонняго изученія древняго быта русскаго народа со стороны матеріальной, умственной и нравственной. Но при этомъ авторъ провелъ границу между исторіею и археологіею немного въ ущербъ этой послѣдней. А именно онъ понялъ характеръ археологіи въ слишкомъ индивидуальномъ значеніи. Такъ какъ, по его мнѣнію, „задача археологіи—жизнь и бытъ человѣка, какъ отдѣльной единицы“; то, затѣмъ, онъ неизбежно приходитъ къ слѣдующему заключенію, что „какъ скоро въ своихъ изслѣдованіяхъ частностей, единичнаго, археологія восходитъ до выясненія цѣльныхъ типовъ, до опредѣленія единыхъ общихъ условій чело-вѣческой жизни, до раскрытія общей силы чело-вѣческой природы, результаты ея тотчасъ же цѣлкомъ поступаютъ въ собственность исторіи“ (стр. 59—60).

Относительно личнаго или индивидуальнаго отгѣнка въ древнемъ остаткѣ, я уже имѣлъ случай говорить (§ 2), по поводу различныхъ характеристическихъ сторонъ, вмѣщающихся въ археологическомъ памятникѣ; но и тутъ не лишне замѣтить, что личный или индивидуальный отгѣнокъ имѣетъ постоянно второстепенное значеніе и всегда заслоняется отпечаткомъ общимъ, т. е. вліяніемъ самой эпохи, къ которой принадлежитъ памятникъ. При древнемъ бытѣ индивидуальное вліяніе лица утрачивалось гораздо быстрѣе, чѣмъ въ настоящее время. Мы видѣли, что даже каждый художникъ, каждый мастеръ подчинялъ свой личный произволь, свою артистическую фантазію требованіямъ не только времени, но даже области или города, въ которыхъ жилъ. На этомъ основаніи я не могу согласиться съ мнѣніемъ нашего почтеннаго ученаго и не могу придавать личному отгѣнку того преобладающаго значенія, какое И. Е. Забѣлинъ въ немъ находитъ.

Мнѣ кажется, что задача должна быть разъяснена немного шире и въ особенности не съ точки личности или индивидуальности.

Исторія, равно какъ и археологія, занимается изслѣдованіемъ остатковъ древняго быта, и онѣ обѣ суть отрасли одной и той же общей науки бытописанія народовъ. Не предметъ ихъ изслѣдованій составляетъ существенное между ними различіе, а самый способъ или методъ, употребляемый при этихъ изслѣдованіяхъ.

¹⁾ Въ ноябрской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ; потомъ перепечатана въ 1-мъ томѣ его Опытовъ изученія русскихъ древностей.

Пока исторія довольствовалась изложеніемъ однихъ внѣшнихъ фактовъ, не обращая вниманія на общественный и внутренній бытъ народа, она не достигала того, чего требуетъ бытописаніе, и ее Монтень съ справедливостію клеймилъ мѣткимъ прозваніемъ: *histoire bataille*. Но этотъ недостатокъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ сталъ по-немногу исчезать при постепенномъ развитіи исторической критики, и недавно еще историческія изслѣдованія, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ археологической науки, получили особое направленіе и преобразовались въ такъ-называемую теперь *культурную исторію* народовъ.

Этотъ новый способъ изслѣдованія извѣстнаго народа, или культурная исторія, еще тѣснѣе связываютъ между собою обѣихъ родныхъ сестеръ, археологію и исторію. Онѣ обѣ одинаково стремятся къ разъясненію быта народовъ, но достигаютъ этой цѣли иными только путями и изслѣдованіемъ иныхъ подробностей. Обѣ пауки себя взаимно пополняютъ, хотя прилагаютъ различные методы при изслѣдованіи своихъ источниковъ, и вслѣдствіе такихъ различныхъ методовъ приходятъ къ выводамъ, совершенно разнороднымъ.

Такимъ образомъ *археологическій методъ* изслѣдованія обращаетъ вниманіе не столько на вещественные памятники по преимуществу, сколько отыскиваетъ во всякомъ источникѣ, какъ письменномъ такъ и устномъ, ту *детальную* его *сторону*, которая раскрываетъ намъ подробности, хотя и мелкія, но иногда такія важныя, что онѣ кажутся какъ бы еще живыми остатками древняго быта. Эти-то подробности, эти осязательныя черты, ярко освѣщая прошедшее, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ къ разъясненію быта минувшихъ временъ. Весьма часто, только благодаря этимъ подробностямъ, добытымъ посредствомъ археологическаго метода, мы въ состояніи возстановить наглядную картину такого быта, о которомъ лѣтописи молчатъ или упоминаютъ только вскользь. Не останавливаясь на описаніи древняго быта, раскрытаго археологическими изслѣдованіями Стаби, мы укажемъ только на заслугу, оказанную археологическимъ методомъ при объясненіи египетскихъ надписей Лепсіусомъ, Руже, Брукнемъ и другими.

Наконецъ археологическій методъ примѣнимъ ко всякому памятнику, и при этомъ не исключаетъ приложенія всякаго другаго метода къ тому же самому памятнику. Такъ напримѣръ еще недавно, когда возбуждено было сомнѣніе, со стороны нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, въ подлинности Краледворской рукописи, братья Причскъ издали, въ защиту знаменитой рукописи, извѣстное изслѣдованіе: *Die Echtheit der Königinhofer Handschrift, kritisch nachgewiesen* (Prag. 1862. 8°). Въ этомъ изслѣдованіи Краледворской рукописи они воспользовались средствами, которыя имъ предлагала строгая критика. Съ филологической точки они изслѣдовали языкъ, отношеніе этихъ пѣсенъ къ славянской народной поэзіи, разбѣръ стихосложенія и значеніе ихъ въ исторіи чешской литературы. Съ исторической точки разобрали они историческія событія, и, наконецъ, съ археологической точки—изслѣдовали мифологическую часть и разобрали критически палеографическую часть этой рукописи.

Теперь понятно, отъ чего, по нашему мнѣнію, нельзя сказать, что задача археологіи заключается въ изслѣдованіи однихъ частныхъ, въ поясненіи одной только индивидуальной стороны каждаго памятника, и что какъ скоро выводы, добытые археологіею восходятъ до опредѣленія общихъ условій, то эти выводы поступаютъ въ собственность исторіи. Выводы, полученные путемъ археологическаго анализа, и выводы, полученные путемъ историческаго изслѣдованія, имѣютъ много общаго, хотя и остаются на разнородныхъ почвахъ. Первые изъ нихъ, какъ бы во-очію возстановляя бытъ прошедшій, иногда не встрѣчаютъ никакого разъясненія въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Они остаются тогда совершенно новыми, иногда неожиданными выводами, полученными исключительно путемъ археологіи и не могутъ быть даже включены въ исторію. Такимъ образомъ передъ нашими глазами возникла новая отрасль археологіи, которую обозначали названіемъ *до-исторической*, указывая этимъ названіемъ, что эти новые выводы, пріобрѣтенные археологіею, ничего не имѣютъ общаго съ исторіею, хотя и пополняютъ ее несмѣтнымъ числомъ столѣтій. Однимъ словомъ, археологія начинаетъ существовать за такими предѣлами, за которые исторія не простирается. И вообще, всѣ эти свѣдѣнія, выработанныя до-историческою археологіею, или добытыя археологическими изслѣдованіями въ могилахъ, курганахъ, насыпяхъ, городищахъ и проч., не могутъ быть разрѣшены историческимъ путемъ, а потому остаются неотъемлемою собственностію одной археологіи.

Возвращаясь теперь къ опредѣленію *задачи русской археологіи*, мы уже видѣли, какъ ученые общества поняли широко эту задачу и на этомъ основаніи мы можемъ опредѣлить *Русскую археологію, какъ науку, занимающуюся изслѣдованіемъ древняго русскаго быта по памятникамъ, оставшимся отъ народовъ, изъ которыхъ сперва сложилась Русь, а потомъ Русское государство.*

При разсмотрѣніи *объема* русской археологіи и сама задача ея еще болѣе разъяснится.

Современные русскіе археологи, по замѣчанію П. И. Лерха ¹⁾, навѣрно не согласятся съ восьмью столѣтіями, назначенными Сахаровымъ для объема русской археологіи. Блестательные результаты, добытые уже теперь такъ-называемою *до-историческою археологіею*, и раскрытіе новыхъ, обширныхъ эпохи культуры для всѣхъ народовъ, не могли не отзываться какъ на самомъ объемѣ археологической науки, такъ и на системѣ ея подраздѣленія.

Самое названіе „*до-историческая археологія*“, допущенное многими учеными, какъ выраженіе популярное и для большинства публики довольно понятное, лишено однако строгаго научнаго значенія, по неточности и неопредѣленности времени, которое оно должно обозначать ²⁾. На основаніи такихъ соображеній было предложено на первомъ

¹⁾ Извѣстія Императорскаго Русскаго археологическаго Общества, IV, стр. 145.

²⁾ Употребленіе въ наукѣ неточнаго выраженія необходимо влечетъ за собою и другія

археологическомъ съѣздѣ и принято всѣми членами, замѣнить слово „до-историческая“ выраженіемъ „*первобытная археологія*“.

Существованіе въ Россіи памятниковъ первобытной эпохи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Многочисленность ихъ поражаетъ на каждомъ шагѣ. Не смотря однако на обиліе у насъ такого рода древностей, какъ пещерныя жилища, курганы съ каменными орудіями, могилы, насыпи, валы, городища, фигурныя надписи на скалахъ и проч., мы все-таки доселѣ не имѣемъ ни одинаго руководства или сколько-нибудь полного изслѣдованія по части этихъ памятниковъ. Однако подобное невѣдѣніе нашей первобытной археологіи не можетъ служить предлогомъ для исключенія ея изъ общаго объема всей русской археологіи. Хотя теперь, въ данную минуту, мы не дошли еще до полнаго уясненія, каковымъ народамъ принадлежатъ всѣ эти памятники и какое могли имѣть вліяніе эти народы на послѣдующихъ насельниковъ Россіи, однако и теперь мы не вправѣ отрицать а priori всякую связь между этими народами первобытной эпохи съ нашими историческими племенами, тѣмъ болѣе, что народы бронзоваго періода, въ послѣдовательности эпохъ, служили навѣрно среднимъ звеномъ между этими племенами каменнаго вѣка и племенами, упоминаемыми въ лѣтописяхъ.

И тутъ впрочемъ мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ по части первобытной археологіи, еще не разрѣшенныхъ. Когда начался у насъ бронзовый вѣкъ? въ какомъ отношеніи находятся славянскія и финскія племена древней Руси какъ къ бронзовому вѣку, такъ и вообще къ обработкѣ металловъ? и т. д.

Важность и значеніе каменнаго періода для Россіи были затронуты въ замѣчательной запискѣ академиковъ Бэра и Шифнера: „О собираніи до-историческихъ древностей въ Россіи для этнографическаго музея“¹⁾. Сверхъ того Академія издала по-русски руководство Ворсо подъ заглавіемъ: „Сѣверныя древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ“ (С.Пб. 1860). Послѣ такихъ явныхъ доказательствъ привлеченія древностей каменнаго періода въ общую науку русской археологіи, мы обязаны начать нашу археологію съ этого отдѣла первобытныхъ древностей.

Такимъ образомъ, отодвинувъ *начало* русской археологіи, необходимо также опредѣлить и *конецъ* ея, или крайній ея предѣлъ къ новѣйшимъ временамъ. Этотъ крайній предѣлъ былъ обсуждаемъ въ Петербургскомъ археологическомъ Обществѣ, и всѣ члены

не научныя выраженія. Такъ г. Филимоновъ въ Каталогѣ отдѣленія до-историческихъ древностей (Москва, 1873, стр. 39), сохранивъ выраженіе „до-историческихъ древностей“, принужденъ былъ употребить и другія, столь же неточныя выраженія, какъ на примѣръ „русскія древности двухъ различныхъ періодовъ: до-историческаго безусловно и до-историческаго относительно“.

¹⁾ Записки Академіи, 1862. Томъ I, книга 1, стр. 115.

пришли къ заключенію—считать *конецъ XVIII вѣка или 1700 годъ* за конецъ древней русской археологіи; такъ что конецъ древней эпохи совпадаетъ съ началомъ петровскихъ преобразованій.

Теперь, послѣ опредѣленія *начала и конца* русской археологіи, самый объемъ ея еще болѣе разяснится при перечисленіи слѣдующихъ вспомогательныхъ знаній ¹⁾, необходимыхъ для научнаго изслѣдованія памятниковъ:

- 1) *Палеографія*, съ подраздѣленіемъ на *эпиграфику и дипломатику*.
- 2) *Сфрагистика* съ *геральдикой*.
- 3) *Нумизматика*.
- 4) *Художества*, состоящія изъ *зодчества, живописи, ваянія и музыки*.
- 5) *Географія* съ *топографіею*.
- 6) *Хронологія*.

§ 4. *Источники русской археологіи.*

§ 5. *Предварительныя свѣдѣнія.*

§ 6. *Способъ преподаванія.*

Русская археологія, какъ и археологія всякой другой страны, идетъ въ изслѣдованіяхъ своихъ путемъ совершенно своеобразнымъ, который слѣдуетъ назвать *археологическимъ*. При этомъ она употребляетъ тотъ *археологическій методъ*, о которомъ мы прежде уже упомянули и который обращаетъ вниманіе не исключительно на одни памятники вещественные, а въ особенности открываетъ въ каждомъ памятникѣ, хотя письменномъ или устномъ, ту *детальную*, такъ - сказать *вещественную сторону*, которая составляетъ главный источникъ для археологическаго метода. Понятно, что для такого особаго метода изслѣдованія необходимы и особые *критическіе приемы*. Эти приемы вырабатываются изъ того своеобразнаго воззрѣнія на памятники, которое присуще археологіи.

Если теперь обратиться собственно къ *преподаванію* русской археологіи, то преподаваніе должно дѣлиться на двѣ части: *теоретическую* и *практическую*. Въ *первой* будутъ излагаться результаты, уже полученные посредствомъ изслѣдованія археологическихъ памятниковъ; между тѣмъ какъ въ *второй части* будутъ объяснены методъ и приемы, употребляемые при изслѣдованіи памятниковъ.

Въ этой второй, практической части преподаванія главное мѣсто займутъ, безъ сомнѣнія, вещественные остатки древняго быта и изученіе *нагляднаго пониманія* подобныхъ

¹⁾ Я употребилъ слово *знаніе* въ томъ смыслѣ, въ какомъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ принимаетъ его въ своемъ Руководствѣ по Русской Исторіи (стр. 14 — 18). Онъ полагаетъ, что, по образу нѣмцевъ, часто называющихъ такія знанія, которыя приобрѣтаются практическимъ путемъ и употребляются для практической цѣли, не *Wissenschaften*, а *Doctrinen*, слѣдуетъ называть ихъ не науками, а *знаніями*.

памятниковъ. И то и другое основано на полномъ знаніи вещественныхъ памятниковъ, которое достигается одними *практическими упражненіями*, служащими для нагляднаго объясненія учащимся значенія каждаго остатка древняго быта. Только основательнымъ изученіемъ самыхъ остатковъ старины и сравненіемъ этихъ остатковъ съ другими одновременными источниками можно дойти до выработки вполне вѣрныхъ критическихъ приѣмовъ и до точной провѣрки выводовъ, добытыхъ иными путями.

Для удобства такого нагляднаго изученія вещественныхъ памятниковъ, необходимы *систематическія собранія древностей, устроенныя* для преподаванія. Подобныя собранія должны быть составлены изъ памятниковъ *образцовыхъ* во всякомъ родѣ и изъ каждаго столѣтія. При этомъ не слѣдуетъ стремиться за многочисленностію предметовъ, а скорѣе смотрѣть за строго-научнымъ выборомъ этихъ предметовъ. Тогда только составъ такихъ спеціальныхъ собраній достигнетъ своей цѣли, когда онъ будетъ состоять изъ однихъ образцовыхъ памятниковъ, по каждой отрасли археологической науки. Даже между такими образцовыми предметами надо дать предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ своеобразные и отличительные признаки болѣе явственны и болѣе рѣзко бьютъ въ глаза, чѣмъ въ другихъ.

Самое же размѣщеніе предметовъ въ такихъ собраніяхъ должно быть сдѣлано на основаніи *извѣстной системы*; причѣмъ надо соображаться съ *археологическимъ* и *художественнымъ значеніемъ* этихъ предметовъ, съ *хронологическою* ихъ *последовательностію*, съ *назначеніемъ*, которое имѣлъ памятникъ и наконецъ съ *техническою* его *стороною*. Такое размѣщеніе памятниковъ очень облегчится, если раздѣлить ихъ на отдѣльныя группы. Такъ напримѣръ: *памятники зодчества, ваянія и живописи* могутъ составить одну группу; *памятники палеографическіе, письма и языка, эпиграфическіе, нумизматическіе и сфрагистическіе*—вторую группу; наконецъ всѣ остальные *памятники религіознаго, общественнаго и домашняго быта*—третью группу.

При предложенномъ нами распредѣленіи памятниковъ на три группы, мы старались помѣстить въ каждую изъ нихъ такіе болѣе или менѣе однородные предметы, которые могли бы взаимно себя пополнить и разъяснить.

Совершенно было бы ошибочно предполагать, что, для подобныхъ спеціальныхъ собраній годятся только *одни подлинныя памятники*. Напротивъ того, собрать всѣ подлинныя памятники, необходимые при преподаваніи археологіи, рѣшительно невозможно, между тѣмъ какъ посредствомъ *слѣпковъ, фотографій* или даже *вѣрныхъ рисунковъ* можно замѣнить подлинники и составить полный рядъ памятниковъ въ хронологической последовательности и по всѣмъ отраслямъ археологіи. Тутъ не можетъ уже быть никакого пробѣла и нѣтъ причины не собрать полной коллекціи образцовыхъ остатковъ всего древняго быта, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Сверхъ того, при теперешнемъ развитіи

техническаго производства, вѣрныя копіи съ древнихъ памятниковъ обходятся весьма не дорого, и цѣлое собраніе получается за очень умѣренную цѣну.

Эти *собранія*, которыя правильнѣе всего назвать *вспомогательными*, необходимы для преподаванія даже и въ такихъ городахъ, гдѣ существуютъ богатые публичные музеи. Опытъ доказалъ, что нигдѣ въ Европѣ эти публичные музеи не принесли для преподаванія той пользы, какую доставляютъ собранія, специально составленныя для такой педагогической цѣли. Въ публичныхъ музеяхъ многочисленность и разнородность памятниковъ развлекаютъ вниманіе учащихся и даже затрудняютъ имъ сосредоточиваніе вниманія на томъ только предметѣ, который для нихъ специально важенъ по своему значенію. Нерѣдко даже въ такихъ музеяхъ памятники второстепеннаго достоинства численностию своею заслоняютъ отъ учащихся главные, образцовые памятники, которые всегда, какъ болѣе рѣдкіе, находятся въ меньшинствѣ. Конечно, такое неудобство можетъ отчасти быть устранено умѣніемъ различать памятники образцовые отъ памятниковъ второстепенныхъ, но мы не вправѣ требовать такого умѣнія отъ начинающихъ заниматься археологіею. Между тѣмъ такое умѣніе, въ *вспомогательныхъ собраніяхъ*, облегчается какъ отсутствіемъ всякихъ лишнихъ памятниковъ второстепеннаго значенія, такъ и присутствіемъ однихъ только характеристическихъ образцовъ въ каждомъ родѣ и для каждой эпохи. Вниманіе учащихся не развлекается тутъ излишнимъ обиліемъ предметовъ, а напротивъ того сосредоточивается на однихъ только такихъ памятникахъ, которые по преимуществу замѣчательны для изученія формъ, стилиа и другихъ отличительныхъ признаковъ каждой эпохи.

Вообще, при наглядномъ обученіи археологіи, преподаватель долженъ развить въ учащихся умѣніе вѣрно схватывать отличительныя черты каждаго памятника. Только точно научные выводы, добытые такимъ образомъ на практикѣ, могутъ служить огражденіемъ учащихся отъ всякаго увлеченія поверхностными соображеніями. Лучшимъ ручательствомъ противъ такихъ безосновательныхъ соображеній будетъ служить научное ознакомленіе съ самыми памятниками, достигаемое двоякимъ образомъ. Во-первыхъ — разъясненіемъ археологическаго значенія памятника, а во-вторыхъ — изслѣдованіемъ техническаго его достоинства, съ указаніемъ, насколько техническая сторона соотвѣтствуетъ цѣли извѣстнаго памятника. Вообще, практическое изученіе памятниковъ должно итти по тому же методу, каковаго придерживаются филологи при изслѣдованіи извѣстнаго писателя. Они или примѣняютъ общія правила языковеденія къ оцѣнкѣ достоинства произведеній этого писателя, или, наоборотъ, они изъ сочиненій его извлекаютъ правила общія и понятія общія для всей науки.

Умѣніе извлекать вѣрныя и точныя выводы изъ изучаемаго предмета составляетъ не маловажное затрудненіе для всякаго, начинающаго заниматься археологіею. При этомъ только строгая критика и только разумное сравненіе съ одновременными памятниками

могутъ оградить его отъ неправильной оцѣнки изучаемаго предмета. Но даже и при такихъ условіяхъ учащійся не вполне безопасенъ отъ ошибки. Такъ какъ онъ въ первый разъ встрѣчается съ новыми для него предметами, съ новыми формами и не имѣлъ еще случая приучить свой *глазъ* къ пониманію этихъ новыхъ предметовъ и формъ, то съ большимъ трудомъ улавливаетъ отличительные ихъ признаки. Со временемъ, конечно, онъ приобрететъ этотъ навыкъ, въ особенности частымъ упражненіемъ и частымъ изученіемъ самихъ памятниковъ. Такимъ образомъ онъ разовьетъ извѣстную впечатлительность глаза, которая почти бессознательно схватываетъ мгновенно форму, стиль, технику и значеніе каждаго памятника. Такая опытность, вмѣстѣ съ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ разныхъ временъ и разныхъ народовъ, необходима для правильной оцѣнки стиля со всѣми его отгѣнками. Между тѣмъ въ началѣ, для исполненія такихъ трудныхъ задачъ, учащемуся остается только одна провѣрка своего личнаго мнѣнія о памятникахъ, посредствомъ сравненія этого мнѣнія съ описаніями, уже прежде сдѣланными опытными археологами.

По случаю такихъ археологическихъ описаній, преподавателю русской археологіи придется особенно предостерегать своихъ слушателей отъ нѣкоторыхъ мнимо-ученыхъ описаній, за которыми нельзя признать достоинства ни ученаго труда, ни даже вѣрнаго изслѣдованія.

Въ заключеніе, я вкратцѣ перечислю тѣ главныя основанія, которыя необходимы для вполне научнаго способа преподаванія русской археологіи:

а) Систематическое распредѣленіе и развитіе программы преподаванія зависитъ отъ вѣрнаго пониманія какъ задачи, такъ и объема русской археологіи.

б) Для полнаго уясненія древняго быта Россіи, надо обратить вниманіе и на тѣ народы, съ которыми она была въ прикосновеніи; а потому слѣдуетъ одновременно излагать археологію Византіи, Славянскихъ народовъ и Скандинавіи.

в) Полное и основательное преподаваніе отечественной археологіи возможно только при одновременномъ изученіи памятниковъ вещественныхъ; письменныхъ и устныхъ. На этомъ основаніи, параллельно съ теоретическимъ преподаваніемъ, необходимы и практическія упражненія для нагляднаго изученія вещественныхъ памятниковъ.

г) Съ цѣлію нагляднаго изученія, учреждаются вспомогательныя собранія древностей, систематически расположенныя и постепенно пополняемыя согласно требованіямъ преподаваемаго курса отечественной археологіи. Въ такія вспомогательныя собранія помѣщаются лучшіе образцы каждаго рода древностей и каждой эпохи, въ слѣпкахъ, фотографіяхъ или даже въ рисункахъ. Вообще для такихъ воспроизведеній памятниковъ надо предпочесть тѣ способы, которые механически передаютъ копію съ памятника, не доставляя никакого произвола лицу, занимающемуся этою передачею.

д) Расположеніе памятниковъ въ вспомогательныхъ собраніяхъ должно быть систе-

матическое, въ хронологической послѣдовательности и по группамъ однородныхъ предметовъ. Вообще всѣ памятники должны быть расположены такимъ образомъ, чтобы своеобразные признаки каждой эпохи рѣзко выдавались изъ общей массы предметовъ.

е) Публичные музеи, не составленные специально съ педагогическою цѣлію, не могутъ замѣнить пользы, приносимой вспомогательными собраніями, и только тогда могутъ быть поучительны для учащихся, когда эти послѣдніе приобрѣли уже извѣстный навыкъ въ изученіи археологическихъ памятниковъ. Сверхъ того, публичные музеи должны имѣть подробные каталоги, составленные научно, а не одни сухіе перечни хранящихся тутъ предметовъ.

Какія могутъ и должны быть устраиваемы, при университетскомъ преподаваніи
археологіи, практическія упражненія и занятія?

Рефератъ А. Г. Врикнера.

Для обсужденія этого вопроса необходимо взглянуть на состояніе преподаванія археологіи въ университетахъ вообще.

Археологія можетъ быть внесена въ программу университетскаго преподаванія въ трехъ видахъ:

- 1) Археологія, какъ исторія искусства, преимущественно классической древности.
- 1) До-историческая, антропологическая археологія.
- 3) Археологія, какъ бытовая исторія, преимущественно болѣе отдаленныхъ періодовъ, всѣхъ народовъ.

Университетское преподаваніе перваго изъ этихъ видовъ археологіи наиболѣе развито. Исторія искусствъ въ настоящее время занимаетъ довольно видное мѣсто въ кругу предметовъ историко-филологическихъ факультетовъ у насъ, философскихъ факультетовъ въ Германіи. Этотъ предметъ, на сколько онъ относится къ древней Греціи и къ древнему Риму, до того разработанъ, что на Западѣ названіе археологіи иногда и довольно часто даже еще понынѣ употребляется въ смыслѣ исторіи древне-классическаго искусства. Такое успѣшное развитіе классической археологіи обуславливалось гениальною ученою дѣятельностію Винвельманна, столѣтній юбилей котораго мы праздновали нѣсколько лѣтъ тому назадъ, развитіемъ классической филологіи, успѣхами исторіографіи, относящейся къ исторіи древности, а также и успѣхами теоріи искусства.

Классическая археологія затѣмъ имѣла слѣдствіемъ развитіе самостоятельной науки исторіи искусства, которая въ настоящее время уже столь разработана, что въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ университетахъ существуетъ болѣе одной кафедрой исторіи искусства.

Эта наука въ настоящее время дѣлится на а) греческо - римскую, б) христіанскую или средневѣковую, с) новую исторію искусства и d) эгиптологію. ¹⁾

Съ различныхъ сторонъ въ послѣднее время слышатся требованія усиленія этихъ предметовъ въ университетахъ. Съ каждымъ годомъ на Западѣ растетъ число каедръ, занимаемыхъ историками искусства, да и у насъ въ Россіи университетскимъ уставомъ 1863 года разрѣшено учрежденіе таковыхъ каедръ, остающихся впрочемъ пока болѣею частію вакантными вслѣдствіе недостатка въ преподавателяхъ. ²⁾

Такой недостатокъ въ преподавателяхъ на Западѣ ощущается все менѣе и менѣе. Въ академіяхъ, политехническихъ училищахъ и университетахъ съ большимъ успѣхомъ преподается исторія искусства. О способѣ преподаванія этого предмета довольно часто въ послѣднее время говорилось въ брошюрахъ и на съѣздахъ ³⁾. Такъ напр. на съѣздѣ историковъ искусства въ Вѣнѣ, въ сентябрѣ прошедшаго года, обсуждался вопросъ о преподаваніи исторіи искусства не только въ университетахъ, но и въ среднихъ училищахъ. ⁴⁾

¹⁾ Эгиптологія имѣетъ, какъ извѣстно, свое начало отъ похода Наполеона I въ Египетъ, соединеннаго съ учеными цѣлями и имѣвшаго слѣдствіемъ составленіе богатыхъ коллекцій эгипетскихъ древностей, прекраснаго изданія «Description de l'Égypte». Весьма большое значеніе имѣла далѣе для развитія этой отрасли археологіи экспедиція, сооруженная Пруссіею въ 1842 году. Знаніе восточныхъ языковъ значительно содѣйствовало дальнѣйшимъ успѣхамъ этой науки, представители которой въ нѣкоторыхъ университетахъ занимаютъ самостоятельныя каедры, напр. Лепсіусъ въ Берлинѣ, Бругшъ въ Гёттингенѣ, Эберсъ въ Лейпцигѣ.

²⁾ О статистикѣ преподаванія этого предмета въ позднѣйшее время писалъ профессоръ Страсбургскаго университета Ис. Краусъ въ брошюрѣ: «Über das Studium der Kunstwissenschaft an den deutschen Hochschulen. Strassburg, 1874». Хотя авторъ и называетъ исторію искусствъ «das Aschenbrödel unter den modernen Wissenschaften», онъ все-таки приходитъ къ тому результату, что древне-классическая исторія искусствъ и археологія преподается въ 23-хъ, христіанская и средневѣковая вообще въ 13-ти, новая исторія искусствъ въ 12-ти нѣмецкихъ университетахъ. За то дѣйствительно число соотвѣствующихъ этимъ предметамъ ординарныхъ профессуръ не столь значительно. Напр. для новой исторіи искусствъ существуютъ полныя каедры лишь въ университетахъ: Берлинскомъ, Боннскомъ, Лейпцигскомъ и Пражскомъ.—Краусъ требуетъ учрежденія трехъ каедръ для исторіи искусствъ въ каждомъ университетѣ (См. его брошюру стр. 9).

³⁾ О лицахъ, преподающихъ исторію искусствъ въ университетахъ см. напр. «Deutscher Universitätskalender», выходящій ежегодно по два раза. Въ вышеупомянутой брошюрѣ Крауса на стр. 12 названы извѣстнѣйшіе профессора и доценты этого предмета. Изъ брошюръ, въ которыхъ говорится о преподаваніи исторіи искусствъ, мы укажемъ напр. на слѣдующія: Piper, Über die Gründung der christlich-archäologischen Kunstsammlung bei der Universität in Berlin. Berlin, 1850.—Ed. Gerhardt, Über archäologische Sammlungen und Studien. Berlin, 1860.—Stark, Über Kunst und Kunstwissenschaft auf deutschen Universitäten. Heidelberg, 1873.—Вступительная лекція Шпрингера въ Лейпцигѣ—въ журналѣ «Im Neuen Reich». 1873, III, 761 и пр.

⁴⁾ См. протоколы засѣданій съѣзда въ журналѣ «Mittheilungen des Oesterreichischen Museums

Что касается до преподаванія до-исторической, антропологической археологіи, то она почти вовсе еще не вошла въ программы университетовъ, что объясняется юностью этой науки, требующей тѣсной связи исторіи съ естественными науками (антропологіею, геологіею, палеонтологіею) и съ лингвистикою. Чтеніе таковыхъ лекцій, какія читались въ Дерптскомъ университетѣ профессоромъ Гревингомъ „о каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ вѣкахъ съ обращеніемъ особеннаго вниманія на прибалтійскій край“, могутъ считаться лишь рѣдкимъ исключеніемъ, и едва-ли можно ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ преподаваніе этого предмета сдѣлало важные успѣхи.

Археологія въ видѣ бытовой исторіи разныхъ народовъ совпадаетъ болѣе или менѣе съ понятіемъ объ исторіи культуры. Недостаточное развитіе этой отрасли исторической науки объясняется отсутствіемъ точныхъ понятій о теоріи исторіи, о предѣлахъ, предметахъ и пріемахъ исторіи, преобладаніемъ въ исторіографіи и въ преподаваніи исторіи фактической политической исторіи, слабымъ развитіемъ исторіи политическихъ и общественныхъ учрежденій, хозяйства, техники въ искусствѣ и въ промышленности и пр. Только нѣкоторыя отрасли такихъ историческихъ занятій впрочемъ столь развиты, что даже существуютъ соотвѣтствующія самостоятельныя каѳедры, какъ то: для исторіи права, церкви, словесности.

Такого рода „древности“ отлично разработаны прежде всего въ отношеніи къ древней Греціи и къ древнему Риму, однако чрезвычайно много сдѣлано также и въ отношеніи исторіи новыхъ народовъ, напр. германскихъ, славянскихъ. Намъ, разумѣется, наиболѣе интересуютъ древности славянскія, преимущественно русскія.

Преподаваніе послѣднихъ въ университетахъ должно составлять часть преподаванія русской исторіи.

Въ этихъ трехъ видахъ археологіи можетъ и должна быть преподаваема въ университетахъ. Однако понинѣ о началахъ, которыми должно руководствоваться при преподаваніи этихъ трехъ видовъ археологіи, существуютъ лишь неясныя понятія. Развѣ о классическихъ древностяхъ, объ археологіи, исторіи искусства Греціи и Рима, установились нѣкоторыя общія и главныя правила, очевидно потому, что наука эта съ давнихъ

für Kunst und Industrie». 1873, № 97 и слѣд. Тутъ между прочимъ читались и обсуждались записки извѣстныхъ ученыхъ Шнаазе и Шпрингера. Между прочимъ обсуждался вопросъ: поручить-ли преподаваніе исторіи искусствъ въ гимназій учителю нѣмецкаго языка, учителю рисованія или учителю всеобщей исторіи, или же устроить самостоятельное преподаваніе этого предмета.

поръ разработана, что въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій уже она преподается въ университетахъ и что вообще филологическій методъ можетъ считаться особенно развитымъ.

Развитіе преподаванія классической археологіи показываетъ намъ, что это преподаваніе имѣетъ успѣхъ главнымъ образомъ по мѣрѣ того, какъ чтеніе лекцій по этому предмету дополняется демонстраціями и наконецъ превращается въ практическія занятія учащихся подъ руководствомъ профессора. Сознаніе о недостаточности одного чтенія лекцій на кафедрѣ все болѣе и болѣе усиливается и распространяется, отчасти безъ сомнѣнія вслѣдствіе примѣра, предлагаемаго естественными науками, преподаваніе которыхъ сдѣлалось особенно успѣшнымъ чрезъ быстрое развитіе значенія существующихъ при университетахъ кабинетовъ, лабораторій и пр.

Поэтому и для болѣе успѣшнаго преподаванія археологіи начали устраиваться при университетахъ коллекціи предметовъ древности, преимущественно предметовъ древнеклассическаго искусства. Успѣшнѣе всего составлялись коллекціи гипсовыхъ отливокъ.

Послѣ того, какъ въ 18-мъ вѣкѣ развѣ только въ Римѣ и въ Дрезденѣ существовали коллекціи произведеній искусства, въ началѣ нашего столѣтія сначала въ Парижѣ (благодаря походамъ Наполеона I въ Италію), затѣмъ во всѣхъ большихъ, а именно столичныхъ, городахъ образовались музеи. Хотя такія коллекціи, существовавшія внѣ университетовъ и могли имѣть, и даже довольно часто имѣли, вліяніе на успѣхъ преподаванія археологіи въ университетахъ, однако цѣлью такихъ музеевъ было служить прежде всего не столько наукѣ, сколько искусству, служить средствомъ поощренія, обученія для художниковъ. Съ одной стороны чрезмѣрное богатство предметовъ въ такихъ коллекціяхъ, съ другой по необходимости встрѣчаемые въ нихъ пробѣлы, выборъ предметовъ, ихъ группировка, не всегда легкій для студентовъ къ нимъ доступъ и т. п.—все это ограничивало значеніе такихъ коллекцій для университетскаго преподаванія и поэтому почувствовалась необходимость устройства при университетахъ особыхъ коллекцій предметовъ древняго искусства. Прежде всего такіе университетскіе музеи явились въ Іенѣ подъ руководствомъ Гёттлинга, въ Лейпцигѣ подъ руководствомъ Оттона Яна. Почти при всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ существуютъ такія коллекціи, а также и у насъ въ Россіи учрежденіе кафедры теоріи и исторіи искусства повело къ устройству подобныхъ коллекцій почти во всѣхъ русскихъ университетахъ.¹⁾

Успѣхи техники при произведеніи гипсовыхъ отливокъ, литографій, гравюръ, фо-

¹⁾ Какъ кажется, Дерптскій университетъ богаче другихъ университетовъ въ Россіи подобными коллекціями, такъ какъ при немъ существуетъ, кромѣ нумизматическаго кабинета и музея древностей и искусствъ, еще этнографическая коллекція, музей для памятниковъ христіанскаго искусства, коллекція рисунковъ и пр.

тографій и пр. въ соединеніи съ усиливающимся сознаниемъ о необходимости переведенія преподаванія таковыхъ предметовъ изъ аудиторіи въ кабинеты и галереи имѣли слѣдствіемъ чрезвычайно быстрое и успѣшное размноженіе и обогащеніе такихъ коллекцій. Расходы при составленіи такихъ коллекцій оказываются сравнительно не особенно значительными.

Учрежденіемъ однихъ коллекцій древностей классическихъ и развѣ еще въ соединеніи съ ними нумизматическихъ кабинетовъ нельзя было ограничиваться. По мѣрѣ того, какъ въ программу университетскаго преподаванія стала входить исторія искусства вообще, состоялись и другія коллекціи, а именно: коллекціи памятниковъ средневѣковаго христіанскаго искусства, коллекціи изображеній предметовъ архитектуры, живописи и т. д. всѣхъ временъ. Такъ напр. въ Берлинскомъ университетѣ, подъ руководствомъ профессора Ф. Пипера, состоялся въ 1850-мъ году музей христіанскаго искусства; такъ въ Страсбургѣ при университетѣ состоялось въ 1822-мъ году, подъ руководствомъ профессора Кс. Крауса, особое учрежденіе (Institut) для христіанской археологіи и эпиграфики. — Безъ сомнѣнія, можно ожидать въ будущемъ еще гораздо большаго обогащенія университетовъ такими учебными пособіями. Такъ напр. должны будутъ образоваться всюду при университетахъ музеи этнографическіе, коллекціи предметовъ до-исторической археологіи, коллекціи древностей отечественной исторіи.¹⁾

Разумѣется приобрѣтеніе самыхъ предметовъ—подлинниковъ для учебныхъ цѣлей оказывается въ рѣдкихъ лишь случаяхъ возможнымъ и необходимымъ, весьма часто сопряженнымъ съ чрезмѣрными издержками и даже въ большей части случаевъ совершенно лишнимъ. Можно будетъ почти всегда ограничиваться покупкою или изображеній предметовъ (гравюръ, политипажей, фотографій), или же факъ-симиле ихъ (гипсовыхъ отливокъ, предметовъ каменнаго вѣка изъ гипса). Главнымъ образомъ же въ университетскихъ библіотекахъ должны находиться, насколько это возможно, при ихъ ограниченнхъ средствахъ, иллюстрированныя изданія, которыя иногда могутъ замѣнить самые предметы коллекцій. Таковы напр. изданіе Отфрида Мюллера «Denkmäler der alten Kunst», Овербекка «Galerie heroischer Bildwerke» и «Rompeji», атласы къ учебникамъ Куглера, Любке и др., извѣстное изданіе „Русскихъ древностей“, изданія исторіи орнаментаки Оуэнъ Джемса (Owen James) и Расинэ (Racinet) и пр. и пр.²⁾

¹⁾ Такъ напр. извѣстный историкъ искусствъ, профессоръ Шпрингеръ, обратился въ прошедшемъ году къ австрійскому музею искусствъ и промышленности съ предложеніемъ изготовить во множествѣ экземпляровъ коллекціи таковыхъ предметовъ, принимая при этомъ въ соображенія учебныя цѣли. Покупателями такихъ коллекцій явились-бы университеты, академіи, политехническія училища и пр.

²⁾ Въ послѣднее время особенно успѣшно обогащаются коллекціи фотографій при нѣмец-

Демонстраціи при преподаваніи археологіи требуютъ впрочемъ обыкновенно изображенія предметовъ въ довольно большомъ форматѣ. Такихъ изданій, необходимыхъ при болѣешемъ числѣ слушателей, пока существуетъ еще весьма мало. Къ нимъ можно отнести изданіе Э. фонъ-деръ-Лауница «Wandtafeln zur Veranschaulichung antiken Lebens und antiken Kunst» (Kassel. Th. Fischer, 1870), изданіе памятниковъ архитектуры, выходящее при королевской «Bauakademie» въ Берлинѣ и т. п. ¹⁾.

На этотъ счетъ должно будетъ руководствоваться въ особенности сообщеніями профессоровъ - специалистовъ, обращавшихъ вниманіе на наглядное обученіе, какъ весьма важное пособіе при преподаваніи таковыхъ предметовъ. Такъ напр. еще недавно, а именно по случаю стѣзда историковъ искусства въ Вѣнѣ въ 1873-мъ году, г. Шпрингеръ въ весьма любопытной запискѣ о преподаваніи исторіи искусства въ среднихъ училищахъ сдѣлалъ нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній о состояніи того помѣщенія, въ которомъ находятся коллекціи и учебныя пособія въ тѣсной связи съ аудиторіею, объ устройствѣ такого помѣщенія съ цѣлью, чтобы студенты имѣли возможность заниматься тамъ самостоятельно, о содержаніи при такомъ помѣщеніи особой библіотеки, заключающей въ себѣ важнѣйшія учебныя пособія, справочныя книги, словари, каталоги и пр. ²⁾.

Разумѣется, кромѣ такихъ коллекцій и учебныхъ пособій, находящихся при университетахъ, и другія коллекціи и отдѣльные памятники могутъ и должны служить пособіемъ при университетскомъ преподаваніи археологіи. Исторія и географическое положеніе той мѣстности, въ которой находится университетъ по необходимости должны имѣть вліяніе на выборъ той или другой части археологіи, преподаваемой съ особеннымъ успѣхомъ. Для занимающихся исторіею искусства въ среднихъ вѣкахъ, напр. въ Боннскомъ университетѣ должно будетъ служить чрезвычайно важнымъ пособіемъ богатство относящихся къ этой части археологіи памятниковъ, встрѣчающихся во всѣхъ почти мѣстностяхъ на берегахъ Рейна. Тамъ, гдѣ существуютъ богатыя картинныя галереи, какъ напр. въ

кихъ университетахъ. Фотографіи, по обязательно сообщенному намъ мнѣнію профессора Добберта въ Берлинѣ, гораздо вѣрнѣе прежнихъ изданій гравюръ передаютъ стиль различныхъ эпохъ искусства.

¹⁾ Пока изъ послѣдняго изданія явились: архитектура древняя, древне-христіанская и романская. Изданіе это стоитъ не дорого и оказывается чрезвычайно практичнымъ. Такъ напр. въ Берлинской «Kunstakademie» отдѣльные листы наклеены на папку, лакированы. По мнѣнію профессора Добберта, въ аудиторіи должно имѣть по одному экземпляру на каждые пять слушателей. Быть можетъ войдетъ въ употребленіе и въ аудиторіяхъ извѣстный способъ показыванія, посредствомъ волшебнаго фонаря, маленькихъ фотографій въ большихъ размѣрахъ на бѣлой стѣнѣ.

²⁾ См. его записку въ «Mittheilungen des K. K. Museums für Kunst und Industrie», 1873. № 98 (приложеніе), стр. 500.

Берлинѣ, Мюнхенѣ или въ С.-Петербургѣ, особенно успѣшно можно будетъ заняться исторіею искусствъ послѣднихъ вѣковъ. Вліяніе византійскаго искусства на Россію едва ли гдѣ нибудь представляетъ такое богатство примѣровъ, какъ въ Кіевѣ; оружейная палата въ Москвѣ заключаетъ въ себѣ богатія пособія при изученіи древностей Московскаго періода.

Однимъ словомъ, уже существующія коллекціи и памятники, понинѣ развѣ только въ видѣ исключенія служившіе учебнымъ пособіемъ при университетскомъ преподаваніи, должны сдѣлаться на этотъ счетъ гораздо полезнѣе, должны находиться гораздо болѣе прежняго въ распоряженіи университетскихъ преподавателей и учащихся.

Для этого однако необходимо перенесеніе во многихъ случаяхъ мѣста преподаванія изъ аудиторіи въ такія галлерей, какъ это уже и весьма часто дѣлается на Западѣ. Лепсіусъ въ Берлинѣ читаетъ обыкновенно свои лекціи въ эгипетскомъ музеѣ, Бругшъ въ Мюнхенѣ очень часто со своими слушателями бываетъ въ Глиптотекѣ; такимъ же образомъ весьма часто читаютъ свои лекціи многіе профессора археологіи и исторіи искусствъ, какъ напр. Курціусъ и Доббертъ въ Берлинѣ, Швабе въ Тюбингенѣ, Петерсенъ въ Дерптѣ и проч. Публичныя коллекціи внѣ университетовъ непременно должны быть доступными для университетскаго преподаванія и для занятій студентовъ. Пока однако, сколько мнѣ извѣстно, столь богатія коллекціи, какъ напр. Эрмитажъ въ Петербургѣ, Оружейная палата въ Москвѣ, Музей Одесскаго Общества исторіи и древностей и проч. при нынѣшнемъ состояніи преподаванія археологіи оставались почти совершенно безплодными для университетскаго преподаванія.

Перенесеніе мѣста преподаванія изъ аудиторіи въ кабинетъ или въ галлерей, въ музей, заключаетъ въ себѣ первый шагъ къ превращенію лекцій въ практическія занятія. Чтеніе таковыхъ лекцій невольно поведетъ къ наставленію, какъ учащіеся должны относиться непосредственно къ самымъ источникамъ археологіи, т. е. къ памятникамъ. Первою задачею профессора тогда должно быть наставленіе, какъ учащіеся должны обращаться съ памятникомъ, на что при разныхъ видахъ памятниковъ прежде всего они должны обращать вниманіе, какими признаками можно руководствоваться для опредѣленія времени, къ которому относится памятникъ, для рѣшенія вопросовъ о стилѣ, національности, значенія изображеній и т. д. Такъ напр. бесѣды профессора Бругша въ Мюнхенѣ, въ коллекціи античныхъ вазъ, въ высшей мѣрѣ полезны для слушателей, именно чрезъ непосредственное обращеніе учащихся съ самимъ памятникомъ подъ руководствомъ спеціалиста.

Соотвѣтствующія всему этому упражненія давно приняты естественными науками. Если вспомнить о значеніи микроскопа при преподаваніи въ университетахъ ботаники или объ успѣхахъ занятій студентовъ въ химическихъ лабораторіяхъ, то невольно студенты историко-филологическихъ факультетовъ, въ болѣе части случаевъ ограничиваю-

щіеся при нынѣшней системѣ преподаванія слушаніемъ лекцій, и развѣ только въ видѣ рѣдкаго исключенія имѣющіе въ рукахъ самый источникъ, кажутся дилеттантами. Записки лекцій никогда не могутъ замѣнить самостоятельнаго ознакомленія учащагося съ памятниками. Обращаться съ послѣдними долженъ умѣть каждый студентъ, занимающійся археологіею. Выучиться этому можно только въ археологической семинаріи, т. е. посредствомъ практическихъ упражненій, устраиваемыхъ подъ руководствомъ профессора.

Научившись обращаться съ какимъ-либо памятникомъ, изучать его свойства, опредѣлять содержаніе его, учащіеся должны приступить къ описанію памятника. Тщательное описаніе археологическихъ источниковъ требуетъ знакомства съ разными приѣмами критики. Опыты описаній болѣе или менѣе извѣстныхъ памятниковъ, составленные учащимися, должны быть сравниваемы затѣмъ съ классическими описаніями таковыхъ памятниковъ, составленными опытными специалистами. Такое ознакомленіе съ образцовыми приѣмами критики въ лучшихъ сочиненіяхъ, безъ сомнѣнія, въ болѣе части случаевъ окажется полезнѣе обыкновеннаго слушанія лекцій. Въ лекціяхъ главнымъ образомъ сообщаются результаты научныхъ занятій. Въ практическихъ упражненіяхъ студенты узнаютъ, какимъ путемъ достигаются результаты въ наукѣ, какъ работали наилучшіе ученые, какимъ образомъ наблюдали, описывали, изслѣдовали и дѣлали выводы: Винкельманъ, Бэкъ, Вельверъ, Оттонъ Янгъ, братья Гриммы, Ворсаэ (Worsaaë), Нильсонъ, Карамзинъ, Буслаевъ, Срезневскій, Котляревскій и пр. и пр.

Такая же цѣль достигается чтеніемъ весьма специальныхъ курсовъ, или чтенія въ семинаріи какого-либо капитальнаго сочиненія. Такъ напр. профессоръ Германнъ Гриммъ въ Берлинѣ, или профессоръ Шпрингеръ въ Лейпцигѣ, избрали въ послѣднее время предметомъ такихъ чтеній сочиненіе Вазари. Такъ профессоръ Йорданъ въ Лейпцигѣ въ послѣднемъ зимнемъ полугодіи читалъ лекціи объ одномъ Леонардо да Винчи.¹⁾

Не иначе, какъ посредствомъ практическихъ упражненій, учащіеся могутъ, во-первыхъ, ознакомиться по крайней мѣрѣ съ нѣкоторыми главными произведеніями ученой литературы, относящейся къ ихъ специальности, а во-вторыхъ, получить понятіе о значеніи вспомогательныхъ наукъ, соотвѣствующихъ различнымъ видамъ археологіи. Въ семинаріяхъ классической археологіи самыми важными вспомогательными науками окажутся: филологія, словесность Рима и Греціи, древняя исторія; въ семинаріяхъ средне-вѣковой и христіанской археологіи будутъ имѣть большое значеніе: церковная исторія, эпиграфика, палеографія; въ семинаріяхъ антропологической археологіи можетъ быть

¹⁾ Иногда, но разумѣется въ рѣдкихъ лишь случаяхъ, преподаватель будетъ имѣть возможность предпринимать со своими слушателями археологическія экскурсіи. Такія экскурсіи, между прочимъ и для произведенія раскопокъ въ окрестностяхъ Іены, предпринимались довольно часто со студентами докторомъ Клопфлейшемъ.

приведено въ ясность отношеніе къ этой наукѣ палеонтологіи, этнографіи и т. д.; при другихъ упражненіяхъ, смотря по каждому данному случаю, окажутся важными разныя другія вспомогательныя науки исторіи, какъ то: нумизматика, герольдика, сфрагистика и проч.

Такого рода приготовленіе къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ археологіею въ различныхъ ея видахъ должно оказаться и достаточно спеціально - научнымъ и въ высшей мѣрѣ обще - образовательнымъ или энциклопедическимъ. Студенты, которые по окончаніи своихъ университетскихъ занятій готовятся къ какой-либо дѣятельности, выбирая или карьеру преподавателя, или архиваріуса, или завѣдывающаго какимъ - либо музеемъ, какою-либо коллекціею, такимъ образомъ, т. е. въ продолженіе всего времени пребыванія въ университетѣ, не ограничиваясь слушаніемъ лекцій, а участвуя въ практическихъ упражненіяхъ, окажутся не только лучше приготовленными для какой бы то ни было спеціальности, но и вообще болѣе образованными, развитыми, умѣющими работать, между тѣмъ какъ при нынѣшнемъ состояніи преподаванія этихъ предметовъ во многихъ университетахъ профессора не достаточно ясно сознаютъ, что университетское преподаваніе въ особенности, какъ впрочемъ преподаваніе вообще, должно заключаться главнымъ образомъ не въ сообщеніи извѣстнаго количества познаній, а въ развитіи въ учащемся охоты, воли, страсти, а также и способности заниматься наукою.

Ограничиваясь въ настоящее время этими общими замѣчаніями и не имѣя возможности (по недостатку времени) примѣнить въ частностяхъ вышесказанное къ той отрасли археологіи, которая для насъ имѣетъ наибольшее значеніе, т. е. къ русской исторіи, я желаю однако обратить вниманіе гг. членовъ Съѣзда на необходимость дальнѣйшаго развитія преподаванія русской исторіи въ указанномъ мною направленіи. Нельзя отрицать, что университетское преподаваніе отечественной исторіи идетъ у насъ весьма успѣшно, но также нельзя отрицать, что приемы преподаванія этого предмета, напр. главныя начала, по которымъ лекціи могутъ и должны отличаться отъ книгъ, чѣмъ должно отличаться преподаваніе исторіи въ университетахъ отъ преподаванія этого предмета въ гимназіяхъ, или какимъ образомъ при университетскомъ преподаваніи слѣдуетъ имѣть въ виду будущую дѣятельность учащихся, и напр. заниматься спеціально приготовленіемъ учителей исторіи, завѣдывающихъ архивами и т. д. — не достаточно опредѣлены и даже совершенно шатки, такъ что на дѣлѣ рѣшеніе такихъ вопросовъ въ каждомъ данномъ случаѣ предоставлено произволу и такту cadaго преподавателя, при чемъ играетъ чрезмѣрную роль обычай, рутинна.

Если же признается недостаточная успѣшность преподаванія русской исторіи, то главною причиною ея должно признать недостаточное дополненіе лекцій демонстраціями и практическими упражненіями.

Такъ какъ однако послѣднія оказываются возможными главнымъ образомъ лишь при существованіи коллекцій, при нѣкоторой полнотѣ учебныхъ пособій, то рождается вопросъ: находятся-ли въ настоящее время въ распоряженіи университетовъ достаточно полныя коллекціи учебныхъ пособій для преподаванія русской археологіи?

Такъ какъ на этотъ вопросъ очевидно должно отвѣчать отрицательно, такъ какъ въ отношеніи къ снабженію естественныхъ наукъ и даже классической археологіи учебными пособиями сдѣлано сравнительно гораздо болѣе, чѣмъ въ отношеніи къ снабженію отечественной исторіи учебными пособиями, то рождается по необходимости вопросъ: не слѣдуетъ ли устроить при университетахъ гораздо болѣе полныя коллекціи учебныхъ пособій для изученія отечественной археологіи?

Едва - ли кто нибудь на этотъ вопросъ отвѣтитъ отрицательно и поэтому остается лишь опредѣлить тѣ начала, которыми должно руководствоваться при исполненіи такого предположенія.

На основаніи всего сказаннаго, я предлагаю гг. членамъ Съѣзда обсудить, а затѣмъ или принять или отвергнуть слѣдующія резолюціи или слѣдующія заявленія:

1) Болѣе успѣшное преподаваніе въ университетахъ русской исторіи обусловливается развитіемъ такъ-называемыхъ семинарій или практическихъ упражненій.

2) Демонстраціи, служащія дополненіемъ лекцій по русской исторіи, а далѣе и практическія упражненія требуютъ устройства при университетахъ болѣе полныхъ коллекцій учебныхъ пособій.

Въ случаѣ принятія Съѣздомъ этихъ резолюцій, я предлагаю для приведенія въ болѣе ясную форму вопроса объ устройствѣ при университетахъ коллекцій учебныхъ пособій для русской исторіи избрать комиссію, состоящую изъ нѣсколькихъ членовъ, для составленія въ будущемъ археологическому съѣзду подробной программы составленія таковой коллекціи.

Нѣкоторыя соображенія о лучшей организаціи дѣятельности археографическихъ комиссій.

Рефератъ **М. Вл. Юзефовича.**

По поводу вопросовъ, поставленныхъ въ нашей программѣ о мѣрахъ для лучшаго устройства архивнаго у насъ дѣла, да позволено мнѣ будетъ представить настоящему собранію мои соображенія о лучшемъ устройствѣ и самаго дѣла археографическаго. — Мнѣ кажется, что безъ централизаціи невозможенъ полный успѣхъ ни въ какой однородной научной дѣятельности. И что такое академіи, ученыя общества, съѣзды ученыхъ, какъ не признаніе необходимости централизовать научныя силы?

А у насъ существующія археографическія комиссіи дѣйствуютъ врознь, каждая сама по себѣ, безъ всякой внутренней между собою связи и безъ общей, руководящей мысли. Отъ таковой разобщенности ихъ работъ происходитъ то, что ни въ ихъ способахъ, ни въ добываемыхъ ими результатахъ нѣтъ той полноты и оконченности, какія необходимы для успѣха исторической науки и какія могли бы достигаться при единствѣ системы работъ и при совокупности труда. При настоящемъ у насъ порядкѣ однѣ комиссіи располагаютъ богатымъ запасомъ научныхъ силъ; у другихъ такихъ силъ не достаетъ и онѣ принуждены ограничиваться только крайне возможнымъ, т. е. собираніемъ и изданіемъ сырого матеріала. Кромѣ того, при самомъ богатствѣ научныхъ силъ, нерѣдко встрѣчаются ими пробѣлы въ матеріалѣ, нужномъ для разработки избранныхъ задачъ, такъ какъ этотъ матеріалъ разбросанъ по архивамъ, не имѣющимъ между собою никакого дѣятельнаго общенія. Это неудобство не разъ испытывала Кіевская комиссія, которая, при такомъ запасѣ научныхъ силъ, какія представляютъ ей Университетъ и Духовная Академія, не всегда могла выполнить съ желаемой полнотою и оконченностью изслѣдуемые ею историческіе вопросы. Такимъ образомъ разобщенность занятій въ нашихъ археографическихъ учрежденіяхъ, въ одномъ мѣстѣ по недостатку нужныхъ силъ, въ другомъ по разобщенности матеріала, вездѣ болѣе или менѣе парализуетъ дѣло науки.

Не то было-бы, еслибы наши археографическія работы производились съобща, т. е. еслибы установилось у нихъ органическое единство дѣятельности. А такого единства легко можно бы достигнуть, давъ дѣятельности общее средоточіе и сдѣлавъ такимъ средоточіемъ Императорскую Археографическую комиссію, а прочія комиссіи обративъ въ ея отдѣлы. Этимъ нисколько не нарушилась бы и не стѣснилась самостоятельность занятій каждого отдѣла, а были бы эти занятія лишь приведены, такъ - сказать, къ общему знаменателю, оставаясь тѣми же величинами, но въ болѣе согласной формѣ взаимныхъ отношеній. Всѣ работы производились бы тогда совокупными силами, сообразно общему для всѣхъ матеріалу, во всѣхъ отдѣлахъ выбираемому изъ своихъ архивовъ, отмѣчаемому и распределяемому систематически, по содержанию. Въ Кіевской комиссіи всегда имѣется нѣсколько тысячъ отмѣченныхъ документовъ, разсортированныхъ по предметамъ и готовыхъ къ услугамъ желающихъ заняться ихъ изданіемъ и разработкой. Собранные такимъ образомъ во всѣхъ архивахъ документы стали бы общимъ достояніемъ, а для ихъ разсмотрѣнія, оцѣнки и опредѣленія программы работъ, могли-бы, въ извѣстные сроки, стѣзжаться въ Петербургъ всѣ предсѣдатели отдѣловъ или уполномоченные ихъ члены. По такимъ программамъ историческая наука пошла бы у насъ быстро и строго опредѣленнымъ путемъ. Выборка матеріаловъ есть дѣлю второстепенное и, подъ руководствомъ опытныхъ людей, не представляющее особыхъ затрудненій: для этой работы вездѣ найдутся люди, особенно между университетскою молодежью. Что же касается до ученой разработки готоваго матеріала, то въ людяхъ, и къ тому способныхъ, у насъ не встрѣтится недостатка, лишь бы вознагражденіе соответствовало труду, въ видѣ, разумѣется, задѣльной платы. Денежныхъ же средствъ, отпускаемыхъ правительствомъ нынѣшнимъ комиссіямъ, въ общемъ итогѣ очень для того достаточно.

Кромѣ этихъ чисто-научныхъ соображеній, мы должны имѣть въ виду и жизненное для насъ значеніе археографическаго дѣла. Отъ него зависитъ наше народное самопознаніе, а отъ такого самопознанія зависитъ все внутреннее направленіе нашей жизни. Дайте намъ только толково уразумѣть нашу исторію — и не одна язва, привившаяся къ намъ извнѣ, исцѣлится сама собою. Мы народъ, развивавшійся особнякомъ отъ Западной Европы. Иная религія, иныя условія политическаго и соціального склада, воспитали нашъ духъ иначе, чѣмъ у Западныхъ народовъ. Только правильное пониманіе своей исторіи находитъ путь къ истинному прогрессу. А потому правильная организація учреждений, призванныхъ для разработки памятниковъ нашей исторической жизни, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашего времени. Правильная же организація этихъ учреждений требуетъ, прежде всего, совокупности и единства дѣйствій, которыя немислимы безъ разумной централизаціи.

Позвольте мнѣ обратить еще ваше вниманіе на одно обстоятельство. Мы получили отъ Польши, вмѣстѣ съ прочимъ, и драгоцѣнное наслѣдство: такъ-называемыя *актовья*

книги, заключающія въ себѣ въ центральныхъ архивахъ Кіева, Вильны и Витебска едва-ли не болѣе осьми милліоновъ историческихъ актовъ, которые обнимаютъ всю средне-вѣковую историческую жизнь Кіевской и Литовской Руси, дополняя многими данными и внутренній смыслъ жизни Руси Московской. Польскіе историки никогда не касались этихъ источниковъ. Какъ будто сама судьба завѣщала это непечатое поле трудамъ нашимъ. Желательно поэтому воспользоваться намъ такимъ наслѣдствомъ, какъ можно производительнѣе. А между тѣмъ, вслѣдствіе отмежеванія этихъ сокровищъ однимъ мѣстнымъ силамъ, не насчитается и полутора десятка именъ, трудившихся надъ ихъ воздѣланіемъ.

Я ставлю вопросъ, нисколько не упорствуя въ непогрѣшимости моихъ соображеній. Я желаю только, чтобъ этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ всесторонне и обсужденъ съобща, для выработанія такой системы, которая не оставляла бы возраженій и могла бы быть принята правительствомъ. Я убѣжденъ въ одномъ, что археографическое у насъ дѣло нуждается въ лучшей организаціи, такъ какъ оно въ настоящемъ положеніи не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ науки.

О СВ. СОФІИ КІЕВСКОЙ.

Рефератъ протоіеря П. Г. Лебединцева.

Древнѣйшій памятникъ церковнаго зодчества въ нашемъ отечествѣ, кievософійскій соборъ, до его возобновленія подробно и весьма обстоятельно описанъ знаменитымъ митрополитомъ кievскимъ Евгеніемъ и извѣстнымъ ученымъ, протоіереемъ І. Скворцовымъ, — по его возобновленіи въ 1843—1853 годахъ. При всемъ уваженіи къ ихъ трудамъ, я позволяю себѣ сказать и свое слово въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, поставленные въ ихъ описаніяхъ, такъ какъ новые историческіе источники, не бывшіе подъ руками у митрополита Евгенія и протоіеря Скворцова, и изученіе собора сравнительно съ другими подобными памятниками даютъ мнѣ пособіе въ рѣшенію вопросовъ о кievософійскомъ соборѣ, нѣсколько отличному отъ того, какое встрѣчаемъ у митрополита Евгенія и Скворцова.

Мнѣ кажется, что доселѣ недостаточно уяснены слѣдующіе вопросы: когда заложенъ и освященъ кievософійскій соборъ? какое было іерархическое его значеніе? каковъ древній его видъ и насколько онъ сохранился до настоящаго времени? Отвѣтъ на эти и входящіе въ нихъ частнѣйшіе вопросы постараюсь изложить въ настоящемъ моемъ изслѣдованіи.

1.

Св. Софія, созданная св. кн. Ольгой.

По свидѣтельству первоисточниковъ, храмъ св. *Софiи* существовалъ въ Кіевѣ еще въ 10-мъ вѣкѣ. Такъ:

- 1) Іоакимовская лѣтопись говоритъ, что блаженная Ольга, по возвращеніи своемъ

изъ Константинополя, построила въ Кіевѣ деревянную церковь во имя св. Софіи, для которой иконы прислалъ ей патріархъ.

2) Въ Апостолѣ 1307 года, принадлежащемъ Московской синодальной библіотекѣ, подъ 11-мъ мая въ *лѣто 6460* (952-е), означено освященіе церкви св. Софіи въ Кіевѣ, бывшее, слѣдовательно, еще при св. Ольгѣ.

3) Дитмаръ, описывая побѣду Болеслава подъ Ярославомъ, бывшую въ 1018 году, и торжественную встрѣчу, сдѣланную Болеславу и Святополку въ монастырѣ св. Софіи въ Кіевѣ, упоминаетъ о храмѣ въ тоже имя Софіи, по несчастному случаю сгорѣвшемъ въ предшествовавшемъ, т. е. въ 1017 г. Съ этимъ сказаніемъ Дитмара совершенно согласны: лѣтопись Нестора,—въ которой подъ 1017 годомъ отмѣчено: „Ярославъ воиде въ Кіевъ и погорѣша церкви“,—и древняя новгородская лѣтопись.

Правда, между первымъ и вторымъ свидѣтельствами есть небольшое разнорѣчіе, именно по Іоакимовской лѣтописи церковь св. Софіи построена въ Кіевѣ до путешествія св. Ольги въ Царьградъ, а по Синодальному Апостолу XIV вѣка она не только построена, но и освящена за три года до этого путешествія¹⁾. Но при трехъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, къ которымъ слѣдуетъ присовокупить и показаніе очевидца Дитмара, существованіе въ X вѣкѣ въ Кіевѣ храма во имя св. Софіи не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ этой церкви вѣроятно была погребена св. Ольга, откуда мощи ея въ послѣдствіи перенесены въ Десятинный храмъ Богородицы. По всей вѣроятности, Ольгинъ храмъ св. Софіи былъ деревянный. На мѣсто сего храма, сгорѣшаго въ 1017 году, въ томъ же году заложенъ Ярославомъ новый храмъ во имя св. Софіи, по свидѣтельству древней Новгородской лѣтописи, въ которой сказано, что въ 1017 году „Ярославъ иде къ Берестью и заложена бысть св. Софья Кыевъ“. Въ слѣдующемъ 1018 году храмъ этотъ былъ уже оконченъ, такъ какъ, по сказанію Дитмара, въ храмѣ св. Софіи, построенномъ на мѣсто сгорѣшаго, въ 1018 году происходила церковная встрѣча Болеслава и Святополка. И этотъ новый храмъ, безъ сомнѣнія, былъ также деревянный. Одинъ храмъ сгорѣлъ, а на его мѣсто сталъ строиться другой. Еслибы онъ былъ каменный, то не могъ бы быть оконченнымъ въ 1018 году, до вступленія Болеслава въ Кіевъ.

Итакъ мы должны признать, что церковь св. Софіи, построенная великой княгиней Ольгой въ Кіевѣ около 955 г., простояла до 1017 года; въ этомъ году сгорѣла, а на ея

¹⁾ М. А. Максимовичъ соглашалъ это противорѣчіе предположеніемъ, что въ лѣтѣ 6460 послѣдняя цифра 0 есть недописанная цифра 6, ибо принявши это предположеніе выйдетъ, что освященіе Софіи произошло въ томъ же году, въ которомъ Ольга возвратилась изъ Константинополя, т. е. въ 955 году (Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, 1867 г.). Но предположеніе это не можетъ быть принято потому, что въ Синодальномъ Апостолѣ годъ освященія церкви св. Софіи означенъ славянскими буквами, а не арабскими цифрами.

мѣсто въ томъ же году заложена и въ слѣдующемъ 1018 году окончена новая деревянная церковь св. Софіи—княземъ Ярославомъ.

Замѣчательно, что и въ Новгородѣ до построения въ 1049 году, сыномъ Ярослава, каменнаго храма во имя св. Софіи, была уже церковь того же имени—соборная, деревянная, о 13-ти верхахъ, сгорѣвшая въ 1045 году (Описание Софійскаго собора *Евгенія*, стр. 42).

По отсутствію лѣтописныхъ указаній и молчанію народныхъ преданій, нельзя указать мѣсто первоначальнаго храма св. Софіи. Но по всей вѣроятности онъ былъ не далеко отъ городскихъ воротъ, въ послѣдствіи золотыхъ, которыми Болеславъ вступилъ въ Кіевъ, и слѣдовательно не далеко отъ мѣста нынѣ существующей св. Софіи.

2.

Когда заложенъ сохранившійся до настоящаго времени каменный храмъ св. Софіи, созданный благовернымъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Владиміровичемъ?

Лѣтопись Нестора передаетъ намъ, что „въ лѣто 6545-е (1037) заложи Ярославъ городъ великій Кіевъ, у него же града врата суть золотыя, заложи же церковь святая Софья, премудрость Божію, митрополію, посемъ церковь на золотыхъ вратахъ каменную святая Богородица Благовѣщеніе; посемъ святого Георгіа монастырь и святая Орины“. Итакъ, по свидѣтельству лѣтописца-современника, св. Софія каменная заложена въ 1037 году и прежде заложения церквей Благовѣщенской на золотыхъ воротахъ, Георгіевской и Ирининской. Лѣтописи: позднѣйшая Новгородская, Воскресенская и Никоновская, Палинодіа, отчасти митрополитъ Евгеній и протоіерей Скворцовъ — полагаютъ въ 1017 г. заложение и въ 1037 году совершение св. Софіи. Но ясное дѣло, что они смѣшиваютъ два одновременныя событія: заложение Ярославомъ деревянной Софіи послѣ пожара въ 1017 году и закладку тѣмъ же княземъ въ 1037 г. каменнаго храма во имя св. Софіи, упомянутыя въ древнѣйшей Новгородской (XIII вѣка) лѣтописи.

Что св. Софія каменная не была заложена ранѣе 1037 года, это несомнѣнно потому, что она заложена послѣ побѣды Ярослава надъ Печенѣгами, бывшей въ 1036 г., и притомъ на самомъ мѣстѣ ихъ пораженія: „и съступишася“, говорится въ лѣтописи, „на мѣстѣ, гдѣ же есть нынѣ святая Софья, митрополія Русская, бѣ бо тогда поле въ града“.

Дѣйствительно, воюя за Кіевскій престолъ то съ Святополкомъ (1015—1020 г.), то съ Мстиславомъ (1023—1026 г.), отражая нападенія Брячислава на Новгородъ (1022 г.) и набѣги Печенѣговъ (1034 г.), Ярославъ до 1037 года не имѣлъ ни времени, ни достаточно средствъ заняться украшеніемъ своей столицы: до 1026 года онъ не имѣлъ въ Кіевѣ и постояннаго пребыванія, управляя имъ изъ Новгорода чрезъ мужей, сидѣвшихъ

въ Кіевѣ. Только сдѣлавшись единовластцемъ русской земли по смерти Мстислава (1034 г.), Ярославъ могъ уже притти къ мысли расширить Кіевъ и новую его часть украсить храмами, которые уподобляли бы русскую столицу Царьграду.

Нѣкоторые изслѣдователи ¹⁾ утверждаютъ: невозможно, чтобы заложение города Кіева, св. Софіи, золотыхъ воротъ съ храмомъ Благовѣщенія и церкви св. Георгія случились одновременно,—и потому заложение св. Софіи Ярославомъ отодвигаютъ на 20 лѣтъ раньше времени, указаннаго преподобнымъ Несторомъ, полагая это событіе въ 1017 году. Но Несторъ отнюдь не говоритъ, чтобы св. Софія, Благовѣщенскій храмъ на золотыхъ воротахъ, монастыри св. Ирины и св. Георгія строились одновременно. По словамъ его лѣтописи, одновременно въ 1037 году заложены только градъ, золотыя ворота и св. Софія; храмъ же Благовѣщенія на тѣхъ вратѣхъ заложенъ *посемь* (послѣ сего); *посемь* еще заложены монастырь св. Георгія и св. Орины. Слѣдовательно нѣтъ никакой необходимости отодвигать заложение св. Софіи къ 1017 г., или даже къ 1011 году въ княженіе св. Владиміра.

На сѣверной аркѣ главнаго купола въ Софійскомъ храмѣ значится нынѣ: „Изволеніемъ Божиимъ нача здатися сей премудрости Божіей храмъ въ лѣто 1011-е, совершися же въ лѣто 1038-е“. До обновленія Софійскаго собора въ 1043 году вмѣсто въ лѣто 1011 значилось здѣсь въ лѣто 1037; обновители правильно усмотрѣли, что обширное и притомъ каменное зданіе этого храма не могло быть сооружено въ одинъ годъ, но неправильно разсудили, будто ошибка надписи въ годѣ заложения, тогда какъ она въ годѣ его свершенія.

3.

Сколько времени строилась св. Софія, когда и кѣмъ освящена?

Десятинная церковь въ Кіевѣ строилась 5 лѣтъ (991—996 г.); Новгородская Софія 7 лѣтъ, великая церковь кіево-печерской лавры—16 лѣтъ. Сколько времени строилась св. Софія кіевская, заложенная въ 1037 году, древнія лѣтописи умалчиваютъ. Но принимая въ соображеніе обширность этого храма, его архитектуру, лучшую архитектуры прочихъ кіевскихъ древнихъ храмовъ, и то, что въ 1051 году уже поставленъ къ ней митрополитъ Иларіонъ изъ пресвитеровъ церкви св. Апостолъ на Берестовѣ, можно полагать, что на строение и украшеніе св. Софіи употреблено не меньше 5-ти лѣтъ и не больше 14-ти.

Изъ историческихъ памятниковъ извѣстно, что освященіе св. Софіи Ярославовой совершено 4-го ноября. Такъ значится въ Мстиславовомъ евангеліи XII вѣка и повторено въ Шишатовскомъ Апостолѣ XIV вѣка, въ Софійской Новгородской минеѣ XV вѣка

¹⁾ Митрополитъ Евгений и Скворцовъ.

(№ 383), въ святцахъ Императорской публичной бібліотеки (№ 51) и въ святцахъ Московской Академіи конца XVII вѣка (№ 201). На аркѣ Софійскаго собора значится, что кіевскій храмъ св. Софіи освященъ митрополитомъ Теопемптомъ. Тому же святителю приписывается освященіе св. Софіи въ кіевскомъ іерархическомъ каталогѣ и у митрополита Сильвестра Коссова. Но въ Мстиславовомъ евангеліи, писанномъ около 1103 года, по волѣ Мстислава, бывшаго новгородскимъ княземъ до 1117 года, сказано: „въ сей день (4 ноября) освященіе св. Софіи, иже есть въ Кіевѣ градѣ; освящена Ефремомъ митрополитомъ“.

Чему же вѣрить? Тому-ли, что св. Софія освящена митрополитомъ Теопемптомъ (1039—1049 г.) или свидѣтельству объ освященіи ея митрополитомъ Ефремомъ (1091—1096 г.)?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде рѣшить, какому митрополиту Ефрему могло быть приписано освященіе св. Софіи кіевской? Ибо митрополитъ Теопемптъ лицо извѣстное—онъ современникъ Ярослава и управлялъ русскою церковью несомнѣнно раньше митрополита Иларіона; а лицо митрополита Ефрема довольно загадочное. У историковъ нашихъ одинъ митрополитъ Ефремъ полагается непосредственно послѣ митрополита Иларіона, такъ какъ, по новгородскимъ лѣтописямъ, митрополитъ кіевскій Ефремъ производилъ судъ надъ новгородскимъ епископомъ Лукой Жидятой (Лука Ж. епископъ Новг. съ 1034—1060 г.; Полн. собр. русскихъ лѣтоп. III, 122; V 139); онъ же преемствуетъ митрополиту Иларіону и по Палинодіи Захаріи Копыстенскаго.

Другой митрополитъ Ефремъ по лѣтописямъ извѣстенъ послѣ митрополита Іоанна III (1090 г.). У историковъ нашихъ ¹⁾ онъ называется скопцемъ, бывшимъ казначеемъ великаго князя Изяслава, однимъ изъ первыхъ постриженцевъ преподобнаго Антонія, упоминаемымъ въ житіи преподобнаго Θεодосія ²⁾. Кіевскимъ митрополитомъ въ лѣтописяхъ однако онъ не называется. Въ 1090-мъ году, по случаю освященія имъ сооруженной и освященной церкви св. Михаила въ Переяславлѣ, ему дается титулъ митрополита той церкви, т. е. церкви св. Михаила. Въ слѣдующемъ 1091 г. онъ называется просто епископомъ Переяславскимъ, хотя и первенствуетъ между епископами, участвовавшими въ перенесеніи мощей преподобнаго Θεодосія. Епископомъ также Переяславскимъ, а не митрополитомъ, называетъ его и Симонъ, епископъ Суздальскій, въ посланіи къ Поликарпу, иноку Печерскому. Управление его переяславскою епархіею не восходитъ далѣе 1072 г., ибо въ 1072 году извѣстенъ по лѣтописямъ переяславскій епископъ Петръ.

Который же Ефремъ освящалъ св. Софію? Очевидно послѣдній, жившій въ княженіе Всеволода и Святополка - Михаила, не могъ совершать освященіе св. Софіи при

¹⁾ У Филарета Черн., пресв. Макарія, Знаменскаго и др.

²⁾ Ипат. лѣтоп.

великомъ князѣ Ярославѣ. Сомнительна даже и принадлежность ему митрополичьего сана, такъ какъ митрополитомъ онъ называется въ лѣтописи одинъ разъ, а епископомъ три раза. А если принять въ соображеніе, что освященіе созданной Ефремомъ въ Переяславлѣ церкви св. Михаила происходило въ томъ же 1090 году, въ которомъ по смерти митрополита Іоанна 2-го Янка привела къ намъ изъ Греціи митрополита Іоанна III — скопчину, то Ефрема 2-го можно даже и вовсе не считать митрополитомъ кievскимъ до 1091 года; ибо зачѣмъ было Янкѣ приводить къ намъ митрополита, если у насъ былъ уже митрополитъ Ефремъ?

Остается послѣ сего признать, что въ Мстиславовомъ евангеліи подъ 4 ноября значится вторичное, неизвѣстное намъ, освященіе св. Софіи кievской, бывшее по случаю какого-либо обновленія сего храма, совершенное митрополитомъ Ефремомъ, современникомъ великаго князя Изяслава Ярославича, преемникомъ митрополита Иларіона. Въ объясненіе предположенія о вторичномъ освященіи кievской Софіи можно указать на также двукратное освященіе Десятинной церкви въ Кіевѣ, изъ коихъ одно было въ 996 году при создателѣ ея св. князѣ Владимірѣ, а другое въ 1039 году при сынѣ его, великомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ¹⁾. Принявши послѣднее предположеніе, нужно согласиться съ кievскимъ іерархическимъ каталогомъ и съ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, которые освященіе св. Софіи, при великомъ князѣ Ярославѣ бывшее, приписываютъ современнику его, митрополиту Теопемпу, какъ означено на сводѣ арки св. Софіи.

4.

Съ какимъ назначеніемъ построена и какое іерархическое значеніе имѣла св. Софія въ Кіевѣ?

Въ лѣтописи Нестора по Ипат. списку читаемъ: „заложи церковь св. Софья, премудрость Божью, митрополью“. Митрополитъ Евгеній понималъ это мѣсто лѣтописи въ томъ смыслѣ, будто великій князь Ярославъ построилъ два зданія: храмъ св. Софіи и митрополичій домъ или монастырь. Другой описатель Софійскаго собора, протоіерей І. Скворцовъ подъ *митрополіей* въ семъ мѣстѣ также разумѣлъ нѣчто отдѣльное отъ храма св. Софіи, именно жилище митрополита²⁾ (стр. 5), предполагая, что и самое сраженіе съ Печенѣгами происходило не на мѣстѣ храма св. Софіи, а тамъ, гдѣ въ послѣдствіи построена митрополія русская, или митрополичій домъ. Необходимо потому рѣшить, что въ древности называлось митрополією.

¹⁾ См. лѣт. по Ипат. сп.

²⁾ Тоже значеніе слову *митрополія* усвоитъ и пр. Филаретъ Черн. (Исторія Рус. церк. Т. I, стр. 101; изд. 4-е).

Для разрѣшенія этого вопроса обратимся къ значенію слова „*епископія*“, аналогичнаго съ словомъ *митрополія* и нерѣдко встрѣчающагося въ историческихъ актахъ и въ канонахъ православной церкви.

Епископія не была *монастыремъ*, ибо въ прав. 12 и 18 всел. 7 собора, и въ прав. 7-мъ двукратнаго собора, епископія отличается отъ монастыря; въ послѣднемъ правилѣ, даже подъ угрозой епитеміи, воспрещается епископу устроить для себя монастырь. „Видимъ, говорится въ этомъ правилѣ, многія епископіи въ упадкѣ и въ опасности совершеннаго запустѣнія отъ того, что представители оныхъ требуемое оными попеченіе обращаютъ на созиданіе монастырей и, истощая епископіи и ухищряя присвоеніе доходовъ, стараются о приращеніи монастырей. Того ради св. Соборъ опредѣлилъ: да не будетъ позволено никому изъ епископовъ созидати особеннаго для себя монастыря къ разоренію своея епископіи. Аще же кто обрящется дерзающій на сіе, таковой да подвергнется приличной епитеміи, и его новое построеніе да причислится къ епископіи, какъ ея собственность. Ибо ничто, вкравшееся вопреки закону и порядку, не можетъ восхищати себѣ преимущества дѣль, произведенныхъ согласно съ канонами“.

Епископія не была и *домомъ* или жилищемъ епископа, ибо домъ епископа нигдѣ въ актахъ не называется епископіей. Домъ или жилище епископа со всѣми угодьями, изъ которыхъ епископъ получалъ содержаніе, не составлялъ даже отдѣльнаго, одному епископу принадлежащаго, имуществва: и домъ епископскій и его угодья, бывшія общимъ источникомъ содержанія соборнаго клира и епископа, считались собственностію соборной церкви (пр. Апост. 24-е).

Съ словомъ *епископія* по видимому сходны слова: *епархія*, *парикія*; но слова эти имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, отличное отъ значенія слова „епископія“. Епархія или парикія есть совокупность церквей, подчиненныхъ епископу, а епископіей называется нѣчто единичное, не собирательное, и притомъ состоящее въ ближайшемъ его вѣдѣніи, именно епископскій храмъ,—церковь, при которой лично онъ состоитъ, къ которому онъ хиротонисался, въ которомъ по преимуществу священнодѣйствовалъ, въ которомъ находилась его кафедра вмѣстѣ съ епископскимъ причтомъ и при которомъ онъ жительствовавалъ. Въ этомъ смыслѣ слово „епископія“ употребляется въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ и въ канонахъ церкви.

Такъ въ Ипатьевской лѣтописи сказано: „Володиміръ заложи (1102 г.) церковь у Смоленскѣ святоѣ Богородицѣ камяну, *епискутью*“; „князь Андрей (Боголюбскій) у Володиміръ сверши церковь (св. Богородицы) 5 верховъ и сотвори въ ней епископью“. Въ Свиткѣ Ярославовомъ читаемъ: „подъ залогомъ на церковь соборную, въ ней же епископъ пребываетъ“.

Правило 13-е всел. 7 собора, воспрещая обращать епископіи въ мірскія жилища, въ основаніе сего запрещенія полагаетъ слова Спасителя о храмѣ Иерусалимскомъ:

дому отца моего не творите домовъ купли (Іоан. 2, 16), и такимъ образомъ отождествляетъ епископію съ домомъ Божиимъ, храмомъ.

Правило 11-е всел. 7 собора, подтверждая, чтобы въ каждой епископской церкви былъ экономя, называетъ ее *своею* епископа церковью, а въ правилѣ 35 и 37 всел. 6-го собора епископъ называется предстоятелемъ своей престольной церкви подобно тому, какъ пресвитеру усвоится названіе настоятеля приходской церкви. Правило 82 Кароаген. собора воспрещаетъ епископу оставлять *главное мѣсто своей кathedры* и отходить къ какой-либо церкви, въ его епархіи состоящей, и оставлять попеченіе и прилежаніе о своемъ престолѣ. Считалось непозволительнымъ, не приличнымъ и не полезнымъ, чтобы епископъ оставлялъ *свою* церковь на время, болѣе 3-хъ недѣль продолжавшееся, и тѣмъ огорчалъ ввѣренный ему народъ.

Подобное же значеніе имѣетъ и слово *митрополія*: митрополія была тѣмъ же для митрополита, чѣмъ епископія для епископа. Въ подтвержденіе сего обратимся къ тексту тѣхъ мѣстъ лѣтописи Нестора, въ которыхъ встрѣчается слово *митрополія*. Въ разсказѣ о битвѣ киевлянъ съ Печенѣгами лѣтописецъ говоритъ: „*соступишися на мѣсть, и дѣже есть нынѣ святая Софья, митрополья русская*“. Въ той же лѣтописи Ипатьевской подъ 1180 г. читаемъ: „*погорѣша дворова на горѣ и великая митрополья св. Софья*“.

Говоря о возведеніи пресвитера Ларіона въ санъ митрополита, Несторъ говоритъ: „*Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Руси святѣй Софьи*“, и нѣсколько ниже: „*постави его (Ларіона) митрополитомъ святѣй Софьи*“¹⁾. Упомянувъ украшеніи св. Софіи Ярославомъ, лѣтопись говоритъ: „*въ ней же (св. Софій) обычныя тѣсни Богу воздаютъ въ годы обычныя*“, т. е. въ ней въ извѣстныя торжества совершаются торжественныя молебныя пѣнія. Изъ сличенія этихъ мѣстъ очевидно, что слово *митрополія* есть только опредѣлительное при словѣ *св. Софья*; что митрополія русская и св. Софія не два отдѣльные предметы, а одинъ предметъ—одно зданіе,—именно митрополичій храмъ, предназначенный для совершенія въ немъ торжественнаго богослуженія первосвященникомъ русской церкви, главная соборная въ Кіевѣ церковь, которой предстоятелемъ былъ русскій митрополитъ, и въ которомъ находился его митрополичій престолъ или кathedра.

Въ томъ же смыслѣ св. Софія называется митрополией и въ другихъ актахъ историческихъ. Такъ константинопольскій патріархъ Антоній въ настольной грамотѣ киевскому митрополиту Фотию слѣдующимъ образомъ выражается о своемъ отношеніи къ Царьградской Софій: „*Азъ вселенскій патріархъ и предстатель святѣя Апостольскія соборныя церкви святѣя Софія, премудрости Божія, отъ нея же даръ святительства пріяхъ*“²⁾, и въ той же грамотѣ свидѣтельствуется: „*господина Фотѣя въ сборной вселенской церкви*

¹⁾ Лѣт. по Ипат. сп.

²⁾ Акты истор. Т. I, № 254, 1393 г.

Константинопольской на превысочайшій престолъ русскія митрополіи поставихомъ“. Кіевскій князь Александръ Владиміровичъ въ грамотѣ митрополиту Исидору говоритъ: „Святія дѣла Софѣи, еже есть премудрость Божія, матери сущей всѣмъ церквамъ русскимъ, столъ Кіевскій и всея Руси митрополи—се язъ князь Александръ Владиміровичъ, государь отчичъ кіевскій... не рушили есмо ничего церковного святія Софѣи... что издавно прислушало *митрополи*... также и великія господья, бояре и боярыни и всѣ именитыи народи, что давали помощья ради святѣй Божьей церкви, святѣй Софѣи, митрополитомъ у поминокъ собѣ и за спасеніе своей души и своему роду села и волости... что издавна придано церкви Божьей“¹⁾. Великій князь Василій Васильевичъ, увѣдомляя императора Константина Палеолога о поставленіи Іоны на *святѣйшую митрополию русскую, на Кіевъ и на всю Русь*, присовокупляетъ, что „наша русская святѣйшая *митрополиа* святія Божія вселенскія соборныя Апостольскія церкви царградскія благословенія требуетъ и ищетъ“²⁾.

Очевидно, что титулъ „святѣйшей митрополи“ усваивается здѣсь не дому, не усадьбѣ, а только церкви, храму Божію. Тотъ же смыслъ усваивается слову *митрополиа* и самимъ митрополитомъ Іоной въ грамотѣ его Польскому королю Казиміру IV (1451 г.), въ которой онъ писалъ: „Отець вашъ и богомолецъ Іона, митрополитъ кіевскій и всея Руси повѣствуетъ: что еси, великій государь, учинилъ *Божью церковь*, свою богомолію, кіевскую *митрополию* по старинѣ, и тотъ ми еси кіевскій столъ своему богомольцу далъ... И хотѣлъ еси всю извъѣчную старину церковную исполнити и церковь Божію, свою богомолію, свершенно въ единочествѣ учинити хотѣлъ еси, и въ другомъ своемъ богомоліи и господарствѣ Галичской митрополи Божіи церкви и дома церковныи къ той своей богомоліи кіевской, къ церкви святѣй Софѣи и къ кіевскому столу отдати по старинѣ“³⁾. Здѣсь митрополіей и богомоліей называется митрополичья церковь—святая Софія, въ которой былъ столъ или по нынѣшнему каедре кіевскихъ митрополитовъ, а митрополичьи дома и угоды считаются принадлежностію соборной церкви, а не личными митрополита. Подобное значеніе усвоили св. Софіи кіевской и отцы Вилен. собора, бывшаго въ 1509 году: „Завѣщаемъ и возбраняемъ, писали они, подъ живыми епископы и архимандриты и священники не подкупатися никому на божественные престолы безъ совѣта и воли митрополичьяго, яко же изначала наша соборная великая церковь премудрость Божья, святая Софья предержитъ“⁴⁾.

Въ началѣ 16-го вѣка кіевскою митрополіей назывался кіевоподольскій Успенскій

¹⁾ Акты истор. Т. I, № 259, 1441 г.

²⁾ Ibid. № 41, 1448 г.

³⁾ Ibid. № 260, 1451 г.

⁴⁾ Ibid. № 289.

соборъ, только временно замѣнявшій митрополичью кафедру, когда св. Софія захвачена была уніатами. Такъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ, въ грамотѣ 1620 года говоритъ, что онъ посѣтилъ кievскія церкви, „почавши отъ церкви соборной Успенія пресвятыя Богородицы, *митрополиі кievской*“¹⁾.

И митрополитъ Петръ Могила въ письмѣ къ пану Ставецкому называетъ св. Софію *митрополиєю* кievскою, столицей кievскою, единой *оздобою* народу нашего православного, головой и маткой всѣхъ церквей, и въ завѣщаніи своемъ, отписывая кафедральной своей святософійской церкви митру и три саккоса, называетъ ее церковью *митрополитанскою*²⁾.

Изъ сличенія всѣхъ приведенныхъ нами мѣстъ ясно, что лѣтописецъ словами: „Ярославъ заложилъ въ Кіевѣ св. Софію, *митрополию*“, хотѣлъ выразить то, что великій князь приступилъ къ сооруженію церкви не приходской или монастырской, а соборной, главной въ епархіи, кафедральной, въ которой должна находится кафедра кievскаго митрополита, въ которой онъ имѣлъ совершать торжественное богослуженіе и при которой предназначалось его постоянное мѣстопребываніе,—къ созданію церкви митрополичьей.

Какъ кафедральная церковь всероссійскихъ митрополитовъ, св. Софія кievская не только въ XI—XIII столѣтіяхъ, но и въ послѣдующіе вѣка, по переселеніи митрополитовъ кievскихъ на сѣверовостокъ Россіи—во Владиміръ и Москву, считалась главнымъ храмомъ русской церкви, матерью всѣхъ русскихъ церквей, и митрополиты русскіе, будучи поставляемы къ св. Софіи Цареградскими патріархами, вмѣстѣ съ тѣмъ поставлялись на столъ кievскій и всея Руси, почему и пребывавшіе въ Москвѣ митрополиты до митрополита Θεодосія (1461 г.) продолжали писаться митрополитами кievскими и всея Руси.

Какъ митрополичья церковь всей Руси, св. Софія кievская служила не только кафедрой всероссійскихъ митрополитовъ, при которой сосредоточивалось управленіе дѣлами всѣхъ русскихъ церквей, но и мѣстомъ поставленія въ высшія іерархическія степени. Въ св. Софіи совершилось посвященіе въ митрополиты перваго изъ русскихъ пресвитеровъ Иларіона. Въ ней хиротонисаны были почти всѣ епископы древняго періода нашей исторіи; причемъ настолованіе вновь хиротонисанныхъ епископовъ или что тоже возведеніе ихъ на епископскій столъ, слѣдовавшее обыкновенно за хиротоніей, происходило не въ самой Софіи, а въ церкви св. великомуч. Георгія, бывшей предъ враты св. Софіи, такъ какъ по каноническому правилу никто изъ постороннихъ епископовъ не долженъ былъ восходить на кафедру мѣстнаго епископа, а тѣмъ болѣе на кафедру митрополита. Въ семъ, конечно, смыслѣ, а не по старѣйшинству только, св. Софія называлась *матерью всѣмъ церквамъ русскимъ*.

¹⁾ Памят. Кіев. ком. Т. II, стр. 63.

²⁾ Кіевск. Еп. 1873 г.; Опис. Кіевопеч. лавры, митрополита Евгенія, стр. 32.

Въ св. Софіи, какъ главномъ храмѣ великокняжеской столицы, освящалось и вступленіе на великокняжескій престолъ. Въ ней совершилось первое вѣнчаніе русскаго князя вѣнцомъ и бармами греческихъ императоровъ въ лицѣ Владиміра Мономаха; здѣсь же, конечно, и предшественники и преемники его принимали церковное благословеніе на свое княженіе. Прямое подтвержденіе этому находимъ въ словахъ кіевлянъ Изяславу Мстиславичу предъ вступленіемъ его въ Кіевъ: *пощди же, княже, къ святой Софьи, говорили они, и сяди на столъ отца своего и дѣда своего.* Тоже свидѣтельствуеъ наша древняя лѣтопись, въ повѣствованіи о вступленіи Вячеслава Владиміровича (1151 г.) и Рюрика Ростиславича на великокняжескій престолъ: *Вячеславъ же уѣха въ Кіевъ, говоритъ лѣтописецъ, и ѣха къ св. Софьи и стде на столъ отца своего и дѣда своего...—Рюрикъ же вшедеъ во святую Софью и поклонися святому Спасу и святой Богородицѣ, и стде на столъ дѣда своего и отца своего с славою и съ честью великою* (Ипат. лѣт. стр. 290 и 455).

Наконецъ св. Софія, вскорѣ послѣ сооруженія своего, сдѣлалась усыпальницей знаменитѣйшихъ великихъ князей древняго періода нашей исторіи и русскихъ первосвятителей древняго и новаго періодовъ русской церкви. Въ ней погребены: создатель сего храма *Ярославъ* Мудрый, составитель русской *Правды*; сынъ его *Всеволодъ*, внуки *Владиміръ Мономахъ* и *Ростиславъ*, утонувшій въ р. Стугнѣ подъ Трипольемъ, во время битвы съ Половцами, и правнукъ Вячеславъ Владиміровичъ.

Въ южной паперти храма св. Софіи, подъ спудомъ, почиваютъ кіевскіе митрополиты, скончавшіеся до разоренія Кіева Батыемъ, кромѣ 1-го митрополита Михаила, св. мощи котораго нынѣ въ Печерской лаврѣ; изъ святителей 17-го вѣка Сильвестръ Косовъ, 18-го вѣка — Рафаиль Заборовскій, Гавріиль Кременецкій, Самуиль Миславскій, Іероодей Малицкій, Серапіонъ Александровичъ; въ Владимірскомъ олтарѣ у жертвенника погребенъ современникъ московскаго патріарха Іоакима митрополитъ Гедeonъ, князь Четвертинскій и въ Стрѣтенскомъ придѣлѣ знаменитый митрополитъ Евгений Болховитиновъ. Въ семъ храмѣ хранятся и нетлѣнныя мощи священномученика митрополита Макарія (1499 г.).

При такомъ значеніи св. Софіи, какъ мѣста, гдѣ русскіе епископы получали благодать святительства, гдѣ князья вступали на престолъ и гдѣ хранился прахъ ихъ отцовъ, св. Софія была особеннымъ предметомъ уваженія какъ для народа, такъ для епископовъ и князей, оставлявшихъ здѣсь и свои княжескія дорогія одежды на память о себѣ. Не только кіевскіе князья, но и иногородные, вѣзжая въ Кіевъ, первѣе всего спѣшили въ св. Софію поклониться чудному Спасу и Пречистой Богородицѣ, затѣмъ уже направлялись къ Десятинной Богородицѣ и въ монастырь Печерскій¹⁾.

¹⁾ Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 280; Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1873 года стр. 597—601.

На Софійскомъ дворѣ не одинъ разъ собирался народъ для обсужденія важнѣйшихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ. Святая Софія неоднократно и въ новыя времена была свидѣтельницей великихъ народныхъ и церковныхъ торжествъ. Въ ней до 1740 г. торжественно происходило избраніе кандидатовъ на митрополичью кафедру вольными голосами чиновъ духовныхъ и мірскихъ. Здѣсь въ 1649 году былъ встрѣченъ и привѣтствованъ духовенствомъ и народомъ знаменитый гетманъ малороссійскій Богданъ Хмѣльницкій, освободитель Малороссіи отъ польскаго ига, а пять лѣтъ спустя въ семъ же древнерусскомъ храмѣ происходила торжественная встрѣча царскихъ пословъ, прибывшихъ принимать Кіевъ подъ высокую царскую руку, и затѣмъ присяга кіевлянъ на вѣрность его пресвѣтлому царскому величеству. Въ семъ наконецъ храмѣ державный всероссійскій Императоръ Петръ I, по встрѣчѣ и привѣтствіи знаменитымъ Теоф. Прокоповичемъ, приносилъ благодарность Богу за побѣду, одержанную надъ Карломъ XII, сохранившую за русскимъ престоломъ приобрѣтеніе Хмѣльницкаго и его сподвижниковъ.

5.

По какому образцу построена св. Софія кіевская?

Митрополитъ Евгений въ своемъ Описаніи Кіевософійскаго собора посвятилъ нѣсколько страницъ разсужденію о сходствѣ кіевской Софіи съ Константинопольскою. Протоіерей І. Скворцовъ въ „Описаніи того же собора по его обновленіи“ также не лишнимъ считалъ высказать свои соображенія „о сходствѣ и несходствѣ собора кіевскаго съ Софійскимъ Цареградскимъ“. Но при первомъ взглядѣ на планъ и фасадъ того и другаго храма не трудно усмотрѣть, что не можетъ быть никакой рѣчи о ихъ сходствѣ. Если и можно указывать нѣкоторое между ними сходство, то не болѣе какъ то, которое усматривается въ общихъ чертахъ, свойственныхъ всѣмъ христіанскимъ храмамъ, отличающихъ ихъ отъ мірскихъ зданій.

Сличая планы древнихъ памятниковъ Византійской церковной архитектуры съ планомъ св. Софіи кіевской, мы усматриваемъ сходство нашего храма не съ Софіею Цареградскою, а съ церковью св. Марка въ Венеціи: тамъ и здѣсь крестообразная форма у хороса, множество шестигранныхъ, поддерживающихъ верхнія галереи, столбовъ, и поясъ папертей съ 3-хъ сторонъ храма: западной, сѣверной и южной. Можно сказать, что художникъ-строитель нашей Софіи въ нѣкоторыхъ ея частяхъ подражалъ архитектурѣ Солунскихъ церквей: св. Софіи, св. Дмитрія и св. Апостоля, ибо наша Софія сходствуетъ съ Солунскою Софіею боковыми своими папертями и нартексомъ; подобно Солунскому храму св. Дмитрія, имѣетъ діаконали по обѣ стороны главнаго олтаря и при нихъ, въ сѣверовосточномъ и юговосточномъ углахъ, зданія, каморы четырехъ-

угольные съ окномъ въ восточной стѣнѣ; каменныя плиты верхнихъ галлерей, замѣняющія собою перила, сходны съ плитами подобныхъ галлерей въ Солунскомъ храмѣ св. Апостолъ, въ особенности рѣзко бросается въ глаза плита съ звѣздой въ кругѣ и двумя крестами, совершенно сходными по формѣ и расположенію съ таковыми же крестами на одной изъ плитъ нашего собора и на мраморной гробницѣ, найденной подъ поломъ въ 1843—53 г. при послѣднемъ обновленіи. Нельзя не упомянуть и о большомъ сходствѣ фреска Пресвятой Дѣвы въ барабанѣ купола Солунской Софіи съ мозаическимъ образомъ ея на восточной стѣнѣ въ главномъ алтарѣ нашего храма.

6.

Насколько сохранился древній видъ св. Софіи?

Рука времени называется рукою всеокрушающею, а надъ св. Софіей кіевской протекло 8 вѣковъ этого времени. Какихъ бѣдъ, разореній и опустошеній не была она свидѣтельница и чего не испытала сама отъ своихъ, татаръ, литовцевъ и поляковъ!

Въ 1171 г., по взятіи Кіева войскомъ Андрея Боголюбскаго, когда въ теченіи 2-хъ дней разграблены были всѣ кіевскія церкви, не пощажена была и св. Софія: „церкви обнажиша иконами, и книгами, и ризами, и колоколы изнесоша вся, Смолняне и Суждинцы, и Черниговцы, и Олгова дружина, и вся святыни взята бысть“ (Ипат. лѣтоп.).

Въ 1180 году „удѣся зло велико у Киевѣ: погорѣша дворовѣ по горѣ, и церкви зажъжеса великая митрополя святая Софья“ (ibid.).

Не упоминаемъ о нашествіи Батыевомъ. Однако и Татары и враги Кіева щадили св. Софію за красоту ея, а усердіе кіевлянъ и князей поддерживали ея благолѣпіе, пока при ней жительствоваали первосвятители русской церкви. Но съ переселеніемъ кіевскихъ митрополитовъ изъ Кіева въ Владиміръ и Москву, св. Софія постоянно скудѣетъ и ветшаетъ.

Витовтъ говорилъ на соборѣ: „Св. Софья, столная церковь митрополичья, не строится, не имѣючи господаря, аки вдова и осиротѣвшая, красоты своея лишена есть, и митрополове, пришедше изъ Москвы, о семъ токмо пекутся, еже обрѣтши что красно въ св. Софіи, себѣ взяти“ (Прибавл. къ Ипат. лѣт.), и въ окружной грамотѣ своей Витовтъ же писалъ: „здѣ церковь кіевская митрополя скудѣла и пуста учинилася“. „Митрополиты церкви не строили, но только приходовъ церковныхъ поемлючи, на инья мѣста носили и давали. Устроеныя церковная и святости, великія страсти Христовѣ. . . св. Богородицы . . . иконы честны, златомъ окованы, и ина многоцѣнная, и всю честь церковную кіевскоѣ митрополи индѣ относили; што было издавна старыи князи учинили на свою честь и на память и подавали церкви, опрочъ золота, серебра и уборовъ церковныхъ колко индѣ

относили, того кто можетъ исчезти?“¹⁾ Тоже писали южные епископы, въ особенности о митрополитѣ Фотіѣ, рачителѣ церковныхъ доходовъ²⁾ (Соборная грамота литовск. еписк. 1415 г.).

Хотя Виготъ учинилъ, штобъ *пространнѣе митрополитъ сидѣлъ* на своемъ столѣ; но и отдѣльнымъ отъ московскихъ, кievскимъ митрополитамъ, не сидѣлось въ Кіевѣ. Они жили болѣе въ Вильнѣ и Новгородѣ, близъ литовской столицы. А между тѣмъ нашествіе Едигея (1416 г.) и Менглигирея (1482 г.) довершили бѣдствіе Кіева и св. Софіи, изъ которой Менглигирей унесъ золотую чашу и дискось.

Архидіакону Антиохійскаго патріарха Павлу въ 1655 г. передавали въ Кіевѣ, что св. Софія болѣе ста лѣтъ оставалась въ разоренномъ видѣ, сдѣлавшись пріютомъ скота и дикихъ звѣрей. Этому совершенно можно вѣрить, ибо въ половинѣ 16-го вѣка городничій кievскій въ рапортѣ королю упоминаетъ, что на кровлѣ св. Софіи растутъ деревья. При митрополитѣ Ильѣ „Софійскій намѣстникъ панъ Богушъ Гулькевичъ - Глѣбовскій уже своими власными пѣнезми учинилъ не малый поратунокъ и подпоможенье въ оправѣ великой церкви святой Софіи, ее покрылъ и побилъ“ (Акты Зап. Россіи, Т. III, № 83), о чемъ свидѣтельствовалъ въ помѣстной грамотѣ (1577 г.) митрополитъ Ілія Куча, сознаваясь, что „то давно уже отпало и заронено было про недбалость нашу“. Не въ лучшемъ положеніи была св. Софія и въ концѣ 16-го вѣка, предъ тѣмъ временемъ, когда ее захватили уніаты. Галицко-русскіе дворяне въ 1585 году выставляли на видъ митрополиту Онисифору Дѣвочѣ, что архіепископія кievская нѣкоему еретиковѣ жолнерови есть отдана (Ак. Зап. Россіи. Т. III, № 146). Въ 1596 году Гейденштейнъ, секретарь короля Сигизмунда III, засталъ храмъ св. Софіи въ такомъ жалкомъ видѣ, что въ немъ уже не совершалось богослуженіе. По его словамъ— „это прекрасное зданіе, притворъ и колонны котораго изъ порфира, мрамора и алебаstra, въ такомъ находится запустѣніи, что на немъ нѣтъ кровли и онъ все болѣе и болѣе близится къ уничтоженію“. Наконецъ уніаты довершили запустѣніе св. Софіи. Тому же архидіакону Павлу передавали, что уніаты сорвали въ св. Софіи мраморныя плиты и мозаику и увезли въ свои церкви. Подобное хищничество весьма возможно было при совершенномъ запустѣніи верхняго Кіева, когда объявленіемъ, прибитымъ на фигурѣ (придорожномъ крестѣ) подлѣ св. Софіи, въ 1601 году вызывались изъ разныхъ окрестныхъ мѣстъ желающіе заселить опустѣлую Софійскую гору, съ предоставленіемъ имъ разныхъ свободъ или льготъ.

Возстановителемъ св. Софіи явился П. Могила. Отобравъ отъ уніатовъ, онъ, по словамъ Кальнофойскаго, выкопалъ св. Софію изъ развалинъ. Но архидіаконъ Павелъ, черезъ 20-ть лѣтъ по отобраніи св. Софіи отъ уніатовъ, все еще засталъ ее въ раз-

¹⁾ Акты Зап. Россіи, т. I, № 25.

²⁾ Акты Зап. Россіи, т. I, № 24.

валинахъ, именно онъ говоритъ: „въ настоящее время, на правой рукѣ отъ западнаго входа, два придѣла разрушенныхъ, они и оставлены въ такомъ состояніи: одинъ называется именемъ божественной колонны или столба бичеванія, въ немъ крестильница изъ краснаго твердаго камня, похожаго на порфиръ; другой слѣдуетъ за нимъ, составляя остальную часть притвора“.

До какой бѣдности доведена была по внутреннему своему состоянію знаменитая митрополитчья церковь, достаточно показываетъ опись ризницы святософійской, составленная при м. Рогозѣ. Въ ней заключались только одна чаша съ принадлежностями и кадильница серебряная, три напрестольныя Евангелія въ мѣдной оправѣ, три священническихъ ризы съ принадлежностями, 2 занавѣсы, 2 запонки, 2 покрыва, и изъ богослужебныхъ книгъ: апостоль, тріодъ постная, тріодъ цвѣтная, 2 октоиха, тріологій, служебникъ и псалтырь. По смерти митрополита Михаила Рагозы металлическія вещи, какъ то: чаша, кадильница, напрестольный крестъ и нѣкоторыя другія, оказались въ закладѣ у разныхъ лицъ. Митрополитъ Петръ Могила въ 1633 г. „принялъ Софійскую церковь отъ униатовъ безпокровну (безъ кровли), украшенія внутренняго и внѣшняго, св. иконъ, св. сосудовъ и св. одеждъ и единого не имущую“ (Акты Юго-Западной Россіи, т. III, № 18). При такой печальной судьбѣ храма св. Софій, трудно было его зданію сохраниться въ томъ первоначальномъ своемъ видѣ, когда она была „украшена иконами многоцѣнными, и златомъ, и серебромъ, и сосуды церковными“.

Осмотримъ однако подробнѣе главныя части нашего храма въ первобытномъ его видѣ и происшедшія отъ времени и произведенныя въ немъ по времени перемѣны.

По первоначальному плану храмъ состоялъ изъ большого прямоугольника, имѣющаго въ длину (отъ запада къ востоку) $18\frac{1}{2}$ саж. и въ широту (отъ сѣвера къ югу) 18 саж. Съ трехъ сторонъ—южной, западной и сѣверной—опоясывали его одноэтажныя галереи въ 4 саж. широты и до 3-хъ саж. высоты. Галереи южная и сѣверная были до половины открытыми, состоя изъ столбовъ и арокъ на протяженіи 10-ти саж. отъ запада къ востоку по линіи нынѣшнихъ наружныхъ стѣнъ Апостольскаго и Стрѣтенскаго придѣловъ. Такое же устройство, по всей вѣроятности, имѣла и западная галерея. На западной сторонѣ собора, съ двухъ концовъ галереи, устроены были двѣ башни или вежи: одна въ югозападномъ углу, а другая на разстояніи $3\frac{1}{2}$ саженой отъ сѣверозападнаго угла. Внутри каждой вежи или башни была каменная лѣстница; посредствомъ этихъ лѣстницъ всходили на хоры или верхнія галереи. Подобныя вежи, съ внутренними лѣстницами, сохранились и при нѣкоторыхъ другихъ русскихъ храмахъ. Такъ, напр., вежа имѣется въ Новгородскомъ Софійскомъ храмѣ—въ югозападномъ его углу, въ Георгіевскомъ храмѣ Антоніева Новгородскаго монастыря и на сѣверозападномъ углу соборнаго храма Кіево-печерской лавры. Вежи эти не были колокольнями, а служили только для восхода на хоры

или верхнія галлерей храма и на самую кровлю его къ куполамъ. .Лучше прочихъ въ первобытномъ своемъ видѣ сохранилась вежа Новгородской Софіи: столбъ лѣстницы ея оканчивается въ такой же точно формѣ, какъ и въ Кіевской Софіи: въ барабанѣ купола вмѣсто оконъ продолговатыя щели.

Вежи Кіевской Софіи существовали еще въ 17-мъ вѣкѣ въ первобытной своей формѣ. Архидіаконъ Павелъ такъ описываетъ ихъ: „На каждомъ углу церковнаго корабля (съ западной стороны) большая, круглая, высокая башня съ многочисленными зубцами, въ каждую изъ нихъ ведетъ дверь съ западной стороны, чрезъ которую дверь по просторной и длинной лѣстницѣ всходятъ на второй и самый высокій балконъ на кровлѣ церкви“. Существовать онѣ и нынѣ, но обвалившіеся ихъ верхи замѣнены новыми 6-ти гранными барабанами съ окнами и новыми куполами.

На восточной стѣнѣ нашей Софіи было не 9-ть какъ нынѣ, а 5-ть олтарныхъ полувружій. Кромѣ двухъ вежъ, соборъ вершили 13 куполовъ, изъ коихъ теперь видны только 5-ть, а 8 малыхъ скрываются подъ кровлею. Главы куполовъ были сферическія, а не въ видѣ коронъ. Надъ сводами храма и куполами не было стропиль деревянныхъ, и потому не было чердака; ихъ плотно облежала свинцовая кровля.

Въ храмъ входили съ 3-хъ сторонъ—западной, сѣверной и южной. На западной сторонѣ были три двери: главная противъ большаго олтаря и двѣ боковыя: одна противъ нынѣшняго Антоно-Феодосіевскаго олтаря, а другая противъ Георгіевскаго; къ дверямъ проходили сквозъ галерею; а въ эту галерею могло быть также нѣсколько входовъ изъ двора. Входъ съ сѣверной и южной сторонъ былъ вблизи западной стѣны, а не подлѣ восточной. Сначала сквозъ арки входили въ галерею, а потомъ изъ галереи въ дверь, находившуюся въ поперечной стѣнѣ, раздѣлявшей галерею на двѣ половины—восточную и западную; такую дверь входили съ одной стороны въ нынѣшній Предтечѣвскій придѣлъ, а съ другой стороны въ нынѣшній Успенскій придѣлъ, затѣмъ уже, поворотивъ въ бокъ, вступали въ самый храмъ сквозъ тройную арку, отъ которой нынѣ остается только средняя въ формѣ двери, а двѣ боковыя преобразованы въ окна.

Архидіаконъ Павелъ въ своемъ описаніи нашей Софіи передаетъ однако, что на южной сторонѣ храма было 5 дверей, а на сѣверной—двѣ, изъ которыхъ одна служила тогда для входа рабочимъ, и надъ нею было изображеніе Софіи и креста. Но въ числѣ дверей у него, вѣроятно, разумѣются арки галереи, которыя тогда не были закладены или преобразованы въ окна.

Алтарей было не 17, какъ нынѣ, а три: главный Софіи—премудрости Божіей въ самомъ большемъ, среднемъ полукружии и два боковыхъ — съ правой стороны во имя св. Архистратига Михаила, который считался покровителемъ св. Софіи Цареградской, и съ лѣвой стороны—св. великомученика Георгія, имя котораго носилъ создатель храма великій князь Ярославъ. Между главнымъ алтаремъ и Георгіевскимъ былъ придѣлъ

жертвенника, остающійся съ такимъ назначеніемъ донынѣ, а между главнымъ и Архангельскимъ алтаремъ—придѣлъ діаконника, обращенный въ послѣдствіи времени въ алтарь во имя св. Іоакима и Анны.

Полагали нѣкоторые (м. Евгеній и А. Муравьевъ), что въ Кіевской Софіи, по примѣру Цареградской, былъ одинъ только престоль. Но справедливо замѣтилъ Ив. М. Свворцовъ, что въ XI вѣкѣ могло быть и иначе, чѣмъ въ VI вѣкѣ. Притомъ изъ путешествія новгородскаго архіепископа Антонія узнаемъ, что въ концѣ XII вѣка и въ св. Константинопольской, кромѣ великаго алтаря, были еще два малые алтари: св. апостола Петра и другой, подъ которымъ погребена благочестивая жена Анна, уступившая свой домъ подъ постройку св. Софіи.

По нашимъ лѣтописямъ извѣстно, что въ сѣверозападномъ углу великой церкви Печерскаго монастыря въ XII еще вѣкѣ былъ устроенъ придѣльный алтарь во имя св. Іоанна Предтечи. Въ Новгородской Софіи также въ XII вѣкѣ, около 1180 года, становятся извѣстными придѣлъ Рождества Пресвятыя Богородицы, придѣлъ святого Іоакима и Анны, обновленный въ 16-мъ вѣкѣ. Въ грамотѣ новгородскаго князя Всеволода, около 1135 года данной Новгородской Предтечевской церкви, упоминается о придѣлѣ въ ней во имя св. *Захарія* на полатахъ (Дополненіе къ историческимъ актамъ, т. 1-й, № 3-й).

По сямъ соображеніямъ и имѣя въ виду пять древнихъ полукружій на восточной стѣнѣ нашей Софіи, мы полагаемъ, что кромѣ главнаго алтаря премудрости Божіей и двухъ при немъ діаконниковъ, въ ней были также первоначально еще два придѣльные алтари: во имя св. Георгія, котораго имя носилъ храмоздатель, и св. архангела Михаила, считавшагося охранителемъ святой Софіи. Съ принятіемъ предположенія о существованіи Михайловскаго и Георгіевскаго придѣловъ еще въ XI-мъ вѣкѣ при первоначальномъ устройствѣ храма, становятся понятными какъ назначеніе 4-го и 5-го полукружій, такъ и фрески этихъ придѣловъ, изображающіе въ Михайловскомъ придѣлѣ—св. Михаила, низверженіе имъ сатаны и проч., а въ Георгіевскомъ придѣлѣ страданія св. Георгія и царицы Александры.

Можно полагать, что южный діаконникъ обращенъ въ алтарный придѣлъ св. Іоакима и Анны вскорѣ по окончаніи храма. Къ этой мысли приводитъ насъ устройство придѣла во имя св. Іоакима и Анны, также съ южной стороны главнаго алтаря, въ св. Софіи Новгородской, сдѣланное еще въ XII вѣкѣ. Вѣроятно, Новгородскій епископъ въ этомъ случаѣ подражалъ уже готовому примѣру Софіи Кіевской.

Полъ храма, въ средней его части, состоялъ изъ мозаики. Ее видѣли здѣсь Гейденштейнъ и Лассота въ концѣ 16-го в. и архидіаконъ Павелъ въ половинѣ 17-го вѣка. Галереи нижнія и верхнія и лѣстницы были высланы плитами краснаго шифера, остатки которыхъ можно видѣть теперь на соборномъ дворѣ, преимущественно у южной палерти.

Мозаическій полъ св. Софіи уничтоженъ и замѣненъ чугуннымъ, вѣроятно, въ началѣ 18-го вѣка, когда въ Кіевѣ стали выстилать полы церквей чугунными плитами; но до послѣдняго обновленія храма на лѣстницахъ и въ нижнихъ галлерейхъ еще оставались шиферныя плиты. Въ 1843—1853 году во всемъ соборѣ, кромѣ верхнихъ придѣловъ Богословскаго, Богоявленскаго, Страстнаго, ризницы и купольныхъ Вознесенскаго и Преображенскаго, устроенъ полъ изъ новыхъ чугунныхъ плитъ, отлитыхъ, по Высочайше утвержденному рисунку, на заводѣ г. Мальцова.

При тщательномъ осмотрѣ зданія, во время исправленія штукатурки съ наружной стороны собора въ 1869 году и обнаженія при этомъ стѣнъ, можно было, слѣдуя лѣтописнымъ указаніямъ, удостовѣриться, что въ немъ произошли еще слѣдующія главнѣйшія измѣненія:

Соборъ лишился передней (западной) своей паперти или галлерей. Она обрушилась въ то время, когда соборомъ владѣли униаты (1596—1633 г.). Кальнофойскій пишетъ, что стѣна галлерей обрушилась именно 6-го сентября 1625 года; въ церковь нельзя было пройти, такъ какъ двери были завалены большимъ кускомъ павшей стѣны и кучею мусора.

Въ 17-мъ вѣкѣ къ восточной стѣнѣ храма придѣланы четыре новыя полукружія для образованія 4-хъ новыхъ алтарей: *Успенскаго*, *Антоновоодосіевскаго*, *Владимірскаго* и *Благовѣщенскаго* (нынѣ Предтечевскаго). Въ алтари придѣловъ Успенскаго и Благовѣщенскаго обращены палатки, каморы, бывшія въ восточномъ концѣ боковыхъ галлерей; причемъ поперечныя стѣны вырублены почти во всю широту галлерей. Въ западной части тѣхъ же боковыхъ галлерей устроены придѣлы—въ южной сторонѣ Апостольскій, а въ сѣверной Предтечевскій (нынѣ Стрѣтенскій), при чемъ заложены арки между столбами наружныхъ стѣнъ, съ замѣной ихъ окнами и закладена дверь въ поперечной (нынѣ запрестольной) стѣнѣ той и другой галлерей. При послѣднемъ обновленіи собора на мѣстѣ оконъ, бывшихъ во внутренней стѣнѣ того и другого придѣла, прорублены большія арки, въ которыя вставлены стекляныя переплеты.

Ходъ на сѣверозападную лѣстницу изъ сѣверной паперти закладенъ, съ образованіемъ темной кладовой; вмѣсто прежняго образованъ ходъ на лѣстницу изъ середины храма съвозъ дверь, прорубленную въ стѣнѣ противъ Владимірскаго алтаря. Наружная въ южной стѣнѣ дверь, которая прямо со двора, подлѣ сохранившейся группы крупныхъ звѣрей, вела на южную лѣстницу, также закладена.

Въ верхней части храма произошли слѣдующія измѣненія: сводъ передней части корабля, обрушившійся отъ вѣшнихъ вліяній до второй арки, перекладенъ, въ чемъ можно убѣдиться взойдя на чердакъ. На древнихъ полатяхъ южной и сѣверной или верхнихъ галлерейхъ устроены престолы: Андреевскій и Никольскій, причемъ расширено восточное окно въ Никольскомъ алтарѣ. Закладены окна въ 8-ми куполахъ этихъ галлерей. Об-

ветшавшіе верхи башенъ или вежъ разобраны, а вмѣсто ихъ устроены новые купола на барабанахъ съ продолговатыми окнами и съ пристройками къ восточной стѣнкѣ, въ которыхъ устроены придѣльные алтари во имя *Вознесенія* и *Преображенія Господня*.

Но главное измѣненіе древней архитектуры собора произведено тѣмъ, что на боковыхъ, одноэтажныхъ папертяхъ собора, въ уровень съ верхними галлерейми, надстроены новые, вторые этажи въ видѣ двойныхъ галлерей на каждой сторонѣ, съ куполомъ въ концѣ первой и въ срединѣ второй галлерей. Въ этихъ 4-хъ новыхъ галлерейхъ устроены придѣльные храмы: на южной сторонѣ во имя Воскресенія Христова и *страстей Господнихъ*, а на сѣверной во имя *Богоявленія* и Рождества Христова.

При этомъ капитальномъ переустройствѣ собора устроена новая кровля надъ всѣмъ зданіемъ съ чердакомъ подъ стропилами, измѣнена шатровая форма древнихъ куполовъ на кенигсбергскую, устроены фронтоны, и щиты и иаружныя стѣны собора подведены подъ одинъ карнизъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Послѣдствія надстройки цѣлаго этажа съ 4-мя куполами на нижнихъ папертяхъ, у которыхъ почти нѣтъ фундамента¹⁾, оказались неблагопріятными, ибо паперти, не выдержавъ наваленной на нихъ тяжести, дали во многихъ мѣстахъ стѣнъ и на сводахъ своихъ трещины. Для предохраненія зданія (старого и новаго) отъ разрушенія, открылась потребность устроить снаружи 13-ть контрафорсовъ или быковъ, которые не особенно украсили собою св. Софію. Къ старымъ контрафорсамъ въ 1873 году оказалось нужнымъ прибавить еще два новыхъ на сѣверозападномъ углу.

7.

Кто сдѣлалъ пристройки надъ папертями Софійскаго собора?

У описателей Кіевософійскаго собора принято за общеизвѣстную истину, что пристройки на папертяхъ сего собора произведены митрополитомъ Петромъ Могилой. Мысль эту раздѣлялъ и ученый описатель собора митрополитъ Евгеній (Описаніе Софійскаго собора, стр. 34). Между тѣмъ такое мнѣніе оказывается въ большей части невѣрнымъ. Доказательства на это слѣдующія.

Фронтонъ на западной части собора, форма 6-ти новыхъ его куполовъ и форма оконъ въ надстроенномъ этажѣ совершенно сходны съ формами фронтоновъ, главъ и оконъ въ главныхъ церквахъ Кіевобратскаго и Кіевоникольскаго монастыря, построенныхъ въ концѣ 17-го вѣка извѣстнымъ храмоздателемъ, гетманомъ Иваномъ Ма-

¹⁾ Отъ поверхности до материка 3¹/₂ арш., а отъ нынѣшней (возвысившейся въ теченіи 8 вѣковъ) поверхности до конца фундамента 1¹/₄ арш.

зепой. Съ ними по формѣ сходны купола, фронтоны и окна съ сѣверной и южной стороны Лаврскаго собора, постройка которыхъ, какъ извѣстно, относится къ началу 18-го вѣка. На углахъ передняго фронтона Софійскаго собора находятся лѣпные двуглавые орлы, которые не могли быть поставлены во время Польскаго здѣсь правительства, при всемъ сочувствіи Петра Могилы къ Россіи.

Митрополитъ Петръ Могила въ письмѣ своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу (1639 г.) упоминаетъ только о 8 дольнихъ и 2 горнихъ придѣлахъ¹⁾; слѣдовательно Могила могло принадлежать устройство 4-хъ новыхъ полукружій при восточной стѣнѣ собора съ устройствомъ 6 новыхъ престоловъ: Антонооодосіевскаго, Успенскаго, Владимірскаго и Благовѣщенскаго въ нижнихъ древнихъ папертяхъ и Николаевскаго и Андреевскаго на полатяхъ или верхнихъ древнихъ галлереяхъ. Устройство же придѣловъ Богословскаго, Богоявленскаго, Страстнаго и занимаемаго нынѣ соборною ризницею въ новомъ верхнемъ этажѣ, а также престоловъ Вознесенскаго и Преображенскаго — въ куполахъ бывшихъ вежъ, Апостольскаго и Стрѣтенскаго (бывш. Предтечевскаго) должно принадлежать времени одного изъ преемниковъ митрополита Петра Могилы. О послѣднихъ 8-ми престолахъ не упоминается и въ Росписи города Кіева 1682 года, кромѣ Апостольскаго подъ именемъ Петропавловскаго.

Наконецъ, — что надстройка верхнихъ придѣловъ не могла принадлежать митрополиту Петру Могила, въ томъ окончательно удостовѣряетъ сохранившійся, хотя недавно ставшій извѣстнымъ, видъ нашего Софійскаго храма на рисункѣ, представляющемъ вѣздъ князя Радзивилла въ Кіевъ въ 1657 году при митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ. На рисункѣ этомъ Софійскій соборъ изображенъ съ одними нижними папертями, безъ верхнихъ новыхъ и безъ новыхъ куполовъ.

Возстановителемъ и обновителемъ Кіевософійскаго собора, несомнѣнно былъ митрополитъ Петръ Могила, какъ свидѣлствуетъ онъ самъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи и какъ убѣждаютъ въ томъ собственноручныя его записки, но изъ того же завѣщанія видно, что при жизни своей онъ не успѣлъ его докончить. Такъ въ 1663 году, въ годъ смерти митрополита Діонисія Болобана, удалившагося изъ Кіева и умершаго въ Корсунѣ, бывшій старецъ Кіевопечерскаго монастыря Иларіонъ Добродѣяшенко въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу прописывалъ: „Церковь св. Софіи, дастъ Богъ, до первой своей красоты придетъ. Впрямъ не умеръ Могила, смѣю я то говорить, какъ его милость (епископъ Меодій Филимоновичъ) въ томъ при престолѣ митрополитскомъ заставаеъ. Зачалъ покойный Могила починять церковь побожне; имѣю я надежду, что его милость совершитъ счастливое, а то все будетъ на хвалу вѣчную, а вашей царской милости на славу и честь вѣчную“ (Акты Зап. Россіи, т. V, № 76).

¹⁾ Акты Кіев. Ком. Т. III. Письмо Могилы 1639 г.

Что это обновленіе св. Софіи при мѣстоблюстителѣ кіевской митрополіи Меѳодіѣ не состояло въ обновленіи одномъ внутреннемъ, подтверждается челобитной царю Алексѣю Михайловичу того же епископа Меѳодія отъ 28-го іюля 1666 года, въ которой онъ проситъ милостыни „на церковное строеніе св. Софіи, о золотѣ и серебрѣ сусальномъ для построенія въ св. Софіи иконъ, а наипаче въ придѣлѣ св. великомученика Георгія, гдѣ почиваетъ великій князь Ярославъ въ алебастровомъ гробѣ, и о извести въ Брянскомъ уѣздѣ, чтобы въ св. Софію отдать и стругами спустить въ Кіевъ“. Митрополитъ кіевскій *Гедеонъ*, князь Четвергинскій (1685 — 1690 г.), пользовавшійся особенными царскими милостями, въ завѣщаніи своемъ свидѣтельствуетъ, что онъ, „сколько возмогъ, старался опрavlятъ каедральную митрополитанскую церковь св. Софіи, долгою вѣка и небытіемъ пастыря власнаго опалую, не жалючи на тое кошту“, и по смерти своей оставилъ 20,000 злотыхъ польскихъ, „чтобы храмъ Божій св. Софіи въ позосталыхъ руинахъ своихъ опрavlяно“ (см. его завѣщаніе въ Описаніи Софійскаго собора м. Евгенія, стр. 116). Обновленіе зданія Софійскаго собора продолжалось и по смерти митрополита Гедеона, ибо грамотою государевою 1699 г. попеченіе о строеніи Софійскаго собора поручено кіевской ратушѣ (Кіев. епар. вѣдом. 1870 г., стр. 650). Въ 1706 году митрополитъ Варлаамъ Ясинскій въ грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю, уже засвидѣтельствовалъ, „же благодатію Божіею, по милости его царскаго величества и призрѣніемъ патронскимъ реиментарскимъ ясневельможнаго его милости пана гетмана и кавалера (1687—1708 г.), обитель свято-Софійская есть значне обновлена въ своемъ украшеніи сими часы такъ церковномъ, яко и господарскомъ“ (Кіев. еп. вѣд. 1870 г., стр. 651).

Кому же изъ обновителей Софійскаго собора принадлежитъ мысль надстроить вторые этажи надъ папертями Софіи?

Предпринять такую капитальную работу не могли ни преемникъ Петра Могилы *Сильвестръ Коссовъ* (1647—1657), котораго управленіе было весьма неспокойно по причинѣ войнъ Богдана Хмѣльницкаго съ Польшею и измѣны Юрія Хмѣльницкаго, ни *Діонисій Болобанъ* (1657—1633 г.) и *Іосифъ Тукальскій*, которые жили большею частію внѣ Кіева, ни кратковременный блюститель митрополіи *Меѳодій*, епископъ Мстиславскій, ни *Лазарь Барановичъ*, наблюдавшій митрополичью каедру изъ Чернигова, которая при томъ была въ царской опалѣ. Подобное дѣло могло начаться только съ подчиненіемъ кіевской митрополіи московскому патриарху, при митрополитѣ *Гедеонѣ Четвертинскомъ* (1686—1690 г.) и митрополитѣ *Варлаамѣ Ясинскомъ* (1690—1706 г.); при нихъ на кіевскую каедру щедро изливались царскія милости и для нея въ особенности были благодѣтельны близкія соотношенія сихъ митрополитовъ съ гетманами Самойловичемъ и Мазепою. Нисколько потому не ошибемся, если преобразование внѣшности Софійскаго собора съ надстройкой этажа на папертяхъ его отнесемъ исключительно ко времени митрополита Варлаама Ясинскаго и гетмана Мазепы. Создатель великолѣпныхъ соборовъ

въ Переяславль—Вознесенскаго и въ Кіевъ—Братскаго и Кіевониколаевскаго, не могъ не заявить своего усердія и для митрополитской каѳедры, а такъ какъ ветхости св. Софіи были уже исправлены при митрополитѣ Гедeonѣ; то Мазепа съ Варлаамомъ и поусердствовали надстроить вторые этажи на нижнихъ папертяхъ, передѣлать купола 2-хъ вежъ такъ, чтобы въ нихъ устроить особыя придѣлы, и надъ новыми пристройками возвести вновь 4-е купола. При нихъ, по всей вѣроятности, мозаическій и отчасти шифровый полъ замѣненъ поломъ чугуннымъ и въ сѣверозападномъ углу собора устроенъ Предтечевскій придѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи, имя котораго носилъ Мазепа. Последняя догадка подтверждается тѣмъ, что въ храмахъ Братскаго и Никольскаго монастырей, сооруженныхъ Мазепою и почитавшихъ Мазепу своимъ благотворителемъ, южные придѣлы посвящены тому же имени Предтечи.

8.

Когда написаны и когда забѣлены фрески Кіевософійскаго собора?

Изслѣдованіе Софійскаго собора и историческія соображенія вполне убѣждаютъ, что открытыя въ немъ въ 1843—53 г. фрески написаны не въ половинѣ XVII вѣка и не въ періодъ времени отъ разоренія Кіева Татарами до возвращенія собора православнымъ митрополитамъ въ XVII вѣкѣ, но въ XI вѣкѣ, при создателѣ сего храма, великомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ.

I. Что фресковая живопись Кіевософійскаго собора раньше времени митрополита Петра Могилы, подтвержденіе этому мы находимъ въ слѣдующихъ фактахъ:

а) Фресковой живописи недостаетъ преимущественно на тѣхъ частяхъ зданія, которыя потерпѣли измѣненіе при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, по ветхости и по другимъ причинамъ, какъ то: на сводѣ западной части собора, въ придѣлахъ: Успенскомъ, Антоно-Ѳеодосіевскомъ, Владимірскомъ и Предтечевскомъ—на запрестольныхъ полукружіяхъ, придѣланныхъ митрополитомъ Петромъ Могилою; на двухъ боковыхъ дверяхъ, закладенныхъ въ западной стѣнѣ, и наконецъ въ малыхъ куполахъ, окна которыхъ закладены съ починкой всей штукатурки. б) Фресковая живопись въ соборѣ найдена не только на мѣстахъ, бывшихъ всегда открытыми, но и въ мѣстахъ скрытыхъ при возобновленіи его въ XVII вѣкѣ, именно: сзади иконостаса—на передней сторонѣ пилоновъ алтарной арки и на нижней части стѣнъ, скрывавшейся подъ поломъ церкви, который въ XVII вѣкѣ былъ значительно поднятъ противъ древняго своего уровня. в) Поврежденія фресковъ, съ отнятіемъ даже частей цѣлыхъ фигуръ, оказались преимущественно близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ сдѣланы закладки дверей и оконъ или передѣлки. г) При открытіи фресковъ Софійскаго собора не оказалось ни одного фресковаго изобра-

женія святыхъ Русской церкви. д) Живопись альфреско дѣлается обыкновенно по свѣжей штукатуркѣ, слѣдовательно если фрески Софійскаго собора принадлежать XVII вѣку, то и штукатурка подъ ними должна быть того же времени, а между тѣмъ она весьма отличается отъ штукатурки на закладенныхъ Петромъ Могилой простѣнкахъ и сохраняетъ на себѣ древнія, начертанныя гвоздемъ надписи, изъ которыхъ одна, на св. Онуфріѣ, въ Апостольскомъ придѣлѣ, несомнѣнно относится къ XII вѣку.

II. Кіевософійскіе фрески не могли быть написаны и въ періодъ времени отъ переселенія кіевскихъ митрополитовъ во Владиміръ, послѣдовавшаго за разореніемъ Кіева Батыемъ, до утвержденія митрополичьей православной кафедрой опять въ св. Софіи Кіевской (1240—1633). Внутренность собора вся росписана альфреско лицевыми изображеніями и орнаментами въ такомъ множествѣ, что до 680 древнихъ фигуръ сохранилось еще въ соборѣ въ 1843 году подъ слоями побѣлки и до 1900 фигуръ и орнаментовъ дописано вновь, вмѣсто не сохранившихся и крайне поврежденныхъ. Понятно, что для производства такой живописи требовались весьма большія средства, которыхъ не могли дать собору митрополиты, завѣдывавшіе древней кафедрой изъ дальнихъ городовъ—Владиміра, Москвы, Вильны, Новгорода Литовскаго и только по временамъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, посѣщавшіе Кіевъ. Въ частности этого фресковаго росписанія нельзя приписать ни митрополитамъ московскимъ, такъ какъ въ 1410 году, на соборѣ южныхъ епископовъ, было даже заявлено о недостаткѣ ихъ попечительности о Кіевософійскомъ соборѣ, ни митрополитамъ литовскимъ, такъ какъ въ этотъ періодъ соборъ, по временамъ, оставался даже безъ надлежащаго прикрытія.

III. Хотя нѣтъ прямого свидѣтельства лѣтописи о росписаніи св. Софіи кіевской фресками при великомъ князѣ Ярославѣ; но если благочестивый создатель этого храма не пожалѣлъ средствъ, чтобы украсить мозаическими изображеніями весь алтарь, главный куполь и четыре арки, то нельзя предполагать, чтобы онъ оставилъ не расписанными прочія стѣны этого храма, сооруженнаго еще за 17 лѣтъ до своей кончины. Живописью альфреско были подписаны всѣ главныя церкви въ Кіевѣ, а именно: Десятинная, какъ доказываются остатками фресковъ на штукатуркѣ, вынутой изъ ея развалинъ въ 1823 году; великая Успенская въ лаврѣ, какъ свидѣтельствуется Патерикъ Печерскаго монастыря; Спасская на Берестовѣ, какъ показываетъ уцѣлѣвшій подъ нынѣшнюю ея кровлю остатокъ фресковаго лица, и наконецъ церковь св. Кирилла, фрески которой, скрываясь и нынѣ большею частію подъ слоями побѣлки, ждутъ еще своего обновителя. Фресковая живопись проникала въ XII вѣкѣ и на сѣверъ Россіи, какъ свидѣлствуютъ остатки ея въ Староладожской, Никололипенской и Псковскихъ церквахъ. Если же были расписываемы альфреско церкви въ мѣстахъ, менѣе значительныхъ, чѣмъ Кіевъ; если фресковою живописью отличались въ самомъ Кіевѣ церкви, имѣвшія меньшее значеніе, чѣмъ св. Софія; то быть не можетъ, чтобы въ то же время не была украшена

живописью кїевская Софія, митрополія всей русской земли. Потому комитетъ, Высочайше учрежденный въ 1844 году для открытія и обновленія фресковъ Кїевософійскаго собора, совершенно вѣрно призналъ, что фрески эти современны созданію самаго храма Софїи великимъ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ и принадлежатъ XI вѣку.

Когда и кѣмъ забѣлены эти фрески? Обновители собора 1843—1853 г. полагали, что эту побѣлку сдѣлали уніаты, владѣя соборомъ съ 1596 по 1633 г. Это повторяется до нынѣ и другими, между прочими повторено и протоіереемъ Скворцовымъ въ Описаніи Софійскаго собора по его обновленіи.

Какъ ни проста и какъ ни правдоподобна эта догадка, но во 1-хъ она ни на чемъ не основана, и во 2-хъ ей прямо противорѣчитъ свидѣтельство московскаго священника Лукьянова, который, бывши въ Кіевѣ въ 1706 г. при митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: „въ св. Софїи пусто, иконъ нѣтъ, старое было сгѣнное письмо, да митрополитъ все извѣстью замазалъ“. Фрески Кирилловскаго монастыря XII вѣка также забѣлены, хотя уніаты и не владѣли никогда Кирилловскою церковью. Итаетъ весьма можно предположить, чтобы фресковая живопись XI вѣка чрезъ 700 лѣтъ до того обветшала, что многія фигуры въ ней были уже безъ рукъ, головъ и ногъ, какъ оказалось въ 1844 г. послѣ промывки этихъ фресковъ, и при м. Варлаамѣ Ясинскомъ признано необходимымъ поэтому скрыть подъ слоями побѣлки ея ветхость и по мѣстамъ безобразіе.

Могутъ спросить: почему Софійскіе фрески забѣлены уже въ концѣ 17-го вѣка, а не въ 1-й его половинѣ, при первомъ обновителѣ св. Софїи митрополитѣ Петрѣ Могила? Безъ сомнѣнія потому, что Петръ Могила былъ знатокъ и любитель древней живописи; для росписанія Лаврскаго собора и обновленія фресковъ церкви Спаса на Берестовѣ, онъ вызывалъ художниковъ даже изъ Греціи. Но митрополиты изъ русскихъ и малоросійская знать при митрополитѣ Варлаамѣ Ясинскомъ могли имѣть другой взглядъ на греческую иконопись. И вотъ явилась мысль замѣнить старинное, притомъ уже обветшавшее, письмо новымъ, покрывши фрески предварительно побѣлкой. Съ этимъ совершенно согласуется рукописная записка Выдубицкаго игумена Іакова о Кїевософійскомъ соборѣ, въ которой сказано, что „1721 года каедральная церковь большая извнутри и извнѣ — на предверіи иконопиствомъ украшена“ (Кіев. епар. вѣд. 1874 года, стр. 418). Въ 1708 году при митрополитѣ Іоасафѣ Краковскомъ написаны на стѣнахъ собора масляными красками пять вселенскихъ соборовъ.

9.

Объ украшеніи Софійскаго собора мозаикой.

Открытіе древней фресковой живописи на стѣнахъ Софійскаго собора показало, что

напрасно предполагали, будто вся внутренность его была украшена мозаикой; оказывается, что мозаическія изображенія были сдѣланы греческими художниками только на стѣнахъ и сводѣ всего главнаго алтаря, на 4-хъ аркахъ и пилонахъ главнаго купола, гдѣ сохранилось 15 цѣльныхъ мозаическихъ лика мучениковъ (10 — на южной аркѣ и 5 — на сѣверной) и изображенія пресвятой Дѣвы прядущей и архангела Гавріила, на 4-хъ парусахъ подъ главнымъ куполомъ и въ самомъ главномъ куполѣ. Всѣ уцѣлѣвшія здѣсь до настоящаго времени мозаическія изображенія весьма подробно и точно описаны Н. В. Закревскимъ въ его Описаніи Кіева (т. 2, стр. 789—807). Гаданія о томъ, что было изображено мозаикой въ куполѣ, разрѣшаетъ архидіаконъ Павелъ въ своемъ описаніи путешествія патріарха Макарія. Онъ говоритъ: „Когда взойдешь въ церковь чрезъ западныя двери, то видишь весь полъ хороса мозаическій, весьма искусной работы. Внутренность алтаря и переднія его части точно также украшены драгоценностями. Въ хоросѣ находится деревянный кругъ о 4-хъ углахъ, съ тремя ступенями (амвонъ), покрытый красною, великолѣпною матеріей. Надъ упомянутымъ хоросомъ возвышается куполь, который имѣетъ много оконъ вокругъ, числомъ 12. Въ вершинѣ купола изображенія Господа Христа и вокругъ Него Ангеловъ и 12 Его учениковъ; ниже на 4-хъ углахъ — 4-е Евангелиста. Все это мозаической работы, позолочено, сдѣлано по-царски, изящно, съ удивительными рисунками и греческими надписями“¹⁾. Нынѣ въ куполѣ можно различать только шереховатость и гнѣзда, оставшіяся отъ осыпавшейся мозаики, между тѣмъ какъ ее еще въ цѣлости видѣлъ здѣсь въ 1817 году князь Долгорукій, который такъ пишетъ въ своемъ путешествіи на югъ Россіи: „Сколько разъ мнѣ ни доводилось быть въ Кіевѣ, всегда съ умиленіемъ вижу мозаическую работу въ куполѣ, которой не могли истребить ни Батый, ни пожары“²⁾.

Отдѣлку нижняго пояса алтарнаго полукружія, состоящую изъ шиферныхъ, мраморныхъ, гладкихъ, муравленныхъ и клѣтчатыхъ ценныхъ плитъ, съ отвѣсными грубой мозаики полосами, дугами и крестами, Н. В. Закревскій считаетъ не современною верхней мозаикѣ; а митрополитъ Евгеній думаетъ, что эта грубая мозаика и отдѣлка принадлежатъ новѣйшему времени. О сопрестоліи или горнемъ полукружіи кирпичномъ, украшенномъ такою же муравленою мозаикой по отвѣснымъ стѣнамъ, съ ступенями изъ краснаго шифера, митрополитъ Евгеній не упоминаетъ; г. Закревскій считаетъ его сѣдалищемъ для священнослужителей, устроеннымъ теперь, т. е. при послѣднемъ обно-

¹⁾ Переводомъ этого мѣста и нѣкоторыхъ другихъ отрывковъ изъ Описанія путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія, оставленныхъ англійскими переводчиками въ арабскомъ подлинникѣ, я обязанъ с.-петербургскому ориенталисту А. Я. Гаркави.

²⁾ Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей. 1870 г. кн. 2, стр. 117. Дневникъ кн. Долгорукаго.

вленіи собора. Но это сопрестоліе и эту пеструю отдѣлку находящагося надъ нимъ нижняго алтарнаго пояса видѣлъ уже архидіаконъ Павелъ въ половинѣ 17-го вѣка; онъ говоритъ: „Полукруглое сѣдалище состоитъ изъ 3-хъ высокихъ уступовъ, а тронъ (архіерейскій) находится вверху; къ нему ведутъ 6 ступеней. Это полукружіе, примыкающее съ двухъ сторонъ къ каедрѣ, въ полроста человѣческаго, все обложено разноцвѣтнымъ мраморомъ и мозаикой чудныхъ цвѣтовъ“. Итакъ, устройство этого сѣдалища ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ новому времени, а если принять въ соображеніе, что въ Новгородскомъ Софійскомъ храмѣ запрестольная стѣна, въ нижней своей части, сохраняетъ подобную же мозаику ценннную, которая признается современною постройкою храма, и если обратить вниманіе на отдѣланныя такою же мозаикой шиферныя плиты архіерейскаго сѣдалища на горнемъ мѣстѣ въ Кіевской Софіи, которое признается несомнѣнно древнимъ; то необходимо согласиться и съ тѣмъ, что нижній поясъ запрестольной стѣны въ Кіевософійскомъ соборѣ и его сопрестоліе или священническое сѣдалище на горномъ мѣстѣ принадлежатъ времени Ярослава.

Говоря объ украшеніяхъ и мозаикѣ запрестольной стѣны нашего храма, замѣтимъ, что находящіяся между запрестольными окнами, на простѣнкахъ, изображенія св. Петра и Алексѣя, митрополитовъ кіевскихъ, — писанныя масляными красками, съ полугреческими, полуславянскими надписями, — не позже половины 17 вѣка, такъ какъ объ нихъ упоминается у архидіакона Павла. По всей вѣроятности святителями сими замѣнены здѣсь св. апостолы Петръ и Павелъ послѣ того, какъ осыпались мозаическіе апостольскіе лики; надъ образомъ св. Алексѣя уцѣлѣла только верхняя часть золоченаго мозаичнаго фона и слова бывшей греческой надписи: (A) . . . ρο, т. е. остатки словъ: ὁ ἄγιος πέτρος.

Новые лики, съ новымъ дополненіемъ въ подписи, явились по всей вѣроятности при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, какъ можно заключать и по самому характеру живописи. Мягкій знакъ послѣ буквы с въ словѣ кіевскій обличаетъ художника малоросса.

10.

Быль-ли иконостасъ въ св. Софіи кіевской при первоначальномъ ея устройствѣ, и если не быль, то чѣмъ замѣнялся и когда устроенъ въ настоящемъ своемъ видѣ?

Въ Кіевософійскомъ соборѣ на алтарной его стѣнѣ, пилонахъ главнаго купола, его аркахъ, парусахъ и въ самомъ куполѣ, были изображены мозаикой и большею частію сохранились лики всѣхъ тѣхъ святыхъ, какіе теперь обыкновенно помѣщаются на предолтарныхъ иконостасахъ; можно даже сказать, что они размѣщались почти въ томъ же порядкѣ, каковой принятъ при устройствѣ нашихъ иконостасовъ. Есть здѣсь на пилонахъ и парусахъ образъ Благовѣщенія и изображенія 4-хъ евангелистовъ, которыми

украшаются нынѣ царскія врата. Въ верхней половинѣ конхи, на пилонахъ извнутри олтара и на простѣнкахъ, соединяющихъ пилоны съ конхой, видимъ ликъ Божіей Матри, отъ котораго въ обѣ стороны слѣдуютъ лики пророковъ, какъ бывастъ въ 4-мъ верхнемъ ряду иконостаса. Образъ Спасителя и 12-ти подходящихъ къ нему Апостоловъ на этой же запрестольной стѣнѣ, въ среднемъ ея поясѣ, соотвѣтствуетъ 3-му ярусу иконостасовъ, въ которомъ нынѣ недостаетъ только св. трапезы, помѣщаемой часто ниже, во 2-мъ ярусѣ или на царскихъ вратахъ¹⁾. Картины св. событій изъ земной жизни Иисуса Христа, написанныя на стѣнахъ средней части храма, представляютъ собою 2-й ярусъ иконостаса, гдѣ обыкновенно поставляются иконы праздниковъ Господнихъ и Богородичныхъ. Уцѣлѣвшій внизу восточной окраины главнаго купола между 2-мя Евангелистами мозаическій образъ Спасителя благословляющаго и бывший на западной окраинѣ купола, также мозаическій, нынѣ подписанный уже масляными красками, образъ Божіей Матери, соотвѣтствуютъ иконамъ, обыкновенно нынѣ поставляемымъ въ 1-мъ нижнемъ ярусѣ иконостасовъ, или такъ-называемымъ намѣстнымъ; мозаическія изображенія святителей и учителей церкви вселенской — Николая Мирликійскаго, Григорія Богослова, Климента папы римскаго и Епифанія Кипрскаго, Григорія чудотворца, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Василия Кесарійскаго и св. діаконовъ Стефана и Лаврентія, находящіеся въ нижнемъ поясѣ алтарной стѣны, соотвѣтствуютъ тѣмъ иконамъ сихъ святыхъ, которыя бывають въ числѣ иконъ намѣстныхъ и пишутся иногда на столпцахъ царскихъ вратъ, кромѣ изображеній св. діаконовъ, которымъ нынѣ усвоено мѣсто на боковыхъ алтарныхъ дверяхъ. Мозаическій Деисусъ или образъ Спасителя съ предстоящими Пречистою Его Матерью и св. Іоанномъ Предтечей, находящійся вверху алтарной внутренней арки, какъ бы вѣнчаетъ собою всю алтарную иконопись, подобно Распятію съ предстоящими Божіей Матерью и Іоанномъ Предтечей, которыми нынѣ обыкновенно завершаются ряды иконъ въ иконостасѣ предолтарномъ.

Слѣдовательно, иконостасъ былъ въ св. Софіи нашей при первоначальномъ ея устройствѣ, и въ полномъ своемъ видѣ, именно онъ состоялъ въ изображеніяхъ на вогнутой алтарной стѣнѣ, ея аркѣ, пилонахъ, сводѣ, парусахъ и въ куполѣ,—иконостасъ мозаическій.

Послѣ сего вопросъ, поставленный въ заглавіи этого отдѣла, сводится къ слѣдующему: тѣ св. изображенія, которыя сохранились на алтарной стѣнѣ св. Софіи, ея ар-

¹⁾ Замѣчательно, что на иконостасѣ большаго Московскаго Успенскаго собора и въ нѣкоторыхъ древнихъ храмахъ сѣверовосточной Россіи Апостолы изображаются подходящими къ Спасителю и съ простертыми для принятія св. хлѣба руками, не смотря на то, что на средней между ними иконѣ нѣтъ св. трапезы, а только образъ Спасителя въ первосвященническомъ или царскомъ видѣ.

кахъ, пилонахъ, парусахъ и куполѣ, повторялись-ли въ томъ же храмѣ на предолтарной, вытянутой прямою плоскостью съ 3-мя дверьми, стѣнѣ? Было-ли въ немъ даже что нибудь подобное этой сплошной стѣнѣ, преграждающей корабль нашихъ церквей и раздѣляющей его на двѣ неравныя половины?

Рѣшенію этого вопроса считаю необходимымъ предпослать слѣдующія соображенія:

О предолтарномъ иконостасѣ не упоминается ни въ древнихъ литургіяхъ апостола Іакова, св. Василія Великаго и Іоанна Златоуста, ни у Евсевія, въ его церковной исторіи, при описаніи церкви, сооруженной въ Тирѣ въ первую четверть IV вѣка, ни у св. Іоанна Златоуста и св. Кирилла Іерусалимскаго въ ихъ изъясненіяхъ на литургію, ни у св. Софронія, іерусалимскаго патріарха VII вѣка, Германа, константинопольскаго патріарха VIII вѣка, ни даже у Симеона Солунскаго, жившаго въ XIV вѣкѣ и писавшаго весьма пространно о христіанскомъ храмѣ съ подробнымъ изъясненіемъ значенія каждой его части. Въ частности о существованіи иконостаса въ Софіи цареградской не говорится ни у безыменнаго древняго греческаго ея описателя, ни у нашихъ русскихъ паломниковъ XII вѣка—игумена Данила, Антонія, новгородскаго архіепископа, Стефана Новгородца и другихъ. Подобное же умолчаніе о предолтарныхъ иконостасахъ встрѣчаемъ и въ русскихъ лѣтописяхъ до XVI вѣка. А если о предолтарныхъ иконостасахъ не упоминается до XVI вѣка ни у кого изъ писателей греческихъ и русскихъ; то несомнѣнно, что до сего времени таковыхъ иконостасовъ и не было тогда въ православныхъ храмахъ въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ они нынѣ.

Въ литургіи апостола Іакова алтарь называется мѣстомъ внутри священныхъ завѣсъ. Св. Іоаннъ Златоустъ упоминаетъ о завѣсахъ, *во вратахъ алтаря висящихъ* и въ извѣстныхъ времена отъемлемыхъ¹⁾. Изъ многихъ другихъ источниковъ извѣстно, что древнѣйшее устройство алтаря было таково: Помость алтаря былъ выше помоста прочихъ частей храма. Въ концѣ алтарнаго помоста была преграда, состоявшая изъ колоннъ и плитъ полокотныхъ, съ перекладиной вверху колоннъ или безъ нея. Перекладину вѣнчалъ крестъ. Иногда преграда состояла изъ однихъ плитъ или рѣшетокъ погрудныхъ. Въ перегородкѣ этой были одни или три двери для прохода не выше самой преграды, т. е. погрудныя. Кромѣ алтарной преграды, въ болѣе знатныхъ церквахъ устроилась надпрестольная сѣнь изъ колоннъ съ архитравомъ, надъ которымъ водружался крестъ. Къ столбамъ алтарной преграды или къ столбамъ алтарной сѣни прикрѣплялись завѣсы. Гдѣ не было колоннъ, тамъ завѣсы утверждались на кольцахъ и прутьяхъ, прикрѣпляемыхъ къ стѣнамъ у входа въ алтарь. Завѣсы были во всю широту алтарной арки, но были и изъ 2-хъ половинъ, гладвія и шитыя. Такъ Евсевій говоритъ, что въ Тирскомъ

¹⁾ Въ бесѣдѣ 3 на посл. къ Евр.

храмъ святилище было ограждено сѣтями изъ дерева, украшенными тончайшей и искуснѣйшей работой. По свидѣтельству его же въ великолѣпной базиликѣ, сооруженной въ 335 году Константиномъ В. надъ гробомъ Господнимъ, алтарь ея увѣнчанъ былъ по числу 12 апостолъ 12 колоннами, которыхъ вершины украшались вазами, вылитыми изъ серебра; колонны стояли на базахъ. По Софронію и Герману алтарная преграда состояла, въ VII и VIII вѣкѣ, изъ мѣдныхъ алтарныхъ рѣшетокъ. Императоръ Василій Македонянинъ въ IX вѣкѣ соорудилъ въ дворцовой своей церкви мраморную алтарную преграду. Константинъ Багрянородный (X в.) говоритъ, что между алтарными рѣшетками были колонны, а вверху ихъ перекладина. Симеонъ Солунскій, кромѣ колоннъ, упоминаетъ объ архитравѣ, фризѣ и карнизахъ.

О св. Софіи Цареградской извѣстно, что въ ней была надпрестольная сѣнь, которую разбилъ упавшій въ 559 году куполь церкви. Болѣе подробное описаніе алтарной преграды св. Софіи у Павла Силенціарія. Изъ него узнаемъ, что ее составляли 12 колоннъ, обложенныхъ серебромъ съ пологотными между ними плитами; колонны или столбы соединялись дугами, а въ эллипсисахъ этихъ дугъ — были на дискахъ скульптурныя изображенія Бога, явившагося во плоти, св. ангеловъ и пророковъ. Вверху столбовъ находилась перекладина въ формѣ кругловидной выпуклой доски, на которой былъ начертанъ крестъ на поклоненіе молящихся. Сквозь преграду вели три двери, которыя были не выше пологотныхъ плитъ, преграждавшихъ проходъ между прочими колоннами. Нашъ паломникъ Новгородскій архіепископъ Антоній передаетъ, что „въ великомъ алтарѣ св. Софіи катапетасма ¹⁾ вся сотворена отъ злата и серебра, а стоянія олтарныя и амбонъ (предолтарный или солеа) — все серебряно; а у катапетасмы повѣшены вѣнцы малы — 30 ихъ въ память христіанамъ и въ незабытье 30 Іудиныхъ сребреникъ“. Далѣе, объясняя причины устроенія алтарной катапетасмы, введенной „видѣнія ради женска“ ²⁾, Антоній говоритъ, что „завѣсы тѣ привязаны къ столпомъ катапетасмы“. Царскими дверьми назывались главныя двери, ведущія изъ притвора въ церковь, а не предъалтарныя ³⁾.

Тоже устройство алтарной преграды открыто въ древнѣйшихъ римскихъ базиликахъ: не высокая, пологотная, каменная стѣнка съ отверстіемъ для дверей, съ колоннами и пилястрами. Въ древнѣйшихъ церквахъ Грузіи, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ VIII вѣку, обыкновенная форма иконостасовъ — тоже не высокая каменная стѣнка, съ отверстіемъ для дверей, на ней стоятъ или витыя, связанныя арками, византійскія колонки, или рѣзбою украшенныя пилястры съ карнизомъ. Пространство между колонками или

¹⁾ Подъ катапетасмой у Антонія разумѣется алтарная сѣнь. Примѣч. 40 П. И. Саввантова.

²⁾ Согласно съ этимъ въ нашей Четьи Минеи, въ житіи св. Василя Великаго, говорится, что „Св. Василій повелѣ быти въ церкви предъ алтаремъ преградѣ и завѣсамъ женъ ради“.

³⁾ Дюканж. Glossar. med. et inf. graecit. Paris. 1688.

пилястрами остается сквознымъ, совершенно открывающимъ алтарь. Таковы иконостасы Сіонской церкви въ Атенской долині, древней церкви въ Старой Шуамтѣ, въ Мцхетскомъ женскомъ монастырѣ и церквей на вершинѣ Казбека и на горѣ Армазѣ, рисунки которыхъ приложены къ изслѣдованію о первоначальной формѣ иконостасовъ г. Филимонова.

Напѣ паломникъ 1-й половины XVIII вѣка Василій Григоровичъ Барскій, путешествуя по Востоку, хотя нашелъ уже и тамъ иконостасы, обставленные иконами снизу до верху церквей, но засталъ еще цѣлыми и древнія алтарныя преграды, которыя скрывались сзади новыхъ иконостасовъ. Такъ, на примѣръ, на Аѳонѣ, въ главномъ храмѣ Лавры св. Аѳанасія, сзади иконостаса онъ видѣлъ „обоюду царскихъ вратъ столпы мраморныя четыре, зеленые съ бѣлыми сводами, яко полторы сажени высоты, съ наглавниками изъ бѣлаго мрамора, съ изсѣченіемъ хитрымъ животныхъ, верху же ихъ дски (тябла) мраморныя, бѣлыя, великія, отъ нихъже едина въ сажень“. Въ главной Благовѣщенской церкви Ватопедскаго монастыря былъ „иконостасъ, преграждай святыи олтарь, двоякій: единый внутренній предревній, отъ различныхъ мраморовъ сложенный, и второй древянъ предъ нимъ совоушно стоящій, изряднаго украшенія и художества, на немъ же намѣстни иконы стоятъ; во внутреннемъ же ряду стоящихъ столповъ бѣломраморныхъ суть осмь, гладкаго и искусстваго рукодѣлія. Верху четырехъ среднихъ столповъ, иже обоюду царскихъ вратъ, предъ св. Трапезою стоящихъ, вмѣсто надглавника и покрыва надлежащая, отъ подобнаго мрамора дска красно изсѣченная, имать долготы пядій двадцать“. Но всего замѣчательнѣе для насъ извѣстіе, что въ этомъ храмѣ на двухъ переднихъ порфіровыхъ пилонахъ, поддерживающихъ куполь, „обоюду великаго иконостаса оное древнее, еще мусією насажденное обрѣтается Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, и св. Дѣва зрится стоящая надъ правымъ столпомъ, архангелъ же надъ лѣвымъ“. Въ Георгіевскомъ храмѣ монастыря Ксенофъ, по ряду за иконостасомъ стояли „столпы бѣлы и тонки отъ мрамора, числомъ осмь“; такіе же 4-ре мраморныя столпы были за иконостасомъ въ олтарѣ церкви св. Пантелеимона въ Руссиѣ¹⁾).

Въ русскихъ церквахъ древняго нашего періода, на мѣстѣ нынѣшнихъ иконостасовъ, также были подобныя преграды съ колоннами и архитравомъ и съ низкими дверьми для прохода. Колонны или столпы съ архитравомъ назывались кивотомъ. На архитравѣ ставились обыкновенно три небольшія иконы: Спасителя, Богородицы и Іоанна Предтечи, называвшіяся деисусомъ. Первое упоминаніе объ алтарной преградѣ встрѣчаемъ въ сказаніи Печерскаго Патерика объ освященіи Великой Печерской церкви (XII в.). „Внидоша—сказано—черницы въ церковь... и видѣша у алтарное преграды дску каменну положенну и столпы на строеніе трапезѣ“.

Въ созданной великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ городѣ Боголюбовѣ

¹⁾ См. Путеш. по св. мѣстамъ В. Барскаго. С.Пб., 1785 года, стр. 520, 622, 686 и 693.

Рождественской церкви была „сѣнь златомъ украшена отъ верха и до *деисуса* и всею добродѣтелию исполнена, измечтанна всею хитростью“, а въ Владимірской, имъ же созданной церкви, былъ „онѣбонъ отъ золота и серебра“¹⁾.

Указаніе на алтарную преграду съ архитравомъ находится также въ извѣстіи о церкви св. Іоанна Златоустаго, созданной княземъ Даніиломъ Романовичемъ въ Холмѣ: „входящу въ олтарь, говорится въ лѣтописи, стояста два столпа отъ цѣла камени, а на нею вавора (дуга) и вскръ же верхъ бѣ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ“²⁾. Та же лѣтопись говоритъ о завѣсахъ церковныхъ, золотомъ шитыхъ, оксомитныхъ (бархатныхъ) съ дробницею, пожертвованныхъ княземъ Владиміромъ Васильковичемъ, внукомъ Романа Даніиловича, (1289 г.) въ Дмитріевскую церковь города Владиміра на Волыни, и о платцахъ оксамитныхъ, шитыхъ золотомъ съ жемчугомъ, херувимами и серафимами—его же даръ церкви св. Іѳоргія въ Любомли (волинской губерніи)³⁾.

Въ нашемъ Софійскомъ соборѣ, на мозаической картинѣ тайной вечери, изображена надпрестольная сѣнь изъ колоннъ и архитрава съ крестомъ на верху. Въ ближайшемъ къ св. Софіи по времени и мѣсту храмъ XII в. въ кіевомихайловскомъ монастырѣ, на мозаической алтарной иконѣ тайной вечери, современной самому храму, созданному великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ, сохранился для насъ рисунокъ алтарной преграды, помѣщенный предъ св. трапезой, снятый конечно съ какого-нибудь дѣйствительнаго образца въ одной изъ кіевскихъ церквей. Преграда эта состоитъ изъ двухъ половинокъ; по срединѣ ея, противъ престола, дверь; каждая половина преграды состоитъ изъ столбовъ небольшой высоты, между которыми внизу поперечныя плиты; на верху столбовъ шарикъ, по столбамъ золотистыя полосы; столбы и плиты утверждены на цоколѣ темносѣраго цвѣта. Наконецъ въ современной кіевской Софіи, довольно сходной съ нею по архитектурѣ, церкви св. Марка въ Венеціи древняя алтарная преграда мраморная, изъ 8-ми столбовъ и брусковаго архитрава съ крестомъ по срединѣ; между столбами мраморныя плиты.

По всей вѣроятности подобную же форму имѣла древняя алтарная преграда кіевской Софіи, состоя изъ столбовъ, плитъ, брусковъ и архитрава, съ одной или тремя дверьми для прохода къ алтарю. Остатки ея изъ бѣловатаго мрамора сохраняются и нынѣ въ Софійскомъ соборѣ. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло немного: 5 капителей, двѣ базы, двѣ пилястры, два бруска съ гнѣздами для пяти дверныхъ и два куска толстой полуколонны; къ нимъ можно причислить еще двѣ колонны, приставленныя снаружи собора, у западныхъ входныхъ дверей. Такія же двѣ колонны, по словамъ одного недавно умер-

¹⁾ Лѣтоп. по Ипат. сп., стр. 395 и 396.

²⁾ Ibid. стр. 558.

³⁾ Ibid. стр. 609.

шаго очевидца, находятся подъ поломъ Стрѣтенскаго придѣла. Колонны имѣютъ 3 арш. 12 верш. высоты. Близкую къ сему высоту; безъ сомнѣнія, имѣла и алтарная преграда нашего храма. Подтверженіемъ сего служитъ то, что на переднихъ, алтарныхъ пилонахъ, къ которымъ примыкала эта преграда, уцѣлѣли фресковыя изображенія, начинающіяся на разстояніи 5 аршинъ отъ пола. Гнѣзда дверныхъ пятъ въ мраморномъ брускѣ, находящіяся одно отъ другаго въ разстояніи $1\frac{3}{4}$ арш., опредѣляютъ собою ширину одной изъ дверей алтарной нашей преграды. На капителяхъ и карнизахъ высѣчены равноконечные кресты, а на колоннахъ остаются слѣды нарисованныхъ виноградныхъ вѣтвей, вившихся вокругъ колонны.

При такомъ устройствѣ алтарной преграды для предстоящихъ въ нашей св. Софіи совершенно открытыми были всѣ мозаическія изображенія на восточной стѣнѣ, окружающей главный престолъ, и все священнодѣйствіе алтаря. Кромѣ преграды, могла быть въ св. Софіи, надъ престоломъ, небольшая сѣнь съ завѣсами,—но могла она и не быть; въ послѣднемъ случаѣ алтарная завѣса, конечно, простиралась во всю широту алтарной арки, будучи приврѣплена на желѣзномъ прутѣ къ столбамъ преграды или къ переднимъ пилонамъ главной арки. Такой длины желѣзный прутъ дѣйствительно найденъ подъ поломъ противъ главнаго алтаря, при послѣднемъ обновленіи храма.

Кромѣ мозаическихъ и фресковыхъ изображеній по стѣнамъ и деисуса, какъ въ древнихъ восточныхъ храмахъ, такъ и въ нашемъ соборѣ были еще иконы на дскахъ. Но не составляя сплошной стѣны среди храма, они могли имѣть особыя мѣста на отдѣльныхъ тяблахъ, у стѣнъ храма, и потому назывались *мѣстными*. Такъ, по описаніямъ нашихъ паломниковъ, иконы на особыхъ мѣстахъ были и въ Софіи Цареградской. Въ путешествіи Антонія новгородскаго замѣчены здѣсь чудотворный образъ *Божіей Матери* по правую сторону, по входѣ въ главныя западныя или царскія двери, предъ которымъ молилась препод. Марія Египетская; икона св. *Григорія Нисскаго* у столба; налѣво отъ большаго алтаря три иконы съ изображеніемъ 3-хъ ангеловъ. Направо отъ алтаря икона *Бориса и Глѣба*. Въ уставѣ Константинопольскаго женскаго монастыря *καχαριστωμενης*, данномъ строительницей его, супругой императора Алексѣя Комнина, Ириной, говорится объ иконѣ Богородицы на налоѣ, объ иконѣ дня и праздника на налоѣ (на поклонѣ). Древняя наша лѣтопись, передавая о созданіи каменныхъ церквей, не разъ упоминаетъ объ украшеніи ихъ „иконы честны и многоцѣнны“. Изъ Печерскаго Патерика также извѣстно о мѣстной иконѣ „чюдныя Богородицы“ въ великой церкви Печерскаго монастыря и о 5-ти намѣстныхъ иконахъ другой церкви Кіева, которыя писалъ преподобный Алипій.

Въ числѣ различныхъ пожертвованій князя Владиміра Васильевича въ Ипатьевской лѣтописи упоминаются: икона Богородицы въ церкви св. Дмитрія; св. Спаса и Богородицы—въ Богородичной церкви во Владимірѣ Волинскомъ; иконы окованыя серебромъ,

въ Любомльской Георгіевской церкви, ¹⁾ въ томъ числѣ иконы намѣстныя св. Георгія и Богородицы, списанныя на золотѣ. Княземъ Данииломъ Романовичемъ пожертвованы въ Златоустовскую церковь въ Холмѣ иконы: Спаса и Богородицы, данныя ему сестрою Теодорою изъ кіевскаго Теодоровскаго монастыря, Стрѣтеня Господня и Михаила, взятыя изъ Овруча ²⁾. Изъ иконъ кіевской Софіи упомянуты въ лѣтописяхъ только три: Чуднаго Спаса и Богородицы, на поклоненіе которымъ спѣшили князья по прибытіи въ Кіевъ,—и св. Николая ³⁾.

11.

Когда снята мраморная алтарная преграда въ св. Софіи кіевской и когда замѣнена предалтарнымъ деревяннымъ иконостасомъ?

Разрѣшеніе этого вопроса состоитъ въ тѣсной связи съ отвѣтомъ на вопросъ, когда и какъ вошли въ употребленіе сплошные иконостасы, замѣнившіе собою древнюю алтарную преграду.

Желаніе помѣщать иконы на алтарныхъ преградахъ явилось, безъ сомнѣнія, очень рано. По мѣрѣ умноженія иконъ на предалтарной преградѣ естественно было ей постепенно измѣняться въ сплошную стѣну; потомъ явилась потребность размѣстить эти иконы въ извѣстномъ порядкѣ, а порядокъ этотъ уже былъ указанъ въ алтарной стѣнной живописи древнихъ русскихъ храмовъ. За устройство такихъ предалтарныхъ иконостасовъ у насъ въ Россіи стали приниматься тѣмъ охотнѣе, что художники фресковой стѣнной живописи по свѣжей штукатуркѣ уже не появлялись въ Россіи, а масляная живопись легко портилась въ церквахъ каменныхъ и не была прочной на брускахъ деревянныхъ церквей; къ сему, конечно, присоединилось и желаніе народа видѣть иконы на разстояніи болѣе близкомъ отъ себя, чѣмъ алтарное полузружіе. Но тѣмъ не менѣе сплошные иконостасы не скоро явились и не вдругъ распространились по Россіи.

Начало формальному ихъ устройству положено въ в. Новгородѣ митрополитомъ Макаріемъ въ началѣ XVI вѣка. „Сей боголюбивый пастырь повелѣ (1528 г.) иконы во святой Софіи поставить по чину: самую чудную икону святыю Софію выше воздвигъ, и Цареградскіе иконы, Всемилостивой Спасъ нашъ Господь Иисусъ Христосъ стоящъ, отъ злата и сребра велми чудно устроеніе, и святіи апостоли Петръ и Павелъ такоже стоящи, отъ сребра и злата чудно устроены; и сіи чудные иконы противу своего святительскаго

¹⁾ Лѣтоп. по Ипат. сп., стр. 609 и 610.

²⁾ Ibid., стр. 559.

³⁾ Новг. III лѣт. стр. 213 и рукоп. повѣсть о Николодвор. образѣ.

мѣста постави и пелены отъ паволокъ устрои, чюдно и лѣпо видѣти, и прочая иконы по чину повелѣ поставити и повелѣ устроити двери сугубѣ первыхъ въ высоту и широту ¹⁾, преже наченъ отъ божественныхъ иконъ писанія на вивотѣ, еже надъ дверьми, и на самыхъ дверехъ и на столпцѣхъ, числомъ иконнаго поклоненія святыхъ яко 66; также повелѣ хитрецемъ древное угодное различнымъ начертаніемъ устроити съ мудрыми подзоры и украшати златомъ и серебромъ листовнымъ, еже есть сусанъ ²⁾. Вотъ сформированіе полнаго иконостаса. Въ настоящее время новгородскій Софійскій иконостасъ состоитъ изъ 5-ти ярусовъ или рядовъ иконъ: въ 1-мъ поясѣ, нижнемъ, иконы намѣстныя; во 2-мъ, надъ царскими вратами, деисусъ, по сторонамъ его 2 херувима и 12 апостоловъ; въ 3-мъ ярусѣ—праздники; въ 4-мъ—пророки; въ 5-мъ св. цари израильскіе и херувимы. Верхній ярусъ оканчивается горизонтальною линіей и не простирается вверхъ до восточной алтарной арки, такъ что иконостасъ имѣетъ въ высоту только 11¹/₂ аршинъ. У царскихъ дверей столпцы, съ изображеніями на одномъ изъ нихъ Спасителя, а на другомъ Божіей Матери.

Г. Филимоновъ полагаетъ, что нижній рядъ иконъ явился первый и въ числѣ иконъ этого ряда едва ли не первыми были иконы Спасителя и Божіей Матери, которыя заняли мѣсто отъ столбовъ алтарныхъ до царскихъ дверей ³⁾. Напротивъ, я думаю, что нижній рядъ иконъ, нынѣ извѣстныхъ подъ именемъ намѣстныхъ, явился въ иконостасѣ послѣ всѣхъ прочихъ рядовъ, и послѣдними иконами въ этомъ ряду были иконы Спасителя и Божіей Матери, помѣщавшіяся прежде на столпцахъ выше царскихъ вратъ, такъ что онѣ не закрывали собою ни алтаря, ни священнодѣйствія въ олтарѣ.

Доказательства на это слѣдующія.

а) Приложенные къ изслѣдованію г. Филимонова рисунки древнихъ алтарныхъ преградъ въ церкви на вершинѣ Казбека и въ Старой Шуамтѣ (VIII в.). Изъ рисунковъ этихъ видно, что иконы Спасителя и Божіей Матери имѣли свои опредѣленные мѣста на столбахъ выше царскихъ дверей ⁴⁾.

б) Старинныя описи большихъ и малыхъ новгородскихъ церквей: Спасопреображенской (XII вѣка), препод. Варлаама (XIV в.), Григорія великія Арменіи (XV вѣка), св. пророка Іліи и другихъ ⁵⁾. Въ этихъ описяхъ XVII вѣка значится: „на столпцехъ царскихъ дверей вверху Спасъ да Богородица“; въ спискѣ мѣстныхъ иконъ иконы эти не повторяются.

¹⁾ И эти царскія двери, гораздо большія древнихъ, въ высоту 2 аршина 9 верш., а въ ширину 1¹/₂ аршина.

²⁾ Полное собр. лѣт. Т. III, стр. 28.

³⁾ См. изслѣдованіе объ иконостасѣ, стр. 34.

⁴⁾ См. табл. XIII и XI.

⁵⁾ Археологическое описаніе древностей Новгорода. Макарія. Часть 2-я, стр. 45—49.

в) Въ извѣстїи о переформированїи новгородскаго иконостаса архіепископомъ Макарїемъ въ частности, какъ о нѣкоей особенноти, говорится о поставленїи только иконъ св. Софіи, Всемиловитаго Спаса и апостоловъ Петра и Павла противъ святительскаго мѣста въ нижнемъ поясѣ, гдѣ онѣ и теперь стоятъ. Слѣдовательно и эти иконы до того времени стояли на другихъ мѣстахъ, а не въ нижнемъ ряду, и промежутки между столпцами нижняго пояса не были еще закрыты дсками иконъ.

г) По описямъ XVII вѣка въ нижнемъ ряду иконъ, по правую и лѣвую сторону отъ царскихъ вратъ, рѣдко еще значатся иконы Спасителя и Божіей Матери; большею частію упоминаются иконы мѣстныхъ праздниковъ и особенно чтимыхъ святыхъ, напри- мѣръ въ церкви *Иліи пророка*—первая икона въ кіотѣ—огненное восхожденіе Іліи на небо въ чудесѣхъ; въ церкви препод. *Онуфрія*, по правую сторону царскихъ дверей, значится мѣстный образъ Онуфрія Великаго да Петра Аѳонскаго, по лѣвую сторону, образъ Пречистые Богородицы Одигитріи; въ церкви *Срѣтенія Господня*, по правую сторону царскихъ дверей, первый образъ Срѣтенія Господня; въ церкви *Іоанна Спсателя мѣстоуцы*, по правую сторону, мѣстный образъ Іоанна Лѣствичника на золотѣ и проч.

д) Во всѣхъ этихъ описяхъ двери царскія, столпцы и сѣни описываются особою такъ сказать статью, какъ что-то отдѣльное отъ иконъ, и часто безъ упоминанїя о дверяхъ сѣверныхъ и южныхъ.

е) Изъ писцовыхъ книгъ 1627—1629 г. видно ¹⁾, что 1) въ бѣднѣйшихъ сельскихъ

¹⁾ Именно въ описи церквей и монастырей Ярославской епархіи, по писцовымъ книгамъ 1627—1629 года, значится такъ: „Село *Никольское*: въ церкви образы и книги и свѣчи. Село *Полтево*: въ церкви образы мѣстные, и деисусъ, и свѣчи поставныя. Село *Медячино*: въ церкви образы мѣстные, и деисусъ, и двери царскія, и свѣчи поставныя (Ярослав. еп. вѣд. 1873 г., №№ 38 и 39). Село *Говшинское* на р. Сонгебѣ: церковь нерукотвореннаго образа съ двумя придѣлами, а въ церквахъ образы мѣстные и деисусъ, и праздники, и пророки, и праотцы, и книги (*Ibidem*, № 41). Въ описи *Томскаго* монастыря, послѣ описанїя 13 образовъ, обложенныхъ серебромъ, сказано: „да на тѣлѣ 50 образовъ, пятницъ два образа, деисусъ съ праздники и съ пророки на 36 дскахъ на золотѣ, да образъ отечество на золотѣ, двери царскія, столпцы и сѣни рѣзныя, позолочены. Да въ придѣлѣ престолъ *Николая Чудотворца*, въ немъ образъ его обложенъ серебромъ сканью, вѣнецъ и гривна рѣзные, деисусъ на краскѣ съ праздники и пророки на 15 дскахъ, двери царскія, и столпцы, и сѣни на краскѣ. Да въ другомъ придѣлѣ *Дмитрія Солунскаго*—образъ мѣстный великомученика обложенъ серебромъ, деисусъ съ праздники и пророки на 15 дскахъ, двери царскія, столпцы и сѣни на краскѣ. Да въ монастырѣ церковь теплая Воздвиженія, а въ церкви образъ мѣстной Воздвиженіе, образъ мѣстной Живоначальной Троицы, образъ Пречистой Богородицы, деисусъ на семи дскахъ, всѣ на краскѣ, двери царскія, и столпцы, и сѣни рѣзныя позолочены, да деисусъ вверху на 10 дскахъ, да въ алтарѣ образъ Пречистыя Богородицы на краскѣ (*Ibidem*, № 40). Монастырь *Вознесенскій* на Обнорѣ—

церквахъ Ярославской епархіи, въ началѣ XVI вѣка, не было еще ни царскихъ вратъ, ни деисуса надъ ихъ столпцами или триморфія, ни верхнихъ рядовъ иконостаса, а были только иконы на алтарной и другихъ стѣнахъ.

2) Въ другихъ, болѣе достаточныхъ, сельскихъ же церквахъ, кромѣ иконъ на стѣнахъ или при стѣнахъ и простой преграды, отдѣлявшей алтарь отъ нефа церкви, былъ деисусъ съ столпцами и царскими дверьми; а въ иныхъ деисусъ дополнялся еще верхними тяблами съ праздниками, прототцами и пророками.

3) Въ нѣкоторыхъ церквахъ у преграды алтарной, при стѣнѣ, ставился въ киотѣ одинъ образъ храмовой, а иногда съ противоположной стѣны также въ киотѣ, или у конца самой преграды, обокъ сѣверной двери, ставился другой и третій образа наиболѣе чтимыхъ праздниковъ или святыхъ. Но алтарь продолжалъ оставаться открытымъ для предстоящихъ, закрываясь только въ опредѣленные времена завѣсой, и иконы Спасителя благословляющаго, Божіей Матери и Иоанна Предтечи все еще оставались надъ царскими вратами въ видѣ триморфія.

4) Въ кievской епархіи (въ с. Волчинцѣ и Сигнаевкѣ, бердичевского уѣзда) можно видѣть и теперь старинные иконостасы, въ которыхъ сѣверныя и южныя двери отдѣляются отъ царскихъ дверей только колоннами или пилястрами, а мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери находятся вверху пилястръ, имѣя посреди себя образъ Тайной вечери ¹⁾.

Иконостасы эти сооружены въ концѣ прошлаго столѣтія во Львовѣ; подобные имъ встрѣчаются въ униатскихъ церквахъ Галиціи. Сходство ихъ съ древними алтарными преградами церквей VIII вѣка дальней отъ насъ Грузіи отклоняетъ всякій поводъ думать, будто таковая форма образовалась въ Галиціи подъ вліяніемъ католичества.

Желаніе оказать большее чествованіе иконамъ Спасителя и Божіей Матери и такъ сказать уравнить ихъ въ этомъ отношеніи съ иконой храмовой, стоящей въ нижнемъ ярусѣ, было достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы изготавить деисусъ въ большемъ размѣрѣ и помѣстить икону Спасителя по одну сторону царскихъ вратъ, а икону Божіей Матери по другую, между царскими, сѣверными и южными дверьми алтарной преграды; 3-ю же икону деисуса — образъ св. Иоанна Предтечи поставить, въ соотвѣтствіе храмовой иконѣ, влѣво отъ сѣверной двери. Здѣсь и объясненіе того, почему икона св. Иоанна Предтечи находится въ числѣ намѣстныхъ иконъ большей части нашихъ ста-

Церковь Вознесенія, а въ церкви образъ мѣстный Вознесенія Христова, образъ Пречистыя Богородицы, двери царскія, столпцы и сѣни, и деисусъ на празелени. Да другая церковь теплая Введенія, а въ ней образъ мѣстный Введенія Пречистыя Богородицы, да образъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба въ киотѣ, а на другихъ дскахъ преподобнаго Михаила Маленина, да св. мученика Θεодора иже въ Пергѣи, да въ томъ же тепломъ храмѣ деисусъ въ краскѣ, а въ немъ 7 образовъ“ (Яросл. еп. вѣд. 1873 г., № 43).

¹⁾ Рисунки ихъ при семъ прилагаются.

ринныхъ иконостасовъ, особенно въ повгородскихъ церквахъ. Воспроизведеніе малаго древняго деисуса въ нѣсколько измѣненномъ видѣ представляетъ пылѣ, вѣнчающее 5-ти ярусный иконостасъ, распятіе съ предстоящими Божіей Матерью и Іонномъ Предтечей на отдѣльныхъ вырѣзныхъ доскахъ. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ иконостасахъ все еще малые деисусы помѣщаются на своемъ прежнемъ мѣстѣ, надъ царскими дверьми, повторяя собою три иконы нижняго ряда; по большей же части ихъ мѣсто здѣсь занимаютъ Тайная вечеря, въ древности писавшаяся альфреско на запрестольной стѣнѣ, или нерукотворенный образъ на убрусѣ.

Время появленія предолтарныхъ иконостасовъ въ сѣверовосточной Россіи облегчаетъ разрѣшеніе вопроса о томъ, когда въ Софійскомъ соборѣ снята древняя мраморная предолтарная преграда и замѣнена рѣзнымъ по дереву иконостасомъ.

Хотя образованіе иконостасовъ въ видѣ сплошной поперечной стѣны относится къ началу XVI вѣка, но при всеобщемъ запустѣніи Кіева въ этотъ вѣкъ и безлюдьи Софійской слободы, когда зданіе св. Софіи долго стояло даже безъ кровли, некому было заботиться о его внутреннемъ украшеніи; еще меньше можно подозрѣвать въ этомъ уніатовъ, владѣвшихъ соборомъ въ теченіе 37 лѣтъ и приведшихъ его въ крайнее разореніе. Скорѣе можно бы предполагать, что они-то и сломали мраморъ алтарной преграды, чтобы воспользоваться дорогимъ матеріаломъ, подобно тому какъ около того же времени одинъ ляхъ выламывалъ плиты изъ Кирилловской церкви XIII вѣка для настилки пола въ своей банѣ.

Засталъ ли здѣсь Петръ Могила мраморную алтарную преграду; онъ ли ее сломалъ или до него сломали уніаты, — рѣшить это трудно по неимѣнію данныхъ; но то вѣрно, что до 1633 года, т. е. до отобранія собора отъ уніатовъ, иконостаса предолтарнаго не было здѣсь, ибо иначе Петръ Могила не сказалъ бы въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, что онъ взялъ св. Софію отъ уніатовъ „ни иконъ, ни внутренняго, ни внѣшняго украшенія не имущу“. Вѣрно также и то, что сооруженіе въ св. Софіи перваго рѣзнаго по дереву золоченаго иконостаса принадлежитъ ему—Петру Могилѣ.

Свидѣтельство объ этомъ находится въ письмахъ Петра Могилы къ царю Михаилу Федоровичу. Въ одномъ изъ нихъ (1640 г.) онъ проситъ у царя дозволенія всякій годъ прѣзжать въ Москву „для вымѣна св. иконъ и покупки вещей, нужныхъ къ подѣлкѣ и письму святыхъ церковей святое Соѣе и Печерскіе лавры и Выдубѣцкаго монастыря“¹⁾. Въ другомъ (1644 г.) извѣщаетъ, что сусальникъ Іоакимъ Евтихіевъ, мастеръ московскій, присланный по его царскому велѣнію и просьбѣ Петра Могилы, „преславно иконы во храмѣ св. Соѣи украси, во еже всѣмъ дивитися преславному сицевому дѣлу“; и что „мастеръ сей, удержанный здѣ на время, нужды ради совершенія великаго иконнаго дѣла,

¹⁾ Акты Ю. Зап. Россіи, т. III, № 38.

нынѣ къ царскому величеству здравъ съ миромъ отпущень“¹⁾. А въ сказкѣ своей, данной Путинскому воеводѣ, сусальникъ Евтихievъ показалъ, что онъ сдѣлалъ митрополиту Петру Могилѣ листового золота съ 10,000 листовъ²⁾. Сему-то господину Евтихievу съ киръ митрополитомъ Петромъ Могилою и принадлежитъ сооруженіе перваго предалтарнаго иконостаса въ св. Софіи кievской, который дѣйствительно есть *великое иконное дѣло*. По нынѣшней иконостасъ главнаго алтаря не Могилинскій; онъ устроенъ, какъ извѣстно, при митр. Рафаилѣ Заборовскомъ (1731—1747 г.). Сохранились впрочемъ и Могилинскіе иконостасы въ придѣлахъ: Архангеломихайловскомъ, Антонооесодосіевскомъ, Георгіевскомъ и Владимірскомъ; Николаевскомъ и Андреевскомъ. Иконостасъ Апостольскаго придѣла, упоминаемаго еще архидіакономъ Павломъ, близко подходящій по архитектурѣ къ Могилинскимъ иконостасамъ, устроенъ, вѣроятно, если не при самомъ Могилѣ, то при его преемникѣ Сильвестрѣ Коссовѣ. Иконостасы придѣловъ: Стрѣтенскаго, Божоявленскаго, Страстнаго, Вознесенскаго и Преображенскаго, устроенныхъ послѣ надстройки новыхъ, верхнихъ галлерей на нижнихъ папертяхъ, относятся ко времени митрополита Варлаама Явненскаго (1690 — 1707 г.). Иконостасъ Успенскаго придѣла не раньше 2-й половины XVIII в. Иконостасъ Предтечевскій устроенъ въ 1853 г. при послѣднемъ обновленіи собора.

12.

О гробницахъ въ св. Софіи кievской.

Въ Кіевософійскомъ соборѣ, какъ упомянуто выше, погребены изъ древнихъ нашихъ князей: в. кн. Ярославъ Владиміровичъ, Всеволодъ Ярославичъ и Владиміръ Мономахъ; князья Ростиславъ Всеволодовичъ и Вячеславъ Владиміровичъ. Но въ соборѣ имѣются только двѣ княжескія гробницы; обѣ онѣ бѣловатаго мрамора съ рѣзными изображеніями, обличающими несомнѣнную ихъ древность и принадлежность XI вѣку. Одна изъ этихъ гробницъ, извѣстная подъ именемъ гробницы в. кн. Ярослава Владиміровича, находится нынѣ въ Владимірскомъ алтарѣ собора, будучи до половины вдвинута въ южную его стѣну, отдѣляющую Владимірскій алтарь отъ Георгіевскаго. Дверь въ этой стѣнѣ задѣлана, такъ какъ гробница преградила ее. Гробница состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ кусковъ мрамора такого же цвѣта, какъ колонны у западныхъ входныхъ дверей и прочіе остатки древней алтарной преграды. Нижняя часть представляетъ 4-хъ стороннюю призму, а верхняя—3-хъ стороннюю. Это не надгробіе, а самый гробъ, саркофагъ. Ширина его 1 арш. 4 верш., длина 3 арш. 6 верш., высота съ крышкой 2 аршина, безъ крышки

¹⁾ Акты Ю. Зап. Россіи, т. III, № 60.

²⁾ Ibid. № 62.

— 14 1/2 вершковъ. Щель между крышкой и нижней частью гробницы замазана тщательно со всѣхъ сторонъ растворомъ мѣла на маслѣ ¹⁾. Что сохранилось въ самой гробницѣ, неизвѣстно нынѣ, равно какъ неизвѣстно и то, была ли она когда вскрываема.

Г. Закревскій сомнѣвается въ принадлежности этой гробницы в. кн. Ярославу Владиміровичу потому, что на ней нѣтъ о семь надписи, а крышка на 1 вершокъ длиннѣе нижней части. Последнее обстоятельство даетъ ему поводъ думать, будто гробница эта составлена изъ кусковъ двухъ разныхъ гробницъ ²⁾. Митрополитъ Евгеній нисколько не сомнѣвался, что это гробница Ярослава, создателя св. Софіи, полагаетъ только, что первоначально она не стояла на этомъ мѣстѣ.

Но принадлежность этой гробницы сыну св. Владиміра, в. кн. Ярославу, не можетъ подлежать сомнѣнію; она подтверждается во 1-хъ свидѣтельствомъ древней нашей лѣтописи, въ которой сказано, что русскій князь Ярославъ положенъ *въ рацѣ мроморянѣ, въ церкви святый Софья* ³⁾; во 2-хъ преданіемъ, которое всегда приписывало ее одному только в. кн. Ярославу, создателю Софійскаго храма, а никому другому изъ князей, какъ видно изъ хроникъ и записокъ путешественниковъ XVI и XVII вѣка. Вѣрить этому нисколько не должно препятствовать отсутствію надписи на гробницѣ, такъ какъ надписи съ означеніемъ имени усопшаго нѣтъ ни на одной изъ древнихъ гробницъ. Необыкновенная ширина гробницы заставляеть предполагать, что съ Ярославомъ Владиміровичемъ, въ его гробницѣ, положенъ еще кто нибудь изъ его дѣтей или внуковъ, и всего ближе сынъ его в. кн. Всеволодъ Ярославичъ, которому отецъ говорилъ еще при жизни своей: *егда Богъ отведетъ тя отъ житія твоего, то ты ляжеши, идеже азъ, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоея* ⁴⁾.

Согласно мнѣнію митрополита Евгенія, и мы полагаемъ, что гробница Ярослава первоначально не стояла на нынѣшнемъ мѣстѣ, въ Владимірскомъ алтарѣ. Основанія сему слѣдующія. Древняя греческая церковь допускала гробы умершихъ поставлять только въ притворахъ или папертяхъ церквей, но не внутри самыхъ церквей; почему въ папертяхъ стояли гробницы Константина Великаго, Констанція, Юстиніана, Тиверія и другихъ греческихъ императоровъ. Гробницы св. князя Владиміра Ярославича и матери его

¹⁾ Ипатьевская лѣтопись сохранила намъ извѣстіе о замазаніи одного княжескаго гроба. Владиміро-Галицкій князь Владиміръ Васильковичъ преставися 10 декабря 1289 г., „положиша тѣло его во отни гробѣ 11 декабря, и лежа во гробѣ тѣло его не замазано отъ 11 дне мѣсяца декабря до 6 дне мѣсяца апрѣля“. (Лѣт. по Ипат. сп., стр. 608).

²⁾ Описаніе Кіева. Закревскаго. Т. II, стр. 819.

³⁾ Лѣтоп. по Ипат. сп., стр. 114.

⁴⁾ Лѣтоп. по Ипат. сп., стр. 151.

Анны, супруги в. кн. Ярослава Владиміровича, первоначально, до 1654 г., стояли въ западной или Корсунской паперти новгородскаго Софійскаго собора ¹⁾, а не внутри его; новгородскіе князья Мстиславъ Ростиславичъ и Василій Мстиславичъ погребены въ южной или въ такъ называемой Мартиріевой паперти того же собора. Въ папертяхъ же сего собора, а не въ самомъ соборѣ, погребены и святители новгородскіе. Въ Кіевомихайловскомъ монастырѣ гробницы в. князя Святополка и его супруги также въ паперти западной соборнаго храма св. Михаила. Въ паперти собора (южной), а не внутри собора, погребены и въ Кіевософійскомъ соборѣ кіевскіе митрополиты какъ древняго, такъ и новаго времени. Слѣдовательно поставленіе гробницы Ярослава въ алтарной части св. Софійи было бы не въ обычаѣ древняго періода русской церкви.

По свидѣтельству Стрыйковскаго, гробница Ярослава въ XVI вѣкѣ стояла не во Владимірскомъ, а въ Георгіевскомъ придѣлѣ. Тоже повторилъ и Гизель въ Синописиѣ. Захарія Копыстенскій въ своей Палинодіи 1621 года говоритъ, что Ярославъ *погребенъ выше дверей великой церкви*, т. е. недалеко отъ западныхъ дверей главнаго входа въ церковь, слѣдовательно не въ алтарной части. Изъ этихъ свидѣтельствъ трехъ лицъ, изъ которыхъ два очевидца, выходитъ, что гробница великаго князя Ярослава до времени Петра Могилы стояла въ западной части Георгіевскаго придѣла, не далеко отъ входныхъ дверей, а оттуда въ половинѣ XVII вѣка передвинута въ устроенный Могилой алтарь во имя св. Владиміра и по тѣснотѣ мѣста, для удобства священнодѣйствія въ семь придѣлѣ, вдвинута въ южную его стѣну, вырубленную для сего до половины. Тогда же закладена и дверь, которою Владимірскій придѣлъ соединялся съ Георгіевскимъ.

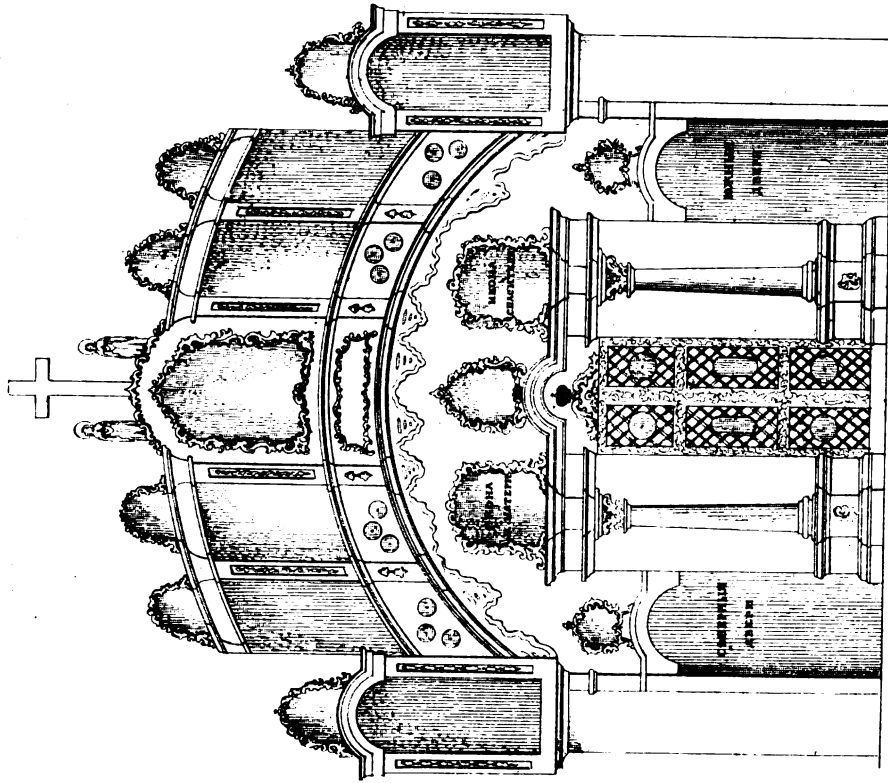
Нѣтъ нужды опровергать предположеніе г. Закревскаго, будто гробница Ярослава составлена изъ частей двухъ гробницъ. Бся его догадка держится на томъ, что верхняя часть или крышка гробницы меньше нижней ея части на вершокъ; но, осмотрѣвъ нарочито и тщательно гробницу эту, мы нашли показаніе его положительно невѣрнымъ: крышка и нижняя часть гробницы широты совершенно одинаковой; въ длину также онѣ равны, кромѣ того, что съ западной стороны, при соединеніи крышки съ нижнею ея частию, на краинѣ крышки выдается нѣчто въ родѣ канта. Сходство рѣзбы на крышкѣ и нижней части гробницы и одинаковость ихъ матеріала отклоняютъ всякое сомнѣніе въ невѣрности вывода, сдѣланнаго г. Закревскимъ.

Кто погребенъ былъ въ другой мраморной гробницѣ, — остается неизвѣстнымъ, такъ какъ она найдена пустою внутри, подъ пьедесталомъ раки священномученика Макарія, находившейся прежде параллельно правому клиросу у южной стѣны Михайловскаго придѣла. Но форма гробницы и высѣченныхъ на ней крестовъ, совершенно сходныхъ съ крестами на одной изъ плитъ верхней галлерей, увѣряютъ въ ея древности.

¹⁾ Новг. лѣт. I, II и III подъ 6560 годомъ.

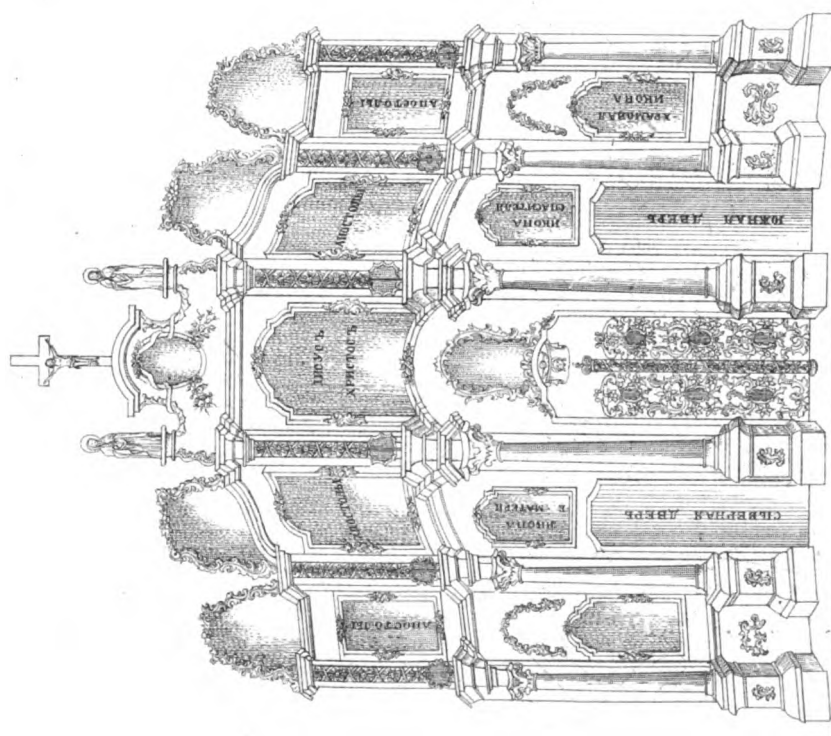
Грустно думать, что можетъ быть это гробница великаго князя Владиміра Мономаха, взломанная монголами, и что можетъ быть они выкинули его кости. Ляссота, посѣтившій Кіевъ въ 1594 году, до захвата его уніатами, видѣлъ въ святой Софіи, кромѣ гробницы Ярославовой, еще четыре гробницы: 1) внутри церкви гробницу княгини Юльцы и желѣзный гробъ царской дочери; 2) въ притворѣ, пристроенномъ спаружи, полуразрушенную гробницу Или Моровлянина, славнаго богатыря, и еще цѣлый гробъ его товарища. Ни таковыхъ гробницъ, ни ихъ остатковъ нѣтъ нынѣ въ соборѣ. Не сохранилась и память ни о нихъ, ни о томъ мѣстѣ внѣ церкви, гдѣ Ляссотѣ указывали могилу художниковъ, строившихъ св. Софію.

Оканчиваю свое изслѣдованіе о св. Софіи кіевской сожалѣніемъ, что недостатокъ мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ, большею частію истребленныхъ огнемъ, препятствуетъ болѣе освѣтить многовѣковое прошедшее этого древнѣйшаго нашего храма, и позволю себѣ надѣяться, что представители исторической науки на кіевскомъ археологическомъ Съѣздѣ, благосклонно выслушавъ мои соображенія, провѣрятъ ихъ на мѣстѣ и укажутъ мнѣ мои погрѣшности.

ИКОНОСТАСЬ
 въ с. Воломницѣ, Бердичевск. уѣзда, сооруженный въ концѣ
 18 вѣка въ г. Львовѣ.

Ширина 8 арш. и 3/4
 Высота 16 арш. и 3/4

ИКОНОСТАСЬ
 Свято-Николаевской церкви, Киевск. епархіи
 Бердичевск. уѣзда, устроенный въ концѣ 18 вѣка въ г. Львовѣ.

Ширина 8 арш. и 3/4
 Высота 16 арш. и 3/4

СВ. СОФІЯ ЦАРЬГРАДСКАЯ

ПО ОПИСАНІЮ РУССКАГО ПАЛОМНИКА КОНЦА XII ВѢКА.

Рефератъ академика **И. И. Срезневскаго.**

Предполагаю сообщить кое-что изъ того, что мною собрано для объясненія одного изъ очень древнихъ и замѣчательныхъ памятниковъ русской письменности. Памятникъ этотъ теперь уже всѣмъ доступенъ, весь вполне изданъ и изданъ прекрасно; тѣмъ не менѣе съ его правильнымъ прочтеніемъ и объясненіемъ еще многимъ и многимъ изслѣдователямъ надобно будетъ прилежно потрудиться. Я говорю про путешествіе въ Царьградъ новгородца Добрыни Андрейковича, сдѣланнаго послѣ архіепископомъ новгородскимъ подъ именемъ Антонія, — про его описаніе святыни Царьградской. Изданіе этого памятника приготовлено П. И. Савваитовымъ по единственно - полному, Сахаровскому списку XV столѣтія. Изданіе это приготовлено чрезвычайно тщательно съ очень разнообразными примѣчаніями и вполне удовлетворитъ всякаго, кто пожелаетъ получить подробныя свѣдѣнія о произведеніи Антонія по означенному списку. П. И. Савваитовъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Не все могъ онъ сдѣлать — болѣе всего потому, что долженъ былъ довольствоваться однимъ спискомъ, хотя и важнымъ по полнотѣ, но очень неудовлетворительнымъ въ отношеніи правильности передачи драгоценнаго подлинника. Дѣло, имъ предпринятое, было бы имъ, конечно, лучше исполнено, еслибы онъ имѣлъ подъ рукою хоть еще одинъ списокъ; но ни онъ, ни кто другой не знаетъ, что другой списокъ произведенія архіепископа Антонія существуетъ. Задолго еще до того времени, какъ вышло это изданіе, мнѣ случилось найти описаніе Софіи Царьградской въ одномъ изъ сборниковъ, хранящихся въ копенгагенской библіотекѣ. По заглавію этого отрывка ничего нельзя было заключить объ имени писателя; заглавіе это слѣдующее: „Сказаніе о святыхъ мѣстѣхъ и чудотворныхъ иконахъ и иныхъ чудныхъ вещехъ, иже суть въ

Царѣградѣ были во святѣи Софѣи до взятія безбожныхъ Латынь, написано бысть на вѣдѣніе и на удивленіе всѣмъ христіаномъ“. Начинается это сказаніе слѣдующими словами: „Божіимъ милосердіемъ и помощію св. Софѣя. иже глаголется премудрость присно сущее слово Божіе. доидохомъ царственаго града всѣ здорово, и воидохомъ въ великую соборную и апостольскую церковь“ и пр.

Кто былъ сочинителемъ этого сказанія—по всему его ходу не видно; а такъ какъ полное сказаніе Антонія мнѣ было неизвѣстно не только вполне по содержанию, но даже и въ отрывкахъ, то я не могъ и предполагать, что это сказаніе написано Антоніемъ. Я искалъ только по разнымъ рукописямъ чего-либо подобнаго сказанію, и ничего не находилъ, пока не вышло изданіе Савваитова. Тогда только стало для меня яснымъ, что это сказаніе о Софійскомъ Царьградскомъ храмѣ и паломникъ Антонія, изданный П. И. Савваитовымъ, одно и то же съ тою только разницею, что въ спискѣ П. И. Савваитова заключается полное описаніе Царьграда, а въ копенгагенскомъ сборникѣ помѣщено описаніе одной только Софійской церкви — и то даже не все въ полномъ видѣ. Находя въ этомъ второмъ спискѣ разницу въ нѣкоторыхъ самыхъ существенныхъ чертахъ я счелъ своею обязанностью вникнуть въ ихъ относительную цѣнность, и для этого обратиться къ тѣмъ источникамъ, которые должны быть употреблены для объясненія сказанія, всмотрѣться на сколько можно болѣе въ средневѣковые памятники западные и восточные.

Случайно пришлось мнѣ обратить вниманіе между прочимъ и на такіе памятники, которыхъ комментаторы сказаній о Царьградѣ не касались частію отъ того, что въ то время, когда они занимались древностями Византіи, эти памятники были еще не изданы, а частію отъ того, что хотя нѣкоторые изъ тѣхъ памятниковъ и были извѣстны, но какъ-то не попадались подъ руки тѣмъ, кому были бы нужны.

Неизвѣстность и относительная важность копенгагенскаго списка древняго русскаго сказанія о Царьградской Софіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность объяснить кое-что въ этомъ сказаніи посредствомъ нетронутыхъ для этой цѣли источниковъ, даютъ мнѣ смѣлость обратить вниманіе достопочтенныхъ сочленовъ на упомянутый памятникъ древней русскаго письменности.

Прежде нежели представлю вамъ нѣкоторыя мѣста копенгагенскаго списка сказанія о Царьградской Софіи и нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ и менѣе извѣстныхъ сказаній о Софіи Царьградской, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ храмѣ св. Софіи Царьградской, тѣмъ болѣе, что въ одномъ изъ предъидущихъ засѣданій было заявлено мнѣніе, будто бы наша кіевская Софія была построена по образцу Софіи Царьградской. Тогда я заявилъ вообще, что нѣтъ никакого сходства и не могло быть сходства между Царьградской Софіей и кіевской, за исключеніемъ общаго плана постройки восточныхъ православныхъ церквей на основаніи креста, т. е. на основаніи четырехъ главныхъ устоевъ, на которыхъ воздвигнуть куполь въ срединѣ храма. Даже Софія

Царьградская и въ этомъ отношеніи для того, кто посѣщаетъ ее и не подробно разсматриваетъ, представляетъ въ себѣ нѣкоторыя особенности. Царьградская Софія сдѣлалась мечетью съ того самаго времени, когда Византійская имперія перешла подъ власть Турковъ. Многое изъ прежняго въ ней пропало и даже перемѣнилось. Основа зданія, впрочемъ, остается въ томъ видѣ, въ какомъ была. Когда въ 1847 году Султанъ Абдуль-Межидъ рѣшился возобновить эту мечеть, то архитекторъ Фоссати, которому было поручено это, будучи принужденъ снять грязь и всѣ накладки, которыя не должны были оставаться при возобновленіи храма, раскрылъ въ ней все, что оставалось древняго. Это время—1847 годъ—было наиболѣе удобнымъ для разсмотрѣнія храма св. Софіи Царьградской, хотя и въ остаткахъ, но во всякомъ случаѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ храмомъ христіанскимъ.

Входимъ въ храмъ, чрезъ паперть. Паперть эта простирается въ длину на 30 сажень, а въ ширину на 5 сажень. Съ одной стороны въ продольной стѣнѣ противоположной входамъ въ средину храма, сдѣлано 5 огромныхъ оконъ съ полукружіями наверху; сквозь нихъ свѣтъ падаетъ на эту паперть и освѣщаетъ золотую мозаику, которою покрыты всѣ стѣны и своды ея; по этой мозаикѣ разсыпаны разные узоры и кое-гдѣ образа, которыхъ ббольшая часть уже погибла. Другая продольная стѣна паперти занята входами въ средину храма. Ихъ девять. Надъ главнымъ изъ нихъ, среднимъ, въ полукружіи, подобномъ тѣмъ, какія сдѣланы надъ окнами, но глухомъ, вдѣланъ со стороны паперти огромный мозаическій образъ, который представляетъ Спасителя, сидящаго на широкомъ креслѣ съ книгой, конечно, съ евангеліемъ, въ одной рукѣ и державой въ другой, и императора, падшаго предъ нимъ на землю и при паденіи облокотившагося на свои локти и поднявшаго руки съ молитвою къ Спасителю. По обѣимъ сторонамъ престола Спасителя есть еще два изображенія въ видѣ медальоновъ въ круглыхъ обводахъ: одно изъ нихъ — Божіей Матери съ нѣсколькими приподнятыми у груди руками; другое—архангела Михаила съ жезломъ въ лѣвой рукѣ.

Все это мозаическое изображеніе есть драгоцѣнное достояніе самой глубокой древности Софійскаго храма времени Юстиніана, потому что въ изображеніи императора, падшаго передъ Спасителемъ, нельзя видѣть никого, кромѣ самого Юстиніана, воздвигнушаго Софійскій храмъ. Предъ этимъ образомъ, какъ мы узнаемъ изъ древнихъ сказаній и между прочимъ изъ записокъ Константина Порфиророднаго, были совершаемы императоромъ если не постоянно, то очень часто, молебствія, прежде нежели онъ входилъ въ самую церковь. Предъ этимъ образомъ на паперти совершалась всенощная, — съ какого времени, это мы узнаемъ отъ Павла Силентіарія, писателя времени Юстиніана, который описываетъ такую службу предъ этимъ образомъ въ своей поэмѣ о Софійскомъ храмѣ.

Среднія врата, надъ которыми сдѣлано вышеописанное изображеніе, назывались

царскими, потому что ими царь входилъ въ храмъ; тѣ, которыя мы теперь называемъ царскими, прежде назывались райскими и святыми. Войдя чрезъ эти врата въ церковь, намъ представляется храмъ длиною почти въ 40 сажень, а шириною около 14, слѣдовательно открыта огромная часть храма. Верхъ этой части храма подымается съ обѣихъ концовъ длины ея къ срединѣ очень высоко, сначала на 18, потомъ на 20 и, наконецъ, слишкомъ на 25 сажень. Стоящіе у входныхъ вратъ видятъ въ верху куполь, конечно, не всѣ 40 оконъ, окружающихъ его низъ свѣтлымъ вѣнцомъ, но все-таки около 10-ти видятъ. Свѣтъ падаетъ въ храмъ не только съ купола, но и съ боковыхъ сводовъ и полусводовъ, отовсюду изъ множества оконъ.

Вотъ почему, повторяя слова Прокопія, современника Юстиніана, оставившаго краткое описаніе храма, можно сказать, что столько свѣту въ этомъ храмѣ, что какъ будто-бы свѣтъ не идетъ снаружи, а самъ тамъ родится.

Уже по одному этому можно сдѣлать заключеніе, что храмъ св. Софіи Царьградской не могъ служить образцомъ для кіевскаго собора св. Софіи, гдѣ всегда довольно темно, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ часовъ, когда падаетъ на него солнце преимущественно съ запада. Не говорю уже объ открытости средняго пространства храма, чего въ нашей Софіи также нѣтъ. Это огромное пространство отдѣлено отъ боковыхъ частей такъ, что храмъ кажется нѣсколько похожимъ на базилику. Только присмотрѣвшись внимательно къ той срединной части зданія, надъ которою поднятъ куполь, со всѣми прилегающими къ нему сводами и дугами, поймемъ, что этотъ храмъ не одна изъ тѣхъ базиликъ, которыя послужили образцами разнообразныхъ Римско-католическихъ храмовъ, а православный храмъ, только съ нѣкоторыми особенностями строя. Четыре огромныхъ устоя, какъ и во всѣхъ православныхъ храмахъ, воздвигнуты по четыремъ угламъ срединнаго квадрата храма; надъ этими огромными устоями по всѣмъ четыремъ сторонамъ высятся четыре дуги, которыя соединяются взаимно посредствомъ особаго рода частичекъ свода къ общему кругу и на этомъ общемъ кругѣ подымается куполь не такъ, какъ въ большей части православныхъ храмовъ высоко, а напротивъ того, сравнительно съ величиной храма, очень низко; затѣмъ куполь покрытъ сводною крышею, но опять не такъ, какъ обыкновенно бываетъ, т. е. въ видѣ полушарія, а очень слабо. Къ западной и восточной дугамъ, поднимающимся надъ устоями къ куполу, прилегаютъ огромные полусводы. Кромѣ четырехъ главныхъ устоевъ есть еще двѣ пары устоевъ: одна—недалеко отъ входа, а другая—недалеко отъ алтаря. Эти устои попарно сближены значительно болѣе, нежели тѣ четыре, и каждая изъ этихъ двухъ паръ приближена одна къ западу, къ входнымъ вратамъ, а другая къ востоку, къ алтарю. Каждая изъ этихъ двухъ паръ устоевъ поддерживаетъ дугу съ полусводомъ и каждый изъ нихъ съ ближайшимъ къ нему срединнымъ устоемъ также поддерживаетъ дугу съ полусводомъ. На эти дуги опускаются тѣ большіе полусводы, которые верхними своими частями примы-

каютъ къ дугамъ, поддерживающимъ купольный вѣнецъ. Около всѣхъ восьми устоевъ по полу можно провести овалъ, который въ длину будетъ въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ ширину. Между устоями съ обѣихъ сторонъ овала тянется рядъ колоннъ, соединенныхъ дугами. Эта колоннада, довольно рѣдкая внизу, потому что съ обѣихъ сторонъ только по 8 колоннъ, покрыта другимъ этажемъ колоннъ, гдѣ ихъ больше, нежели въ двое. Это двойная колоннада представляетъ храмъ какъ будто-бы похожимъ на базилику, съ тою только разницею, что въ базиликѣ нѣтъ постепеннаго подъема купола, а есть прямая крыша съ перекладинами на мѣстѣ потолка. Если мы зайдемъ за колонны и отсюда посмотримъ въ средину храма, то представляется другое. Изъ боковыхъ частей храма видно, что онъ есть крестовый храмъ, только такъ устроенный, что прикрыты только двѣ изъ боковыхъ частей: правая и лѣвая. Эти обѣ стороны, также какъ и та частичка, которая находится надъ входомъ, имѣютъ два этажа. Часть втораго этажа была издревле посвящена стоянію женъ, а другая часть—стоянію духовенства и разнымъ потребностямъ, какъ церковнымъ, такъ и не церковнымъ. Какъ средина храма, такъ и всѣ его боковыя отдѣленія въ обѣихъ этажахъ и всѣ дуги и своды покрыты мозаикой, большею частію золотой, кое-гдѣ и цвѣтной съ разными узорами и изображеніями, или мраморными и рѣзьбой.

Думаю, что сказаннаго достаточно для уразумѣнія строя зданія Софіи Царьградской и разницы между этимъ храмомъ и здѣшнимъ кievскимъ. Оставляя въ сторонѣ подробности, я отмѣчу еще только кое-что наиболѣе выдающееся. Къ этому выдающемуся можно отнести и то, что система украшенія—золото, мозаика съ узорами разнаго рода, а тамъ, гдѣ возможно, рѣзьба на камнѣ, и гдѣ возможно замѣна рѣзьбы на камнѣ рѣзьбою на кости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонкость работы доходитъ, такъ-сказать, до мелочности. Изъ древнихъ мозаическихъ изображеній очень любопытны тѣ, которымъ дано мѣсто на дугахъ двухъ главныхъ паръ устоевъ, именно по дну этихъ дугъ. Если итти съ запада на востокъ, то на первой изъ этихъ дугъ мы имѣемъ изображеніе Богородицы съ младенцемъ при груди, а съ обѣихъ сторонъ его по спускамъ дуги изображенія апостоловъ Петра и Павла. Подъ другою дугою, въ срединѣ, изображена развернутая книга на низкомъ столѣ—конечно Евангеліе и на ней крестъ, а по спускамъ дуги ливы Богородицы и Иоанна Крестителя. Особенно любопытно изображеніе Богородицы: оно такое же, какъ въ Софійскомъ храмѣ на алтарномъ полусводѣ, извѣстное у насъ подъ именемъ „нерушимой стѣны“: Богородица изображена молящеюся съ приподнятыми руками. Любопытно также изображеніе, помѣщенное подъ нимъ на самомъ устоѣ: изображеніе императора въ полномъ, богатомъ, императорскомъ уборѣ съ жемчугами и дорогими камнями, въ туникѣ съ широкимъ оплечіемъ и въ мантии на лѣвомъ плечѣ. Любопытно оно потому, что, можетъ быть, есть то самое, которое отмѣчено нашимъ паломникомъ, какъ изображеніе Льва императора. Что касается до изображенія, которое должно - бы было

быть въ Софійскомъ храмѣ на алтарномъ полусводѣ, надъ престоломъ, то о немъ сохранилось такое свѣдѣніе: была изображена здѣсь мозаикою пресвятая Богородица сидящая на престолѣ съ младенцемъ у колѣнъ и, разумѣется, съ приличными принадлежностями.

Обращаюсь къ сказанію о Софійскомъ храмѣ, сдѣланномъ нашимъ русск. паломникомъ.

„Се азъ недостойныи многогрѣшныи Антоней архіепископъ Новгородскый Божіимъ милосердіемъ и помощію св. Софеи... доидохомъ царственаго града всѣ здраво“. Такъ начинается наше сказаніе. „И внидохомъ — сказано далѣе (въ Коп. сп.) — въ великую соборную и апостольскую церковь. того же преже поклонихомся и св. гроба Господня двѣ доски цѣлавахомъ, и печати гробныя и видѣхомъ икону пресв. Богородицы держащая Христа“. Этимъ начато обозначеніе святыни, хранившейся „въ маломъ алтарѣ“. Кромѣ нѣсколькихъ иконъ и мощей, нашъ паломникъ видѣлъ тутъ „и блюдо мало мраморно, на немъ же Христосъ вечерялъ со ученики своими въ великій четвертокъ, и пелены Христовы, и дароносивыя сосуды златы иже приношаху съ дары волсви, и велико блюдо злато служебное великой княгини Ольги Руской иже дала на службу святителю егда крестися въ Царѣградѣ“. Это послѣднее упоминаніе для насъ русскихъ особенно важно, и потому на немъ стоитъ остановиться. Я привелъ его по Копенгаг. списку; въ Сахар. спискѣ вмѣсто выраженія: „иже дала на службу святителю егда крестися“, находится другое: „когда взяла дань ходивши ко Царюграду“. Не берусь отвергнуть и это второе, тѣмъ не менѣе думаю, что первое болѣе умѣстно въ припоминаніи о блюдѣ Ольги. Далѣе въ Сахар. спискѣ читаемъ: „Во блюдѣ ж Олжинѣ камень драгій, на томъ же камени написанъ Христосъ и отъ того Христа емлютъ печати людіе на все добро; у того же блюда все по верхови жемчюгомъ учинено“ и пр. Въ Копенг. спискѣ значительно иначе: „Видѣхомъ ту блюдо каменное. въ блюдѣ же томъ камень драгій, на томъ же камени изваянъ Христосъ, отъ того Христа емлютъ печать людіе на все добро, и то жъ блюдо все украшено бисеромъ драгимъ“. Самое важное отличіе двухъ чтеній заключается въ томъ, что по Сахар. списку все сказанное относится къ блюду Ольги, а по Копенг. списку къ особенному, не золотому, а каменному блюду. Пока не откроется иныхъ списковъ сказанія или какихъ-нибудь особенныхъ достовѣрныхъ показаній, утверждающихъ справедливость чтенія Сахар. списка, мнѣ кажется, слѣдуетъ остаться при чтеніи Копенгаг. списка, т. е. отдѣляя два блюда, не относить къ Ольгину блюду украшеній, отнесенныхъ въ Копенг. спискѣ къ другому, каменному блюду. Прочетши по обоимъ спискамъ замѣтку объ Ольгѣ и блюдахъ, я опустилъ любопытное вставочное мѣсто, относящееся къ слову Царѣградъ. Въ Сахар. спискѣ оно читается такъ: „Городъ малъ есть Царигради ¹⁾ на Испиганьской странѣ по странѣ Жидовъ“; въ Копенг. спискѣ:

¹⁾ Въ подлинникѣ читается: Цѣигра¹⁾. Можно читать и „Цариградъ“, какъ и прочель

„глаголетъ (въ смыслѣ: то-есть) на Испиганьской странѣ по сторонѣ палестины“. Не повторяя того, что уже отмѣчено П. И. Саввантовымъ въ прекрасномъ примѣчаніи къ этому мѣсту, отмѣтя только то, что Испиганская сторона есть мѣстность *εις πηγῆς* по ту сторону залива Золотого рога, гдѣ обитали и Евреи (почему она и названа еще Палестинскою или Жидовскою), позволю себѣ высказать догадку. Такъ какъ о Царьградѣ упомянуто въ сказаніи по случаю припоминанія о посѣщеніи Царьграда княгинею Ольгою, то сочинитель или объяснитель сказанія, въ обозначенной прибавкѣ, вѣроятно, хотѣлъ указать на мѣсто, гдѣ Ольга жила въ Царьградѣ, или же гдѣ она крестилась: то и другое возможно, потому что тамъ былъ одинъ изъ дворцовъ императорскихъ съ храмомъ. Продолжая обозначеніе святыни, хранившейся въ маломъ алтарѣ, Антоній отмѣчаетъ еще разные сосуды, а затѣмъ трубы, по которымъ проведена вода и крестъ мѣры роста Спасителя. Выведа потомъ читателя изъ малаго алтаря, онъ указываетъ на близъ стоявшее, вѣроятно изваянное изображеніе св. женъ мироносицъ и на чудотворный образъ Богородицы, а затѣмъ вводитъ въ притворъ (церковь) св. Петра, гдѣ отмѣчаетъ ключи св. Θεομιλάδης=Θεοφάνιδος, коверъ св. Николая и вериги Петровы, сообщая при этомъ нѣкоторыя подробности, а потомъ въ другой притворъ, гдѣ хранился первый хрустальный амвонъ, разбитый паденіемъ купола. Возвратясь къ изображенію Мироносицъ, Антоній указалъ въ близи его стоявшій гробъ св. Амфиногена отрока, а за тѣмъ цѣлебный столбъ св. Григорія чудотворца, его икону и мощи. При указаніи мозаическаго образа Спасителя, рассказано любопытное преданіе о немъ. Другое, не менѣе любопытное преданіе рассказано при указаніи изображенія императора Киръ Льва (Κιρὸς Λεῶν) мудраго. Оба изображенія показаны, какъ находившіяся близъ царскихъ алтарныхъ вратъ. У тѣхъ же вратъ бывшій чудотворный запоръ (пробой, романистъ) описанъ подробно. Далѣе отмѣчена съ преданіемъ близъ стоявшая икона трехъ ангеловъ, а затѣмъ мѣсто муроваренія и при этомъ указано, какъ варится св. муро. Не входя еще въ великій алтарь, Антоній обратилъ вниманіе на сводъ, надъ нимъ возвышавшійся, называя его великимъ теремомъ: „На той же странѣ на лѣвой (гдѣ и икона трехъ ангеловъ и мѣсто муроваренія) у терема великого пазуха сшита золотомъ; злата же выпшло чистого 4 капи. Въ велицемъ же теремѣ паникадилъ 20, вся серебряна, а на праздники господскыя новыя измѣняютъ, а иныхъ паникадилъ во св. Софії серебряныхъ и купцовъ (яблоковъ) множество златыхъ“. Въ слѣдъ за этимъ Антоній вводитъ читателя въ великій алтарь:— „Въ олтари же великомъ, подъ трапезою великою, на средѣ ея подъ катапетазмою, повѣшенъ царя Константиновъ вѣнецъ со драгимъ каменіемъ и бисеромъ, а на немъ (и у него) крестъ златъ, подъ крестомъ голубъ златъ, а иные царскіе вѣнцы около висятъ.

Саввантовъ; можно читать и „Царигради“, какъ кажется и слѣдуетъ, потому что дѣло идетъ объ одной изъ мѣстностей Царьграда.

Таже катапетазма вся златомъ и сребромъ иствана бѣ. А столпы олтарные и теремъ и амбонъ такоже златомъ и сребромъ учиненъ мудро зѣло. А у катапетазмы повѣшено 30 вѣнцовъ малыхъ въ память всѣмъ христіаномъ“. Упомянуто, что „прежніе святители служажу за завѣсою паволочитою повѣсивше катапетазму“ и разсказаль, какъ и почему это было. Отмѣчена скрижалъ серебряная „вмѣсто Моисеовыхъ“ и описано ея употребленіе во время служенія. Потомъ отмѣченъ крестъ, стоявшій за св. престоломъ и разсказано чудо его вознесенія: „Се же чудо свято и честно явилъ Богъ въ лѣто 6708-е при моемъ животу мѣсяца мая на память царя Константина и матери его Елены, въ 21 день недѣльный, при царствѣ Алексѣевѣ и патриарсѣ Иванѣ на соборѣ святыхъ отецъ 318, а при посольствѣ Твердятинѣ Остромирица, иже пришедеъ посольствомъ отъ великого князя Романа со Неданомъ и съ Домажиромъ и со Дмитріомъ и съ Негваромъ посломъ“. Это показаніе любопытно во многихъ отношеніяхъ. Оно опредѣляетъ между прочимъ время, когда Антоній былъ въ Константинополѣ: 21 мая приходилось въ воскресенье и при томъ въ седьмое воскресенье послѣ Пасхи (бывшей 9-го апрѣля), когда празднуется память собора св. отецъ 318—именно въ 6708=1200 году. Антоній, тогда остававшійся еще миряниномъ Добрынею, былъ въ Константинополѣ и въ этомъ году (нельзя отрицать, что былъ онъ и прежде и послѣ). Въ этомъ же году было въ Константинополѣ и русское посольство отъ Галицкаго князя Романа. По какому случаю пріѣзжало оно, русскія лѣтописи не говорятъ, а греческія позволяютъ догадываться. Въ запискахъ Никиты Хонскаго есть упоминаніе о сношеніяхъ императора Алексѣя Ангела съ Галицкимъ княземъ Романомъ и о послѣдствіяхъ этихъ сношеній. Упомянувъ о нападеніи на имперію Влаховъ съ Команами, онъ говоритъ: „Они бы можетъ быть подошли и къ вратамъ Царьграда со стороны материка, елибы христіаннѣйшій Русскій народъ и правящіе имъ князья, по собственному своему побужденію и въ силу просьбъ архипастыря ихъ, не оказали важнаго соучастія помощію Ромеямъ, какъ народу христіанскому. Галицкій князь Романъ, быстро собравши большое и сильное войско, напалъ на Команъ, а землю ихъ, прошедши безпрепятственно, разграбилъ и опустошилъ. Повторивъ нѣсколько разъ это доброе дѣло, онъ остановилъ набѣги Команъ и такимъ образомъ подалъ неожиданную помощь Ромеямъ“. За этимъ Никита Хонскій упоминаетъ еще о междусобицѣ Русскихъ князей, Романа Галицкаго и Рюрика кіевскаго (Ал. Анг. III, 5). Когда именно это было, по русскимъ лѣтописямъ опредѣлить нельзя, потому что и междусобицы Романа съ Рюрикомъ и его впаденіе въ Половецкую землю повторялись часто. Впрочемъ самъ Никита Хонскій помогаетъ опредѣленію времени. Упомянувъ о разныхъ событіяхъ, бывшихъ ранѣе, онъ отмѣтилъ между прочимъ возведеніе на патриаршество Іоанна Каматира; время этого обстоятельства опредѣляется древними списками патриарховъ (Band. Imp. Or. I, 198, 208, 214, 224): но немъ Іоаннъ Каматиръ сдѣлался патриархомъ за 5 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 7 дней до взятія Константинополя Латинами, слѣдовательно лѣтомъ 1198 г.

Нападеніе Влаховъ съ Команами „въ слѣдующемъ году“, т. е. послѣ августа, и затѣмъ впаденіе Русскихъ въ Половецкія земли надобно отнести къ осени 1198, или же къ веснѣ и лѣту 1199 года, а междусобицу князей—къ тому же 1199 г., или къ слѣдующему. Имѣя въ виду время, легко найти въ лѣтописяхъ (именно въ Лаврентьевской) и нѣкоторыя объясненія повязаніямъ Никиты; все-таки однако остается неяснымъ и то, какой именно русскій архипастырь содѣйствовалъ убѣжденіемъ нападенію Русскихъ на Половцевъ за Византію, и то, по какому случаю въ 1200 г. было русское посольство въ Царьградѣ. Можно только догадываться, что этотъ архипастырь былъ новый кievскій митрополитъ, наслѣдовавшій Никифору II или его неизвѣстному преемнику, и что посольство русское явилось въ Царьградъ или за уговорами съ Византійскимъ правительствомъ, или съ требованіемъ награды за оказанную помощь. Во всякомъ случаѣ замѣтка объ этомъ посольствѣ въ сказаніи Антонія есть любопытное дополненіе къ повязаніямъ другихъ источниковъ о событіяхъ времени. — Въ слѣдъ за этой замѣткой Антоній описалъ мѣсто „у алтаря на правой сторонѣ“, гдѣ ставился престолъ при вѣнчаніи царя на царство, отмѣтилъ, гдѣ, по преданію, молилася Богородица, и икону св. Бориса и Глѣба, и то, что „горѣ на полатѣхъ стоитъ патріархъ, коли служатъ“. Далѣе описалъ притворъ за великимъ алтаремъ, гдѣ вмѣстѣ съ другими святыми вещами хранились остатки гроба Господня и гдѣ передъ иконою первомученика Стефана висѣло чудотворное „кандило“, и отмѣтилъ еще нѣкоторыя мощи, недалеко отсюда лежавшія, Антоній остановился на крестильницѣ: „Ту же и крестильница водна, и написанъ въ неи Христосъ, въ Иерданѣ крестится отъ Іоанна съ дѣяніемъ написанъ, и како Іоаннъ учи народы, и како младыя дѣти металися въ Иерданъ и людіе“. Антоній прибавилъ въ этому: „То же все Павелъ хитрыи писалъ при моемъ животѣ, и нѣту того во писмени. И ту же есть древа и чинить въ нихъ патріархъ икону св. Спаса 30 лакоть возвыше. И Павелъ прежде Христа написалъ, со драгимъ каменіемъ и со жемчюгомъ вапъ истерь на одномъ мѣстѣ. У св. Софѣи стояти той иконѣ и до днесъ“. Сказаніе о Софійскомъ храмѣ оканчивается замѣчаніями о совершеніи службы: „Егда заутреню пѣти хотять у св. Софѣи, прежде поють предъ царскими дверьми во притворѣ (т. е. на паперти), и вышедъ поють посередѣ церкви, и двери отворяютъ райскія, и третья поють у олтаря. А въ недѣльный же день ставаетъ патріархъ на утреніи и на обѣднѣ, и въ господскіе праздники, и тогда благословляетъ пѣвцовъ съ полатъ. Они же оставивше пѣніе, понихронію (т. е. полихронію—многолѣтіе) кличють, и потомъ начнутъ пѣніе красное и сладкое аки ангели, и тако поють до обѣдни. А кончавше утреню и разболочшися вышедъ вонъ возмутъ у патріарха благословеніе службы дѣля литургіи. А по заутреніи чтуть прологъ до обѣдни на амбонѣ возшедше. И егда кончаютъ прологъ, и тогда почнутъ литургію. А службу кончавше молитву дорную глаголетъ старѣи іерей во олтари, а 2-й іерей глаголетъ молитву ту же въ церкви за амбономъ. И кончавшу молитву кождо и благословляютъ народъ.

Такъ же по рану и вечерню поютъ“. Последняя замѣтка, касающаяся Софійскаго храма, говоритъ о неупотребленіи колоколовъ: „А колокола не держатъ въ святѣи Софѣи, но колоко мало въ рудѣ держа клеплютъ на заутрени, а на обѣдни и на вечерни не клеплютъ, а по инымъ церквамъ клеплютъ, а на обѣдни и на вечерни. Било же держатъ по ангелову ученію; а въ колокола Латыни звонятъ“.

Этимъ оканчивается сказаніе о Софійскомъ храмѣ (по Сахар. списку, представляющему въ концѣ, начиная съ извѣстія о чудѣ 1200 года, свѣдѣнія, не находящіяся въ Копенг. спискѣ); но Антоній и далѣе въ описаніи Константинопольской святыни не разъ возвращается къ св. Софѣи и случайно сообщаетъ о ней свѣдѣнія, очень любопытныя. Такъ, въ слѣдъ за описаніемъ Манганскаго монастыря, онъ далъ мѣсто слѣдующей замѣткѣ: „А егда дѣлаша св. Софію, въ олтарныя стѣны клали святыхъ мощи“, и затѣмъ сообщилъ разныя подробности о „полатахъ“, т. е. что мы теперь называемъ хорахъ: А кладези мнози въ св. Софѣи. А на полатахъ кладези и оградъ патріарховъ и церкви мнози. Овощъ же патріарховъ всякіи, были и яблоки и груши, держатъ въ кладязи повержено ужищемъ въ кошници, и когда ясти патріарху, и тогда вынимають е студено. Тако же и царь ясть. И баня патріархова на полатахъ. Воды же по трубамъ возведены, а другая дождевая. И на полатахъ же исписани патріарси вси и цари, колико ихъ было во Царѣградѣ и кто ихъ ересо держалъ. На полатахъ въ церкви 5 главъ лежатъ окованы съ жемчюгомъ, аки отвѣсъ сребромъ“. Далѣе, послѣ извѣстія о церкви св. Маркелла дано знать, что въ ней служба бываетъ и въ великую пятницу, „а по инымъ церквамъ не служатъ въ великій пятокъ, ни у св. Софѣи, но мыють церкви въ тья дни и бобіовомъ листвіемъ настилають въ церкви“. За извѣстіемъ о св. Зотикѣ, покоившемся въ Трудоватицахъ, сообщено извѣстіе еще объ одномъ изъ живописцевъ, работавшемъ для Софійскаго храма: „И отъ него же (Зотика) Лазарь писецъ иконный. Той первѣе написалъ въ Царѣградѣ во св. Софѣи въ олтари св. Богородицу, держащую Христа и два ангела“.

Нельзя, конечно, разсматривать сказаніе Антонія о Софійскомъ храмѣ какъ описаніе полное и стройное; но нельзя и не уважать его, какъ богатое собраніе данныхъ, важныхъ для изученія этого храма передъ паденіемъ его во власть Латынянъ. Въ этомъ отношеніи оно драгоцѣнно даже и при сравненіи съ Византійскими извѣстіями; для объясненія ихъ самихъ оно важно по разнымъ подробностямъ.

Узнавъ это драгоцѣнное описаніе св. Софѣи, невольно задалъ я себѣ вопросъ: нѣтъ ли подобныхъ описаній того же храма, близкихъ къ нашему по времени на Западѣ, на Югѣ или на Сѣверѣ Европы, съ которыми бы можно было сравнить и помощію которыхъ объяснить Антоніево. Я пересмотрѣлъ ихъ всѣ, какія только могъ достать. Дѣйствительно, въ Византійскихъ сказаніяхъ есть нѣсколько любопытныхъ. Прокопій занимаетъ по времени и красотѣ описанія первое мѣсто; онъ описалъ храмъ, когда онъ

только что былъ построенъ. Современникъ его Павелъ Силентіарій написалъ цѣлую поэму, богатую разными подробностями и замѣчательную тѣмъ болѣе, что Павелъ вводитъ читателя въ храмъ въ то время, когда совершается его освященіе. Особо отъ этой поэмы онъ описалъ первый амвонъ, который потомъ разрушился, когда палъ первый куполь св. Софій, прежде нежели былъ построенъ новый. Далѣе, минуя менѣе важныхъ писателей, нельзя было не остановиться на произведеніи Константина Порфиророднаго, названномъ „Изложеніемъ царскаго ряда“ (*Ἐκθέσις τῆς βασιλείου Τάξεως*), гдѣ подробно описаны чины и обряды придворныхъ торжествъ и гдѣ, въ нѣсколькихъ главахъ, сообщены случайно разные свѣдѣнія о нѣсколькихъ частяхъ Софійскаго храма. Объяснители древностей Софійскаго храма до сихъ поръ не пользовались этимъ сочиненіемъ. Кромѣ того любопытно, хотя и болѣе позднее по времени, описаніе построенія храма св. Софій: много есть тамъ невѣрностей, не только записанныхъ по преданію, но какъ будто нарочно придуманныхъ, тѣмъ не менѣе есть и много драгоценныхъ подробностей для того, чтобы слѣдить за другими средневѣковыми сказаніями о Царьградѣ.

Что касается западныхъ писателей, то рядъ ихъ сказаній начинается съ записокъ Адамнана, передавашаго рассказъ о св. землѣ еп. Аркульфа (VII в.). Вотъ какъ представился Аркульфу храмъ Софійскій: „Онъ—круглый, удивительной величины, съ самыхъ основаній поднимается тройными стѣнами съ тройнымъ круглымъ сводомъ высокимъ и прекраснымъ, поставленнымъ на большихъ дугахъ. Онъ занимаетъ большое пространство, удобное и для житія и для службы Богу. Въ сѣверной части внутренняго зданія помещается прекрасная и очень большая ризница (armarium), гдѣ есть и деревянный ларецъ (capsa) въ деревянной же обложкѣ, въ которомъ хранится и то животворящее древо креста, на которомъ нашъ Спаситель пострадалъ за спасеніе рода человѣческаго“. „Этотъ ларецъ,—по рассказу Аркульфа,—со своимъ сокровищемъ подымается въ теченіи трехъ дней разъ въ годъ (post expletum annum) на золотой престолъ, растворяется и издаетъ по всей церкви благоуханіе. Въ первый день, (въ четвергъ великій), прикладывается къ св. кресту императоръ и войско; во второй день, въ пятницу великую, императрицы, матроны и вообще всѣ женщины; въ третій день, въ великую субботу, епископъ и весь дворъ. Затѣмъ ларецъ запирается и относится въ ризницу“. Это древнѣйшее западное описаніе Софійскаго храма долго оставалось единственнымъ. Знаменитый Бернардь мудрый, спустя полтора вѣка послѣ Аркульфа бывший въ Константинополѣ, только повторилъ его. Послѣ Бернарда былъ въ Константинополѣ два раза (съ 948—950 и съ 968—969 гг.) еп. Лиутпрандь. Отъ него можно было ожидать и умнаго и подробнаго описанія; но онъ обращалъ вниманіе болѣе на свѣтскія, людскія отношенія, нежели на то, на что бы онъ долженъ былъ обращать его, какъ высокообразованный человѣкъ. Онъ описалъ все мелькомъ, какъ-бы нехотя. За нимъ слѣдуетъ цѣлый рядъ писателей, очень обширный, тянущійся до конца XII вѣка. Почти всѣ эти писатели упоминаютъ о Со-

фійскомъ храмѣ, хваля его общими словами; ни одинъ не описалъ¹⁾. Даже и изъ тѣхъ западныхъ людей, которые явились въ Царьградъ съ войсками, покорившими его, почти ни одинъ не остановился въ своихъ запискахъ на св. Софіи отдѣльно: припоминали о ней и о ея достопамятностяхъ только случайно. Самое видное мѣсто изъ этихъ писателей занимаетъ Вильгардуэнъ, описавшій очень подробно походъ на Константинополь и его взятіе Латинами. Въ этомъ драгоцѣнномъ сказаніи есть между прочимъ не мало припоминаній о разныхъ мѣстностяхъ Константинополя и о св. Софіи, важныхъ для объясненія другихъ сказаній,—и все-таки никакого описанія.

Недавно сдѣлалось извѣстнымъ еще одно любопытное сказаніе, тоже касающееся взятія Латинами Константинополя. Оно написано Робертомъ de Clary, однимъ изъ участниковъ взятія Константинополя Латинами, подъ заглавіемъ: *Li prologues de Constantinoble comment ele fu prise*. Графъ де-Ріанъ издалъ пока только одинъ текстъ этого сказанія (подъ заглавіемъ: *Li estoires de chians qui conquisent Constantinoble de Robert de Clari en Aminois, chevalier*—безъ года и мѣста). Еще не издалъ онъ ни примѣчаній, ни объясненій, ни словаря, но все это имъ тщательно готовится и вѣроятно скоро будетъ издано. Позже сдѣлано другое изданіе К. Гопфомъ (въ книгѣ: *Chroniques Gréco-Romanes inedites ou peu connues*. Berl. 1873) безъ всякихъ примѣчаній. Сказаніе Роберта Кларійскаго очень любопытно, потому что представляетъ на взятіе Константинополя Латинами взглядъ простаго человѣка, изъ разряда малыхъ людей (*menu gens*), съ простодушными замѣчаніями о ходѣ всего похода на Константинополь, объ отношеніяхъ между рыцарями и Венеціанами, о томъ, что терпѣли Латине, когда брали Константинополь и каково было положеніе Константинополя подъ властью Латинъ. Робертъ Кларійскій излагаетъ все это гораздо лучше и отчасти подробнѣе, яснѣе, чѣмъ Вильгардуэнъ и другіе высокопоставленные современники. Только понимать его гораздо труднѣе, такъ какъ онъ писалъ не на чистомъ древне-французскомъ языкѣ, а на пикардскомъ. Вотъ почему часто никакія пособія недостаточны для того, чтобы его уразумѣть. По нѣсколькимъ мѣстамъ я долженъ былъ относиться въ Парижъ для объясненій. Изъ числа этихъ мѣстъ одно осталось непонятнымъ даже для графа Ріана. Вотъ какъ Робертъ Кларійскій описываетъ храмъ св. Софіи:

¹⁾ Даже и сѣверные путешественники, въ запискахъ которыхъ есть любопытныя показанія о Константинополѣ, очень немногое говорятъ о св. Софіи. Вотъ напр. что о ней говоритъ аббатъ Николай въ своемъ Итинераріи: „Въ Маклагардѣ есть церковь, называемая *Agiosophia*, а сѣверными людьми *Aegisit*, и церковь эта по устройству и величинѣ превосходитъ всѣхъ церквей на землѣ“ (*Werlauff, Symbolae*, 10)—и только. Въ прибавленіи къ запискамъ аббата Николая почти тоже. Въ перечисленіи Константинопольской святыни указаны нѣкоторыя святости Софійскаго храма; но не отдѣльно, а въ ряду другихъ.

Or vous dirai du moustier Sainte Souphie comme fais il estoit (sainte Souphie en Grieu, ch'est Sainte Trinités en franchois): li moustiers Sainte Souphie estoit tres tous reons; si i avoit unes voutes par dedens le moustier entour à la reonde, qui estoit portées d'unés grosses colombes moult rikes, qu'il n'i avoit colombe qui ne fust ou de jaspe, ou de porphile ou de rikes pierres precieuses, ne si n'i avoit nul de ches colombes qui ne portast medechine; tele i avoit qui warissoit du mal des rains, quant on s'i frotoit, tele qui warissoit du mal du flanc, et teles qui warissoient d'autres maladies; ne si n'i avoit vis en chu moustier, ne gons, ne verueles, ne autres membres qui à fer appartenissent, pui tout ne fussent d'argent. Li maistres auteus du moustier estoit si rikes que on ne le porroit mie esprisier, car le tavle qui seur l'autel estoit. Ert d'or et de pierres precieuses esquarterées et molues, tout jete ensanle, que uns rikes empereres tist faire; si avoit bien chele tavle xiiij. piés de lonc. Entour l'autel avoit unes colombes d'argent qui portoient i, abitacte seur l'autel qui estoit aussi fais comme uns clokiers, qui tous estoit d'argent massis, qui estoit si rikes que on ne peut mie nombrer s'avoir que il valoit. Li lieux là (òò) on li soit l'ewangile estoit si rikes et si nobles que nous ne le vous sariemes mie descrire, comme fais il estoit. Après, contreval le moustier pendoit bien c. lamplers; si n'i avoit lampier qui ne pendist à une grosse caaine d'argent, aussi grosse commé le brach à i. homme; si i avoit en cascun lampier bien XXV lampes ou plus, et si n'i avoit lampier qui ne vausist bien cc. mars d'argent. A l'anel du grant huis du moustier, qui tous estoit d'argent, si i pendoit uns buhotiaus que on ne savoit de quelle despoise il estoit; si estoit du grant à une fleuste dont chil pasteur fleustent; ichis buhosiaus si avoit tele vertu que jè vous dirai: quant uns enfers hons qui avoit mal dedens le cons, si comme d'enfle qui dedens le ventre estoit enflés, le metoit en se bouchi, jà si peu ne li lust mis, quant chus buhotiaus le prenoit, se li suchoit toute chele maladie, et chu veniu li faisoit corre hors parmi le geule, si le tenoit si fort qu'il le faisoit esruullier, et li faisoit les iex torner eu le teste, ne ne s'en pooit partir devant là que li buhotiaus li avoit suchié chele maladie toute hors; et avec tout chou qui estoit plus malades, si le tenoit plus longement, et quant uns hons qui n'estoit mie malades, le metoit à se bouque, jà ne le tenist, ne peu, ne grant (по изданію графа Ріана стр. 67—68, по изд. Гопфа стр. 67—68).

„Теперь я вамъ скажу о храмѣ св. Софіи, какъ онъ былъ сдѣланъ (Св. Софія по-гречески тоже что св. Троица по-французски). Храмъ св. Софіи былъ совершенно круглый, съ круглымъ сводомъ, поддержаннымъ золотыми столбами очень богатыми, такъ что не было столба не изъ яшмы или порфира или не изъ богатыхъ драгоценныхъ камней, и не было ни одного изъ этихъ столбовъ, чтобъ не подавалъ исцѣленія: тотъ помогаль отъ боли въ поясицѣ, когда объ него терлись, тотъ помогаль отъ боли въ боку, а другіе отъ другихъ болѣзней. Не было и вратъ въ этомъ храмѣ, ни крыга, ни

кольца, ни другихъ частей, сдѣланныхъ изъ желѣза, а все было изъ серебра. Главный престолъ храма былъ такъ богатъ, что нельзя бы его было оцѣнить, потому что доска на престолѣ была изъ золота и драгоценныхъ камней, разбитыхъ и сплавленныхъ вмѣстѣ, что было сдѣлано по волѣ одного богатаго императора; а была эта доска длиною въ 14 стопъ. Вокругъ престола были серебряные столбы, которые поддерживали сѣнь надъ престоломъ, сдѣланную какъ колокольня изъ литого серебра, такую богатую, что нельзя вычислить, чего она стоила. Мѣсто, гдѣ читали евангеліе (амвонъ), было такъ богато и роскошно, что мы не могли бы описать, какъ оно было сдѣлано. Вдоль храма кругомъ спускалось до ста люстръ и не было ни одной, что не висѣла бы на толстой серебряной цѣпи толщиною въ руку человѣка; въ каждой было до 25 и болѣе лампъ, а каждая лампа стоила до 200 марокъ серебра. У кольца великихъ вратъ, сдѣланныхъ изъ серебра, висѣлъ стволъ неизвѣстно изъ какой смѣси, а величиною какъ труба, въ которую трубятъ пастухи. Расскажу я вамъ, что за сила была у этого ствола. Когда больной человѣкъ, у котораго былъ внутри тѣла недугъ, какъ напримѣръ пученье живота, клалъ его въ свой ротъ, то только что онъ бывало положить его, какъ этотъ стволъ присасывался къ нему и сосалъ всю эту немочь, и этотъ ядъ вытекалъ вонъ черезъ горло; и держалъ онъ (этотъ стволъ) его такъ крѣпко, что заставлялъ его изнемогать¹⁾ и закатывать глаза, и не могъ человѣкъ двинуться (съ мѣста), пока стволъ не высасывалъ всю немочь. А при всемъ этомъ, кто былъ больше боленъ, того онъ и держалъ дольше; если же не больной человѣкъ клалъ его въ ротъ, то стволъ и не держалъ его ни мало ни много“.

Вотъ и все описаніе Софійскаго храма, данное Робертомъ Кларійскимъ. Вынесши невѣрное впечатлѣніе о его общемъ видѣ, устройствѣ и частяхъ, Робертъ старался передать читателямъ и представленіе его убранства не столько по красотѣ его и великолѣпію, сколько по его богатству и цѣнности, хотѣлъ изумить читателей громадностью стоимости всего, что было употреблено для внутренней отдѣлки храма. Поэтому очень къ стати ему пришлось и преданіе о томъ, какъ сдѣлана была на престольная доска, помѣщенное въ Сказаніи о созданіи Софійскаго храма, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ Запискахъ Теофана и Никиты Хонскаго. Въ Сказаніи находится объ этомъ вотъ что: „Св. престолъ хотѣлось царю сдѣлать дороже золота. Чтобы исполнить это, по совѣту знатоконъ дѣла, размолоти и смѣшали золото, серебро, всякого рода дорогіе камни, жемчугъ, с’амвики, мѣдь, янтарь, олово, свинець, желѣзо, стекло, всякіе металлы; положили эту смѣсь въ плавильный сосудъ, расплавили и вылили въ назначенную форму“. Для насъ по отношенію къ опи-

¹⁾ Въ подлинникѣ *esguillier*: переведено мною по догадкѣ. По одному изъ полученныхъ мною объясненій это можетъ значить — изрыгать (ядъ), по другому (гфара Ріана) — *entreg en convulsions, satordre*, падать въ корчи.

санію замѣчательностей Софійскаго храма, сдѣланному архіепископомъ Антоніемъ, въ припоминаніяхъ Роберта особенно любопытно то, что отмѣтилъ и арх. Антоній. Такъ, подобно Роберту, только безъ преувеличеній, и архіепископъ Антоній далъ мѣсто замѣчанію о цѣлебной силѣ столбовъ храма, именно одного изъ нихъ: „столпъ есть къ двумъ идучи св. Григорія (+чюдотворца) обить цѣками (: досками мѣдными. у того столпа явился святой Григорій) мужи и жены (: народъ) цѣлующе (+і) трутся персьми и плечьми (: плещами около столпа) на исцѣленіе (+болѣзнемъ), кои коимъ недугомъ болень есть“. Такъ вмѣстѣ съ Робертомъ архіепископъ Антоній отмѣтилъ цѣлебный „пробой“ главныхъ вратъ: „У царскихъ дверей (+же) мѣдѣнъ есть романисть (ῥομανιστον) реще наровъ, въ ню же замычють и заключеваютъ райскія двери. ту же наровъ вкладаютъ (: накладываютъ) въ ротъ мужи и жены. да аще будетъ кто ядъ змінъ (: змінны) снѣлъ или отравленъ (: отравленіе каково), то не можетъ его вынати изо рта, доніеже вся злоба изыдетъ слиною (: слинами) изо рта (: изо усть)“.

Описаніе Софійскаго храма, сдѣланное Робертомъ Кларійскимъ есть самое подробное изъ всѣхъ западныхъ, какъ отъ части ясно и изъ представленнаго обзора этихъ описаній, сдѣланныхъ до утвержденія Латынянъ въ Константинополь. Но времени, предшествовавшему этому важному событію, относится и Антоніево описаніе. Припомня его содержаніе и сравнивъ съ западными, нельзя не сказать, что оно есть самое богатое данными, самое внимательное къ тому, чѣмъ могъ дорожить въ Софійскомъ храмѣ средневѣковой паломникъ. Ни въ одномъ описаніи нѣтъ столькихъ драгоценныхъ подробностей всякаго рода, сколько мы находимъ въ сказаніи русскаго паломника.

Откуда ведетъ свое начало обычай вѣшать княжескія одежды въ храмахъ,
о существованіи котораго упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1203 и 1237 гг.?

Рефератъ Ф. А. Терновскаго.

Древніе русскіе князья имѣли обычай вѣшать въ храмахъ на память о себѣ свои дорогія княжескія одѣянія. О существованіи этого обычая ясно говорятъ лѣтописи. Такъ говоря о разграбленіи Кіева Рюриромъ и Половцами въ 1203 году, лѣтописецъ упоминаетъ, что побѣдители заграбили „порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бяху повѣшаны въ церквяхъ святыхъ, на память собѣ“ (Лавр. лѣт. С.Пб. 1872, 397). Подъ 1238 годомъ, говоря объ опустошеніи Владиміра Татарами, лѣтописецъ сообщаетъ, что Татары „монастыри всѣ и иконы одраша, а ины иссѣкоша, а ины поимаша, и кресты честные и ссуды священныя и книги одраша и порты блаженныхъ первыхъ князей, еже бѣху повѣшаны въ церквяхъ святыхъ, то все поимаша себѣ въ полонѣ“ (ibid. 440). Изъ послѣдующаго времени мы имѣемъ также извѣстія о томъ, что на память о князьяхъ помѣщались въ храмахъ нѣкоторые предметы, не принадлежащіе къ церковной утвари. Такъ надъ гробомъ князя Довмонта († 1299) въ Псковѣ виситъ его мечъ и княжеское одѣяніе. Въ 1480 году, когда магистръ ливонскій съ многочисленнымъ войскомъ окружилъ Псковъ, князь Довмонтъ, по сказанію лѣтописи, явился во снѣ нѣкоему псковитину и приказалъ взять одежду отъ его гроба и съ крестнымъ ходомъ троекратно обойти городъ (собр. лѣт. IX, 264, V, 39). Въ другомъ мѣстѣ лѣтопись упоминаетъ, что псковитяне дали въ руки новаго князя мечъ Довмонта. Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, соглашаясь принять царство, оставилъ на память этого событія свой посохъ въ храмѣ востромскаго ипатьевскаго монастыря, гдѣ происходило приглашеніе его на царство.

Подобнаго рода обычай помѣщенія въ храмъ вещей, не принадлежащихъ къ церковной утвари, мы видимъ и у другихъ нашихъ единовѣрцевъ. Такъ на Аѳонѣ, въ иверскомъ монастырѣ, хранятся ратные доспѣхи грузинца Торпикія, знаменитаго полководца X вѣка. Правда, теперь онѣ хранятся въ дохіарной, т. е. въ кладовой, и въ небреженіи, но прежде, конечно, имѣли болѣе почетное помѣщеніе. Въ Хиландарѣ, въ соборной церкви хранится знамя сербскаго князя Стефана Сильнаго († 1355 г.).

Молдавскіе господа нашли возможнымъ нѣсколько иначе оставлять въ храмахъ память о себѣ; на настоящей археологической выставкѣ мы увидимъ, взятые изъ монастыря Сучевица, основаннаго въ 1589 году, портреты ктиторомъ монастыря, Іереміи и Симеона Могилъ въ естественную величину, шитые золотомъ и серебромъ по красному бархату въ 1606 году.

Источникъ религіозныхъ обычаевъ у русскихъ и единовѣрныхъ намъ народовъ мы должны естественно искать въ Византіи, откуда принесено къ намъ христіанство. И дѣйствительно, у византійскихъ хронографовъ мы находимъ извѣстія о помѣщеніи въ храмахъ императорскаго одѣянія. Такъ, по свидѣтельству Малалы „императоръ Юстиніанъ великій подарилъ антиохійцамъ свою тогу, украшенную царскими камнями, и развѣшана она была въ церкви, такъ - называемой, кассіановой“ (Mal. 450). Антиохіане нашли наиболѣе приличнымъ сохранить память о благосклонномъ вниманіи императора, положивъ его одѣяніе въ храмъ во свидѣтельство родамъ грядущимъ.—По свидѣтельству Амартола, Маврикій († 602 г.), „получивъ отъ вдовы прежняго императора Юстина драгоценный и пріязненный вѣнецъ, полюбовался имъ и въ день св. пасхи положилъ его въ церкви и посвятилъ Богу“ (Amart. 559). Въ Софійскомъ храмѣ царскій вѣнецъ лежалъ конечно безъ всякаго употребленія — только какъ памятникъ о Маврикѣ и его усердіи къ Софійскому храму. Прошло почти 200 лѣтъ и одинъ изъ византійскихъ императоровъ, Левъ Хазаръ, пожелалъ возвратити царской коронѣ ея естественное употребленіе. „Будучи большой любитель дорогихъ камней, сообщаетъ греческій хронографъ, Левъ возгорѣлся желаніемъ имѣть корону Маврикія, находившуюся въ Софійскомъ храмѣ, взялъ ее и надѣлъ на себя при царскомъ выходѣ“. Но присвоеніе того, что дала *manus mortua*, не обошлось даромъ Льву Хазару. „На обратномъ пути, продолжаетъ лѣтописецъ, страшно почернѣла у него голова и будучи объятъ и пораженъ сильнѣйшею горячкою, онъ извергъ душу свою, заплатившись за святотатство“ (Amart. 660). Вдова Льва Хазара, аѳинянка Ирина, возвратила въ Софійскій храмъ корону, похищенную ею мужемъ, съ прибавкою дорогихъ украшеній.—Русскій паломникъ конца XII вѣка Добрыня, въ послѣдствіи Антоній, архіепископъ новгородскій, видѣлъ въ храмѣ св. Софіи цареградской слѣдующіе предметы, не имѣющіе церковнаго значенія и употребленія, но подаренные на память о царяхъ. Въ алтарѣ св. Софіи нашъ паломникъ видѣлъ телѣгу серебряную Константина и Елены; надъ святою трапезою посреди подъ катапетасмою былъ повѣшенъ Констан-

тиновъ вѣнецъ „и иныхъ царей вѣнцы висятъ окрестъ катапетасмы“. На странѣ дверей нашъ паломникъ видѣлъ икону велику, „а на ней написанъ царь Корлей о Софосъ (Левъ Мудрый) и у него камень драгій въ челѣ и свѣтитъ въ нощи въ св. Софіи“.

Обращаясь теперь къ общимъ выводамъ и пересматривая все сказанное, такъ-сказать, сверху внизъ, можемъ представить эти выводы въ слѣдующемъ видѣ:

1) Помѣщеніе въ храмѣ одеждъ или другихъ какихъ-либо вещей, принадлежавшихъ императорамъ или другимъ высокопоставленнымъ лицамъ, было результатомъ ихъ желанія оставить память по себѣ. Храмъ — какъ мѣсто священное, — представлялся наилучшимъ хранилищемъ утвари вкладчика, а вмѣстѣ съ тѣмъ и памяти о немъ въ родахъ грядущихъ. Такъ какъ вещи, о которыхъ идетъ рѣчь, не передѣлывались для церковнаго употребленія и—собственно говоря—были бесполезны для храма, то понятно, что и приношеніе ихъ не можетъ быть толкуемо, какъ плодъ безкорыстно-благочестиваго усердія.

2) Византійскіе государи для памяти о себѣ оставляли въ храмахъ вѣнцы (какъ Константинъ, Маврикій и другіе); иногда портреты, какъ Левъ Мудрый, весьма рѣдко одежды, какъ Юстиніанъ, быть можетъ руководясь тѣмъ соображеніемъ, что одежда — вещь болѣе тлѣнная, чѣмъ металлическій вѣнецъ, или даже живописный образъ.

3) Русскіе первые князья не могли вѣшать ни вѣнцовъ, такъ какъ не имѣли ихъ, ни портретовъ, такъ какъ въ древней Руси имѣло мѣсто только иконописаніе, повторявшее заученные типы, но не была развита портретная живопись. Имъ оставалось вѣшать въ храмѣ на память о себѣ свои богатые княжескія одѣянія, тѣмъ болѣе что одежда въ древней Руси—даже помимо принесенія въ храмъ—имѣла характеръ вещи дорогой, священной, иногда передававшейся изъ рода въ родъ. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что изображенія молдавскихъ господарей, шитыя золотомъ по бархату, представляются намъ попыткою пожертвовать въ церковь нѣчто, совмѣщающее въ себѣ качества портрета и одежды).

4) Дальнѣйшее движеніе исторической жизни, отодвигая церковность на задній планъ, открыло другіе способы для сохраненія историко-археологической памяти. Мѣсто храмовъ въ этомъ отношеніи замѣнили музеи.

ОБЪ ОДНОМЪ СЛАВЯНСКОМЪ ИМЕНИ ВЪ ПОМПЕЙСКИХЪ НАДПИСЯХЪ.

Рефератъ В. И. Модестова.

Пересматривая 4-й томъ латинскихъ надписей, издаваемыхъ Берлинскою академіею (*Corpus inscriptionum latinaarum*), именно стѣнные Помпейскія надписи, изданныя *Цангемейстеромъ* (*Inscriptiones parietariae Pompejanae. Berol. 1871*), я наткнулся на нѣсколько именъ, обличающихъ славянское происхожденіе.

Прежде всего обратило на себя мое вниманіе часто встрѣчающееся среди этихъ надписей имя *Jarinus*, совершенно чуждое какъ латинской, такъ и греческой ономастологіи. Имя это встрѣчается въ помпейскихъ надписяхъ до 10 разъ, при разной обстановкѣ. Мы видимъ его, во-первыхъ, въ объявленіяхъ (*programmata*), рекомендующихъ кандидатовъ на общественныя должности и сохранившихся на стѣнахъ общественныхъ зданій. Сюда относятся слѣдующія надписи:

1) у Zangem. № 821, р. 50:

**A. SVETTIVM · CERTVM · AED · O · V · F
SCRIBIT · PARIS · IDEM · ROGAT^r
AETATIS · D · r · p. IARIN . . .**

т. е. A. Suetium Certum aedilem oro vos faciatis. Scribit Paris, idem rogat. Aetatis dignum (rei publicae) Iarin(us). По-русски это значитъ: „Прошу васъ сдѣлать эдиломъ А. Светтія Церта. Пишетъ Парисъ. Также предлагаетъ его, достойнаго по лѣтамъ общественной должности, Яринъ“. Надпись эта написана кистью красной краской (сурикомъ, *minio*) на зданіи, находящемся въ *Vico del lupanare*. Имя *Ярина* здѣсь стоитъ неполно и неясно: поэтому и *Фюрелли*, открывшій эту надпись (*Giornale degli scavi di Pompei, 1862, р. 46*), и *Цангемейстеръ*, взявшій ее у него, сопровождаютъ это слово

вопросительнымъ знакомъ. Тѣмъ не менѣе вполне вѣроятно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ именемъ *Jarinus*, такъ какъ это послѣднее встрѣчается и въ другихъ надписяхъ подобнаго рода.

2) Zangem. № 124, р. 14:

**M · CERRINIVM · UATIAM AED
OF · D · R · P · IARINVS . . .**

т. е. *M. Cerrinium Vatiam aedilem oro faciatis, dignum rei publicae. Jarinus...* По-русски: „Прошу сдѣлать эдиломъ М. Церринія Ватию, достойнаго общественной должности. Яринъ (предлагаетъ)“. Надпись эта, какъ и предыдущая, писана сурикомъ и находится въ настоящее время въ неаполитанскомъ музеѣ. Слова *Jarinus* въ концѣ ея до *Цантмейстера*, по его увѣренію, никто не видалъ, хотя она открыта еще въ 1764 году.

3) Zangem. № 223, р. 19:

CASELLIVM · AED

IARINVS ROG

т. е. *Casellium aedilem Jarinus rog(?)*. По-русски: „Казеллія предлагаетъ въ эдилы Яринъ“. Надпись писана сурикомъ, найдена въ улицѣ Меркурія (*strada di Mercurio*), по теперешнему обозначенію. Буквы закрашены и потому неясны. Въмѣсто *Jarinus* англичанинъ *Gell* въ своихъ *Rompejana* читаетъ *Larinis* и, безъ сомнѣнія, неправильно. *ROG* *Цантмейстеръ* уже не видѣлъ.

Затѣмъ мы имѣемъ рядъ надписей съ именемъ *Jarinus*, писанныхъ на стѣнахъ такъ-называемымъ *писаломъ* (*graphium*, γράφιον, γραφειον), т. е. острымъ, обыкновенно складнымъ, орудіемъ греческаго происхожденія, употреблявшимся для письма и отличнымъ отъ латинскаго стила (*stilus*). Сюда относятся надписи:

1) Zangem. № 2111, р. 134:

**IARINVS
HIC HABITAS**

Jarinus hic habitat: „Яринъ здѣсь живетъ“. Надпись найдена на стѣнѣ дома въ *strada di Olcolnio*. Послѣднія три буквы послѣдняго слова сохранились неясно. *Цантмейстеръ* (р. 263) думаетъ, что нужно читать *habitans*; я же полагаю, что—*habitat*. Надпись, по всей вѣроятности, имѣетъ въ виду обозначить частое посѣщеніе Яриномъ какого-либо неприличнаго дома, какъ это подтверждается ниже слѣдующими надписями.

2) Zangem. № 2181, р. 138:

IARINVS

Имя это красуется въ публичномъ домѣ (лупанарѣ) въ *Vico del lupanare* въ числѣ другихъ посѣтителей, имена которыхъ начертаны въ комнатѣ какой-то дочери Сальвіа

(Salvi filia). Но въ то время, какъ другія имена обыкновенно сопровождаются какими-либо непристойными выраженіями, имя Ярина краснорѣчиво украшено сверху изображеніемъ огромнаго фаллоса (φαλλός). *Фиорелли*, которому принадлежитъ открытіе надписи (Giorn. degli scavi di Pomp. 1862, p. 50), говоритъ, что имя *Jarinus* написано весьма неясными буквами, которыя другое лицо начало воспроизводить внизу, написавши **IA** въ бблшихъ размѣрахъ (Un grosso fallo accompagna il nome IARINVS, scritto in lettere quasi invisibili, che altri voleva ripetere cominciando a segnarne più sotto le iniziali IA di maggiori dimensioni).

3) Zangem. № 2220, p. 140:

IARINVS

Эта надпись съ длиннымъ *i* находится на другой стѣнѣ той же комнаты и также среди надписей неприличнаго содержанія. Предпослѣдняя буква слова исчезла, а послѣдняя неясна.

4) Zangem. № 2251, p. 142:

IARINVS

Надпись находится въ томъ же лупанарѣ, но въ другой комнатѣ на стѣнѣ, ближайшей въ тому мѣсту, гдѣ стояла постель (см. *Fiorelli*, *ibid.* p. 55).

5) Zangem. № 1228, p. 77:

IARINE

∇Λ

т. е. *Jarine, vale!* „Яринъ, будь здоровъ!“. Надпись начертана на колоннѣ дома въ *Via Consolare*.

6) Zangem. № 2205, p. 140:

I A T R T

Цангемейстеръ дѣлаетъ предположеніе, не составляютъ-ли эти неясныя буквы начало имени *Jarinus*. *Фиорелли* (*ibid.* p. 52) видитъ здѣсь *intr*. Предположеніе *Цангемейстера* шатко. Мы скорѣе можемъ вмѣстѣ съ *Фиорелли* видѣть въ этихъ буквахъ, найденныхъ на стѣнѣ подлѣ дверей того же лупанара, изъ котораго дошли до насъ и три вышеприведенныхъ надписи, начало пригласительной формулы, напр. *intrate*. Впрочемъ и первое предположеніе не совсѣмъ произвольно.

Наконецъ остаются еще двѣ надписи съ сомнительнымъ начертаніемъ имени *Jarinus*. Первая находится у *Цангемейстера* подлѣ № 1092, p. 63:

C · NIVN · IARINVS

AED · I · D · V

Надпись эта, изданная въ первый разъ въ 1768 году, носитъ всѣ признаки невѣрнаго чтенія. Тутъ есть и страшное имя NIVN..., и необычная формула AED. I. D. V или I. V. V, какъ читаетъ *Минервини*. Къ сожалѣнію означенная надпись потеряна въ подлинникѣ и потому провѣрена быть не можетъ. *Минервини*, цитруемый Цангемейстеромъ, дѣлаетъ изъ первой строки: Сп. Junius Jarinus, а *Цангемейстеръ*: Сп. Helvium Sabinum... Но вообще дѣлать какое-либо употребленіе изъ этой надписи было-бы опасно.

Другая надпись этого рода стоитъ у Zangem. подъ № 1638, р. 104, и читается имъ такъ:

**PAGATVS
SERVS**

Фиорелли видѣлъ въ первомъ словѣ не *Pagatus*, а *Jarinus*. Самъ *Цангемейстеръ* о первыхъ пяти буквахъ этого слова говоритъ: non satis certae sunt. Впрочемъ въ рѣшеніи чтенія этого слова мы не такъ беспомощны, какъ въ предыдущемъ случаѣ: мы имѣемъ передъ глазами снимокъ самой надписи, представленный у Цангемейстера на таб. XXXI № 35. Всматриваясь ближе въ передаваемыя черты надписи, нельзя не притти къ убѣжденію, что здѣсь всего скорѣе слѣдуетъ читать *Jarinus* и всего менѣе *Pagatus*. Что касается второго слова—*Serus*, то оно есть, очевидно, *servus* (рабъ), какъ это замѣчено и *Цангемейстеромъ*.

Вопросъ въ томъ, что такое за имя *Яринъ*, котораго мы болѣе не встрѣчаемъ нигдѣ ни въ латинскихъ, ни въ греческихъ надписяхъ и которое совершенно неизвѣстно въ ономаologii древнихъ классическихъ народовъ? Объяснить его иначе, какъ славянскимъ происхожденіемъ, было - бы невозможно. Корень этого слова—*яр* (скр. *ghar*), который, заключая въ себѣ идею свѣта, теплоты и соединенной съ ними растительной жизни въ природѣ, пылкой страсти, сильнаго раздраженія и похотливости въ человѣкѣ, далъ въ славянскихъ языкахъ множество словъ, обнаруживающихъ такое широкое его развитіе, какое неизвѣстно другимъ языкамъ индо-европейской семьи. Многія изъ этихъ словъ сгруппированы у *Аванасьева* въ его извѣстномъ сочиненіи „Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“ I, стран. 440. Сюда относятся между прочимъ: карп. *jař*, весна, русск. *яръ*, жаръ, срб. *јаро*, жито, срб. *јарина*, лѣтніе плоды, цсл. *јрица*, пшеница, русск. *яровой* хлѣбъ и т. д.; далѣе—слова *ярий* (сердитый), *яриться* (раздражаться, чувствовать похоть), *ярунъ*, *ярунья*; сюда же относится *Ярило*, богъ, соответствующій греческому Пріапу и, наконецъ, множество личныхъ именъ, простыхъ и сложныхъ: *Ярошъ* (чеш.), *Ярокъ* (чеш.), *Ярышъ* (русс.), *Ярунъ* (русс., луж., чеш.); *Яро-славъ*, *Яро-полкъ* (русс.), *Яро-мльвъ*, *Яро-мобъ* (чешско-мор.), *Яро-миръ* (чеш., пом.) и друг. Подробный списокъ этихъ именъ см. въ сочиненіи священника *Морошкинъ* „Славянскій именословъ“ С.Пб., 1867 года, стр. 212. Этотъ рядъ словъ отъ корня *яр* и — что въ настоящемъ случаѣ

очень важно—рядъ именъ, изъ которыхъ напр. имя *Ярунъ* напоминаетъ даже и по формѣ имя *Jarīnus*, естественно приводятъ къ заключенію, — особенно въ виду того, что другіе европейскіе языки не представляютъ намъ ничего подобнаго этимъ сближеніямъ, — что имя *Яринъ*, *Jarīnus*, славянскаго происхожденія. Если требуются еще какія-нибудь филологическія доказательства, то я не могу оставить безъ вниманія того обстоятельства, что слово *Jarīnus* имѣетъ долгое *i*, которое въ двухъ надписяхъ выражается даже и самымъ правописаніемъ, и что, поэтому, слогъ *i* и здѣсь носитъ на себѣ удареніе, какъ и въ словахъ *Ярило*, *яри́тся* и т. п. Это показываетъ, что слово *Jarīnus* должно принадлежать по своему образованію къ одному періоду съ такими словами, происшедшими изъ корня *яр*, въ которыхъ этотъ корень не только распространенъ посредствомъ гласной *i*, но и гдѣ эта гласная получила особенную силу, будучи долгою по природѣ, между тѣмъ какъ другіе индо-европейскіе языки, сохранившіе корень *яр*, не представляютъ намъ ни сколько-нибудь значительнаго его развитія вообще, ни въ частности словъ съ распространеніемъ этого корня на *i*, какъ онъ является въ славянскихъ словахъ: *Ярило*, *яри́тся*, *ярина* и т. п. Такимъ образомъ *Jarīnus* есть не что иное, какъ имя славянскаго происхожденія, оставшееся прозвищемъ (*cognomen*) лица, которое, всего вѣроятнѣе, было привезено въ Италію въ качествѣ раба и затѣмъ получило свободу. Если только послѣдняя изъ приведенныхъ мною надписей содержитъ въ себѣ имя *Jarīnus*, а не *Pagatus*, какъ значитъ у Цангемейстера, и не другое какое-нибудь, то мы имѣемъ въ ней свидѣтельство о томъ времени пребыванія Ярина въ Помпеяхъ, когда онъ былъ еще рабомъ (*Jarīnus—servus*). Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною надписей, каковы надписи, найденныя въ лупанарѣ, не обнаруживаютъ положительно, относятся-ли онѣ къ Ярину рабскаго, или свободнаго состоянія; но есть рядъ надписей съ его именемъ, несомнѣнно обнаруживающихъ его свободное состояніе, именно тѣ надписи, въ которыхъ онъ является предлагающимъ кандидатовъ на общественныя должности. А что предлагать кандидатовъ на общественныя муниципальныя должности имѣли право не только свободнорожденные (*ingenui*), но и вольноотпущенники (*liberti, libertini*), въ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Яринъ, на это мы имѣемъ достаточныя, и притомъ прямыя, свидѣтельства въ Помпейскихъ надписяхъ. Къ числу надписей, прямо говорящихъ о принятіи вольноотпущенниками участія въ избирательной агитаціи, относятся у *Цангемейстера* № № 910 (*P. Vedium. Numm. . . . Aed. Ceratus lib. rogat*), 117 (*Cuspium. Pansam Aed. Fabius. Eupor. Princeps libertinorum*), 1041 (*L. Popidium Secundum Aed. Dionysius. L. rog.*) и др. Кромѣ того есть множество другихъ надписей, гдѣ предлагающія кандидатовъ лица своими рабскими именами, каково имя Ярина, ясно свидѣтельствуютъ о своей принадлежности къ сословію вольноотпущенниковъ.

Свидѣтельства, относящіяся къ Славянамъ древнѣйшаго времени, какъ извѣстно, чрезвычайно скудны, темны и сбивчивы. Определенныя свидѣтельства о народахъ сла-

вянскаго племени начинаются лишь съ 6-го столѣтія по Р. Х. сочиненіями Прокпія и Иорнанда. Что касается до болѣе древняго времени, то скудость всякихъ положительныхъ извѣстій по отношенію къ народу, столь древнему и столь распространенному въ Европѣ, изумительна. Въ то время, когда Тацитъ писалъ монографію о германцахъ, римскимъ и греческимъ писателямъ Славяне, какъ отдѣльный народъ, едва были извѣстны по имени. Древнѣйшее изъ такого рода свидѣтельство съ употребленіемъ имени *Венедовъ*, подъ которымъ Славяне позже являются въ исторіи, и съ обозначеніемъ ихъ мѣстопробыванія въ предѣлахъ исконно-славянскаго балтійскаго побережья, принадлежитъ Плинію Старшему (IV, 97), погибшему, какъ извѣстно, въ одинъ день съ Помпеями въ 79 г. по Р. Х. при изверженіи Везувія. При такомъ положеніи дѣла, всякое малѣйшее свѣдѣніе, касающееся древнѣйшаго періода Славянъ, получаетъ свое значеніе. При недостаткѣ источниковъ относительно древнѣйшаго времени жизни народовъ филологія всегда служитъ важнымъ пособіемъ. Въ данномъ случаѣ, при помощи филологіи, мы можемъ указать на одно древнѣйшее славянское имя, относящееся къ 1-му столѣтію христіанскаго лѣтосчисленія. Обстоятельство это мнѣ показалось настолько интереснымъ, что я рѣшился заявить о немъ собранію ученыхъ, въ которомъ мы имѣемъ рѣдкое счастье видѣть вмѣстѣ столькихъ представителей славянской науки.

ВОСПОРСКІЙ ГОРОДЪ СТРАТОКЛЕЯ И НОВАЯ МОНЕТА СИНДОВЪ.

Рефератъ князя А. А. Сибирскаго.

О городѣ *Стратоклея* упоминаетъ одинъ только Плиніи¹⁾; но есть постороннія историческія указанія, есть проблески свѣта, которыми озаряется тьма, поглотившая этотъ затерянный городъ древности. Совпаденіе нѣкоторыхъ фактовъ съ логикой событій даетъ возможность опредѣлить, съ большею вѣроятностію: во 1-хъ время и причины возникновенія Стратоклеи; во 2-хъ причину названія, даннаго городу. Можно догадаться даже, что существованіе первоначальнаго (аѳинскаго) поселенія было непродолжительно и что, со смѣною онаго, названіе города едва-ли не перемѣнилось. Эфемерность же существованія или перемѣна имени—вотъ вѣроятная причина, почему Страбонъ не привелъ *Стратоклеи* въ числѣ современныхъ ему городовъ.

Разовью это изъ фактовъ, представляемыхъ такими авторитетами, какъ *Фукидидъ* и *Диодоръ Сицилійскій*, черпнувъ спервоначалу въ толкованіяхъ *Евставія* къ *періезезису* *Діонисія Александрійскаго*.

Изъ этихъ толкованій *Евставія* оказывается, что не всѣ Воспорскіе города были іонійскими поселеніями. *Гермонасса*, въ Синдикѣ, при истокахъ Антикита, была *Эолійская анойкія* (колонія), получившая названіе отъ жены нѣкоего *Симандра*, гражданина

¹⁾ *Hist. Nat.*, lib. VI, § 6. Привожу переводъ: „Полуостровъ, простирающійся между „Понтомъ и Меотійскимъ озеромъ; называютъ Эйономъ. Города на полуостровѣ, у „входа въ Воспоръ, сначала *Гермонасса*, потомъ Кеши (городъ) Милезійцевъ, немного далѣе „*Стратоклея*, Фанагорія, Апатурсъ—почти покинутый (*Oppida in additu Bospori, primo Hermonassa, dein Seroe Milesiorum, mox Stratoclia et Phanagoria et paene desertum Apaturus*); на окрестности Воспора Киммеріумъ, прежде именовавшійся Керверіонъ“.

Митилэны, главнаго изъ городовъ острова *Лезбоса* ²⁾. Съ окончаніемъ персидскихъ войнъ, *Лезбось* призналъ добровольно главенство Спарты; но, вскорѣ затѣмъ, возростаніе морскаго могущества Аѳинъ заставило и этотъ большой, людной и богатый островъ подчиниться новому преобладанію и стать, хотя и не данникомъ, то все-таки союзникомъ, обязаннымъ выставять флотъ свой въ подмогу аѳинскому. Съ самаго начала Пелопонезской войны, *Лезбось* (съ *Хіосомъ* вмѣстѣ) задумалъ освободиться отъ аѳинской гегемоніи. По свидѣтельству *Θυκιδίδα* ³⁾, возстаніе не дозрѣло и ускорилось предательскимъ оглашеніемъ замысла; лезбійцы же намѣревались предварительно загрузить свои гавани и „дождаться помощи изъ Понта Эвксинскаго, стрѣлками, хлѣбомъ и всѣмъ, чего они оттуда просили“.

При чтеніи этихъ строкъ *Θυκιδίδα*, естественно и неотразимо возникаетъ мысль, что мѣсто въ „Понтъ-Эвксинѣ“, откуда лезбійцы ожидали помощи, была Воспорская колонія *Μιτιλήνη*—*Γερμονάσσα*, „красно-строена“—по эпитету *Διονυσία Περιέγυτα* ⁴⁾. *Синдика*—область, въ которой возникло это поселеніе, изобиловала пшеницею и конями; это свидѣлствуютъ типы синдскихъ монетъ ⁵⁾; а по кровной связи *Γερμονάσσα* съ *Μιτιλήνῃ*, эта колонія обязана была содѣйствовать спасенію своей митрополи, а *Γερμονάσσα* легко могла снабдить лезбійцевъ не только хлѣбными запасами, но и тѣми *στρυγάμι* (изъ туземныхъ лучниковъ), о которыхъ упоминаетъ *Θυκιδίδης*.

Какъ рассказываетъ далѣе *Θυκιδίδης*, возстаніе лезбійцевъ не имѣло успѣха. Осажденная аѳинскимъ флотомъ, *Μιτιλήνα* пала; укрѣпленія ея были срыты, флотъ конфискованъ; а „впослѣдствіи“, вмѣсто наложенія дани на лезбійцевъ, Аѳиняне подѣлили всю землю ихъ ⁶⁾ на участки, коими надѣлили недостаточныхъ аѳинскихъ гражданъ ⁷⁾.

Такое примѣненіе *κλυροχία* (*κληροχία*), то-есть отчужденіе на чужбинѣ земли отъ

²⁾ Толкованіе Евстаѳія на стр. 549—553 *Διονυσία Περιέγυτα*, къ слову: *εὐχίτος Ἐρμονάσσα* (стр. 212): Городъ *Γερμονάσσα* получилъ названіе отъ *Γερμονάσσης* (*Ἐρμονάσση*), жены нѣкоего *Σημάδρος*, гражданина *Μιτιλήνης*, который, приведя поселокъ Эолійцевъ въ эту колонію, скончался, пока городъ еще строился, и жена его, овладѣвъ господствомъ, и самому мѣсту дала свое имя“.

³⁾ Кн. III, §§ II и L.

⁴⁾ См. выше, примѣч. 2.

⁵⁾ См. *Музеумъ кн. Кочубея*, т. I, и въ моемъ *Каталогъ* т. I.

⁶⁾ За исключеніемъ города *Μεθιμνῆς*, оставшагося вѣрнымъ аѳинянамъ.

⁷⁾ *Θυκιδίδης*, кн. III, § L (50): ... Укрѣпленія *Μιτιλήνης* были срыты, флотъ ихъ конфискованъ. Впослѣдствіи, вмѣсто наложенія дани на лезбійцевъ, Аѳиняне подѣлили ихъ территорію, кромѣ территоріи *Μεθιμνῆς*, на три тысячи участковъ: триста изъ нихъ оставлены были богамъ и посвящены имъ; остальные участки пущены были по жребью въ надѣлъ аѳинскихъ гражданъ, конхъ отправили на мѣсто, для ввода во владѣніе. Лезбійцы продолжали однакоже

собственниковъ, для надѣла нуждающихся Аѳинянъ⁸⁾, не ограничилось въ сей разъ однимъ островомъ Лезбосомъ, потому что Фукидидъ вслѣдъ за тѣмъ пишетъ: „Аѳиняне овладѣли также мѣстами, которые принадлежали Митилэнѣ внѣ острова, и подчинили ихъ своему владычеству“⁹⁾. Возстаніе Лезбоса вспыхнуло въ 428 до Р. Х., на четвертомъ году пелопонезской войны; осада Митилэны началась къ осени того же года и въ слѣдующемъ 427 году Лезбосъ былъ уже покоренъ. Но подѣлъ земель острова и его иномѣстныхъ владѣній, другими словами превращеніе лезбійскихъ ἀποικίαι (колоній) въ аѳинскія κληροῦνιαι или въ города податные, послѣдовало годомъ или двумя спустя: это видно изъ выраженія „впослѣдствіи“, которое поставлено у Фукидида, ведущаго свое описаніе событій лѣтописно, годъ-за-годомъ. Между тѣмъ, изъ Діодора Сицилійскаго¹⁰⁾ усматриваемъ, что, на 4-мъ году 88-й олимпіады (въ 425 году до Р. Х.), въ Аѳинахъ *Архонтомъ-эпонимомъ* (ὁ ἐπώνυμος ἄρχων), т. е. архонтомъ, по имени котораго прозывался годъ и значились событія онаго, былъ — *Стратоклъ* (Στρατοκλῆς). Тутъ тождество этого имени съ названіемъ поселенія въ Синдикѣ *Стратоклея* приводитъ меня къ заключенію, что Аѳиняне, владѣвшіе уже съ половины V вѣка (то есть съ экспедиціи Перикла въ Понтъ-Эвксинъ, о чемъ ниже) *Нимфеономъ*, по одну сторону Воспора и въ сосѣдствѣ съ *Панттиканеею*¹¹⁾, воспользовались лезбійскою смутою и создали въ 425 г., на другой сторонѣ, у входа въ проливъ и при устьяхъ *Антикита*, новое пристанище, точнѣе — *κληροῦνιαι*, на территоріи *Гермонасса*, апоикіи непокорной Митилэны; словомъ *Аѳиняне* воздвигли въ Синдикѣ *городъ*, отмѣченный именемъ Архонта-проименователя, вѣдѣнію котораго подлежали дѣла отсутствующихъ гражданъ-переселенцевъ¹²⁾.

Итакъ, по всей вѣроятности, *Стратоклея* была аѳинскимъ владѣніемъ, возникнувшимъ въ началѣ пелопонезской войны, въ достопамятный годъ *Стратоклеева* архонства. Это былъ дальній, въ нашемъ черноморья, отпрыскъ тѣхъ замысловъ повсемѣстной гегемоніи, которыми увлекались тогда еще Аѳиняне, замысловъ, которые причинили имъ не-

обработывать эти участки, съ обязательствомъ ежегоднаго платежа, опредѣленнаго въ двѣ мины (100 драхмъ, около 10 руб. сер.).

⁸⁾ Первый примѣръ *κληροῦνιαι* (учрежденія специально-аѳинскаго, которое развилъ особенно Периклъ, въ видахъ улучшенія средствъ въ обѣдѣвшихъ гражданахъ) встрѣчается еще въ 506 году до Р. Х., это—занятіе земель халкидскихъ всадниковъ (ἵπλοβοῦνται) поселкомъ 1000 аѳинскихъ гражданъ (Геродотъ, кн. V, 77; срв. VI, 100).

⁹⁾ Фукидидъ въ томъ же 50-мъ параграфѣ, вслѣдъ за приведенной выше цитатой.

¹⁰⁾ Кн. XII, § 60.

¹¹⁾ См. въ моихъ изслѣдованіяхъ при *Каталотъ*: § Нимфея.

¹²⁾ Архонтъ — эпонимъ разбиралъ гражданскіе иски, завѣдывалъ дѣлами сиротъ и отсутствующихъ гражданъ, стало быть и дѣлами κληροῦνιαι. См. Demosthen c. *Masar Nόμος*, p. 1070, Pollux.

исчислимыя бѣдствія; но бѣдствія и паденіе Аѳинъ были еще немислимы въ 425 году до Р. Х., въ славный годъ правленія *Стратокла*, когда, вслѣдъ за усмирениемъ возстанія въ Лезбосѣ и Хиосѣ, Демосѳенъ занялъ *Пилосъ* и эллинскій миръ огласился поразительнымъ слухомъ о плѣненіи Аѳинянами на островѣ *Сфактеріи* цвѣта спартанскаго воинства ¹³⁾. Но подобное водвореніе Аѳинянъ въ *Синдикъ*, очевидно, не могло уже быть прочно и долговѣчно. Сицилійская экспедиція пошатнула все обаяніе Аѳинъ; пошатнула до того, что спустя лѣтъ пятнадцать послѣ „лѣта Стратоклова“, воспорскій правитель, *Спартокъ II*, отецъ Сатира I и дѣдъ Левкона, овладѣлъ *Нимфеономъ*, платившимъ дань въ аѳинскую казну ¹⁴⁾. Подобной же участи могла подвергнуться и *Стратоклея*, ею могъ овладѣть синдскій царь *Гекатей*, современникъ Сатира, сынъ котораго, Левконъ, титуловался уже въ надписяхъ царемъ Синдовъ. Можетъ быть, и сами аѳинскіе поселенцы, съ теченіемъ войны, ослаблявшей все болѣе ихъ родину, повинили этотъ дальній постъ и возвратились въ Аѳины; такъ случалось о ту пору въ другихъ поселеніяхъ. Запустѣла *Стратоклея*, или, что вѣроятнѣе, названіе ея перемѣнилось съ устраненіемъ аѳинскаго владычества, но Страбонъ, не упоминая о ней вовсе, приводитъ въ той же мѣстности два новыя названія городовъ: *Горинтію* и *Аворакэ* ¹⁵⁾; такъ что тутъ, при выходѣ уже въ открытое поле безотвѣтныхъ догадокъ, приходится остановиться передъ проблеммою,— не замѣнило-ли имя воспорскаго династа *Горинта* ¹⁶⁾ неумѣстнаго уже имени аѳинскаго архонта *Стратокла*, при переименованіи города, отходившаго изъ подъ власти аѳинянъ въ составъ воспорскаго государства?...

Географія *Плинія* представляетъ смѣсь свѣдѣній разныхъ временъ, безъ разбора, безъ поправокъ и поясненій; это компиляція изъ частей, взятыхъ у различныхъ писателей. Въ отношеніи сѣверо-восточной Азіи Плиній всего болѣе пользовался знаменитою въ древности географіею Эратосѳена, жившаго съ 276 по 196 годъ до Р. Х. Въ свою очередь *Эратосѳенъ* бралъ много изъ книги „О заливахъ“ (*περὶ λιμένων*), написанной (въ 10 частяхъ) адмираломъ Птоломеемъ Филадельфа (285—247), *Тимосѳеномъ Родосскимъ*, время появленія книги котораго относятъ къ 282 г. до Р. Х. Такимъ образомъ, доходимъ почти до IV вѣка въ источникахъ, откуда *Плиній* добылъ *Стратоклею*. Вѣроятно, она представляла удобную корабельную стоянку въ лиманѣ, образуемомъ истокомъ Антикита, и пепелище *Стратоклеи* должно скрываться подъ однимъ изъ тѣхъ городищъ, ко-

¹³⁾ Въ этомъ же году первое представленіе *Ахарнянъ*, Аристофана.

¹⁴⁾ Сл. Гарпократіонъ, въ *словарь десяти риторовъ*, подъ словомъ Νίμφαιον.

¹⁵⁾ Страб., кн. XI, гл. II, § 10.

¹⁶⁾ *Горинтъ*, отецъ Коммосаріи, жены Перисада I. Замѣчательно, что ему, вмѣстѣ съ Перисадомъ и сыномъ послѣдняго Сатиромъ I, аѳиняне за что-то воздвигали статуи на агорѣ (*Dinarach. advers. Demosthen. Wesseling ad Diod. Sic. lib. XVI, 52*).

торыми изобилуютъ окрестности *Буаза* и *Стеблеуской станицы*¹⁷⁾. Такое пристанище для флота было важно для морскаго преобладанія Аѳинянъ; поэтому и Тимосеенъ, описывавшій заливы и корабельныя стоянки, естественно могъ приводить мѣсто, свѣдѣнiя о которомъ почерпнуты имъ были изъ современныхъ пелопонезской войнѣ аѳинскихъ источниковъ.

Что съ половины V вѣка предъ Р. Х. до „Стратоклова лѣта“ (425 предъ Р. Х.), въ періодъ наибольшаго могущества аѳинскаго народа, были попытки въ утверженію владычества *Аѳинъ* надъ *Воспорожъ Киммерійскимъ*, тому есть слѣды несомнѣнные, фактическіе. Послѣ неудачи замысла на *Египетъ*, едва только окончилась, въ 455 году, шестилѣтняя война, начавшаяся одновременно съ возвышеніемъ *Перикла* (быть можетъ по его внушеніямъ), аѳинская политика устремляетъ свои виды съ юга на сѣверъ: вмѣсто неподатливой нильской дельты, она облюбливаетъ *Понтъ* „гостепріимный“. Вслѣдъ за экспедиціею, предпринятою Перикломъ въ Херсонисѣ Тракійскій на 4-мъ году 81 олимпіады (въ 453 году), узнаемъ изъ Плутархова жизнеописанія *Перикла*¹⁸⁾, что „онъ поплылъ въ *Понтъ* съ многочисленнымъ и великолѣпно снаряженнымъ флотомъ; тамъ онъ оказалъ эллинскимъ городамъ всѣ послуги, которыхъ они добивались; онъ обращался съ ними весьма человѣколюбиво и въ тоже время высказывалъ предъ глазами „окрестныхъ варварскихъ народовъ, ихъ царей и правителей, величіе аѳинянъ, безстрашье, съ которымъ плавали они по всѣмъ морскимъ изворотамъ, куда бы ни вздумалось имъ пробраться, ихъ самоувѣренность, основанную на приобрѣтенномъ ими господствѣ морей“. Периклъ помогъ жителямъ *Синопы* изгнать тирана *Темезилеона* и потомъ вызвалъ народное постановленіе объ отправленіи въ *Синопу* 600 аѳинскихъ охотниковъ для совмѣстнаго съ туземными гражданами поселенія, для подѣла домовъ и земель, принадлежавшихъ приверженцамъ угнетателя. Въ тоже, безъ сомнѣнiя, время и *Амизосъ* принялъ аѳинскую колонію, и названіе города перемѣнилось: онъ сталъ именоваться *Пиреемъ*¹⁹⁾, — прозвище, попадающееся и на монетахъ *Амиза*, вмѣстѣ съ типомъ *аѳинской совы*²⁰⁾. Эту-то *сову* съ распущенными крыльями, совершенный снимокъ съ типа большихъ десятидрахменниковъ Периклова времени²¹⁾, встрѣчаемъ теперь и на новой серебряной монетѣ *Синдовъ*, изображенной на заглавномъ листѣ *Отчета Одесскаго Общества исторiи и древностей*, за 1866—67 годъ. Къ сожалѣнію моему, я не видѣлъ подлинника и по

¹⁷⁾ См. карту Таманскаго полуострова при изслѣдованіи г. К. Герца *Археологическая топографія Таманскаго полуострова*. Москва, 1870.

¹⁸⁾ Периклесъ, § 20.

¹⁹⁾ Плутархъ, Лукуллъ § 19.

²⁰⁾ Mionnet. *Suppl.* IV, p. 433—34, № 86—90.

²¹⁾ См. Beulé, *Les Monnaies d'Athènes*, p. 47—50.

рисунку не берусь опредѣлить значеніе фигуры на лицевой сторонѣ (волѣнопреклоненнаго вправо, нагаго и съ обнаженной головою мужчины ²²⁾; но *сова* оборотной стороны (чисто-аѳинская сова) съ надписью ΣΙΝΑΩΝ сверху — очевидный *знакъ аѳинскаго вліянія въ Сидиктѣ*. Это типъ по-истинѣ знаменательный, намекающій на событія, сокрытыя отъ насъ завѣсою отдаленнаго времени, но смыслъ которыхъ проявляется въ современномъ монетѣ утвержденіи *аѳинской гегемоніи на берегахъ Антикита*. Вотъ какъ представляю я себѣ логическій ходъ этихъ событій:

Двадцатилѣтіе отъ приведенной выше экспедиціи Перикла въ Понтъ Эвксинъ (453), до вмѣшательства въ распрю Коркирянъ съ ихъ метрополіею (432), того роковаго вмѣшательства, которое возбудило пелопонезскую войну, представляетъ не только самыя высшія ступени могущества Аѳинъ, но и періодъ особенной колонизаторской дѣятельности, въ размѣрахъ самыхъ широкихъ и смѣлыхъ. Такъ, овладѣвъ *Фракійскимъ Херсонисомъ*, т. е. доступомъ въ Эвксинскій Понтъ, а внутри этого моря устроивъ колонію въ *Синопѣ*, *Амизостѣ* и — по всей вѣроятности въ ту же самую экспедицію и въ *Нимфеонтѣ*, — аѳиняне покоряютъ окончательно *Эбею* (445) и *Самосъ* (440); въ 443 году они основали поселеніе на мѣстности древняго Сибариса (*Фуріонъ*), а въ 437 году высылаютъ новую колонію въ *Амфиномисъ*, подъ предводительствомъ *Амона*. Въ промежуткѣ между поселеніемъ въ Италіи и поселеніемъ во Фракіи, за годъ до основанія Амфиполиса, возникаютъ важныя событія въ *Воспорѣ Киммерійскомъ*, оставленномъ, какъ мы уже видѣли, подъ надзоромъ аѳинскихъ ревнителей въ *Нимфеонтѣ*. Въ 438 году до Р. Х., сорокадвухлѣтнее господство *Археанактидовъ* надъ Воспоромъ прекращается; на мѣсто этой „тираніи“ возникаетъ правленіе „архонтовъ“, какъ въ *Аѳинахъ*; избирается правитель изъ какого-то иного города, начинается новая династія въ лицѣ Спартока. Но *кто* былъ Спартокъ и *откуда* взялись эти перемѣны въ Киммерійскомъ Воспорѣ? — Пятый вѣкъ до Р. Х. былъ первымъ вѣкомъ аѳинской демократіи; тѣмъ не менѣе пропаганда, пушенная въ ходъ Перикломъ, была такъ сноровиста въ примѣненіи къ различнымъ мѣстностямъ, а массы такъ податливы къ „новой политикѣ“, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, при нѣкоторой подготовкѣ, революція проникла даже въ Воспорскіе предѣлы. Точка опоры для рычага, воимъ слѣдовало сдвинуть *старые порядки*, имѣлась въ *Нимфеонтѣ*, а пятнадцати лѣтъ слишкомъ было достаточно для подготовкѣ реакціи противу власти *Археанактидовъ*. Во всякомъ случаѣ произошелъ переворотъ въ смыслѣ *демократическомъ*, слѣдовательно по духу онъ былъ *аѳинскій*. Это отвѣтъ на вопросъ: *откуда* шла революція 438 года; касательно же вопроса: *кто былъ Спартокъ*, — то и тутъ мгла начинаетъ проясняться. По надписямъ позднѣйшихъ царей Воспора Киммерійскаго ^{22а)}

²²⁾ Не метатель-ли это жеребья, при подѣлѣ участковъ?

^{22а)} Надпись царя Воспорскаго *Т. Ю. Рискупориса* отъ даты (512 понт. эры; 216 по Р. Х.)

обязывается нынѣ нѣчто въ высшей степени знаменательное, а именно, что цари эти признавали себя потомками *Евмолта*, сына Посейдона ²³). Евмолпъ былъ основатель Елевзинскихъ мистерій, первый жрецъ Димитры и Діониса ²⁴). *Евмолтиды* (εὐμόλτιδες) были важнѣйшая изъ жреческихъ фамилій Аттики; имъ принадлежало отправленіе культа Димитры въ Аѣнахъ и въ Елевзисѣ; ихъ-то потомство встрѣчаемъ мы *на престолѣ Веспора Киммерійскаго*: не есть-ли это просвѣтленіе мглы, облагавшей Веспорскій переворотъ 438 года до Р. Х., самое замѣчательное изъ откровеній времени? Это еще одно кольцо отъ той порванной цѣпи событій, отъ которой сохранялся слѣдъ въ *Нимфеонѣ*, подчиненномъ Аѣннамъ и платящемъ *одинъ талантъ дани* ²⁵), кромѣ слѣдовъ, обнаруживаемыхъ здѣсь въ городѣ *Стратоклея* и въ синдской монетѣ съ печатью *аѣнской совы* времени *Перикла*.

De Boze ²⁶) впервые заявилъ предположеніе, что родоначальникомъ Археанактидовъ, господствовавшихъ надъ Веспоромъ Киммерійскимъ съ 480 по 438 годъ до Р. Х. былъ *Археанаксъ* Митилѣнскій, союзникъ аѣнскаго тирана Пизистрата. Археанаксъ основалъ *Сигей* въ Троадѣ, городъ, воздвигнутый изъ развалинъ Трои ²⁷), куда сынъ Пизистрата, *Гиппійасъ*, по изгнаніи изъ Аѣнъ удалился вмѣстѣ съ семействомъ ²⁸). Отсюда понятный поводъ вражды аѣнчанъ къ колоніи, основанной Археанаксомъ, къ нему самому и къ его роду. Послѣ продолжительной войны съ Аѣнчанами, Археанаксъ изгнанъ былъ изъ Сигей, доставшейся Аѣнчанамъ ²⁹). Онъ, по мнѣнію Де-Боза, удалился въ Веспоръ Кимме-

напечатана г. академикомъ Стефани въ *Отчетъ археологической комиссіи за 1862 годъ* (стр. 24—25). Въ этой надписи Рискупорисъ титулуется: „отъ *Иракла и Евмолта, сына Посейдонова, и отъ предковъ царя царей*“.

²³) Сына бога Посейдона и *Хіоны*, дочери *Борея* и аттической героини *Орейѣи*.

²⁴) Старшій жрецъ Елевзинской богини (ιεροφάντης или μυσταγωγός), предводившій отправленіе мистерій и посвящавшій мистовъ, былъ всегда изъ членовъ потомства еракійскаго барда, бывшаго первымъ *иерофантомъ* культа (Hesych s. v. Εὐμόλτιδες; Tacit. Hist. IV, 83; Agrob., V, 25; Clemens Alex., *Protrept.*, p. 16, e). Иерофанту содѣйствовали по должности четыре ἐπιμεληταί, одинъ изъ которыхъ принадлежалъ также къ роду Евмолпидовъ (Harpocrat. и Suidas, s. v. ἐπιμεληταί τῶν μυστηρίων).

Добавлю по поводу титула Веспорскихъ царей, что *Евмолтъ* состоялъ въ тѣсной связи съ *Иракломъ*, котораго онъ обучалъ музыкѣ и посвятилъ въ мистеріи (Hygin. *Fab.* 273; Theocrit. XXIV, 108; Apollod., II, 5, § 12).

²⁵) Гарпократіонъ по цитатѣ, приведенной въ 14-мъ примѣч.; Эсхинъ, въ рѣчи противу Ктезифонта.

²⁶) Memoires de l'Academie des Inscript. T. VI, p. 553.

²⁷) Страб., XIII, стр. 895.

²⁸) Геродотъ, V, 65.

²⁹) Отсюда типъ аѣнцкой совы и на сигейскихъ монетахъ. См. у Мюнне.

рійскій, гдѣ основалъ новое поселеніе. Но такъ какъ начало власти Археанактидовъ надъ Воспоромъ относится, по Діодору, къ 480 году до Р. Х.³⁰⁾, то очевидно, что основателемъ династїи могъ быть только сынъ этого Археанакса, или даже внукъ его, каковымъ и могъ быть *Симандръ*, приводимый *Евстаѳіемъ*, или вѣроятно же сынъ послѣдняго отъ *Гермонассы*, по греческому обычаю названный *Археанаксомъ*—по дѣду. Городъ Гермонасса при Археанактидахъ былъ очевидно старшимъ городомъ. Воспора Киммерійскаго: тамъ было гнѣздо этихъ „господарей“, говоря о которыхъ, Діодоръ опредѣляетъ ихъ мѣстопробываніе словомъ: „*Въ Азіи*“, Археанактиды . . . и проч. Экспедиція Перикла въ Понтъ-Эвксинъ, происходившая, какъ я уже говорилъ, въ самой срединѣ V вѣка и послѣ изгнанія Археанаксова рода изъ Трояды, конечно, могла имѣть въ виду, въ числѣ прочаго,—воспользоваться предлогомъ старой вражды, чтобы приготовить и въ Воспорѣ Киммерійскомъ сверженіе потомства сигейскаго союзника аѳонскихъ тирановъ; а такъ какъ большая часть Воспорскихъ городовъ была отъ іонійскаго корня и колонїи Милета,—въ свою очередь колонїи *Аѳинъ*, то естественно предполагать, что, овладѣвъ *Нимфеономъ* (или сами основавъ это поселеніе), Аѳиняне легко могли возбудить у своихъ по племени сродниковъ ту реакцію противу *Археанактидовъ*, которая привела къ низложенію этихъ олигарховъ въ 438 году. Тогда, на основанїи извѣстныхъ обычаевъ, что не только жрецу колонїи подобаешь быть родомъ изъ метрополїи³¹⁾, но что и новому вождю надлежитъ быть избрану съ согласія отчаго города, *Аѳины*, замѣняя едва возникавшій съ 479 года Милетъ³²⁾, даровали своимъ соплеменникамъ въ Воспорѣ Киммерійскомъ новаго вождя изъ высокаго жреческаго рода *Евмолтидовъ*, хранителей елезвинскихъ тайнствъ. Оказывается, стало быть, по согласованїи титула надписей³³⁾ съ логикою событїй, что такъ

³⁰⁾ См. кн. XII, § 31 его *Исторической Библіотеки*.

³¹⁾ См. Схولیастъ Θукїд., I, 24—25. Срв. Тацитъ, *Ann.*, II, 51.

³²⁾ Послѣ битвы при Микалеѣ, Милетъ сталъ населяться снова изъ подъ развалинъ персидскаго погрома 494 года. Новые поселенцы были преимущественно Аѳиняне.

³³⁾ Надпись царя Т. Ю. Рискупорида III, помѣченная датою В1 Ф (512 г. понтійско-ахеменидской эры; 216 по Р. Х.) начинается такъ:

Τὸν (ἄφ' Ἡρακλέους) καὶ Εὐμόλπου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ ἀπὸ προγόνων βασιλέων βασιλέα
Τιβέριον Ἰούλιον Ῥησκούποριν υἱὸν μεγάλου Βασιλέως Σαυρομάτου.

См. Отчетъ Археол. комиссіи за 1862 годъ, стр. 24—25.

Другая надпись помѣщена у Бека, *Corp. Inscr.*, № 2123; въ Яновомъ *Jahrb. Bd. LXXXIII*, и въ Запискахъ Одесскаго Общества исторїи и древностей, т. V, стр. 6. Она затрудняла описателей, но теперь академикъ Стефани возстановилъ ея чтеніе:

Τὸν ἀπὸ Εὐμόλπου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ ἄφ' Ἡρακλέους βασιλέα βασιλέων μέγαν τοῦ
παντὸς Восπόρου Τ. Ι. Σαυρομάτην κ. τ. λ.

Тамъ же, въ Отчетѣ 1862 г.

называемые (по новшеству, отъ имени перваго отъ переворота архонта) *Спартокиды* были кровные Аѳиняне — *Евмолпиды*, чѣмъ натурально поясняются аѳинскія симпатіи *Сатира*, *Левкона*, *Перисада* и другихъ архонтовъ Воспора Киммерійскаго, не даромъ приносившихъ родинѣ огромные дары и не даромъ признаваемыхъ, какъ *Левконъ*, почетными и льготными гражданами Аѳинъ. Самое сооруженіе на аѳинской агорѣ статуи *Перисады I*, его сыну *Сатиру* и его тестю *Гориппу* ³⁴⁾, является уже въ иномъ свѣтѣ: не какъ униженная лѣсть, а какъ награда согражданину за заслуги.

Мнѣ скажутъ: все это не болѣе, какъ „гипотеза“. Не спору въ отношеніи города Стратоклеи, хотя тутъ сближенія до того поразительны и такъ отчетливо просвѣтляется ими тьма древности, что никакъ не хочется признать фантазіей, обманчивымъ призракомъ то, что осязаемо всѣми примѣненіями вѣроятности и историческаго анализа. Но лучъ свѣта, который исходитъ изъ ново-открытаго родословнаго титула воспорскихъ царей, это нельзя назвать гипотезой. Тутъ — цѣлое откровеніе древней политической драмы, съ прологомъ въ Митилѣнѣ и Сигеѣ, съ первымъ дѣйствіемъ, разыгрываемымъ въ Гермонассѣ и Стратоклеѣ и со вторымъ дѣйствіемъ, или вѣрнѣе — новою пьесою, сотканною на европейской сторонѣ, въ Нимфеонѣ и приводимой въ ходъ аѳинскими режиссерами. Дѣйствующія лица этого представленія — гонимые повсюду Археанактиды и предрѣченные къ возвеличенію на ихъ счетъ Евмолпиды; двигатель дѣйствія, какъ *Deus ex machina*, заправщица хоровъ — аѳинская политика... Приурочивая Спартока I къ Евмолпидамъ, мы возвращаемъ ему родъ и племя. Оставить его по старому родоначальникомъ Спартокидовъ, значить обрекать его самага на безродство, ставить его предъ исторіей въ положеніе нашихъ Ивановъ, „непомнящихъ родства“, словомъ — „страха ради“, чтобы въ чемъ-либо не промахнуться — прятать подъ спудъ свѣтъ, рвущійся наружу, и мѣркою осторожности отвѣшивать точки пробѣловъ, одни только точки пробѣловъ, коими переполнена исторія Воспора Киммерійскаго.

³⁴⁾ См. Динархъ *adv. Demosthen.* Wesseling *ad. Diod. Sic. lib. XVI, c. 52.*

СВѢДѢНІЕ О ВЛАХЕРНСКОЙ ИЛИ ЛАХЕРНСКОЙ ИКОНѢ.

(посвящается памяти кievскаго митрополита евгенія).

Рефератъ **Н. Н. Мурзакевича.**

Случайно встрѣтившійся мнѣ полихромъ, изданный въ 1847 году г. Вильчинскимъ въ Парижѣ, предположившимъ составить альбомъ кievскихъ святынь, далъ мнѣ случай разрѣшить вопросъ о томъ, какъ изображалась въ древности Пресвятая Богородица, именуемая Влахернская или Лахернская, ознаменованная чудомъ, происшедшимъ въ 865 г.

Ни византійскій историкъ Георгій Кедринъ, ни совокупно всѣ русскія лѣтописи, упоминая объ иконѣ, ни разу не изложили ея очертанія. Изящный полихромъ г. Вильчинскаго вѣрно изобразилъ мозаическую икону Пресвятыя Богородицы, находящейся на „горномъ мѣстѣ“ Кіевософійскаго собора, извѣстную подъ именемъ „Нерушимой Стѣны“¹⁾. Греческіе мастера, вызванные кievскимъ великимъ княземъ Ярославомъ I Владиміровичемъ изъ Константинополя для построения, на его иждивеніи, собора, посвященнаго Софіи, т. е. премудрости Божіей, посредствомъ набора разноцвѣтныхъ камышковъ изобразили на сказанномъ мѣстѣ Пресвятую Богородицу такъ: среди золотого поля Матерь Божія (МР. ѠУ) изображена въ сіяніи (nimbus), съ поднятыми къ небу руками, т. е. молящеюся; глава ея покрыта большимъ золотымъ покрываломъ, нисходящимъ съ плечъ до колѣнъ; на челѣ и на плечахъ три бѣлыхъ креста; хитонъ синяго цвѣта съ украшенными поручнями; подпоясана красноватымъ поясомъ, за которымъ заткнутъ

¹⁾ „Нерушимую стѣною“ называютъ отъ того, что въ теченіи 800 лѣтъ среди окончательнаго раззоренія древняго Кіева Батыемъ, затѣмъ Менгли-гиреемъ и Литвою, а также уніатами, отнявшими въ 1596 году у православныхъ Софійскій соборъ, мозаическое изображеніе осталось неприкосновеннымъ, тогда какъ подобныя, въ другихъ храмахъ, исчезли, или сильно повреждены, какъ напр. въ Злато-верхо-Михайловскомъ монастырѣ.

узорчатый утиральникъ (λέντιον). Матерь Божія, какъ это обозначено черными буквами, стоитъ на коврѣ, часть котораго украшена узорочною каймою. Все изображеніе окаймлено красивою бѣлоголубою полукруглою каймою, а по верху ея слѣдующею надписью: Ο ΘΕΟΣ ΕΝ ΜΕΣΩ ΑΥΤΗΣ ΚΑΙ ΟΥ ΣΑΛΕΥΘΣΤΑΙ: ΒΟΗΘΗΣΕΙ Ο ΘΕΟΣ ΤΟ ΠΡΩΙ ΚΑΙ ΠΡΩΙ ¹⁾, т. е. Богъ посреда Ея и не подвижется.

Величественная и изящная мозаика Кіевософійская, кромѣ художественности своей важна для русской исторіи тѣмъ, что она объясняетъ одно мѣсто въ нашихъ лѣтописяхъ, гдѣ ими упоминается о „святѣй Богородицѣ въ Лахернахъ“, по случаю совершившагося въ 865 году чуда. Оно произошло такъ: Опекунъ малолѣтняго кіевскаго великаго князя Святослава I Игоревича, князь Олегъ, за учиненное Руссамъ константинопольскими жителями безпричинное „умертвление соплеменниковъ ихъ“ ²⁾, сдѣлалъ внезапный наплывъ на Константинополь, окружилъ его многочисленными судами (μονόζυλα) такъ, что съ трудомъ и опасностію пробрался въ городъ самъ императоръ Михаилъ III. И, когда устранившиеся константинопольцы прибѣгли съ молитвою въ церкви, тогда патріархъ Фотій, „бывъ въ церкви святѣй Богородицы въ Лахернахъ, всю ночь молитву творилъ, божественную святая Богородицы ризу и съ пѣснями духовными изнесе въ рѣку (т. е. проливъ Золотаго Рога) омочивъ, тишина суши и морю увротившусь, абіе буря съ вѣтромъ встала, и волнамъ великимъ вставшимъ за собою, и безбожныхъ Руси корабли смяте, и ко берегу приверже и изби ѿ, яко мало ихъ отъ таковаго бѣды избыша, и во свояси возвратипася“ ³⁾.

Начиная съ историковъ Татищева, князя Щербатова, Шлецера, Карамзина, Погодина, Соловьева, Бестужева-Рюмина и Иловайскаго, ни одинъ изъ нихъ, ни археографы—Языковъ, Снегиревъ, Чертковъ и Сахаровъ—не изъяснили: какое то было изображеніе „Лахернской Богородицы“? Вопросъ, не чуждый научной любознательности, а тѣмъ болѣе русской археологіи.

Въ Константинополѣ, въ участкѣ, именуемомъ „Фанаръ“, гдѣ и теперь живутъ исключительно греки, въ приходской церкви указываютъ икону, крайне неискусной висти, именуя оную Влахернскую; но крайне неосновательно. Эта икона изображаетъ Пресвятую Богородицу „Одигитрію“ ⁴⁾, но никакъ не Лахернскую, или Влакернитису.

¹⁾ Надпись эта, къ сожалѣнію, невѣрно изображена въ „Обозрѣніи Кіева въ отношеніи къ древностямъ“ изд. Фундуклея. Кіевъ, 1847 года, стр. 38, также и въ „Атласѣ къ древней русской исторіи до Монгольскаго ита“. сочиненіи академика Погодина. Москва, 1871 года, табл. 52.

²⁾ Четыре бесѣды Фотія, святѣйшаго архіепископа константинопольскаго, и разсужденіе о нихъ архимандрита Порфирія Успенскаго. С.Пб., 1864, стр. 17.

³⁾ Лѣтописецъ по Кенигсбергскому списку. С.Пб., 1767, стр. 17.

⁴⁾ Небо новое, архим. I. Галатовскаго. Черниговъ, 1677 года, I. л. 82. „Прозваша же

Древнѣйшее мозаическое изображеніе Влахернской Богородицы находится въ Италіи, древнемъ экзархатѣ, города Равенны въ каедральной архіепископской церкви св. Петра Хрисогона. Здѣсь Богородица изображена точно такъ, какъ кіевская „Нерушимая Стѣна“, только вмѣсто греческихъ латинскія буквы SC. MR. Въ томъ же городѣ и другое подобное мозаическое изображеніе находится въ церкви S-ta Maria in porto, вывезенное изъ Византіи, какъ говоритъ преданіе. На этой иконѣ надпись греческая MP. ΘΥ. Богородица предстоить съ поднятыми къ небу руками, но безъ утиральника; за то обилуетъ крестами, которые изображены на главѣ, рукахъ, плечахъ, колѣнахъ и на краяхъ плаща. Можно полагать, что и на первой иконѣ были греческія буквы, но, по обычаю Западной церкви исподоволь изглаживавъ слѣды Восточной церкви, эти буквы, какъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи и Сициліи, замѣнены латинскими.

Икона Одигитріи по всѣмъ прототипамъ ¹⁾ изображается такъ: (MP. ΘΥ.) Матерь Божія лѣвою рукою держитъ отрока Иисуса, а правою благоговѣнно принимаетъ благословеніе Сына. Такъ, по церковному древнему преданію, писалась и пишется икона Одигитріи. Лахернская же, въ отличіе отъ Одигитріи, должна была изображаться иначе.

Послѣ безпощаднаго разграбленія Константинополя въ 1204 г. венеціянами, разоряемая церковь, кромѣ сокровищъ ²⁾, лишилась иконъ. Крестоносцы-католики все, что казалось на глаза дорогого или примѣчательнаго, все вывезли въ Венецію, для украшенія тамошняго храма св. Марка, дворца дожей и домовъ нѣкоторыхъ патриціевъ. Такимъ образомъ и каменные изваянія, изображающія Лахернскую икону, украсили мраморомъ обложенныя стѣны нѣкогда православнаго храма святого апостола и евангелиста Марка, покровителя Венеціи. Въ четырехкратную бытность мою въ Венеціи, при внимательномъ осмотрѣ величественной базилики св. Марка, меня поразили въ разныхъ стѣнахъ вставленныя мраморныя изображенія Пресвятыя Богородицы, совершенно сходныя съ Кіево-софійскою алтарною мозаикою. Ища источниковъ, на которыхъ бы могъ опереться въ томъ,

оную икону по случаю слѣдующему. Двумъ слѣпцамъ явилась Пресвятая Богородица и привела ихъ къ церкви своей, яже во Влахернѣ, къ чудотворной своей иконѣ, и даде имъ совершенное прозрѣніе. И начали люди звати икону Пресвятыя Богородицы Одигитрією“.

¹⁾ Списокъ иконы Одигитріи, вывезенный изъ Константинополя въ 1046 году, привезенъ въ Смоленскъ тамошнимъ удѣльнымъ княземъ Владиміромъ Всеволодовичемъ Мономахомъ въ 1103 году, поставленъ въ смоленскомъ соборѣ, гдѣ и теперь находится. См. Исторію губернскаго города Смоленска Д. Н. Мурзакевича. Смоленскъ, 1804, стр. 41.

²⁾ Добыча константинопольская, за многими ея истребленіями, отчасти и доселѣ хранится въ ризницѣ (tesoro) св. Марка и состоитъ изъ золотыхъ сосудовъ (ποτήριον), чашъ яшмовыхъ, золотыхъ эмальированныхъ императорскихъ иконъ. Мой дневникъ 1858—1866 годовъ.

что венеціянскія помянутыя изваянія базилики св. Марка сходственны съ кievскою „Не-
рушимою Стѣною“, наконецъ нашель ихъ въ византійской нумизматикѣ.

Замѣчательный трудъ покойнаго члена Одесскаго Общества исторіи и древностей
I. I. Сабатье: «Description générale des monnaies Byzantines, frappées sous les empereurs
d'Orient, depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople par Mahomet II». Paris, 1862,
in-8°. 2 vol., окончательно въ моемъ предположеніи утвердилъ. Въ этомъ систематически
полномъ трудѣ, во множествѣ монетъ, тщательно описанныхъ и на таблицахъ искусно
выгравированныхъ извѣстнымъ .I. Дарделемъ, между прочими находится серебряная мо-
нета византійскаго императора Константина XII Мономаха, царствовавшего съ 1042 по

Константина XII Мономаха.
(1042—1055).

1055 годъ. На этой рѣдкой монетѣ, на лицевой сторонѣ изображена Пресвятая Бого-
родица въ молитвенномъ положеніи съ поднятыми къ небу руками; на головномъ покры-
валѣ и на одеждѣ по обоимъ плечамъ имѣются кресты, и на груди, а по сторонамъ
ΜΡ. ΘΥ., да наверху полукружіемъ надпись: Μ. ΒΛΑΧΕΡΝΙΤΙΣΑ (т. е. Марія Влахернская).
На оборотной — надпись въ шесть строкъ: ΘΚΕ. ΒΟ. ΚΩΝΣΤΑΝ. ΤΙΝΩ. ΔΕΣ. ΠΟΤΗ.
ΤΩ. ΜΟΝΟΜΑ. Χ. (т. е. Богородице! спаси Константина владыку Мономаха)¹⁾. Итакъ
монета, какъ свидѣтельство несомнѣнное, доказываетъ и окончательно подтверждаетъ то,
какъ въ свое время въ Константинополь изображалась „Влахернская Богородица“. Дре-
внѣйшее же изображеніе той же Влахернской, .Лакернской или Влахернисы, нахо-
димъ въ томъ же нумизматическомъ изданіи Сабатье,—на золотой монетѣ императора
.Льва VI премудраго, царствовавшего въ Константинополь съ 886 по 912-й годъ²⁾, слѣ-
довательно скоро послѣ чуда, совершившагося надъ княземъ Олегомъ. Должно предпо-
лагать, что первые кievскіе митрополиты—греки, присланные изъ Константинополя, внесли
изображеніе „Влахернитисы“ въ новопостроенный Софійскій кievскій храмъ, въ напо-

¹⁾ См. tom. II, p. 114 tab. XLIX, № 12. Византійская нумизматика важна для церковной археологіи. По монетамъ можемъ знать, въ какомъ вѣкѣ и какъ именно первоначально изо-
бражались иконы Господскія, Богородичныя и др. святыхъ; также какого вида, по порядку
вѣковъ, изображались кресты, какъ къ нимъ прибавлялись разнообразныя изображенія, вы-
тѣснившія собою первоначальную форму креста IV и V вѣковъ, какія мы видимъ на церков-
ныхъ херсонисскихъ колоннахъ и стѣнахъ.

²⁾ Sabatier, t. II, p. 114, tab. XLV, № 11.

минаніе совершившагося надъ Руссами чуда, вслѣдствіе котораго Руссы обратились въ христіанство.

На сѣверѣ Россіи, въ отдаленномъ отъ Кіева Великомъ Новгородѣ, изображеніе Влахернской Богородицы является уже нѣсколько измѣненнымъ и дѣлается извѣстнымъ подъ именемъ „Знаменія Богородицы“. Икона эта впервые изображается при описаніи осады Новгорода суздальскимъ княземъ Андреемъ Юрьевичемъ Боголюбскимъ, въ 1169 году. Пресвятая Богородица представлена также молящеюся, но въ нѣдрахъ груди, въ кругѣ, является предвѣчный отрокъ Иисусъ Христосъ ¹⁾. Такія иконы, распространяясь по Россіи, на долгое время предали забвенію Влахернитису, и стали это именованіе исключительно присвоивать Одигитріи. Впрочемъ не навсегда, особенно въ Кіевѣ. Икону Влахерскую, изваянную на камнѣ, встрѣчаемъ въ 1470 году въ Кіевопечерской лаврѣ, при обновленіи „великой церкви“ Успенія Богородицы архимандритомъ Іоанномъ, при кіевскомъ князѣ Симеонѣ Александровичѣ, а Литовскомъ королѣ Казимірѣ. Влахернитисѣ предстоятъ преподобные печерскіе Антоній и Θεодосій. Икона эта нынѣ вдѣлана въ лаврскую колокольню. ²⁾

Дѣлая извѣстнымъ полезный трудъ г. Сабатье, нужнымъ считаю прибавить, что, кромѣ возможной полноты описанія византійскихъ монетъ, книга эта (въ особенности II томъ) можетъ служить важнымъ пособіемъ русской церковной археологіи въ отношеніи иконописанія. Священные изображенія, которыя византійскіе императоры ставили на выпускаемыхъ въ народное обращеніе монетахъ, нашихъ русскихъ иконописцевъ непогрѣшимо могутъ руководить несомнѣнными, непререкаемыми первообразами (πρωτοτύπος), вмѣсто италіянскихъ, слишкомъ очеловѣченныхъ подражаній. Въ православной Палестинѣ и Греціи церкви и монастыри, при написаніи священныхъ ликовъ, неуклонно слѣдуютъ византійскимъ образцамъ, которые неизмѣнно сохранила нумизматика.

¹⁾ Sabatier, t. II, p. 114, tab. XLVII, № 18. Такъ икона „Знаменія Богородицы“, въ первый разъ изображена на монетѣ императора Іоанна I Цимисхія, побѣдителя кіевского великаго князя Святослава I Игоревича, воевавшего противъ Болгаръ и Грековъ въ 967—971 годахъ.

²⁾ Погодина Атласъ къ русской исторіи. Листы 44 и 50.

МЕЛКІЯ ДРЕВНОСТИ КУБАНСКОЙ И ТЕРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.

Рефератъ Н. П. Кондакова.

Всѣмъ понятно, по крайней мѣрѣ съ исторической точки зрѣнія, высокое значеніе, какое имѣютъ въ настоящее время различные памятники быта и искусства варварскихъ народовъ средневѣковой Европы. Между тѣмъ трудно было бы найти страну болѣе интересную въ отношеніи къ варварскимъ древностямъ, какъ Кавказъ: различныя племена и народности, издревле здѣсь жившія, должны были оставить по себѣ многочисленные слѣды, рассмотреть которые и составляетъ существенную задачу археологii. Здѣсь эта наука уже не часть, не младшая сестра исторii, а мать ея. Къ сожалѣнію, наука кавказскихъ древностей, если исключить наше, впрочемъ, поверхностное и ошибочное знаніе грузинской архитектуры (не говорю уже ея исторii), доселѣ только въ зародышѣ.

Но еслибы мы обратились и къ тѣмъ варварскимъ древностямъ, которыя подъ именемъ *скифскихъ* наполняютъ драгоценными сокровищами коллекціи С.-Петербургскаго Эрмитажа, то, за исключеніемъ образцовыхъ отчетовъ о ихъ открытіи, т. е. исторii раскопокъ, изданной при великолѣпныхъ снимкахъ (Др. Гер. Ск.), мы все-таки встрѣтились бы съ сырымъ матеріаломъ. Въ виду этого естественно и позволительно всякое обобщеніе хотя бы временнаго значенія и потому позволимъ себѣ остановить вниманіе създа на нѣкоторыхъ мелкихъ древностяхъ, добытыхъ въ послѣднее время изъ разныхъ мѣстностей сѣвернаго Кавказа. Эти древности хранятся нынѣ въ Кавказскомъ музеѣ въ Тифлисѣ (въ шкафахъ за номерами 13 и 16) подъ именемъ „древностей изъ Кубанской области“. Прежде всего рассмотримъ самые предметы, не разбирая ихъ по мѣсту находенія, такъ какъ наша цѣль не исторія раскопокъ, а характеристическій очеркъ, и такъ какъ между ними вообще замѣчается крайнее сходство и даже тождество въ родахъ и типахъ, хотя замѣчается и большая разница въ стилѣ. Вещи эти добыты большею частію изъ кургановъ, къ сожалѣнію, разрытыхъ безъ особыхъ научныхъ приѣмовъ: въ документахъ, сопровождав-

шихъ ихъ присылку въ Тифлисскій музей нѣтъ никакихъ указаній по исторіи ихъ находки: отсюда недостаетъ также существенныхъ данныхъ для опредѣленія предметовъ; предметы разрознены, и трудно угадать иногда не только первоначальное назначеніе, но и самый видъ.

Всѣ предметы принадлежатъ къ разряду крупной и мелкой хозяйственной и погребальной утвари: оружіе, мелкія украшенія одежды, топорикъ бронзовый, кувшинъ (найденъ въ станицѣ Ходыжинской), конская збруя и пр. Изъ утвари прежде всего обращаютъ на себя вниманіе предметы металлическаго производства. Таковы бронзовые сосуды, нѣкоторые даже крупныхъ размѣровъ; только немногіе украшены орнаментами, при томъ крайне не сложными, напр. овали по краямъ. На одномъ котелкѣ ручки сдѣланы въ видѣ двухъ коньковъ первобытнаго рисунка и вообще въ той формѣ, какая уже извѣстна по многимъ предметамъ варварскаго искусства. Работа сосудовъ, однако, и ихъ формы показываютъ уже усвоенныя знанія, а эти послѣднія, очевидно, ведутъ свое происхожденіе изъ міра классическаго. Далѣе, мы встрѣчаемъ множество мелкихъ бронзовыхъ вещей, какъ то: разныхъ принадлежностей конскаго убора, болѣе роскошно орнаментированныхъ, или обдѣланныхъ въ видѣ звѣриныхъ формъ, роговъ оленя или тура, въ видѣ птицъ, быковъ и т. п. Все это формы, уже извѣстныя въ археологіи варварскаго быта и искусства. Много бронзовыхъ подѣлокъ менѣе опредѣленнаго характера и назначенія, какъ-то: рядъ бронзовыхъ орнаментированныхъ пластинокъ, очевидно, служившихъ для украшенія какой-либо поверхности на деревѣ, напр. на колесницѣ; различныя привѣски, разломанныя и потому неясныхъ формъ. Затѣмъ различныя предметы убранства и украшенія: дутыя кольца и пуговицы, браслеты съ вставленными въ нихъ хрусталами (найдены на Псекупсѣ) и золотой пруть, оканчивающійся змѣиными головами; отшлифованныя, яйцевидной формы горные хрустали; просверленные сердолики, янтари, цвѣтные камни; одежды, золотыя пуговицы, нашивки, пряжки, фибулы, ожерелья, браслеты простые или витые бронзовые, кольца, серьги, крупныя сердолики и стеклянныя шарикъ въ оправкахъ и безъ нихъ, большія бляхи изъ серебра и пр. и пр.

Глиняныхъ сосудовъ между этими предметами, добытыми изъ кургановъ, нѣтъ, а черепки красной и сѣрой глины, въ нихъ найденныя, весьма грубой работы. За то встрѣчаются осколки алебаstra съ красной и бѣлой спиралью. Изъ стеклянныхъ издѣлій замѣчательна лишь большая бутылочка, орнаментированная въ восточномъ вкусѣ. Есть далѣе вещи, покрытыя эмалью по золоту, но ихъ немного, въ видѣ пряжекъ и иныхъ деталей одежды, и притомъ поздняго уже времени. Упомяну, наконецъ: кольчугу, мечи, наконечники копій, стрѣлы и пр.

Характеристика этихъ перечисленныхъ предметовъ, а слѣдовательно, и курганныхъ древностей сѣвернаго Кавказа вообще можетъ быть составлена уже и изъ этого общаго разсмотрѣнія. Сосуды, украшенія одежды, нашивки, браслеты, золотыя фибулы, конскіе

уборы изъ золота и бронзы, — все это очень близко подходит въ погребальной обстановкѣ, которую мы привыкли встрѣчать въ курганахъ южной Россіи, какъ Керчи и Тамани, такъ и Новороссіи. Основаніемъ и почвою какъ погребальныхъ обычаевъ, такъ и характера вещей служить съ одной стороны классическій міръ Грековъ, съ другой народныя обычаи Скивовъ.

Но для бѣльшей ясности можно выбрать наиболѣе интересныя въ художественномъ отношеніи вещи и рассмотреть ихъ, какъ образцы стиля. Это рассмотрѣніе даетъ намъ и необходимыя опредѣленія стиля, а слѣдовательно, и времени происхожденія древностей.

Въ 1-й группѣ собраны образчики различныхъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ украшеній одежды и предметовъ убранства. Подъ № 1 помѣщенъ снимокъ въ натуральную величину съ большой серебряной бляхи, на которой выпукло изображена голова и шея быка: изображеніе прекрасно и отличается чисто-классическою стильностью, хотя въ рисунокѣ уже есть крупныя неправильности, и складки шеи стилизованы сухо и условно; видна работа на основѣ энергическаго и изящнаго образца и полное знаніе чекана. Двѣ дырочки на каждой сторонѣ назначены для прикрѣпленія къ другой металлической же поверхности, поэтому возможно, что бляха украшала выпуклость щита. Подобныя же выпуклыя и круглыя серебряныя пластинки, представляющія орнаментацию въ видѣ волютъ или волнообразныхъ линій, а въ срединѣ условной формы листвы, найдены также вмѣстѣ съ этой бляхой.

Золотая серьга № 2 въ видѣ овальнаго, дутаго медальона съ привѣсками и подвѣшенная на розеткѣ, особенно интересна по рельефу, изображающему Викторію, несущую вѣнокъ въ лѣвой рукѣ, съ большими крыльями и въ длинномъ, волнуемомъ извѣстными классическими складками, платьѣ. По всему судя, эта серьга уцѣлѣла отъ болѣе ранняго времени, чѣмъ другія вещи, и представляетъ еще хорошую классическую работу. И, затѣмъ, появленіе этого сюжета нельзя не поставить въ связь съ извѣстными монетами босфорскихъ царей, изображающими на оборотной сторонѣ Викторію: а онѣ сами не указываютъ ли явно на римскій вкусъ, римскіе сюжеты? Но ближайшую аналогію представляютъ въ высшей степени любопытныя золотыя вещи изъ Донской области, Миусскаго округа, кургана села Голодаевки: это классическіе или даже ольвійскіе и пантикапейскіе сюжеты въ варварскомъ исполненіи. Совсѣмъ инаго характера, но изъ того же мѣста двѣ подвѣски № 3 въ видѣ орловъ. Работа совершенно условнаго характера представляетъ крылья орловъ при помощи простаго узора изъ точекъ; самая техника крайне слаба и болѣе всего напоминаетъ византійскія монеты Комненовъ.

Въ томъ же родѣ различныя пластинки изъ золота, служившія нашивками на платьѣ; однѣ, также въ ажурной формѣ, изображаютъ ястребовъ или орловъ, работы не столь поздней, но уже условной; другія нашивки представляютъ разныя завитки, искаженіе животныхъ формъ; иныя прямо въ формѣ рыбокъ. Подобныя же нашивки изъ

кургановъ Донской области и т. д. Но эти вещи наиболѣе напоминаютъ золотыя нашивки, правда, болѣе разнообразныхъ формъ, изъ скиѳскихъ кургановъ, изображенныя въ Атласѣ къ Древн. Гер. Скиѳи, табл. VIII, IX, X, слѣдовательно ближе другихъ къ древностямъ Керчи и къ классическому искусству. Въ этомъ родѣ одна дутая головка быка съ подвѣшенными миниатюрными погремушками особенно прелестна.

Наконецъ рядъ бронзовыхъ пластинокъ (№ 4) одного характера, кромѣ орнаментаціи, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, представляющихъ какъ любимую форму, разныя детали въ видѣ вьюновъ, роговъ и пр. Работа эта явно приближается къ средневѣковому искусству и скорѣе напоминаетъ вообще восточныя подѣлки. Эти вещи происходятъ изъ другой мѣстности.

Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ древностей, онѣ представляютъ собою едва-ли не три эпохи искусства: классическую, византійскую и средневѣковую подъ вліяніемъ Востока. Классическаго характера древности при этомъ, безъ сомнѣнія, отличаются художественной слабостію; онѣ, конечно, продуктъ провинціальной работы, но онѣ несомнѣнно близки къ общему для всей Скиѳи источнику классическаго искусства — произведеніямъ греческихъ колоній на берегахъ Чернаго моря. Въ этомъ отношеніи любопытенъ также большой витой обручъ изъ золота, уже довольно давно найденный въ одномъ изъ кургановъ. Судя по плохой вообще работѣ и совершенно условному изображенію головокъ и чешуи, онъ долженъ относиться къ III или II вѣку до Р. X. Достаточно взглянуть на изображенія фантастическихъ животныхъ и птицъ на золотыхъ вещахъ изъ могилъ Краснокутскихъ, близъ Екатеринослава (древ. Гер. Скиѳи, табл. VII), чтобы убѣдиться въ сродствѣ съ ними вещей кубанскихъ; подобная же орнаментація восточнаго характера на издѣліяхъ золотыхъ и серебряныхъ изъ черниговскихъ кургановъ.

Отсюда и предметы, относящіеся по характеру своему къ византійскому искусству, указываютъ, несомнѣнно, на искусство, огрубѣвшее въ глуши гораздо ранѣе общаго паденія его въ самой Византіи. Можно указать на положительное сходство въ орнаментаціи и самой конструкціи вещей съ нѣкоторыми пряжками и фибулами позолоченными изъ черниговскихъ кургановъ (Гульбище и др.).

Но прежде окончательнаго заключенія обратимъ вниманіе на древности изъ Терской области, Аргунскаго ущелья (по каталогу музея подъ № 138: „Девять старинныхъ бронзовыхъ фигуръ изъ Аргунскаго ущелья, даръ Великаго Князя Михаила Николаевича“; помѣщены во 2-ой группѣ, № 5). Это рядъ бронзовыхъ, сильно окисленныхъ фигурокъ: шесть человѣческихъ, одна оленья, два баранчика и одинъ козелъ. Къ сожалѣнію, всѣ онѣ не сохранили ясныхъ слѣдовъ своего назначенія, но, судя по гладко срѣзаннымъ ногамъ и придѣланной дощечкѣ, фигурки человѣческія служили рукоятями для ножей или сосудовъ бронзовыхъ (отъ которыхъ особенно легко отпадаютъ подобныя вещи). Фигурки же баранчиковъ и оленей и проч., что извѣстно уже во многихъ экземплярахъ, украшали

собою удила, какъ видно изъ дужки, сохранившейся на спинѣ одного изъ животныхъ. Къ этимъ девяти фигуркамъ съ рѣки Аргуна присоединены нарочно двѣ фигурки козла и баранчика съ рѣки Малки изъ Каменноостского укрѣпленія, чтобы доказать полное тождество этихъ издѣлій, находимыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Что касается фигурокъ животныхъ, то, какъ извѣстно, онѣ весьма часто встрѣчаются въ скиѣскихъ гробницахъ, какъ принадлежность конскаго убора, а именно: удила (рисунки въ Древ. Гер. Скиѣи, вып. I, 4; олень, какъ оконченикъ бронзовыхъ удилищъ изъ Александровскаго кургана; въ отчетѣ упоминаются бронзовые баранчики изъ Чертомлыцкаго кургана и т. д.).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, и сосуды украшаются подобными же фигурками, при чемъ выказывается непосредственно вліяніе римско-греческаго вкуса (припомнимъ помпейскія бронзы); такъ къ кубанской вазѣ съ бронзовыми коньками аналогію представляетъ чертомлыцкая большая бронзовая ваза съ шестью козлами вмѣсто ручекъ.

Подобныя вещи были встрѣчаемы въ разныхъ мѣстахъ Кавказа (о мѣдномъ бычкѣ, птичкѣ изъ серебра и пр. изъ кургана близъ Нальчика упоминаетъ Фирковичъ: „Археологическія развѣдки на Кавказѣ“, Зап. Арх. Общ. IX, 397); но любопытно, что онѣ же встрѣчаются далеко за предѣлами Скиѣи; такъ на теперешнемъ сѣздѣ среди другихъ сербскихъ древностей, выставлены мѣдныя удила изъ Бѣлградскаго музея (правда, точнѣе мѣстность ихъ нахождения неизвѣстна), съ подвѣсками въ видѣ всадника, оленя и другаго животнаго, совершенно того же типа и сходнаго стиля. Эти фигурки входятъ въ составъ особаго варварскаго производства, котораго художественный характеръ по немногимъ еще даннымъ пытался опредѣлить покойный Савельевъ, издавая съ рисунками (въ „Запискахъ Имп. Арх. Общ.“, т. IX, стр. 50—60) древности, найденныя на Кавказѣ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, т. е. Аргунскомъ ущелии и на рѣкѣ Малкѣ. Не соглашаясь съ г. Ханьковымъ, который, представляя эти вещи, назвалъ ихъ „скиѣскими“, Савельевъ полагалъ ихъ происхожденіе болѣе позднимъ, и сравнивалъ съ скандинавскими и вообще сѣверными издѣліями этого рода, относящимися къ VIII, IX в. Самый стиль этихъ вещей, по словамъ Савельева, крайне неопредѣленный: частію мѣстный (варварскій), частію византійскій, или восточный, частію поддѣлка подъ оба послѣдніе.

Но время для такой характеристики уже миновало: мы слишкомъ хорошо теперь знаемъ типъ сѣверныхъ (по выраженію Савельева) древностей, чтобы смѣшивать ихъ съ вещами кавказскими. Раскопки кургановъ южной Россіи представили намъ подобнаго рода вещи въ опредѣленной обстановкѣ. Уже, кажется, нѣтъ мѣста и какимъ бы то ни было сомнѣніямъ, дѣйствительно ли мы въ древностяхъ Чертомлыцкаго кургана владѣемъ вещами скиѣскими. Эти вещи вполне согласуются съ описанною древними писателями погребальною обстановкою у Скиѣовъ; масса этихъ вещей говоритъ сама за себя, наслѣдство здѣсь немислимо,—эти вещи, дѣйствительно, работали у Скиѣовъ и владѣлись въ гробницы ихъ царей.

Безъ всякаго сомнѣнія, если мы сравнимъ вещи степныхъ новороссійскихъ кургановъ съ древностями Кавказа, мы замѣтимъ и существенную разницу въ содержаніи изображеній: въ послѣднемъ случаѣ мы встрѣчаемъ, взамѣнъ грифовъ, драконовъ, львовъ и пр. рядъ грубыхъ человѣческихъ фигурокъ¹⁾.

Эта форма представляетъ уже вторичный слой варварскаго искусства. Эти фигурки воинственнаго характера: воины, стрѣляющіе изъ лука (двѣ фигуры), мечущіе копья или дротики (три фигуры) и одна фигурка въ спокойной позѣ, которую притомъ трудно и объяснить; почти всѣ фигурки въ шлемахъ, что должно вкратцѣ представлять вооруженіе; одна фигурка, наконецъ, въ кафтанѣ съ широкимъ поясомъ и съ ожерельемъ на шеѣ. Это содержаніе, дѣйствительно, своеобразно по своему воинственному характеру и скорѣе составляетъ переходъ къ издѣліямъ средневѣковыхъ варварскихъ ордъ, нежели къ древностямъ Скиѳовъ. Но развѣ невозможно въ данномъ случаѣ спеціальное вліяніе характера мѣстнаго населенія, опредѣленіе котораго, конечно, и составляло бы главный пунктъ въ этомъ вопросѣ.

Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи опредѣленно отвѣчать на подобнаго рода вопросы и ограничимся общими указаніями мѣстностей, гдѣ открываютъ эти вещи. Кромѣ указанныхъ уже ущелій Аргуни и рѣки Малки, онѣ найдены преимущественно въ разныхъ станціяхъ Екатеринодарскаго²⁾, Майкопскаго, Баталпашинскаго³⁾ и Георгіевскаго⁴⁾ уѣздовъ Кубанской области; притомъ, въ мѣстностяхъ, расположенныхъ непосредственно въ предгоріи съ одной стороны и по долинамъ рѣкъ, текущихъ въ Кубань и проходящихъ по уѣздамъ Екатеринодарскому и Майкопскому⁵⁾, такъ напр. по рѣкамъ

¹⁾ По повѣду звѣринныхъ фигурокъ также можно бы замѣтить многое, но мы ограничимся указаніемъ на ихъ близость къ тѣмъ фигуркамъ, начерченнымъ на стѣнѣ Керченской катакомбы, о которыхъ много разсуждали въ недавнее время. Укажемъ только, что символическій характеръ этихъ фигурокъ: коней, козелковъ, баранчиковъ скорѣе имѣетъ прямо погребальное значеніе и не даетъ вовсе какихъ-либо письменныхъ знаковъ. Прибавимъ также, что всѣ эти символы, почерпнутые изъ міра животнаго, должны такъ или иначе стоять въ какой-либо связи съ восточнымъ искусствомъ: этотъ элементъ является въ видѣ фантастическихъ орнаментальныхъ фигуръ скиѳскихъ древностей (Древн. Гер. Скиѳи, вып. 2, табл. XXIII). Въ этомъ смѣслѣ особенно интересны варварскія бронзы съ разными живописными формами изъ кургановъ Таращанскаго уѣзда и древности изъ городищъ подъ Елабугою, разобранныя въ Трудахъ 1-го археологическаго съѣзда покойнымъ Невоструевымъ.

²⁾ Укр. Григорьевское.

³⁾ Станіи: Псебай, Бесленѣва, Чамлыкская, Переправная, Ходыжинская, Абадзехская и друг.

⁴⁾ Новоалександровская.

⁵⁾ См. также статьи г. Каменева въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1867 годъ, №: 2, 5, 14, 23, 28, 29, 49, 50; за 1869 годъ, № 30; за 1870 годъ №: 47, 48 и 1872 №: 23—25.

Пишипу, Псекупсу, Афипису, Бѣлой, Лабѣ, Б. Зеленчуку (ст. Сторожевая) и др. Наибольшее, затѣмъ, количество древностей найдено въ станицахъ Ходыжинской (отъ *хадежи* — мертвецъ, по словамъ г. Каменева), Успенской, Георгіо-Афипской и др.

Итакъ всѣ мѣста находокъ расположены по сѣверному предгорію Кавказскаго хребта и притомъ болѣе сосредоточены въ бассейнѣ Кубани, нежели въ Терской области. Мы знаемъ, между тѣмъ, что именно въ этой мѣстности сосредоточивалась въ древности, т. е. около эпохи Р. X. цивилизація, шедшая изъ сосѣдняго Босфорскаго царства, которое отчасти и владѣло нынѣшнею Кубанскою областью. Птоломей въ Геогр. V гл. 8 насчитываетъ по Кубани—Вардану много городовъ: Сурубубу, Корузію, Савріану, Сераку. По притокамъ Кубани должны были находиться города: Абунисъ, Назупія, Альмія. Въ нынѣшнемъ Новороссійскомъ округѣ, въ землѣ б. Шапсуговъ, лежали: Скопелосъ, Кукунда, Нагна и проч. мѣста, которыя Страбонъ упоминаетъ въ гл. VII, 311 подъ именемъ мѣстностей *περί τῆς Σινδικῆς*, принадлежавшихъ азіатскому Босфору, это конечно, была таже самая Кубанская область. Мѣстность Георгіевскаго уѣзда входила уже въ составъ Иберіи, а ущелье Аргуни — Албаніи; но и эти мѣста болѣе или менѣе намѣчены у древнихъ географовъ, какъ своего рода центры цивилизаціи. Гораздо смутнѣе вопросъ о томъ, какому племени или народу принадлежатъ эти древности. Кубанская область и до послѣдняго времени, когда она окончательно начала заселяться русскимъ населеніемъ, была крайне разноплеменная, а въ древности еще болѣе. Если Синды, Керкеты, Геніюхи и Ахен, какъ четыре народа, населявшіе сѣверъ восточнаго берега Чернаго моря, и удержались, быть можетъ, до насъ на своихъ мѣстахъ, то ясно, что другія мѣстности Кубани и сѣвернаго Кавказа мѣняли очень часто своихъ обитателей. Сколько разныхъ народовъ, живущихъ въ предгоріи Кавказа, упоминается у одного Птолемея или Страбона! Если, затѣмъ, мы читаемъ крайне общія опредѣленія ихъ племеннаго характера: народы эти многочисленны, богаты, носятъ золото, подобны по одеждѣ, языку и оружію Скиѣамъ, хорошіе всадники, воинственны и пр. и пр., то что можно извлечь изъ этой характеристики твердаго и положительнаго, чтобы отнести къ извѣстному племени эти полуклассическія древности? Правда, со временъ Августа римская администрація охватила почти весь Кавказъ; уже различали дикія горныя племена и нѣсколько цивилизованныхъ жителей долинъ. Очевидно, что нѣкоторые изъ этихъ народовъ даже окончательно привязались къ извѣстной мѣстности, оставивъ по себѣ память въ названіяхъ рѣкъ и урочищъ (рѣка Пишипъ отъ Псиссовъ или Псессіевъ, жившихъ за Гермонассой, на востокъ, — народа богатаго стадами овецъ и быковъ). Но этихъ народовъ, жившихъ въ мѣстности собственной Кубани, постоянно тѣснили громадныя орды дикихъ кочевниковъ, передвигавшихся къ Меотидѣ. Слѣдя по указаніямъ географовъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы видимъ эти народы то въ Албаніи или нынѣшней Чечнѣ и Дагестанѣ, то на Кубани, то выше на сѣверъ, или даже за Меотидой. Таковы: Аорсы, Сираки, Короксы, Гелы и

Леги, таковы Аланы и Сербы. Но не къ нимъ должно относить описанныя древности, и не дикіе кочевники насыпали надъ своими царями эту массу кургановъ.

Что касается нашей задачи опредѣлить, хотя вообще, къ какой варварской цивилизації слѣдуетъ отнести это вещи, то мы считаемъ возможнымъ удержать здѣсь общее имя *скиѣской*. Въ самомъ дѣлѣ, это названіе, хотя бы оно въ частности и должно было относиться къ извѣстному племени, однакоже съ полнымъ правомъ можетъ быть, по крайвей мѣрѣ въ области культуры и искусства, выдаваемо за терминъ общій, географическій, а не частный, этнографическій.

Въ самомъ дѣлѣ, что бы ни говорили изслѣдователи, противящіеся точному опредѣленію древностей южной Россіи, оно вполне сложно: есть типъ, котораго нельзя отрицать; этотъ типъ окончательно для насъ обозначился въ раскопкахъ кургановъ: Чертомлыцкаго и Александропольскаго; этихъ древностей нельзя уже смѣшать съ сѣверными, отъ которыхъ онѣ рѣзко разнятся, такъ какъ въ нихъ нѣтъ уже первобытныхъ варварскихъ формъ и варварской орнаментаціи, нѣтъ зигзаговъ и наколовъ линиями, геометрическими фигурами, точками, но есть меандры, розетки, аганты и проч. Нельзя, затѣмъ, говорить только о варварскомъ, первобытномъ искусствѣ, ибо есть множество варварскихъ искусствъ, видоизмѣнявшихся подъ различными вліяніями, и врядъ ли мы найдемъ чистое, первоначальное въ готовомъ образцѣ, а не должны будемъ вскрыть его мелкимъ анализомъ. Тѣмъ болѣе, какъ скоро мы говоримъ о варварскомъ искусствѣ, стоящемъ не только въ связи, но въ полной зависимости отъ искусства классическихъ народовъ, мы должны пользоваться этою связью, какъ руководящимъ началомъ, которое дало намъ первое обобщеніе и пока единственный научный терминъ.

Слѣды древнѣйшей эпохи каменнаго вѣка по р. Сулѣ и ея притокамъ.

Рефератъ **Ф. И. Каминскаго.**

Весною 1873 года подарены Лубенской гимназіи землевладѣльцемъ Лубенскаго уѣзда, Г. С. Кирьяковымъ, кости мамонта, найденныя имъ года за два до настоящаго времени въ его имѣніи, Гонцахъ, при копаніи пашенной ямы. Въ іюлѣ я отправился въ Гонцы осмотрѣть мѣсто, гдѣ найдены были кости. Яма, изъ которой онѣ были вынуты, находится въ усадьбѣ г. Кирьякова, на склонѣ праваго берега долины р. Удая, въ древнемъ илистомъ наносѣ, тянущемся неправильнымъ разорваннымъ валомъ по береговому склону. Въ соотвѣтственныхъ этому наносахъ по долинѣ р. Сулы я находилъ въ большомъ количествѣ раковины: *Pupa muscorum*, *Succinea oblonga* и *Helix hispida*, характеризующія въ западной Европѣ ледниковый или рѣчныхъ долинъ. Яма уже засыпана, вокругъ нея разбросаны только мелкіе обломки вынутыхъ костей, но на разстояніи сажени отъ нея вырыта другая яма, въ которой на глубинѣ аршинъ 4-хъ открываются такія же кости. Чтобы сколько нибудь уяснить ихъ взаимное положеніе, я началъ обкапывать стѣны ямы кругомъ одновременно, на сколько возможно не извлекая костей изъ почвы, сначала лопатой, потомъ ножомъ, такъ какъ оказалось, что между костями есть очень тонкія, разрушающіяся при сколько нибудь неловкомъ прикосновеніи. Когда такимъ образомъ кругомъ обнажилось достаточное количество костей на пространствѣ около квадратной сажени, то можно было уже замѣтить, что онѣ лежатъ пластомъ — одна на другой и не составляютъ цѣлыхъ скелетовъ, а набросаны въ безпорядкѣ и принадлежатъ различнымъ частямъ различныхъ животныхъ: рядомъ съ опрокинутой нижней челюстью мамонта лежитъ часть рога оленя, ребра различныхъ животныхъ, зубы и т. п.; большія трубчатыя кости всѣ расколоты или разбиты, верхнія челюсти мамонта безъ бивней и безъ черепныхъ чашекъ, преобладаетъ часть верхней челюсти, въ которой были бивни.

Между костями часто попадаются кремни, отъ которыхъ отбиты несомнѣнно рукою человѣка осколки въ разныхъ направленіяхъ. Нѣкоторые изъ этихъ кремней были въ верхнемъ слоѣ костей, другіе въ среднемъ, большая же часть въ нижнемъ.

Одна сторона ямы, западная, особенно привлекла мое вниманіе: по ней проходитъ едва замѣтный слой, незначительно выше уровня костей, въ $\frac{1}{2}$ аршина толщиною, не рѣзко обозначающійся, но отличающійся грязноватостью, нѣсколько напоминающій своимъ видомъ почву сорной кучи. Я очень осторожно началъ его раскапывать и тщательно просматривать каждую щепотку. Оказалось, что онъ состоитъ изъ множества кусочковъ, начиная отъ самыхъ мельчайшихъ: обугленныхъ костей, мелкихъ обломковъ бивней, зубной эмали, осколковъ кремней, костей мелкихъ животныхъ и т. п. Въ этомъ слоѣ, разсмотрѣнномъ мною въ объемѣ не болѣе кубическаго аршина, найдены, между прочимъ, кромѣ слишкомъ мелкихъ, слѣдующія, повидимому неудавшіяся или испорченныя каменные орудія и осколки—числомъ 47, также костяное шило и костяное остріе:

- 1— 2. Орудія въ формѣ небольшого ножика, или наконечника стрѣлы, со сколотымъ среднимъ ребромъ, остріе влѣво.
- 3— 6. Со сколотымъ среднимъ ребромъ, остріе вправо.
- 7—10. Съ остриемъ влѣво и тупымъ правымъ краемъ.
- 11, 29 и 12. Оба края острые, не параллельные.
- 13—15. Оба края острые, параллельные, съ ребромъ по срединѣ.
16. Видъ трехграннаго наконечника стрѣлы.
- 17—20. Плоскіе, продолговатые, суживающіеся къ концу осколки.
- 21—24. Продолговатые, трехгранные, суживающіеся къ концу осколки.
- 25—28. Продолговатые, несуживающіеся, съ почти параллельными краями осколки, годные для скобленія.
- 30—42. Плоскіе безформенные осколки.
- 43—47. Куски кремня, отъ которыхъ отбиты въ разныхъ направленіяхъ осколки.
48. Костяное шило.
49. Костяное остріе.

Орудія эти очевидно принадлежать къ древнѣйшему типу Мустье, эпохи мамонта, и имѣютъ поразительное сходство съ орудіями этого типа, находимыми въ западной Европѣ въ тѣхъ же условіяхъ. Всѣ они огранены только съ одной стороны; другая же—плоская, повидимому стесана однимъ ударомъ¹⁾, плоскости имѣютъ видъ свѣжеотколотыхъ, безъ признаковъ вывѣтриванія; лезвія нѣкоторыхъ орудій и теперь такъ остры, что ими легко очинить

¹⁾ Судя по формѣ осколковъ и кусковъ кремня, отъ которыхъ они отбиты, можно съ большою вѣроятностію предположить, что одна сторона гранилась еще на большемъ кускѣ кремня, а потомъ уже орудіе откалывалось отъ него однимъ мѣткимъ ударомъ.

карандашъ. *Костяное острие*, можетъ быть назначавшееся для ущемленія въ конецъ стрѣлы, приготовлено тѣми же несложными, но ловко направленными ударами, какъ и кремневыя, и по тому же типу, лѣвая сторона его обита многими легкими ударами или обточена. *Костяное шило* тщательно оскоблено, и было по вынутіи изъ земли такъ остро и прочно, что свободно прокалывало довольно толстую кожу, но острый кончикъ его, около 1 линіи, при пересылкѣ отломанъ и потерянъ.

На мои распросы относительно находенія кремней въ первой ямѣ, г. Кирьяковъ сообщилъ, что при раскапываніи ея вниманіе было обращено исключительно на большія кости, часть которыхъ подарена имъ Лубенской гимназіи, а часть хранится у него, кремнямъ же не придавалось никакого значенія, а потому они были оставлены безъ вниманія; но и въ первой ямѣ попадалось ихъ очень много, такъ что маленькія дѣти г. Кирьякова, замѣтивъ, что тонкіе кремни звенятъ, назвали ихъ своими деньгами и собрали нѣсколько мѣшечковъ, играли ими, возили съ собой въ гости и, такимъ образомъ, незамѣтно растеряли. Изъ нихъ мнѣ удалось разыскать только одинъ: № 44, у рабочаго, употреблявшаго его уже для кресанія.

Сообщилъ мнѣ также г. Кирьяковъ, что саженья въ ста отъ ямы, когда строили ледникъ на мѣстѣ стараго погреба, тоже находили кости мамонта; на старомъ кирпичномъ заводѣ, по тому же склону, тоже часто попадались кости,—словомъ, гдѣ ни копали въ его усадьбѣ землю до значительной глубины, вездѣ наталкивались на кости вымершихъ животныхъ.

Такимъ образомъ мнѣніе г. Ворсо, допускающаго только вѣроятность пребыванія человѣка въ южной Россіи въ эпоху сѣвернаго оленя, отвергающаго существованіе его здѣсь въ эпоху мамонта, и строящаго на этомъ мнѣніи цѣлую систему развитія культуры каменнаго вѣка въ Европѣ, оказывается еще преждевременнымъ.

Положеніе мѣстности въ прелестной долинѣ широкаго въ то время Удая, видъ и подборъ костей, пространство, занимаемое ими, взаимное расположеніе и количество ихъ, находеніе между ними обугленныхъ экземпляровъ, форма и количество орудій и прикрытіе всего этого ледниковымъ иломъ: все это вмѣстѣ взятое наводитъ на мысль о долгомъ пребываніи здѣсь въ ледниковую эпоху, одновременно съ мамонтомъ, большаго охотничьяго племени, занимавшагося здѣсь же производствомъ простѣйшихъ кремневыхъ орудій, годныхъ для наконечниковъ стрѣлъ, рѣзанія мяса, скобленія шкуръ и кости, перерѣзыванія жилъ, которыми, при помощи костянаго шила, могли быть сшиваемы эти шкуры и употреблявшаго уже огонь для приготовленія пищи, а, можетъ быть, и для согрѣванія.

Отсутствіе между обугленными костями обугленнаго дерева наводитъ на мысль, что или это мѣсто было покрыто впоследствии водою и древесные угли всплыли, или, что племя обитало, можетъ быть, на свайныхъ постройкахъ по р. Удаѣ, имѣвшему тогда въ

Гонцахъ до 6-ти верстъ ширины. Такъ какъ кремни не встрѣчаются въ этой мѣстности, то является предположеніе о существованіи уже въ самую раннюю эпоху каменнаго вѣка сношеній съ другими странами, можетъ быть, и мѣновой торговли.

Просидѣвъ 2 дня въ ямѣ, я на 3-й день, наскоро взглянувъ на геологическое строеніе прилежащей мѣстности, долженъ былъ уѣхать. Уѣзжая, я просилъ г. Кирьякова никому не позволять дѣлать раскопки до извѣщенія объ этомъ спеціалистовъ и до полученія отъ нихъ отвѣтовъ, на что онъ выразилъ полное согласіе и сочувствіе, предоставивъ это дѣло въ полное мое распоряженіе. Въ надеждѣ побывать въ скоромъ времени въ Гонцахъ еще разъ, лучше приглядѣться къ мѣстности и сдѣлать нѣкоторыя предварительныя наблюденія и измѣренія, я до сихъ поръ не публиковалъ объ этой находкѣ. Но такъ какъ удобный къ этому случай не представился и, можетъ быть, не представится еще долго, то я спѣшу сдѣлать это сообщеніе, чтобы обратить на Гонцовскія древности вниманіе съѣзда.

Чтобы освѣтить нѣсколько значеніе Гонцовскихъ древностей, я позволю себѣ высказать еще слѣдующее соображеніе. Онѣ не стоятъ особнякомъ. Есть основаніе предполагать, что по р. Сулѣ и ея притокамъ были послѣдовательно развиты и другія эпохи каменнаго періода.

На эту мысль наводятъ нѣкоторые предметы, найденные въ области Сулы и принадлежащіе Лубенской гимназій.

I. Часть кремневого сильно вывѣтривагося и испорченнаго орудія (№ 50), подходящаго къ типу *Мустье*, но не съ плоскою нижнею стороною, а съ двугранною. Это орудіе найдено мною вмѣстѣ съ частью нижней челюсти мамонта въ с. Вязовкѣ, въ 10-ти верстахъ отъ г. Лубенъ внизъ по р. Сулѣ, въ оврагѣ, вымытомъ изъ древняго глинистаго наноса, содержащаго округленные булыжники разныхъ горныхъ породъ. Я замѣтилъ, что склоны многихъ древнихъ овраговъ въ окрестностяхъ Лубенъ отъ почвеннаго слоя до неизвѣстной еще мнѣ глубины, но гораздо глубже нынѣшняго дна овраговъ, состоятъ изъ такихъ глинъ, содержащихъ значительное количество песчаниковыхъ, известняковыхъ, гнейсовыхъ, гранитныхъ и другихъ сильно вывѣтрившихся булыжниковъ, а также гнѣзда песку и буро-красной глины. Нѣкоторыя отличительныя свойства этихъ булыжниковъ, какъ крайняя выцвѣченность и вывѣтренность, показываютъ, что они должны были тогда же долго пребывать на поверхности земли, подъ влияніемъ солнца и метеорныхъ осадковъ и потомъ уже попасть въ эти глины. Въ какомъ отношеніи эти глины находятся къ пласту, содержащему на днѣ своемъ валуны, мнѣ еще нигдѣ не случилось видѣть, но между ними должна быть какая то зависимость, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это образованіе геологически-древнее.

Въ одномъ изъ такихъ овраговъ, находящемся за гимназіей въ г. Лубнахъ, между булыжниками попадаются иногда такіе, которые сильно заставляютъ подозрѣвать, что они

должны были побывать въ рукахъ человѣка, прежде чѣмъ попали въ это образованіе. Такъ мною вынуты въ разное время изъ стѣны оврага, гдѣ копаютъ глину, на глубинѣ отъ 2 до 3-хъ сажень: А) Плоскій, овальный, розоватаго гранита *булыжникъ съ отшлифованными 2-мя противоположными сторонами*, нѣсколько наклонно одна къ другой въ 3 вершка длины, 1 верш. толщины; на гладкихъ сторонахъ едва замѣтныя длинныя царапины въ нѣсколькихъ направленіяхъ; на немъ нѣтъ слѣдовъ вывѣтриванія, тогда какъ другіе, рядомъ съ нимъ лежащіе, гранитные булыжники рассыпаются отъ прикосновенія. Б) Нѣсколько выцвѣтвшійся *кусокъ кремня съ краями подѣ прямымъ угломъ и почти параллельными сторонами*; одинъ край заостренъ и какъ будто выщербленъ и притупленъ отъ употребленія. В) Такой же нѣсколько выцвѣтвшійся кремень, отъ котораго, повидимому, отбиваемы были осколки. Г) Обломокъ жесткой плитки съ довольно гладко истертой стороною, какъ будто объ нее точили что нибудь и т. п. Всѣ эти предметы, хотя сами по себѣ пока мало имѣютъ интереса, такъ какъ форму ихъ можно объяснить и случайностью, но заст. вляютъ внимательно слѣдить за дальнѣйшей раскопкой глины и обратить вниманіе и на другіе подобные овраги.

II. *Кремневый наконечникъ стрѣлы типа Сольотре* (№ 51), найденный въ „Лѣсовой слободкѣ“ Лохвицкаго уѣзда и доставленный Лубенской гимназій землевладѣльцемъ Лохвицкаго уѣзда А. П. Гамалѣемъ вмѣстѣ съ 4-мя бронзовыми наконечниками стрѣлъ и однимъ мѣднымъ. При нихъ въ гимназій имѣется слѣдующее сообщеніе А. П. Гамалѣя: „Часть стрѣлъ найдена въ Лѣсовой слободкѣ, а часть на Сторчовой (могилѣ), но которые гдѣ, не помню“. Сынъ же г. Гамалѣя мнѣ сообщилъ положительно, что онъ хорошо помнитъ, что на Сторчовой могилѣ найдена только одна *мѣдная*, на глубинѣ 1 $\frac{1}{2}$ арш.: онъ помнитъ, что когда ее принесли, она была зеленая, остальные же собраны въ разное время въ Лѣсовой слободкѣ.

III. *Конечная часть кремневого чожа* (№ 52) типа, отличающагося отъ предыдущаго только сглаженными ребрами и блескомъ. Это орудіе найдено возлѣ села Рудки Лубенскаго уѣзда въ хуторѣ Чеберякахъ, на лѣвой сторонѣ рѣки Оржицы, въ торфѣ, въ саженьяхъ 50 отъ болота, на глубинѣ $\frac{1}{4}$ аршина, недалеко отъ „Старой криницы“, возлѣ которой протекаетъ ручеекъ, называемый „Рутокъ“. Орудіе это и свѣдѣніе объ немъ доставлены землевладѣльцемъ Лубенскаго уѣзда г. Яновскимъ.

IV. *Каменный молотокъ* (№ 53). При немъ слѣдующее свѣдѣніе, данное землевладѣльцемъ Лохвицкаго уѣзда, г. Суковымъ. „На довольно большой могилѣ (Полтавской губ. Лохвицкаго уѣзда, въ хуторѣ Богодаровѣ) началъ я строить вѣтряную мельницу, и когда рабочіе приступили копать ямы для основанія фундамента, то нашли въ одной изъ ямъ человѣческую голову, но больше никакихъ костей, ни признаковъ гроба не было. Этотъ черепъ былъ найденъ приблизительно на глубинѣ 2 аршинъ; нужно было копать еще яму, гдѣ нашли каменный молотокъ, приблизительно на 3 аршина въ землѣ, и еще

въ одной, тамъ же вырытой, ямѣ въ 2 аршина глубины нашли остатки маленькаго гроба, въ которомъ какъ будто лежало дитя; когда рабочіе открыли почти гнилую доску отъ этого гроба, то трупъ рассыпался въ видѣ пепла. Остатки гробика зарыты на томъ же мѣстѣ. Такъ какъ больше ямъ для постройки мельницы не нужно было, то больше ничего и не нашли“.

V. *Каменный молотъ*, принадлежитъ г. Кирьякову; по его словамъ онъ найденъ около устья рѣки Сулы въ Жовнинѣ.

Кости мамонта находимы были въ области Сулы, сколько мнѣ извѣстно, въ слѣдующихъ мѣстахъ: по рѣкѣ Удаю: 1) въ селѣ *Креслянахъ*, Прилукскаго уѣзда; 2) въ с. *Гонцахъ*; по Сулѣ: 1) въ *Лубнахъ*, 2) въ *Вязовкѣ*. Разказы же о находкахъ „большихъ костей“ въ разныхъ мѣстахъ Сульской области случается слышать очень часто; такъ напримѣръ, мнѣ сообщали, какъ достовѣрный фактъ, что лѣтъ 15 назадъ въ м. *Яблоновѣ*, по правому склону долины рѣки Оржицы, при копаніи глины для кирпичнаго завода, найдены были рабочими очень большія кости на глубинѣ около 2¹/₂ сажень и тамъ же разбиты.

Весьма вѣроятно, что рядомъ съ костями допотопныхъ животныхъ могли бы быть часто находимы и кремневые орудія и другіе предметы культуры той эпохи, еслибы на нихъ было обращено вниманіе; но большинство орудій, сопровождающихъ кости мамонта, до такой степени просты и не бросаются въ глаза; до такой степени, на первый взглядъ, мало отличаются отъ случайнаго кремневаго осколка, какъ это видно на прилагаемой таблицѣ, или же до такой степени испорчены (какъ № 50), что обратить на нихъ вниманіе можетъ только глазъ, хоть сколько-нибудь знакомый съ этимъ предметомъ, а такъ какъ у насъ знанія до-исторической археологіи въ массѣ мало распространены, то и неудивительно, что до-историческія древности очень часто или отбрасываются пока безъ вниманія, или не придается имъ никакого значенія; но я убѣжденъ, что нужно самое небольшое количество знакомства съ ними, чтобы встрѣчать ихъ слѣды у насъ чуть не на каждомъ шагѣ.

О мѣстонахожденіи кремневыхъ орудій человѣка вмѣстѣ съ костями мамонта въ с. Гонцахъ
на рѣкѣ Удаѣ, Луѣнскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

Рефератъ **К. М. Теофилактова.**

Съ открытіемъ во второй четверти нынѣшняго столѣтія костей человѣка, его орудій и произведеній совмѣстно съ костями исчезнувшихъ животныхъ — мамонта, сѣвернаго оленя, пещернаго медвѣдя, носорога и другихъ представителей сухопутной фауны такъ называемаго ледниковаго или дилувіальнаго періода, археологія въ своихъ изысканіяхъ вступила въ область явленій и образованій одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ исторіи развитія земнаго шара, эпохи, составлявшей до того времени достояніе одной геологіи. Геологъ и археологъ соединили въ настоящее время свои силы для изслѣдованія этой эпохи, въ которой каждый археологическій фактъ есть вмѣстѣ и геологическій; на основаніи чего и методъ изслѣдованія долженъ быть общимъ для обѣихъ наукъ, стремящихся къ разрѣшенію однородныхъ вопросовъ.

Каждое естественное мѣстонахожденіе остатковъ человѣка, будутъ-ли то кости или орудія и произведенія его, получаетъ полное археологическое значеніе лишь тогда, когда мѣстность изслѣдована геологически. Вотъ почему, признавая важность археологическаго открытія въ с. Гонцахъ, я рѣшился осмотрѣть мѣстность съ цѣлью точнаго опредѣленія свойствъ и рядового положенія породы, въ которой найдены были кремневые орудія.

О результатахъ моихъ наблюденій честь имѣю сообщить съѣзду.

Открытіе кремневыхъ орудій въ Гонцахъ принадлежитъ землевладѣльцу Григ. Ст. Кирьякову, просвѣщенному любителю и цѣнителю произведеній искусствъ и древностей.

Прежде геологическаго описанія с. Гонцовъ я не считаю неумѣстнымъ познакомить васъ, мм. гг., въ самомъ сжатомъ очеркѣ, съ образованіями ледниковаго періода на всей территоріи, занятой нынѣ цвѣтущею и благодатною Малороссією. Цѣль моя будетъ вполне достигнута, если мой очеркъ сослужитъ нѣкоторую службу предъ вами въ вашихъ предполагаемыхъ обширныхъ экскурсіяхъ въ край.

Территорія, занимаемая нынѣ Малороссією, въ ледниковую эпоху была покрыта водами, составлявшими часть обширнаго водовмѣстилища, непосредственно связаннаго съ Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и омывавшаго берега Скандинавскаго материка, покрытаго громаднѣйшими ледниками. Въ вашихъ археологическихъ экскурсіяхъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ на каждомъ шагѣ вы будете встрѣчать образованія ледниковой эпохи. Образованія эти состоятъ изъ двухъ членовъ. Нижній, болѣе древній, является въ видѣ песковъ: то сыпучихъ, то глинистыхъ, или буроватыхъ песковатыхъ глинъ; среди этихъ породъ, образующихъ весьма неравномоцный пластъ (9 метровъ=30 фут.) находятся въ большемъ количествѣ, различной величины, округленные, обтертые валуны, принадлежащіе гнейсамъ, гранитамъ, сіенитамъ, порфирамъ, имѣющимъ коренное ихъ мѣсторожденіе на Скандинавскомъ полуостровѣ, островахъ Балтійскаго моря и въ Финляндіи. Кромѣ большихъ валуновъ (до 1,2—1,5 м.=4—5 фут. въ діаметрѣ) встрѣчается, среди песковъ и глинъ, гнѣздами, прослойками или равномерно разсѣянными—мелкій, обтертый голышникъ. Но самую важную часть валуннаго слоя составляютъ обтертые осколки известняковъ, песчаниковъ, роговиковъ, кремней, заключающихъ въ себѣ характеристическія окаменѣлости формацій, лежащихъ на сѣверъ отъ Малороссіи—силурійской, девонской, каменноугольной и мѣловой. Литологическія свойства валуновъ и заключенныя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ окаменѣлости неоспоримо свидѣтельствуютъ, что матеріаль валуннаго слоя принесенъ былъ къ намъ съ сѣвера, частью съ Скандинавскаго материка, частью съ острововъ, выдававшихся среди ледниковаго водовмѣстилища. Въ валунномъ слое я находилъ кости мамонта.

Вторымъ, верхнимъ и для территоріи Кіевской губерніи послѣднимъ членомъ ледниковыхъ образованій является такъ-называемый лёссъ. Лёссъ есть тонко отмутенная, почти равномерная смѣсь глины, мельчайшихъ кварцевыхъ зеренъ и извести; въ смѣси этой встрѣчаются мѣстами въ большемъ количествѣ мергельные сростки. Такихъ литологическихъ свойствъ лёссъ имѣетъ грязно желтоватый цвѣтъ, нѣкоторую пластичность и при обжогѣ даетъ краснаго цвѣта кирпичъ. Въ лёссѣ найдены раковины сухопутныхъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ, кости мамонта, сѣвернаго оленя, быка, носорога, представителей исчезнувшей фауны ледниковой эпохи. Мощностъ пласта лёсса достигаетъ мѣстами 21 метра (70 футовъ).

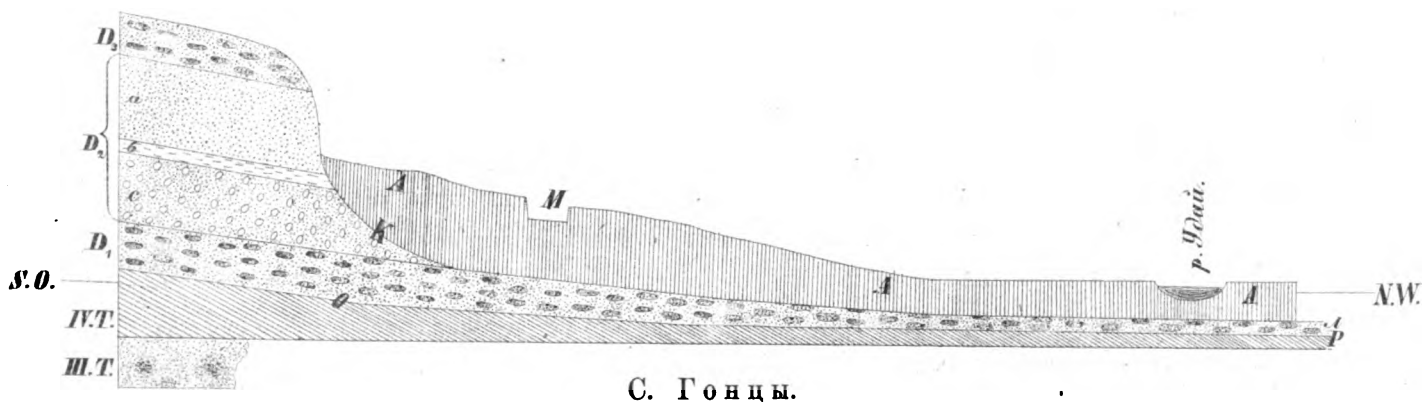
Нѣтъ сомнѣнія, что вы посѣтите Аскольдову могилу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ владбища въ отвѣсной стѣнѣ, окаймляющей живописную мѣстность, вы найдете ясно открытыми оба члена ледниковыхъ образованій, покоящіеся на вязкихъ пестрыхъ глинахъ, принадлежащихъ уже къ третичной формаціи. Знаменитые кіевскіе валы, доживающіе въ настоящее время послѣднія минуты своего существованія, суть насыпи изъ лёсса; курганы, столь привлекательныя для васъ насыпи, состоятъ изъ лёсса, смѣшаннаго часто съ черноземомъ; лёссъ составляетъ подпочву южнаго богатнаго чернозема.

Въ Полтавской губерніи находятся развитыми оба члена ледниковыхъ образованій съ литологическими и палеонтологическими свойствами однородными съ кievскими и въ одинаковомъ положеніи. Но по рр. Удаю, Сулѣ я встрѣтилъ въ мою нынѣшняго года экскурсію третій, самый верхній членъ ледниковыхъ образованій, состоящій частью изъ сыпучаго кварцеваго песку, частью же изъ желтоватой известковопесчаной глины, весьма сходной по цвѣту и составу съ лёссомъ. Какъ въ пескахъ, такъ и глинѣ находятся въ большемъ количествѣ: мелкій голышникъ, валуны, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ до 3 метровъ (10 футовъ) въ діаметрѣ, различныя кристаллическія породы, обтертые осколки известняковъ, роговиковъ, кремней.

По литологическимъ и палеонтологическимъ свойствамъ породъ, изъ которыхъ состоятъ валуны, верхній валунный слой вполне однороденъ съ нижнимъ, отъ котораго онъ рѣзко отличается лишь рядовымъ своимъ положеніемъ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на территоріи Кіевской губерніи образованіе ледниковой эпохи закончилось осажденіемъ лёсса, а на территоріи Полтавской—возобновившимся, вторымъ по времени, передвиженіемъ съ сѣвера льдинъ, принесшихъ съ собою мелкій голышникъ и громадныя глыбы кристаллическихъ и другихъ породъ. Съ приносимымъ матеріаломъ смѣшивался болѣе или менѣе и лёссъ, составлявшій грунтъ тогдашняго бассейна, подобно тому, какъ въ нижнемъ валунномъ пластѣ встрѣчаются части подлежащихъ ему третичныхъ породъ.

Послѣ столь сжатого геологическаго очерка ледниковыхъ образованій на территоріи Кіевской и Полтавской губерній я обращаюсь къ геологическому описанію с. Гонцовъ, лежащихъ у подножія высотъ правой стороны долины р. Удаю (см. профиль).

М — Мѣстонахожденіе костей мамонта съ кремневыми орудіями человека.
А — постдiluвіальный илъ.

¹⁾ На приложенномъ профилѣ всѣ три члена ледниковыхъ образованій обозначены буквами: D₁, D₂, D₃.

ОСАДКИ.	{	D_3 — верхній валунный слой.
		D_2 — лёссъ: <i>a</i> —охристойжелтый безъ мергельныхъ сростковъ. <i>b</i> —темносерый съ мергельными сростками. <i>c</i> —охристойжелтый съ мергельными сростками.
		D_1 — нижній валунный слой.
ОСЛАБЛЕННЫЕ ТУРБИНЫ.	{	I' T — ярусъ пестрыхъ глинъ.
		III' T — ярусъ бѣлыхъ песковъ.
		$K.I$ — Форма долины среди ледниковыхъ образований.
		OP — Форма долины среди третичныхъ образований.

Мѣстность расположенія селенія и усадьбы г. Кирьякова составляетъ часть береговой, не болѣе 9 метровъ (30 футовъ) возвышенной надъ уровнемъ р. Удая и слабо склоняющейся въ послѣдней полосѣ. Площадка, на которой произведены раскопки, окружена съ востока, юга и юго-запада дугообразно идущими высотами, возвышенными около 30 метровъ (100 футовъ) надъ рѣкою Удаемъ и прорѣзанными двумя глубокими, узкими, до 210 метровъ (100 саженой) длиною, ярами. Стѣны высотъ, обращенныя на площадку, то крутыя, то отлогія. Въ обнаженіяхъ ясно видны: верхній валунный слой, около 3,6 метровъ (12 футовъ) и ниже его лёссъ безъ мергельныхъ сростковъ, около 7,5 метровъ (25 футовъ) мощностью. Спайная весьма неровная плоскость между обоими пластами имѣетъ среднее паденіе около 10° въ направленіи, перпендикулярномъ къ простиранію долины.

Въ точкѣ М площадки и находятся ямы, изъ которыхъ добыты кремневые орудія. При рытіи пройдены были: весьма тонкій слой растительной земли, ниже — слой, около 1 метра (3,28 футовъ), слабо-глинистаго песку, а затѣмъ пористый желтоватый известково-песчаный илъ (буква А въ профилѣ), въ которомъ и были найдены обдѣланные кремни, обожженные кости, свѣже сохранившіяся кости мамонта и небольшими гнѣздами голышникъ. Мощность этого слоя, равно какъ и подлежащая ему порода не были извѣстны во время моего посѣщенія с. Гонцовъ; но позволительно надѣяться, что розысканія какъ археологическія, такъ и палеонтологическія будутъ продолжены почтеннымъ владѣльцемъ и его сотрудникомъ г. Каминскимъ (учителемъ Лубенской гимназіи) не только въ Гонцахъ, но и по всей долинѣ р. Удая¹⁾.

Порода, въ которой найдены были кремневые орудія человѣка, какъ я уже сказалъ, есть известково-песчано-глинистый илъ желтоватаго цвѣта, литологически тождественный съ лёссомъ. Для меня, въ настоящее время, единственнымъ отличіемъ ила отъ лёсса служатъ встрѣчающіяся въ илѣ мелкія гнѣзда голышника и рядовое положеніе ила, особенно по отношенію къ верхнему валунному слою. Въ обнаженіяхъ по р. Судѣ: въ Вя-

¹⁾ Особенный интересъ представляютъ развѣдки буреніемъ какъ на возвышенной береговой полосѣ, такъ и на низменныхъ дугахъ долины.

вовкѣ, въ Лубнахъ, какъ уже замѣтилъ г. Каминскій, поверхъ верхняго валуннаго слоя лежитъ мѣстами лёссовидный иль весьма неравномѣрнымъ слоемъ и бываетъ прикрытъ черноземомъ. Мои наблюденія убѣдили меня, что лёссовидный иль принадлежитъ къ образованіямъ чисто-материковымъ, матеріаломъ для котораго послужили единственно подлежащія породы. Иль этотъ представляетъ разъединенныя, крайне неравномоцныя скопленія на склонахъ, у подножія высотъ, по береговымъ полосамъ долинъ; онъ образуется и въ настоящее время. Иль этотъ принадлежитъ къ такъ-называемымъ аллювіальнымъ послѣдниковымъ образованіямъ, допускающимъ дѣленіе, на основаніи заключенныхъ въ нихъ остатковъ животныхъ и взаимнаго ихъ рядового положенія, на древній и новый аллювій.

Въ с. Гонцахъ лёссовидный иль представляетъ скопленія на склонахъ высотъ, у подножія ихъ, открытыя раскопкою въ ямахъ береговой возвышенной полосы—въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ на уровнѣ лёсса, не содержащаго мергельныхъ сростковъ (см. разрѣзъ).

Положеніе ила, при литологическомъ сродствѣ его съ лёссомъ, могло бы навести на мысль о принадлежности въ Гонцахъ какъ ила, такъ и заключенныхъ въ немъ кремневыхъ орудій и костей мамонта къ ледниковой эпохѣ. Но такому заключенію противорѣчатъ слѣдующіе факты: иль содержитъ голышникъ разнородныхъ кристаллическихъ породъ, который не встрѣчается въ лёссѣ; иль залегаетъ мѣстами поверхъ верхняго валуннаго слоя, образовавшагося позднѣе лёсса. Рядовое положеніе ила, т. е. его залеганіе поверхъ ледниковыхъ образованій, нахожденіе въ илѣ голышника—указываютъ на самостоятельность его образованія и на принадлежность къ послѣдниковымъ или аллювіальнымъ наземнымъ образованіямъ; поэтому какъ кремневые орудія человѣка, такъ и кости мамонта, заключенныя въ илѣ Гонцовъ, принадлежатъ также къ послѣдниковой эпохѣ.

Остается разрѣшить еще вопросъ: имѣютъ ли въ Гонцахъ кремневые орудія и находящіяся съ ними кости мамонта характеръ кореннаго мѣстонахожденія, или же представляютъ случайныя скопленія кремневыхъ орудій и костей, перенесенныхъ водою изъ различныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе далекихъ отъ настоящаго мѣстонахожденія ихъ? Вопросъ этотъ невольно представляется наблюдателю при видѣ столь значительнаго скопленія костей и обдѣланныхъ кремней. Судя по числу найденныхъ въ ямѣ, на пространствѣ не большемъ 18 квадратныхъ метровъ (4 квадратныхъ сажени), зубовъ и челюстей, кости принадлежатъ по крайней мѣрѣ шести недѣлимымъ мамонта.

Вопросъ о коренномъ мѣстонахожденіи въ Гонцахъ орудій человѣка и костей мамонта рѣшается отчасти совмѣстнымъ съ ними нахожденіемъ обугленныхъ костей; но предложенный вопросъ рѣшается положительно еще и тѣмъ, что кости мамонта, особенно зубы и нижнія челюсти отличаются такою свѣжестью, такою сохранностью и полнотою, которыя не допускаютъ мысли о передвиженіи костей дѣйствіемъ воды даже на весьма близкихъ разстояніяхъ.

Перехожу къ орографіи с. Гонцовъ.

Какъ для Кіевской, такъ и для Полтавской губерній несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что до осажденія породъ ледниковой эпохи территория обѣихъ губерній подверглась сильнымъ размывамъ, слѣдствіемъ которыхъ было появленіе, среди горизонтально лежавшихъ третичныхъ породъ—долинъ, котловинъ, обрывовъ. Поверхность территории приняла въ главнѣйшихъ чертахъ ея нынѣшній орографическій характеръ. Послѣдовавшія за симъ осажденія породъ ледниковой эпохи совершались вслѣдствіе того на весьма размытой поверхности, составлявшей дно ледниковаго бассейна. Въ вашихъ экскурсіяхъ въ Кіевѣ вамъ неоднократно встрѣтятся случаи наблюдать непосредственное налеганіе ледниковыхъ породъ какъ на пестрыхъ глинахъ, составляющихъ верхній, послѣдній членъ третичной формаціи, такъ и на каждомъ изъ нижележащихъ членовъ той-же формаціи, обнаженныхъ въ откосахъ первобытныхъ долинъ.

Вслѣдствіе отложенія ледниковыхъ породъ на отлогихъ, неровныхъ сторонахъ первобытныхъ долинъ, въ первыхъ замѣчается большее или меньшее склоненіе, паденіе, переходящее на высшихъ ровныхъ поверхностяхъ и широкихъ руслахъ долинъ въ горизонтальное. Наблюденіе показываетъ, что осадки ледниковой эпохи не выполнили совершенно главнѣйшія, болѣе глубокія первобытныя долины, не въ состояніи были сравнять поверхность территории, вслѣдствіе чего по прекращеніи ледниковыхъ образованій на выступившемъ изъ-подъ воды материкѣ остатки водъ ледниковаго прѣсноводнаго бассейна сосредоточились въ разнородной формы углубленіяхъ и положили начало нынѣшнимъ главнѣйшимъ рѣчнымъ протокамъ и озерамъ. Образовавшіеся рѣчные протоки размывомъ составлявшихъ ихъ основаніе ледниковыхъ породъ углубляли постепенно русло и расширяли берега долины. Углубленіе русла или прекращалось среди ледниковыхъ породъ или простиралось, какъ напр. въ долину Днѣпра въ самомъ Кіевѣ, до нижнихъ членовъ третичной формаціи. Къ этой эпохѣ, слѣдовавшей непосредственно за ледниковою, и должно отнести наисильнѣйшія дѣйствія рѣчныхъ водъ, опредѣлившія окончательно нынѣшнія орографическія свойства территории Малороссіи. За эпохою наисильнѣйшихъ промывовъ долинъ наступило время постепеннаго обмелѣнія рѣкъ отъ наносимыхъ съ береговыхъ высотъ минеральныхъ частицъ.

Орографія долины р. Удая въ с. Гонцахъ представляетъ частный случай, частицу той общей картины измѣненій и образованій, которую я имѣлъ честь начертать предъ вами. Ледниковыя породы, обнаженыя въ береговыхъ высотахъ Гонцовъ, представляютъ паденіе осадковъ подъ угломъ 10° въ направленіи къ простиранію долины. Паденіе это указываетъ на отложеніе ледниковыхъ осадковъ на склонахъ, подлежащихъ имъ промытыхъ третичныхъ породъ. Слѣдовательно, начало долины р. Удая положено было въ доледниковую эпоху (въ профилѣ линією ОР обозначена предполагаемая форма долины среди третичныхъ осадковъ). Первобытная эта долина не выполнилась совершенно лед-

никовыми породами; въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху въ ней сосредоточились остатки прѣсныхъ ледниковыхъ водъ, которыя и промыли себѣ новое ложе среди ледниковыхъ породъ (въ профилѣ долина, промытая среди ледниковыхъ породъ, обозначена линіею К.Л.).

Къ эпохѣ обмелѣнія протока относится образованіе возвышенной до 9 метровъ (30 футовъ) надъ нынѣшнимъ Удаемъ береговой полосы, въ наземныхъ осадкахъ которой и находятся кремневая орудія и кости мамонта.

Изложенныя мною геологическія и орографическія данныя свидѣтельствуютъ, что территория нынѣшней Малороссіи въ ледниковую эпоху была покрыта водами, составлявшими часть обширнаго ледниковаго водовмѣстилища. Остается рѣшить вопросъ: существовали или нѣтъ въ этой части ледниковаго бассейна острова?

Для ббльшей части площади нынѣшнихъ губерній Кіевской и Полтавской вопросъ рѣшается положительно: непокрытыхъ водою мѣстъ не было. Нѣтъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, что по границѣ Кіевской губерніи съ Волынскою, Подольскою и Херсонскою тянется гранитный краѣжъ, прикрытый непосредственно частью третичными, частью ледниковыми осадками. Въ юго-западныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи изъ ледниковыхъ образованій я находилъ лишь лёссъ, непосредственно лежащимъ на гранитахъ или на третичныхъ осадкахъ. Отсутствие въ этой части территоріи нижняго валуннаго слоя позволяетъ допустить предположеніе, что, въ началѣ ледниковой эпохи, часть гранитнаго краѣжа составляла сушу. Такимъ образомъ, территорія нынѣшней Малороссіи, будучи покрыта сплошь водами ледниковой эпохи, не могла быть въ эту эпоху мѣстомъ пребыванія человека, равно какъ и современныхъ ему исчезнувшихъ животныхъ. Находимыя въ ледниковыхъ осадкахъ кости сухопутныхъ животныхъ суть части ихъ труповъ, занесенныхъ въ намъ съ далекихъ материковъ теченіями водъ ледниковаго бассейна.

Съ удаленіемъ, вслѣдствіе поднятія территоріи, ледниковыхъ водъ, наступила для края новая эпоха. Увлажненная прѣсными водами глинистая почва покрылась роскошнѣйшими пастбищами и лѣсами, привлекшими къ себѣ съ южныхъ материковъ мамонта и другихъ животныхъ, за которыми послѣдовалъ и человекъ. И вотъ мы находимъ въ нынѣшнихъ Гонцахъ мѣсто у подножія высотъ, близъ воды, куда привлекаема была человекомъ добыча и гдѣ онъ услаждалъ свой голодъ послѣ трудной и небезопасной, при его средствахъ нападенія и защиты, охоты. Мѣсто это было или близкое къ его жилищу или любимая стоянка для отдыха и приготовленія себѣ пищи.

МАТЕРІАЛЫ ДЛІ АРХЕОЛОГІІ ВОЛЫНИ.

Рефератъ В. П. Рогге.

Въ средѣ нашихъ провинціальныхъ, губернскихъ учрежденій, весьма часто только одни Статистическіе Комитеты имѣютъ нѣсколько научный характеръ; вотъ почему, не взирая на то, что строго статистическіе матеріалы требуютъ весьма обширной разработки, нашимъ Статистическимъ Комитетамъ нерѣдко приходится принимать участіе въ собраніи, а иногда и въ разработкѣ матеріаловъ, чуждыхъ ихъ прямой спеціальности. Въ качествѣ депутата Волынскаго губернскаго Статистическаго Комитета, я осмѣливаюсь представить съѣзду свѣдѣнія, относящіяся къ археологіи Волынской губерніи, собранныя Комитетомъ въ числѣ другихъ научныхъ матеріаловъ; не обладая спеціальной подготовкой археолога, я желаю только передать хранившійся у насъ запасъ данныхъ для свѣдѣнія ученыхъ спеціалистовъ, полагая, такимъ образомъ, принести ту долю пользы, какая возможна со стороны учрежденія, занимающагося спеціально другою отраслью знаній.

Предметы, на которые я буду имѣть честь обратить ваше вниманіе, и свѣдѣнія о нихъ собраны по большей части совершенно случайно, и потому не могутъ представлять желаемой полноты и цѣльности; тѣмъ не менѣе смѣю надѣяться, что они не будутъ вполне лишены научнаго интереса и какъ фактическія данныя найдутъ мѣсто въ русской археологіи.

Для возможно большей наглядности, я счелъ уместнымъ раздѣлить настоящее сообщеніе на три отдѣла: 1) раскопки, произведенныя въ Волынской губерніи; 2) находки и памятники древности, и 3) преданія, сохранившіяся въ народѣ относительно различныхъ мѣстностей этой губерніи.

1. Раскопки. На сколько мнѣ извѣстно, спеціальныхъ раскопокъ съ научною цѣлью въ Волынской губерніи производимо не было. Въ большинствѣ случаевъ частныя лица предпринимали раскопки съ цѣлью исканія кладовъ.

Изъ числа извѣстныхъ мнѣ самая ранняя раскопка была произведена графомъ Растворовскимъ въ 1828 году въ его имѣніи м. Миропольѣ Новоградволинскаго уѣзда.

По словамъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ этой раскопкѣ¹⁾, по распоряженію гр. Растворовскаго было разрыто нѣсколько могилъ при городищѣ близъ м. Мирополя. Въ могилахъ этихъ находили по большей части человѣческія кости и въ одной изъ нихъ нашли два каменные топорики, заостренные съ обѣихъ сторонъ, пряжки и глиняную урну. Кромѣ того въ одномъ изъ череповъ, набитыхъ землей, найденъ былъ янтарь величиною въ волоскій орѣхъ.

Топорики уцѣлѣли повнѣ: они хранятся у управляющаго Миропольскимъ имѣніемъ, г. Дмоховскаго; остальные же предметы утеряны. Что же касается до урны, то она была изъ синеватой глины, вышиною въ 1 аршинъ 13 вершковъ и шириною въ 1 аршинъ 10 вершковъ, толщина стѣнокъ достигала вершка; къ сожалѣнію урна эта была найдена разбитою, и потому ее оставили въ могилѣ.

По словамъ народнаго преданія, раскопанныя могилы были насыпаны во время татарскихъ набѣговъ, на сосѣднемъ же городищѣ находился нѣкогда замокъ „Шулдываго Буняка“, имя котораго мы встрѣчаемъ и въ лѣтописи подъ 1096 годомъ. Я, конечно, указываю на это преданіе не для того, чтобы приурочить ко времени извѣстнаго по лѣтописи Половецкаго хана предметы, найденные въ Миропольскихъ курганахъ. Очевидно могилы эти, заключавшія въ себѣ предметы каменнаго вѣка, должны быть отнесены къ гораздо болѣе отдаленному періоду. Но, тѣмъ не менѣе, существованіе въ народѣ преданія о Бунякѣ Шулдывомъ, можетъ быть послужить указаніемъ на позднѣйшую наслойку предметовъ древностей, исторической уже эпохи, которые могутъ быть открыты при дальнѣйшемъ систематическомъ изслѣдованіи намѣченной мѣстности.

Гораздо позже, именно около 1854 года, по рассказамъ старожилловъ Луцкаго уѣзда, произведены были въ самомъ городѣ Луцкѣ раскопки кіевскимъ археологомъ Потаповымъ, который отыскивалъ въ Луцкомъ замкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь св. Іоанна Богослова, могилу князя Любарта, которую будто бы и нашелъ. Болѣе подробные результаты этихъ раскопокъ мнѣ не извѣстны, и я не знаю, напечаталъ-ли повнѣ г. Потаповъ результаты своихъ раскопокъ.

Въ 1862 и въ 1872 гг. произведены были двѣ раскопки княземъ Любомирскимъ у его имѣнія, с. Малыя Рыкани. Имъ разрыто было 4 кургана, каждый разъ по два. Въ курганахъ этихъ найдены челвѣческія кости, по рассказамъ крестьянъ, огромной величины, такъ что голова была будто величиной съ ведро; у костей найдены три ожерелья, состоявшія изъ бусъ, величиною въ орѣхъ, а также костяная рукоятка отъ меча.

¹⁾ Свѣдѣнія сообщены двумя стариками, крестьянами: Василиемъ Джегаемъ 101 г. отъ роду и Алексѣемъ Олейникомъ 93 лѣтъ.

Въ послѣднее время произведена была раскопка кургана при с. Залужьѣ, Острожскаго уѣзда, членомъ настоящаго съѣзда Г. О. Оссовскимъ; я не считаю себя въ правѣ говорить объ этой раскопкѣ, потому что подробный отчетъ о ней составить предметъ послѣдующаго реферата.

Сверхъ указанныхъ случаевъ мнѣ извѣстно еще нѣсколько случаевъ раскопокъ, не доставившихъ сколько-нибудь замѣчательныхъ предметовъ и обнаружившихъ только присутствіе въ курганахъ человѣческихъ костей. Обыкновенно въ народныхъ разсказахъ объ этихъ раскопкахъ я встрѣчалъ настойчиво повторявшееся свѣдѣніе, будто кости были непомерно велики и далеко превосходили величину костей скелета современныхъ людей. Кости эти были находимы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: 1) въ нѣсколькихъ могилахъ у с. Суража Кременецкаго уѣзда, гдѣ существуетъ огромная группа могилъ, числомъ до 300. 2) Въ могилахъ при селѣ Бѣлевѣ Ровенскаго уѣзда, гдѣ при костяхъ найдены были желѣзные гвозди. 3) Въ древнемъ городищѣ при селѣ Грушвицѣ Ровенскаго же уѣзда; здѣсь, при рытіи могилы для умершихъ отъ холеры въ 1831 году, подъ древнимъ каменнымъ крестомъ, теперь уже исчезнувшимъ, найдены были кости, лежавшія въ красномъ (деревянномъ?) гробу. Гробъ этотъ былъ обратно засыпанъ и новая могила вырыта рядомъ, тамъ, гдѣ нынѣ еще сохранился деревянный крестъ. 4) Наконецъ, человѣческія кости найдены были неизвѣстнымъ изслѣдователемъ, раскопавшимъ нѣсколько кургановъ въ группѣ (всѣхъ кургановъ въ ней 117), лежащей у д. Пересопниці Ровенскаго уѣзда.

2. Находки и археологическіе памятники. Независимо отъ раскопокъ, нѣкоторые предметы, имѣющіе археологическій интересъ, найдены были разными лицами совершенно случайно: такъ, во время производства въ 1872 году земляныхъ работъ, по устройству полотна Радзивилловской вѣтви Кіево-Брестской желѣзной дороги, на 20 верстѣ отъ Радзивилловской станціи понадобилось устроить насыпь на болотѣ, въ долину рѣчки Пляшевки. Нѣсколько въ сторонѣ отъ болота существуетъ довольно большое возвышеніе изъ толстаго слоя *чернозема* и *глины*. При снятіи земли въ этомъ мѣстѣ, на глубинѣ около 2-хъ аршинъ, рабочіе наткнулись на урну, имѣвшую форму опрокинутаго усѣченнаго конуса, наполненную землей чернаго цвѣта. Къ сожалѣнію, по неосторожности, рабочіе разбили эту урну. Продолжая копать далѣе, они отрыли вполнѣ сохранившійся, глиняный, бураго цвѣта горшочекъ съ ручкой, примѣрно около вершка въ діаметрѣ. Еще далѣе было найдено каменное копьѣ¹⁾. Мѣсто, гдѣ найдены исчисленные предметы, находится въ Дубенскомъ уѣздѣ, Козинской волости, близъ селенія Пусто-Иванье, на берегу болота, образуемаго разливомъ рѣчки Пляшевки. По словамъ стариковъ, еще въ началѣ текущаго столѣтія на этомъ мѣстѣ былъ дремучій лѣсъ.

¹⁾ Копьѣ это хранится у рядчика желѣзной дороги, г. поручика Лопушанскаго, урна же и горшочекъ были, вслѣдствіе суевѣрія, истреблены его прислугою.

Совершенно также случайно близъ м. Томашграда Ровенскаго уѣзда, у д. Сахи, на поляхъ землевладѣльца Шичевскаго, найдены: каменный молотъ и долото. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній ни о мѣстѣ, ни объ условіяхъ, при которыхъ предметы эти были найдены.

Въ томъ же Ровенскомъ уѣздѣ найдены были разновременно слѣдующіе предметы каменнаго періода: 1) близъ м. Клевани въ 1837 году найденъ 1 отломокъ каменнаго топорика. 2) При селѣ Броникахъ въ 1852 году, во время работъ по устройству Кіево-Брестскаго шоссе, найденъ топорикъ грубой работы. По словамъ инженеръ-кондуктора Техмана, вмѣстѣ съ нимъ лежали человѣческія кости. 3) Въ Кунинскихъ горахъ, на границѣ Ровенскаго и Острожскаго уѣздовъ, найдено кремневое долото или рубило. 4) Въ окрестностяхъ с. Голубино, на поляхъ, найдена кремневая пика, и, наконецъ, 5) въ самомъ городѣ Ровно, у берега одного изъ рукавовъ рѣки Устья, на возвышенномъ мѣстѣ, около 2-хъ сажень надъ уровнемъ рѣки, въ 1869 г. найденъ отломокъ полированного долотца, именно нижній заостренный конецъ, сдѣланный изъ какого то камня свѣтло-коричневаго цвѣта. Изъ числа этихъ предметовъ, отломокъ каменнаго топорика, пожертвованъ Кіевскому Университету учителемъ Якутовичемъ и находится въ настоящее время въ Университетскомъ музеѣ древностей (по каталогу музея № 104). Остальные же 4 предмета вошли въ составъ коллекціи извѣстнаго любителя и собирателя древностей, землевладѣльца Волинской губерніи, Як. Як. Волошинскаго.

Въ Острожскомъ уѣздѣ, на поляхъ с. Окнива, найдены: кремневое долото и каменная пряслица ¹⁾.

Изъ предметовъ позднѣйшаго времени заслуживаютъ нѣкотораго вниманія: старинной формы сабля, найденная лѣтъ 40 тому назадъ дворяниномъ Козакевичемъ въ Ковельскомъ уѣздѣ, въ лѣсу, въ курганѣ близъ с. Боровно ²⁾ и металлическая небольшая тарелка, съ восточною (армянскою?) надписью на ободкѣ, найденная въ 1870 году въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ, близъ села Дубиць, на урочищѣ Сурмичи, въ усадьбѣ крестьянина Афанасія Пасѣчника. Болѣе подробно тарелка эта описана священникомъ Стефаномъ Островскимъ въ его статьѣ: „Описаніе с. Дубиць“, напечатанной въ Волинскихъ Епар-

¹⁾ Каменнымъ пряслицамъ волинскіе крестьяне приписываютъ цѣлебныя свойства; они опускаютъ пряслицу въ воду и отливаютъ послѣднюю въ определенномъ количествѣ, смотря по силѣ болѣзни.

²⁾ О саблѣ этой сложилась цѣлая народная легенда, по словамъ которой, сабля приноситъ несчастіе своему владѣльцу, въ наказаніе за то, что она добыта была изъ потревоженной могилы покойника; два первые владѣльцы умерли будто весьма скоро послѣ того, какъ она стала ихъ собственностью, третій-же успѣшилъ отдѣлаться отъ бѣды, пожертвовавъ саблю въ коллекцію Волинскаго Статистическаго Комитета.

хіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1874 г. (№ 1, часть неофф. стр. 17—24), именно при описаніи существовавшего въ XVI вѣкѣ православнаго монастыря въ с. Дубицахъ.

Относительно кладовъ, находимыхъ въ Волынской губерніи, я считаю излишнимъ распространяться, такъ какъ, вслѣдствіе существующихъ по этому поводу особыхъ правилъ, все, сколько-нибудь замѣчательное, становится достояніемъ археологіи. По установленному порядку, когда кѣмъ-либо открытъ кладъ, о немъ сообщается въ губернское управленіе, которое передаетъ все найденное въ Археологическую Коммиссію; послѣдняя оцѣниваетъ представленныя предметы и приобрѣтаетъ все, заслуживающее вниманія. Такимъ образомъ личный интересъ кладооткрывателей побуждаетъ ихъ не скрывать найденнаго, и потому почти всѣ открытыя клады не ускользаютъ отъ науки. На этомъ основаніи, оставляя въ сторонѣ всѣ клады вообще, я ограничусь только указаніемъ двухъ болѣе замѣчательныхъ находокъ, случившихся въ теченіи послѣдняго года, и потому, еще не приведенныхъ въ извѣстность: въ августѣ 1873 года въ Овручскомъ уѣздѣ, Юровской волости, близъ деревни Хоцина, въ самомъ глухомъ Полѣсьѣ, крестьяниномъ Саковцемъ найденъ кладъ, который состоялъ изъ 98 большихъ серебрянныхъ, преимущественно испанскихъ, монетъ XVI столѣтія. Далѣе въ м. Александріи Ровенскаго уѣзда, на высокомъ берегу рѣки Горыни, найденъ въ прошломъ году римскій денарій императора Антонина (180—192 г. по Р. Х.).

Изъ числа сохранившихся памятниковъ древности, имѣющихъ археологическій интересъ, мнѣ кажется, не лишнимъ упомянуть о нижеслѣдующемъ:

При вѣздѣ съ западной стороны въ м. Клеванъ Ровенскаго уѣзда сохранилось два большихъ смежныхъ древнихъ городища, изъ которыхъ на одномъ стоитъ православная церковь, а на другомъ древній замокъ князей Чарторійскихъ съ каменными башнями и бойницами.

Въ этой церкви хранится евангеліе изъ древней замковой церкви православныхъ князей Чарторійскихъ, напечатанное „въ Вильнѣ 14 мая 7082 (1574) года отъ сотворенія міра на память св. мученика Исидора, въ царствованіе Генриха короля Польскаго и великаго князя Литовскаго“. Въ евангеліи этомъ по страницамъ вписанъ документъ, подписанный собственноручно княгиней Евдокіей и сыновьями ея: Иваномъ и Юрьемъ Чарторійскими 8 января 1672 г., содержащій завѣщаніе потомству Чарторійскихъ охранять церковь и предоставлять священнослужителямъ при ней бесплатно землю, лѣсъ и другія угодія.

3. Преданія, сохранившіяся въ народной памяти и мѣста, съ которыми онѣ связаны. Переходя къ послѣднему отдѣлу: о преданіяхъ,

сохранившихся въ народной памяти, я упомяну только о тѣхъ изъ нихъ, которыя почему либо могутъ послужить матеріаломъ къ археологическимъ изслѣдованіямъ.

Почти всѣ эти преданія связаны съ какииъ-либо курганомъ, городищемъ или могилой.

Такъ въ Ровенскомъ уѣздѣ при селѣ Глинскѣ сохранилось большое древнее городище. По разсказамъ старожиловъ, на этомъ городищѣ въ древности долго существовалъ замокъ князей Покотылло и еще недавно на горѣ были находимы обломки желѣза, фарфоровыхъ издѣлій и т. п. Кромѣ того въ 1869 году мѣстный священникъ случайно открылъ въ церковной оградѣ могилу, на которой находился красный надгробный камень, заросшій землей, на которомъ оказалась слѣдующая надпись: „Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Маріи Покотылло, положенный въ храмъ Успенія Божіей Матери, року 1606“. Надпись эта высѣчена на славянскомъ языкѣ.

Недалеко отъ этого городища есть курганъ, въ которомъ, какъ говорятъ, погребены воины, убитые еще въ то время, когда татары покушались взять замокъ Покотылло.

Кромѣ того на противоположной сторонѣ с. Глинска есть еще 8 кургановъ, которые помѣщикъ Веселовскій въ 1850 г. раскапывалъ, но въ нихъ, кромѣ подковъ, желѣзныхъ винтовъ, частей оружія и костей, ничего не нашель.

При с. Хоцинѣ въ томъ же уѣздѣ находятся два кургана въ помѣщицьемъ саду надъ рѣкой Горынью и три на полѣ. Одинъ изъ послѣднихъ, лѣтъ 20 тому назадъ, былъ распханъ до половины крестьяниномъ Максимомъ Самчукомъ, причемъ послѣдній нашель нѣсколько слитковъ серебра длинной формы (вѣроятно рубли или гривны). Слитки эти у него отобралъ экономическій приказчикъ и отдалъ ихъ помѣщику Іосифу Богушу, который пытался на томъ же мѣстѣ дѣлать новыя раскопки, но ничего болѣе не нашель.

Верстахъ въ двухъ возлѣ уѣзднаго города Ровно, при с. Басовъ - Куть, также сохранилось древнее городище. О немъ въ народѣ существуетъ преданіе, что оно построено татарами во время ихъ нашествія и служило резиденціей татарскаго Баши, отъ чего и близъ лежащее селеніе называлось прежде Баши-Куть, впоследствии, изъ ненависти къ татарамъ, оно было прозвано Бисовъ - Куть и наконецъ теперь передѣлано въ Басовъ-Куть.

Въ Дубенскомъ уѣздѣ при м. Берестечко находится курганъ, и на немъ каменный памятникъ съ изображеніемъ св. Оеклы. Преданіе говоритъ, что здѣсь похоронено 500 дѣвицъ, взятыхъ въ плѣнъ татарами и лишившихъ себя жизни. Недалеко отъ этого кургана находится каменный, довольно обширный и высокій столбъ, подъ которымъ погребенъ бывшій владѣлецъ имѣнія, князь Пронскій.

Особенно обильны преданіями различныя мѣстности Овручскаго уѣзда. Такъ, при с. Малыхъ Клещахъ, въ лѣсу, сохранилось городище, по народному преданію сооруженное великою княгиней Ольгой; говорятъ, что внутри городка находился большой плоскій

камень съ изсѣченными изображеніями, представлявшими будто „плеть и башмакъ“; но камня этого нынѣ не возможно отыскать; на востокъ отъ городка, по преданію, сокрыты были сокровища.

При с. Норинскѣ сохранилась необыкновенной величины древняя земляная насыпь, называемая „Гора“. Между народомъ носится слухъ, что въ прудѣ около этой насыпи погружены какіе-то клады.

При с. Словечно есть деревня Городецъ, въ которой находится городокъ. По преданію городокъ этотъ разрушенъ во время княженія св. Ольги. Напротивъ городка находится 4 каменныхъ креста; по преданію, на этомъ мѣстѣ была церковь. Рядомъ находятся слѣды другого городка, въ которомъ во время вспашки были находимы куски мрамора, черепья тарелокъ, вилки и т. п. предметы.

Не менѣе интересныхъ преданій встрѣчается также о различныхъ мѣстностяхъ Новоградъ-Волинскаго уѣзда; такъ, при д. Корецкіе Пилиповичи сохранилось городище, съ западной стороны котораго стоитъ два каменныхъ креста, а три другіе креста тутъ же лежатъ опровинуты. По преданію на городищѣ была церковь, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ кресты — кладбище.

При с. Курно, близъ рѣки Тли, также сохранилось городище. По преданіямъ, на этомъ мѣстѣ была крѣпость, а возлѣ нее м. Куренево. На сѣверо-западной сторонѣ, подъ валомъ, въ бывшемъ колодцѣ, найдены были старыя золотыя монеты, которыя теперь неизвѣстно у кого находятся, такъ какъ онѣ переданы были крестьянами въ руки экономіи.

Наконецъ, при м. Барановкѣ того же уѣзда находится также 5 могилъ. Къ западу отъ сего мѣстечка, въ урочищѣ Каменный Тикъ, на горѣ, находится каменная плоскость, называемая тоже Каменный Тикъ.

На одномъ углу этой скалы высѣченъ какой то знакъ длиною въ аршинъ, который народъ называетъ саблей. По словамъ преданія, въ этомъ мѣстѣ скрыты сокровища, и знакъ указываетъ направленіе, гдѣ онѣ зарыты. По народному убѣжденію, объ этихъ сокровищахъ существуютъ въ Кіевѣ какія то записи.

Въ числѣ упомянутыхъ данныхъ, многія можетъ быть не представляютъ особенной важности; не признавая себя достаточно компетентнымъ судьей въ этомъ отношеніи, я предпочелъ привести лишнее, чѣмъ упустить что-либо, могущее служить пригоднымъ научнымъ матеріаломъ; раздѣляя притомъ вполне мнѣніе, высказанное уважаемымъ сочленомъ съѣзда, И. Е. Забѣлинымъ, что въ археологіи нѣтъ болѣе важнаго и менѣе важнаго, я полагаю, что фактическій матеріалъ, представленный въ настоящемъ рефератѣ, окажется въ нѣкоторой доли не безъинтереснымъ.

Настоящее сообщеніе, конечно, далеко не исчерпываетъ всего археологическаго матеріала, который могла бы намъ представить Волянь. Здѣсь мы послѣдовательно находимъ

памятники всевозможныхъ эпохъ и періодовъ историческаго развитія края. Погребальныя урны и каменныя орудія свидѣтельствуютъ о существованіи въ этихъ мѣстахъ человѣка въ первобытныя времена; начало организаціи Русскаго государства и первое введеніе на Руси христіанства оставили по себѣ памятники въ остаткахъ древнихъ городовъ, въ народныхъ преданіяхъ о св. Ольгѣ, а также въ развалинахъ древнихъ храмовъ, какъ примѣръ: храма св. Василя въ г. Овручѣ, или же храма въ м. Зимномъ близъ города Владиміра - Волынска; отъ времени татарскихъ набѣговъ сохранились многочисленныя курганы, развалины замковъ и наконецъ знаменитая Почаевская лавра, основанная, по преданію, иноками, изгнанными татарами изъ своихъ обителей и искавшими убѣжища въ дремучихъ лѣсахъ, еще и понынѣ покрывающихъ отроги Карпатскихъ горъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ многочисленнѣе становятся памятники древности; но упоминать о нихъ я не нахожу возможности, потому что простое перечисленіе недостижало бы цѣли, а, при подробномъ описаніи, пришлось бы о каждомъ изъ нихъ составить особый рефератъ.

Во всякомъ случаѣ, я полагаю, что и по настоящему бѣглому очерку можно увѣриться, что Волынь представляетъ весьма богатый и многосторонній археологическій матеріалъ для изученія различныхъ культурныхъ эпохъ въ ихъ послѣдовательномъ развитіи.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать еще нѣсколько словъ.

Какъ бы мы не относились къ археологіи, будемъ ли мы считать ее наукой самостоятельной или вспомогательной, во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію и никакъ нельзя оспаривать того, что существуетъ громадное количество матеріаловъ, собраніе, открытіе и обработка которыхъ относится исключительно къ археологіи. Все, что завѣщено намъ сѣдою древностью, всѣ остатки человѣка и различныхъ проявленій его духа, его творчества и его дѣятельности, цѣлые вѣка и даже тысячелѣтія, лежащія въ пѣдрахъ земли, каждая косточка, каждый камышекъ, каждый обломокъ какого-либо предмета, все это, попадая въ руки археолога, подвергается его оцѣнкѣ, его критикѣ и только тогда уже, когда этотъ предметъ такимъ образомъ опредѣленъ, отнесенъ къ извѣстной категоріи, извѣстному времени, онъ поступаетъ въ распоряженіе другихъ наукъ и можетъ быть изучаемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Понятно слѣдовательно, что научный интересъ вообще требуетъ, чтобы подобный матеріалъ ускользалъ отъ археологіи возможно менѣе. Между тѣмъ въ настоящее время спеціальныхъ раскопокъ почти не производится, а все то, что различныя лица въ различныхъ мѣстахъ находятъ случайно, за весьма немногими исключеніями, почти всегда остается въ неизвѣстности и весьма рѣдко дѣлается достояніемъ науки.

Въ видахъ устраненія такого положенія, я полагаю-бы возможнымъ и целесообразнымъ примѣнить порядокъ, установленный исключительно для кладовъ, и къ другимъ предметамъ, имѣющимъ археологическое значеніе. Говоря яснѣе, я полагаю-бы, что въ

этомъ отношеніи полезно было - бы вмѣнить въ обязанность всѣмъ и каждому, подобно тому, какъ это существуетъ относительно кладовъ, чтобы о всякой находкѣ, могущей имѣть археологическій интересъ, было немедленно же заявлено мѣстнымъ властямъ, которыя, въ свою очередь, должны о каждомъ подобномъ случаѣ сообщать археологической Коммисіи. Этой послѣдней въ свою очередь предоставляется, опять подобнокладамъ, оцѣнить находку и, если она не лишена интереса, оставить ее у себя, выдавъ открывателю соответствующее денежное вознагражденіе, въ противномъ же случаѣ вернуть ее обратно.

Однимъ изъ весьма существенныхъ однакожь условій при этомъ является желаніе, *чтобы каждый зналъ тѣ три условія*, которыя придаютъ извѣстному предмету археологическое значеніе.

Само собою разумѣется, что такой порядокъ можетъ имѣть свои весьма крупные недостатки, но, за отсутствіемъ пока другихъ мѣръ, установленіе подобныхъ правилъ все таки навѣрное сберегло бы для науки весьма многіе матеріалы, которые теперь гибнутъ часто совершенно безвозвратно.

Что касается примѣнимости этихъ правилъ на практикѣ, то, въ виду существующаго уже примѣра подобнаго же порядка въ отношеніи кладовъ, мнѣ кажется, они не останутся мертвой буквой и не замедлятъ скоро принести осязательную и существенную пользу. Съ своей стороны, какъ членъ одного изъ губернскихъ учреждений, я позволяю себѣ выразить увѣренность, что подобное обращеніе съѣзда къ губернской администраціи будетъ встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ и что съѣздъ всегда найдетъ въ ней полную готовность и самое искреннее желаніе оказать требованіямъ науки самое горячее и дѣятельное содѣйствіе.

О НАХОДКАХЪ ПРЕДМЕТОВЪ КАМЕННОГО ВѢКА ВЪ ВОЛЫНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Рефератъ Г. О. Оссовскаго.

Только-что прочитанный г. секретаремъ Волынскаго губернскаго Статистическаго Комитета рефератъ о состояніи археологическихъ свѣдѣній въ Волынской губерніи, указываетъ на всю скудость научныхъ извѣстій о Волыни въ отношеніи археологіи этой страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на то обстоятельство, что Волынь не лишена явныхъ слѣдовъ существованія на ея почвѣ челоуѣка, во времена древней, первоначальной его жизни. Такъ какъ мнѣ приходилось неразъ наблюдать археологическіе памятники этой страны, добытые другими любителями археологіи, приходилось также и самому производить археологическія изслѣдованія, то я считаю себя обязаннымъ въ настоящее время, представить нѣкоторыя, болѣе интересныя свѣдѣнія и результаты моихъ въ этомъ отношеніи наблюденій.

Прежде всего я намѣренъ ознакомить съ результатами произведенной мною въ 1869 году раскопки *кургана-могилы* въ с. Залужья.

Залужьянскій курганъ находится въ Острожскомъ уѣздѣ, на 1¹/₂ до 2 версты сѣвернѣе с. Залужья, не далеко отъ маленькаго ручья, проходящаго чрезъ это село и впадающаго въ р. Горынь. Мѣстность, на которой насыпанъ курганъ, представляетъ собою, какъ это видно изъ прилагаемаго схематическаго разрѣза почвы (рис. 1-й), возвышенную плоскость, у окраины которой подымается курганъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ него начинается покатость, оканчивающаяся, на протяженіи около одной версты, оврагомъ.

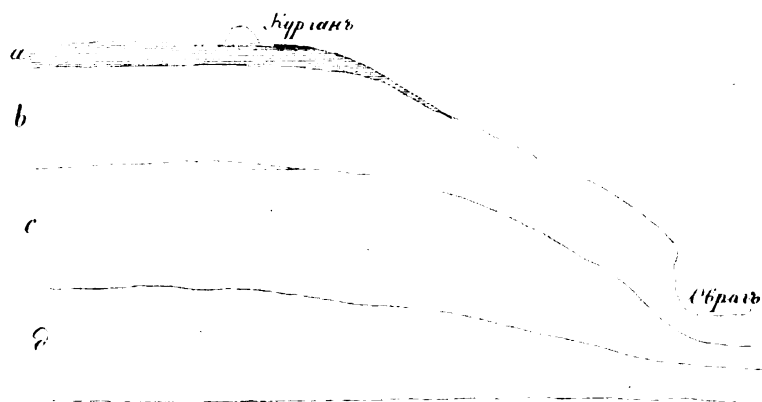

Рис. 1-й.

Геогностическое строение этой мѣстности представляетъ, начиная съ верху: тонкій слой растительной, сѣро-черноземной почвы (а), належащей на нѣсколько-саженныхъ толщахъ лёсса (b) (сѣровато-желтой, известковатой глины). Ниже, слѣдуютъ третичныя породы (с), покоющіяся на мѣлу (d), тамоннемъ базисѣ почвенныхъ напластованій.

Я обратилъ вниманіе на геогностическое строение описываемой мѣстности потому, что этотъ краткій взглядъ уяснить значеніе насыпи кургана.

Самый курганъ представлялъ значительную насыпь, имѣющую форму усѣченного конуса въ 10 аршинъ вышиною и 15 до 17 аршинъ въ поперечникѣ у своего основанія (рис. 2-й).

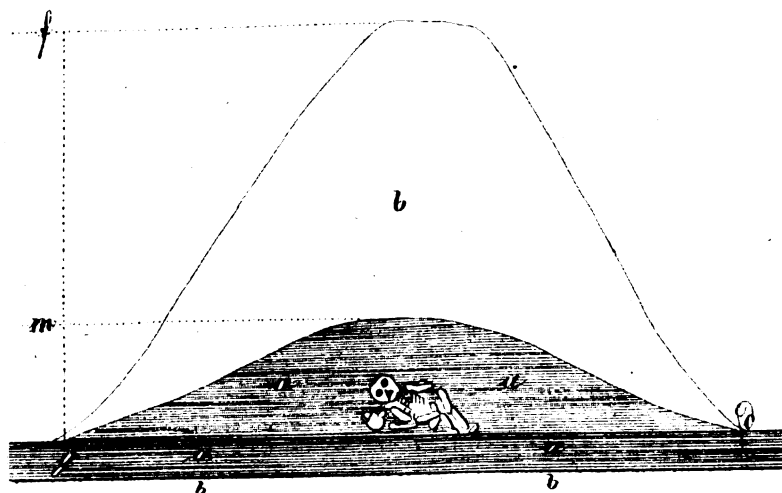

Рис. 2-й.

$fg = 10$ аршинъ

$gd = 15$ до 17 аршинъ.

|| а. Растительная почва

|| б. Лёсъ.

Раскопка кургана произведена разрѣзомъ его (траншеею) чрезъ середину, по направленію съ востока къ западу, полоскою въ 2, до $2\frac{1}{2}$ аршинъ ширины.

Въ трехъ верхнихъ четвертяхъ своей высоты, курганъ состоялъ изъ чистаго лёсса (рис. 2-й, *b*).

Такъ какъ на окружающей почвѣ не было никакихъ слѣдовъ выемокъ и верхній пластъ этой почвы, какъ мы видѣли изъ схематическаго разрѣза (рис. 1-й), состоитъ изъ черноземной растительной почвы, то очевидно, что разрѣзываемый лёссъ доставленъ былъ для этой насыпи изъ мѣста нѣсколько отсюда удаленнаго¹⁾, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обстоятельство это представляло намъ пока самую насыпь въ характерѣ сторожеваго кургана. Но, затѣмъ, въ послѣдней нижней четверти кургана, начала показываться земля постепенно смѣшанная и, затѣмъ, черноватая, — растительная (*a*). По окончаніи раскопки эта нижняя часть кургана обозначилась на стѣнкахъ разрѣза темнымъ пластомъ чернозема, очертаніемъ своимъ представляющаго (какъ видимъ на рис. 2) невысокую, плосковатую, нѣсколько вытянутую форму могилы, покрытой сверху разрѣзанною насыпью лёсса.

Съ началомъ раскопки этой нижней части кургана, т. е. самой могилы, рабочіе сейчасъ-же наткнулись на черепъ. Со всею осторожностью, съ помощью малыхъ щупальцевъ, мы узнали направленіе остова, положеніе котораго въ длину совершенно совпадало съ направленіемъ произведеннаго нами разрѣза, т. е. съ востока на западъ.

Затѣмъ, унесена была окружающая остова земля, вплоть до основанія кургана, и тогда можно было ясно наблюдать положеніе самаго остова. Это былъ скелетъ чловѣка, положеннаго на правый бокъ, въ полудлежащемъ положеніи. Ноги его нѣсколько подогнуты и прислонены къ туловищу; руки сложены на колѣняхъ, какъ бы охватывали ихъ. Подъ спиною замѣчалась малая земляная насыпь въ видѣ подмостки, для поддержки полудлежащей позы. У праваго виска черепа стоялъ глиняный сосудъ, а у праваго бока, по направленію длины скелета, лежало кремневое орудіе, похожее на пожъ. Скелетныя кости, за исключеніемъ черепа, находились въ совершенномъ разлженіи, такъ что ни одной изъ нихъ нельзя было поднять; отъ прикосновенія онѣ рассыпались въ бѣлый порошокъ. Одни позвонки представили нѣсколько болѣе сопротивленія разложенію: они еще держались, но представляли мягкую, рассыпчатую, бѣлую массу. На самомъ черепѣ образовалась такая же мягкая оболочка, легко снимавшаяся ногтемъ.

Ниже горизонта остова слѣдовала растительная, нетронутая почва, идентичная съ тою, какаю окружала курганъ. Очевидно, что для погребенія не рылась вовсе яма: умершій, погребался на поверхности земли.

Обращаясь къ найденнымъ при остова предметамъ, мы видимъ въ сосудѣ (фиг. 1) лѣнное издѣліе весьма отдаленнаго древняго періода чловѣческой жизни. Въ пользу

¹⁾ Лёссъ могъ быть доставляемъ изъ поманутаго ближайшаго оврага, въ которомъ являются обнаженія и обвалы лёсса, столь же ровнаго цвѣта, какъ и въ насыпи.

глубокой его древности говоритъ совокупность многихъ признаковъ: видимо, издѣліе это исполнено безъ помощи гончарнаго станка и выдѣлано въ рукахъ. Уже самая его наружная форма, неравнобѣрная толщина стѣнокъ, неправильность положенія ушей, изъ которыхъ одно значительно выше другаго, наводитъ насъ на предположеніе о глубокой его древности. Дно сосуда даже не совпало съ его серединою, отъ чего онъ криво стоитъ. Предположеніе наше усиливается, если обратимъ вниманіе на матеріаль, изъ котораго сосудъ сдѣланъ. Онъ представляетъ грубую, глинистую массу, изобилующую неравнобѣрной величины кварцевыми зернами и слюдою. Такой составъ указываетъ на отсутствіе всякаго сознательнаго выбора глины и всякаго малѣйшаго ознакомленія съ лѣпнымъ искусствомъ, такъ, что можно подуматъ, что первая попавшаяся глинистая почвенная смѣсь, или даже наносная жерства овражныхъ рывинъ, могла служить матеріаломъ для современныхъ данному сосуду керамическихъ издѣлій. Совершенная непластичность массы и неравнобѣрность частицъ ея состава, въ особенности содержащихся въ ней зеренъ кварца, наводитъ большое сомнѣніе въ томъ, былъ-ли этотъ сосудъ въ огнѣ:—такъ какъ при изложенныхъ свойствахъ лѣпнаго матеріала, сосудъ, подверженный даже неусиленному огню, долженъ непремѣнно лопнуть. По этому слѣдуетъ сомнѣваться въ существованіи умѣнія выжигать лѣпныя издѣлія въ современную нашему сосуду эпоху.

На поверхности сосуда, кругомъ нижней части шейки, замѣчается одинъ рядъ чертовидныхъ украшеній, сдѣланныхъ, какъ думать можно, деревяшкою, и, выше его, два, весьма неискусные, кривые, неотчетливо рельефные ободочка; на ушахъ вдавлены маленькіе желобки. Эта орнаментика издѣлія, при внимательномъ осмотрѣ его, вызываетъ невольную улыбку. Мастеръ издѣлія силился возвысить художественную сторону своего произведенія, не замѣчая того, что въ основаніи его труда сосредоточены такіе капитальные недостатки, какъ кривизна сосуда, неравнобѣрность толщины стѣнокъ и высоты ушей и т. п., которые для глаза, привычнаго къ лучшимъ работамъ и болѣе совершеннымъ формамъ, представляло бы это его дѣтище, не только не заслуживающимъ никакихъ художественныхъ прибавленій, но и вполнѣ негоднымъ для употребленія. Подобныя явленія свойственны колебательнымъ періодамъ развитія всякаго мастерства и художества и представляютъ разительное сходство съ первыми проявленіями умственной дѣятельности современныхъ намъ дѣтей, произведенія которыхъ при тщательномъ осмотрѣ представляютъ почти всегда развитіе орнаментики, несоотвѣтствующее достоинству самой сущности предмета.

Внутри сосуда замѣтно было до половины его высоты присутствіе какаго то зернистаго вещества, состоящаго изъ круглыхъ тѣлецъ, напоминающихъ просо или пшено. Оно подверглось совершенному разложенію, такъ, что когда сосудъ былъ тронутъ съ мѣста, то при каждомъ движеніи его, или при легчайшемъ прикосновеніи, оно обращалось въ пыль.

Что касается второго найденнаго предмета, кремневаго орудія (фиг. 2), то оно формою своею, какъ мы уже сказали, походить на ножъ, и вѣроятно имѣло и примѣненіе ему соотвѣтствующее. Это послѣднее издѣліе, не менѣе предыдущаго, носитъ характеръ первобытныхъ издѣлій, такъ-называемаго грубаго (неполированнаго) каменнаго періода. Оформление его весьма неискусное, грубое, безъ всякаго стремленія не только къ полировке, но ко всякому изглаженію его поверхности; отколы его неловкіе, обнаруживающіе усиліе, соединенное съ неумѣніемъ обращаться съ каменотеснымъ дѣломъ и недостаткомъ соотвѣтствующихъ инструментовъ. По поводу этого орудія, я нелишнимъ считаю упомянуть, что нѣкоторые археологи высказываютъ предположеніе относительно предметовъ каменнаго вѣка, состоящее въ томъ, что многія грубо отдѣланныя каменные находки не слѣдуетъ относить къ грубому каменному періоду на томъ основаніи, что извѣстные роды камней, по составу своему весьма крѣпки и плотны и требуютъ большихъ усилій и знанія для ихъ полировки. По этому допускаютъ, что и во время полированнаго періода, мастера, не зная способа полировать подобныя плотныя породы, оставляли ихъ въ грубомъ видѣ. Мнѣніе это, высказанное неразъ и въ предыдущихъ засѣданіяхъ съѣзда, конечно должно относиться особенно къ предметамъ изъ *кремня* (къ которымъ относится и наше издѣліе), такъ какъ изъ всѣхъ видовъ горныхъ породъ, изъ которыхъ извѣстны намъ древнія издѣлія, кремнь представляетъ самую высшую степень плотности и наибольшую степень сопротивленія полирующимъ дѣйствіямъ. Но мнѣніе это, при ближайшемъ изслѣдованіи каменныхъ издѣлій, не вполне подтверждается. На нынѣшней археологической выставкѣ отдѣлъ каменнаго вѣка, представляющій весьма богатое собраніе издѣлій изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстностей, доставилъ возможность сравнить весьма разнородные типы этихъ издѣлій и многосторонне изучить ихъ характеръ. При этомъ случаѣ я изслѣдовалъ всѣ каменные породы, послужившія матеріаломъ для столь богатаго и разнообразнаго собранія и мнѣ не встрѣтилась ни одна порода, которой плотность стояла бы выше *кремня*, т. е. выше плотности 7. А между тѣмъ, рассматривая эти кремневые издѣлія, мы видимъ между ними въ равномъ количествѣ, какъ грубые, такъ и полированные предметы. Намъ самимъ приходилось добывать подобныя находки въ обоихъ видахъ отдѣлки. Слѣдовательно, при всей высшей трудности полировки кремня, первобытный человекъ, когда приобрѣлъ знаніе полировки своихъ каменныхъ орудій, то преодолѣлъ и тѣ затрудненія, которыя представляла самая плотная порода, и, въ полированный періодъ—полировалъ и кремнь. На этомъ основаніи, не нахожу причинъ полагать, чтобы описываемый нами кремневый предметъ, при своей достаточно характерной отдѣлкѣ, могъ относиться не къ древнѣйшему, но къ позднѣйшему культурному періоду.

Изъ всего представившагося нашимъ наблюденіямъ, при раскопкѣ Залужанской насыпи, можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія:

Разрытая въ Залужья насыпь по времени, очевидно, принадлежитъ къ двумъ весьма отдаленнымъ другъ отъ друга періодамъ. Первая, верхняя ея часть представляетъ произведеніе повѣйшихъ, историческихъ временъ, и, какъ по конусообразной своей формѣ, такъ и по мѣстоположенію своему должна быть отнесена къ сторожевымъ курганамъ. Въ ней видна только та случайная особенность (впрочемъ весьма естественная), что насыпавшіе ее воспользовались готовымъ, существовавшимъ уже на томъ мѣстѣ возвышеніемъ древней могилы (нижней части насыпи) и тѣмъ, такъ-сказать, облегчили свой трудъ. Вторая, нижняя часть, какъ видимъ изъ совокупности всего вышесказаннаго, представляетъ памятникъ весьма глубокой древности и составляетъ могилу челоуѣка временъ перваго каменнаго періода. Въ общей сложности, насыпь эту можно назвать *курганъ-могилою*. По внутреннему содержанію нижней могилы можно прійти къ заключенію, что, въ обычаѣ того племени, или народа, къ которому принадлежалъ погребенный въ ней, было: хоронить умершихъ на поверхности земли, въ полулежащемъ положеніи и прикрывать ихъ земляною насыпью. Въ такой гробъ умершаго клали предметы, служившіе ему при жизни орудіемъ, и ставили сосудъ, вѣроятно съ зерномъ, служившимъ пищею. Конечно, заключенія эти, какъ выводъ изъ одиночнаго примѣра раскопки, могутъ быть весьма неполны и требуютъ подтвержденія дальнѣйшими поисками, осуществленіе которыхъ въ будущемъ—для науки весьма желательно. Изъ положенія погребеннаго: нѣсколько на правомъ боку, нельзя пока ничего заключать, такъ какъ это могло быть дѣломъ случая.

Наконецъ, по вопросу о томъ: служатъ ли найденныя издѣлія представителями мѣстной тогдашней культуры, или онѣ могли быть заимствованы изъ другихъ мѣстностей? разъясненіе можемъ найти въ геогностическомъ строеніи мѣстности, на которой находится описанная курганъ-могила. Изъ него мы видимъ, что тутъ мѣловая почва служитъ базисомъ напластованій. Породы такія содержатъ въ себѣ много кремневыхъ голышей, выносимыхъ овражными потоками на поверхность долинъ и низменностей. Кромѣ того и верхніе аллювіальные слои этой мѣстности содержатъ тоже кремневые валуны. По этому кремневое издѣліе, по всей вѣроятности, можетъ быть принято за издѣліе мѣстное. Относительно же лѣпнаго сосуда я долженъ замѣтить, что лѣпной матеріалъ его напоминаетъ мнѣ весьма характеристичную и изъ геологическихъ моихъ изслѣдованій хорошо мнѣ знакомую глинисто-полевошпатную слюдистую смѣсь, встрѣчающуюся въ овражныхъ рывинахъ верстъ на 30 до 40 восточнѣе Залужья, уже на территоріи гранитныхъ волынскихъ почвъ. Съ этою смѣсью матеріалъ сосуда имѣетъ поразительное сходство. Вслѣдствіе этого, вѣроятнымъ кажется, что мѣстомъ производства подобнаго рода лѣпныхъ издѣлій могли быть окрестности нынѣшняго м. Судилкова. Иначе невозможно бы было объяснить присутствіе въ лѣпномъ матеріалѣ сосуда слюдистыхъ частицъ, которыя въ почвахъ окружающихъ с. Залужье и идущихъ отъ него къ сѣверозападу и къ югу,

или вовсе не содержатся, или, если встрѣчаются, то единственно въ аллювіальныхъ бѣлыхъ сыпучихъ пескахъ. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что Острожскій и Заславскій уѣзды имѣютъ подпочвою своего растительнаго пласта во многихъ мѣстахъ гончарныя глины; поэтому, еслибы лѣпное производство было развито въ какой-либо мѣстности этихъ уѣздовъ, то сосудъ могъ бы быть сдѣланъ изъ гончарной глины.

Послѣ Залужьянской мѣстности, перенесемъ наше вниманіе на территорію Овручскаго уѣзда. Въ этой послѣдней мѣстности, въ серединной ея полосѣ, версты на 40 западнѣе г. Овруча, въ окрестности селъ Нагорянъ и Каменщины, встрѣчаются, во множествѣ разсѣянные по полямъ, разной величины небольшія каменные издѣлія, похожія на ожерелья или бусы большіхъ размѣровъ. Издѣлія эти (фиг. 3), судя по ихъ формѣ, могли быть употребляемы въ древности какъ украшенія, соответствующія нынѣшнимъ ожерельямъ и бусамъ. Онѣ сдѣланы изъ *красныхъ шиферовъ*, мѣстной каменной породы, которою особенно изобилуютъ окрестности помянутыхъ селъ; это та-же порода, которая часто встрѣчается въ Кіевскихъ памятникахъ древности въ видѣ строительнаго и орнаментическаго матеріала. О геологическомъ и геогностическомъ значеніи этой каменной породы, я имѣлъ возможность недавно передъ симъ говорить подробнѣе, когда разрѣшалъ предложенный программой съѣзда вопросъ: „откуда добывались красные шифера, встрѣчаемые въ древнихъ памятникахъ Кіева“. Въ настоящее же время я обращаю вниманіе на то, что издѣлія эти, производимыя изъ мѣстнаго матеріала, служатъ несомнѣнными представителями мѣстной культуры каменно-полированнаго вѣка. Нѣкоторые изъ представляемыхъ здѣсь мною образцовъ замѣчательны тѣмъ, что они представляютъ издѣлія еще неоконченныя и тѣмъ даютъ возможность ознакомиться съ производствомъ каменныхъ работъ у древнѣйшихъ обитателей этой страны. Изъ нихъ мы видимъ, что для этой цѣли избирались не толстыя пластинки шифера, въ которыхъ предварительно вытачивались круглыя отверстія, затѣмъ пластинка распиливалась на четырехугольныя квадратикки съ готовыми уже дырами; потомъ, отпиливая углы квадратиковъ, придавалась постепенно кругловатая форма¹⁾. Такимъ образомъ, безъ помощи циркуля, получались довольно правильной круглой формы плоскія бусы. Судя по этимъ недооконченнымъ образцамъ и по значительному количеству ихъ находенія, можно предполагать, что, въ окрестностяхъ Нагорянъ и Каменщины въ древніе вѣка существовало главное производство этихъ издѣлій, такъ - сказать, главная ихъ фабрика. Оттуда они могли распро-

¹⁾ Пиленіе, по всей вѣроятности, могло производиться топкою деревянною или костяною дощечкою съ помощію песка, какъ это дѣлается и теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ наждаку или гдѣ онъ дорогъ. Мѣсто деревянной или костяной дощечки древнихъ замѣняетъ теперь пластинка изъ мягкаго желѣза, не ускоряющая впрочемъ процесса пиленія.

страняться и въ сосѣднія страны. Между археологическими предметами выставки, имѣются такіе же экземпляры бусъ, доставленные изъ Минской губ. и изъ Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Мѣстомъ выдѣлки сихъ послѣднихъ слѣдуетъ считать упомянутыя мѣста Овручскаго уѣзда.

Кромѣ Нагоряно-Каменщинской мѣстности, въ Овручскомъ уѣздѣ попадаются еще каменныя находки въ с. Васьковичахъ. Послѣднія состоятъ преимущественно изъ небольшихъ сіенитовыхъ молоточковъ. Они имѣютъ то важное значеніе, что всѣ выдѣланы изъ мѣстнаго матеріала, которымъ есть мелкозернистое видоизмѣненіе: *сіенита*, породы богато развитой въ самомъ селѣ Васьковичахъ и въ его окрестностяхъ, по всему теченію р. Шестеня.

Наконецъ, въ заключеніе этого краткаго обзора, не могу промолчать еще о замѣчательнѣйшей въ этомъ отношеніи мѣстности, которою есть Дубенскій уѣздъ. Въ уѣздѣ этомъ, въ окрестностяхъ селъ *Большой* и *Малой Мощаницъ*, *Суемъ* и другихъ близълежащихъ поселеній на каждомъ почти шагѣ попадаются каменныя издѣлія самыхъ разнообразныхъ формъ и назначеній. Между такими находками встрѣчаются: каменные топоры, молотки, буравы, долота, наконечники стрѣлъ и копій, пращевые камни и т. п. предметы изъ кремня. Между ними попадаются рѣже глиняныя бусы, напоминающія вышеописанныя Овручскія, съ тою разницею, что внѣшняя ихъ отдѣлка болѣе вычурна и орнаментирована. Всѣ эти предметы, вслѣдствіе обильнаго находженія здѣсь и кремней и гончарной глины, могутъ быть признаны издѣліями мѣстными. Они встрѣчаются въ столь значительномъ количествѣ, что многіе любители такъ-называемыхъ рѣдкостей обладаютъ значительными коллекціями подобныхъ находокъ¹⁾. Всѣ онѣ однако собраны безъ всякихъ необходимыхъ наблюденій, или достались отъ другихъ лицъ безъ пояснительныхъ замѣтокъ. По этому, коллекціи такія, не смотря на обиліе матеріала, лишены научнаго интереса. Сожалѣть слѣдуетъ, что въ тѣ, столь богатые находками мѣста ни разу не проникла для специальныхъ систематическихъ изслѣдованій любознательность, вооруженная научнымъ знапіемъ.

При общемъ обзорѣ этихъ дубенскихъ коллекцій, обращаютъ на себя вниманіе во первыхъ представляемые здѣсь (фиг. 4) глиняныя бусы, похожія, какъ мы уже сказали, на каменныя овручскія. Нѣкоторая разница во внѣшней ихъ орнаментикѣ зависитъ отъ разницы употребленнаго матеріала:—камня и глины, изъ которыхъ послѣдній способенъ къ несравненно удобнѣйшей выдѣлкѣ. Но въ основномъ своемъ характерѣ издѣлія представляются тождественными. Это наводитъ на мысль, что подобные предметы были

¹⁾ Мнѣ случалось встрѣчать коллекціи по нѣсколько сотъ подобныхъ предметовъ; одну изъ нихъ я разсматривалъ у г. Людвика Павловскаго въ с. Семидубахъ еще въ 1869 году.

въ общемъ употребленіи у народовъ, населявшихъ различныя мѣстности; разсматриваемыя же какъ украшенія, они представляются воспроизведеніемъ одинаково-развитаго вкуса у разныхъ современныхъ народовъ тогдашняго времени. Другой результатъ обзора состоитъ въ томъ, что между дубенскими издѣліями въ значительной степени преобладаютъ предметы, имѣвшіе боевое назначеніе (стрѣлы, копья, пращевые камни и т. п.). Элементъ войны рѣзко выступаетъ въ этой мѣстности. Если сравнимъ общее впечатлѣніе находокъ Дубенскихъ съ Овручскими, то это сравненіе броситъ свѣтъ на большое различіе въ характерѣ гражданственной жизни древнѣйшихъ обитателей этихъ двухъ, не весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстностей. Тутъ преобладаетъ, какъ мы сказали, элементъ воинственный, — тамъ, мирный, выразившійся въ издѣліяхъ, служившихъ къ украшенію и къ мирному домашнему труду. Причины такого рѣзкаго различія могутъ быть объяснены различіемъ физіографическихъ условій этихъ мѣстностей. Нагоряно-Каменщинская мѣстность занимаетъ средину той возвышенной полосы, которая, протягиваясь съ востока къ западу, отъ г. Овруча къ м.м. Суцанамъ и Олевску, верстъ на 80-ть въ длину и всего на 10 до 15 въ ширину, представляетъ въ топографическомъ отношеніи длинный, узкій, бугровидный валъ, поднимающійся выше горизонта облегающей его низменности, покрытой лѣсами и болотами, извѣстной подъ именемъ *Полѣсья*. Въ настоящее еще время Полѣсье это, съ извѣстными его характеристичными свойствами, облегая помянутую узкую полосу земли, служитъ ей съ сѣверной и южной сторонъ, трудно проникаемому оплотомъ, изолирующимъ ее отъ остальнаго волынскаго и литовскаго материка. Туда, и въ настоящія времена, съ трудомъ проникаетъ культура сосѣднихъ земель. Различныя неудобства жизни и суровый климатъ, обремененный излишкомъ влаги, замедляютъ въ этой странѣ всякую торговую и промышленную предпримчивость и развитіе населенія. Словомъ, и въ настоящія времена, вслѣдствіе своихъ физіографическихъ условій, страна эта, въ сравненіи съ другими мѣстностями южной Волини, представляетъ нѣчто отдѣльное, своеобразное, замкнутое и, вслѣдствіе этого, свободное отъ напора всякаго посторонняго соціального движенія. Напротивъ того, Дубенская мѣстность, представляя страну открытую, въ мѣру орошаемую рѣками, болѣе плодородную, богатую пастбищами, уразнообразенную горами и долинами, съ климатомъ благопріятствующимъ разнообразной растительности, по мѣстоположенію своему поставлена, такъ-сказать, на перепутьи народныхъ движеній и открыта всякому вторженію постороннихъ элементовъ. Если перенесемъ мысленно въ тѣ древнія, первобытныя времена, колыбельную жизнь которыхъ разсматриваемъ по дошедшимъ до насъ остаткамъ тогдашней культуры, то разница этихъ физіографическихъ условій выразится еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ. Болотисто-лѣсныя полѣскія пространства, непроходимыя тогда вовсе топоромъ промышленника, торговца и техника, могли представлять вполне непроходимыя, дремучіе лѣса и непроходимыя тундры, защищавшія поселившихся внутри ихъ обитателей отъ всякихъ постороннихъ, непріязненныхъ нашествій, и слу-

жившія гарантіей ненарушимости ихъ внутренняго спокойствія. Напротивъ того, дубенскіе первобытные народы, заселившіе мѣстность, какъ мы видѣли, открытую, отъ природы незащищенную, стоящую на перепутьи народныхъ движеній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладавшую лучшими условіями для удовлетворенія потребностей первобытнаго человѣка, могли тѣмъ самымъ легко сдѣлаться цѣлью непріязненныхъ движеній со стороны ихъ ближайшихъ сосѣдей. Такое различіе условій объясняетъ то явленіе, что огражденные, изолированные отъ прочихъ сосѣдей обитатели Овручской страны не помышляли о войнѣ, тогда какъ дубенскіе—должны были неминуемо развивать воинственней характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ средства защиты и орудія обороны. Жизнь эта и отразилась на народной ихъ культурѣ, внесеніемъ въ нее отпечатка воинственнаго характера.

Къ такимъ заключеніямъ приводятъ насъ дошедшіе памятники каменнаго вѣка этихъ двухъ, по нынѣшнему и древнему характеру своему, весьма различныхъ мѣстностей одной и той же губерніи. Весьма желательно, чтобы въ будущемъ систематическое и правильное изслѣдованіе этихъ странъ въ археологическомъ отношеніи обогатило науку болѣе разнообразными экземплярами характеристическихъ произведеній древнѣйшей культуры. Если волынской странѣ суждено когда нибудь прочитатъ исторію своего прошедшаго, написанную въ видѣ не перечня событій и побоищъ, но въ смыслѣ настоящаго ея значенія, какъ исторіи народной цивилизаціи, то культура каменнаго вѣка этой страны, безъ сомнѣнія, доставитъ богатый матеріалъ и пополнитъ многіе пробѣлы самыхъ интересныхъ страницъ этого будущаго труда.

О КУРГАНАХЪ ЧЕРНИГОВСКАГО УѢЗДА.

Рефератъ Н. А. Константиновича.

Интересъ къ изученію археологіи, пробудившійся въ послѣдніе годы и поддерживаемый цѣлымъ рядомъ весьма удачныхъ раскопокъ и изслѣдованій, дѣлаетъ археологическое описаніе мѣстностей, обѣщающихъ археологическую добычу, очереднымъ вопросомъ русской археологіи. Руководствуясь этими соображеніями, я составилъ прилагаемую при семъ карту кургановъ Черниговскаго уѣзда, которая, по моему мнѣнію, заслуживаетъ внимательнаго археологическаго изслѣдованія.

Черниговская губернія вообще принадлежитъ къ числу мѣстностей богатыхъ курганами, хотя и не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ. Въ ней есть мѣстности, гдѣ на протяженіи 10—20 верстъ курганы встрѣчаются почти на каждомъ шагу, и другія, гдѣ на протяженіи десятковъ верстъ не попадаетъ ни одного кургана. Въ Черниговскомъ уѣздѣ богатая курганами мѣстность находится въ сѣверной его части, по правому берегу Десны и особенно по теченію рѣчекъ, впадающихъ съ этой стороны въ Десну:—Бѣлоуса, Стрижня и отчасти Снови.

Курганы, находящіеся въ Черниговскомъ уѣздѣ представляютъ земляныя насыпи, имѣющія въ основаніи кругъ и настолько овальныя въ вертикальномъ разрѣзѣ, насколько можетъ естественно принять такую форму земля, насыпанная кучей. Мнѣ извѣстенъ одинъ только курганъ (въ большой группѣ возлѣ дер. Табаевки), имѣющій въ основаніи сильно вытянутый овалъ, а не кругъ. Углубленій на вершинахъ кургановъ вообще не замѣтно (нѣкоторыя неправильности формы нѣсколькихъ кургановъ слѣдуетъ, кажется, отнести къ позднѣйшему времени). Употребленія камня при насыпяхъ кургановъ вовсе нѣтъ. По высотѣ курганы попадаютъ приблизительно отъ 1¹/₂—2 аршинъ до 3—4 сажень и расположены или въ одиночку, или парами, или группами. Одиночныхъ кургановъ сравнительно не много и они бываютъ большею частью значительной величины.

Парные состоятъ по большей части изъ двухъ равныхъ по величинѣ кургановъ, но попадаютъ и такія пары, въ которыхъ одинъ курганъ значительно выше другаго. Рас-

положены парные курганы въ разстояніи 1—5 саж. и большею частью по линіи E—W другъ отъ друга.

Группы состоятъ: а) или изъ небольшихъ кургановъ, стоящихъ въ безпорядкѣ другъ возлѣ друга, б) или изъ большого кургана, окруженнаго меньшими, образующими правильное кольцо, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣдніе разбросаны въ безпорядкѣ, в) или изъ двухъ большихъ кургановъ, окруженныхъ меньшими, г) или изъ двухъ рядовъ кургановъ средней величины.

Такъ какъ значительная часть кургановъ на поверхности уже распахана, то нѣкоторые одиночные и парные курганы могли произойти и отъ того, что меньшіе курганы группъ сравнялись съ землею, а большіе остались нетронутыми.

Въ положеніи кургановъ на уровнѣ земной поверхности нельзя замѣтить никакого опредѣленнаго порядка. Немного сравнительно кургановъ расположено на возвышенностяхъ (мѣстность Черниговскаго уѣзда вообще довольно ровная), такъ, что издали видны не многіе; большею же частью курганы расположены на скатахъ, а иногда и въ очень низкихъ, даже болотистыхъ мѣстахъ.

Затѣмъ самъ собою представляется вопросъ: къ какому времени относятся курганы Черниговскаго уѣзда?

Курганы не могутъ быть признаны за могильныя насыпи христіанскаго времени: значительная, едва ли не бѣльшая, часть ихъ находится въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ существующихъ поселеній и въ такихъ мѣстахъ, о существованіи на которыхъ поселеній въ историческое время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; насыпи слишкомъ велики для того способа погребенія, который принять христіанскимъ обрядомъ; да притомъ общественныя кладбища въ Малороссіи заведены только съ прошлаго вѣка (1770 г.), до того же времени хоронили близъ церквей и въ частныхъ садахъ и огородахъ возлѣ жилья, причемъ могильныя насыпи должны были быть по необходимости не велики и легко изглаживаться.

Кургановъ Черниговскаго уѣзда нельзя признать также памятниками битвъ историческаго времени. Битвы удѣльнаго и послѣудѣльнаго времени не отличались большимъ кровопролитіемъ и не могли оставить послѣ себя многочисленныхъ слѣдовъ. Напр. въ 1260 г. Половцы, стоя противъ Чернигова за Десною „велику пакость сотвориша, села пожгоша, люди новоеваша“, а въ той мѣстности нѣтъ вовсе кургановъ. Курганная же мѣстность Черниговскаго уѣзда отличалась замѣчательно мирнымъ характеромъ: Половцы и потомъ Татары дѣлали нападенія на Черниговъ изъ за Десны; во время княжескихъ усобицъ походы бывали то съ юга—берегомъ Десны черезъ Моравскъ (нын. Остерскаго уѣзда), то съ востока, тоже берегомъ Десны (черезъ нынѣшній Сосницкій уѣздъ) и только одинъ разъ, въ 1148 году, князь Изяславъ Мстиславичъ прошелъ отъ Чернигова до Любеча чрезъ рассматриваемую нами мѣстность, но при этомъ битвы не упоминаются; если

же къ этому прибавимъ походъ польскаго полководца Горностая (въ 1611 г.), да походъ Радзивилла въ эпоху войнъ Хмельницкаго (1650 г.), при чемъ значительныхъ сраженій тоже не было, то этимъ и закончится перечень военныхъ походовъ, происходившихъ на территоріи сѣверной части Черниговскаго уѣзда.

Если принять въ соображеніе расположеніе кургановъ и характеръ мѣстности, бывшей весьма лѣсистою до сравнительно недавняго времени, то кургановъ Черниговскаго уѣзда нельзя признать и сторожевыми.

Слѣдовательно, не рискуя произвольностью вывода, мы можемъ заключить, что курганы Черниговскаго уѣзда представляютъ памятники до-историческаго времени. Раскопки, сдѣланныя въ Черниговѣ и Седневѣ систематически, а также случайныя вырытія ямъ на курганахъ, при чемъ доходили до слоя золы, вполне подтверждаютъ этотъ выводъ.

Замѣчательно, что курганы не имѣютъ никакихъ характеристическихъ названій и съ ними народъ не связываетъ никакихъ другихъ преданій, кромѣ общераспространенныхъ преданій о кладахъ и искаженныхъ разсказовъ о событіяхъ не весьма далекаго прошлаго; такъ напр. о курганахъ близъ дер. Табаевки разсказываютъ теперь, что тамъ жила княжна Катерина; во время составленія „Описанія Черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго (въ XVIII вѣкѣ) указывали тамъ мѣсто жительства княжны Агаты; а въ XVII вѣкѣ той мѣстностью дѣйствительно владѣла княжна Агата Котурницкая. Отсутствие преданій, по моему мнѣнію, служитъ еще однимъ доказательствомъ того, что курганы относятся къ тому отдаленному времени, съ которымъ у народа утратилась даже легендарная связь.

Помимо той археологической добычи, которую должны дать курганы Черниговскаго уѣзда при раскопкахъ, самое вѣрнѣе ихъ обозрѣніе можетъ привести на нѣкоторыя соображенія о первоначальномъ заселеніи занимаемой ими мѣстности. Что курганы Черниговскаго уѣзда, а вѣроятно и всей губерніи, принадлежатъ славянскому племени (Сѣверянамъ), въ этомъ нельзя сомнѣваться послѣ раскопокъ, сдѣланныхъ г. Самоквасовымъ, которыя указали даже время насыпи большаго кургана въ Черниговѣ (Черной могилы)—IX или X вѣкѣ по Р. Х. Курганы же, какъ сказано выше, расположены и въ Черниговскомъ уѣздѣ и въ другихъ частяхъ губерніи (уѣзды: Городницкій, Сосницкій, Стародубскій, Нѣжинскій, Борзенскій, Конотопскій, Козелецкій, Остерскій) какъ бы отдѣльными оазами, при чемъ мѣстности курганныя перемежаются съ большими пространствами, на которыхъ кургановъ вовсе нѣтъ. Если же принять курганныя мѣстности за признаки мѣстъ древнихъ поселеній, или за мѣста не отдаленныя отъ послѣднихъ, то расположеніе кургановъ показываетъ, что въ извѣстныхъ мѣстностяхъ поселеніе было сильно скучено и отдѣлялось большими незаселенными пространствами отъ другихъ группъ поселеній; такимъ образомъ курганы служатъ монументальнымъ подтвержденіемъ извѣстій Прокопія, Юрнанда, императора Мавригія и друг. о томъ, что Славяне не заселяли

сплошь занимаемой ими страны, но жили спорадически въ поселеніяхъ, раскинутыхъ среди лѣсовъ и болотъ¹⁾).

Далѣе, разсматривая положеніе кургановъ относительно уровня занимаемыхъ ими мѣстъ, можно замѣтить курганныя группы двухъ родовъ. Самыя значительныя группы, слѣдовательно обозначающія мѣста болѣе значительныхъ поселеній и сопровождаемыя городками или городищами большихъ размѣровъ, находятся на высокихъ берегахъ значительныхъ рѣкъ (Черниговъ, м. Седневъ, с. Шестовица), другія же группы кургановъ, обозначающія мѣста меньшихъ поселеній, находятся въ мѣстностяхъ болѣе низкихъ, на которыхъ росъ не сосновый, а лиственный лѣсъ, а иногда и въ мѣстахъ болотистыхъ. Такъ, недалеко отъ д. Шестовицы, есть 3 группы кургановъ, расположенныхъ въ луговой мѣстности, ежегодно окружаемой заливною водою Десны. Возлѣ дер. Табаевки значительная группа большихъ кургановъ расположена на довольно высокой мѣстности, склоняющейся къ самому берегу рѣкъ Бѣлоуса и Свишни, а на берегу первой здѣсь же находится городокъ въ мѣстности вполнѣ низкой. Возлѣ с. Редьковки городокъ находится на весьма низкомъ берегу р. Ворзны. Въ Городницкомъ уѣздѣ, въ мѣстности непосредственно примыкающей къ курганной мѣстности Черниговскаго уѣзда, въ с. Звиничевѣ есть городокъ и курганы на низкомъ берегу огромнаго болота Замглая, а верстахъ въ двухъ противъ него, въ самомъ болотѣ, есть такой же круглый городокъ, валъ котораго возвышается на 1—1½ арш. изъ болотной трясины. Недалеко отсюда же есть группа кургановъ на низкомъ островѣ среди Замглая, въ мѣстности, куда даже въ настоящее время дороги пролегаютъ только зимою. Въ Городницкомъ же уѣздѣ, возлѣ д. Суловки есть большая группа кургановъ въ лѣсу, называемомъ *Траяновъ Боръ*, покрывающемъ возвышенность среди поемныхъ луговъ. Примѣровъ подобнаго рода можно бы представить большое число.

Все это наводитъ на мысль, что славянскія поселенія въ Черниговской землѣ были двухъ родовъ: значительныя поселенія основывались по высокимъ берегамъ рѣкъ и укрѣплялись, меньшія же, быть можетъ представлявшія выселки изъ первоначальныхъ поселеній, прятались за густыми лѣсами и болотами въ скрытыхъ мѣстахъ, и, такимъ образомъ, курганы опять могутъ служить монументальнымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ свѣдѣній императора Маврикія и Иорнанда о славянскихъ поселеніяхъ въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ.

¹⁾ Проконій. *Bellum Gothicum* lib. IV, cap. 4. Маврикій. Стратегика кн. XI, гл. 5. *Jordanes, Historiae Gothorum* cap. V.

СЪВЕРЯНСКІЕ КУРГАНЫ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ДЛѢ ИСТОРИИ.

Рефератъ Д. Я. Самоквасова.

Формы насыпей. Древнія земляныя насыпи, сохранившіяся въ предѣлахъ земли славянскаго племени Сѣверянъ, указанныхъ начальной нашей лѣтописью, представляютъ собою два вида, существенно различныхъ уже по внѣшнимъ формамъ. Насыпи перваго вида, — это различной формы валобразныя возвышенія, ограничивающія собою разной величины площади, называемыя народомъ городищами или городками ¹⁾. Насыпи втораго вида, — это холмистыя возвышенія различной величины: отъ едва замѣтныхъ возвышеній, до громадныхъ сооружений и почти однообразной формы, измѣняющейся отъ тупого конуса до правильнаго полушара, называемыя народомъ повсемѣстно общими именами: могилами и курганами. Только въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи и въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ Полтавской встрѣчено мною мѣстное названіе кургановъ „робленницами“ (отъ глагола „робить“, на малорусскомъ нарѣчїи, работать, дѣлать). Во многихъ мѣстахъ тысячелѣтнее вліяніе природныхъ стихій и сосѣдство человѣка болѣе или менѣе измѣнили первоначальную форму городищъ и кургановъ, и они являются въ настоящее время размытыми, срѣзанными, обрѣзанными, съ различными выемками, углубленіями и пр.

Планъ изслѣдованія. По предположенному мною плану первоначально требовалось изслѣдовать въ каждомъ изъ нынѣшнихъ уѣздовъ, въ границахъ Сѣверянской

¹⁾ Названія: городище и городокъ народомъ не различаются. Одну и ту же насыпь одинъ крестьянинъ называетъ городищемъ, а другой городкомъ. Часто одну и ту же насыпь одинъ и тотъ же крестьянинъ называетъ городищемъ или городкомъ, смотря по формѣ предложеннаго ему вопроса. На вопросъ: у васъ этотъ холмъ называется городищемъ? Отвѣчаетъ: городищемъ; а на вопросъ: у васъ этотъ холмъ наз. городкомъ? Отвѣчаетъ: городкомъ.

земли, указанныхъ лѣтописью, по одной или по двѣ группы кургановъ, расположенныхъ вблизи городищъ древнѣйшей формы. Этимъ путемъ я надѣялся отыскать признаки, при посредствѣ которыхъ можно было бы отличить древнеславянскія насыпи отъ насыпей другихъ народовъ. Предположенный планъ еще не оконченъ почти на половину, а между тѣмъ, характеръ славянскихъ могилъ послѣдней эпохи язычества, по крайней мѣрѣ двухъ видовъ могилъ, опредѣлился съ достаточною ясностію.

Мѣстности изслѣдованныя. До настоящаго времени изслѣдованы курганы и городища, состоящіе въ связи по мѣстовахожденію, въ слѣдующихъ уѣздахъ Черниговской, Курской и Харьковской губерній: въ Черниговскомъ уѣздѣ: въ г. Черниговѣ, у Тропецкаго монастыря, у мѣстечка Сѣднева; въ Стародубскомъ уѣздѣ: у селя Мериповки и Левинки; въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ: между селами Хворостовичами и Бугриновкой; въ Кролевецкомъ уѣздѣ: между селами Любитовымъ и Спасскимъ; въ Глуховскомъ уѣздѣ: у села Волокитина и противъ села Ротовки; въ Рыльскомъ уѣздѣ: возлѣ Подмонастырской слободы; въ Путивльскомъ уѣздѣ: у села Буякова (Марьянова. тожъ); въ Сумскомъ уѣздѣ: у хутора Сѣтнаго (Софроньевскаго монастыря); въ Курскомъ уѣздѣ: у села Клюквы, у деревни Александровки, у деревни Клиновой; въ Суджанскомъ уѣздѣ: у Николаевской Бѣлогорской пустыни и у заштатнаго города Мирополья. Всего изслѣдовано 313 кургановъ; въ томъ числѣ, 11 кургановъ раскопано г. Дмитрюковымъ и 1 г. Ригельманомъ.

Способъ раскопки. Изслѣдованные мною курганы раскапывались слѣдующимъ способомъ. Первоначально срѣзывалась вершина кургановъ на треть ихъ высоты; затѣмъ, въ величину образовавшагося срѣза на вершинѣ кургана, былъ прорываемъ колодезь вглубь, до грунта. При появленіи признаковъ близости остова, посредствомъ тонкаго стального щупа опредѣлялось направленіе остова. Отыскавъ черепъ, я отмѣрялъ въ направленіи остова 2 аршина 10 вершковъ и очерчивалъ остовъ такъ, чтобы со всѣхъ сторонъ его оставалось около четверти земли. Въ очерченнаго круга снималась рабочими земля на четверть ниже остова. Дальнѣйшую работу, почти всегда, я производилъ лично. Первые опыты раскопки кургановъ убѣдили меня, что вскрытіе гробницъ и извлеченіе изъ земли найденныхъ въ курганахъ предметовъ никогда не слѣдуетъ поручать рабочимъ. Предполагая въ изслѣдуемомъ курганѣ скрытыя драгоценности, рабочіе мало обращаютъ вниманія на вещи глиняныя, желѣзныя, костяныя и, не смотря на безпрестанныя требованія быть осторожными, почти всегда разбрасываютъ кости и ломаютъ найденныя вещи. Окопанный вышесказаннымъ способомъ костякъ, при посредствѣ небольшой лопатки и сухаго вѣлика, я освобождалъ отъ верхняго и боковыхъ слоевъ земли, не раздѣляя его частей. Разрытая надъ остовомъ и по бокамъ его земля тщательно просматривалась, а возлѣ головы и шеи, въ случаѣ находки мелкихъ вещей, напримѣръ, бусъ, привѣсовъ, просѣивалась на рѣшето. Найденныя при остовѣ и на немъ вещи сни-

мались только по составленіи описанія положенія остова и вещей при немъ найденныхъ. Въ курганахъ съ кострищами первоначально были прорываемы сбоку могилъ пробныя траншеи, пока обнаруживался слой угля и жженныхъ костей; затѣмъ земля снималась сверху кургановъ колодцемъ въ величину нѣсколько шире величины кострища, обнаруженной пробными траншеями. Кострища не слѣдуетъ обнажать отъ земли во всей цѣлости; иначе, въ случаѣ дождя, многія изъ окисшихъ и прожженныхъ вещей будутъ потеряны. Въ случаѣ находки въ курганахъ цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ со жжеными человѣческими костями, очень полезно, окопать ихъ съ боковъ, оставлять на мѣстѣ часа на 2 или на 3; тогда они приобрѣтаютъ крѣпость и могутъ быть сняты и сохранены въ цѣлости.

Результаты раскопокъ.

I. *Курганы въ г. Черниговѣ.* Въ чертѣ г. Чернигова, до новѣйшаго времени сохранились два кургана большой величины и одинъ малой. Первый изъ нихъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Черной могилы, въ огородѣ Елецкаго монастыря, на правомъ углу улицы, ведущей отъ базарной площади къ Елецкому монастырю. Съ сѣверной и восточной сторонъ къ подошвѣ его примыкаютъ строенія дворовъ Троицкаго и Елецкаго монастырей, а съ южной и западной онъ окруженъ огородами послѣдняго. Форма Черной могилы — усѣченный конусъ, съ основаніемъ въ 180 аршинъ въ окружности, отвѣсною высотой въ 15 арш., съ площадкою на верху въ 45 арш. въ окружности. Съ южной и западной сторонъ, не смотря на долговременную распашку, прилежающихъ къ кургану огородовъ, еще замѣтенъ былъ широкій ровъ (около 10 аршинъ), окружавшій курганъ. Второй курганъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ именемъ кургана княжны Чорны, находился въ 400 аршинъ отъ Черной могилы, ближе къ базарной площади, въ нынѣшнемъ дворѣ пожарной команды. По величинѣ и внѣшней формѣ курганъ Княжны Чорны былъ подобенъ Черной могилѣ. Въ Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ ¹⁾ записано поэтическое сказаніе о происхожденіи этихъ кургановъ. По смыслу этого преданія, и теперь еще живущаго въ городѣ, Черная могила прикрывала собою прахъ знаменитаго Сѣверянскаго князя, по имени Чернаго, основателя г. Чернигова, давашаго послѣднему его названіе. Курганъ Княжны Чорны прикрывалъ собою прахъ Княжны Чорны, дочери князя Чернаго, бросившейся изъ окна своего терема и лишившейся жизни во время осады Чернигова княземъ Древлянскимъ, плѣннившимся красотою княжны.

а) Черная могила раскопана мною въ 1873 году. Когда на вершинѣ кургана снятъ былъ дерновой слой, показались четыре квадрата кирпичей, одинъ другаго меньше, ле-

¹⁾ Статья Котлярова „О городѣ Черниговѣ“. 1851 года, стр. 237 и слѣд.

жащихъ одинъ на другомъ, какъ бы фундаментъ бывшаго памятника; сторона нижняго квадрата четыре, а верхняго два аршина. Кирпичи связаны были очень крѣпкимъ известковымъ цементомъ; кирпичи очень крѣпкіе, длинные, съ бороздами на одной сторонѣ, очень похожіе на красные кирпичи, изъ которыхъ сложены стѣны древняго Спасскаго собора въ Черниговѣ. Подъ нижнимъ квадратомъ кирпичей, непосредственно подъ самой его серединой и надъ центромъ кургана, найденъ дубовый, сгнившій столбъ въ $\frac{1}{2}$ арш. ширины, $\frac{3}{4}$ арш. длины и $1\frac{1}{2}$ арш. высоты; столбъ этотъ былъ уставленъ на битомъ кирпичѣ, по составу своему совершенно подобномъ кирпичу, изъ котораго были сложены вышесказанные квадраты; ниже этого столба на $5\frac{1}{2}$ арш. въ центрѣ кургана найдена металлическая окисная масса, въ которой открыты слѣдующія вещи: 1) два желѣзныхъ сожженныхъ шлема, изъ которыхъ одинъ окованъ листовою мѣдью; на внутренней поверхности одного изъ шлемовъ замѣтны слѣды сгорѣвшей шапки (нѣсколько расплавившихся пуговицъ и золотыя нити), дѣйствіемъ огня шлемы слиты съ двумя кольчугами, кольца которыхъ сплавлены въ общую массу, такъ что только на нѣсколькихъ кускахъ можно видѣть систему ихъ соединенія; 2) два длинныхъ желѣзныхъ ножа; 3) два турьихъ рога, окованныхъ съ широкаго конца серебромъ; на серебрѣ въ одномъ рогѣ вырѣзанъ однообразный узоръ, а на другомъ различныя фигуры (грифы, собаки, пѣтухъ, охотники и проч. ¹⁾); 4) двѣ золотыя византійскія монеты IX вѣка. На одной изъ сторонъ монетъ изображеніе двухъ византійскихъ императоровъ, и вокругъ нихъ надпись: *Vasilios et Constant. Aug.*, а на другой сторонѣ изображеніе Спасителя, сидящаго на тронѣ и вокругъ изображенія надпись: *Ius. Xps. rex. regnantium*; 5) жженныя кости барана и обожженная шерсть его. Слѣдовъ сожженія на мѣстѣ, гдѣ были найдены перечисленныя вещи, не было. Ниже перечисленныхъ вещей на 5 аршинъ отерыто обширное кострище кругообразной формы, около 15 аршинъ въ діаметрѣ, состоявшее изъ толстаго слоя (въ центрѣ около полуаршина) угля, золы и жженныхъ человѣческихъ, конскихъ, птичьихъ и рыбьихъ костей. При изслѣдованіи этого кострища найдены обугленные зерна ржи, овса и слѣдующія вещи: 1) дѣйствіемъ огня и ржавчины слитые въ общую массу два меча, два копья, шапка или сабля, три ножа, двое стремянъ и дротикъ; 2) куски мѣдныхъ щитовъ; 3) пять желѣзныхъ наконечниковъ копій; 4) семь желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ различной формы; 5) кусокъ желѣзныхъ ноженъ; 6) остатки золотого шитья и кусокъ обугленной шелковой ткани; 7) нѣсколько дутыхъ, серебрянныхъ пуговицъ; 8) кусокъ обугленной шерстяной ткани; 9) нѣсколько бронзовыхъ бляхъ, бубенчиковъ и колець; 10) нѣсколько желѣзныхъ колець и пряжка отъ удила; 11) двѣ пары желѣз-

¹⁾ Всѣ фигуры связаны между собою и напоминаютъ фрески на стѣнахъ Софійскаго собора въ Кіевѣ. На Кіевскомъ съѣздѣ археологовъ нѣкоторыми учеными высказано предположеніе, что эти фигуры могутъ изображать собою надпись.

ныхъ стремянъ различной формы; 12) три ушные серебряныя колечка съ расплавившимися привѣсками; 13) девять бусъ отъ ожерелья; 14) куски костяныхъ гребенокъ съ рѣзными украшеніями; 15) одна желѣзная и одна костяная булава; 16) костяная вещь въ родѣ иглы; 17) четыре сорта игральныхъ костей; 18) нѣсколько желѣзныхъ, тонкихъ сосудовъ съ ручками и одинъ мѣдный; 19) двѣ продолговатыя, желѣзныя вещи съ желобкомъ; 20) желѣзный замокъ съ внутренней мѣдной пружинной; 21) четыре желѣзныхъ ключа, различной формы; 22) три серпа; 23) три долота; 24) желѣзный топоръ; 25) нѣсколько желѣзныхъ ножиговъ съ костяными черенками; 26) два оселка, изъ которыхъ одинъ съ прикованнымъ къ нему кольцомъ; 27) пряслица; 28) три овальныхъ камышева; 29) бронзовый рѣзной набалдашникъ; 30) нѣсколько десятковъ серебряныхъ, бронзовыхъ и стекляныхъ слитковъ; 31) желѣзные гвозди, обручи, скрѣпы и дужки вѣдеръ; 32) черепки отъ глиняныхъ сосудовъ; 33) отрубленная половина византійской монеты съ изображеніями одного изъ соправителей на одной сторонѣ, съ надписью Roman, и половиною изображенія Спасителя, сидящаго на тронѣ, съ другой, съ надписью regnantium.

b) Курганъ княжны Чорны разрытъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія по распоряженію мѣстнаго начальства, чтобы очистить мѣсто для одной изъ построекъ бывшаго ремесленнаго училища, подѣ наблюденіемъ г. Ригельмана. Въ статьѣ г. Ригельмана объ этой раскопѣ сказано: „въ дворѣ ремесленнаго училища, бывшемъ въ одной линіи съ нынѣшнимъ домомъ купца Цвѣта, на Красной площади, въ Черниговѣ, еще въ первыхъ годахъ нашего столѣтія стоялъ высокій курганъ, подобный могилѣ Черной. Для удобнѣйшаго размѣщенія разныхъ частей училища, послѣдовало распоряженіе срыть этотъ курганъ. Находясь при училищѣ попечителемъ его, я имѣлъ возможность, когда приступили къ работѣ, наблюдать не откроется-ли какой-нибудь слѣдъ древности въ этой насыпи. Надежда меня не обманула. При самой подошвѣ кургана показались груды человѣческихъ костей, безъ признаковъ гробовъ, какъ бы общая могила падшихъ въ бою или погибшихъ отъ заразы; на половинѣ высоты кургана открылся толстый слой угля (въ аршинѣ), въ которомъ открыли кусокъ особенной массы, подобной смолѣ, смѣшанной съ пескомъ. По очищеніи нашли въ немъ желѣзныя кольца панцыря и подѣ ними ребра человѣческаго остова; вслѣдъ затѣмъ выкопанъ точно такой же кусокъ той же самой массы и также съ кольцами кольчуги и человѣческими ребрами; потомъ открыли небольшой мѣдный сосудъ, въ родѣ кострюли, безъ ручки, въ $1\frac{1}{4}$ арш. въ діаметрѣ, закрытый со всѣхъ сторонъ, съ вырѣзаннымъ на плоской его поверхности отверстіемъ, въ видѣ полумѣсяца; еще откопали серебрянную отдѣлку (чистаго серебра) большаго рога съ рѣзбою и чернью, гладкой и тонкой работы; узкій конецъ ея былъ отдѣланъ въ видѣ орлиной головки, нѣсколько серебряныхъ маленькихъ монетъ принесли мнѣ, поломанными уже работниками, которыхъ удивляла необыкновенная ихъ тонкость. Къ сожалѣнію, ничего не могу припомнить больше объ этихъ рѣдкостяхъ. У меня взялъ ихъ въ то

время баронъ Сердобинъ, чиновникъ тогдашняго генераль-губернатора, князя Куракина. Сердобинъ умеръ, не извѣстивъ меня о судьбѣ нашихъ находокъ. Прибавлю къ тому, что дальнѣйшія раскопки этого кургана были сдѣланы впоследствии безъ меня, а въ то время пріостановлены“ 1).

с) Въ 40 аршинахъ отъ подошвы Черной Могилы во дворѣ Елецкаго монастыря сохранилась насыпь около 2 арш. высоты и 25 арш. окружности основанія, подъ которою на поверхности земли найденъ костьякъ, обращенный головой на западъ, съ руками скрещенными ниже живота, безъ вещей. На пространствѣ между Черной могилой и курганомъ княжны Черны съ одной стороны, Черной могилой и Троицкимъ монастыремъ съ другой, часто находятъ человѣческія кости и древнія украшенія. По всей вѣроятности, все это пространство въ старину было занято языческимъ кладбищемъ, исчезнувшимъ отъ распашки огородовъ и полей и возведенія построекъ.

II. *Троицкая группа* кургановъ. Въ западной сторонѣ Чернигова, въ 2-хъ верстахъ отъ центра города, въ роцѣ Троицкаго монастыря, на Болданныхъ горахъ, возвышающихся надъ лугомъ р. Десны, на пространствѣ около $\frac{1}{2}$ версты, расположены болѣе 200 кургановъ различной величины. Изъ нихъ особенно выдаются по своей формѣ и величинѣ четыре кургана. По одному народному преданію въ нихъ погребены тѣла Черниговцевъ, погибшихъ отъ чумы, нѣкогда опустошившей Черниговъ; по другому преданію въ курганахъ Троицкой группы погребены тѣла убитыхъ татаръ, нѣкогда осаждавшихъ Черниговъ 2). Раскопки, произведенныя мною въ 1872 году, не оправдали этихъ преданій. Одинъ изъ большихъ кургановъ найденъ уже разрытымъ неизвѣстно кѣмъ и когда; въ двухъ открыты кострища, подобныя кострищу Черной могилы; четвертый остается еще неразрытымъ; въ курганахъ меньшей величины найдено только по одному костьяку, безъ украшеній или съ украшеніями.

I. Гульбище. Первый изъ большихъ кургановъ былъ насыпанъ на одномъ изъ болѣе высокихъ пунктовъ Болданныхъ горъ, извѣстномъ у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „гульбища“, т. е. мѣста народнаго гулянья, отъ котораго и курганъ получилъ свое названіе. По мѣстоположенію и внѣшнимъ формамъ, Гульбище былъ скорѣе похожъ на сторожевой курганъ, нежели могильный. При обыкновенной конусообразной формѣ съ

1) Статья г. Ригельмана помѣщена въ Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (часть неофициальная къ № 74 1852 года, стр. 489—490).

2) Въ брошюрѣ „О достопамятностяхъ Чернигова“ Маркова, подъ рубрикою «О множествѣ могильныхъ кургановъ въ западной сторонѣ Чернигова» читаемъ: „поелику во всѣ нападенія на Черниговъ, случавшіяся во время междуусобія русскихъ князей, большого кровопролитія ни разу не происходило... то и полагать должно, что тѣ курганы произошли отъ нашествія татаръ въ 1240 году“.

основаніемъ въ 135 аршинъ въ окружности и 12 аршинахъ отвѣсной высоты, онъ отличался отъ кургановъ меньшей величины тѣмъ, что былъ обведенъ ровомъ, шириною 8 арш. и глубиною въ 4 арш. Обводный ровъ, въ трехъ мѣстахъ, ровно отстоящихъ одно отъ другаго, прерывался и оставлялъ какъ бы входы на вершину кургана, заканчивавшуюся площадкою около 30 арш. въ окружности, имѣвшую въ срединѣ неглубокое, до $\frac{1}{2}$ арш. углубленіе. Одинъ изъ присутствовавшихъ при раскопѣ мѣстныхъ старожиловъ припомнилъ, что лѣтъ 20 или 25 тому назадъ верхняя площадка кургана была ровная и въ срединѣ ея былъ видѣнъ кирпичный слой. При раскопѣ не было найдено ни одного кирпича. Въ самомъ центрѣ кургана Гульбище, на глубинѣ 6 арш. отъ его вершины, открыта обугленная металлическая масса длиною болѣе аршина, а шириною около $\frac{3}{4}$ аршина. Эта масса при святіи ея распалась на нѣсколько частей; то были обгорѣлые и дѣйствіемъ окисленія и огня слившіеся въ общую массу: желѣзный шлемъ, желѣзная кольчуга, желѣзный мечъ, копье, стремена, мѣдный щитъ и желѣзная вещь неизвѣстнаго назначенія. Подъ этими вещами непосредственно найдены тонкій, чугунный сосудъ съ обгорѣлою частью бараньяго черепа, бараньими зубами и другими костями, недогорѣлою бараньей шерстью и скорлупой куринаго яйца. Этотъ сосудъ найденъ раздавленнымъ землею на нѣсколько частей. Всѣ перечисленныя вещи положены на мѣсто ихъ нахождения уже сожженными гдѣ то на сторонѣ, а можетъ быть на кострѣ, остатки котораго найдены ниже въ той же могилѣ. Подъ перечисленными вещами ниже аршина на 2 открытъ слой угля, золы и жженныхъ человѣческихъ и животныхъ костей. Слой этотъ занималъ собою кругообразное пространство болѣе 10 шаговъ въ діаметрѣ; имѣлъ въ центрѣ толщину болѣе пяти вершковъ и, по мѣрѣ приближенія къ краямъ, становился постепенно тоньше и, наконецъ, терялся въ бѣловато-красномъ слоѣ обожженной земли. При изслѣдованіи его найдено: 1) нѣсколько обугленныхъ зеренъ ржи, овса и ячменя (или пшеницы) и слѣдующія вещи: 1) десять костяныхъ пуговицъ, каждая съ рѣзьбою особаго рисунка, 2) двѣнадцать металлическихъ, дурыхъ пуговицъ, между которыми восемь серебряныхъ и двѣ золотыхъ, 3) восемь круглыхъ серебряныхъ пуговицъ съ позолотою и рѣзьбою одного рисунка, 4) восемь продолговатыхъ серебряныхъ бляхъ съ рѣзьбою одного рисунка, 5) 17 маленькихъ серебряныхъ бляшекъ безъ позолоты съ рѣзьбою разныхъ рисунковъ, 6) двѣ сердцевидныя серебряныя бляшки, 7) шесть бляхъ различной формы, съ различными рисунками, 8) 28 квадратныхъ рѣзныхъ бляшекъ съ позолотою, отъ пояса, 9) 11 ромбовидныхъ серебряныхъ бляхъ съ позолотою и рѣзьбою двухъ рисунковъ (грудныя застежки), 10) нѣсколько бронзовыхъ пуговицъ и бубенчиковъ, 11) три мѣдныя пряжки, 12) мѣдная рѣзная отдѣлка наконечника поженъ кинжала, 13) желѣзный топоръ, 14) нѣсколько желѣзныхъ пожиковъ, 15) нѣсколько десятковъ (около 50) бусъ, 16) ушное колечко и нѣсколько поломанныхъ колецъ, вѣроятно, съ пальцевъ рукъ, 17) кусочки костяной гребенки, 18) серебряная куфическая монета,

прогорѣвшая и окисшая до такой степени, что прочесть на ней всю надпись нѣтъ никакой возможности, но изъ двухъ сохранившихся словъ, по признанію г. Тизенхаузена, очевидно, что монета относится ко времени не позже IX вѣка, 19) кусочекъ обуглившася позумента, 20) пять рѣзныхъ косточекъ различныхъ рисунковъ, 21) желѣзный наконечникъ стрѣлы, 22) до 200 серебрянныхъ, бронзовыхъ и стеклянныхъ слитковъ отъ расплавившихся вещей неизвѣстнаго значенія, 23) куски оселковъ, 24) гвозди и скрѣпы, 25) черепки отъ глиняныхъ сосудовъ, 26) куски отъ мѣдныхъ сосудовъ, 27) куски какой то раковины, 28) желѣзные обручи и дужки вѣдеръ.

II. Курганъ безъимянный. Въ разстояніи отъ кургана Гульбища около 10 саженой по направленію на югозападъ сохранился другой курганъ большой величины, по внѣшнимъ формамъ, совершенно сходный съ Гульбищемъ, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Окружность основанія 105 арш.; высота по отвѣсу около 10 арш.; ширина рва шесть арш.; глубина рва $2\frac{1}{2}$ аршина. Курганъ первоначально былъ срубанъ сверху на треть высоты, затѣмъ, въ величину образовавшейся площади прорытъ колодезь; на глубинѣ 7 арш. отъ вершины кургана открыто обширное кострище изъ угля, золы и жженныхъ человѣческихъ и конскихъ костей. Въ пепелищѣ, при изслѣдованіи его, найдены: 1) три почти сѣдненные ржавчиною бронзовые бубенчика; 2) три бронзовыя бляхи также очень окисшія; 3) бронзовое колечко; 4) каменный оселокъ съ дырочкой; 5) кусокъ обугленной холстинной ткани; 6) куски костяной гребенки; 7) 1 рѣзная косточка; 8) сѣдненный ржавчиною желѣзный топоръ; 9) желѣзный ножъ; 10) желѣзная пряжка; 11) кусокъ желѣзнаго сосуда; 12) нѣсколько бронзовыхъ, серебрянныхъ и стеклянныхъ слитковъ. Кромѣ того въ пепелищѣ на угляхъ и костяхъ видны были слѣды разложившихся желѣзныхъ, бронзовыхъ и серебрянныхъ вещей.

Кургановъ малой величины въ Троицкой группѣ сохранилось около 200. Въ древности было ихъ въ этой мѣстности несравненно болѣе: часть могилъ распахана, много уничтожено при расчисткѣ дороги изъ Чернигова въ Троицкій монастырь, проложенной по самой срединѣ и по всей длинѣ группы; много размыто весеннею и дождевою водою; на мѣстѣ бывшихъ кургановъ нынѣ глубокіе, недавно образовавшіеся овраги. Форма сохранившихся могилъ измѣняется отъ тупаго конуса до правильнаго полушарія, окружность основанія измѣряется отъ 15-ти до 40 аршинъ, отвѣсная высота отъ $\frac{1}{2}$ до 3-хъ аршинъ.

Кургановъ малой величины разрыто въ Троицкой группѣ 58. Къ характеристикѣ группы можно отнести слѣдующіе признаки: 1) во всѣхъ курганахъ костяки были находимы лежащими въ могилахъ ниже земной поверхности отъ двухъ четвертей до трехъ аршинъ; 2) почти во всѣхъ курганахъ были находимы признаки гробовъ, въ которыхъ положены были тѣла погребенныхъ: слѣды сгнившихъ досокъ и заржавленные гвозди; 3) костяки обращены были головами на западъ, только два костяка найдены обращен-

ными на сѣверозападъ; 4) мертвые вѣлились лицомъ вверхъ, руки складывались на груди, откуда, я думаю, давленіемъ земли онѣ часто сходили на животъ (12 случаевъ), а иногда вдоль туловища (3 случая). Вещи найдены въ 16 могилахъ.

У головы: шестнадцать ушныхъ колецъ бронзовыхъ, серебряныхъ и одно золотое, въ нѣкоторыя кольца продѣты были серебряныя и стекляныя привѣски (найжены въ 10 могилахъ: въ 6 по 2 и въ четырехъ по одной); кусочекъ зеленого сукна и кусочекъ шитой золотомъ шелковой ткани (найжены въ одной могилѣ).

У шеи: 1) въ четырехъ могилахъ найдено по нѣсколько бусъ отъ ожерелья; 2) три бронзовыя привѣски, рѣзныя, въ формѣ полумѣсяца.

У рукъ: пять бронзовыхъ и четыре серебряныхъ кольца.

У пояса: 1) три бронзовыя пряжки; 2) желѣзное кольцо; 3) маленькій, прямой, желѣзный ножикъ и 4) желѣзный кривой кинжалъ или ножъ.

У ногъ: куски кожи отъ ботфортъ, шитыхъ бронзовой проволокой; въ той же могилѣ найдена глиняная тарелка.

III. *Сѣдневская группа*. Въ 20 верстахъ отъ г. Чернигова, на берегу рѣки Снови, у мѣстечка Сѣднева сохранились: древнее городище и остатки огромной группы кургановъ. Нынѣ въ окрестностяхъ Сѣднева видны до 40 кургановъ большой величины и до 150 малой. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія ихъ было здѣсь той и другой формы, почти въ два раза болѣе¹⁾. Донынѣ сохранившіеся курганы расположены преимущественно по сторонамъ дорогъ, ведущихъ изъ м. Сѣднева на Городню и Черниговъ, съ одной стороны, и Березну, съ другой. По всей вѣроятности, заостренное пространство (около версты), раздѣляющее нынѣ выѣзды изъ Сѣднева на Черниговъ, Городню и Березну, въ старину было покрыто курганами. Это подтверждается разсказами старожиловъ о срытыхъ курганахъ для возведенія на ихъ мѣстѣ построекъ и нѣсколькими курганами большой величины, еще сохранившимися между постройками въ огородахъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ м. Сѣднева. По формѣ Сѣдневскіе курганы раздѣляются на два вида. Одни, большей величины, отъ 3 до 7 аршинъ отвѣсной высоты, съ основаніемъ отъ 50 до 130 аршинъ въ окружности, обведены рвами, въ 2-хъ или 3-хъ мѣстахъ прерывающимися и образующими всходы на вершину; другіе, меньшей величины, отъ 1 до 3 аршинъ высоты, съ окружностью основанія отъ 15 до 40 аршинъ, безъ обводнаго рва. Изслѣдованіе Сѣдневскихъ кургановъ произведено мною въ 1874 году. По содержанію своему Сѣдневскіе курганы раздѣляются на 3 вида: 1) въ курганахъ большей величины открыты кострища; 2) въ курганахъ меньшей величины: или сосуды, наполненные жженными человѣческими костями, или 3) костяки.

¹⁾ См. Шафонскаго. Описаніе Черниговскаго намѣстничества, стр. 317.

1. Курганы съ кострищами. Такихъ кургановъ разрыто мною въ окрестностяхъ Сѣднева 14: 10 при выѣздѣ изъ Сѣднева на Городню; 2 въ самомъ мѣстечкѣ Сѣднѣвѣ, въ огородѣ г. Лизогуба, противъ почтовой станціи; 1 при выѣздѣ изъ Сѣднева на Черниговъ и 1 при выѣздѣ изъ Сѣднева на Березну. Эти курганы (несомнѣнно и всѣ другіе сѣднѣвскіе курганы, сходной формы съ разрытыми) по обряду погребенія и содержанію совершенно сходны съ Черниговскими курганами большой величины, но несравненно бѣднѣ послѣднихъ. Въ каждомъ курганѣ, на высотѣ отъ 1 до 3-хъ аршинъ выше грунта, найдены или цѣлыми или раздавленными землею глиняные сосуды со жжеными костями (жертвенная часть), ниже которыхъ, отъ $\frac{1}{4}$ до 1 аршина, обнаружены пепелища отъ костровъ, состоящіа изъ угля, золы, жженныхъ человѣческихъ, звѣриныхъ, птичьихъ и рыбьихъ костей. Средина кострища всегда значительно толще и равномерно понижается къ краямъ; величина его въ различныхъ курганахъ измѣняется отъ 7 до 12 аршинъ въ діаметрѣ. Вещи, найденныя въ пепелищахъ, совершенно подобны вещамъ найденнымъ въ Черниговскихъ курганахъ. Къ нимъ принадлежатъ: 2 серебрянныя привѣски; на одной изъ нихъ грубое изображеніе человѣка, раздираемаго хищными птицами; на другой—однообразный узоръ; 3 серебрянныя и 19 бронзовыхъ, рѣзныхъ бляхъ; каменные, граненныя, стеклянныя и глиняныя бусы; ушное колечко; одно желѣзное и 3 бронзовыхъ кольца; 5 бронзовыхъ бубенчиковъ; до 100 бронзовыхъ, мелкихъ пуговицъ; 3 желѣзныхъ и 1 бронзовая пряжка; 2 рѣзныхъ косточки; цѣлая костяная гребенка и куски 2-хъ поломанныхъ; 7 желѣзныхъ ножиговъ; 2 оселка, изъ которыхъ 1 съ бронзовымъ ушкомъ; желѣзное копье; 3 наконечника желѣзныхъ стрѣлъ; маленькая золотая пластинка; маленькая желѣзная вилочка; глиняные сосуды, желѣзные гвозди и обугленные зерна ржи и овса. Сверхъ того, во всѣхъ могиллахъ были находимы стеклянныя и бронзовые слитки, а также слѣды разложившихся серебряныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей.

2. Курганы съ сосудами со жжеными костями. При выѣздѣ изъ Сѣднева на Городню, на выгонѣ, въ промежуткахъ между курганами большой величины съ кострищами, сохранилось до 100 кургановъ малой величины. Изъ нихъ раскопано мною 19. Въ двухъ найдено по 2 глиняныхъ сосуда со жжеными человѣческими костями; въ остальныхъ по одному. Въ 5 могилахъ, рядомъ съ сосудами наполненными жжеными костями, стояли сосуды наполненные одною землею. Четыре сосуда найдены цѣлыми, остальные раздавлены землею. Признаковъ сожженія на мѣстѣ въ этихъ курганахъ не было открыто. Покойникъ сожженъ гдѣ то на сторонѣ; затѣмъ, прахъ его собранъ въ сосудъ и поставленъ въ верхней части насыпи, на высотѣ отъ 1 до 2 аршинъ отъ ея подошвы. Ниже сосудовъ до грунта не было встрѣчено никакихъ признаковъ гробницы. Въ одномъ изъ сосудовъ между землею и костями найдено 2 бусы, кусочекъ бронзоваго кольца и 2 бронзовыхъ слитка; въ другомъ найденъ серебрянный слитокъ,

величиною въ горошину, а на костяхъ замѣтны были слѣды мѣдной овиси; въ остальныхъ сосудахъ, кромѣ костей, никакихъ вещей не найдено.

3. Курганы съ костяками. При выѣздѣ изъ Сѣднева на Березну на небольшомъ пространствѣ, составляющемъ часть огорода, расположены до 40 кургановъ малой величины, изъ которыхъ разрыто мною 6. Въ каждомъ найдено по 1 костяку, лежащему ниже поверхности земли, отъ 1 до 2 аршинъ; головами костяки обращены на западъ; руки сложены на груди (въ 4-хъ случаяхъ) или на животѣ (въ 2-хъ случаяхъ); безъ признаковъ гробовъ. Вещей при костякахъ не найдено. Костякъ встрѣченъ также въ курганѣ значительныхъ размѣровъ (6 арш. высоты и 50 арш. окруж. основанія), разрытомъ при выѣздѣ изъ Сѣднева на Черниговъ, на срединѣ большой дороги. Ниже подошвы кургана на три аршина встрѣчены слѣды сгнившей деревянной гробницы, 2 овисныхъ гвоздя и почти совершенно сгнившій остовъ, обращенный головою на западъ. При немъ найдено бронзовое колечко съ пальца руки.

IV. *Мериновскія группы*. Въ 3 верстахъ отъ Стародуба у с. Мериновки, на лѣвомъ берегу р. Бабинига, въ урочищѣ Зарѣчьи, сохранилось городище древней формы и при немъ около 30 кургановъ, различной величины отъ 1 до 3 аршинъ высоты, поросшихъ строевымъ лѣсомъ. Въ 2 верстахъ отъ этой группы, въ урочищѣ Жабкина лужа, сохранилась другая группа, до 50 кургановъ, подобныхъ первымъ и также поросшихъ лѣсомъ. Въ первой группѣ раскопано мною, въ 1874 году, 17 могилъ, а во второй 12. Въ каждомъ изъ кургановъ первой группы, на глубинѣ отъ 1 до 2 аршинъ ниже подошвы кургана (въ ямѣ) встрѣчены слѣды сгнившаго гроба (разложившееся дерево и окисшіе гвозди) и костякъ. Четыре остова были обращены головою на сѣверо-западъ, а остальные 13 на западъ; руки сложены на груди (9 случаевъ) или ниже живота (6 случаевъ), или вытянуты по бокамъ (2 случая). При двухъ остовахъ найдены вещи. При первомъ: у головы, четыре серебрянныхъ и 2 бронзовыхъ кольца; у шеи: ожерелье изъ стеклянныхъ и глиняныхъ бусъ, различной формы и состава; у пальцевъ рукъ: 2 бронзовыхъ кольца. При второмъ: у головы: бронзовая рѣзная привѣска, вѣроятно въ сережкѣ; у лѣваго бока: гранитный, обточенный камень (праца); у праваго бока: желѣзный ножикъ; у пальцевъ рукъ: два бронзовыхъ кольца. Обрядъ погребенія въ урочищѣ Жабкина лужа совершенно схожъ съ обрядомъ кургановъ Зарѣчья. Здѣсь также въ ямахъ, подъ курганами, найдены слѣды сгнившихъ гробовъ и костяки обращенные головою на сѣверо-западъ (3 случая) или на западъ (9 случаевъ). Руки сложены на груди (7 случаевъ) или ниже живота (5 случаевъ). Вещей при остовахъ не найдено.

V. *Левинская группа*. Въ 6 верстахъ отъ Стародуба, на поляхъ с. Левинки, на правомъ берегу р. Бабинига сохранилось городище (часть котораго уже обрушилась въ рѣку) и въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ него слѣды большой группы кургановъ-могильниковъ, занимавшей нѣкогда около версты въ длину и около $\frac{1}{4}$ версты въ ширину. Нынѣ слѣды

многихъ кургановъ видны въ едва замѣтныхъ возвышеніяхъ, поверхъ которыхъ давно уже засѣвается хлѣбъ. Вполнѣ сохранившимися найдено нами только 6 кургановъ, которые и были разрыты въ 1874 году.

№ 1-й. Окружность основанія около 70 аршинъ, отвѣсная высота 3 аршина; на глубинѣ 5 арш. отъ вершины кургана, слѣдовательно, двумя аршинами ниже поверхности земли, открыта гробница, сложенная изъ дубовыхъ брусевъ; гробница имѣла 4 арш. длины, 2 арш. ширины и $1\frac{1}{2}$ арш. высоты; въ гробницѣ найдены остатки очень сгнившаго остова; покойникъ погребенъ былъ завернутымъ въ берестъ. Судя по взаимному положенію, въ какомъ найдены кости, можно думать, что погребенный былъ обращенъ головою на сѣверозападъ. Кромѣ желѣзныхъ гвоздей, береста и сгнившихъ дубовыхъ брусевъ, на днѣ гробницы найдены слѣдующія вещи: 1) желѣзный топоръ; 2) желѣзный ножикъ; 3) три бронзовыя пряжки; 4) кусочекъ ткани; 5) желѣзное кресало съ кремнемъ; 6) четыре желѣзныхъ обруча, двѣ скрѣпы и дужка сгнившаго деревяннаго ведра.

№ 2-й. Курганъ совершенно подобный кургану № 1-й. Въ немъ также на глубинѣ 5 арш. отъ вершины кургана открыта гробница изъ дубовыхъ брусевъ, подобная гробницѣ въ курганѣ № 1-й. Очень сгнившій костякъ былъ обращенъ головою на западъ; вещи: 1) остатки семи сортовъ шерстяныхъ тканей; 2) желѣзный топоръ; 3) желѣзный ножикъ съ костянымъ черенкомъ; 4) серебрянное кольцо; 5) рѣзное сгнившее дерево; 6) деревянный шарикъ; 7) волосяной снурокъ около трехъ аршинъ длиною; 8) гвозди, сгнившіе дубовые брусья и берестъ; 9) обручи, скрѣпы и дужка ведра. Выше гробницы въ насыпи кургана, на $\frac{3}{4}$ арш. выше гробницы, найдены желѣзные наконечники стрѣлы или дротика.

№ 3—6. До раскопки уже были распаханы и на нихъ засѣвался хлѣбъ. Но плугъ еще не коснулся содержимаго могилъ. Въ каждомъ на высотѣ аршина отъ земной поверхности найдено кострище, подобное кострищамъ въ курганахъ подъ Сѣдневымъ, состоящее изъ слоя угля, золы, жженныхъ человѣческихъ, звѣриныхъ и птичьихъ костей. Изъ вещей въ пепелищахъ найдены только: бронзовый наконечникъ пояса, 2 рѣзня, бронзовыя бляхи, желѣзный ножикъ, бронзовая пластинка, желѣзные гвозди, бронзовые, серебряные и стеклянные слитки.

На Левинскомъ полѣ еще разрыто до грунта 5, нынѣ незначительныхъ возвышеній, съ широкимъ основаніемъ; но въ нихъ ничего не было найдено; по всей вѣроятности, эти возвышенія представляли собою остатки кургановъ, покрывавшихъ кострища, которыя обыкновенно находятся значительно выше поверхности земли. Слой съ кострищемъ уже распаханъ. Это предположеніе подтверждается часто попадающимися на возвышеніяхъ Левинскаго поля кусками угля и жженныхъ костей.

VI. Въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, въ Рыковской волости, на возвышенномъ берегу

рѣки Десны сохранилось 8 городищъ на пространствѣ 25 верстѣ и при одномъ изъ нихъ, между селами Рыковомъ, Хворостовичами и Бугриновкой, въ урочищѣ Кургань, остатки почти исчезнувшей группы кургановъ. Раскопки произведены мною въ 1874 году. Въ 4-хъ пунктахъ изъ шести, разрытыхъ на пробу ¹⁾, найдены человѣческіе остовы, изъ которыхъ три обращены головами на западъ и одинъ головою къ югу, съ руками сложенными на груди (3 случая) или вытянутыми по бокамъ (1 случай). При двухъ костякахъ найдены украшенія. При одномъ: у головы, 2 бронзовыхъ ушныхъ кольца; у шеи, 7 стеклянныхъ, 2 глиняныхъ, 2 бронзовыхъ и 1 янтарная бусы; у пальцевъ правой руки, бронзовое кольцо. При другомъ: у шеи, 2 стеклянныхъ и 1 глиняная бусы; у пальцевъ правой руки, бронзовое кольцо.

VII. *Волокитинская группа*. Въ Глуховскомъ уѣздѣ, въ 1 верстѣ отъ села Волокитина, на возвышенномъ берегу р. Клевени расположены: древнее городище, и, при немъ, до 20 кургановъ, отъ 1 до 4 аршинъ высоты. По разсказамъ мѣстныхъ стариковъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія курганы занимали собою все пространство отъ дер. Городище до хутора Дорошевское кладбище (около 1 $\frac{1}{2}$ версты), въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ насыпей. Многіе изъ нихъ уничтожены при переселеніи крестьянъ въ нынѣшнюю слободку Городище (на мѣстѣ бывшихъ кургановъ); многіе распаханы; часть (до 20 насыпей) раскопана мѣстнымъ помѣщикомъ въ 1870 и 71 годахъ, по его словамъ, съ цѣлью узнать, чтó въ нихъ находится. Изъ оставшихся кургановъ въ 1873 г. мною разрыто девять въ урочищѣ Дорошевское кладбище и 3 у слободки Городища. Въ одномъ изъ первыхъ найдены два остова, лежащими рядомъ, одинъ возлѣ другаго, на самой подошвѣ кургана, безъ признаковъ гробовъ, головами обращены на югъ; руки у одного сложены на груди, у другого ниже живота; безъ вещей. Въ другомъ курганѣ — костякъ, на подошвѣ кургана, безъ признаковъ гроба; руки сложены на животѣ; безъ вещей. Въ остальныхъ шести—въ верхнихъ частяхъ найдены глиняные сосуды со жжеными человѣческими костями. Въ одномъ курганѣ рядомъ съ сосудомъ, наполненнымъ костями, стоялъ пустой. Слѣдовъ сожженія на мѣстѣ кургановъ не замѣчено. Въ одномъ изъ сосудовъ найдено 12 сожженныхъ жемчужинъ, 2 серебряныхъ и 2 бронзовыхъ слитка; въ другомъ сосудѣ на жженныхъ костяхъ замѣчены слѣды разложившихся металлическихъ вещей; въ остальныхъ сосудахъ между костями ничего не найдено. Два сосуда сохранились въ цѣлости, остальные раздавлены землею. Въ верхнихъ слояхъ двухъ кургановъ у слободки Городища также встрѣчены сосуды съ жжеными костями безъ вещей; въ третьемъ курганѣ—костякъ, головою на западъ; руки сложены на животѣ, на поверхности земли; безъ признаковъ гроба; безъ вещей.

По разсказамъ крестьянъ слободки Городища, еще въ 1870 году, вблизи той мѣст-

¹⁾ См. нашу статью о городищахъ.

ности, гдѣ разрыты только что поименованныя три могилы, стоялъ четвертый курганъ, мало по малу подмытый весеннею водою и обрушившійся въ рѣку Клевень. Въ 1861 году дѣти замѣтили въ размытой части кургана человѣческой черепъ и, вытаскивая его, нашли, по ихъ словамъ, зеленый (вѣроятно бронзовый окиспій) обручь, съ продѣтыми зъ него кольцами и другими вещицами. Какъ обручь, такъ и на него надѣтыя вещи тогда же были поломаны дѣтьми и потеряны.

VIII. *Ротовская группа*. Въ одной верстѣ отъ с. Ротовки, Глуховскаго уѣзда, сохранилось городище, а въ 2-хъ верстахъ отъ него по прямому направленію, на противоположной сторонѣ р. Клевени, въ роцѣ помѣщика А. М. Митлошевскаго 10 нетронутыхъ могилъ и 6 неизвѣстно кѣмъ и когда раскопанныхъ. Изъ сохранившихся въ 1873 году мною разрыто 8. Въ верхнемъ слоѣ каждаго кургана обнаружены глиняные сосуды со жжеными человѣческими костями. Въ одномъ изъ сосудовъ между костями найдены: бронзовый слитокъ, бронзовая пластинка, 3 стеклянныхъ (не вполне расплавившихся) бусы и 2 глиняныхъ. Одинъ изъ сосудовъ вынутъ въ цѣлости; остальные раздавлены.

IX. *Любитовская группа*. Въ уѣздѣ Кролевецкомъ, между д. Любитовымъ и с. Спасскимъ, сохранилось городище и до 20 кургановъ. Курганы широкаго основанія (отъ 30 до 70 аршинъ), помѣщены частію въ лѣсу, съ правой стороны дороги изъ Кролевца въ Конотопъ, частію въ огородахъ хутора Холоденова. Нынѣ они, вслѣдствіе распашки, прогоновъ скота, рубки лѣса несравненно понижены противъ первоначальной высоты. Въ 1873 году раскопано мною 9. Въ пяти ничего не найдено; въ 4-хъ — въ верхнихъ слояхъ кургановъ попадались глиняные черепки, уголь и жженыя кости. По всей вѣроятности, въ курганахъ этой группы были сосуды съ костями, стоявшіе выше сохранившейся высоты кургановъ.

X. *Подмонастырская группа*. Въ статьѣ г. Дмитрюкова „Городища и курганы въ Суджанскомъ и Рыльскомъ уѣздахъ“, между прочимъ, сказано: „Рыльскій уѣздъ обилень находящимися въ немъ различнаго вида насыпями: таковы курганы сторожевые, могильники, валы, городки и проч.... Изъ кургановъ преимущественно обратили мое вниманіе тѣ, которые находятся за Подмонастырской слободою, въ дубовой роцѣ и въ саду Николаевскаго монастыря. Ихъ въ роцѣ 48, а въ саду 19 и всѣ они могильные; сверхъ того находились, вѣроятно, еще и другіе на окружающей эти мѣста пахоти, но они уничтожены. Узнавъ, что часть этихъ кургановъ была разрыта по приказанію одного изъ настоятелей и, что по находкѣ въ одномъ изъ нихъ сосуда со жжеными костями, работа была остановлена — я, въ 1849 году, счелъ не лишнимъ провѣрить этотъ слухъ и, избравъ два, началъ ихъ разрывать. Оба кургана оказались могильными. Первый имѣлъ отъ вершины до основанія $2\frac{1}{2}$ аршина вышины, въ окружности 35 шаговъ. Въ немъ, въ глубинѣ до аршина, оказались 2 распавшіеся глиняные сосуды со жжеными

костями. Второй курганъ, стоящій въ срединѣ роши, большій изъ всѣхъ, имѣлъ вышины 3 аршина и въ окружности 40 шаговъ. Въ немъ найденъ подъ первымъ верхнимъ слоемъ цѣлый сосудъ, лежащій бокомъ; костей въ немъ было мало. Ниже, до основанія кургана никакихъ вещей не оказалось. Оба кургана не имѣли ямъ, подобныхъ теперешнимъ могиламъ, а насыпаны на ровной поверхности, тутъ же взятою землею. Поэтому я заключаю, что и прочіе курганы въ рошѣ и въ монастырскомъ саду суть могильники того племени, которое сожигало своихъ покойниковъ. Вблизи подмонастырскихъ кургановъ сохранилось городище¹⁾.

XI. *Марьяновская группа.* Въ окрестностяхъ с. Марьяновки, Путивльскаго уѣзда, на берегу рѣки Снови, сохранились 2 городища и до 30 кургановъ различной величины. Въ разныхъ мѣстахъ въ 1875 году мною разрыто 7 могилъ. Шестъ могилъ заключали въ себѣ въ верхнихъ слояхъ насыпи по одному глиняному сосуду, а седьмая три сосуда со жжеными человѣческими костями. Въ трехъ сосудахъ между жжеными костями найдены: 46 стекляныхъ и 3 каменныхъ сплавившихся бусъ; бронзовая серьга съ стеклянною привѣскою; кусочекъ какой-то прожженной и окиспей желѣзной вещи, одинъ бронзовый слитокъ и слѣды разложившихся бронзовыхъ и серебрянныхъ вещей. 3 сосуда вынуты цѣлыми. Одинъ доставленъ въ Варшаву нетронутымъ съ полнымъ содержаніемъ и изслѣдованъ въ присутствіи г. Ректора Университета и шести гг. профессоровъ. Въ немъ оказались жженыя кости юноши лѣтъ 15. Между костями найдено около 100 бусъ различнаго состава; желѣзная пряжка; 2 бронзовыя пластинки; 5 бронзовыхъ и 44 серебрянныхъ слитковъ, величиною отъ мелвой дроби до горошины.

XII. *Сѣтновская группа.* Изъ 24 кургановъ, сохранившихся въ Сумскомъ уѣздѣ, у хутора Сѣтное, принадлежащаго Софроньевскому монастырю, въ 1875 году разрыто мною 8. Въ одномъ изъ нихъ, на самой подошвѣ найденъ остовъ головою на юго-востокъ; правая рука согнута къ бородѣ, лѣвая вытянута вдоль туловища; у пальцевъ правой руки бронзовое колечко. Въ верхнемъ слоѣ другаго кургана найдены: 2 глиняныхъ сосуда со жжеными костями и одинъ пустой; между костями одного изъ нихъ найдены 2 глиняныхъ, треугольныхъ бусы. Остальные 6 кургановъ заключали въ себѣ по одному глиняному сосуду, между костями которыхъ никакихъ вещей не найдено. При двухъ сосудахъ, наполненныхъ костями, стояли сосуды пустые.

XIII. *Клюковская группа.* Подъ Курскомъ, на правомъ берегу рѣки Сейма, между деревнями Толмачево и Городище сохранилось 2 городища и до 50 кургановъ разной величины, отъ 1 до 4 аршинъ отвѣсной высоты, расположенныхъ нынѣ небольшими группами, отъ 3 до 15 кургановъ, въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: у села Клюквы 11; у деревни Звѣгинцовой 5; у д. Александровки 15; у с. Котовцева 5; между с. Ко-

¹⁾ Труды Курскаго Статистическаго Комитета; т. I, стр. 313, 315.

товцевымъ и д. Городище 10. Кромѣ того у каждой изъ перечисленныхъ мѣстностей на поляхъ замѣтны слѣды многихъ распаханыхъ могилъ. Мною изслѣдовано 14 насыпей въ 1875 году: 5 между с. Клюквой и д. Александровкой и 9 между д. Александровкой и с. Котовцевымъ. Въ верхнихъ слояхъ пяти кургановъ, разрытыхъ между Клюквой и Александровкой, открыты сосуды со жжеными костями, между которыми найдены 2 маленькихъ золотыхъ слитка и сплавленная масса, въ которой различаются нѣсколько стеклянныхъ и 3 каменныхъ, граненыхъ бусъ. Всѣ сосуды найдены раздавленными землею.

XIV. *Александровская группа.* Изъ 9 кургановъ, разрытыхъ мною въ 1875 году у д. Александровки, три, распаханые, оказались пустыми, 4 заключали въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями; два—костяки; костяки найдены на подошвѣ кургановъ, оба въ сидячемъ положеніи (черепъ, позвоночный столбъ и кости таза на одной линіи), лицомъ къ востоку; ноги вытянуты; руки сложены на бедрахъ; безъ вещей; у головы одного изъ нихъ стоялъ пустой, глиняный сосудъ, у пояса желѣзная пряжка, у лѣваго бока желѣзный ножикъ.

XV. *У деревни Клиновой,* Курскаго уѣзда, въ 1875 году разрытъ мною курганъ, одиноко стоящій на выгонѣ, по внѣшнимъ формамъ похожій, вообще, на степные курганы, т. е. съ широкимъ основаніемъ при сравнительно незначительной высотѣ. Окружность основанія 60 аршинъ; отвѣсной высоты 1 аршинъ. Въ немъ, на глубинѣ 4 аршинъ ниже земной поверхности, найденъ остовъ лошади и при немъ въ совершенномъ безпорядкѣ человѣческій остовъ. По всей вѣроятности въ этой могилѣ былъ погребенъ покойникъ верхомъ на лошади. Часть человѣческихъ костей найдена съ правой стороны лошадиного остова, часть съ лѣвой. Изъ вещей въ могилѣ найдены: въ челюстяхъ лошади желѣзные удила; у ея бововъ желѣзные стремяна; между костями человѣка бронзовая пряжка и желѣзный ножъ; въ разстояніи $\frac{1}{2}$ аршина отъ головы лошади—пустой глиняный сосудъ. Всѣ металлическія вещи чрезвычайно окисія. На костяхъ видны слѣды разложившихся металлическихъ вещей.

XVI. *Бѣлогорская группа.* Въ Суджанскомъ уѣздѣ, въ Миропольской волости, у Бѣлогорской, Николаевской пустыни, на возвышенномъ берегу р. Псла, на пространствѣ около 2-хъ верствъ, сохранилось два городища и огромная группа кургановъ могильниковъ, заключающая въ себѣ болѣе 300 насыпей, донинѣ сохранившихся. Первоначальная высота и форма кургановъ этой группы значительно измѣнились отъ выкапыванія пней и рубки лѣса, которымъ заросла значительная часть ихъ и отъ распашки полей, на которыхъ помѣщены остальные. Нынѣ высота сохранившихся насыпей, при окружности основанія отъ 12 до 45 аршинъ, измѣняется отъ $\frac{1}{2}$ до 5 аршинъ, а форма отъ тупаго конуса до правильнаго полушарія. Многіе изъ помѣщенныхъ на распаханномъ полѣ, оставили слѣды своего существованія только въ едва замѣтныхъ возвышеніяхъ

и часто попадающихся на ровной поверхности человѣческихъ костей. Въ вышеуказанной статьѣ г. Дмитрюкова сказано: „въ Сужданскомъ уѣздѣ издавна извѣстны двѣ мѣстности, подъ названіемъ Большое городище и Малое городище. Большое городище находится близъ бывшаго Николаевского монастыря; Малое городище отстоитъ отъ перваго въ $1\frac{1}{2}$ версты.... Бывъ на должности въ г. Суджѣ, я съ давняго времени обращалъ вниманіе на находящіяся въ тамошнемъ и въ смежныхъ уѣздахъ различнаго вида насыпи, извѣстныя тамъ подъ общимъ названіемъ „могилы“. Разказы старожиловъ объ этихъ могилахъ не удовлетворили моему любопытству, тѣмъ болѣе, что эти разказы относили всѣ различнаго вида насыпи къ временамъ татарскаго владычества. Эти разказы особнно о курганѣ, называемомъ „Крестище“, въ которомъ будто бы погребены многіе малороссійскіе казаки города Суджи и смежныхъ съ нимъ селеній, павшіе въ сраженіи съ Татарами, заставили меня употребить всѣ средства для провѣрки преданія. Курганъ „Крестище“ находится отъ г. Суджи въ 13 верстахъ, на большой дорогѣ, идущей въ заштатный городъ Мирополье. При поверхностномъ взглядѣ, можно было согласиться съ словами, что въ немъ положены были многія тѣла, ибо высота его $1\frac{1}{2}$ арш. оканчивается горизонтальною, не большою и при томъ нѣсколько выпуклою плоскостію, какъ бы происшедшею отъ сгнитія многихъ тѣлъ, которыя уступили мѣсто осѣвшей землѣ. Но разрытіе его тотчасъ показало, что не всегда должно полагаться на народное преданіе. Въмѣсто многихъ, какъ полагали, зарытыхъ въ немъ скелетовъ („костяковъ“), я нашелъ только одинъ, положенный не въ углубленіи, а на одномъ уровнѣ съ окружающею плоскостію; скелетъ лежалъ головою на западъ, вверхъ лицомъ, какъ обыкновенно погребаютъ христіанъ, но безъ гроба, котораго не оказалось ни малѣйшаго признака, а прямо надъ скелетомъ насыпанъ былъ курганъ вышиною до $1\frac{1}{2}$ арш., въ окружности болѣе 20-ти шаговъ, съ плоскою поверхностію, на которой издревле поставляемъ былъ деревянный крестъ, замѣняемый по временамъ, по подгнтіи прежняго, другимъ деревяннымъ же крестомъ; оттого курганъ носилъ постоянное названіе Крестища. Насыпь состоитъ изъ находившейся по смежности черноземной распашной земли, между которою попадались, при разрытіи, небольшіе куски сгнившаго дерева, отломокъ верхняго конца серпа, да ближе къ поверхности скелетъ овражка, вѣроятно жившаго въ этомъ курганѣ въ вырытой имъ норѣ. Волосъ на головѣ челоуѣка и никакого платья на скелетѣ не оказалось, зубы не потеряли своего перламутоваго бѣлаго блеска, кости были весьма слабы, но еще неломки.... Курганы, могильники, различные по величинѣ, вѣроятно, по важности погребеннаго покойника, кромѣ описаннаго уже мною „Крестища“, находятся преимущественно между селами Рождественскимъ и Горналю и почти отъ ската горы къ рѣкѣ Пслу до Миропольской столбовой дороги, идущей изъ г. Суджи, и отъ упомянутыхъ городищъ, отстоятъ не болѣе двухъ или трехъ верстъ. Они расположены на ровной плоскости, частью на пахати, а большею частью въ лѣсу и состоятъ изъ трехъ

нѣсколько отдѣльныхъ группъ; отъ нихъ по лѣсу идетъ двойной валъ со рвами въ крутой оврагъ, по направленію къ городищамъ. При разрытіи мною въ 1823 и 1830 годахъ, въ первомъ отдѣленіи, считая отъ села Рождественскаго, четырехъ кургановъ, изъ шести бывшихъ въ то время, найдено въ двухъ по одному глиняному сосуду, а въ другихъ двухъ по два, вышиною до 10 верш. и въ верхнемъ отверстіи до четырехъ. Сосуды простой работы, обыкновенной горшечной глины, не совершенно выжжены и совершенно потрескавшіеся. Они содержали въ себѣ жженыя кости съ пепломъ и нельзя было судить были ли онѣ чѣмъ покрыты. Сожиганіе тѣлъ произведено было на томъ же мѣстѣ, что видно по остаткамъ угля и золы. Насыпь состоитъ изъ чернозема съ суглинкомъ, здѣсь же взятой земли, а сосуды схожи, какъ я упомянулъ, съ черепьями найденными мною на Большомъ городищѣ. Изъ числа разрытыхъ мною во второй группѣ восьми кургановъ, семь имѣли по одному, а одинъ три скелета, изъ которыхъ одинъ, съ лѣвой стороны, могъ означать женщину, по найденному при немъ ожерелью и другимъ украшеніямъ, другой, въ срединѣ, мужчину, на правой рукѣ котораго лежало дитя, какъ бы десятилѣтняго возраста. Во всѣхъ этихъ курганахъ и разрытыхъ мною впослѣдствіи, въ этомъ же отдѣленіи, скелеты положены были на одномъ уровнѣ съ окружающею курганы плоскостью, а не въ углубленіи, какъ теперь полагають тѣла. Изъ нихъ, одинъ только скелетъ лежалъ головою на востокъ, а прочіе на западъ, на правой щекѣ лицомъ къ югу. Вещи найдены при скелетахъ слѣдующія: 1) мелкія зерна, похожія на кораллы, употребляемые для ожерельевъ, но по разбитіи имѣли цвѣтъ желтый, а не красный; 2) глиняные натуральные зеленаго цвѣта шарикъ, величиною отъ горошины до лѣснаго орѣха; 3) серебряные, величиною въ горохъ, состоящіе изъ двухъ пустыхъ полушарій, и мѣдный болѣе лѣснаго орѣха—бубенчикъ, подобные надѣваемымъ на сбрую лошадей; 4) бѣлаго стекла, величиною въ большой горохъ, позолоченные и посеребренные шарикъ, покрытые по серебру и золоту стекляною глазурью. Всѣ эти вещи имѣли сквозное отверстіе для нанизыванія на нитку. Къ ожерельямъ же вѣроятно принадлежали: 5) серебряныя проволоки, извитыя спиралью, оволо вершка въ діаметрѣ, загнутыя сверху въ одинъ небольшой оборотъ, а снизу до семи оборотовъ; 6) мѣдныя, круглыя кольца, вѣроятно бывшія въ ушахъ; нѣкоторыя изъ нихъ были не спаяны, а состояли только изъ согнутой проволоки; 7) серебряная четырехугольная, толщиною въ гусиное перо проволока, загнутая по величинѣ головы съ согнутымъ, тонкимъ, серебрянымъ кружкомъ, вѣроятно служила для вкладыванія въ загибъ кружка цвѣтовъ и другихъ украшеній; она лежала на лѣвой сторонѣ черепа. Часть изъ означенныхъ вещей отослана въ 1831 году въ Императорскую Академію наукъ, а часть роздана знакомымъ. Третья группа „могильниковъ“, лежащая отъ первыхъ двухъ къ западу, и подходящая къ Миропольской дорогѣ, мною не была разрыта и, сколько мнѣ извѣстно, она не была изслѣдована

другими, но во всѣхъ трехъ группахъ, проѣзжая позже эти мѣста, замѣтилъ я весьма большое уменьшеніе ихъ отъ распашки и рубки лѣса¹⁾.

Мною въ 1872 году, между селами Рождественскимъ и Горналью изслѣдовано 86 могилъ. Изъ нихъ одна оказалась пуста, 19 заключали въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, а остальные 66—костяки.

Курганы съ сосудами расположены были преимущественно въ полѣ, съ правой стороны дороги, ведущей изъ с. Рождественскаго въ Бѣлогорскій монастырь. Изъ 19-ти кургановъ со жжеными костями только 4 лежали въ лѣсу, съ лѣвой стороны упомянутой дороги. По формѣ и содержанію эти могилы совершенно похожи на могилы со жжеными костями, разрытыми мною въ уѣздахъ: Курскомъ, Путивльскомъ, Глуховскомъ, Ковотопскомъ и Черниговскомъ. Между жжеными костями найдено мною: 18 расплавившихся стеклянныхъ бусъ; 3 обломка отъ бронзовыхъ колець, 46 бронзовыхъ и 17 серебряныхъ слитковъ. Только два горшка вынуты въ цѣлости, остальные раздавлены землею. Въ 3 курганахъ, рядомъ съ сосудами, содержащими кости, стояли сосуды пустые. Признаковъ сожженія на мѣстѣ кургановъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не обнаружено. Послѣ сожженія трупа покойника, оставшіяся кости собирались въ сосудъ, который ставили въ верхній слой приготовленнаго кургана. Обыкновенно сосуды были находимы на глубинѣ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ арш. въ курганахъ отъ 1 до 3 арш. высоты.

Курганы съ костяками расположены въ лѣсу, съ лѣвой стороны дороги, ведущей въ Бѣлогорскій монастырь и въ с. Горналь. Къ характеристикѣ этой группы можно отнести слѣдующіе признаки: 1) во всѣхъ курганахъ костяки были находимы лежащими не въ углубленіи, могилѣ, а на самой поверхности земли; 2) отсутствіе гробовъ; 3) костяки обращены головами въ различныя направленія, съ значительнымъ преобладаніемъ головою на западъ, именно изъ 64 костяковъ 37 лежали головою на западъ, 13 на югозападъ, 3—на сѣверозападъ и 11 на востокъ (въ 2-хъ курганахъ найдены кости, сложенными въ вучу кѣмъ-то, прежде разрывавшимъ курганы); 4) мертвые клялись лицомъ вверхъ, какъ нынѣ кладутъ, но въ большинствѣ случаевъ, встрѣчаются костяки лежащими на правой или на лѣвой щекѣ, такое измѣненіе первоначальнаго положенія произошло отъ давленія земли. Въ томъ убѣдили насъ: 1) нѣкоторые костяки, сохранившіе положеніе первоначальное; 2) положеніе нижней челюсти, часто находимой въ первоначальномъ положеніи или сдвинутой въ противоположную сторону отъ лица у костяковъ, лежащихъ на щекѣ; 3) положеніе туловища (всегда на спинѣ, грудью вверхъ) и 4) положеніе ногъ (всегда вытянутыхъ въ направленіи туловища, колѣнями вверхъ); 5) руки были находимы въ различныхъ положеніяхъ: вытянуты по бокамъ или какъ бы откинута; одна рука на груди или на животѣ, а другая вытянута или откинута и, наконецъ, обѣ руки

¹⁾ Труды Курскаго Статистическаго Комитета; т. I, стр. 507 и слѣд.

скрещены на груди или на животѣ; 6) бедренныя кости и голени всегда были находимы лежащими параллельно другъ другу въ разстояніи отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ четверти одна отъ другой. При 35 украшенныхъ костякахъ найдены слѣдующія вещи:

У головы: I. Сорокъ восемь серебряныхъ и мѣдныхъ проволокъ, загнутыхъ спирально кверху въ одинъ оборотъ, а внизу отъ 5 до 7 оборотовъ (найлены при 12 скелетахъ: при 1—1, при 1—2, при 1—3, при 5 по 4; при 2 по 5, при 2 по 6). II. При семи скелетахъ, огибавшія голову серебряныя ленты съ крючками на концахъ, шириною около дюйма. III. Пятьдесятъ одно ушныхъ кольца (при 4 скелетахъ по 1, при 3 по 2, при 4 по 3, при 1—4, при 2 по 7, при 1—11). IV. Мѣдный обручъ, огибавшій голову, съ серебрянымъ загибомъ, вѣроятно, для вкладыванія украшеній.

У шеи: I. Нѣсколько сотъ бусъ различной величины, различной формы и различного состава. II. Девять привѣсокъ къ ожерелью (6 дужекъ въ видѣ полумѣсяца, 2 круглыхъ и 1 въ формѣ пряжки). III. Два обруча: 1 мѣдный, витой, и 1 желѣзный. IV. Серебрянная, окисшая монета.

У рукъ: I. Десять мѣдныхъ браслетъ, различной формы. II. Двадцать одно кольцо различной формы, мѣдныя и серебрянныя.

У ногъ: I. Три мѣдныхъ кольца съ пальцевъ (2 на одномъ остоу и 1 на другомъ).

У пояса: I. Желѣзная пряжка. II. Шесть желѣзныхъ ножинокъ.

Въ 10 курганахъ найдены глиняныя черепки отъ раздавленныхъ сосудовъ; два сосуда (съ землею только) вынуты цѣлыми.

XVII. *Миропольская группа*. Въ трехъ верстахъ отъ заштатнаго города Мирополя, у большой дороги на городъ Суджу сохранилась группа могилъ, въ числѣ 19; изъ нихъ только 5 сохранились въ цѣлости, а остальные неизвѣстно кѣмъ и когда раскопаны. Высота и форма этихъ могилъ совершенно подобны высотѣ и формѣ кургановъ Вѣлогорской группы. Мною раскопано 5 сохранившихсяъ могилъ и 3 разрытыхъ. Въ разрытыхъ прежде курганахъ найдены кости, сложенными въ безпорядкѣ на днѣ могилъ, со слѣдами мѣдной окиси. Въ двухъ не тронутыхъ курганахъ найдены сосуды со жжеными человѣческими костями, въ одномъ изъ сосудовъ найдены 6 серебряныхъ слитковъ, $\frac{1}{2}$ расплавившагося бронзоваго кольца и 3 каменныя бусы; въ другомъ сосудѣ найдены 3 глиняныхъ и 1 каменная бусы; рядомъ съ сосудами со жжеными костями, стояли сосуды, наполненные только землею. Въ трехъ остальныхъ курганахъ найдены костяки на поверхности земли; два изъ нихъ обращены головою на западъ, а третій на востокъ; руки сложены ниже живота; при двухъ остовахъ найдено: 9 серебряныхъ спиралей, 2 витыхъ бронзовыхъ браслета и 26 глиняныхъ и стекляныхъ бусъ.

Народность изслѣдованныхъ кургановъ. Основнымъ вопросомъ по отношенію къ изслѣдованнымъ курганамъ, является вопросъ о народности ихъ, рѣшеніемъ котораго обусловливается значеніе для науки найденныхъ въ курганахъ матеріаловъ.

Курганы, изслѣдованные нами въ губерніяхъ: Черниговской, Курской и Харьковской обнаружили два, существенно различные, способа похоронъ: погребеніе и сожженіе труповъ. Въ курганахъ съ погребеніемъ покойниковъ не было найдено несомнѣнныхъ признаковъ или вещей, при посредствѣ которыхъ можно было бы рѣшить положительно вопросъ о народности этихъ кургановъ. Напротивъ, курганы, скрывавшіе въ себѣ кострища и сосуды со жжеными человѣческими костями, представили матеріалъ, который, при сопоставленіи съ извѣстіями нашей начальной лѣтописи и сказаніями иностранныхъ писателей о погребальныхъ обычаяхъ Славянъ до принятія ими христіанства и мѣстахъ ихъ жительства, положительно рѣшаетъ вопросъ о народности этихъ кургановъ. Потому, предоставляя дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ рѣшеніе вопроса о народности кургановъ со всѣми видоизмѣненіями обычая погребенія (положеніе костяковъ въ могилахъ и на земной поверхности, безъ гробовъ, въ гробахъ и гробницахъ, верхомъ на лошади), мы остановимся здѣсь только на вопросахъ о народности кургановъ съ остатками трупосожженія и значеніи для науки историческаго матеріала въ нихъ открытаго.

Изслѣдованные нами курганы съ остатками трупосожженія представляютъ два вида: курганы большой величины, прикрывающіе собою кострища и курганы малой величины, заключающіе въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями. Обрядъ похоронъ въ томъ и другомъ видѣ кургановъ, на основаніи сдѣланныхъ раскопокъ, можетъ быть вполне восстановленъ. При похоронахъ въ курганахъ большой величины, сначала приготавлилась насыпь отъ одного до шести аршинъ отвѣсной высоты, съ обширнымъ основаніемъ, отъ 50 до 200 аршинъ въ окружности. На этой насыпи устраивали костеръ изъ различнаго дерева (въ Черной Могилѣ можно было различить угли дуба, березы, сосны и ольхи). Костеръ сколачивали желѣзными гвоздями. На величину костра указываютъ испепелившіяся толстыя части костей лошади, расплавившіяся золотыя, серебряныя и мѣдныя вещи, а также толщина костра, состоящаго изъ слоя пещла, угля и жженныхъ костей, толщиною въ разныхъ курганахъ отъ 2 вершковъ до 2 четвертей. Положивъ въ парадномъ костюмѣ покойника на костеръ, клали туда же разныя вещи: вооруженіе, оружіе, сбрую, разныя домашнія орудія, игорныя принадлежности, монеты, зерновой хлѣбъ, домашнихъ животныхъ. Въ Черной Могилѣ и въ Гульбицѣ явственно можно было различить два соженныхъ трупа: характерныя человѣческія кости (зубы, кости пальцевъ, позвонки) попадались въ двухъ частяхъ кострищъ, отстоящихъ на разстояніи около 3 аршинъ одна отъ другой, причемъ, въ первой части были находимы преимущественно принадлежности мужскаго костюма (поясныя пряжки и бляхи, грудныя застѣжки, массивныя пуговицы) и вооруженіе (стрѣлы, копья, мечи, шашки, 2 щита), а въ другой части, напротивъ, принадлежности женскаго костюма и туалета (серьги, бусы, кольца, дутыя серебряныя пуговицы, гребенки и булавы). Судя по разстоянію отдѣляющему кости, при которыхъ встрѣчались преимущественно мужскія вещи, отъ костей,

при которыхъ находимы были преимущественно женскія вещи, можно думать, что оба трупа вѣли на костеръ не рядомъ, а въ разстояніи около двухъ аршинъ одинъ отъ другаго. Послѣ сожженія, пепелища закрывали слоемъ земли, въ различныхъ курганахъ отъ 2 четвертей до 5 арш. толщиною. На этомъ слоѣ, въ центрѣ кургана, ставили сосудъ съ костями принесеннаго въ жертву животнаго, при которомъ иногда вѣли вооруженіе покойника: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копыя и стрѣлы. Жертву сожигали не въ центрѣ кургана, а гдѣ то въ другомъ мѣстѣ; въ курганѣ она ставилась уже сожженною; ни въ одномъ курганѣ не было замѣчено слѣдовъ сожженія жертвенныхъ вещей и животнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ находили. Въ Черной Могилѣ въ жертвенной части между вещами, несомнѣнно сожженными (обугленные кости и шерсть барана, 2 шлема, 2 кольчуги, 2 длинныхъ ножа) найдены 2 окованныхъ серебромъ рога и 2 золотыя монеты, на которыхъ не видно слѣдовъ огня. Жертвенный слой кургана въ свою очередь закрывался слоемъ земли, по различію кургановъ, отъ 2 до 6 аршинъ толщиною. На вершинѣ Черной могилы обнаружены явные слѣды бывшаго памятника, разрушеннаго временемъ. Можетъ быть, и на другихъ курганахъ этой формы ставились какіе-либо знаки или памятники, уничтоженные временемъ. По сооруженіи кургана, подошва его обносила охраннымъ рвомъ отъ 2 до 10 аршинъ шириною и отъ 1 до 5 аршинъ глубиною.

Обрядъ похоронъ, раскрытый раскопками кургановъ, содержащихъ сосуды со жженными человѣческими костями, значительно отличается отъ обряда похоронъ въ курганахъ съ кострищами. Покойниковъ въ этомъ случаѣ сожигали не въ курганахъ, гдѣ найдены ихъ сожженные остатки, а гдѣ то на сторонѣ. Можетъ быть каждому покойнику дѣлали особый костеръ возлѣ похороннаго кургана, а можетъ быть бѣдняки сожигались гдѣ-либо въ особой трупосожигательницѣ. Вмѣстѣ съ трупомъ человѣка сожигали мелкихъ животныхъ. Почти въ каждомъ сосудѣ различаются кости человѣка и животныхъ. Послѣ сожженія собирали недогорѣвшія кости, вѣли ихъ въ глиняный сосудъ, ставили сосудъ въ приготовленный земляной холмъ, отъ 1 до 2 аршинъ высоты, и засыпали его слоемъ земли, отъ 2 четвертей до 1¹/₂ арш. толщиною. Покойниковъ сожигали одѣтыми, какъ видно по находимымъ между костями украшеніямъ. Иногда въ одномъ курганѣ были находимы 2, даже 3 сосуда со жженными человѣческими костями, рядомъ стоящими. Можетъ быть, въ этихъ случаяхъ вмѣстѣ съ покойниками были сожигаемы жены ихъ¹⁾. Въ такомъ случаѣ въ однихъ сосудахъ могли быть кости мужей, въ другихъ женъ. Часто, рядомъ съ сосудами наполненными костями, попадались пустые, т. е., наполненные только землею. Вѣроятно въ нихъ ставилась пища и питье.

¹⁾ О сожженіи женъ у Славянъ см. Котляревскаго о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ; стр. 42, 48, 50, 54, 56, 58, 65 и слѣд.

Обрядъ похоронъ, открытый въ курганахъ, содержащихъ въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, вполне соответствуетъ обряду похоронъ, господствовавшему у русскихъ Славянъ въ эпоху, предшествовавшую эпохѣ принятія ими христіанства. Въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ въ извѣстномъ описаніи нравовъ и обычаевъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, между прочимъ, сказано: „Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху. . . . аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и посемъ творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, а посемъ, собравше кости, вложашу въ судину малу и поставяху на столпѣ, на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами собѣ законъ“¹⁾. Свидѣтельство Арабскаго писателя X вѣка Ибнъ-Даста о сожженіи мертвыхъ у Славянъ поясняетъ намъ, въ какомъ смыслѣ должно быть понимаемо слово „столпъ“ въ приведенномъ свидѣтельствѣ нашей лѣтописи. „Страна Славянъ“, говоритъ арабскій писатель, „страна ровная и лѣсистая, когда умираетъ кто-либо изъ нихъ, они сожигаютъ трупъ его. На слѣдующій день по сожженіи покойника, отправляются на мѣсто, гдѣ оно происходило, собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую ставятъ затѣмъ на холмѣ“²⁾.

Въ виду полной тождественности обряда похоронъ, открытаго въ курганахъ, со-

¹⁾ П. С. Р. М. т. I; стр. 6. Всѣ списки лѣтописи согласны относительно выраженія: „на столпѣ, на путехъ“; считаемъ не лишнимъ привести здѣсь основательныя соображенія г. Котляревскаго. „Предавали тѣло сожженію, затѣмъ собирали кости въ небольшой сосудъ и поставляли его «на столпѣ на путехъ». Загадочнымъ представляется послѣднее извѣстіе. Если понимать его въ современномъ, обыкновенномъ смыслѣ, то прійдется допустить странность: прахъ усопшихъ собирали затѣмъ, чтобы не сохранить его, ибо выставленный на столбѣ, хотя и въ сосудѣ, онъ подвергался всѣмъ случайностямъ непогоды и быстрому уничтоженію. . . . Очевидно, что выраженіе слѣдуетъ понимать иначе. Грамматическая правильность и ясность текста дѣлаетъ ненужнымъ предположеніе объ искаженіи его или порчѣ, потому остается думать, что слово столпъ, стлпъ, здѣсь имѣетъ иное, отличное отъ обыкновеннаго, знаменованіе; ни русскіе, ни древнеславянскіе памятники, гдѣ оно обозначаетъ *στήλη* и *τύφος*, не даютъ настоящаго смысла; его указываетъ санскритъ: отъ корня *stūp*—*soasegvaṅe*, *erigere*, образуется существительное *stūpa*—*simulus*, возвышеніе изъ земли и камней, высокая могила; этому слову, по органически правильному переходу звуковъ, отвѣчаетъ польское *stupa* (ы=и первонач. у), которое первоначально должно было обозначать могилу, но уцѣлѣло уже въ переносномъ значеніи погребальнаго пира. Въ силу того же органическаго перехода звуковъ слово явилось въ церковнославянскомъ языкѣ въ формѣ стлпъ (правильнѣе: стлпъ, ибо и=ы переходитъ въ ѣв, в же въ л), въ русскомъ столпъ. столбъ. Итакъ, не въ древнемъ-ли значеніи землянаго возвышенія, холма, насыпной могилы, слѣдуетъ понять столпы „Повѣсти“, по крайней мѣрѣ ихъ трудно понять иначе“. О погребальныхъ обычаяхъ языч. Славянъ, стр. 122, 123.

²⁾ Гаркави. Сказанія мусуль. писат. о Слав. и Рус. ст. 264.

держащихъ въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, съ обрядомъ похоронъ у русскихъ славянъ языческой эпохи, записаннымъ нашимъ лѣтописцемъ и арабскимъ писателемъ, едва-ли возможно сомнѣваться въ славянской народности этихъ кургановъ. Мало того: наша лѣтопись даетъ возможность опредѣлить, какому именно изъ племейъ русскихъ Славянъ принадлежатъ курганы, содержащіе сосуды съ человѣческими костями, разрытые нами въ Черниговской, Курской и Харьковской губерніяхъ. Между славянскими народами, сожигавшими своихъ покойниковъ и ставившими остатки своихъ труповъ на холмъ, наша лѣтопись именуется Сѣверянь. Границы Сѣверянской земли въ той же лѣтописи точно обозначены: „а друзіе“ (Словѣни), говорится въ ней, „сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ, и нарекошася Сѣверь“¹⁾. Въ виду этого извѣстія графъ Уваровъ основательно замѣчаетъ слѣдующее: „въ Повѣсти временныхъ лѣтъ находятся точныя топографическія свѣдѣнія о поселеніяхъ Сѣверянь: „сѣдоша по Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и нарекошася Сѣверь“. Всѣ три рѣки, тутъ обозначенныя, составляютъ съ лѣвымъ берегомъ Днѣпра, естественныя границы, замыкающія пространство, занятое теперь уѣздами: по Деснѣ, въ Черниговской губерніи: Остерскимъ, Борзенскимъ, Кролевецкимъ и Новгородсѣверскимъ; по лѣвому берегу Днѣпра, въ Полтавской губерніи: Переяславскимъ и Золотоношскимъ; по Сеймѣ, въ Курской губерніи: Старо-Оскольскимъ, южною частью Курскаго, Рыльскимъ, Путивльскимъ и Суджанскимъ; въ Черниговской губерніи — Конотопскимъ; по Сулѣ: въ Полтавской губерніи — Кременчугскимъ, Хорольскимъ, Лубенскимъ, Лохвицкимъ и Роменскимъ; въ губерніи Харьковской—Сумскимъ. Эти свѣдѣнія еще точнѣе опредѣляются извѣстіями изъ лѣтописи и Константина Багрянороднаго о древнѣйшихъ городахъ Сѣверянь: о Любечѣ на Днѣпрѣ и о Черниговѣ на Деснѣ“²⁾.

Всѣ курганы, содержащіе въ себѣ сосуды съ человѣческими костями, изслѣдованные нами, находятся въ границахъ Сѣверянской земли, обозначенныхъ лѣтописью. Итакъ, въ лѣтописи находимъ точное обозначеніе границъ земли, занятой Сѣверянами языческой эпохи и точное описаніе господствовавшаго у нихъ обычая похоронъ покойниковъ; нынѣ во многихъ мѣстностяхъ Сѣверянской земли, обозначенныхъ лѣтописью, открыты могилы, въ которыхъ обнаруженъ языческій обычай похоронъ, вполне соответствующій обычаю похоронъ Сѣверянь язычниковъ, описанному лѣтописцемъ; слѣдовательно, могилы, содержащія въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, разрытые нами въ 10 мѣстностяхъ Сѣверянской земли, принадлежатъ сѣверянамъ-язычникамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дальнѣйшія изслѣдованія откроютъ такія могилы и во множествѣ другихъ мѣстностей Сѣверянской земли, остающихся еще не изслѣдованными.

Необыкновенно счастливое стеченіе обстоятельствъ раскопки кургановъ Черной

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 3.

²⁾ Древн. Труды Московск. Археол. Общ., 1873 г. т. III, стр. 280.

Могилы и Гульбища въ Черниговѣ, даютъ полную возможность не только опредѣлить народность этихъ могилъ, но даже обозначить время, въ которому онѣ относятся. Еслибы мы имѣли возможность доказать, что Черная Могила и Гульбище насыпаны не ранѣ послѣдней четверти IX вѣка, что эти могилы насыпаны не пришлымъ народомъ на Руси, Варягами-Русью, а туземнымъ, наконецъ, что эти могилы были насыпаны въ центральномъ городѣ Сѣверянской земли, то тѣмъ самымъ мы имѣли бы возможность доказать эпоху насыпки этихъ кургановъ и ихъ народность, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли бы возможность доказать народность всѣхъ другихъ кургановъ съ кострищами, разрытыхъ нами, какъ совершенно сходныхъ съ Черной могилой и Гульбищемъ по внѣшнимъ формамъ, обряду похоронъ и вещамъ, въ нихъ найденнымъ.

Дѣйствительно, мы имѣемъ возможность доказать неопровержимо сказанные тезисы.

I. Черная Могила и Гульбище относятся ко времени не ранѣ послѣдней четверти IX вѣка.

Въ Черной Могилѣ найдены двѣ цѣлыхъ византійскихъ монеты и половина третьей. Въ Гульбищѣ найденъ серебряный саманидскій диргемъ. Очевидно курганы не могутъ быть старше найденныхъ монетъ. На цѣлыхъ византійскихъ монетахъ, съ одной стороны, мы видимъ изображенія двухъ императоровъ и вокругъ надпись: «Basilios et Constant. augg.»; а на другой сторонѣ изображеніе Спасителя и вокругъ надпись: «Ihs. Xpc. Rex. Regnantium». Василий и Константинъ занимали совместно престолъ два раза: съ 869—870 г. (Василій I и сынъ его Константинъ IX) и съ 976—1025 г. (Василій II и братъ его Константинъ XI). Является сомнѣніе въ какому царствованію должны быть отнесены монеты, найденныя въ Черной Могилѣ? Сомнѣніе разрѣшается въ пользу царствованія Василія I и сына его Константина IX на основаніи слѣдующихъ справокъ: 1) эти монеты отнесены къ царствованію Василія I и сына его Константина IX въ сочиненіяхъ: Sabatier—Description générale des monnaies Byzantines (т. I, стр. 107, № 5—таблица XLIV № 22) и Saulcy—Numismatique Byzantine (стр. 202, таб. XIX № 1). Sabatier утверждаетъ, что, при второй четвѣ одноименныхъ императоровъ, золотые солиды чеканились по другому типу и другихъ размѣровъ; они дѣлались гораздо больше и тоньше (Sabatier т. II, стр. 146)—величина ихъ достигала 6 (скаля Мюнне), между тѣмъ, какъ данная монета имѣетъ только величину 4 и толщину стараго Византійскаго солида. Saulcy указываетъ еще другое отличіе. Василій I былъ отецъ Константина IX; потому на ихъ монетахъ (въ томъ числѣ и на рассматриваемой) одно изображеніе старше и больше другаго. Между тѣмъ Василій II и Константинъ XI были братья, почти однолѣтки (17 и 20 лѣтъ вступили на престолъ) и потому ихъ изображенія равны по величинѣ и возрасту (Saulcy стр. 201—202 и 252—253). На лицевой сторонѣ половины третьей монеты изображеніе императора безъ бороды, en face, въ тиарѣ, видна часть креста, который онъ держалъ вмѣстѣ съ другимъ императоромъ, изображеннымъ на не-

достающей половинѣ монеты; надпись „... Roman Av.“, а на другой сторонѣ половина бюста Христа на крестѣ въ сіяніи съ надписью „... Regnantium“. Конечно, по половинѣ монеты трудно точно опредѣлить ее, но, сличивъ данный отрѣзокъ съ монетами, на которыхъ вторымъ императоромъ названъ Романъ — она почти тождественно совпадаетъ съ монетою Константина X и сына его Романа II (948—959), описанной у Sabatier (т. II, стр. 129, № 14, таб. XLVI, № 18).

Серебряный саманидскій диргемъ, найденный въ курганѣ Гульбище, настолько сожженъ, что прочесть на немъ всю надпись нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ не менѣе, удалось на одной изъ сторонъ монеты очистить два слова, одно изъ которыхъ—воззвание къ Аллаху, по заключенію извѣстнаго знатока восточныхъ монетъ, г. Тизенгаузена, ругается, что эта монета относится ко времени не ранѣе послѣдней четверти IX вѣка, когда впервые на саманидскихъ монетахъ стали помѣщать сказанное воззвание.

Итакъ Черная Могила и Гульбище насыпаны не ранѣе послѣдней четверти девятого вѣка.

Кажется, нижеслѣдующія соображенія даютъ намъ право ограничить эпоху насыпки Черниговскихъ кургановъ съ кострищами съ другой стороны. По извѣстію нашей лѣтописи, въ 988 году князь Владиміръ Святославичъ, крестивъ кіевлянъ, „повелѣъ рубити церкви и поставляти по мѣстамъ, идеже стояху кумири... и нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ“¹⁾. Хотя лѣтописецъ не означаетъ, въ какихъ именно городахъ св. Владиміръ насаждалъ вѣру Христову, но само собою разумѣется, что слова лѣтописца не могутъ не относиться къ Чернигову, ближайшему изъ городовъ русскихъ славянъ къ столицѣ великаго князя, Кіеву. Уже черезъ 4 года по введеніи христіанства въ Кіевѣ, оно распространилось въ землѣ Черниговской въ такой мѣрѣ, что тамъ нужно было открыть епархію, и она была открыта. По лѣтописи, въ 992 году „взя Володимеръ у патріарха митрополита Кіеву Леонта и того же лѣта постави Леонтъ митрополитъ Чернигову Неофита“²⁾. На соборѣ въ 1667 году за несомнѣнное считали, что древность Черниговской каедры простирается гораздо далѣе 600 лѣтъ³⁾. Въ первой четверти XI вѣка Черниговъ дѣлается резиденціей христіанскаго князя Мстислава Владиміровича, который въ 1036 году „изыде на лова, разболѣся и умре, и положиша и въ церкви св. Спаса, юже бѣ самъ заложилъ“⁴⁾. И въ настоящее время Спасскій соборъ стоитъ на фундаментѣ, заложенномъ Мстиславомъ Владиміровичемъ. Съ раздѣленіемъ Россіи на удѣлы по смерти Ярослава Владиміровича,

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, стр. 51.

²⁾ Ник. Спис. т. I, стр. 105.

³⁾ Патр. грамота Лазарю; въ Черн. Губ. Вѣд. 1858 г. № 25.

⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 65.

Черниговская земля досталась въ удѣлъ второму сыну Ярослава, и Черниговъ дѣлается постояннымъ мѣстомъ пребыванія Святослава Ярославича и его старшихъ потомковъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ первой половинѣ XI вѣка Черниговъ былъ уже христіанскимъ городомъ, мѣстомъ пребыванія епископа и христіанскаго князя. Въ Черной Могилѣ и Гудьбищѣ открытъ языческій способъ похоронъ мертвыхъ, посредствомъ сожженія труповъ. Кромѣ того, эти могилы такъ громадны, что могли быть насыпаны только большимъ обществомъ, цѣлымъ городомъ. Чтобы разрыть Черную Могилу потребовалось около трехъ мѣсяцевъ времени, при чемъ ежедневно работали отъ 15 до 20 человѣкъ. Всенародное отправленіе языческаго обряда похоронъ, въ центрѣ христіанской земли, предъ лицомъ христіанскаго князя и христіанскаго духовенства едва ли могло быть допущено. Такой вѣротерпимости не знаетъ исторія христіанства среднихъ вѣковъ. Византійское духовенство, распространяя на Руси вѣру Христову, конечно, въ самомъ началѣ выставляло обрядъ сожженія покойниковъ (по его понятіямъ) противнымъ вѣрѣ Христовой. Въ описаніи нравовъ русскихъ славянъ нашей древнѣйшей лѣтописи обычай сожженія труповъ выставленъ въ числѣ звѣрскихъ обычаевъ, „обычаевъ поганныхъ, невѣдущихъ закона Божья“¹⁾. Проповѣдь христіанскаго духовенства была такъ успѣшна, что къ началу XII вѣка, если вѣрить лѣтописцу, обычай сожженія труповъ удержался только въ лѣсахъ Вятчей, отдаленныхъ отъ главнѣйшихъ политическихъ центровъ того времени: Кіева и Чернигова. Въ политическихъ центрахъ онъ, конечно, долженъ былъ исчезнуть гораздо ранѣе, вѣроятно, тотчасъ по введеніи христіанства. На основаніи изложенныхъ фактовъ и соображеній, эпоха насыпки черниговскихъ кургановъ съ кострищами, ограниченная съ одной стороны концемъ IX вѣка, мы думаемъ, можетъ быть ограничена съ другой стороны началомъ XI вѣка.

2. Черниговскіе курганы съ кострищами не принадлежатъ Варягамъ-Руси. Извѣстія лѣтописи даютъ основанія къ заключенію, что въ X вѣкѣ въ Черниговской землѣ смѣшались двѣ народности: туземная—Славяне и пришлая—Варяги-Русь. Народность Варяговъ-Руси остается до сихъ поръ вопросомъ спорнымъ въ наукѣ. Но кто бы ни были Варяги-Русь, Норманны или Славяне, или сборныя дружины изъ разныхъ народовъ, во всякомъ случаѣ, черниговскіе курганы съ кострищами имъ не принадлежатъ. Во первыхъ, лѣтопись оставила намъ указанія на обычай похоронъ пришлаго народа на Руси, совершенно отличный отъ обычая похоронъ, открытаго въ Черниговскихъ курганахъ: Варяги-Русь были погребаемы, а не сожигаемы. Такъ, „убиша Аскольда и Дира, несоша

¹⁾ Лѣтописецъ отмѣчаетъ, какъ пріятное явленіе, завѣщаніе княгини Ольги, которымъ она просила сына своего похоронить ее по христіанскому обычаю: „Заловѣда съ землею равно погrestись, а могилы не сути, ни тризнь творити, ни бдына дѣяти“. Котляревскаго о погреб. обычаяхъ славянъ, стр. 118. См. еще тамже, стр. 125, 126.

на гору и погребоша и на горѣ“; „Олеги . . . разболѣвся и умре. И плакашася по немъ вси людіе плачемъ великимъ и несоша и, и погребоша ѿ на горѣ“; „погребоша Ольга (Святославича) на мѣстѣ у города Вручева и есть могила его и до сего дне у Вручева“¹⁾. Во вторыхъ, если допустить, что курганы съ кострищами принадлежатъ Варягамъ-Руси, то такіе курганы должны встрѣчаться не только въ Черниговѣ, но во всѣхъ пунктахъ, занятыхъ Варягами-Русью въ языческую эпоху. Между тѣмъ раскопки, сдѣланныя до настоящаго времени въ предѣлахъ Россіи, не открыли такихъ кургановъ возлѣ городовъ, занятыхъ Варягами-Русью въ IX и X вѣкѣ, гдѣ Варяги-Русь поселились ранѣе нежели въ Черниговѣ и оставались долѣе язычниками. Г. Томилинь разрылъ нѣсколько кургановъ большой величины, сохранившихся въ г. Ладогѣ: въ каждомъ найдены *кости*. Въ Новгородѣ кургановъ съ кострищами также не было открыто. Г. Ивановскій разрылъ болѣе 800 кургановъ въ Новгородской и Петербургской губерніяхъ, но нигдѣ имъ не было открыто кургановъ, по внутренней конструкціи подобныхъ Черниговскимъ съ кострищами. Рюрикъ, по водвореніи въ Новгородѣ, отдалъ Варягамъ Ростовъ, городъ Мери. Съ 1851—1854 г. въ Ростовской землѣ разрыты почти всѣ сохранившіеся курганы въ количествѣ 7729, въ томъ числѣ разрыты всѣ могилы на берегахъ озера Ростовскаго, въ числѣ 383 могилъ. Въ изслѣдованіи Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, подъ рубрикою „Погребальныя обряды“, графъ Уваровъ описываетъ обряды погребенія, открытыя въ 7729 курганахъ Ростовской земли, и между ними нѣтъ обряда, подобнаго обряду черниговскихъ кургановъ съ кострищами; всѣ курганы съ остатками трупосоженія, разрытыя въ землѣ Ростовской, содержали въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями: по окончаніи сожженія тщательно собирали кости и всѣ остальные сожженные предметы и клали ихъ въ глиняный горшокъ . . . потомъ, приготовивъ могилу, въ ней разсыпали слой угля, вѣроятно, оставшагося отъ костра, и на него ставили горшокъ со жжеными костями и со всѣми остальными сожженными предметами“²⁾. Въ частности, на вопросъ: гдѣ погребались Норманны, графъ Уваровъ отвѣчаетъ: „ . . . мы не можемъ сомнѣваться, что во многихъ изъ открытыхъ нами кургановъ находились могилы Варяговъ, тѣмъ болѣе, что часто даже попадались тѣ извѣстныя бронзовыя пряжки въ видѣ чашекъ, которыя считаются неотъемлемымъ признакомъ Викинговъ, и что самое устройство ихъ могилъ на мерянскихъ кладбищахъ особенно напоминаетъ

¹⁾ П. С. Р. Л. I, стр. 10, 16, 23, 32. Могила Олега Святославича раскопана въ 1848 г. Петровскимъ. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ возможности достать подробныхъ свѣдѣній объ этой чрезвычайно важной для нашего вопроса раскопкѣ. На вещахъ, доставленныхъ Петровскимъ въ музей Кіевского университета, не видно слѣдовъ сожженія. Дневника раскопки Петровскаго въ музей Кіевского университета не имѣется.

²⁾ Меряне и ихъ бытъ по кур. раск., стр. 55.

могилы Швеціи, Исландіи и другихъ Скандинавскихъ странъ; въ такимъ особеннымъ признакамъ можно отнести могилы, гдѣ возлѣ воина погребенъ былъ его конь. Къ этому же признаку присоединяются иногда: особый обручъ изъ тонкаго листоваго серебра вокругъ головы, особая форма топора, свойственная по преимуществу датскимъ боевымъ сѣкирамъ; наконецъ, извѣстныя скандинавскія пряжки еще болѣе указываютъ на народность погребеннаго лица. Затѣмъ, согласно съ мнѣніемъ Френа, присутствіе африко-арабскихъ монетъ указываетъ также на Варяговъ, какъ напримѣръ въ городцѣ на Сарѣ, въ Василькахъ, Веси, Городицѣ и въ Кустери. Новымъ подтвержденіемъ того же мнѣнія Френа можетъ служить могила у села Веси, въ особенности любопытная тѣмъ, что въ ней нашлись вмѣстѣ два изъ отличительныхъ признаковъ варяжской могилы: у боковъ остова лежали двѣ пряжки въ видѣ овальныхъ чашекъ, а у ногъ стоялъ цѣлый горшокъ съ 21 куфическою монетою, въ томъ числѣ и нѣсколько африко-арабскихъ. Последнимъ признакомъ, кажется, Варяжскихъ гробницъ должны считаться также тѣ могилы, въ которыхъ видны слѣды какихъ то деревянныхъ построекъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Предполагая, что такія могилы, соединяющія всѣ эти признаки вмѣстѣ или имѣющія только нѣкоторые отдѣльные признаки, принадлежать Варягамъ, мы должны замѣтить, что въ нихъ тѣла болѣею частью погребены. Затѣмъ, всѣ остальные гробницы съ жженными тѣлами, хотя онѣ также содержатъ или скандинавскія пряжки, или африко-арабскія монеты, не могутъ быть приписаны Варягамъ, потому что при сожиганіи тѣла расположеніе глинянаго сосуда съ пепломъ и другихъ предметовъ въ могилѣ ничѣмъ не отличается отъ того же обряда, обычнаго всему Мерянскому народу¹⁾. Сколько мнѣ извѣстно, кургановъ подобныхъ Черниговскимъ еще не найдено въ Смоленской губерніи г. Кусцинскимъ. Всѣ раскопки, сдѣланныя въ Кіевской губерніи случайно и членами археографической комиссіи собраны г. Фундулеемъ и указаны въ его „обозрѣніи валовъ, городищъ и кургановъ“. Между разрытыми курганами въ Кіевской губерніи, только 2 кургана могутъ быть признаны подобными курганамъ Черниговскимъ съ Кострищами. „Возлѣ Вышгорода, въ 1845 г. была разрываема г. Ставровскимъ могила Крещатая. Въ ней во внутреннемъ холму, обложенномъ древесною корою, открыты дубовыя срубы (?) съ углемъ и пепломъ и съ остатками человѣчьихъ и конскихъ костей²⁾“. „Въ 1845 году въ Таращанскомъ уѣздѣ раскопана была могила, называемая Царевою. Въ ней открытъ довольно хорошо сохранившійся костеръ изъ толстыхъ бревенъ, которыхъ значительные куски, не совершенно сгорѣвшіе, видны подъ толстымъ слоемъ древесной золы, у самой подошвы могилы костеръ имѣлъ длины болѣе 4 аршинъ, ширины до 2½ и толщины болѣе двухъ аршинъ (?). Кромѣ этихъ слѣдовъ трупосожиганія, ничего болѣе въ могилѣ

¹⁾ Тамъ же; ст. 62.

²⁾ Стр. 35.

не открыто. Надобно замѣтить, что могила Царева, по удостовѣренію на мѣстѣ, насыпана была поверхъ земли, и имѣла въ поперечникѣ у подошвы до 4 сажень¹⁾“. Хотя описанія раскопки Крещатой и Царевой могилъ чрезвычайно неудовлетворительны; но, кажется, ихъ нужно отнести (по крайней мѣрѣ Цареву могилу) къ курганамъ съ кострищами. Но въ самомъ Кіевѣ, центрѣ пребыванія Варяговъ-Руси и его окрестностяхъ раскопки гг. Иванишева, Волошинскаго, Роговича и мои не открыли ни одного кургана съ кострищемъ. Въ 1873 году я лично осмотрѣлъ всѣ курганы сохранившіеся въ окрестностяхъ Кіева, въ количествѣ около 100 (за Лыбедью и за горою Щековицею) и не нашелъ между ними ни одного, подобнаго Черниговскимъ курганамъ съ кострищами; 8 могилъ мною были разрыты, въ каждой найденъ остовъ, въ могилѣ отъ 1 до 3 арш. ниже подошвы кургана съ признаками гробовъ (слѣды сгнившихъ досокъ и окислившіеся желѣзные гвозди), головой на западъ, руки скрещены на груди (6 случаевъ) или ниже живота (2 случая).

Итакъ, въ то время, какъ въ городахъ и областяхъ, занятыхъ Варягами-Русью ранѣ Чернигова, курганы съ кострищами встрѣчаются, какъ чрезвычайно рѣдкія исключенія, въ Черниговѣ и Черниговской области такіе курганы далеко не рѣдкость. До новѣйшаго времени въ Черниговѣ ихъ сохранилось 7, подъ Сѣдневымъ около 70. Г. Константиновичъ сообщилъ Кіевскому съѣзду археологовъ, что курганы, подобные черниговскимъ курганамъ съ кострищами, разрытымъ мною, находятся и въ разныхъ другихъ мѣстахъ черниговскаго уѣзда.

На основаніи изложенныхъ фактовъ, мы думаемъ, можно считать доказаннымъ, что курганы съ кострищами принадлежать не пришлому племени на Руси,—Варягамъ-Руси, а туземному,—славянамъ. 3 Черниговскіе курганы съ кострищами принадлежать Сѣверянамъ.

Когда доказано, что Черная могила и Гульбище насыпаны не ранѣ конца IX вѣка и не пришлымъ элементомъ на Руси, а туземнымъ, тогда народность ихъ не можетъ подлежать спору. Туземнымъ элементомъ въ X вѣкѣ въ области Десны было, какъ мы видѣли выше, славянское племя—Сѣверяне. Константинъ Багрянородный именуетъ Черниговъ въ числѣ славянскихъ городовъ, съ которыхъ собирали дань Кіевскіе князья первой половины X вѣка²⁾. Черниговъ же X вѣка и Черниговъ нашего времени, при которомъ разрыты 4 кургана съ кострищами, не только лежитъ въ границахъ сѣверянской земли языческой эпохи, обозначенныхъ лѣтописью, но и тождественны по мѣсту нахождения. Подъ 1148 годомъ въ лѣтописи сказано: „пойде Изяславъ къ Чернигову.... и пришедъ ста на Ольговѣ поли³⁾“. Названіе Ольгово поле до сихъ поръ сохранило одно изъ

¹⁾ Ст. 53.

²⁾ De adm. imp. ed. Bonn. ст. 79.

³⁾ П. С. Р. Л. II, 37.

урочищѣ въ западной сторонѣ Чернигова, въ разстояніи двухъ верстѣ отъ кургановъ Черной могилы и княжны Черны. Подъ 1074 годомъ въ лѣтописи сказано: „Святославъ... поя Антонія къ Чернигову, и возлюбилъ Болдины горы, и, ископавъ пещеру, ту ся всели 1)“; въ Патерики Печерскомъ, въ житіи Антонія, сказано: „возлюбилъ мѣсто близъ града Чернигова, въ горѣ Болдинѣ“. Курганъ Гульбище разрытъ на Болдиной горѣ въ разстояніи 400 шаговъ ближе къ Чернигову отъ пещеры Антонія, до нынѣ сохранившейся.

На основаніи изложенныхъ фактовъ и соображеній сѣверянская народность Черниговскихъ кургановъ съ кострищами не можетъ подлежать сомнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію и важное историческое значеніе обширнаго матеріала, въ этихъ курганахъ открытаго.

Значеніе курганныхъ находокъ для науки. Чтѣ намъ извѣстно было до настоящаго времени о бытѣ русскихъ славянъ языческой эпохи, вообще, и Сѣверянъ, въ частности, на основаніи лѣтописныхъ источниковъ? Чтѣ вносятъ новаго въ наши понятія объ языческомъ бытѣ русскихъ славянъ находки, сдѣланныя до настоящаго времени въ курганахъ? Отвѣтомъ на эти вопросы мы укажемъ необыкновенную важность для исторіи находокъ въ курганахъ земли Сѣверянъ и курганныхъ изслѣдованій вообще.

Знаменитый въ исторической литературѣ А. Л. Шлецеръ, вызванный 1761 году русскимъ правительствомъ въ Петербургъ для объясненія памятниковъ русской исторіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія опубликовалъ свое изслѣдованіе о Несторѣ, по которому: „Несторъ есть первый, древнѣйшій и единственный отечественный источникъ древнѣйшей русской исторіи до 1054 года. Несторъ есть первый, древнѣйшій, единственный, по крайней мѣрѣ, главный источникъ для всей славянской, летской и скандинавской исторіи сего періода. Писанное Дитмаромъ и Франкскими лѣтописцами, даже современникомъ Нестора—Адамомъ, есть не иное что, какъ отрывки, и не значатъ ничего. Византійцы узнали Русь только со времени Игоря. Польскія хроники всѣ недавни, а древнѣйшія изъ нихъ не имѣютъ смысла. Истина, какую только можно отыскать въ нихъ, выведена изъ Нестора, а безсмыслица принадлежитъ имъ собственно. Исландскія бредни давно уже слѣдовало выбросить изъ числа историческихъ источниковъ 2)“. Ограничившись Несторомъ, Шлецеръ, на основаніи извѣстныхъ сказаній начальной русской лѣтописи объ языческихъ нравахъ русскихъ славянъ и призваніи Варяговъ-Руси Новгородцами, успѣлъ провести въ науку слѣдующую теорію быта русскихъ славянъ до времени Рюрика и основанія русскаго государства: „Русская исторія“, по словамъ Шлецера, „начинается отъ пришествія Рюрика и основанія русскаго царства, когда три различные народа: Новгородцы (Славяне), Чудь (Финны) и Руссы (Норманны) соединились вмѣстѣ и составили одинъ

1) П. С. Р. Л. IX, 105.

2) Шлец. Несторъ пер. Языкова 1809 г. стр. 425 п слѣд.

народъ. Передъ сею эпохою все покрыто мракомъ, какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно, люди здѣсь были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда сюда зашли, но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, не отличавшіеся ничѣмъ, не имѣвшіе никакого сношенія съ другими народами, почему и не могли быть замѣчены ни однимъ просвѣщеннымъ европейцемъ ¹⁾“.

„Дикіе, грубые, разсѣянные славяне начали дѣлаться людьми, только благодаря посредству Германцевъ, которымъ назначено было судьбою разсѣять въ сѣверозападномъ и сѣверовосточномъ мірѣ первыя сѣмена просвѣщенія. Кто знаетъ, сколько долго пробыли бы русскіе славяне въ блаженной для получеловѣка безчувственности, если бы не были возбуждены отъ этой безчувственности нападеніемъ Норманновъ ²⁾“.

Все что не ладилось съ возрѣніемъ на древнерусскихъ славянъ, какъ на дикихъ людей, не только въ сказаніяхъ иностранныхъ писателей, но и у Нестора, объявлено Шлецеромъ сомнительнымъ, вставками позднѣйшихъ переписчиковъ, глупыми выдумками. Напримѣръ,—извѣстіе начальной лѣтописи о городахъ Уличей и Тиверцевъ; существовавшихъ до Рюрика—вставка переписчика Нестора, преданіе о сношеніи Кіевлянъ съ Византіей до Олега—глупая сказка; князья и города древлянъ, упоминаемые въ лѣтописи при описаніи мщенія Ольги Древланамъ за смерть Игоря,—сказочны, какъ сказочно самое мщеніе Ольги; древнеславянскіе князья, города и купцы, упоминаемые въ договорѣ Олега съ Греками, сомнительны, потому что самый договоръ якобы сомнителенъ ³⁾“ и т. д.

Первый русскій историкъ XIX вѣка утвердилъ въ русской исторіи господство возрѣній Шлецера. Посылая первый томъ своей исторіи государства Россійскаго къ Шлецеру на разсмотрѣніе, Карамзинъ, можетъ быть по личнымъ отношеніямъ къ Шлецеру ⁴⁾, долженъ былъ признать одни изъ положеній его теоріи дикости русскихъ славянъ до времени призванія Норманновъ и значеніе послѣднихъ въ образованіи русскаго государства, а другія положенія оставить безъ достаточныхъ опроверженій. Карамзинъ повторилъ за Шлецеромъ: „Древляне имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ которыми они жили среди лѣсовъ темныхъ, питались всякою нечистотою.... Сѣверяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древланамъ. Обитали въ глубинѣ лѣсовъ, строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ.... Славяне, подобно всѣмъ инымъ народамъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего, не знали выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣли ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думали, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка... всякой строить себѣ

¹⁾ Тамже, ст. 419.

²⁾ Тамже, II, 178 и слѣд.

³⁾ Шлец. Нест. I, 214; II, 647, 662, 751 и слѣд.

⁴⁾ См. Савельева Ростиславича „Варяжская Русь, ст. 16.

хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою республикою¹⁾“.

Мысль Карамзина о полной независимости семействъ у древнихъ славянъ развита Эверсомъ въ цѣлую теорію, нашедшую многихъ послѣдователей и извѣстную въ ученой литературѣ подъ названіемъ теоріи родоваго быта древнихъ Славянъ. По этой теоріи всѣ отношенія у древнихъ Славянъ опредѣлялись естественными, кровными, родственными связями. Неограниченное господство родственныхъ отношеній на Руси продолжалось до времени призванія Рюрика, съ котораго началось образованіе у русскихъ Славянъ искусственныхъ, политическихъ обществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и разложеніе родоваго быта. Родовой бытъ свойственъ не только всѣмъ Славянамъ, но всѣмъ младенческимъ, первобытнымъ, полудикимъ народамъ „Первоначально соединяются между собою потомки общаго родоначальника для взаимной защиты противъ иноплеменниковъ, ибо въ грубомъ, естественномъ состояніи, до образованія благоустроенныхъ обществъ, каждому необходимо нужна таковая защита, и несчастенъ тотъ, кто находится внѣ семейственнаго союза; онъ лишень всякой опоры. Государства, которыя потомъ начинаютъ развиваться, суть ни что иное, какъ соединеніе отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными, родовъ или семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы²⁾“. „Формы родоваго быта могутъ быть изучаемы по формамъ быта современныхъ намъ полудикихъ народовъ, потому что родовыя отношенія одинаковы у всѣхъ младенческихъ народовъ³⁾“. Молодое поколѣніе русскихъ ученыхъ, воспитанное подъ вліяніемъ нѣмецкихъ педагоговъ, на системахъ русской исторіи и русскаго права Шлецера, Карамзина и Эверса, усвоило, какъ аксіому, положеніе Шлецера о дикости русскихъ Славянъ до времени призванія Норманновъ. По этой теоріи изученіе быта Славянъ до времени Рюрика является даже ненужнымъ, какъ это прямо высказано Г. Погодинымъ въ одной изъ лекцій по поводу изслѣдованій Шафарика о славянскихъ Древностяхъ⁴⁾. Шафарикъ первый, на основаніи ино-

¹⁾ Ист. Гос. Рос. т. I. стр. 38, 43.

²⁾ Древ. рус. право стр. 2.

³⁾ Тамже, введеніе.

⁴⁾ „Я начиналъ обыкновенно лекціи о русской исторіи съ 862 года, т. е. съ призванія князей Варяго-русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья и его однородцы я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Полянахъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о Славянахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и ненужно. Такъ разсуждали и всѣ наши ученые историки: Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, вслѣдъ за законоположителемъ исторической критики Шлецеромъ“. Изсл. Зап. и Лек. II, 324.

земныхъ: сѣверныхъ, западныхъ, южныхъ и восточныхъ писателей, пытался доказать, „что нѣкогда, задолго до призванія Варяговъ, въ странахъ между Повтомъ и Бельтомъ, была несравненно большая населенность, образованность и общественная дѣятельность, нежели какъ думали прежніе ученые 1)“.

Но доказательства Шафарика и его новѣйшихъ послѣдователей не для всѣхъ историковъ и ученыхъ юристовъ казались убѣдительными. Г. Погодинъ въ своей древней Русской исторіи, изданной въ 1872 году, въ краткомъ введеніи къ первому періоду русской исторіи, начинающемуся 862 годомъ, буквально повторяетъ слова Шлецера и Карамзина о дикости древнихъ Славянъ. „Древляне“, говоритъ онъ, „имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими жили въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, питались всякою нечистотою. Такъ жили Ридимичи, Вятичи, Сѣверяне... Кривичи и другіе 2)“. Изъ новѣйшихъ ученыхъ болѣе или менѣе близки къ воззрѣнію Шлецера на бытъ древнихъ Славянъ ученія всѣхъ послѣдователей теоріи родоваго быта древнихъ Славянъ, предполагающія „разсѣяніе“ Славянъ до Рюрика. По справедливому замѣчанію самого Эверса, форма родоваго быта свойственна только младенческимъ, первобытнымъ, полудикимъ народамъ.

Въ частности, Сѣверяне почти всѣми историками считались грубѣйшимъ изъ племенъ русскихъ Славянъ языческой эпохи, потому что къ нимъ непосредственно относится классическое извѣстіе лѣтописи: „живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“. Сколько мнѣ извѣстно, между всѣми учеными юристами и историками только И. Д. Бѣляевъ, сопоставляя, сказаніе лѣтописи о дикости нравовъ Сѣверянъ, съ одной стороны, съ указаніями той же лѣтописи и иностранныхъ писателей на сѣверянскіе города и торговыя сношенія съ отдаленными странами, съ другой, старался доказать, „что лѣтописецъ, христіанскій монахъ, односторонне смотрѣлъ на бытъ язычниковъ“ „обычаи поганыхъ, не вѣдущихъ закона Божія“, что Сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени дикости звѣроловъ и рыболововъ, что они имѣли общественные союзы, вели торговыя сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей степени цивилизаціи, нежели обыкновенно думаютъ 3)“. Но доказательства Бѣляева, основанныя, главнымъ образомъ, на извѣстномъ сказаніи о Русахъ арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана, не имѣли достаточной убѣдительности. Историки до Бѣляева въ Русахъ Фодлана видѣли не Славянъ, а Норманновъ. Предположивъ въ Русахъ Фодлана Славянъ и именно Сѣверянъ, Бѣляевъ не доказалъ своего предположенія фактически, почему не были приняты въ наукѣ и его воззрѣнія на условія быта Сѣверянъ языческой эпохи 4), а вмѣстѣ

1) Жур. Мин. Нар. Прос. т. XIV, отд. IV, стр. 223. Слав. Дрв. т. I—III. Особенно т. I, кн. II, отд. IV, V.

2) Др. Рус. Ист. ст. 2.

3) Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1850 г. кн. VIII, ст. 14 и слѣд.

4) Списки насел. мѣст. Курск. губ. ст. XII.

съ тѣмъ и мнѣніе о первобытной грубости этого племени оставалось въ наукѣ господствующимъ. Къ счастью славянская земля сохранила памятники быта своихъ древнихъ обитателей: городища и курганы, на которые до сихъ поръ не обращали вниманія спорящія стороны. Поднятые въ настоящее время изслѣдователями старины эти памятники, доставили историческій матеріалъ, на основаніи котораго, безъ сомнѣнія, будетъ создано болѣе устойчивое и болѣе соответствующее исторической дѣйствительности понятіе объ языческомъ бытѣ Славянъ, нежели воззрѣніе, господствовавшее въ наукѣ до настоящаго времени, созданное на основаніи отрывочныхъ, темныхъ лѣтописныхъ сказаній.

Изслѣдованіе древнихъ земляныхъ насыпей представляетъ намъ бытъ Сѣверянъ языческой эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, бытъ Славянъ язычниковъ, вообще, въ совершенно новомъ свѣтѣ.

Фактъ существованія во многихъ мѣстностяхъ сѣверянской земли городищъ, остатковъ общественныхъ укрѣпленій, а при нихъ общественныхъ кладбищъ (состоящихъ изъ сотенъ насыпей, донныя сохранившихся, между которыми встрѣчаемъ могилы, громадныя сооруженія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ), указываетъ на существованіе у Сѣверянъ языческой эпохи политическихъ обществъ. Одинаковый обрядъ погребенія, открываемый въ курганахъ одной группы и въ курганахъ разныхъ группъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываетъ существованіе на всемъ пространствѣ земли Сѣверянъ общихъ народныхъ обычаевъ. Различная величина могильныхъ насыпей одной группы кургановъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ томъ или другомъ курганѣ, доказываютъ неравенство общественныхъ классовъ въ сѣверянскихъ обществахъ. Находимыя въ курганахъ монеты указываютъ на отдаленныя торговыя сношенія Сѣверянъ.

Другія находки въ курганахъ даютъ возможность возстановить домашнюю жизнь язычника Сѣверянина: его одежду, костюмъ, вооруженіе, занятія, домашнюю обстановку и вѣрованія. Найдены остатки холстяныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей; принадлежности костюма, разной формы и различнаго состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, застежки, булавки и пр.; принадлежности вооруженія: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; вещи домашняго быта: глиняныя, желѣзные и бронзовые сосуды, кубки, замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, пряслицы, игральныя кости, удила, стремена; серпы и три сорта хлѣбныхъ зеренъ указываютъ на земледѣльческій бытъ Сѣверянина; а остатки принесенныхъ въ жертву животныхъ и другія частности погребенія рисуютъ его вѣрованія.

Мало того, дальнѣйшія изслѣдованія кургановъ дадутъ возможность опредѣлить границы земель, занятыхъ въ древности различными племенами. Въ нынѣшнемъ году изслѣдованы мною подъ Варшавою два древнихъ кладбища, въ могилахъ которыхъ найдены

глиняные сосуды со жжеными человѣческими костями, а въ сосудахъ нѣсколько вещей, совершенно подобныхъ вещамъ, найденнымъ въ могилахъ Сѣверянъ. Гг. Павинскимъ и Подченинскимъ открыты 6 кладбищъ, подобныхъ Варшавскимъ, въ разныхъ уѣздахъ ц. польскаго. Несомнѣнно, могилы, содержащія въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, открытыя въ ц. Польскомъ и курганы съ такимъ же содержаніемъ, открытыя въ Черниговской и Курской губерніяхъ, относятся къ одной исторической эпохѣ и принадлежатъ народамъ родственнымъ, но не одному и тому же племени. Общій обрядъ похоронъ тамъ и здѣсь,—трупосожиганіе внѣ могилы, значительно различается въ частностяхъ. Въ сѣверянскихъ курганахъ сожженные остатки ставились на холмъ,—въ ц. Польскомъ въ небольшую могилу; въ сѣверянскихъ курганахъ сосуды всегда находятся непокрытыми, въ ц. Польскомъ сосудъ съ костями накрывался глиняной тарелкой, въ величину отверстія сосуда съ костями, и, сверхъ того, закрывался большимъ толстымъ сосудомъ, обращеннымъ дномъ вверхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дальнѣйшія изслѣдованія откроютъ различія въ частностяхъ обряда похоронъ и у различныхъ племенъ русскихъ Славянъ.

Наконецъ, изслѣдованіе кургановъ рѣшаетъ загадочный вопросъ о народности „Руси“ арабскихъ писателей, особенно Руси Ибнъ-Фодлана. Ибнъ-Фодланъ былъ отправленъ халифомъ Сулейманомъ въ свитѣ посольства къ новообращеннымъ въ мусульманство Волжскимъ Булгарамъ и прибылъ въ Булгаръ въ маѣ 922 года. Плодомъ этого путешествія было составленное Фодланомъ обстоятельное описаніе разныхъ народовъ и, между ними, Русовъ, пріѣзжавшихъ для торговли въ Булгаръ, заключающее въ себѣ много любопытнѣйшихъ данныхъ объ этомъ народѣ. Записку Фодлана причисляютъ къ числу самыхъ важныхъ литературныхъ произведеній арабовъ о Восточной Европѣ. Но „самый важнѣйшій вопросъ, возникающій при чтеніи извѣстій Фодлана о Русахъ, а именно кто были эти Русы, Норманны или Славяне? до сихъ поръ не рѣшенъ¹⁾“. Въ настоящее время, когда народность черниговскихъ кургановъ съ кострищами не можетъ подлежать сомнѣнію, вопросъ о народности Фодлановыхъ Русовъ рѣшается простымъ сопоставленіемъ его описанія обрядовъ погребенія, господствовавшихъ у Русовъ въ X вѣкѣ, съ обрядами погребенія, открытыми въ курганахъ Черниговской, Курской и Харьковской губерній. Въ общемъ и въ частностяхъ обрядъ описанный Фодланомъ и обрядъ Черниговскихъ кургановъ сходны до такой степени, что несомнѣнно принадлежатъ одному народу. По Фодлану, господствующимъ способомъ похоронъ у Русовъ X вѣка, пріѣзжавшихъ для торговли въ Булгаръ, было сожженіе труповъ, при чемъ различаются похороны бѣдныхъ людей, похороны богатыхъ людей и похороны начальниковъ или князей. „Бѣдному чело­вѣку“, говоритъ Фодланъ, „дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, кладутъ его туда и сожигаютъ его; у богатаго же они собираютъ его имущество и раздѣляютъ его на три

¹⁾ Гаркави. Сказанія мусульманскихъ пис. о слав. и русск. ст. 82—84 и 110.

части, треть даютъ семьѣ, за треть кроютъ ему одежду, а за треть покупаютъ горячій напитокъ, который они пьютъ въ тотъ день, когда его дѣвушка убиваетъ себя и сожигается вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ: со своими начальниками, при смерти ихъ, они дѣлаютъ, говорили мнѣ, такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе, почему я очень желалъ присутствовать при этомъ, когда я узналъ про смерть знатнаго у нихъ человѣка. Они положили его въ яму и накрыли ее крышкой; онъ оставался такъ въ продолженіе десяти дней, пока не кончили кроенія и шитья одежды его. Семья его говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ: кто изъ васъ умретъ съ нимъ? и ктонибудь изъ нихъ говоритъ: я. Когда онъ такъ сказалъ, то это уже обязательно для него, ему никакъ непозволительно обратиться вспять, и, еслибъ даже онъ желалъ, это не допускается; большею частью дѣлаютъ это дѣвушки. Посему, когда умеръ вышеупомянутый человѣкъ (начальникъ или князь), то сказали его дѣвушкамъ: кто умретъ съ нимъ? и одна изъ нихъ отвѣтила: я. Посему назначили двухъ дѣвусекъ, которыя бы стерегли ее, и были бы съ ней, куда бы она ни пошла, иногда даже онѣ моютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ они взяли за кройку мертвому одежды и приготовленіе ему нужнаго. Дѣвушка же пила и пѣла, веселясь и радуясь. Когда же наступилъ день для сожженія его и дѣвушки, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло его судно, и вотъ! оно уже было вытаснено (на берегъ) и для него сдѣлали четыре подпоры изъ дерева, а вокругъ поставили деревянные изображенія, подобныя великанамъ. Судно они потащили на эти столбы и начали ходить взадъ и впередъ и говорить слова мнѣ непонятныя, а мертвецъ еще былъ въ своей могилѣ. Затѣмъ принесли скамью, поставили ее на судно и покрыли ее вышитыми коврами, румскимъ дибаджемъ и подушками изъ румскаго же дибаджа. Затѣмъ пришла старая женщина, которую называютъ ангеломъ смерти, и выстлала на скамью все вышеупомянутое, она же управляетъ питьемъ и приготовленіемъ его.

Послѣ того они пришли къ могилѣ его, сняли крышку, вынули мертвеца въ покрывалѣ, въ коемъ онъ умеръ. Они прежде поставили съ нимъ въ могилу горячій напитокъ, плоды и лютию (или балалайку); теперь же они вынули все это. Онъ ни въ чемъ, кромѣ цвѣта, не перемѣнился. Ему надѣли шаравары, носки, сапоги, куртку и кафтанъ изъ дибаджа съ золотыми пуговицами, надѣли ему на голову калансуву изъ дибаджа съ соболемъ, понесли его въ палатку, которая находилась на суднѣ, посадили его на коверъ и подперли его подушками; принесли горячій напитокъ, плоды и благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также мясо, хлѣбъ и лукъ и бросили предъ нимъ, принесли также собаку, разсѣкли ее на двѣ части и бросили въ судно. Затѣмъ принесли все его оружіе и положили о бокъ ему; затѣмъ взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, затѣмъ ихъ разрубили мечами и мясо ихъ бросили въ судно; затѣмъ привели двухъ быковъ, также разрубили ихъ и бросили въ судно; затѣмъ принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и бросили туда же. Когда настало среднее время между

полуднемъ и закатомъ, въ пятницу, повели они дѣвушку къ чему-то, сдѣланному ими на подобіе карниза у дверей, она поставила ноги на руки мужчинъ, поднялась на этотъ карнизъ, сказала что то на своемъ языкѣ и была спущена, подняли ее вторично, она сдѣлала тоже самое, что въ первый разъ и ее спустили, подняли ее въ третій разъ и она дѣлала, какъ въ первые два раза. Потомъ подали ей курицу, она отрубила ей головку и бросила ее, курицу же взяли и бросили въ судно. Я же спросилъ толмача объ ея дѣйствіи, и онъ мнѣ отвѣтилъ: въ первый разъ она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою“! во второй разъ: „вотъ вижу всѣхъ умершихъ родственниковъ сидящими“! въ третій же разъ сказала она: „вотъ вижу моего господина сидящимъ въ раю, а рай прекрасенъ зеленъ; съ нимъ находятся взрослые мужчины и мальчики, онъ зоветъ меня, посему ведите меня къ нему“. Ее повели къ судну, она сняла запястья, бывшія на ней, и подала ихъ старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти. Затѣмъ сняла она пряжки, бывшія на ея ногахъ и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей; онѣ же дочери извѣстной подъ названіемъ ангела смерти. Потомъ ее подняли на судно, но не ввели въ палатку, и мужчины пришли со щитами и палками и подали ей кружку съ горячимъ напиткомъ, она пѣла надъ нею и выпила ее, толмачъ же сказалъ мнѣ, что этимъ она прощается со своими подругами. Затѣмъ дали ей другую кружку, которую она взяла и запѣла длинную пѣсню; старуха же торопила ее выпить кружку и войти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ее въ нерѣшимости, она желала войти въ палатку и всунула голову между палаткой и судномъ; старуха же взяла ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать палками по щитамъ, для того, чтобы не слышны были звуки ея криковъ, и чтобы это не удержало другихъ дѣвушекъ и онѣ не пожелають умереть со своими господами. Затѣмъ вошли въ палатку шесть человѣкъ, простерли дѣвушку о бокъ съ ея господиномъ-мертвецомъ, двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха, называемая ангеломъ смерти, обвила ей вокругъ шеи веревку, противоположные концы которой она дала двумъ, чтобы они тянули, подошла съ большимъ ширококлиннымъ кинжаломъ и начала вонзать его между реберъ ея и вынимать его, а тѣ двое мужчинъ душили ее веревкой, пока она не умерла. Затѣмъ подошелъ ближайшій родственникъ этого мертвеца, взялъ кусокъ дерева и зажегъ его, пошелъ вснять къ судну, держа въ одной рукѣ кусокъ дерева, пока не зажегъ того дерева, которое они расположили подъ судномъ. Послѣ того подошли остальные люди съ деревомъ и дровами, каждый имѣлъ зажженный кусокъ дерева, который онъ бросилъ въ эти дрова, и огонь охватилъ дрова, затѣмъ судно, потомъ палатку съ мужчиной (мертвецомъ), дѣвушкой, и всѣмъ въ ней находящимся, потомъ подулъ сильный вѣтеръ, пламя огня усилилось и все болѣе разжигалось неукротимое воспламененіе его. Не прошло и часа, какъ судно, дрова, умершій мужчина и дѣвушка совершенно превратились въ пепель. Потомъ построили они на мѣстѣ (стоянки) судна, когда его вытащили изъ рѣки,

что-то подобное круглому холму, вставили въ средину дерево, написали на немъ имя умершаго человѣка и имя русскаго царя и удалились ¹⁾“.

Таковы показанія Ибнъ-Фодлана о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Русовъ, гостей, видѣнныхъ Фодланомъ въ Булгарѣ, въ первой четверти X вѣка. Выбросивъ въ этомъ разсказѣ все, что относится къ слову и дѣйствию людей при погребеніи, что не можетъ сохраниться въ курганахъ, мы получимъ, такъ сказать, матеріальную сторону погребенія Фодлановыхъ Русовъ, вполне соответствующую обряду похоронъ, раскрытому въ черниговскихъ курганахъ, принадлежащихъ сѣверянскому племени.

Тремъ видамъ погребенія Русовъ, по Фодлану, соответствуютъ въ землѣ Сѣверянъ 3 вида кургановъ, различающихся по величинѣ и содержанію. Курганы, заключающіе въ себѣ сосуды со жжеными человѣческими костями, не превышающіе 3 аршинъ высоты и 40 аршинъ окружности основанія, очевидно, могилы людей незнатныхъ, небогатыхъ. Черниговскіе, Сѣдневскіе и Стародубскіе курганы съ кострищами, въ которыхъ не было найдено военныхъ доспѣховъ, не превышающіе 8 аршинъ отвѣсной высоты и 100 аршинъ въ окружности основанія, соответствуютъ могиламъ знатныхъ лицъ, и, наконецъ, Черная могила, курганы Гульбище и княжны Черны, соответствуютъ могиламъ начальниковъ. Обрядъ сожженія начальника Русовъ въ Булгарѣ, какъ будто списанъ съ обряда погребенія, открытаго въ Черниговскихъ курганахъ большой величины. Если мы прибавимъ къ этому, что, до настоящаго времени нигдѣ, кромѣ земли Сѣверянъ, не встрѣчено кургановъ, которые бы съ такою точностію соответствовали описанію Фодлана, то сѣверянская народность Фодлановыхъ Русовъ сдѣлается намъ очевидною. Сказаннымъ о значеніи курганныхъ изслѣдованій, мы пока ограничимся; но и сказаннаго довольно.

Степень культуры даннаго народа выражается въ формахъ и условіяхъ его общественнаго и домашняго быта; но объ этихъ формахъ въ отношеніи Сѣверянъ языческой эпохи лѣтописные источники не сообщаютъ никакихъ свѣдѣній. Въ противоположность тому, древнія земляныя насыпи представляютъ богатѣйшій матеріалъ къ восстановленію формы политическаго быта Сѣверянъ языческой эпохи, ихъ общихъ обычаевъ, количества поселеній, образа жизни, домашней обстановки, занятій, костюма, вооруженія, торговыхъ сношеній, вѣрованій. И, смѣемъ предположить, что чѣмъ долѣе будутъ продолжены изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей, тѣмъ богаче и положительнѣе будутъ знанія наши о бытѣ Славянъ языческой эпохи, о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи. Если у Сѣверянъ языческой эпохи находимъ остатки укрѣпленій, а при нихъ общественныя кладбища, могилы начальниковъ, общіе обычаи погребенія, множество разнообразныхъ вещей, положимъ даже, пріобрѣтенныхъ торговлею, то они уже „не живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто“, не были дикимъ, звѣроподобнымъ народомъ, какимъ ихъ

¹⁾ Тамже, ст. 96 и слѣд.

представляли себѣ Гебгарди, Шлецеръ, Карамзинъ, а за ними, и новѣйшіе историки. Это былъ народъ съ политическими союзами, земледѣльческій, культурный. Славяне языческой эпохи представляются намъ не разсѣянными, полудикими племенами, а сплоченными въ политическіе союзы, значительно образованными народами. Отсюда понятнымъ дѣлаются извѣстія нашей лѣтописи о княженіяхъ языческой эпохи: у Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Новгородцевъ, Полочанъ, Кривичей, Сѣверянъ; о народныхъ собраніяхъ „изначала“ у Новгородцевъ, Смольнянъ, Кіевлянъ, Полочанъ и въ другихъ древнеславянскихъ волостяхъ, о князьяхъ славянскихъ языческой эпохи „яже держаху“, избравшую ихъ землю; понятно извѣстіе Баварскаго землеписца о нѣсколькихъ тысячахъ городовъ, существовавшихъ у русскихъ Славянъ въ IX вѣкѣ и т. д. Все это дѣйствительныя, историческіе факты, а не „глупыя выдумки“ невѣжественныхъ переписчиковъ нашей лѣтописи, какъ думали прежніе наши историки.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДИЩЪ.

Рефератъ Д. Я. Самохвасова.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій ученые путешественники стали замѣчать по берегамъ рѣкъ и озеръ современной Россіи остатки земляныхъ укрѣпленій, валовъ и рововъ, которые повсѣмѣстно называемы были народомъ городищами или городками.

На основаніи народныхъ преданій о городищахъ, какъ о мѣстахъ нѣкогда бывшихъ городовъ, и на основаніи наружной конструкціи слова городище, соответствующей словамъ селище, дворище и монастырище, эти памятники были признаны учеными остатками городовъ, въ смыслѣ укрѣпленій. Такъ, между прочимъ, объяснено значеніе городищъ въ географическомъ словарѣ Щекатова, изданномъ въ 1803 году: „городище значитъ такое мѣсто, гдѣ прежде сего бывалъ городъ или какое укрѣпленіе ¹⁾“.

Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія польскій ученый Адамъ Чарноцкій, извѣстный въ наукѣ подъ псевдонимомъ Зоріана Доленги Ходаковскаго, первый обратилъ вниманіе на громадное количество сохранившихся городищъ и, подъ вліяніемъ господствовавшей въ наукѣ теоріи о разсѣянной жизни древнихъ славянъ и отсутствіи у нихъ городовъ до времени призванія Рюрика, поторопился дать городищамъ новое объясненіе. „Утверждаютъ, объявилъ Ходаковскій, что городища должны быть остатками древнихъ городовъ. Но уже Шлецеръ училъ насъ, что въ Россіи до половины IX вѣка не было ни одного города; по сказанію Юрнанда, Славяне жили не въ городахъ, а въ дѣрахъ и болотахъ. Сіи однохарактерные окопы, всегда имѣющіе входъ съ востока, насыпанные изъ чернозема, однообразной формы, должны быть признаны мѣстами языческаго богослу-

¹⁾ Географ. Словарь Рос. Госуд. ч. II; ст. 70; часть IV, ст. 700.

женія древнихъ Славянъ, нашими lucus, священными насыпями, ограждавшими посвященныя многобожію мѣста ¹⁾“. Не смотря на неясность теоріи Ходаковскаго, богослужбное значеніе городищъ было признано наукою. Шафариѣ ²⁾, отчасти Срезневскій ³⁾ и особенно Погодинъ ⁴⁾ приняли и прославили теорію Ходаковскаго. Между тѣмъ каждое изъ новѣйшихъ изслѣдованій городищъ въ натурѣ подрывало основы ихъ богослужбнаго значенія, и въ настоящее время вопросъ объ историческомъ значеніи городищъ можетъ быть рѣшенъ не на основаніи голословныхъ предположеній, а положительно, на основаніи неоспоримыхъ фактовъ.

Тотчасъ по напечатаніи теоріи Ходаковскаго объ историческомъ значеніи городищъ, русскіе археологи: Калайдовичъ и Кеппенъ высказались противъ нея. Калайдовичъ осмотрѣлъ 12 городищъ Рязанской губерніи и вынесъ убѣжденіе, что они представляютъ собою памятники древнихъ городовъ ⁵⁾. Кеппенъ, осмотрѣвъ нѣсколько городищъ въ земляхъ западныхъ Славянъ, писалъ оттуда: „городищъ, каковыя находитъ г. Ходаковскій, я не встрѣтилъ ни въ Славоніи, ни въ Сирміи. Здѣсь градищами называются развалины древнихъ замковъ ⁶⁾“. Пассекъ осмотрѣлъ до 15 городищъ въ Харьковской губерніи и пришелъ къ заключенію, что они представляютъ собою остатки городовъ Россіи до татарскаго времени ⁷⁾. Графъ Уваровъ, въ своемъ изслѣдованіи „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“, въ отдѣленіи „о жилищахъ“, между прочимъ замѣчаетъ: „городища, о прямомъ значеніи которыхъ доселѣ ничего неизвѣстно, служили укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей“; а въ отдѣленіи „о предметахъ религіознаго вѣрованія“ добавляетъ: „не смотря на количество изслѣдованныхъ мѣстностей, мы нигдѣ не нашли ясныхъ указаній на существованіе особыхъ мѣстъ для религіозныхъ обрядовъ, для капищъ и для жертвоприношеній ⁸⁾“. Но, не смотря на эти замѣчанія специалистовъ, большинство ученыхъ оставалось при воззрѣніи на городища, проведенномъ въ науку Ходаковскимъ.

Въ 1872 году я читалъ записку въ Петерб. Геогр. Общ. и Москов. Археолог. о количествѣ городовъ въ Россіи до татарскаго времени, въ которой старался доказать, что въ Россіи до татарскаго времени существовало не 350 городовъ, какъ это утверждали

¹⁾ Жур. Мин. Н. П. 1838 г. № 12, ст. 488. Рус. Ист. Сбор. 1844 г., т. VII, ст. 10; т. III, кн. III, ст. 51 и слѣд., т. I, кн. III, ст. 11 и 13.

²⁾ Слав. Древн. т. I, кн. I, ст. 371; кн. II, стр. 396.

³⁾ Запис. Одес. Общ. Ист. и Древ. т. II, ст. 533.

⁴⁾ Изслѣд. Замѣч. и Лек. т. II, стр. 400 и слѣд.

⁵⁾ Письма объ арх. изс. въ Рязан. губ. № 4, стр. 61.

⁶⁾ Сѣвер. Арх. 1823 г., № 1, стр. 25.

⁷⁾ Очерки Россіи 1840 г., кн. II, ст. 197.

⁸⁾ Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ, ст. 47, 94, 97.

истории до настоящаго времени, а нѣсколько тысячъ. Городища, по моему мнѣнію, должны представлять собою остатки этихъ городовъ. Мои заключенія встрѣтили возраженія со стороны господъ: Погодина, Калачова, Бычкова, Срезневскаго, Саввантова и Богословскаго. Въ пользу моего мнѣнія, изъ присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ ученыхъ и принявшихъ участіе въ преніяхъ, высказался только графъ Уваровъ. Всѣ возраженія противъ моихъ выводовъ о значеніи городищъ сводились къ тому, что городища слишкомъ малы и слишкомъ многочисленны для того, чтобы признать въ нихъ остатки древнихъ городовъ. Тогда я рѣшился провѣрить путемъ личнаго изслѣдованія городищъ воззрѣніи на эти памятники, высказанныя въ нашей ученой литературѣ и разъяснить вопросъ историческаго значенія городищъ, такъ сказать, на основаніи личнаго опыта. Для этой цѣли я старался собрать всѣ указанія на значеніе городищъ въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ и провѣрить эти указанія изученіемъ формъ сохранившихся городищъ въ натурѣ. Я имѣлъ въ виду слѣдующее заключеніе. Вопросъ о значеніи городищъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи изученія смысла, въ какомъ слово городище встрѣчается въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ, и на основаніи формъ и содержимаго городищъ въ натурѣ. Если въ лѣтописяхъ и актахъ слову городище соотвѣтствуетъ извѣстное значеніе, а мѣстное изслѣдованіе сохранившихся городищъ подтверждаетъ правильность пониманія смысла выраженій писанныхъ памятниковъ, то предположенія должны уступить мѣсто силѣ положительныхъ фактовъ, и вопросъ объ историческомъ значеніи городищъ долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какой даютъ городищу древнія лѣтописи и акты. Древнія лѣтописи и акты даютъ намъ слѣдующіе факты.

По паружной конструкціи слово городище соотвѣтствуетъ словамъ: монастырище, селище и дворище. Въ самыхъ древнихъ, изъ дошедшихъ до насъ, памятникахъ слова: городъ, монастырь, село и дворъ выражаютъ собою различные роды народныхъ поселеній; тѣ же слова, съ измѣненіемъ окончанія на *ище*, означаютъ оставленныя мѣста различныхъ родовъ народныхъ поселеній, нежилыя, запустѣвшія. Монастырище означаетъ мѣсто, на которомъ нѣкогда стоялъ монастырь; селище означаетъ мѣсто, на которомъ прежде было село; дворище означаетъ мѣсто, гдѣ былъ дворъ, соотвѣтственно тому городище должно означать мѣсто бывшаго города.

И дѣйствительно, въ лѣтописяхъ и актахъ слову городище соотвѣтствуетъ только одно значеніе,—значеніе мѣста бывшаго города. Повѣсть временныхъ лѣтъ, передавая народное преданіе о походѣ въ Грецію Кія, перваго князя Кіевскаго, высказываетъ: „идущу же ему оиать, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ и не даша ему ту близъ живущіе, еже и до нынѣ наричють Дунайцы *городище* Кіевецъ¹⁾“. Діаконъ Игнатій, въ описаніи путешествія митрополита

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, ст. 4.

Пимена въ Царьградъ, даетъ слову городище тоже значеніе: „во вторникъ же, говоритъ онъ, Серклію градъ минухомъ пловуще, *не градъ же убо, но точію городище* 1)“. Въ одномъ мѣстѣ книги Большаго Чертежа читаемъ: „Бѣлгородъ стоялъ на Донцѣ, на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, а послѣ Литовска разоренія перенесенъ на другую сторону Донца, *отъ стараго городища на 380 сажень* 2)“. Нынѣ подъ Бѣлгородомъ имѣется два городища: одно на Бѣлой горѣ, на правой сторонѣ Донца, другое на лѣвой, въ разстояніи 380 сажень отъ перваго. Въ другомъ мѣстѣ книги Большаго Чертежа, послѣ перечисленія нѣкоторыхъ деревень за Волгою сказано: „а за тѣми деревнями и до Сибирскаго камня *жиля* никакого *нѣтъ; есть пустыя городища* чудскія, Манворъ и иныя 3)“. Въ отвѣтѣ Менгли-Гирея Ивану Васильевичу III 1492 года говорится: „я съ братомъ моимъ великимъ княземъ всегда одинъ человекъ и строю теперь при устьи Днѣпра, *на старомъ городищѣ новую крѣпость*, чтобы оттуда вредить Польшѣ 4)“. Наконецъ, въ собраніи рукописей графа Толстаго № 65 озаглавленъ такъ: „описаніе о начатіи города Чернаго Яра и о *спорѣхъ* перваго города, которое мѣсто нынѣ называется *городищемъ* 5)“.

Съ другой стороны, ни въ лѣтописяхъ, ни въ древнихъ актахъ мы не находимъ много значенія слова городище, кромѣ значенія мѣста бывшаго города. Соответственно указаніямъ письменныхъ памятниковъ, по донесеніямъ волостей, полученныхъ нынѣ уже изъ 45 губерній, народныя преданія о множествѣ сохранившихся городищъ, утверждаютъ, что городища суть остатки нѣкогда бывшихъ городовъ; иногда называются самыя имена исчезнувшихъ городовъ, не извѣстныхъ по другимъ источникамъ.

Желая убѣдиться, соотвѣтствуютъ ли сохранившіяся городища по своимъ формамъ и мѣстоположенію характеру оборонительныхъ укрѣпленій, я осмотрѣлъ до 70 городищъ въ губерніяхъ: Петербургской, Новгородской, Московской, Курской, Черниговской, Харьковской и Кіевской 6) и получилъ слѣдующіе результаты.

1) Ист. Гос. Рос. Карамзина т. V, ст. 133.

2) Книга Боль. Черт. ст. 24.

3) Тамже ст. 149.

4) Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. VI, ст. 146.

5) Собр. рукоп. графа О. А. Толстаго, отд. V, № 65.

6) Я осмотрѣлъ городища въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Четыре городка на лѣвомъ берегу р. Невы: 1 съ селеніи Усть-Ижорѣ, 1 въ двухъ верстахъ отъ с. Вознесенскаго или Корчина, по дорогѣ въ д. Новое, на Шереметьевомъ полѣ, 1 въ с. Ивановскомъ и 1 у с. Петручкина. Одинъ городокъ на лѣвомъ берегу р. Назы, у д. Апраксинъ Городокъ. Городище на лѣвомъ берегу р. Лавы у д. Городища. Четыре городища на рѣкѣ Волховѣ: 1 въ Старой Ладогѣ, 1 въ двухъ верстахъ отъ Старой Ладогѣ внизъ по теченію Волхова, при устьи Короповскаго ручья; 1 у д. Дубовики, въ 9 верстахъ отъ Старой Ладогѣ, вверхъ по Волхову и 1 у с. Городища, при впаденіи въ Волховъ ручья Солоника. Пять городищъ въ окрестностяхъ Новго-

Всѣ сохранившіяся древнія земляныя насыпи, извѣстныя въ народѣ подѣ названіемъ городищъ и городковъ, по знѣшнимъ формамъ, указывающимъ на эпоху ихъ происхожденія, могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) городища съ правильными, угловатыми очертаніями, съ выступами или бастіонами по угламъ, для помѣщенія орудій, относящіяся къ періоду послѣ введенія въ употребленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ и 2) городища безъ бастіоновъ, съ кругообразными очертаніями, относящіяся къ періоду до изобрѣтенія пороха и пушекъ. Городища древнѣйшей формы, за немногими исключеніями, расположены обыкновенно на наиболѣе высокихъ пунктахъ возвышенныхъ побережій, защищены съ двухъ или съ трехъ сторонъ естественными оврагами или крутыми спусками къ рѣкѣ, а со стороны, примыкающей къ ровному, открытому полю, обведены искусственными укрѣпленіями, валами и рвами. Немногія городища, какъ рѣдкія исключенія, помѣщены на мѣстахъ низменныхъ, на лугахъ, и въ такомъ случаѣ, всегда на мѣстахъ со всѣхъ сторонъ окруженныхъ или окружавшихся водою. Городищъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, я нигдѣ не встрѣчалъ. ✕

Внутреннія части или площади городищъ, расположенныхъ на высокихъ побережьяхъ, всегда представляютъ собою отрѣзки горъ, отдѣленные отъ прилегающаго поля насыпными валами и выкопанными рвами, а со стороны естественныхъ укрѣпленій ровно обрѣзанные, такъ что подходъ къ городищамъ съ луговой стороны очень труденъ, а подъѣздъ невозможенъ.

рода и Старой Русы: Холопій городокъ въ 8 верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу р. Волхова, городище въ верстѣ отъ Новгорода, противъ предмѣстья Славки, городокъ у д. Сергіева, въ 6 верстахъ отъ почтовой станціи Борки, городокъ въ верстѣ отъ с. Бронницы, городокъ въ Старорусскомъ уѣздѣ, у д. Варяско, на р. Ловати. Дьяконово городище подѣ Москвою, въ с. Дьяконовѣ, на берегу р. Москвы. Городище на берегу р. Рати у д. Городища. Городище на р. Курѣ у д. Гнѣздиловой. Пятнадцать городищъ на р. Сеймѣ: 2 подѣ Курскомъ у д. Толмачевой, 1 у с. Полеваго, 1 у с. Краснаго, 1 въ Путивлѣ, 1 у д. Уцкой, 1 у д. Ширяевой, 1 у с. Гончарь, 1 у с. Линова, 2 у Софроніевской пустыни, 1 у с. Буякова, 2 у с. Горокъ, 1 между х. Стонами и с. Горками и 1 между сс. Теткинымъ и Поповкою. Городище на 5 верстѣ отъ Софроніевской пустыни, по дорогѣ въ Путивль, на берегу высохшаго безъимяннаго ручья, впадавшаго въ Сеймъ. Городище на берегу р. Выря у с. Ворожбы. Три городища на берегу р. Псла: 2 у Николаевской Бѣлогорской пустыни и 1 у с. Рыбицы. Два городища подѣ Бѣлгородомъ на берегу р. Сѣвернаго Донца. Одинадцать городищъ на берегу р. Десны: три между г. Новгородсѣверскомъ и с. Команемъ, 1 у с. Араповичей, 2 у д. Юхнова, 2 у с. Горбова, 1 у с. Дегтяревки, 1 у с. Мезена и 1 при впаденіи Снови въ Десну у с. Брусилова. Три на р. Малотечнѣ: у д. Кудлаевки, у с. Стахорцины и у с. Бугриновки. Городище на р. Варѣ у д. Городища. Городище на берегу Судости у д. Чубарова. Два городища подѣ Стародубомъ, на берегу р. Бабинича: 1 у с. Мериновки и 1 у с. Левинки. Городище на рѣкѣ Снови у мѣст. Сѣднева. Семь городищъ на берегу Днѣпра: въ Вышгородѣ, у Китаевской пустыни, у с. Пирогова, въ мѣст. Триполья, у д. Халецья, у с. Стайки и въ с. Витичевѣ.

Величина площади, большей части осматрѣнныхъ мною городищъ, измѣняется отъ 300 до 500 шаговъ въ окружности; но встрѣчаются меньшія до 200 и большія до 1000 шаговъ въ окружности.

Поверхность площади, за исключеніемъ городищъ застроенныхъ или занятыхъ кладбищами въ повѣйшее время, ровная, иногда поросшая лѣсомъ, часто распахана подъ посѣвы.

Форма площади разнообразна: городище на р. Лавѣ Петербург. губ. и Короповскій городокъ на Волховѣ, въ 2 верстахъ отъ Ладоги—треугольной формы; Сергіевскій городокъ подъ Новгородомъ формы правильнаго полукруга; Дьяконово городище подъ Москвою, Кудлаевское и Тайкино въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниг. губ., на р. Малотечнѣ формы почти правильныхъ круговъ; два Юхновскихъ городища на Деснѣ—лицеобразной формы и т. д. Входъ въ городища обыкновенно помѣщенъ съ той стороны, которая примыкаетъ къ открытому, ровному полю, отдѣленному отъ площади городищъ искусственными укрѣпленіями. Направленіе его опредѣляется мѣстными условіями. Такъ, напр. Кудлаевское городище окружено съ сѣвера, запада и юга крутыми спусками къ рѣкѣ и глубокими оврагами, по которымъ подниматься на городище очень трудно, а потому входъ этого городища обращенъ на востокъ, со стороны, гдѣ городище примыкаетъ къ открытому полю, къ ровной поверхности. Тайкино городище въ двухъ верстахъ отъ Кудлаевскаго, на той же рѣкѣ, находится въ естественныхъ обратныхъ условіяхъ примыкая къ открытому полю только съ запада, оно и входъ имѣетъ съ этой стороны. Бронницкій городокъ подъ В. Новгородомъ, помѣщенный на высокой конусообразной горѣ, наиболѣе покатой съ сѣверной стороны, обращенъ входомъ на сѣверъ и т. д. Вышнія искусственныя укрѣпленія городищъ состоятъ изъ рововъ и валовъ. Въ большинствѣ случаевъ городища окружены только однимъ валомъ, съ наружной стороны оцепленнымъ однимъ ровомъ, но встрѣчается ихъ и болѣе. Количество валовъ совпадаетъ съ количествомъ рововъ. Во многихъ городищахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ площади городищъ и прилегающія къ нимъ поля издавна распахиваются подъ посѣвы, рвы уже засыпаны, но бытность ихъ открывается раскопкою прилегающихъ къ валамъ мѣстностей.

Разрывая пробныя ямы на осматрѣнныхъ мною городищахъ, я замѣтилъ, что составъ валовъ зависитъ отъ состава почвы въ той мѣстности, гдѣ расположено городище. Такъ, въ составѣ городищныхъ валовъ, лежащихъ на мѣловыхъ горахъ, преобладаетъ мѣлъ, въ составѣ городищъ, лежащихъ въ глинистыхъ и песчаныхъ мѣстностяхъ, преобладаетъ глина и песокъ, наконецъ, въ городищахъ, лежащихъ въ мѣстностяхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ чернозема, преобладаетъ черноземъ. Площадь городищъ покрыта слоемъ щебня, перегной растительныхъ веществъ, по толщинѣ различнымъ и подобнымъ щебню на дворищахъ и селищахъ новѣйшаго времени. Вездѣ встрѣчается множество глиняныхъ черепковъ различнаго состава, кости, битый дикій камень, иногда кирпичъ, уголь, зола

и вещи домашней обстановки. Въ обрушившемся валѣ Дьяконовскаго городища подѣ Москвою, найдена крестьянами цѣлая куча бронзовыхъ вещей, часть которыхъ, доставшаяся на долю одному изъ нашедшихъ крестьянъ и купленная мною, представляетъ собою древнія бронзовыя украшенія; остальные вещи, проданныя крестьянами какому то прохожимъ евреямъ, по описанію крестьянъ, были подобны вещамъ уцѣлѣвшимъ. При прорытіи мною въ томъ же городищѣ пробной ямы, найдены разные черепки красной, бѣлой и черной глины, кости животныхъ, битый камень, кирпичъ, уголь, зола, нѣсколько желѣзныхъ гвоздей и два маленькихъ глиняныхъ сосуда. При прорытіи двухъ пробныхъ ямъ въ Бѣлогорскомъ городищѣ, Суджанскаго уѣзда, на р. Пселѣ встрѣчены между прочимъ: четыре глиняныхъ бусы, четыре заостренные кости, заостренный кабаній клыкъ, обрѣзанный острымъ орудіемъ рогъ, маленький глиняный сосудъ, желѣзный ножикъ, бронзовый со стекломъ перстень и каменное точило или небольшой жерновъ. При раскопкѣ Волокитинскаго городища, въ Глуховскомъ уѣздѣ, на р. Клевени между прочимъ найдено: нѣсколько бусъ, заостренные кости и желѣзный топоръ; на томъ же городище найдены крестьянами желѣзный кипжаль. При раскопкѣ пробной ямы на Юхновскомъ городищѣ, найдено 16 глиняныхъ, конусообразныхъ слѣпковъ, нѣсколько гвоздей, три заостренныхъ кости и четыре грузовыхъ шарика. На городищѣ при д. Дурняхъ, Чернигов. уѣзда часто находятъ разнаго рода желѣзныя орудія, ножики, треугольныя стрѣлы, кресты и бронзовыя кольца. На городищѣ у Софроньевскаго монастыря найдено 3 желѣзныхъ наконечника стрѣлъ. На городищѣ Ратскомъ найдены 36 бусъ различнаго состава, 7 праслицъ, бронзовый витой браслетъ, 3 куска различнаго узора стекляныхъ браслетъ, 6 желѣзныхъ наконечниковъ стрѣлъ, оселокъ, два желѣзныхъ ножа, 3 желѣзныхъ и 2 бронзовыхъ кольца, рѣзная кость, 2 бронзовыхъ креста и одинъ серебряный.

Я не имѣлъ возможности раскопать во всей цѣлости ни одного городища; но сдѣланныя мною пробныя ямы на нѣкоторыхъ изъ нихъ не допускаютъ сомнѣнія, что щебень, покрывающій внутреннюю часть городищъ, кости домашнихъ птицъ и рыбъ, глиняные черепки отъ различныхъ сосудовъ, битый дикій камень и кирпичъ, уголь и зола, лежащіе обширными пластами (возникновеніе которыхъ можетъ быть объяснено только сожженіемъ построекъ, нѣкогда стоявшихъ на городищѣ) указываютъ на городища, какъ на памятники древнихъ народныхъ поселеній, укрѣпленные центры селитьбъ древнихъ обитателей Россіи.

Противъ сказаннаго вывода о значеніи городищъ обыкновенно дѣлаютъ слѣдующія возраженія: городища слишкомъ многочисленны и слишкомъ малы для того, чтобы признавать въ нихъ памятники древнихъ городовъ. Въ виду такого возраженія необходимо знать, что такое древне русскій городъ. Дѣйствительно, еслибы было сказано, что десятки тысячъ сохранившихся городищъ суть памятники городовъ въ новѣйшемъ смыслѣ—это была бы ошибка. Но древне русскій городъ и нынѣшній двѣ вещи различныя. Въ лѣто-

писяхъ и древнихъ актахъ читаемъ слѣдующія выраженія: „сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою, надъ Калкомъ, и ту створи городъ оволо себѣ въ волѣхъ и бися съ ними изъ города того ¹⁾“, „приде въ Дунаеви, възлюбѣ мѣсто и сруби градовъ малъ ²⁾“; „Павель посадникъ заложи Ладогу, городъ Камень ³⁾“; „а будетъ въ Московскомъ государствѣ каменныхъ городовъ, кромѣ монастырей, съ 20 городовъ ⁴⁾“; „нача ставити города по Деснѣ, и по Востри и по Трубежеви, и по Сулѣ и по Стугнѣ; и поча набирати мужи лучшіе отъ Словенъ и отъ Кривичъ, и отъ Чуди и отъ Вятчъ и отъ сихъ насели грады ⁵⁾“ и т. д. Изъ сличенія этихъ и подобныхъ имъ мѣстъ видно, что городомъ называлось въ древности всякое укрѣпленіе и всякій укрѣпленный пунктъ народнаго поселенія. Городовъ въ послѣднемъ смыслѣ, въ смыслѣ укрѣпленныхъ пунктовъ народнаго поселенія въ древности было несравненно болѣе, чѣмъ теперь.

Въ моемъ изслѣдованіи о древнихъ городахъ Россіи собраны свидѣтельства источниковъ, доказывающія, что въ Россіи до татарскаго времени существовало нѣсколько тысячъ городовъ ⁶⁾. Баварскій землеписецъ въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка насчитываетъ у русскихъ Славянъ болѣе 4000 городовъ ⁷⁾. Въ древности невозможно было жить такъ открыто, какъ мы живемъ нынѣ въ нашихъ городахъ, селахъ, деревняхъ и хуторахъ. Мы имѣемъ множество полицейскихъ агентовъ, имѣемъ газеты и журналы. Эти учрежденія извѣщаютъ насъ въ случаѣ появленія непріятеля на нашей территоріи, мы очистимъ путь непріятелю и уйдемъ въ безопасныя мѣста заблаговременно. Условія войны такъ измѣнились, что мы можемъ въ извѣстныхъ случаяхъ оставаться въ виду непріятеля, на мѣстахъ постояннаго нашего жительства, не рискуя потерять жизнь и имущество. Не то было въ древности. Полицейскихъ агентовъ и газетъ не существовало. Непріятель въ извѣстной мѣстности появлялся нечаянно; по условіямъ войны того времени сожигалъ и убивалъ все, что попадалось подъ руку. Единственными средствами безопасности были сторожевыя пункты, сторожа и укрѣпленія, въ которыя скрывались поселяне отъ непріятеля по первому знаку сторожа. Каждое, даже маленькое поселеніе, состоящее изъ 200, 300 человѣкъ, удаляясь отъ крѣпости на нѣсколько верстъ, должно было обезопасить свое существованіе построеніемъ собственной крѣпости, собственнаго города. Сказаннымъ я объясняю количество сохранившихся городищъ и ихъ малую величину. Можно думать даже, что малая величина древнѣйшихъ русскихъ городовъ зависѣла отъ

¹⁾ П. С. Р. Л. т. I, ст. 218.

²⁾ П. С. Р. Л. т. I, ст. 4.

³⁾ П. С. Р. Л. т. III, ст. 6.

⁴⁾ О Россіи Котошихина; ст. 102.

⁵⁾ П. С. Р. Л. т. I, ст. 52.

⁶⁾ Древн. города Рос. ст. 74 и слѣд.

⁷⁾ Шафарика Слав. Древ. т. II, кн. III, приложение XIX, ст. 70.

древнихъ условій обороны городовъ отъ нападенія непріятеля. Для обороны большой крѣпости требуется много средствъ. Такія средства мы находимъ только въ тѣхъ городахъ, гдѣ жили князья съ ихъ дружинами. Только о быстромъ расширеніи стѣнъ стольныхъ городовъ находимъ указанія въ лѣтописяхъ. Величина важнѣйшихъ крѣпостей изъ пригородовъ Псковскихъ, по описанію Н. И. Костомарова, измѣняется отъ 400 до 900 шаговъ въ окружности¹⁾. Площадь каменной Ладожской крѣпости, заложеной Павломъ Посадникомъ въ 1116 году, не болѣе 400 шаговъ въ окружности. Площадь древнѣйшей крѣпости въ Путивлѣ около 500 шаговъ въ окружности. Ту же величину имѣетъ крѣпость Новгородсѣверская и т. д. Если важнѣйшіе города имѣли величину въ 500 шаговъ, то второстепенные пункты могли имѣть 300 и того менѣе.

Итакъ, наружная конструкція слова городище указываетъ на городища, какъ на мѣста нѣкогда бывшихъ городовъ; въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ слову городище соотвѣтствуетъ только одно значеніе—значеніе мѣста бывшаго города; народныя преданія о множествѣ сохранившихся городищъ утверждаютъ, что это есть мѣста нѣкогда бывшихъ городовъ; формы сохранившихся городищъ представляютъ ихъ оборонительными укрѣпленіями, а составъ почвы площадей доказываетъ, что въ этихъ укрѣпленіяхъ жили люди въ теченіе долгаго времени; огромное количество городищъ и ихъ, сравнительно съ новѣйшими городами, малая величина объясняются внѣшними условіями жизни древнихъ народовъ.

Мнѣ кажется, не будетъ увлеченіемъ, если мы скажемъ, что большинство городищъ древнѣйшей формы представляютъ собою остатки городовъ въ смыслѣ укрѣпленныхъ центровъ народныхъ поселеній.

При господствовавшей прежде въ наукѣ теоріи городищъ, нельзя было рассчитывать найти въ нихъ что-либо интересное, кромѣ однообразныхъ остатковъ жертвоприношеній; и дѣйствительно, до настоящаго времени городищами мало интересовались наши историки. При взглядѣ на городища, какъ на остатки древнихъ центровъ народныхъ поселеній, эти памятники получаютъ въ высшей степени важное значеніе для русской исторіи и археологіи, представляя собою чистый матеріалъ къ изученію количества поселеній въ древней Россіи, нутей колонизаціи, средствъ обороны отъ непріятеля, и въ нѣдрахъ своихъ скрывающія вещи домашняго быта. При такой важности городищъ необходимо первоначально составить имъ общую географическую карту, которая бы могла наглядно пока-

¹⁾ Сѣвер. Русс. Народ., т. II, ст. 78—81. Пространство Изборскаго городища „менѣе иного помѣщичьяго двора“, площадь Котельничьяго городища „до 600 шаговъ въ окружности“; „площадь Бревскаго городища 240 шаговъ въ длину и 46 въ ширину“; „площадь Вороночскаго городища болѣе 700 шаговъ въ окружности“; „окружность площади Коложскаго городища до 800 шаговъ“; „Опочское городище имѣетъ въ окружности 750 шаговъ“; „окружность Краснаго городища 515 шаговъ“; „Вельское городище имѣетъ въ окружности 879 шаговъ“.

зять ихъ территориальную систему и облегчить ихъ дальнѣйшее изслѣдованіе въ натурѣ. Я тратилъ бесполезно много времени и денегъ на поѣздки, отыскивая городища по ложнымъ указаніямъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Географическая карта съ указателемъ могла бы облегчить дальнѣйшее изслѣдованіе городищъ лицамъ, которыя пожелали бы заняться ихъ изученіемъ. Обдумывая средства къ собранію матеріаловъ для составленія связанныхъ картъ и указателя, я остановился на слѣдующемъ: составивъ программу запросовъ къ волостямъ о городищахъ и курганахъ (въ которой просилъ волости прислать свѣдѣнія о количествѣ, мѣстонахожденіи, мѣстоположеніи, формѣ древнихъ земляныхъ насыпей, преданійхъ объ нихъ и находкахъ въ нихъ), я обратился къ просвѣщенному содѣйствию г. Директора Центрального Статистическаго Комитета, П. П. Семенова и просилъ его разослать эту программу во всѣ Губернскіе Статистическіе Комитеты, а оттуда во всѣ волости. Отвѣты получены уже изъ 45 губерній. Обширность важнаго матеріала, доставленнаго ими, даетъ возможность надѣяться, что мы скоро будемъ имѣть общую карту городищъ для всей Россіи. Въ губерніяхъ, гдѣ до настоящаго времени было извѣстно 10, 15 городищъ, ихъ оказалось отъ 150 до 300.

Особенно важное значеніе имѣютъ городища языческой эпохи, по причинѣ той бѣдности лѣтописнаго матеріала къ возстановленію быта Славянъ языческой эпохи, каковымъ наука располагала до настоящаго времени. Къ счастью между городищами древнѣйшихъ формъ есть возможность, при посредствѣ вѣрныхъ признаковъ, отличить тѣ, возникновеніе которыхъ относится къ языческой эпохѣ. Этотъ признакъ: присутствіе кургановъ вблизи городища. Группа языческихъ могилъ, сопровождающая извѣстное городище, ручается за языческую эпоху послѣдняго. Изъ донесеній волостей о городищахъ и курганахъ видно, что большинство городищъ древнѣйшихъ формъ сопровождается группами кургановъ языческой эпохи. Но не всѣ городища, неимѣющія въ настоящее время вблизи кургановъ, непременно относятся къ христіанскому времени. Курганы въ теченіе времени исчезаютъ во множествѣ отъ разныхъ причинъ, напримѣръ, отъ раскопокъ искателями кладовъ, для добыванія глины, песку и пр. Особенно много сглаживается кургановъ плугами, при распашкѣ полей; а потому, мѣстность, прежде изобиловавшая курганами, но издавна воздѣлываемая подъ пашню, въ настоящее время можетъ ихъ не имѣть вовсе. Укажу одинъ примѣръ изъ многихъ. Въ Рыковской волости, Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи, на Деснѣ, на пространствѣ 25 верстъ сохранилось 8 городищъ древнѣйшей формы. Я осмотрѣлъ эти городища въ 1872 году и вынесъ убѣжденіе, что всѣ они относятся къ языческому времени. Между тѣмъ во всей Рыковской волости найденъ только одинъ курганъ въ 3 верстахъ отъ г. Новгородсѣверска, какъ видно, сторожевой, потому что при раскопѣ въ немъ ничего не найдено. Въ 1873 году я получилъ сообщеніе Рыковской волости, въ которомъ между прочимъ было сказано: „въ Рыковской волости кургановъ нѣтъ, есть только въ 1 верствѣ отъ Бугриновскаго городища урочище,

называемое „курганъ“. Посѣтивъ снова Рыковскую волость въ 1874 году, я просилъ показать мнѣ урочище курганъ. Это оказалась на первый взглядъ совершенно ровная мѣстность, распаханная подъ посѣвы, удаленная отъ ближайшаго нынѣшняго поселенія на три версты; только издали можно было замѣтить едва замѣтную неровность; осматривая это поле, я нашелъ въ одномъ мѣстѣ кусокъ бедренной человѣческой кости. Пригласивъ 15 человѣкъ рабочихъ, я наудачу назначилъ 6 пунетовъ и приказалъ рыть. Въ 4 пунктахъ, на глубинѣ отъ $\frac{1}{2}$ аршина до 6 четвертей, встрѣчены человѣческіе остовы; 3 обращены были лицомъ къ востоку и одинъ лицомъ къ сѣверу; при двухъ остовахъ найдены украшения, совершенно подобныя украшениямъ языческой эпохи. Въ настоящее время мнѣ извѣстно въ землѣ Сѣверянъ болѣе 100 городищъ древней формы, при которыхъ сохранились болѣе или менѣе многочисленныя группы кургановъ. Я не сомнѣваюсь, что дальнѣйшія изслѣдованія дадутъ возможность значительно увеличить это число.

О ТРЕХЪ ГОРОДИЩАХЪ ВЪ КОЗЕЛЕЦКОМЪ УѢЗДѢ.

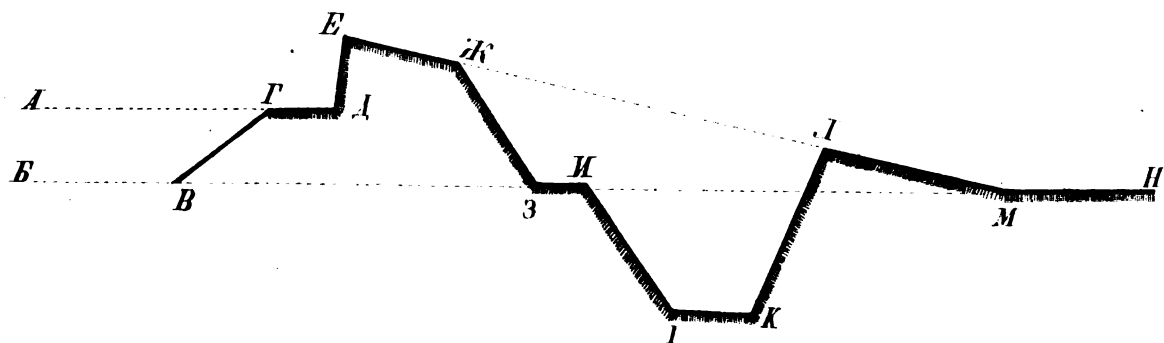
Рефератъ А. П. Мисевскаго.

Во вчерашнемъ засѣданіи сѣзда Д. Я. Самоквасовъ читалъ рефератъ *объ историческомъ значеніи городищъ въ Россіи*. Я не желаю повторять то, что было имъ высказано о значеніи городищъ какъ для русской исторіи вообще, такъ и для ея первобытнаго періода въ частности; соглашаясь съ нимъ вполне, я постараюсь только представить въ небольшомъ объемѣ опытъ примѣненія его мысли о необходимости разработки свѣдѣній, относительно всѣхъ городищъ въ Россіи, какъ сохранившихся, такъ и исчезнувшихъ, но извѣстныхъ по историческимъ указаніямъ или по народному преданію, подъ какими бы названіями эти насыпи ни существовали: городищъ, городковъ, городцовъ и т. п. Находя вполне цѣлесообразною мыслью о необходимости постепеннаго составленія картъ, плановъ и описаній городищъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи для того, чтобы потомъ возможно было изъ собранныхъ матеріаловъ составить общій атласъ этихъ памятниковъ во всей Россіи, узнавъ о разпредѣленіи подобнаго труда для разныхъ мѣстностей между нѣкоторыми членами сѣзда, и въ виду заявленнаго Д. Я. Самоквасовымъ приглашенія желающихъ взять на себя подобный трудъ по частямъ, я присоединяюсь къ ихъ числу и, по силѣ моихъ средствъ, займусь составленіемъ плановъ и карты городищъ и другихъ земляныхъ насыпей, находящихся въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губ. Подобную работу, по собственной моей мысли, я уже началъ ранѣе открытія настоящаго сѣзда, такъ что, въ видѣ опыта, могу представить снятыя мною три подобныя земляныя укрѣпленія—ситуаціонно, и въ профилахъ съ нивелировкой, а также карту той мѣстности Козелецкаго уѣзда, въ которой они находятся; эти три укрѣпленія обратили на себя мое вниманіе какъ своею фигурою, мѣстомъ нахождения, такъ и тѣмъ, что каждое изъ нихъ имѣетъ въ народѣ особое названіе; изъ нихъ, крѣпостца № 3, хотя меньше

двухъ первыхъ, нанесена Генеральнымъ штабомъ и на военно-топографическую карту Россіи; какъ объ ней, такъ и о городѣхъ № 1, упоминается въ изданныхъ недавно запискахъ покойнаго Архіепископа Черниговскаго Филарета— „Историко-статистическое описаніе Черниговской Епархіи“, въ статьяхъ: село *Ярославка* и *мѣстечко Новый-Быковъ*; о городище же № 2 нѣтъ никакихъ обнаруженныхъ свѣдѣній.

Всѣ три снятыя мною укрѣпленія (№№ 1, 2 и 3) имѣютъ неправильную, подходящую къ кругу, форму, всѣ три не имѣютъ нынѣшнихъ брустверовъ съ банкетомъ и выхода на него; всѣ три разной величины, и изъ нихъ—въ двухъ первыхъ, какъ можно полагать, внутреннія площади намѣренно возвышены и окружены валомъ, имѣющимъ, по такъ называемой линіи огня, родъ грудной обороны, отъ подошвы которой сейчасъ же идетъ внутренняя площадь; наружный ровъ этихъ городищъ наполнялся вѣроятно водою, къ чему могла способствовать плоская, съ небольшимъ надъ уровнемъ воды возвышеніемъ, мѣстность, на которой они находятся, и близкое положеніе ихъ къ водѣ, такъ какъ, первое изъ нихъ стоитъ на лѣвомъ берегу, а второе на островѣ рѣчки Супой; послѣднее предположеніе отчасти подтверждается разсказами мѣстныхъ старожиловъ, помнящихъ, что прежде круглый годъ рвы были наполнены стоячею водою.

Профиль нынѣшняго бруствера со рвомъ укрѣпленія.

А.—Г. Линія внутренней площади многихъ городищъ.
 Б.—В. Линія внутренней площади нынѣшнихъ укрѣпленій.
 Б.—Н. Линія горизонта мѣстности.
 В. Г. Д. Е. Ж. З.—Валь укрѣпленія.
 И. I. К. Л.—Ровъ.
 В. Г.—Всходъ на банкетъ.
 Г.—Д.—Банкетъ.
 Д.—Е.—Грудная оборона (брустверь).

Е.—Ж.—Откосъ гребня бруствера.
 З.—И.—Берма.
 И.—I.—Эскарпъ.
 I.—К.—Дно рва.
 К.—Л.—Контрэскарпъ.
 Л. М.—Гласисъ.
 Е.—М.—Линія огня.

Нѣсколько отличное отъ двухъ первыхъ укрѣпленіе № 3-й; оно гораздо меньше ихъ, внутренняя его площадь почти не возвышается надъ горизонтомъ окружающей мѣстности и состоитъ только изъ вала безъ грудной обороны и безъ рва, быть можетъ, отъ времени

исчезнушаго. Укрѣпленіе это стоитъ на степной равнинѣ (теперь пахатной) совершенно особнякомъ.

Изъ этихъ трехъ укрѣпленій только первое носитъ названіе *городка* и только оно одно находится теперь въ чертѣ поселенія, образовавшагося около него еще во время гетманщины, именно оно находится въ мѣстечкѣ Новомъ-Быковѣ, въ 50 саженьяхъ отъ церкви и въ саженьяхъ 70 отъ пруда рѣчки Супоя, въ саду помѣщицы Е. Д. Протасовой. Второе изъ этихъ укрѣпленій въ народѣ извѣстно подъ именемъ *Мазепинскаго городища*; оно расположено въ трехъ верстахъ отъ перваго, внизъ по теченію рѣчки и почти въ верстѣ растоянія ниже села Петровки, основаннаго не болѣе какъ 150 лѣтъ тому назадъ; городище это находится на островѣ, тоже называемомъ *Мазепинскимъ*, величиною въ 15 десятинъ и соединенномъ съ берегомъ (с. Петровкой) гатью и мостикомъ; вмѣстѣ съ островомъ, городище входитъ въ черту сада помѣщика П. А. Васильчикова. Третье укрѣпленіе носитъ названіе *Разкопанницы или Разкопанки*, оно находится на полъ-пути между поселеніями временъ удѣльнаго еще періода: мѣстечкомъ Бобровицею и селомъ Ярославкою (Ярославецъ), въ верстахъ шести отъ каждаго изъ нихъ. По преданію, нѣкогда къ западу отъ крѣпостцы было рыбное озеро, которое потомъ обратилось въ болото, а теперь совершенно высохло и составляетъ часть пахатной степи; потому и дорога между Бобровицей и Ярославкою проходила въ старину восточнѣе крѣпостцы и, притомъ, близко возлѣ нея, но потомъ, когда озеро стало высыхать, ее проложили западнѣе, около полуверсты отъ крѣпостцы, почти по срединѣ бывшаго озера, чѣмъ путь между мѣстечкомъ и селомъ, значительно сократился.

Всѣ эти три укрѣпленія имѣютъ въѣзды, а именно: *городокъ Новобыковскій* имѣетъ въѣзды съ сѣвера и съ юга, *городище Петровское*: съ востока и запада, а *Разкопанница* имѣетъ только одинъ въѣздъ съ восточной стороны, вѣроятно отъ дороги, проходившей въ старину по ту сторону укрѣпленія. Въѣзды въ Петровскомъ городищѣ называются народомъ *бахиты*; (*бахита* слово польское, означающее *бахня*, въ мѣстномъ народномъ малороссійскомъ нарѣчій не употребляется). Въѣзды городка Новобыковского и Разкопанницы никакихъ особыхъ названій въ народѣ не носятъ.

Новобыковскій городокъ еще недавно имѣлъ форму подковы (какъ на планѣ обозначено пунетиромъ), обращенной выпуклой стороною къ югу, но помѣщица, г. Протасова, срѣзавъ часть вала въ срединѣ сѣверной прямой стороны укрѣпленія, засыпала ровъ, сдѣлала на мѣстѣ сѣвернаго выѣзда терасу, а углы этой прямой стороны укрѣпленія закруглила и, устроивъ спуски на дно рва укрѣпленія, проложила по немъ дорожку, площадь же самага укрѣпленія обратила въ паркъ; но для поддержанія болѣе сохранившейся южной части городища и выѣзда изъ него, она укрѣпила этотъ выѣздъ кирпичными стѣнами и поставила такіе же воротные столбы; черезъ ровъ перекинула де-

ревяный мостикъ и такимъ образомъ видоизмѣнила первоначальный видъ городища, придавъ ему круглую форму.

Петровское городище сохранило вполнѣ свои очертанія, хотя высота и толщина вала а также глубина рва уменьшились вслѣдствіе природной осыпи; на площади этого городища разбитъ фруктовый садъ, съ проложенною отъ одного до другого вѣздовъ дорожкой; часть острова, лежащая внѣ городища, обращена въ паркъ.

Само названіе третьяго укрѣпленія *Раскопанница* заставляетъ сомнѣваться въ томъ, чтобы настоящій видъ этой крѣпостцы сохранилъ тѣ очертанія, которыя ей даны были при первоначальномъ устройствѣ. Почему она получила это названіе, я не могъ узнать. Въ одной сторонѣ внутренней площади ея находится значительная впадина, можетъ быть указывающая мѣсто производства раскопки, давшей названіе этой крѣпостцѣ; вѣроятнѣе, впрочемъ, что укрѣпленіе это сдѣлано изъ бывшаго кургана, по размѣрамъ своимъ и мѣсту положенія пригодившагося впоследствии для устройства укрѣпленія; такъ какъ въ Малороссіи всѣ курганы называются *могилами*, то можно полагать, что прежде здѣсь существовала особенно большая могила, потомъ раскопанная и превращенная въ крѣпостцу, но въ названіи своемъ—*Раскопанница* или *Раскопанка*, удержавшая женскій родъ, заимствованный отъ слова „могила“.

Размѣры этихъ трехъ укрѣпленій слѣдующіе:

1. *Городокъ Новобыховскій*: площадь внутренняя, по діаметру самой удлиненной части круга ея фигуры, имѣетъ 758 футовъ, по діаметру самой сжатой части ея—735 футовъ, возвышеніе ея надъ горизонтомъ мѣстности отъ 0,8 до 10,4 футовъ, толщина вала въ основаніи у дна рва 68 футовъ, въ гребнѣ 10,5 футовъ, высота его отъ дна рва 19,4 футовъ, ширина дна рва 14 футовъ, глубина его отъ горизонта мѣстности отъ 4,5 до 12 футовъ; грудная оборона, теперь не выше 2-хъ футовъ, а мѣстами исчезла, сровнявшись съ плоскостью внутренней площади.

2. *Городище Петровское или Мазепинское*: внутренняя площадь, по діаметру удлиненной части круга ея фигуры, имѣетъ 1335,2 фута, по сжатой части 1048,3 фута, возвышеніе надъ горизонтомъ мѣстности отъ 4,9 до 7,3 фута, толщина вала въ основаніи у дна рва отъ 34 до 48 футовъ, толщина гребня его отъ 3 до 9 футовъ, высота его отъ дна рва 10,3 до 17,6 футовъ, ширина рва 7 футовъ, глубина его отъ горизонта мѣстности отъ 3 до 11,3 фута;—грудная оборона въ такомъ же видѣ, какъ и въ городкѣ № 1.

3. *Раскопанница или Газкопанка*: внутренняя площадь, почти круглая, въ діаметрѣ 49,3 фута, въ одной сторонѣ своей имѣетъ возвышеніе надъ горизонтомъ мѣстности 4,2 фута, а впадина въ другой ея части почти равняется съ горизонтомъ мѣстности; толщина вала въ основаніи у горизонта мѣстности отъ 43,4 до 73,1 фута, толщина его въ гребнѣ отъ 2 до 3 футовъ, высота его отъ 11,5 до 15 футовъ отъ горизонта.

Во всѣхъ трехъ укрѣпленіяхъ, откосы вала и контръ-эскарпа, измѣняются отъ 18° до 32°.

Размѣры эти показываютъ, что всѣ три укрѣпленія, не смотря на время, еще довольно хорошо сохранились и имѣютъ почти тѣ же очертанія, какія имъ были даны строителями; но когда, кѣмъ и для какой цѣли, они были построены, рѣшительно не сохранилось никакихъ, исторіею или преданіями переданныхъ, свѣдѣній; принимая однако во вниманіе круглую ихъ форму, слѣдуетъ отнести ихъ постройку ко времени, предшествовавшему введенію огнестрѣльнаго оружія въ Россію; несомнѣнно, что городища эти не могли быть насыпаны во время гетманщины, когда укрѣпленія козацкія, строились уже въ видѣ квадратныхъ или удлинненныхъ прямоугольниковъ, въ видѣ редутовъ, а иногда, и съ полубастіонами по угламъ, для фланговой обороны рововъ; такія укрѣпленія, сохранились во многихъ мѣстахъ въ Малороссіи, и въ народѣ называются: строенныя козаками—*городками*, а строенныя поляками—*замками*; круглые же и полукруглые укрѣпленія въ народѣ называются по преимуществу *городищами* и только въ рѣдкихъ случаяхъ даютъ имъ названіе городка, подобно полукруглому Новобыковскому (№ 1-й).

Это обстоятельство, что укрѣпленіе Новобыковское, полукруглое, слѣдовательно построенное до гетманщины, въ народѣ называется не городищемъ, а городкомъ, какъ будто подтверждаетъ мнѣніе, высказанное Д. Я. Самоквасовымъ, что народъ безъ разбору называетъ всѣ упраздненные старинныя укрѣпленія, то городкомъ, то городищемъ; не отвергая этого общаго положенія, я полагаю, что въ данномъ случаѣ полукруглое укрѣпленіе названо городкомъ именно потому, что укрѣпленіе это, по всей вѣроятности устроенное еще до введенія огнестрѣльнаго оружія, можетъ быть, никогда не было въ запусѣннѣи и, находясь во время гетманщины на военной дорогѣ, близко границъ съ Польшею, представляло особенныя выгоды для того, чтобы занимать его гарнизономъ, не видоизмѣняя даже его круглой формы въ четвереугольную. Народное преданіе утверждаетъ, что это укрѣпленіе имѣло постоянныя гарнизоны, что около него и въ немъ бывали кровопролитныя битвы между козаками, поляками и татарами и что въ немъ побывали въ свое время и Хмѣльницкій, и гайдамаки; но кромѣ подобныхъ преданій какъ о самомъ городкѣ, такъ и о мѣстечкѣ Новомъ-Быковѣ, многочисленные курганы или могилы, разсыпанные около стараго Быкова и сопровождаемые также боевыми преданіями временъ гетманщины, подтверждаютъ позднее употребленіе данной насыпи въ качествѣ крѣпости и до нѣкоторой степени объясняютъ, почему за нею преимущественно сохранилось названіе *городка*.

Быть можетъ и Петровское городище, стоявшее долго запустѣлымъ, вслѣдствіе своего выгоднаго мѣстоположенія на островѣ, обратило на себя впослѣдствіи вниманіе и было возобновлено. Названіе вѣздовъ *бахитами* указываетъ, быть можетъ, на время польскаго занятія этой крѣпости названіе-же укрѣпленія *Мазепинскимъ* дозволяетъ предпо-

лагать, что оно могло служить крѣпостью еще во время гетмана Мазепы. Можетъ быть, существованіе въ немъ въ то время какихъ-нибудь военныхъ складовъ послужило основаніемъ для составленія легенды въ народѣ о сокровищахъ Мазепы, будтобы зарытыхъ въ этомъ городищѣ и охраняемыхъ нечистою силою. По хорошо сохранившимся его чертаніямъ можно заключить, что оно было возобновлено и поддерживалось еще не очень давно; доказательствомъ чему можетъ служить сохранившійся даже въ югозападной части вала слѣдъ *бермы* на протяженіи саженей 15; берма же устраивалась въ крѣпостяхъ, только со времени употребленія противъ укрѣпленій артиллерійскихъ орудій. На то, что Разкопанница могла быть преобразована изъ могилы въ крѣпостцу во время гетманщины, мы находимъ указаніе въ преданіяхъ, сохранившихся у жителей въ м. Бобровицѣ и с. Ярославѣ: преданія эти говорятъ, что во время набѣговъ татарскихъ и войнъ съ полянами жители этихъ мѣстностей, въ случаѣ, если враги застигали ихъ врасплохъ, во время лѣтнихъ полевыхъ работъ, получали извѣстіе о нападеніи посредствомъ сигнала, который подавалъ имъ караульный козакъ, стоявшій на валу этой крѣпостцы. Козаки выходили обыкновенно на полевые работы вооруженные въ половинномъ своемъ составѣ, оставляя другую половину въ селеніяхъ для ихъ защиты. Работавшіе въ полѣ, увидѣвъ сигналъ часового съ вала Разкопанницы, бросали въ полѣ рабочей скотъ и земледѣльческія орудія, сбѣгались въ Разкопанницу и въ ней защищались или подъ ея охраною завязывали съ непріателемъ дѣло въ полѣ; если имъ не удавалось самымъ отразить врага, то они держались въ Разкопанницѣ, или около нея, пока не послѣвали къ нимъ на выручку товарищи изъ селеній. Преданіе передаетъ даже рассказъ объ отдѣльномъ случаѣ: будто однажды козаки, осажденные татарами въ Разкопанницѣ, отбивались, не получая помощи ни откуда въ теченіи нѣсколькихъ дней; они стали уже терпѣть голодъ, но освободились только потому, что одному изъ нихъ удалось убить начальника татарской партіи, послѣ чего она отступила.

Правильныхъ раскопокъ въ этихъ трехъ укрѣпленіяхъ производимо не было. Но случайно, при рытьи земли около городка Новобыковского, найдены были двѣ монеты: одна польская—чекана 1617 года, серебряная, другая—мѣдная, татарская; кромѣ того находимы были человѣческіе остовы и отдѣльные черепа, а къ западу отъ городка—много желѣзной жужелицы (шлака). На площади Петровскаго или Мазепинскаго городища, по словамъ 80-ти лѣтняго старика, г. Рычковскаго, разводившаго здѣсь садъ сорокъ лѣтъ назадъ, при посадкѣ деревьевъ находимы были: куски жернового камня, по величинѣ пригоднаго лишь для ручной мельницы, желѣзные перержавленные клещи, пряжки, и шпоры, а также черепки битой посуды.

Такимъ образомъ ни исторія, ни преданія, ни случайныя находки не даютъ точныхъ указаній для того, чтобы можно было опредѣлить время и цѣль постройки этихъ трехъ укрѣпленій. Я полагаю, что такія-же затрудненія встрѣтятся и относительно большинства

городищъ въ Россіи, и потому я прихожу къ заключенію, что городища должны быть изслѣдованы посредствомъ правильныхъ раскопокъ, для производства которыхъ было-бы желательно составить инструкцію и такимъ образомъ на настоящемъ Археологическомъ съѣздѣ положить начало правильной разработкѣ вопроса о городищахъ.

ЯЗЫЧЕСКОЕ КЛАДБИЩЕ ВЪ ДОБРЫШИЦАХЪ.

Рефератъ **А. И. Павинскаго.**

Я позволю себѣ обратить вниманіе ученыхъ членовъ съѣзда на языческое кладбище въ Добрышицахъ, какъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ по постройкѣ гробницъ и найденнымъ въ нихъ урнамъ.

Деревня Добрышицы (Dobryszycze) лежитъ въ верстахъ десяти къ сѣверо-западу отъ станціи Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги—Радомскъ, въ Петровской губерніи въ Царствѣ Польскомъ. Добрышицы можно причислить къ весьма древнимъ поселеніямъ; письменные слѣды встрѣчаются уже въ актахъ XIV столѣтія. О Добрышицахъ упоминаетъ грамота короля Казимира В. Кажется, Добрышицы съ давняго времени составляли коронное имѣніе, зависѣвшее первоначально отъ Велюнскаго старосты (Capitaneus Wielunpensis). Въ XVII же столѣтіи деревня эта входила въ составъ Радомскаго староства, и, какъ коронное имѣніе, отдавалась въ аренду. Въ настоящее время имѣніе это принадлежит помѣщику А. Чарнецкому.

На сѣверо-западъ отъ помѣщичьяго двора въ Добрышицахъ, въ двухверстномъ разстояніи, тянется довольно обширная луговая равнина, составляющая теперь пастбище. Посреди ея протекаетъ небольшой ручеекъ, не имѣющій названія. Къ сѣверной полосѣ луговой равнины примыкаетъ песчаная почва, покрытая слабою растительностью, надъ которою господствуетъ, тамъ и сямъ растущій, можжевеловой кустарникъ. Песчаная почва образуетъ родъ длиннаго, но узкаго прямоугольника, длиною въ 2 версты, шириною не больше 60 шаговъ. Поверхность прямоугольника выпукла едва замѣтно, такъ что выпуклость представляется въ видѣ правильной дуги, базисъ которой не выше полуторыхъ футовъ. Это-то и есть мѣсто, на которомъ мы отыскивали каменные гробницы языческаго кладбища. Къ сѣверной сторонѣ кладбища непосредственно примыкаетъ луговая, мѣстами

торфяная почва, въ которой намъ удалось, на глубинѣ 3—4 футовъ, открыть длинныя еловыя деревья, лежавшія въ большомъ беспорядкѣ, что наводитъ насъ на предположеніе, что когда-то на этомъ мѣстѣ, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, былъ лѣсъ, опрокинутый, по всей вѣроятности, силою бури. Сверхъ того, эти обстоятельства указываютъ, кажется, еще и на то, что мѣстомъ погребенія избрано уединенное, примыкавшее къ лѣсу мѣсто, въ довольно значительномъ разстояніи отъ селенія.

Приѣхавъ на мѣсто нашихъ изслѣдованій (что было въ іюль и октябрѣ мѣсяцахъ 1874 г.)¹⁾, мы нашли нѣкоторыя гробницы уже разрытыми, частью крестьянами, и онѣ пропали безвозвратно для науки,—частью самимъ помѣщикомъ, г. Чарнецкимъ: эти уцѣлѣли въ описаніи, помѣщенномъ въ повременномъ изданіи: „Wiadomości archeologiczne“ (1-й выпускъ 1873. Варшава). По оставшимся свѣжимъ слѣдамъ можно было заключить, что гробницы тянулись въ прямомъ направленіи съ востока къ западу и образовали четыре паралельные ряда. По изслѣдованіи поверхности песчаной почвы, что дѣлалось посредствомъ желѣзныхъ щуповъ съ цѣлью наткнуться на каменные верхушки гробницъ, оказалось, что гробницы находились въ восточной сторонѣ прямоугольника. Здѣсь именно мы нашли девять гробницъ. Въ размѣщеніи гробницъ не видно было симметріи; онѣ, правда, подходили къ паралельнымъ линіямъ прежде уже разрытыхъ гробницъ, но не находились въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, иногда лишь на 5—6 шаговъ, иногда на разстояніи 20—25 шаговъ.

Мы представимъ описаніе каждой гробницы по очереди:

1. Каменная гробница, изображена на рисункѣ (см. № 1) въ перпендикулярномъ разрѣзѣ; отыскавъ ее посредствомъ желѣзнаго щупа, я велѣлъ снять верхній слой земли и, добравшись до верхушки гробницы, окопалъ ее глубокимъ рвомъ, доходившимъ до ея основанія. Гробница состояла изъ кучи камней, ярусобразно расположенныхъ въ видѣ кафельной печи. Первый слой камней находился подъ поверхностью земли на глубинѣ 0,05 м. слѣдовательно очень мелко. Объемъ гробницы у ея вершины простирался до 3,5 метра, вышина ея въ 1 метръ. Первый слой состоялъ изъ 6 большихъ полевыхъ камней, различной формы, по большей части кругловатыхъ. Объемъ каждаго камня доходилъ среднимъ числомъ до 10—15 сантим. Камни ничѣмъ не были сплочены другъ къ другу. Желтый песокъ, посыпанный между ними, служилъ для уравниванія ямъ, образовавшихся вслѣдствіе неравныхъ поверхностей, не пристававшихъ къ себѣ плотно камней. Снимая четвертый слой камней, мы наткнулись на каменную плиту, лежавшую въ самой срединѣ яруса. Діаметръ ея доходилъ до 0,55 м. Это была крышка уже настоящей гроб-

¹⁾ На съѣздѣ я имѣлъ честь сообщить о раскопкѣ, произведенной мною въ іюль мѣсяцѣ. Осенью же я продолжалъ начатую мною лѣтомъ работу, результаты которой представляю въ нынѣшнемъ трудѣ. А. П.

ницы, т. е. того помѣщенія, гдѣ хранились въ урнахъ остатки человѣческихъ костей. Когда мы сняли боковые камни пятого, шестого и седьмого яруса, нашимъ глазамъ представилось строеніе въ видѣ каменнаго колодца. Верхнюю его крышку образовала только что упомянутая плита. Его четыре боковыя стѣны состояли изъ плоскихъ, перпендикулярно поставленныхъ камней: каждую изъ трехъ стѣнъ образовали два камня, четвертую одинъ только большой. Боковые камни, вышиною въ 0,65 м., опирались основаніемъ на землю. Снявъ крышку и устранивъ боковые камни, мы увидѣли кучу желтаго песку, въ которомъ были зарыты три урны изображенныя на рисункѣ (см. № 2). Урны стояли на каменной плитѣ, образовавшей основаніе гробницы; плита же представлялась въ видѣ правильнаго прямоугольника длиною въ 0,68 м., шириною въ 0,40 м. Урны помѣщались въ порядкѣ, представленномъ на рисункѣ, въ направленіи отъ сѣвера къ югу. У первой большой урны крышка была нѣсколько вдавлена на самую урну. Урны всѣ (срисованныя въ размѣрѣ въ четверо уменьшенномъ) были сдѣланы изъ глины, смѣшанной съ крупнозернистымъ пескомъ. Желтый цвѣтъ ихъ переходилъ у вершины въ темноватыя полосы. Возлѣ первой урны стоялъ глиняный кувшинъ съ ушкомъ, покрытый внутри и извнѣ черною глазурью. Другой кувшинъ, тоже съ черною поливою, содержалъ въ себѣ маленький горшечекъ. Въ этихъ трехъ послѣднихъ сосудахъ, кромѣ песку, ничего не найдено. Только въ первой большой урнѣ или въ настоящей пепельницѣ находилась масса сожженныхъ и мелко разбитыхъ костей, между которыми можно было отличить кости человѣческаго черепа, обломки челюсти, позвоночной и большой берцовой кости, а также косточки пальцевъ, доказывающія несомнѣнно, что это были кости человѣческія. По мнѣнію профессора гистологіи Гойера, разсматривавшаго остатки костей, нашлись также косточки ребенка. Другихъ предметовъ, часто встрѣчаемыхъ въ урнахъ, здѣсь вовсе не было.

2. Вторая гробница находилась тоже довольно мелко подъ поверхностью земли—на глубинѣ 4 сантим. Таже постройка гробницы. Камни помѣщались ярусобразно. Вышина гробницы равнялась почти одному метру. Объемъ 2,75 м. Первый или верхній этажъ состоялъ изъ 14 большихъ камней. Второй и слѣдующіе изъ 7 и 8. Снявъ третій слой камней, мы опять наткнулись на каменную плиту (дл. 0,58 м., шир. 0,47 м. выш. 0,21 м. объемъ 1,75), въ видѣ неправильнаго четырехугольника. Плита служила крышкою каменнаго колодца. На нижней каменной плитѣ стояли три урны, зарытыя въ желтомъ пескѣ, по своему очертанію похожія на выше описанныя урны. Третій сосудъ составляло блюдечко совершенно съ круглымъ отверстіемъ (діам. 12 сантим.); блюдечко содержало въ себѣ кувшинчикъ, что изображено на рисункѣ въ трехъ отдѣльныхъ нумерахъ (№ 3, 4, 5). Кувшинчикъ вышиною въ 0,07 м. Глина большой урны и блюдечка съ кувшинчикомъ перемѣшалась съ крупнозернистымъ пескомъ. Полива глинянаго цвѣта. Въ урнахъ песокъ. Въ большой урнѣ кости, смѣшанныя съ пескомъ. Между костями нашлась желѣзная игловка (см. ч. 6) съ продолговатымъ ушкомъ длиною въ 0,01 м., и кромѣ того три же-

лѣзныя кольца (№ 7), изображающія родъ подвѣски у серьги (діам. 0,04 м.). Иголка покрыта ржавчиною, кольца сильно обожжены. Всѣ иголки 2,34 грамма, кольца 13 грам.

3. Третья гробница, по снятіи слоя земли въ 0,01 м., представляла сверху рядъ камней въ видѣ прямоугольника. Довольно значительный объемъ гробницы простирался до 3,65 м. Снявъ три яруса камней, мы не нашли ни каменной плиты, ни каменнаго колодца. Третій слой камней образовалъ уже основаніе гробницы. Въмѣсто урнъ найдены только пепель смѣшанный съ пескомъ.

4. Четвертая гробница, покрытая слоемъ земли только въ 0,04 м., отличалась отъ предыдущихъ тѣмъ, что она находилась въ слое не желтаго, а черпаго песку и лежала, такъ сказать, въ кладбища, примыкая къ краю луговой полосы. Гробница изображала видъ совершенно круглый. Ея верхній ярусъ образовали десять камней, расположенныхъ въ окружности 2,8 метра. Она состояла изъ 8 ярусовъ вышиною въ 1 м. Въмѣсто каменной плиты въ четвертомъ ярусѣ, мы нашли большой камень, служившій крышкою каменнаго колодца. Колодецъ не отличался правильными стѣнами. Клинообразные камни, опиравшіеся широкимъ основаніемъ на землю, въ числѣ одиннадцати, наклонились къ срединѣ и прикрывали собою урны въ видѣ листьевъ у цвѣточной почки. По снятіи и отложеніи камней, представились глазамъ урны, стоявшія на каменныхъ подставкахъ, каждая на отдѣльной. Двѣ урны и третій кувшинчикъ были темно-сѣраго цвѣта. Въ большой урнѣ находились кости въ значительномъ количествѣ, смѣшанныя съ пескомъ. Верхняя каменная плита, назначенная для прикрытія урнъ, не приставая плотно къ верхушкамъ клинообразныхъ стѣнъ колодца, спустилась и придавила урны, такъ что онѣ разсыпались, когда мы ихъ выняли наверхъ,—не смотря на всѣ нами предпріятыя мѣры предосторожности. Одинъ только кувшинчикъ уцѣлѣлъ. Урны же мы успѣли по крайней мѣрѣ срисовать и измѣрить. Первая большая урна съ крышкою темнаго цвѣта поражала своею формою и величиною. Окружность ея выпуклости доходила до 1,2 м. Объемъ отверстія 0,75 м., высота 0,38 м. Вторая урна съ ушкомъ безъ крышки была меньше первой отверстіе у вершины 0,44 м.; кувшинчикъ тоже меньше того, который изображенъ на рисункѣ подъ № 4.

5. Пятая гробница походила размѣщеніемъ камней на выше описанную и изображенную на рисункѣ подъ № 1. Въ четвертомъ ярусѣ мы наткнулись на плоскую крышку каменнаго колодца, въ которомъ стояли зарытыя въ песокъ три урны (см. № 8) на плоскомъ, продолговатомъ камнѣ. Пепельница, гдѣ помѣщались обожженные кости, была безъ крышки. Между костями мы нашли родъ продолговатаго украшенія, сдѣланнаго изъ бѣлой глины, на поверхности котораго видѣлись оттиски крошечныхъ кружковъ. Возлѣ пепельницы стояла меньшая урна, наполненная пескомъ. Внизу же помѣщалось блюдечко желтоватаго цвѣта, внутри покрытое темною поливою.

6. Шестая гробница въ томъ же родѣ, что и предыдущая, съ тою разницею, что

въ каменномъ колодцѣ находилась только одна урна въ видѣ кувшина, изображеннаго подъ № 2. Въ кувшинѣ, весьма тщательно отдѣланномъ, очертаніе котораго поражаетъ благородствомъ рисунка, кромѣ песку и пепла ничего не найдено.

7. Седьмая гробница, состоявшая изъ шести слоевъ камней, съ каменнымъ колодцемъ по срединѣ, замѣчательна тѣмъ, что, по снятіи плитъ, образовавшихъ стѣны колодца, въ немъ не оказалось ни одной урны, ни костей, ни пепла. Найдено только нѣсколько кусковъ угля.

8. Восьмая гробница не отличалась отъ вышеописанныхъ объемомъ и вышиною. Камни лежали въ параллельныхъ слояхъ въ шесть ярусовъ. По срединѣ каменный колодецъ съ крышкою сверху и каменною плитою внизу, на которой стояла только одна урна желтоватаго цвѣта, похожая на описанныя нами уже урны. Въ урнѣ находились кости, смѣшанныя съ пескомъ. На урнѣ помѣщалась крышка въ родѣ блюда, поставленнаго дномъ къверху. Возлѣ пепельницы стояло блюдечко, похожее на изображенное на рисункѣ подъ № 5.

9. Девятая и послѣдняя гробница составляла отдѣльный родъ, отличавшійся отъ выше приведенныхъ, а потому мы и представляемъ отдѣльно ея рисунокъ. По снятіи верхняго слоя земли толщиной въ 0,05 м., глазамъ представился довольно правильный каменный вѣнецъ; по срединѣ лежалъ большой, плоскій, продолговатый камень (см. рис. № 9). Вокругъ лежали меньшіе камни, числомъ 16, составлявшіе собственный вѣнецъ или кругъ. Подъ камнями, опять слой бѣлаго песку въ 10 сантим., а вслѣдъ за тѣмъ уже каменная плита. Гробница отличалась вообще весьма старательною постройкою. Отъ основанія воздвигались кучи камней, назначенныхъ очевидно для того, чтобы удержать въ перпендикулярномъ положеніи боковыя стѣны колодца. Стѣны эти были выше всѣхъ нами найденныхъ (0,75 м.) и представляли весьма правильныя фигуры въ родѣ прямоугольниковъ (см. № 10). Плоская крышка опиралась ровно на верхушки перпендикулярныхъ каменныхъ стѣнъ. Въ этомъ, симметрически построенномъ, колодцѣ помѣщалась, на каменной плитѣ, засыпанная пескомъ глиняная урна съ крышкою. (Выш. вмѣстѣ съ крышкою 0,34; діам. отверстія 0,2; діам. верхняго и нижняго дна 0,09). Въ урнѣ нашлись несожженные кости. Возлѣ пепельницы стоялъ горшечекъ съ ушкомъ въ видѣ чайника.

Прибавимъ еще, что внѣ каменной гробницы, возлѣ верхней каменной плиты, была зарыта маленькая урна съ крышкою, обставленная небольшими камнями. Въ ней мы нашли тоже кости, какъ будто ребенка, похороненнаго возлѣ гробницы родителей или родственниковъ, очевидно не помѣщеннаго въ самой гробницѣ, чтобы не портить ея искусной постройки.

Скромный археологическій матеріалъ, собранный нами на кладбищѣ въ Добрышицахъ, даетъ намъ поводъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній относительно домашняго быта одной вѣтви западныхъ Славянъ. Мы не ошибемся, если припишемъ упомянутыя нами гробницы славянскому населенію, жившему около озера Гопла и по рѣкѣ Вартѣ т. е. той вѣтви Славянъ, которые впоследствии выступаютъ подъ названіемъ польскаго народа. Что славянское населеніе строило каменные гробницы въ Добрышицахъ, на то есть нѣкоторыя, кажется, довольно вѣрныя указанія. Хотя сожиганіе тѣла умершихъ не было исключительно славянскимъ обычаемъ, ибо и германскіе народы въ извѣстныя эпохи язычества слѣдовали той же формѣ погребенія, однако, кажется, такой обычай господствовалъ по преимуществу у Славянъ язычниковъ. Историческихъ свидѣтельствъ въ этомъ отношеніи довольно много. Достаточно сослаться на то, что несомнѣнно о западныхъ Славянахъ сообщаетъ на этотъ счетъ арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Даста: „Кто изъ нихъ умретъ, они сожигаютъ трупъ его. На слѣдующій день по сожженіи мертвеца, они собираютъ пепель съ пожарища, складываютъ его въ сосудъ и ставятъ послѣдній на холмѣ. По истеченіи года, они приносятъ на ту могилу до двадцати кувшиновъ съ медомъ, тамъ собираются родные усопшаго, ѣдятъ, пьютъ, потомъ возвращаются домой“. (См. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. Москва. 1868, стр. 54).

При рѣшеніи вопроса, какому населенію слѣдуетъ приписать гробницы въ Добрышицахъ, важнымъ пособіемъ служатъ сами урны. Три урны, стоящія возлѣ себя, составляютъ, именно въ такомъ числѣ, знаменательную особенность. Каждая изъ нихъ имѣла свое особое назначеніе. Въ одной изъ нихъ помѣщались обыкновенно кости умершаго. Это есть настоящая пепельница. Вторая представляется часто въ видѣ кувшина, третья въ видѣ блюдечка. Въ двухъ послѣднихъ мы никогда не находили костей и пепла, только песокъ. Какое, спрашивается, могли онѣ имѣть назначеніе? Извѣстная связь, несомнѣнно, существуетъ между ними и погребальнымъ обычаемъ, о которомъ упоминаетъ Ибнъ-Даста, говоря, что, по истеченіи года, родные усопшаго собираются, ѣдятъ, пьютъ... Можно предполагать, что, подобный обрядъ совершался и при погребеніи усопшаго. Указаніемъ въ этомъ отношеніи могутъ служить свѣдѣнія, сообщаемыя писателемъ XVI стол. Маршаломъ де-Туріусъ, который въ качествѣ очевидца описываетъ погребальные обычаи полабскихъ Славянъ, жившихъ еще въ его время въ Мекленбургіи. Онъ говоритъ, что тамошніе Славяне торжественно, съ пѣснями и плясками, несли мертвеца къ мѣсту погребенія, тамъ воздавали они ему послѣднюю честь, предлагали чашу напитка, которую и проливали въ могилу, орошая имущество и вещи, какими снабжали усопшаго.

Два слѣдовательно сосуда,—одинъ въ родѣ кувшина, другой въ видѣ блюдечка, встрѣчаемыя въ гробницахъ въ Добрышицахъ, наводятъ на предположеніе, что при погребеніи умершаго родственники и знакомые ѣли и пили и, можетъ быть, ставили умер-

шему въ могилу кувшинъ и блюдо съ остатками кушанья и напитка. Последнимъ, наконецъ, указаніемъ служить найденное въ гробницахъ желѣзо. Въ странахъ по Эльбѣ и Одру желѣзо встрѣчается довольно поздно, не раньше IV столѣтія; такъ по крайней мѣрѣ предполагаетъ извѣстный мекленбургскій археологъ Липъ. По сосѣдству названныхъ странъ со странами, образовавшими со временемъ польское государство, можно то же столѣтіе принять эпохою введенія въ употребленіе желѣза въ странахъ по р. Вартѣ и Вислѣ. Мы не думаемъ отнюдь относить къ такому отдаленному періоду гробницы въ Добрышицахъ. Болѣе общее распространеніе желѣза, употребленіе его въ домашней жизни, на что указываетъ найденная нами игла, послѣдовало значительно позже. Имѣя въ виду сіе послѣднее обстоятельство, мы готовы отнести разрытыя нами гробницы къ столѣтіямъ, когда желѣзо было уже въ общемъ употребленіи и предполагаемъ, что кладбище, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ періоду отживавшаго язычества, къ VIII или даже IX столѣтію. Впрочемъ, точность въ рѣшеніи этого вопроса невозможна, да при томъ вопросъ о времени для насъ второстепенной важности. Важна прежде всего сторона этнографическая—а въ этомъ отношеніи *славянскій* характеръ кладбища въ Добрышицахъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ заключеніе, я позволю себѣ еще обратить вниманіе на кладбище. У Славянъ, какъ извѣстно, существовалъ двойной обычай: сжигать умершихъ или хоронитъ тѣла усопшихъ. Пока еще не возможно объяснить причины этой двойственности, обнаруживавшейся въ погребальныхъ обычаяхъ. Мы имѣли теперь лишь первый обычай въ виду. У Грековъ и Римлянъ не было общихъ кладбищъ. Только христіанство ввело эту форму. У Славянъ же существовали, по всему вѣроятію, общія кладбища еще въ до-христіанскую эпоху. Быль-ли это повсемѣстный или только частный обычай—рѣшить трудно. Есть однако указанія на то, что Славяне хоронили умершихъ тоже отдѣльно: въ полѣ, близъ жилищъ, хижинъ, иногда въ саду. Даже въ Добрышицахъ найдено нѣсколько урнъ, близъ помѣщичьяго двора, которыя были зарыты отдѣльно,—похожія совсѣмъ на урны найденныя на кладбищѣ, что могло бы указывать на то, что общей обязательной формы погребенія не существовало. Общія же кладбища встрѣчаются часто въ полѣ, иногда на склонѣ песчаваго холма или бугорка, по большей части въ песчаномъ слое земли. Гробницы встрѣчаются тоже въ лѣсахъ, порознь,—общія же кладбища почти никогда. Сожиганіе тѣла умершаго происходило недалеко отъ могилы, о чемъ свидѣлствуютъ остатки угля, находимые въ могилахъ. Чтобы сжечь вполне тѣло мертвеца, какъ это дѣлали язычники, для этого нужна весьма высокая температура. Опыты, произведенныя на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Бреславлѣ (лѣтомъ 1874), доказали, что для сожженія трупа продолженіи трехъ часовъ, необходимо 2000 градусовъ Цельсія. Для достиженія цѣли приходилось языческимъ Славянамъ усиливать жаръ на кострѣ, но тѣмъ не менѣе сожиганіе происходило, по всей вѣроятности, цѣлый день, о чемъ можно заключать по сло-

вамъ Ибъ-Доста: „на слѣдующій день (только), по сожженіи мертвеца и т. д.“. Костеръ нельзя было воздвигать въ лѣсу вслѣдствіе простой осторожности. Притомъ, чтобы усилить жаръ на кострѣ, необходимо было открыть къ нему доступъ свознаго вѣтра, что возможно было только на открытомъ полѣ. Съ другой же стороны извѣстно, что для сожженія трупа требовалось много дровъ,—слѣдовательно, мы такъ предполагаемъ, Славяне должны были по необходимости, въ видахъ удобства, избирать мѣстомъ сожженія и погребенія поля, примыкавшія къ лѣсу.

Постройка каменныхъ гробницъ въ Добрышицахъ свидѣлствуетъ объ особенномъ стараніи, употребленномъ на сооруженіе гробницы. Тѣмъ болѣе странно, что подобнаго старанія не обращено на внѣшнюю сторону. Насъ поражаетъ прежде всего отсутствіе всякаго украшенія на надгробной или внѣшней части гробницы, отсутствіе камней, насыпи, могилы и т. д. Вершина гробницы совпадаетъ вполне съ уровнемъ плоской равнины. Это производитъ впечатлѣніе, какъ будто-бы жители, строившіе гробницы, нарочно старались не обращать вниманія чьего-либо на мѣсто, гдѣ покоился прахъ умершихъ. Не видно ни малѣйшаго кургана, бугорка или насыпи,—повсюду равнина. Никакой даже растительности, ни слѣдовъ деревьевъ; на всемъ пространствѣ кладбища преобладаетъ песчаная почва.

Въ разрытомъ нами кладбищѣ собственно каменные гробницы составляютъ самую интересную сторону нашей археологической находки. Удивительная утонченность изящнаго чувства обнаруживается въ постройкѣ каменнаго колодца, каменнаго вѣнца покрывавшаго гробницу, въ гармоніи линій и пр. Замѣчательно тоже искусство—строить столь прочно гробницу безъ цемента, безъ извести. Верхніе ярусы гробницы состоятъ по большей части изъ кругловатыхъ полевыхъ камней. Въ доисторическое время, быть можетъ, камни попадались чаще въ Добрышицахъ, что впрочемъ сомнительно;—теперь же камень въ Добрышицахъ—настоящая рѣдкость. Ихъ собирали, должно быть, на окрестныхъ поляхъ. Что же касается до каменныхъ плитъ, то онѣ поражаютъ насъ правильностью своей формы, такъ что ихъ нельзя считать произведеніемъ природы, ибо онѣ, по видимому, нарочно были обдѣланы. При такихъ обстоятельствахъ, указывающихъ на то, что постройка каменныхъ гробницъ въ Добрышицахъ стоила довольно дорого, можно не безъ основанія предполагать, что на кладбищѣ въ Добрышицахъ въ каменныхъ гробницахъ хоронили только зажиточныхъ жителей одного или нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній.

Въ заключеніе сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относительно пепельницъ. Добрышицкія урны доказываютъ, что гончарное искусство того времени находилось уже на извѣстной степени развитія, что гончарный станокъ былъ въ употребленіи и что извѣстна была тогдашнимъ Славянамъ полива. Черная полива на нѣкоторыхъ урнахъ отличается своимъ цвѣтомъ и блескомъ, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ можно бы считать совершенно современнѣмъ произведеніемъ. Лучшимъ однако же доказательствомъ развитаго чувства

изящности служатъ кувшины, найденныя въ двухъ гробницахъ. Они поражаютъ нашъ глазъ гармоническимъ очертаніемъ, благороднымъ и легкимъ рисункомъ, симметриєю линий, наведенныхъ на ихъ поверхности въ родъ украшеній. Это лучшіе свидѣтели древнѣйшей культуры нашихъ предковъ.

ПЕЩЕРА БЫЧАЧЕЙ СКАЛЫ ВЪ МОРАВИИ.

Рефератъ д-ра **Индриха Ванкеля.**

Въ прекрасной боковой долинь порѣчья Свитавы въ Моравіи, близъ Бланска и Адамова (долина Adamsthal), за двѣ станціи Пражско-Вѣнской желѣзной дороги передъ г. Берномъ (Брюнъ), находится въ девонскомъ извѣстнякѣ интересная скальная пещера, въ 250 метровъ длиною, извѣстная подъ именемъ Бычачей Скалы.

Эта пещера состоитъ: 1) изъ просторныхъ сѣней, слабо освѣщенныхъ падающимъ сверху солнечнымъ свѣтомъ; 2) изъ длиннаго коридора, который вымыли, когда-то протекавшія чрезъ него, горныя воды, и 3) изъ боковыхъ сѣней, перерѣзывающихъ главный коридоръ. Полъ этой пещеры состоитъ изъ обильно нагроможденныхъ слоевъ дилювіальныхъ и аллювіальныхъ.

И боковыя, и переднія сѣни этой пещеры доставили мнѣ возможность возстановить картины двухъ разныхъ эпохъ изъ первобытной исторіи Моравіи. Въ первой мы видимъ человѣка, въ незапамятныя времена жившаго въ этой пещерѣ дикимъ троглодитомъ и проводившаго свое бѣдное существованіе въ постоянной борьбѣ съ элементами, съ дикими звѣрями и съ враждебными вліяніями; во второй — великолѣпный жертвенникъ, гдѣ, за 24 столѣтія, при яркомъ заревѣ большаго огня были приносимы кровавыя человѣческія и звѣриныя жертвы. Вотъ двѣ крайнія эпохи, начало и конецъ, первобытной исторіи Моравіи. Подъ аллювіальнымъ пескомъ, въ глубинѣ 3 метровъ, я открылъ слой, состоящій изъ смѣси угля съ травертиномъ, содержащій неимоверное количество первобытныхъ памятниковъ древнѣйшаго каменнаго вѣка Моравіи, и палеолитическихъ остатковъ этой эпохи. Этотъ слой я назвалъ культурнымъ, ибо онъ когда-то образовалъ полъ боковыхъ сѣней, на которомъ первобытный человѣкъ сдѣлалъ себѣ жилище, столъ и ложе и на которомъ онъ оставилъ большое количество каменныхъ орудій и оружія,

разбитыхъ длинныхъ костей и другихъ произведеній искусства. Еще ясно можно было видѣть мѣста, гдѣ онъ когда-то сидѣлъ, разбивалъ кости, жарилъ себѣ на огнѣ добычу своей охоты и приготавливалъ каменные орудія. Большой камень покрытый сажей; передъ нимъ огнище и вокругъ множество разбитыхъ костей вмѣстѣ съ каменными орудіями, каменные обломки, нуклеусы и матеріалъ для разработки достаточно обозначали эти мѣста.

Матеріалъ для каменныхъ орудій былъ или домашній, т. е. находящіяся въ той же пещерѣ валуны, роговикъ, кварцитъ и т. под., или иностранный, не находящійся въ томъ краѣ, какъ кремень изъ мѣловой формаціи, яспись во всѣхъ породахъ, хальцедонъ, агатъ, кварцъ и горный хрусталь; также найдены ножи изъ темно-зеленаго матеріала, имѣющаго большое сходство съ ядентомъ. Этотъ случай тѣмъ поразительнѣе, что, на сколько мнѣ извѣстно, въ Европѣ не нашлось никакихъ каменныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ нефрита. Эти каменные орудія не показываютъ никакихъ слѣдовъ точенія и всѣ сдѣланы очень примитивно; онѣ имѣютъ тѣ же самыя формы, какъ подобныя орудія и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, тамъ находились тысячи ножей разной величины, ножеобразные топоры, топоры, кельты, концы стрѣлъ и копій, струги и пилы. Разбитыя кости принадлежали сѣверному оленю, лошади, туру, бѣлому зайцу, сѣверной лисицѣ, барсуку, волку, мелкой породѣ курицы и многимъ водянымъ птицамъ. Я нашелъ только одинъ обломокъ ребра мамонта, носящій на себѣ явные слѣды того, что онъ въ свѣжемъ состояніи былъ обработанъ каменными орудіями. Эта находка съ полной вѣроятностью констатируетъ современность человѣка съ мамонтомъ въ Моравіи.

Изъ многочисленныхъ обработанныхъ костей слѣдуетъ упомянуть о многихъ примѣтно оскобленныхъ костяныхъ ложкахъ, служившихъ для выниманія мозга изъ разбитыхъ костей, о расколотой головкѣ бедренной кости, выдолбленной для того, чтобы въ ней жечь мозгъ или жиръ, и служившей такимъ образомъ своего рода лампою, на что явно указываютъ слѣды долгаго употребленія: почернѣвшая, обугленная, губчатая часть кости; далѣе обращаетъ на себя вниманіе остроконечный молотъ изъ рога сѣвернаго оленя, формою совершенно сходный съ найденными въ сорныхъ ямахъ близъ Брандона, и, наконецъ, большое количество заостренныхъ костяныхъ копій, костяныхъ ножей, иглы очень изящныхъ формъ частью съ ушкомъ, частью безъ него.

Изъ другихъ предметовъ необходимо упомянуть объ очиненномъ кускѣ краски для крашенія кожи или другаго употребленія, объ 4 угольно-очиненныхъ кускахъ бураго угля, о кускѣ окаменѣлаго дерева и о каменной иглѣ, вырѣзанной изъ сѣроваковой породы. Крайне поразительна была находка 3 кусковъ валуновъ грауваки, носящихъ на себѣ слѣды письма или численныхъ знаковъ. Эта находка мнѣ казалась такой высокой важности, что я счелъ нужнымъ засвидѣтельствовать ее нотаріальнымъ актомъ. Правда, подобныя находки изъ эпохи сѣвернаго оленя уже встрѣчались, но, по моему мнѣнію, на нихъ обращено было слишкомъ мало вниманія; такъ Оскаръ Фрасъ на Шусенридѣ на-

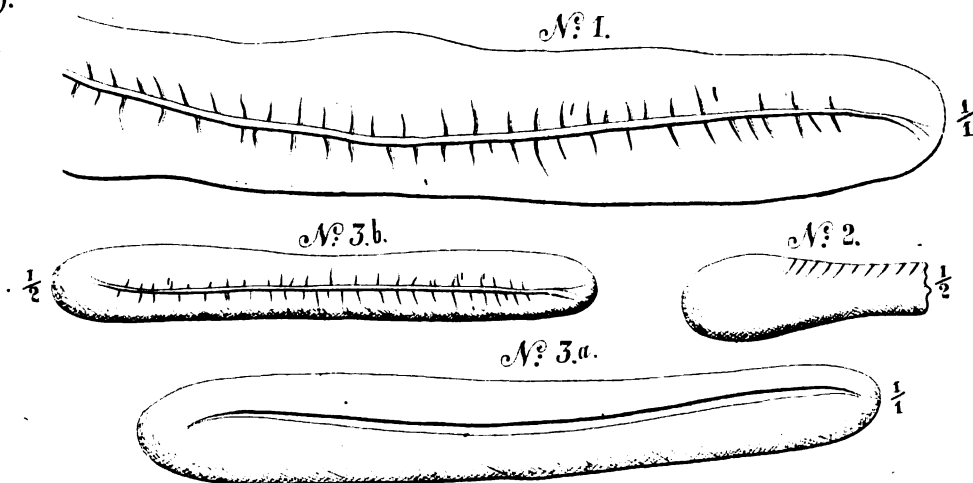
шелъ одинъ конецъ оленьяго рога, носящій двойной рядъ противоположныхъ рѣзовъ, который онъ принимаетъ за числа уловленныхъ сѣверныхъ оленей. Не смотря на это едва-ли основательное предположеніе, двойной рядъ правильно наведенныхъ чертъ имѣеть много сходства съ знаками на нашихъ камняхъ. Далѣе Ларте передъ пещерой у Ориякъ нашелъ доску изъ рога сѣвернаго оленя, имѣющую на одной сторонѣ многочисленныя поперечныя черты, равномерно отдѣленныя и въ срединѣ прорѣзанныя, образующія два ряда чертъ; и на боковыхъ ихъ плоскостяхъ есть рѣзы поглубже и тоже въ равномерномъ разстояніи. Ларте въ нихъ видитъ численные знаки, означающіе разную цѣну, или относящіеся къ разнымъ предметамъ, тогда какъ Штейнгауеръ считаетъ ихъ охотничьими знаками. Подобную же находку представляетъ клыкъ дикаго кабана изъ пещеры Ла-Шель, имѣющій на оконечности 28 поперечныхъ чертъ, принимаемыхъ за охотничьи знаки. Еще ближе къ нашимъ камнямъ находка Фавра въ пещерѣ у Вейриѣ на поватости горы Салевъ близъ Женевы; это кость 18 сантиметровъ длины, которая на одномъ концѣ имѣеть дыру, а на другомъ систему чертъ по обѣимъ сторонамъ отвѣсной линіи. Фавръ эти черты принимаетъ за грубое примитивное изображеніе растенія. Подобное видно и на кости, найденной Дюпономъ въ большой пещерѣ Тронъ-Магритъ въ окрестностяхъ Понтъ-а-Лесъ. Всѣ эти начертанія изъ эпохи сѣвернаго оленя, имѣють много сходства между собой и съ нашими числовыми или письменными знаками. Рѣзба послѣднихъ такова, что она можетъ быть принята за переходъ или соединительный членъ между знаками, найденными на камняхъ въ югозападной Ирландіи, Велсъ, Шетландѣ и Девонширѣ такъ-называемаго Огамскаго или Умскаго письма и носить безъ сомнѣнія тотъ-же характеръ. Ричардъ Рольтъ, Братъ и Макъ Куртенъ приписываютъ этому письму кельтское происхожденіе и считаютъ его гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ первыя скандинавскія начертанія и древнѣйшія руническія письмена; хотя Ружмонтъ и другіе относятъ его къ желѣзному вѣку и даже къ христіанской эпохѣ. Его находили часто на природныхъ камняхъ 4—15 футовъ вышины, которые стояли или особнякомъ или группами и послужили позже другимъ народамъ для постройки ихъ мегалитическихъ памятниковъ и еще позже для постройки христіанскихъ церквей. Главный характеръ того письма состоитъ въ томъ, что какой-нибудь край камня или, гдѣ такового не было, глубокая, твердымъ камнемъ начертанная борозда служила исходной точкою чертъ и точекъ по обѣимъ сторонамъ, то длиннѣе, то короче наведенныхъ и то прямѣе, то косѣе на нее падающихъ. Число одинаковыхъ чертъ, ихъ положеніе и раздѣленіе, комбинація съ точками представляютъ будто бы разные согласные и гласные. Тотъ край или корытце (борозду) Англичане назвали *флесь* и онъ, кажется главной характерной чертой всего письма.

Отъ чертъ, по обѣимъ сторонамъ флеса наведенныхъ, разной длины и разнаго положенія, эта рѣзба получила сходство съ розгой или вѣтвью, почему и это письмо носить названіе розговаго письма; *ogham*—умъ—въ Ирскомъ языкѣ, по Брамѣ, означаетъ розгу или

вѣтъ. По его же мнѣнію эти письменные знаки происходятъ отъ колонистовъ, которые занимали только поморье и прилежація къ нему порѣчія, ибо дальше 20 англійскихъ миль отъ поморья не находятся такихъ письменъ.

Съ этимъ Умскимъ письмомъ знаки на валунахъ изъ сѣрой ваковой породы, найденныхъ въ пещерѣ Бычачей Скалы, имѣютъ поразительное сходство.

Одинъ, самый большой кусокъ, въ 97 м. длины и 14 м. ширины цилиндрической валунъ, на одной сторонѣ котораго во всю длину вырыты въ 1 м. шириною и столько же глубиною, и 90 м. длиною флесь совершенно сходный съ тѣмъ, который Англичане назвали этимъ именемъ. Кажется что этотъ камень только приготовленъ для того, чтобы на немъ позже навести черты (№ 1). На другомъ камнѣ вмѣсто флеса край служитъ исходною точкой; это въ сожалѣнію отломленный, въ 55 м. длиною, очень плоскій (въ 12 м. шириною) кусокъ съ округленными краями, на одной сторонѣ 5 одинаковой длины на край изкоса подающихъ чертъ, а на другой 10 такихъ же чертъ, очень глубоко и, по видимому, съ трудомъ врѣзанныхъ въ камень (№ 2). Третій камень съ письмомъ сохранился вполнѣ, онъ имѣетъ 70 м. въ длину, 6—7 м. въ толщину; это цилиндрической, на обоихъ концахъ закругленный валунъ, на обѣихъ сторонахъ его во всю длину глубоко и тщательно вырѣзанъ флесь: одинъ безъ чертъ (№ 3а), а другой съ рядомъ глубокихъ чертъ, которыя то длиннѣе, то короче, отвѣсны или наклонны, мѣстами замѣняются точками и по обѣимъ сторонамъ флеса наведены; онѣ цѣлой скульптурѣ даютъ видъ розги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляютъ поразительное сходство съ Умскимъ письмомъ (№ 3б).

Эти черты вѣрно не безъ значенія и не безсознательно съ большимъ трудомъ врѣзаны въ камень, ихъ соединеніе съ флесомъ вѣрно имѣетъ какое-нибудь значеніе; ихъ сходство Умскимъ письмомъ не случайно. Этой комбинаціи чертъ съ флесомъ должно

приписать какое-нибудь важное значеніе, особенно, если взять въ соображеніе, какого труда стоило первобытному человѣку, пока ему удалось столь прямыя борозды и черты въ столь правильномъ разстояніи врѣзать въ твердый камень, что требуетъ и нынѣ искусной руки рисовальщика.

Находка этихъ 3 камней и ихъ сходство съ такъ-называемымъ Ускимъ письмомъ палеолитическаго вѣка, когда сѣверный олень и мамонтъ жили еще съ человѣкомъ въ средней Европѣ, весьма поразительно, заслуживаютъ быть рекомендованными величайшему вниманію ученыхъ знатоковъ.

Всѣ, указанныя подробности, взятая вмѣстѣ, составляютъ общую картину, изображающую намъ первобытнаго человѣка въ палеолитическомъ вѣкѣ Моравіи, въ его примитивномъ, природномъ состояніи, въ эпохѣ, когда въ Моравіи господствовали еще свѣрпый климатъ, когда въ этой странѣ жили еще звѣри, давно отѣенные на сѣверь, какъ: сѣверный олень, бѣлый заяцъ, сѣверная лисица, волкъ и т. п. или звѣри уже вымершіе, какъ: мамонтъ. Человѣкъ, выбравъ себѣ боковыя сѣни, устроилъ тамъ свое жилище, въ которомъ съѣдалъ добычу своей охоты, разбивалъ кости чтобы изъ нихъ вынимать вкусный мозгъ, устроилъ свою мастерскую, гдѣ изготовлялъ каменные орудія и оружія изъ принесеннаго туда матеріала или изъ находившагося на мѣстѣ роговика и кварцита; каменные орудія онъ вѣроятно выпрабатывалъ не только для себя, но и для торговли, потому что они тысячами здѣсь дѣлались, какъ на то указываютъ многочисленныя обломки, осколки и многія неоконченныя и испорченныя орудія. Добычу своей охоты онъ съѣдалъ или сырою, или жареною, причѣмъ употреблялъ вѣроятно деревянный вертелъ, какъ показываетъ кусокъ известняка, найденнаго въ остаткахъ угасшаго очага, имѣющій двѣ выточенныя ямки, въ которыхъ вращался вертелъ.

Такъ намъ представляется весьма примитивная но и спокойная картина первобытнаго человѣка въ Моравіи. Но это спокойствіе встревожено мрачною тѣнью, именно находкою локтевой кости ребенка, носящей на себѣ слѣды гризенья человѣческими передними зубами. Если даже эти слѣды и сомнительны, то найденная отдѣльная локтевая кость ребенка возбуждаетъ сама по себѣ предположеніе о людоедахъ.

За первой картиной изъ древнѣйшихъ временъ Моравіи слѣдуетъ другая изъ той же пещеры, многими тысячелѣтіями моложе, картина великолѣпная и ужасная! Сценой она была пространная, слабо освѣщенная передняя сѣня, гдѣ за 24 столѣтія происходилъ ужасный культъ, гдѣ убивали людей и звѣрей и приносили всякаго рода жертвы. Въ срединѣ этой передней части пещеры горѣлъ огромный очагъ, на которомъ была сожжена колесница, сдѣланная изъ дерева и желѣза, украшенная бронзовыми бляхами съ лежащимъ на ней покойникомъ. Кругомъ разбросаны во всей передней костьки человѣческихъ жертвъ, по большей части обугленные, перемѣшанные съ костьками лошадей безъ череповъ, свиной и скота, съ тысячами черепковъ и цѣлыхъ глиняныхъ сосудовъ, отчасти

наполненныхъ хлѣбомъ, фруктами и яствами; тутъ же найдено нѣсколько бронзовыхъ ведеръ и котловъ а также всякаго рода украшеній изъ бронзы, золота, стекла, янтара и желѣза. Около очага и въ углѣ его лежали разбросанныя браслеты разнаго рода, спиральные круги, фибулы, круглыя доски съ висящими украшениями изъ бронзы; изящныя украшения волосъ, браслеты и кольца изъ золота и бураго угля, ожерелья изъ чудно-блестящаго стекла, вылуженныя бусы, стеклянныя звѣзды, орудія и оружія изъ кости и рога, красивыя глиняныя бусы, вѣсы изъ камня и глины, исполненныя браслеты, употребившіяся какъ символы, скипетръ изъ бронзы, точильные камни и амулеты; затѣмъ обугленныя шерстяныя и льняныя матеріи и ткани; въ сосудахъ былъ хлѣбъ: просо, пшеница, чечевица, остатки цвѣтовъ въ обугленныхъ корзинкахъ, остатки яствъ и т. п. Въ одномъ бронзовомъ котлѣ найденъ человѣческой черепъ, въ другомъ глиняный сосудъ съ остатками яствъ, въ третьемъ бронзовая фигура быка, имѣющаго всѣ признаки Аписа древнихъ Египтянъ.

Вблизи отъ очага находилась правильная мостовая изъ обдѣланныхъ камней и на ней жертвенникъ, на которомъ лежали отрубленныя руки дѣвушки, украшенныя еще бронзовыми браслетами и золотыми кольцами, а подлѣ него, половина разколотаго черена и другія части костяка; кругомъ-же были разбросаны кости многихъ людей и звѣрей. Все это мѣсто было по окончаніи торжества покрыто большими обломками извѣстняка, пескомъ и землею, и такимъ образомъ сохранилось нетронутымъ и неповрежденнымъ до того времени, когда мнѣ удалось его открыть и разобрать.

Приводить подробности, сопровождавшія открытіе всѣхъ этихъ предметовъ и описывать самые предметы, я считаю лишнимъ; это описаніе найдетъ мѣсто въ приготовленной уже для печати монографіи; считаю только необходимымъ упомянуть, что всѣ тамъ найденныя предметы носятъ на себѣ гальштатскій характеръ, что формы и украшения бронзовыхъ вещей указываютъ на вліяніе итало-этрусское, что богатые стеклянныя бусы свидѣлствуютъ о финикійскомъ ихъ происхожденіи, а обиліе янтарныхъ вещей указываетъ на народъ, знавшій хорошо янтарную дорогу, которая отъ древняго Карпентума пролегла черезъ долину рѣки Моравы. Костяки всѣ принадлежали сильнымъ, здоровымъ, молодымъ особямъ, больше всего дѣвушкамъ съ красивыми зубами и малыми ногами и руками. Многіе черепа тяжестью лежавшихъ на нихъ глыбъ разрушены, другіе-же, сохранившіеся, носятъ слѣды насильственныхъ поврежденій передъ смертью: они или разколоты или раздавлены съ боковъ.

Для опредѣленія народа, которому принадлежалъ этотъ жертвенникъ, мы имѣемъ только весьма скудные источники. Исторія указываетъ на два народа, жившіе въ то время въ этой части Моравіи: Бои и Маркоманы. За Боевъ говорятъ многочисленныя найденныя предметы такъ-называемаго кельтскаго характера, человѣческія жертвы, которыя составляли у Кельтовъ существенную часть ихъ культа, и черепа, совершенно сход-

ные съ такъ-называемыми Келтскими (Гальштатскими) черепами; они почти всѣ суббрахицефальные и въ своихъ отношеніяхъ и по вѣсу похожи на нынѣшніе чешскіе и моравскіе черепа и вовсе не похожи на черепа людей германскаго племени, къ которому принадлежали Марьоманы.

На основаніи моей находки я старался вератцѣ начертить, пользуясь данными, оказавшимися въ одной и той-же пещерѣ Моравіи, двѣ картины двухъ различныхъ эпохъ первобытной исторіи этой страны. Въ первой мы видимъ бѣдную и почти звѣриную жизнь первобытнаго человѣка—троглодита и людю́да—въ началѣ его борьбы за существованіе; въ другой—человѣкъ является намъ въ богатой обстановкѣ, на довольно высокой уже степени развитія, приносящимъ человѣческія кровавыя жертвы изъ побужденій фанатизма и безумнаго суевѣрія, сложившагося въ цѣлый правильно обставленный культъ.

КІЕВСКАЯ АРХИТЕКТУРА X—XII ВѢКА.

Рефератъ П. А. Лашкарева.

Какъ въ археологіи вообще, такъ особенно въ монументальной исторіи нашего отечества довольно ощутительный пробѣлъ дѣлаетъ то, что доселѣ остаются неуясненными отличительныя черты архитектурнаго стиля кіевскихъ церквей X—XII вѣка. По сказанію лѣтописей, строителями этихъ церквей были по преимуществу, если не исключительно, зодчіе—Греки. Стиль, въ какомъ могли строить они, былъ, конечно, ихъ отечественный, т. е. византійскій. Для исторіи этого стиля, при рѣдкости памятниковъ его изъ означеннаго періода, далеко не безразличны тѣ архитектурныя формы, какія оставилъ онъ на церквахъ кіевскихъ. Съ другой стороны, церкви, строенныя Греками въ Кіевѣ, были первыми сооруженіями этого рода въ землѣ русской. Византійская базилика, формы которой Греки перенесли этимъ путемъ въ наше отечество, стала прототипомъ церквей, строившихся затѣмъ по другимъ городамъ и областямъ Руси православной. Начиная съ послѣднихъ монументальную исторію нашего отечества значить отбрасывать отъ этой исторіи ея первую страницу, безъ которой будутъ не вполне понятны остальные.

Подобный пробѣлъ, какъ въ общей, такъ и въ русской археологіи, былъ бы вполне естественъ, если бы Кіевъ X—XII вѣка не оставилъ послѣ себя никакихъ памятниковъ этого рода, или оставилъ только массу развалинъ безъ опредѣленныхъ очертаній. Въ любомъ описаніи Кіева можно найти указанія на существованіе въ немъ до настоящаго времени по крайней мѣрѣ семи церквей, построенныхъ въ древній періодъ его исторіи; въ дѣйствительности же число такихъ церквей доходитъ до десяти. Правда, изъ этихъ же описаній видно, что ни одна изъ подобныхъ церквей не сохранилась до нашего времени въ своемъ первоначальномъ видѣ. Тяжелая историческая судьба Кіева, подвергшаяся сперва разгрому татарскому, а затѣмъ гнету польскому, отразилась самымъ нагляд-

нымъ образомъ на его памятникахъ. Разоренный, лишенный населенія и политическаго значенія нашествіемъ Батюга, Кіевъ цѣлыя столѣтія представлялъ собою своего рода громадное, но забытое кладбище, на которомъ храмы, какъ памятники прошлаго величія, никѣмъ не охраняемые, никѣмъ не поддерживаемые, лишенные кровель, дверей и оконъ, размывались дождемъ, разносились и заносились вѣтромъ, портились руками проходивцевъ, теряли купола и своды, обращались въ холмы щебня и развалинъ. Если разрушеніе нѣкоторыхъ, благодаря привязанности русскаго народа къ родной святынѣ и родному пепелищу, было приостановлено сравнительно болѣе или менѣе скоро; за то другіе продолжали лежать въ развалинахъ еще въ половинѣ семнадцатаго вѣка; а многіе такъ и исчезли безслѣдно. Да и самая поддержка и возстановленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, производившіяся въ виду религіозныхъ потребностей уже далеко меньшаго, чѣмъ прежде, населенія, сравнительно очень скудными средствами и во время господства въ Кіевѣ латино-польскаго вліянія, не столько служили къ сохраненію, сколько къ искаженію первоначальнаго вида древнихъ зданій. Заботились не о томъ, чтобы та или иная церковь продолжала существовать въ тѣхъ именно формахъ, съ какими создана первоначально какъ извѣстное художественное произведеніе, а о томъ лишь, чтобы была кака-нибудь церковь. Только блаженной памяти Петръ Могила, заботясь о поддержаніи и возстановленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ, руководился и преданіями историческими, обращавшими ихъ въ общую святыню народа русскаго. Но и у него не доставало ни матеріальныхъ, ни художественныхъ средствъ для этой цѣли. Онъ ограничивался возстановленіемъ и сохраненіемъ хоть чего-нибудь,—угла отъ одной церкви, стѣны—отъ другой; какъ могъ, прикрывалъ ихъ, приспособлялъ къ богослуженію, лишь-бы было по чему воспоминать народу вѣру отцовъ своихъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что ни одной изъ древнихъ кіевскихъ церквей не осталось безъ поправокъ, надстроекъ или пристроекъ болѣе или менѣе значительныхъ, смотря по тому, въ какомъ состояніи разрушенія заставали ихъ первоначальныя исправленія; причеиъ эти поправки, надстройки или пристройки давали имъ видъ уже вовсе не такой, какой онѣ должны бы имѣть, судя по своему первоначальному плану, конструкціи и фасаду, а какой пришлось по матеріальнымъ средствамъ и вкусамъ времени. Отъ того древнія церкви Кіева,—если и не обратились вообще въ массу развалинъ безъ опредѣленныхъ очертаній,—представляютъ собою такую смѣшанную массу архитектурныхъ формъ, изъ которой выдѣлить формы дѣйствительно древнія, первоначальныя, возможно только при внимательномъ изслѣдованіи зданій.

Впрочемъ изслѣдованіе это значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что матеріаль, изъ котораго строили древнія кіевскія церкви зодчіе—Греки, рѣзко отличается отъ того матеріала, какой употребляли позднѣйшіе мѣстные строители для своихъ поправокъ, надстроекъ и пристроекъ. Образчикъ матеріала построекъ греческихъ открытъ для всѣхъ въ остаткахъ знаменитыхъ „Золотыхъ воротъ“ Ярослава. Всѣ раскопки, когда-

либо производившіяся на мѣстахъ древнихъ кіевскихъ церквей, оставшихся не возстановленными послѣ своего разрушенія въ періодъ татарскаго владычества, доказываютъ, что какъ въ постройку Золотыхъ воротъ, такъ и въ постройку означенныхъ церквей, одинаково были употребляемы: а) кирпичъ, имѣвшій форму плитъ, по размѣрамъ приближавшихся къ квадрату; б) камень желѣзнякъ или красный шиферный, частію въ видѣ необдѣланномъ, какъ внутри стѣнъ, частію въ обдѣланномъ, плитами, для карнизныхъ и другихъ украшеній,—равно и мраморъ; и наконецъ в) цементъ, въ видѣ кирпичнаго и другаго щебня, смѣшаннаго съ растворомъ извести, который, отвердѣвая, обращалъ слои этого цемента въ массу болѣе прочную, чѣмъ самый кирпичъ. Присутствіе такого матеріала легко открывается во всѣхъ кіевскихъ церквахъ, относящихся по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду, и притомъ въ такихъ фундаментальныхъ частяхъ этихъ церквей, сооруженіе которыхъ во всякомъ случаѣ должно было предшествовать сооруженію другихъ, въ которыхъ замѣчается матеріалъ иного свойства. Задача изслѣдованія древнихъ кіевскихъ церквей, съ цѣлію выдѣленія въ нихъ первоначальнаго отъ позднѣйшаго, можетъ поэтому ограничиваться опредѣленіемъ того, гдѣ въ данной церкви есть эта древняя кладка и гдѣ она оканчивается. Очеркъ этой кладки и будетъ, безспорно, очеркомъ остатка первоначальнаго зданія. Только уже при окончательныхъ выводахъ изъ добытаго такимъ образомъ матеріала изслѣдователь долженъ, конечно, не упускать изъ виду, что данный остатокъ древняго зданія въ той или иной церкви могъ частію потерять нѣкоторыя изъ первоначальныхъ своихъ особенностей, частію получить отъ рукъ позднѣйшихъ исправителей новыя, хотя эта потеря вообще не можетъ простирается далѣе пилястръ, арокъ, колоннъ, полуколонокъ и разнаго рода другихъ принадлежностей внутренней и внѣшней орнаментаціи зданій, а измѣненія—далѣе формъ кровельныхъ, дверныхъ и оконныхъ. Такого рода потери и измѣненія тѣмъ болѣе естественны, чѣмъ долѣе извѣстная церковь оставалась въ развалинахъ, и могутъ легко быть уясняемы при взаимномъ сопоставленіи добытыхъ наблюденіемъ данныхъ.

Принимая указанную выше кладку за несомнѣнный признакъ древности, я старался, на сколько позволяло настоящее состояніе зданій, изслѣдовать ее во всѣхъ почти церквахъ кіевскихъ, производя это изслѣдованіе: а) по горизонтальному протяженію каждой изъ нихъ, обращая при томъ особое вниманіе на такія ихъ части, которыя видимо нарушали единство плана или отличались особенностями архитектурнаго свойства; б) въ направленіи зданій вертикальномъ, наблюдая кладку стѣнъ преимущественно подъ кровлями зданій, гдѣ она всегда болѣе или менѣе обнажена отъ штукатурки; и в) въ сводахъ и въ фонаряхъ куполовъ, какъ такихъ частяхъ, которыя скорѣе всего могли терпѣть поврежденія и цѣлость которыхъ наиболѣе можетъ быть сомнительна. Результаты этого изслѣдованія, которые я осмѣливаюсь предложить вашему вниманію, заключаются въ слѣдующемъ.

1) *Въ церкви Васильевской* (нынѣ Трехсвятительская) я имѣлъ случай наблюдать древнюю кладку а) въ алтарныхъ абсидахъ снаружи, по случаю обвала штукатурки, до высоты приблизительно двухъ сажени, и изнутри въ части фундаментальной; б) по южной стѣнѣ этой церкви изъ-подъ кровли теперешняго придѣла ея съ означенной стороны. Въ западной стѣнѣ, на сколько часть ея можетъ быть видна изъ-подъ кровли тогоже придѣла, я замѣтилъ значительныя позднѣйшія исправленія. Сводовъ церкви я осмотрѣть не могъ, такъ какъ ходъ на эти своды въ настоящее время заложенъ; но по свидѣтельству причта, въ компетентности котораго въ данномъ случаѣ я не имѣю повода сомнѣваться, кладка въ нихъ новая. Такая же новая кладка отличаетъ стѣны и своды теперешняго южнаго придѣла церкви и пристройки къ ней съ западной стороны (въ видѣ полуосмигранника). На основаніи этихъ данныхъ я полагаю, что отъ первоначальнаго зданія древней Васильевской въ нынѣшней Трехсвятительской церкви сохранились: а) алтарные абсиды, и в) стѣны теперешней срединной части церкви. Алтарные абсиды, по нѣкоторымъ признакамъ, сохранились до сводовъ включительно. Форма ихъ въ общемъ соотвѣтствуетъ вполне несомнѣнно древнимъ абсидамъ другихъ кievскихъ церквей. Кромѣ того, на внутреннихъ стѣнахъ, на которыя опираются своды этихъ абсидовъ, и которыхъ края въ видѣ двухъ пилястръ выступаютъ въ средину теперешней церкви, совершенно ясно замѣчаются красные шиферные карнизы, доказывающіе несомнѣнно, что до высоты этихъ стѣнъ или пилястръ мы имѣемъ часть зданія именно древней кладки. Стѣны теперешней средней части церкви, по всей вѣроятности, сохранились отъ древняго зданія до охватывающаго ихъ вверху карниза. Но все это сохранилось не безъ нѣкоторыхъ измѣненій. Измѣненія эти не въ томъ состоятъ, какъ утверждалъ между прочимъ покойный Н. В. Закревскій, будто къ стѣнамъ церкви при возобновленіи ихъ приданы совнѣ пилястры съ полуколонками, (древняя кладка этихъ пилястръ и полуколонокъ можетъ быть совершенно ясно усматриваема изъ-подъ кровли теперешняго южнаго придѣла церкви), а въ добавленіи къ наружнымъ стѣнамъ цоколя, въ измѣненіи первоначальной формы и закладкѣ нѣкоторыхъ оконъ, и въ уничтоженіи пилястръ внутри церкви. Нынѣшній цоколь зданія такъ высоко опоясываетъ стѣны зданія, которыя, судя по толстому, окружающему ихъ въ видѣ холма слою щебня, значительную свою частію находятся еще въ землѣ, что могъ бы принять быть за поясъ его (подобный тѣмъ, какіе замѣчаются на древнихъ церквахъ сѣверо-восточной Россіи), если бы въ немъ совершенно ясно не обнаруживалась новая кладка. Раздѣлка и измѣненіе формы оконъ также не подлежитъ сомнѣнію. Въ сѣверо-восточномъ отдѣленіи алтаря сохранилось до настоящаго времени окно щелеобразной формы, завершающееся круглою перемычкою. Подъ кровлю теперешняго южнаго придѣла выходитъ точно такое же окно древней кладки, заложенное изнутри церкви (въ щели) новымъ кирпичемъ. По всей вѣроятности и другія древнія окна, дававшія просвѣтъ, имѣли ту же форму; а если они отличаются въ на-

стоящее время отъ этихъ оконъ, то новую форму могли получить вслѣдствіе позднѣйшей раздѣлки или исправленія. Изъ-подъ той же кровли можно видѣть, что возстановители церкви не стѣснялись и закладкою древнихъ оконъ. Самое упомянутое окно древней формы, выходящее подъ кровлю, не только заложено изнутри, но и совершенно сравнено съ стѣною новою закладкою по крайней мѣрѣ до половины своей прежней высоты. Кромѣ него, тамъ же замѣчаются совершенно ясныя слѣды и другихъ древнихъ оконъ, также заложённыхъ новымъ кирпичемъ. Объ уничтоженіи пилястръ, бывшихъ нѣкогда внутри церкви, я заключаю на томъ основаніи, что подобными пилястрами выступаютъ внутрь церкви упомянутыя мною стѣны алтарныхъ абсидовъ, на которыхъ лежатъ своды послѣднихъ. Эти оставшіяся пилястры, заканчивающіяся въ настоящее время простымъ уступомъ на алтарной (надъ иконостасомъ) стѣнѣ, не имѣютъ смысла, если не допустить, что въ извѣстномъ разстояніи отъ нихъ въ срединѣ церкви существовали два столба, верхи которыхъ соединялись съ ними концами арокъ, служившихъ въ свою очередь опорой для древняго купола и сводовъ. Изъ древней орнаментаціи этого остатка древняго зданія Васильевской церкви сохранился отчасти только крестъ на срединѣ нѣкогда наружной, но теперь выходящей подъ кровлю южнаго придѣла, стѣны. Крестъ этотъ шестиконечный, и образованъ краями кирпичей, выступающихъ изъ плоскости стѣны; надъ нимъ изъ тѣхъ же и также выступающихъ краями кирпичей сдѣлано нѣчто въ родѣ навѣса, въ формѣ трехугольника безъ основанія.

2) О *Соборѣскомъ соборѣ* былъ уже предложенъ весьма подробный и обстоятельный рефератъ глубоко уважаемымъ членомъ съѣзда, о. протоіереемъ собора П. Г. Лебединцевымъ. Съ своей стороны, я ограничусь напоминаніемъ, что древняя кладка въ этой церкви обнаруживается, кромѣ пяти среднихъ алтарныхъ полуокружій, по всей восточной стѣнѣ, идущей отъ этихъ полуокружій въ обѣ стороны, за исключеніемъ приданныхъ къ этой стѣнѣ остальныхъ, по два съ каждой стороны, небольшихъ алтарей. Затѣмъ, кладка эта видна по аркадѣ съ южной стороны собора до юго-западнаго угла его, включительно съ стѣнами башни (въ которой помѣщается лѣстница, ведущая въ южное отдѣленіе хоръ) и съ соединеннымъ съ нею остаткомъ аркады, тянувшейся по западной сторонѣ церкви. Видна она по той же аркадѣ и съ сѣверной стороны, гдѣ также охватывая сѣверо-западный уголъ, продолжается до другой башни, ведущей въ сѣверное отдѣленіе хоръ. Во второмъ этажѣ собора древняя кладка совершенно ясно замѣчается только въ стѣнахъ, отдѣляющихъ хоры отъ боковыхъ къ нимъ пристроекъ; въ означенныхъ пристройкахъ, если она и существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то лишь до нѣкоторой, довольно незначительной высоты ихъ стѣнъ (по нѣкоторымъ признакамъ можно съ вѣроятностію предполагать, что до нѣкоторой высоты она существуетъ, напр., въ продольной стѣнѣ, отдѣляющей придѣлъ Іоанна Богослова отъ придѣла Богоявленія). Въ той же части западной стѣны, которая вдается какъ бы внутрь церкви и въ которой нахо-

дится западный входъ въ нее, замѣтить такихъ частей, гдѣ бы оставалась древняя кладка, мнѣ не удалось. Разсматривая подкровельныя части собора, нельзя не замѣтить древней кладки въ фонарѣ главнаго купола и коробовыхъ сводахъ, идущихъ отъ него къ сѣверу и югу, до указанныхъ выше стѣнъ, отдѣляющихъ хоры отъ придѣловъ; въ томъ же сводѣ, который идетъ отъ этого фонаря къ западу, древняя кладка замѣчается не болѣе, какъ на треть всего протяженія свода, а затѣмъ начинается кладка уже новая, до самаго фронтона на западной стѣнѣ, который тоже—новой кладки. Древняя же кладка ясно видна какъ въ четырехъ большихъ куполахъ, окружающихъ главный, такъ и въ семи меньшихъ, помѣщенныхъ надъ хорами и совершенно скрытыхъ въ настоящее время подъ кровлю.

3) Въ церкви *Золотоверхо-Михайловской* древняя кладка обнаруживается а) въ стѣнахъ, отдѣляющихъ средину нынѣшней церкви отъ боковыхъ (съ сѣвера и юга) придѣловъ къ ней; б) въ трехъ алтарныхъ полукружіяхъ, заканчивающихъ эту часть церкви къ востоку; и в) въ соответствующей этимъ полукружіямъ западной стѣнѣ. Кладка алтарныхъ полукружій можетъ быть наблюдаема по случайнымъ обваламъ штукатурки и по выступамъ изъ откосовъ нѣкоторыхъ оконъ камней. Кладка западной стѣны замѣчается изъ теперешняго вихода на хоры, расположеннаго въ позднѣйшей къ ней пристройкѣ. Кладка сѣверной и южной стѣны видна съ полною ясностію со сводовъ (подъ кровлю) сѣвернаго и южнаго придѣла. При осмотрѣ внутреннихъ стѣнъ и столбовъ, на которыхъ лежатъ хоры, своды и купола церкви, древняя кладка обнаруживается замѣчаемыми во многихъ мѣстахъ красными шиферными карнизами. Но самая верхняя часть внѣшнихъ стѣнъ, съ ихъ карнизомъ и фронтономъ съ запада, — кладки новой. По сѣверной и южной стѣнѣ эта новая кладка начинается отъ верха ихъ на разстояніи около аршина. Съ полною ясностію обнаруживается древняя кладка и въ фонарѣ главнаго купола, имѣющаго въ своемъ основаніи, между прочимъ, и красный шиферный карнизъ, значительно выступающій внутрь его. Но кладка другихъ четырехъ (меньшихъ) куполовъ, вопреки предположеніямъ Закревскаго, несомнѣнно новая. Они сложены изъ кирпича обыкновенной формы и на обыкновенной известковой подмазкѣ. Также точно не замѣтно древней кладки и въ сводахъ, покрывающихъ хоры и средину церкви. Только изъ свода, идущаго отъ главнаго купола къ югу (прикрывающаго южный конецъ архитектурнаго креста этой церкви), замѣтны два, выступающіе ребромъ, кирпича древней формы. Весьма возможно, что эти кирпичи обозначаютъ остатокъ древнихъ сводовъ въ данномъ мѣстѣ. На основаніи этого я полагаю, что отъ первоначальнаго зданія *Золотоверхо-Михайловской* церкви сохранились до настоящаго времени алтарныя абсиды, стѣны до известной высоты и главный куполь; но не сохранились другіе купола, о которыхъ упоминаетъ историческое преданіе; не сохранились и верхніе своды, за исключеніемъ развѣ нѣкоторой части ихъ надъ южнымъ концемъ архитектурнаго креста. Кромѣ раздѣлки и

задѣлки оконъ, въ древнемъ остаткѣ этой церкви обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе фасадныхъ формъ въ верхнихъ частяхъ стѣнъ церкви. Древнія пилястры по наружнымъ стѣнамъ этой церкви завершаются въ настоящее время въ одну линію карнизомъ, частію выступающимъ наружу подъ фронтономъ съ запада, частію скрывающимся подъ кровлю съ сѣвера и юга. Но если наблюдать верхи пилястръ по сторонамъ главнаго входа съ запада, легко замѣтить, что пилястры эти заканчивались на извѣстной высотѣ выемками по сторонамъ, отъ которыхъ начинались арки, шедшія отъ одной пилястры до другой. Концы подобной арки надъ этимъ входомъ ясно видны, хотя самая арка и замѣнена означеннымъ карнизомъ. Такіе же концы арокъ замѣчаются у пилястръ подъ карнизомъ и по стѣнѣ сѣверной. Отъ внутренней орнаментаціи церкви, какъ извѣстно, осталось нѣсколько мозаическихъ изображеній въ главномъ алтарѣ. Кромѣ того, я нашелъ двѣ мраморныя колонны съ капителями византійской формы, поставленныя (капителями, впрочемъ, внизъ) снаружи у западнаго входа въ теперешній сѣверный придѣлъ церкви, равно и двѣ другія капители такой же формы, употребленныя вмѣсто базисовъ для кирпичныхъ колоннъ у сѣвернаго входа въ тотъ же придѣлъ. Колонны и капители эти безъ всякаго сомнѣнія занимали въ древней церкви болѣе почтенное мѣсто, составляя одно изъ ея лучшихъ внутреннихъ украшеній.

4) Въ *Великой лаврской церкви* древняя кладка замѣчается также а) въ стѣнахъ, отдѣляющихъ нынѣшнюю середину церкви отъ сѣвернаго и южнаго придѣловъ; б) въ алтарныхъ, соответствующихъ срединѣ, полукружійхъ; и в) въ противоположной послѣднимъ западной стѣнѣ. Но не обнаруживается она ни въ южныхъ, ни въ западныхъ, ни въ сѣверныхъ пристройкахъ къ этой церкви, исключая небольшого придѣла Предтечи, о которомъ я буду имѣть честь сказать особо. Кладку алтарныхъ полукружій я имѣлъ случай наблюдать въ 1869 году при поправленіи внѣшней штукатурки въ разныхъ частяхъ зданія. Кладка сѣвернаго и средняго полукружія, какъ въ стѣнахъ, такъ и въ полуколонкахъ, до извѣстной по крайней мѣрѣ высоты, была обнаружена несомнѣнно древняя. Но въ полукружій южномъ она такихъ признаковъ не имѣла. Кладка западной стѣны можетъ быть наблюдаема со входа на хоры. Кладку сѣверной и южной стѣнъ я разсматривалъ подъ кровлю. Въ стѣнѣ сѣверной древняя кладка ясно видна въ аркѣ, выступающей подъ кровлю надъ сводами, покрываемыми съ одной стороны сѣверный конецъ архитектурнаго креста средины церкви, съ другой—придѣлъ первомученика Стефана, равно и въ другой такой же аркѣ, къ западу отъ указанной, и въ продолженіи той же стѣны въ востокъ, но уже нѣсколько ниже верхняго края стѣны, имѣющаго тамъ кладку новую. Въ южной стѣнѣ древняя кладка обнаруживается только при наблюденіи со свода южнаго придѣла, и при томъ на болѣе значительномъ разстояніи внизъ отъ верхняго края стѣны. Въ фонаряхъ куполовъ и въ сводахъ древней кладки я замѣтить не могъ; не обнаруживается она и въ сводахъ алтарныхъ, носящихъ ясныя слѣды позд-

нѣйшей надстройки. Вообще, наблюдая своды этой церкви, я замѣтилъ древнюю кладку только въ основаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Она видна, напр., по линіи, отдѣляющей коробовой сводъ надъ сѣвернымъ концемъ архитектурнаго креста отъ сводовъ, лежащихъ къ западу. Въ виду этого я полагаю, что въ Великой лаврской церкви сохранились только древнія стѣны, хотя не всюду въ одной мѣрѣ; болѣе сохранилась сѣверная стѣна, менѣе—южная. Изъ алтарныхъ полукружій лучше сохранились сѣверное и среднее; мало сохранилось, а можетъ быть и вовсе не сохранилось, южное. Купола же и верхніе своды всѣ вообще новы; хотя основанія сводовъ, т. е. арки, на которыхъ они лежатъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остались древнія. Изъ древней орнаментаціи церкви не сохранилось, или по крайней мѣрѣ не открыто до настоящаго времени ничего. Только въ одной изъ пещерныхъ церквей стоятъ двѣ мраморныя колонны, подпирajući своды этой церкви, а въ другой въ такомъ же положеніи двѣ мраморныя перекладки, по всей вѣроятности занесенныя туда изъ Великой лаврской церкви, въ которой имѣли конечно нѣсколько иное назначеніе.

5) Въ *Выдубицко-Михайловской церкви* древняя кладка несомнѣнно существуетъ въ стѣнахъ входной и средней ея части; но въ стѣнахъ нынѣшняго алтаря кладка позднѣйшая. Въ западной стѣнѣ въ близкомъ разстояніи отъ входа можно видѣть и въ настоящее время, вслѣдствіе обвала штукатурки, древней формы кирпичъ; древній же цементъ и камень, употребленные въ кладку, можно наблюдать, вслѣдствіе той же порчи по мѣстамъ, по южной стѣнѣ въ трехъ, начиная отъ западнаго угла, пилястрахъ и стѣнныхъ промежуткахъ между этими пилястрами, и въ сѣверной—на соответствующемъ тому же разстояніи отъ запада. Дальнѣйшія затѣмъ части сѣверной и южной стѣнъ съ крайними пилястрами къ востоку, равно и вся восточная сторона церкви, построены изъ обыкновеннаго кирпича на обыкновенной известковой подмазкѣ. Верхніе древніе своды надъ древними стѣнами, повидимому, не уцѣлѣли. Присутствія въ нихъ древней кладки незамѣтно. Но что стѣны уцѣлѣли до значительной высоты, видно изъ сохранившихся на нихъ по мѣстамъ красныхъ шиферныхъ карнизовъ, и притомъ—въ выемкахъ въ верху пилястръ, отъ которыхъ начинались соединявшія эти пилястры дуги. Само собою разумеется, что карнизъ, замѣнившій въ настоящее время эти исчезнувшія древнія дуги, есть уже новый. Такимъ образомъ отъ первоначальнаго зданія древней Выдубицко-Михайловской церкви сохранилась западная стѣна и нѣкоторыя части стѣнъ сѣверной и южной; алтарныхъ древнихъ полукружій, равно и значительной части стѣнъ сѣверной и южной, не существуетъ. Преданіе говоритъ, что отрогъ горы, на которомъ построена была эта церковь, подмытый текшимъ у подошвы его Днѣпромъ, нѣкогда обрушился и увлекъ за собою значительную часть древней церкви. Видно также, что обрушившаяся такимъ образомъ церковь оставалась въ развалинахъ такъ долго, что уцѣлѣвшая западная часть ея успѣла врости въ землю до такой глубины, что въ пролетѣ арки, ведшей изъ ней въ

середину церкви, разстояніе отъ карниза до почвы уменьшилось до одного аршина. Возстановители церкви сочли почему-то лишнимъ выкопать ее изъ земли и щебня. За то и сохранившееся вообще они оставили въ томъ видѣ, въ какомъ застали. Часть, уцѣлѣвшая отъ древней церкви, заключала въ себѣ хоры. Не уничтожая послѣднихъ, они престо придѣлали къ ней алтарь; отъ чего церковь получила видъ двухъ-этажнаго зданія, своеобразность котораго можетъ озадачивать незнакомаго съ ея исторіею посѣтителя. Древней формы окна уцѣлѣли на этой церкви гораздо лучше, чѣмъ на большинствѣ другихъ.

6) *Въ церкви Спасо-берестовской*, имѣющей въ горизонтальномъ своемъ очертаніи видъ креста, древняя кладка существуетъ несомнѣнно только въ средней (отъ сѣвера къ югу) поперечинѣ этого креста. Западная часть ея сложена изъ обыкновенныхъ кирпичей и на обыкновенной известковой подмазкѣ и совершенно ясно представляетъ собою позднѣйшую пристройку. Но восточная часть, въ которой помѣщаются алтари, имѣетъ въ кладкѣ ту особенность, что въ нее употреблены кирпичи древней формы, хотя безъ камней и безъ древняго цемента. Особенность эта объясняется весьма естественно тѣмъ, что возстановитель церкви, Петръ Могила, нашедши въ развалинахъ церкви годною для возстановленія извѣстную небольшую часть, воспользовался для пристройки къ ней алтарей кирпичемъ отъ остальныхъ частей. Уцѣлѣвшая такимъ образомъ часть древней, въ свое время „великой спасской церкви“, представляетъ собою только притворъ древняго зданія съ башнею въ юго-западномъ углѣ его; слѣдовательно, часть еще меньшую, чѣмъ та, которая уцѣлѣла отъ церкви Выдубицко-Михайловской. Впрочемъ, своды, покрывающіе средину остатка древняго зданія Спасской церкви, представляютъ ясные признаки древней кладки; только своды сѣверной части этого остатка, равно какъ и своды башни,—кладки новой. Изъ древней орнаментаціи этой церкви уцѣлѣло нѣсколько крестовъ по стѣнамъ снаружи, да одно фресковое изображеніе ангела, которое въ настоящее время находится тоже на внѣшней восточной стѣнѣ упомянутой башни въ раковинообразномъ углубленіи въ нее, закрытомъ кровлею алтаря, придѣланнаго къ ней Могилою.

7) Кладку *Кирилловской церкви*, представляющей собою единичное зданіе, безъ всякихъ пристроекъ, можно наблюдать по лѣстницѣ, ведущей на хоры и подъ кровлю, и подъ самую кровлю. На всю высоту стѣны, сквозь которую проходитъ лѣстница, кладка эта, очевидно, древняя. Но въ сводахъ, хотя и замѣчается по мѣстамъ древній кирпичъ на слояхъ древняго цемента, но положенъ онъ такъ, что скорѣе можетъ быть признанъ за остатки древнихъ арокъ, поднимавшихся выше настоящихъ сводовъ, чѣмъ за составную часть сводовъ существующихъ. Фонари куполовъ всѣ вообще новой кладки; только основаніе фонаря подъ главнымъ куполомъ осталось древнее. Изъ древней орнаментаціи церкви отерывается, какъ извѣстно, изъ-подъ слоевъ побѣлки фресковая живопись. Живопись эта покрываетъ главнымъ образомъ алтарные абсиды, которые, судя по формѣ

своей, сохранились лучше другихъ частей церкви. Открывается она по мѣстамъ и на другихъ несомнѣнно древнихъ стѣнахъ и частяхъ церкви. Но ни въ куполахъ, ни въ сводахъ, по крайней мѣрѣ доселѣ, ея не замѣчено,—одно изъ доказательствъ, хотя и отрицательнаго свойства, что въ фрескахъ Кирилловской церкви Кіевъ имѣетъ другой, послѣ софійскихъ, богатый памятникъ древняго искусства этого рода.

Таковы древніе остатки кіевскихъ церквей, признанныхъ вообще принадлежащими по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду исторіи Кіева. Но ограничиваются ли этимъ дѣйствительные остатки кіевскихъ древностей и не существуетъ ли еще церквей, которыхъ первоначальная постройка должна быть также отнесена къ дотатарскому періоду?

Въ патерикѣ печерскомъ есть извѣстное сказаніе объ Иванѣ и Сергіѣ, въ заключеніе котораго упоминается о постройкѣ при Великой лаврской другой церкви. „Захарья же (сынъ Ивана), говоритъ патерикъ, все вѣдѣть игумену Ивану, да строить якоже хочеть; самъ же постригся, животь сконча ту. Симъ же серебромъ и златомъ (2000 гривенъ сребра и 200 гривенъ золота) поставлена бысть *церковь святаю Иоанна Предтечи*, у ту же на полати всходятъ, во имя собѣ и Иоанну боярину и сынови его Захарьи, нюже бы товаръ“. Въ описаніяхъ кіево-печерской лавры встрѣчаются упоминанія о придѣлѣ Иоанна Предтечи; но сколько помнится, до послѣдняго времени не приходилось встрѣчать указаній на то, чтобы этотъ существующій придѣлъ представлялъ собою именно ту церковь св. Иоанна Предтечи, которую игумень Иоаннъ построилъ на деньги Захарьи и которая стояла у входа на полати—хоры древней лаврской церкви. А между тѣмъ едвали можно сомнѣваться, что это дѣйствительно такъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ придѣлъ Предтечи состоитъ изъ алтаря и предшествующей ему залы церковной. Изъ этихъ двухъ частей алтарь не можетъ не обращать на себя вниманія своею необычною формою. Это—маленькая отдѣльная церковь, построенная по византійскому плану на квадратной площадкѣ съ четырьмя столбами въ центрѣ и тремя абсидами къ востоку. Что этотъ видъ его не какая-либо случайность, а первоначально предполагавшаяся особенность зданія,—легко убѣдиться изъ осмотра его со внѣшней, относительно—наружной стороны. Восточною своею стороною алтарь выходитъ въ придѣлъ первомученика Стефана. Если разсматривать эту сторону изъ послѣдняго придѣла, видно, что тремъ внутреннимъ абсидамъ соотвѣтствуютъ и три внѣшнія округлости, даже—съ полуколонками по гранямъ, точь въ точь какъ на несомнѣнно древнихъ алтаряхъ Софійскаго собора и другихъ церквей кіевскихъ. Если затѣмъ обратить вниманіе на всю внѣшнюю стѣну сѣвернаго крыла Великой лаврской церкви, легко замѣтить, что извѣстная часть ея, и именно стѣна алтаря предтеченскаго придѣла, выдѣляется изъ остальной массы четырьмя пилястрами съ выемками и легкими загибами одна къ другой сверху, какіе я имѣлъ уже случай указывать на несомнѣнно древнихъ пилястрахъ Зо-

лотоверхо-Михайловской и Выдубицко-Михайловской церкви, и окнами такой формы, какую можно встрѣчать только на стѣнахъ древнихъ церквей Кіева. Алтарь предтеченскаго придѣла представляетъ собою такимъ образомъ отдѣльное, независимое отъ идущихъ отъ него къ востоку и западу стѣнъ, зданіе, имѣющее свой самостоятельный планъ и свои особыя архитектурныя детали, сближающія его съ древними церквами Кіева. Представляетъ онъ собою зданіе совершенно независимое и въ отношеніи къ остаткамъ древняго зданія Великой лаврской церкви. Хотя съ восточной и западной стороны онъ и соединенъ простѣнками съ бывшею сѣвѣрною стѣною Великой церкви, тѣмъ не менѣе между нимъ и этою стѣною остается промежутокъ, совершенно достаточный для помѣщенія въ немъ хода на хоры и въ настоящее время дѣйствительно служащій ходомъ въ одну изъ кладовыхъ церковныхъ. Но что въ древнее время существовалъ въ этомъ мѣстѣ и ходъ на хоры, лучшимъ доказательствомъ служить несомнѣнно древняя дверь на хорахъ, обращенная именно къ сторонѣ этой церкви. Главнымъ же доказательствомъ несомнѣнной древности разсматриваемаго зданія служитъ его кладка. При упомянутомъ выше исправленіи внѣшней штукатурки лаврской церкви лѣтомъ 1869 года была въ значительной мѣрѣ обнажена отъ ней и внѣшняя стѣна предтеченскаго алтаря. Стѣна эта представила тогда всѣ особенности древней кладки: кирпичъ-плитнякъ семи и осми-вершковой длины и вершковой толщины, цементъ изъ кирпичнаго щебня съ известью и красноватымъ отливомъ, и большіе камни, выступавшіе плоскими краями между кирпичей и цемента. По остальной сѣвѣрной стѣнѣ такой кладки уже не замѣчалось; только видна она была, какъ я уже сказалъ, въ восточныхъ алтарныхъ полукружїяхъ. На основаніи всего этого я полагаю, что упоминаемая въ патерикѣ печерскомъ церковь св. Іоанна Предтечи сохранилась до настоящаго времени, хотя, по слишкомъ малымъ размѣрамъ своимъ, обращена въ алтарь нынѣшняго придѣла того же имени. Но насколько она сохранилась?

Имѣя всѣ особенности отдѣльнаго зданія въ нижнемъ этажѣ сѣвѣрнаго крыла лаврской церкви, церковь Предтечи своими стѣнами проходитъ и сквозь теперешніе хоры съ сѣвѣрной стороны церкви, теряя тамъ только южные свои столбы, но сохраняя тотъ же характеръ зданія независимаго, и завершается сводомъ, лежащимъ на его стѣнахъ, фонаремъ и куполомъ. Позднѣйшіе исправители лаврской церкви, не находя возможнымъ дать этому зданію на хорахъ какое либо назначеніе, ограничились пробивкою стѣнъ въ его восточныхъ полукружїяхъ, чтобы занимаемое имъ пространство присоединить къ общему пространству хоръ. Но и болѣе ранніе возстановители Великой лаврской церкви застали это зданіе, повидимому, болѣе сохранившимся, чѣмъ самая Великая церковь. Изъ всѣхъ фонарей подъ куполами нынѣшней лаврской церкви только въ основаніи фонаря надъ церковію Предтечи замѣчается красный шиферный карнизъ. Есть и другіе, хотя и не вполне ясныя, признаки присутствія древней кладки не только въ сводахъ, но и въ

фонарь купола Предтеченской церкви. Изъ-подъ слоевъ извести, которыми густо облѣпленъ фонарь при какомъ-то исправленіи его, видѣнъ ясно по мѣстамъ цементъ древній.

Мнѣніе о томъ, что *Троицкая церковь на св. воротахъ лаврскихъ* должна быть также относима по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду въ исторіи Кіева, равно и о томъ, какія измѣненія послѣдовали въ позднѣйшее время въ ея первоначальномъ фасадѣ, я имѣлъ уже честь высказать на первомъ археологическомъ съѣздѣ¹⁾. На основаніи древней кладки, открывающейся какъ въ воротахъ, на которыхъ построена церковь, такъ и въ стѣнахъ самой церкви, равно и на основаніи цѣльности ея плана и фасадныхъ формъ, я полагаю, что зданіе это, построенное, по словамъ Кальнофойскаго, въ началѣ XII столѣтія, одно изъ наиболѣе сохранившихся въ Кіевѣ древнихъ зданій. Но сохранило ли оно въ неповрежденномъ видѣ свои древніе своды и куполь? Къ сожалѣнію, кладки подкровельныхъ частей этой церкви я доселѣ наблюдать не могъ. Судя по правильности вообще архитектурныхъ линій въ сводахъ и по формѣ фонаря, напоминающей форму фонарей малыхъ куполовъ Софійскаго собора (скрывающихся подъ кровлею), я не вижу основаній заподозривать сохранность, по крайней мѣрѣ, первоначальнаго вида этихъ частей. Но принимая во вниманіе свидѣтельство Кальнофойскаго, что, по разореніи кіево-печерской лавры, разсѣявшіеся по окрестнымъ лѣсамъ монахи имѣли возможность собираться для богослуженія только въ одну уцѣлѣвшую маленькую церковь, тогда какъ другія съ своими куполами лежали на землѣ, я не отрицаю возможности, что будущія, болѣе удачныя изслѣдованія докажутъ, что этою маленькою, вполне сохранившеюся отъ древности церковію, была церковь Іоанна Предтечи, а не наоборотная, хотя мнѣніе самаго Кальнофойскаго, повидимому, склоняется въ пользу послѣдней.

Изъ остальныхъ кіевскихъ церквей, какъ заявилъ еще покойный Закревскій, должна быть отнесена по своей первоначальной постройкѣ къ древнему періоду *церковь Успенская на Подоль*. Но изъ всѣхъ подобныхъ церквей, по видимому, эта сохранилась наименѣе. Присутствіе въ ней древней кладки несомнѣнно. Но до сихъ поръ мнѣ удалось видѣть эту кладку только въ одномъ (среднемъ) изъ алтарныхъ полукружій и въ ближайшей къ этимъ полукружіямъ, восточной стѣнѣ сѣверныхъ дверей церкви; въ западной же стѣнѣ этихъ самыхъ дверей кладка уже позднѣйшая, какъ позднѣйшая она затѣмъ и въ откосахъ всѣхъ оконъ, какія только удавалось мнѣ разсматривать въ обнаженномъ отъ штукатурки видѣ. Такая же позднѣйшая кладка съ низу до верху видна и въ западной стѣнѣ, отдѣляющей церковь отъ притвора и колокольни надъ нимъ. Поэтому, если въ Успенской церкви и есть остатокъ древняго зданія,—онъ ограничивается глав-

¹⁾ См. „Труды перваго археологическаго съѣзда“, т. I, стр. 267—271.

нымъ образомъ ея алтарною частію, и можетъ быть—фундаментомъ сѣверной и южной стѣнъ, сохранившимъ для церкви ея древній планъ.

Выдѣливъ остатки первоначальнаго зданія древнихъ кіевскихъ церквей отъ позднѣйшихъ въ нихъ поправокъ, пристроекъ и надстроекъ, я полагаю возможнымъ, на основаніи представляемыхъ этими остатками данныхъ, уяснить, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, отличительныя черты архитектурнаго стиля кіевскихъ церквей X—XII вѣка. Хотя ни одна изъ древнихъ кіевскихъ церквей не сохранилась вполнѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ, за то нѣкоторыя изъ нихъ удержали въ своемъ первоначальномъ видѣ однѣ части, другія—другія. Итакъ:

а) По какому *плану* строились кіевскія церкви X—XII вѣка?—Сличая между собою различныя остатки древнихъ кіевскихъ церквей, нельзя не признать, что всѣ онѣ были построены по одному общему плану—византійскому. Въ основаніи этого плана лежалъ такъ называемый византійскій крестъ, въ которомъ болѣе удлиненною стороною была обыкновенно восточная. Надъ центромъ этого креста на четырехъ высокихъ, соединяющихся взаимно арками, столбахъ утверждался куполь. Но куполь лежалъ не непосредственно на столбахъ или соединяющихся верхи ихъ аркахъ. Промежутки между арками восполнялись такъ называемыми парусами; затѣмъ на образовавшемся такимъ образомъ кругломъ основаніи возводился такъ называемый фонарь и уже послѣдній завершался куполомъ. Но куполь и въ этой формѣ давалъ поддерживавшимъ его столбамъ и аркамъ сильный распоръ. Этимъ столбамъ и аркамъ придавались вслѣдствіе этого своего рода упоры. Такими упорами съ восточной стороны служили примыкавшіе къ столбамъ стѣны, дѣлившія восточное отдѣленіе церкви на три части, заканчивавшіяся тремя полукружіями и завершавшіяся (вмѣстѣ съ послѣдними) полукруглыми, постепенно поднимавшимися до высоты упомянутыхъ арокъ, сводами. Съ другихъ сторонъ такими же упорами служили другіе подобные же столбы, расположенные симметрически по концамъ и между концами креста и соединенные какъ взаимно между собою, такъ и съ центральными столбами, арками, равно и своды, шедшіе по сѣверному, западному и южному концамъ креста и сливавшіеся съ арками подъ куполомъ. Площадь, занятая такимъ образомъ подъ постройку зданія, имѣла видъ почти квадратный. Она удлинялась и принимала видъ продолговатаго прямоугольника, когда находили необходимость расширить вмѣстимость зданія, увеличить надъ нимъ количество куполовъ или придать ему особія отдѣленія. Планъ, вслѣдствіе этого, въ основныхъ чертахъ общій во всѣхъ церквахъ, получилъ особія отличія въ нѣкоторыхъ. Въ самомъ простомъ и основномъ, такъ сказать, видѣ онъ является въ маленькихъ церквахъ, въ Предтеченской и наворотной лаврскихъ, и въ Успенской на Подолѣ. Каждая изъ этихъ церквей занимаетъ квадратную площадку, съ четырьмя столбами въ центрѣ, съ тремя полукружіями къ востоку, съ столбами по сѣверному, западному и южному концамъ архитектурнаго креста и по угламъ

остального пространства площадки; причемъ промежутки между столбами наружными заложены стѣнами. Такой же планъ имѣла и церковь Васильевская (нынѣ Трехсвятительская). Но въ большихъ церквахъ, каковы: Великая лаврская, Кирилловская, Спасо-берестовская, Золотоверхо-Михайловская, Выдубицко-Михайловская, указанный основной планъ является съ добавленіями. Добавленія эти состоятъ въ присоединеніи къ церкви притвора съ западной стороны и въ устройствѣ какъ надъ нимъ, такъ и по сторонамъ западнаго конца креста хоръ. Въ Великой лаврской, Золотоверхо-Михайловской и Кирилловской церквахъ притворъ этотъ имѣетъ видъ продолговатой отъ сѣвера къ югу залы съ коробовымъ сводомъ, концы которой не выступаютъ за линію сѣверной и южной стѣнъ самой церкви; площадь, занятая этими церквами, вслѣдствіе означенной пристройки, только удлинняется. Въ церкви же Выдубицко-Михайловской эта пристройка сѣвернымъ своимъ концемъ переходитъ за линію сѣверной стѣны церкви, оканчиваясь тамъ трехграннымъ выступомъ. Такой формы выступъ зависѣлъ отъ помѣщенія въ означенномъ углу круглой витой лѣстницы, ведшей на хоры и выше хоръ: церковь, стоявшая на возвышеніи у Днѣпра, гдѣ въ древнее время существовала очень удобная переправа черезъ рѣку, могла быть снабжена въ этой части высокою башнею. Такой же выступъ изъ линіи стѣнъ, но уже въ обѣ стороны, былъ данъ разсматриваемой части и въ церкви Спасо-берестовской. Ближайшій мотивъ для этого былъ, очевидно, тотъ же—устройство въ югозападномъ углу притвора башни съ круглою витую лѣстницею внутри. Самая лѣстница не сохранилась; но по круглымъ внутреннимъ стѣнамъ башни, обращенной въ настоящее время въ южный придѣлъ, остались ниши, рядъ которыхъ поднимался по стѣнѣ вслѣдъ за извиіями лѣстницы. Но куда вела эта лѣстница? Въ прежнее время, замѣтивъ углубленіе въ видѣ ниши на наружной стѣнѣ этой башни къ востоку надъ придѣланнымъ къ ней съ этой стороны алтаремъ, я полагалъ, что означенное углубленіе остатокъ двери, ведшей изъ башни на хоры¹⁾. Но теперь, послѣ ближайшаго осмотра ниши, я убѣдился въ ложности своего предположенія. Ниша оказалась остаткомъ свода, шедшаго отъ этой башни къ востоку и покрывавшаго хоры церковныя, если они только были въ этой церкви, безъ всякихъ слѣдовъ какого либо хода на нихъ въ данномъ пунктѣ. Башня поэтому имѣла самостоятельное значеніе, и если расположенная въ ней лѣстница выводила куда нибудь, то развѣ на площадку сверху притвора надъ западнымъ входомъ въ древнюю церковь. Притворъ въ указанномъ мѣстѣ завершается сводомъ, поднимающимся до уровня западной стѣны; но къ востоку отъ него, поперечная стѣна, отдѣлявшая его отъ дальнѣйшаго пространства церкви, поднимается своими полуобрушенными частями далеко выше его свода; причемъ въ обломкахъ этой стѣны ясно за-

¹⁾ См. статью: *Что осталось отъ первоначальнаго зданія древней кievской церкви Спаси на Берестовѣ?*—напечат. въ „Труд. кiev. д. ак.“ 1867 г. июль.

мѣтны мѣста древнихъ оконъ. Основаніе, по моему мнѣнію, достаточное для предположенія, что площадка, образуемая общею поверхностію свода, не входила во внутренность церкви, а была оставлена означенною стѣною внѣ ея, подѣ открытымъ небомъ. Наконецъ, еще съ большими добавленіями является основной византійскій планъ въ такихъ главныхъ церквахъ древняго Кіева, каковы Софійскій соборъ и бывшая Десятинная церковь. Въ Софійскомъ соборѣ кромѣ того, что внутренняя его вмѣстимость расширена добавленіемъ къ тремъ обыкновеннымъ алтарнымъ абсидамъ двухъ новыхъ по сторонамъ съ соотвѣтствующимъ удлиненіемъ концевъ креста и устройствомъ хоръ не только между концами, но и по самымъ добавленнымъ съ сѣвера и юга концамъ креста,—притворъ не только предшествуетъ церкви съ запада, имѣя надъ собою, по обычаю, также хоры, но и обходитъ остальное пространство церкви съ сѣвера и юга, имѣя въ былое время надъ собою, по крайней мѣрѣ съ южной стороны, уже открытую площадь, въ родѣ балкона. Площадь эта была затѣмъ расширена и перешла на западную и сѣверную сторону церкви присоединеніемъ къ паперти съ сѣверной, западной и южной стороны еще особой аркады со сводами снизу и открытою же площадью сверху, съ парапетомъ по краямъ этой площади и особыми башнями въ сѣверо и югозападныхъ углахъ, частію ведшими на эту площадь и хоры церковныя, частію имѣвшими и свое независимое отъ этого назначеніе¹⁾. Въ церкви Десятинной, судя по открытому нѣкогда фундаменту ея, не было добавочныхъ абсидовъ по сторонамъ трехъ обыкновенныхъ; но была, очевидно, паперть, предшествовавшая церкви съ запада, и по всей вѣроятности, такая же аркада съ сѣверной, южной и западной стороны, съ открытою площадью наверху, какъ и въ Софійскомъ соборѣ. Объ ней-то, повидимому, и идетъ рѣчь въ извѣстномъ разсказѣ Ипатьевской лѣтописи о послѣдней отчаянной защитѣ кіевлянъ противъ татаръ Батыя у церкви Десятинной: „Людемъ же узбѣгшимъ на церковь и на *комары* церковныя, и съ товары своими, отъ тягости повалишася съ ними стѣны церковныя“. *Комары* эти были едвали внутренніе хоры церкви, или такъ называемыя—*полати*, болѣе удобныя для укрывательства безоружнаго народа, чѣмъ для защиты вооруженнаго. Скорѣе это была именно внѣшняя аркада съ открытою площадью и парапетомъ, каковая окружала и соборъ Софійскій, и съ какою, судя по словамъ Ипатьевской же лѣтописи, была построена одна изъ церквей въ Галичѣ, приспособленная къ военной оборонѣ. Подъ 1219 годомъ лѣтопись эта говоритъ: „Фила... созда (въ Галичѣ) градъ на церкви святыя Богородица... и възбѣгоша же на комары церковныя, инѣи же ужѣ совлачипася; бѣ бо градъ створенъ на церкви. Онѣмъ же стрѣляющимъ и каменіе мещущимъ на гражаны... и прѣхавшю же Мстиславу, и вдашася ему, и сведени быша со церкви“. Расширеніе внутренней вмѣ-

¹⁾ Яснымъ признакомъ этого служить содержаніе покрывающей стѣны ихъ древней живописи. См. также дневникъ Эриха Ляссоты, 1594 г.

стимости церквей соединялось съ увеличеніемъ числа куполовъ на нихъ. Судя по расположенію древнихъ куполовъ на соборѣ Софійскомъ, они устраивались обыкновенно на столбахъ и аркахъ, наполнявшихъ промежутки между концами архитектурнаго креста, но не надъ самыми концами этого креста. Куполь поставленный въ настоящее время надъ западнымъ концемъ креста въ Великой лаврской церкви, поставленъ, очевидно, не на своемъ мѣстѣ: подъ нимъ еще ясно видны остатки древняго коробоваго свода, вѣроятно нѣкогда обрушившагося въ данномъ мѣстѣ, но возстановителями церкви принятаго за основаніе для купола. Купола уменьшались въ размѣрахъ по той мѣрѣ, какъ удалялись отъ главнаго.

б) *О кладкѣ древнихъ кievскихъ церквей, рѣзко отличающей ихъ отъ церквей позднѣйшихъ, я уже говорилъ. Въ настоящемъ случаѣ ограничусь только нѣсколькими дополнительными замѣчаніями. Кирпичъ, какъ было сказано, имѣетъ форму плитъ, приближающихся къ квадрату. Но въ разныхъ церквахъ размѣры его нѣсколько различны. Въ церкви Васильевской, напр., онъ имѣетъ измѣренія въ длину около 7 вершковъ (10—11 дюймовъ), въ ширину около 5 (8 дюймовъ) и толщину около $\frac{7}{8}$ вершка ($1\frac{1}{2}$ дюйма); въ церкви Золотоверхо-Михайловской—8 вершковъ въ длину, 7 въ ширину и 1 въ толщину; въ Выдубицко-Михайловской—около $7\frac{1}{2}$ въ длину, 6 и $6\frac{1}{2}$ въ ширину и около 1 вершка въ толщину и пр. Для полуколонокъ тонкихъ употреблялся особо выдѣланный кирпичъ, полукруглой формы и нѣсколько тоньше употреблявшагося въ стѣны. Разнообразіе размѣровъ кирпича, замѣчаемое иногда въ одной и тойже церкви, зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что въ древней кладкѣ онъ былъ не главнымъ, а дополнительнымъ, такъ сказать, матеріаломъ. Кромѣ него въ кладку стѣнъ, какъ я сказалъ уже, шель камень, и притомъ—весьма значительными массами; а главнымъ и преимущественнымъ образомъ—цементъ. Слои послѣдняго, даже съ наружной стороны стѣнъ, превосходятъ обыкновенную толщину кирпича, а иногда, особенно въ пилястрахъ, полуколонкахъ, аркахъ, доходятъ до $2\frac{1}{2}$ вершковъ. Внутри же стѣнъ послѣдній размѣръ слоевъ цемента довольно обыкновенный. На этомъ основаніи я считаю цементъ преобладающею массою въ кладкѣ древнихъ кievскихъ церквей; кирпичъ же плитнякъ употреблялся главнымъ образомъ для того, чтобы придавать возводимымъ изъ камней и цемента стѣнамъ правильность формъ и обезпечивать за ними правильность осадки. Почему въ мѣстахъ, требовавшихъ болѣе правильной горизонтальной плоскости, какъ напр. въ основаніяхъ арокъ на столбахъ, и т. п., кирпичъ замѣнялся каменными плитами, имѣвшими такіа большія размѣры, что края ихъ обыкновенно выступаютъ наружу въ видѣ карнизовъ. Цементомъ, какъ я сказалъ, служилъ щебень изъ кирпича съ известью; но иногда замѣчается въ немъ присутствіе мелкаго угля. Появленіе угля, по моему мнѣнію, должно быть обстоятельствомъ случайнымъ, указывающимъ однако на то, что для раствора извести употреблялся особый составъ, варившійся на огнѣ. Наконецъ, при кладкѣ цер-*

квей употреблялись и связи, но не желѣзныя, а деревянныя. Такія связи видны и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ аркахъ Софійскаго собора; одну изъ такихъ же связей я имѣлъ случай видѣть въ древней стѣнѣ Спасо-берестовской церкви, при поправленіи ея въ 1867 г.

в) *Формы фасадныя* въ общемъ были, по видимому, одинаковы на всѣхъ кіевскихъ церквахъ, за исключеніемъ тѣхъ отличій, какія придавались нѣкоторымъ изъ нихъ башнями и аркадами. Сѣверная, западная и южная сторона каждой церкви дѣлилась обыкновенно на нѣсколько частей пилястрами, соединявшимися взаимно вверху дугами. Въ маленькихъ церквахъ, не имѣвшихъ притвора, такихъ пилястръ съ каждой стороны было по четыре; въ большихъ же церквахъ, имѣвшихъ въ западной части притворъ, число ихъ съ сѣверной и южной стороны увеличивалось по крайней мѣрѣ одною пилястрою. Само собою разумѣется, что въ такихъ нарочито расширенныхъ церквахъ, какъ соборъ Софійскій, число ихъ съ каждой стороны было не менѣе шести и семи. Вообще число ихъ зависѣло обыкновенно отъ числа отдѣленій, образуемыхъ внутри церкви рядомъ столбовъ или линиями стѣнъ, державшихъ на себѣ своды и купола. Къ пилястрамъ представлялись иногда полуколонки. Такія полуколонки, кромѣ указанныхъ уже мною на пилястрахъ Васильевской церкви, украшали нѣкогда и пилястры Софійскаго собора, какъ видно по остатку ихъ на южной стѣнѣ этого собора, выходящей въ настоящее время въ придѣлъ „Страстей Христовыхъ (между правою стороною хоръ и ризницею соборною)“. Полуколонками же украшались большею частію алтарныя полукружія и фонари подъ куполами; вслѣдствіе чего, удерживая внутри правильную полукруглую или круглую форму, абсиды и фонари получали снаружи видъ многогранный, съ полуколонками именно—по гранямъ. Что касается формъ оконъ, то самою обыкновенною была та, которую можно видѣть на алтарныхъ полукружіяхъ Кіево-Софійскаго собора. Это были двѣ—три, завершающіяся цинтромъ и взаимно одна въ другую углубляющіяся ниши съ просвѣтомъ или безъ просвѣта внутрь церкви. Такія окна шли по фасаду церкви обыкновенно въ два—три ряда, смотря по высотѣ стѣны и высотѣ самыхъ оконъ. Особой формы окна замѣчаются только на церквахъ Васильевской, Золотоверхо-Михайловской и Великой лаврской. О формѣ древнихъ оконъ на церкви Васильевской я уже говорилъ: это—видъ завершающейся полукругомъ и постепенно сужающейся ниши, образующей въ стѣнѣ просвѣтъ въ родѣ расщелины, въ четверть шириною. Въ церкви Золотоверхо-Михайловской по восточнымъ полукружіямъ и по западной стѣнѣ, равно и по нижнимъ частямъ стѣнъ сѣверной и южной, замѣчаются окна обыкновенной вышеуказанной формы; но въ верхнихъ частяхъ сѣверной и южной стѣнъ (скрытыхъ въ настоящее время подъ кровлею) сохранились окна формы особенной. Между второю и третьею пилястрами отъ западныхъ угловъ, подъ дугами нѣкогда соединявшими эти пилястры, на обѣихъ стѣнахъ можно видѣть и въ настоящее время высокое, въ видѣ одна въ другую углубляющейся

и завершающейся цинтромъ ниши—окно, и по сторонамъ его какъ бы двѣ части другаго окна той же формы, но болѣе широкихъ размѣровъ. Такія же окна были очевидно на той же высотѣ и между третью и четвертою пилястрами, т. е. противъ сѣвернаго и южнаго концевъ архитектурнаго креста. Верхняя часть стѣны въ этомъ мѣстѣ закрыта въ настоящее время сводами придѣловъ. Но сводъ надъ сѣвернымъ придѣломъ не закрытъ ее вполне, и къ востоку отъ него осталось полуокно означенной формы, заложенное изнутри церкви уже въ позднѣйшее время. Остатокъ подобнаго же тройнаго окна можно видѣть въ верхней части той стѣны Великой лаврской церкви, которая обращена къ церкви Предтеченской и гдѣ въ настоящее время расположена лѣстница, ведущая съ хоръ подъ кровлю¹⁾. Изъ остальныхъ за тѣмъ особенностей древнихъ фасадовъ кievскихъ церквей, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія красные шиферные карнизы. Осматривая внутренность Софійскаго собора, вы конечно замѣтили, что карнизы такого рода охватываютъ столбы и пилястры и тянутся на стѣнахъ красною лентою по извѣстнымъ, опредѣленнымъ линіямъ. Одна изъ такихъ линій опредѣляется, напр., высотой столбовъ, на которыхъ лежатъ арки, служащія основаніемъ для хоръ, другая—высотой такихъ же столбовъ на хорахъ подъ верхними сводами, и пр. Наблюдая алтарныя полукружія того же собора съ внѣшней стороны, нельзя не замѣтить соотвѣтствующее этому употребленіе карнизовъ и по окнамъ снаружи. Почти всюду, гдѣ заканчивается вверху перпендикулярный откосъ окна и начинается завершающая его арочка, выступаетъ изъ откоса красный шиферный карнизъ, выходитъ наружу стѣны и тянется по ней иногда на значительное разстояніе, сливаясь съ подобными же карнизами, выступающими изъ другихъ, лежащихъ на одной съ нимъ линіи, оконъ и перехватывая встрѣчающіяся на пути полуколонки. Подобные же карнизы перехватываютъ верхи столбовъ въ сѣверной и южной аркадѣ собора, и пр. Что такое, а не иное употребленіе карнизовъ не было исключительною фантазіею художника, строившаго Софійскій соборъ, а входило вообще въ систему фасадныхъ линій древнихъ кievскихъ церквей, видно изъ того, что остатки подобныхъ карнизовъ въ тѣхъ же точно мѣстахъ замѣчаются и на другихъ древнихъ церквахъ. Въ Выдубицко-Михайловской церкви, какъ я замѣчалъ уже, остатокъ такого карниза ясно видѣнъ на одной изъ внѣшнихъ пиластръ тамъ, гдѣ начинается въ ней выемка или что то же—дуга, соединявшая ее верхъ съ верхомъ другою пилястры. Такіе же карнизы видны въ верхнихъ окнахъ западной стѣны той же церкви; причѣмъ карнизъ, выступивъ изъ-подъ арочекъ одного окна, тянется иногда, какъ и по алтарнымъ полукружіямъ Софійскаго собора, по простѣнку до другаго окна и сливается съ

¹⁾ Окна этого рода замѣчательны тѣмъ между прочимъ, что дали нѣкоторымъ изъ церквей сѣверо-восточной Россіи общую фасадную форму, какъ наиболѣе пригодную для островерхой кровли.

карнизомъ, выступающимъ изъ-подъ арочекъ послѣдняго. Особенно же хорошо сохранился одинъ подобный карнизъ на древней южной стѣнѣ Золотоверхо-Михайловской церкви. Выступая изъ угловой западной пилястры надъ сводомъ нынѣшняго южнаго придѣла, карнизъ этотъ тянется, прерываясь только бывшими просвѣтами заложенныхъ тамъ оконъ, по стѣнѣ и пилястрамъ къ востоку, проходитъ сквозь поднимающіеся къ верху своды придѣла и оканчивается уже внутри послѣдняго у пробитаго въ позднѣйшее время пролета въ стѣнѣ. Судя по этому, я полагаю, что красные шиферные карнизы охватывали въ видѣ лентъ прежде всего верхи пилястръ подъ соединившими ихъ взаимно арками, а затѣмъ, выступая изъ подъ арочекъ оконъ, по линіи этихъ арочекъ опоясывали не разъ стѣны и пилястры всего зданія.

г) Труднѣе всего по перечисленнымъ мною остаткамъ древнихъ кіевскихъ церквей возстановить ихъ первоначальныя *формы кровельныя*. Нѣкоторыя указанія на этотъ счетъ даются подкровельными частями Софійскаго собора, и состоятъ въ слѣдующемъ. Въ основаніи фонаря надъ главнымъ куполомъ этого собора съ наружной стороны сохранился красный шиферный карнизъ, охватывающій со всѣхъ сторонъ фонарь и служащій въ тоже время основаніемъ для полуколонокъ, идущихъ вверхъ по гранямъ фонаря. Карнизъ этотъ, не предназначавшійся, очевидно, для того, чтобы быть скрытымъ подъ кровлею, возвышается не болѣе, какъ на двѣ-три четверти надъ верхнею частію древнихъ коробовыхъ сводовъ, идущихъ отъ фонаря къ сѣверу, западу и югу. На этомъ основаніи я полагаю, что кровля, покрывавшая эти своды, должна была лежать на нихъ непосредственно, имѣя ту же, какъ они, круглую форму, чтобы подходить подъ означенный карнизъ, а не закрывать его. Наблюдая затѣмъ древнія окна какъ въ главномъ, такъ и въ другихъ куполахъ собора,—окна предназначенныя для освѣщенія внутренности церкви, но впослѣдствіи въ значительной мѣрѣ и числѣ заложеныя, нельзя не замѣтить, что они вообще начинались такъ близко отъ основаній купольныхъ фонарей, что кровля должна была и вообще лежать непосредственно по сводамъ, чтобы оставлять просвѣтъ въ нихъ открытымъ. То же нужно сказать и судя по древнему фонарю главнаго купола Михайловской церкви. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ тому же могутъ служить и слѣдующія наблюденія. Всѣ фронтоны, служащія въ настоящее время опорой для острыхъ двухскатныхъ кровель на нѣкоторыхъ древнихъ кіевскихъ церквахъ, представляютъ собою произведеніе позднѣйшаго зодчества, добавлявшееся по мѣрѣ надобности именно для поднятія кровель; равнымъ образомъ и прямолинейные верхи стѣнъ, условливающіе существованіе четырехскатныхъ кровель на другихъ церквахъ, образовались или вслѣдствіе разрушенія древнихъ сводовъ или поднятія стѣнъ надъ ними. Между тѣмъ какъ древніе обрѣзы сводовъ по краямъ ихъ надъ наружными стѣнами имѣютъ просто полу-круглую форму безъ всякихъ приспособленій къ островерхой кровлѣ. Такими обрѣзами оканчиваются, напр., на древнихъ сѣверной и южной стѣнахъ Софійскаго собора его

древніе же своды, идущіе отъ главнаго купола въ ту и другую сторону. Обрѣзь подобнаго же свода, какъ я замѣчалъ уже, сохранился и на сѣверной древней стѣнѣ Великой лаврской, и рядомъ съ нимъ—даже другой по направленію къ западу. Обрѣзы эти надъ стѣнами и были тѣми фасадными дугами, которыми завершались наружныя пилястры. Судя поэтому, я полагаю, что древнія кievскія церкви имѣли кровлю многоскатную, съ закругленіями по сводамъ и фасаднымъ аркамъ (обрѣзамъ сводовъ),—приблизительно такую, какая существуетъ, напр., на московскомъ Успенскомъ соборѣ, или какая придана Дмитріевскому собору во Владимірѣ по его возобновленіи. Кровля Софійскаго собора должна была, впрочемъ, выдѣляться изъ ряда другихъ одною особенностію. Какъ купола его постепенно уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ центрального, такъ понижались по мѣрѣ удаленія отъ центра и его древніе своды, но понижались уступами, причѣмъ болѣе высокіе (болѣе центральные) своды поднимались своими обрѣзами надъ болѣе низкими въ видѣ выступавшихъ надъ послѣдними дугъ. Получался видъ кровли волнообразной, возвышавшейся уступами къ центру; нѣчто подобное тому, что замѣчается впослѣдствіи на нѣкоторыхъ церквахъ чисто-русскаго стиля (въ родѣ, напримѣръ, церкви „Николая Явленнаго“ или „Николая въ столпахъ“ въ Москвѣ), съ тѣмъ лишь отличіемъ, что на кровлѣ Софійскаго собора представлялись встающими одни надъ другими не только арки, но и купола.

д) *Украшеніемъ* древнихъ кievскихъ церквей служили мозаика и фресковая живопись. Мозаика, какъ извѣстно, сохранилась въ Софійскомъ соборѣ и Михайловской церкви; фресковая живопись покрываетъ стѣны собора Софійскаго же и открывается по древнимъ стѣнамъ церкви Кирилловской, и пр. Употребленіе украшеній этого рода дѣлало излишними въ древнихъ кievскихъ церквахъ иконостасы, образовавшіеся вообще на востокѣ съ тѣхъ поръ, какъ искусство стѣнной живописи упало и явилась необходимость замѣнить ее иконами, писанными миниатюрною живописью на деревѣ. Слѣдовъ древнихъ иконостасовъ въ древнихъ кievскихъ церквахъ доселѣ, поэтому, замѣтить не удалось. Осталось только, какъ говорилъ я, нѣсколько мраморныхъ колоннъ и такихъ же капителей византійской работы при церкви Золотоверхо-Михайловской и въ Лаврскихъ пещерахъ. Есть двѣ такія же колонны и капители и при Софійскомъ соборѣ. Колонны эти могли входить въ составъ такъ называемой алтарной преграды; но вѣроятнѣе—это были колонны алтарныхъ киворіевъ или сѣней надъ престоломъ, безъ которыхъ устройство алтаря въ то время было немислимо.

О ЗНАЧЕНИИ НѢКОТОРЫХЪ ФРЕСКОВЪ КІЕВОСОФІЙСКАГО СОБОРА.

Рефератъ П. В. Павлова.

Мой небольшой рефератъ имѣетъ своимъ предметомъ кіевософійскую стѣнопись вообще и фрески въ частности. Я обращаю ваше вниманіе преимущественно на нѣкоторыя фрески, написанныя на стѣнѣ, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры Кіевософійскаго собора.

Кіевософійскій соборъ есть древнѣйшее изящное произведеніе церковнаго зодчества въ нашемъ отечествѣ, а потому безспорно имѣетъ важное археологическое значеніе.

Этотъ храмъ, драгоцѣнная святыня Кіева и Россіи, построенъ Ярославомъ Мудрымъ, въ половинѣ XI столѣтія, по образцу византійскихъ церквей позднѣйшей эпохи¹⁾.

¹⁾ Первою ступенью византійскаго религіознаго зодчества былъ круглый строй (обусловленный архитектурной идеей купола), изъ котораго развился строй многоугольный, уступившій мѣсто квадратному строю, вначалѣ однокупольному, а потомъ со многими куполами, число которыхъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе увеличивалось. Кіевософійскій соборъ построенъ по образцу церквей той ступени византійской религіозной архитектуры, которая характеризуется квадратнымъ многокупольнымъ строемъ *).

Такимъ образомъ первый начальный періодъ церковнаго зодчества въ нашемъ отечествѣ носитъ характеръ чисто-византійскій. Византійская церковная архитектура въ южной Россіи позднѣе (въ XVI и XVII вѣкахъ) подверглась вліянію западно-европейской архитектуры возрожденія (*renaissance*). Въ сѣверной Россіи византійское церковное зодчество послѣдовательно видоизмѣнялось, сперва—подъ вліяніемъ западно-романскимъ (соборъ св. Дмитрія во Владимірѣ), потомъ—подъ вліяніемъ архитектуры восточной, индо-магометанской (московскія церкви XIV и XV столѣтій съ одной или нѣсколькими луковичеобразными главами, напр. церковь Рождества Богородицы, чтó на Симоновѣ, съ одной луковичеобразной главою), наконецъ—подъ вліяніемъ западно-европейскаго зодчества возрожденія, начиная съ XVI вѣка.

*) Какъ *однокупольный*, такъ и *многокупольный* византійскій архитектурный строй слѣдуетъ разумѣть не иначе, какъ сосредоточеннымъ въ *одномъ архитектурномъ корпусѣ*, составляющимъ или цѣлое храмовое зданіе, или же только его часть.

По свидѣтельству русской начальной лѣтописи, знаменитый соборъ былъ украшенъ мозаикой, большая часть которой сохранилась и доннынѣ. Что мозаика эта относится къ XI вѣку, доказывается и тѣмъ, что пошибъ ея рѣзко отличается отъ пошиба мозаики Златоверхаго Михайловскаго монастыря, воздвигнутаго, въ началѣ XII столѣтія, Святополкомъ II Изяславичемъ (въ крещеніи Михаиломъ). Это явствуетъ также изъ того, что стиль кievософійской мозаики тождественъ со стилемъ мозаики XI столѣтія венеціанскаго собора св. Марка ¹⁾.

Фресковая стѣнопись собора, по своему характеру, совершенно сходна съ его мозаикой, какъ то особенно видно, при сличеніи фресковъ придѣла св. Георгія (не поновленныхъ) съ мозаическими изображеніями главнаго придѣла св. Софіи (Премудрости божіей) ²⁾. Фрески стѣны, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры, подобно другимъ стариннымъ фрескамъ храма, надо полагать, также современны его постройкѣ. Къ такому заключенію приходимъ, сравнивая пошибъ означенныхъ фресковъ съ пошибомъ изображенія семейства Святослава Ярославича Черниговскаго, приложеннаго къ „Изборнику“, принадлежавшему этому князю и несомнѣнно относящемуся къ XI столѣтію. Въ томъ еще болѣе удостовѣряемся, принимая во вниманіе сходство этихъ фресковъ, по стилю, съ рельефными изображеніями, какъ полагаютъ, византійской работы, вычеканенными на серебряной оправѣ рога, найденнаго недавно г. Самоквасовымъ, при раскопкѣ одного кургана, въ Черниговѣ (по видимому, второй половины X столѣтія). Наконецъ, не забудемъ, что фрески Кievософійскаго собора украшаютъ только древнѣйшія его стѣны, пощаженыя временемъ ³⁾. Всѣ доводы, нами предложенные, надѣемся, достаточно доказываютъ, что кievософійскіе фрески, подобно Кievософійскимъ мозаикамъ, относятся къ XI вѣку.

Опредѣливъ стиль и время кievософійской стѣнописи, обратимся къ спеціальному вопросу, насъ занимающему—къ объясненію значенія нѣкоторыхъ фресковъ храма, созданнаго благочестіемъ Ярослава Мудраго.

Фрески, которые мы намѣрены разсмотрѣть внимательнѣе, написаны на стѣнѣ, при-

¹⁾ Византійская стѣнопись XI и отчасти XII вѣка не такъ изящна, какъ стѣнопись предшествовавшаго времени; начиная съ XII вѣка, особенно въ XIII и XIV столѣтіяхъ, византійская стѣнная живопись подверглась вліянію западнаго живописнаго искусства.

²⁾ Фресковое письмо церкви Спаса на Берестовѣ до нѣкоторой степени подходит къ кievософійскому, стѣнопись же Кириловско-троицкой церкви значительно отлична отъ фресковой живописи Кievософійскаго собора.

³⁾ Обиліе фресковыхъ изображеній святыхъ Кievософійскаго собора отнюдь не заставляеть думать, что эти фрески позднѣе XI вѣка. Цикль святыхъ православной восточной церкви, въ XI столѣтіи, былъ довольно полонъ и представлялъ достаточный матеріалъ для фресковыхъ изображеній значительнаго числа святыхъ въ русскихъ церквахъ этой эпохи.

мыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры собора. По своему внутреннему смыслу, фрески, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣлятся на двѣ группы: во I-хъ, на фрески религіозные византійскаго характера, во II-хъ, на фрески свѣтскаго содержанія, которые, по видимому, словено-русскіе.

Фрески религіозные византійскаго характера—двухъ родовъ: во 1-хъ, фрески отрицательно-религіознаго содержанія общаго значенія, во 2-хъ, фрески положительно-религіознаго содержанія, по всей вѣроятности, имѣющіе частное отношеніе къ придѣлу, посвященному строителю храма Ярославомъ Мудрымъ (въ крещеніи Георгіемъ) св. Георгію.

Фрески отрицательно-религіознаго содержанія общаго значенія, дополняющіе стѣнопись Кіевософійскаго собора, во всей ея цѣлости, могутъ быть подведены подъ два вида: къ первому виду принадлежатъ изображенія символическія (воспроизводящія, надо полагать, борьбу благаго начала со злымъ), объяснить которыя предоставляю себѣ впоследствии; ко второму виду относятся изображенія, непосредственно воспроизводящія предметы, которыхъ долженъ избѣгать вѣрующій (музыканты и скоморохи), каковыя изображенія встрѣчаются и въ западныхъ средневѣковыхъ католическихъ церквахъ. Фрески положительно-религіознаго содержанія, по видимому, имѣющіе частное отношеніе къ придѣлу св. Георгія, со стороны котораго и начинаются (животныя и сцены охоты), возсоздаютъ предметы, заимствованные изъ области сельскихъ промысловъ (т. е. отраслей первоначальной промышленности, добывающей свои произведенія изъ царствъ животнаго и растительнаго), покровителемъ которыхъ, какъ извѣстно, почитается св. Георгій, при чемъ замѣтимъ, что въ честь этого святаго установленъ, при Ярославѣ Мудромъ, особый праздникъ въ осенній Юрьевъ день, 26 ноября, по случаю основанія Георгіевскаго монастыря¹⁾. Что изображенія предметовъ изъ области промысловъ могутъ имѣть въ Кіевософійскомъ соборѣ непосредственное отношеніе къ св. Георгію, во 1-хъ, выясняется изъ того, что въ солунской церкви св. Георгія, построенной въ исходѣ V и началѣ VI вѣка, находятся мозаики, имѣющія, смѣемъ думать, аналогическое значеніе (изображенія растений и птицъ); во 2-хъ, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что на барельефѣ изъ слоновой кости (хранящемся въ майнцкомъ музеѣ) св. Георгій представленъ окруженнымъ кольцеобразнымъ бордюромъ, составленнымъ изъ изображеній, воспроизводящихъ разныхъ звѣрей и различные моменты охоты²⁾.

¹⁾ Около Юрьева дня, въ древней Руси, какъ хорошо извѣстно, имѣлъ мѣсто переходъ сельскихъ рабочихъ отъ однихъ землевладѣльцевъ къ другимъ. Этотъ обычай, по всей вѣроятности, существовавшій и въ удѣльно-вѣчевую пору, восходитъ, думаемъ, къ временамъ Ярослава Мудраго, а можетъ статья, и древнѣе.

²⁾ Снимокъ съ майнцаго барельефа съ изображеніемъ св. Георгія см. въ атласѣ.

Кромѣ фресковъ религіозныхъ византійскаго характера, на стѣнѣ, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры, видимъ изображенія свѣтскаго содержанія, по всей вѣроятности, не византійскія, а словено-русскія. Сюда, прежде всего, относится сцена суда, подтверждающая свидѣтельство Эриха Ляссоты, которому, въ 1594 г., рассказывали въ Кіевѣ, что встарину въ Кіевософійскомъ соборѣ существовалъ локаль (должно быть, сѣни), въ которомъ основатель храма (т. е. Ярославъ) имѣлъ обыкновеніе держать совѣтъ (нарядъ). Можетъ быть, фресковое изображеніе сцены суда примыкало именно къ локалу, о которомъ повѣствуетъ Ляссота. Ежели предложенное объясненіе сцены суда имѣетъ достаточное основаніе, то естественно допустить, что изображеніе княжескаго семейства, находящееся на стѣнѣ, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры собора, также туземнаго, словено-русскаго происхожденія и, по всей вѣроятности, представляетъ семью Ярослава Мудраго (такъ точно, какъ изображеніе „Изборника“, принадлежавшаго Святославу Ярославичу Черниговскому, воспроизводитъ семейство этого князя)¹⁾.

Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что въ Кіевософійскомъ соборѣ есть фресковое изображеніе, какъ полагаютъ, супруги Ярослава Мудраго съ двумя сыновьями и дочерью (передѣланное позднѣйшими иконописцами въ образѣ Софьи, Вѣры, Надежды и Любви). Здѣсь кстаті замѣтимъ, что въ Равеннскомъ соборѣ св. Виталія первой половины VI в., достроенномъ при византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ, находятся два мозаическихъ изображенія: одно—торжественнаго шествія въ храмъ Юстиніана, въ сопровожденіи свиты, другое—изображеніе торжественнаго шествія въ храмъ супруги Юстиніана, императрицы Θεодоры, также окруженной свитой. Ежели въ церкви св. Виталія видимъ портреты Юстиніана и Θεодоры съ ихъ свитой, то почему не принять, что фигуры князей и княгинь, написанныя на хорной стѣнѣ Кіевософійскаго собора, суть ничто иное, какъ портреты княжескаго семейства (по видимому, Ярославова)?

Ко всему нами сказанному о фрескахъ, написанныхъ на стѣнѣ, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры Кіевософійскаго собора, прибавимъ, что основная мысль, выражаемая фресками религіознаго характера, вторично воспроизведена въ барельефахъ крыши гробницы Ярослава Мудраго: одна часть этихъ барельефовъ общаго символическаго религіознаго значенія (пальмы, кипарисы, рыбы и т. д.); другая часть, напротивъ (деревья съ сидящими на нихъ птицами—по краямъ крыши гробницы), имѣетъ, можетъ быть, подобно фрескамъ охоты и другимъ, съ ними однороднымъ, частное отношеніе къ св. Георгію, именемъ котораго былъ нареченъ князь, прахъ котораго покоится подъ гробницей.

¹⁾ Вѣнчики (нимбы), окружающіе головы нѣкоторыхъ фигуръ, входящихъ въ составъ разсматриваемаго изображенія княжеской семьи, по всей вѣроятности, относятся не къ временамъ Ярослава Мудраго, а позднѣйшаго происхожденія.

Соображенія, нами предложення, преимущественно сдѣланныя, при помощи археологическаго метода (т. е. путемъ сравненія между собою однородныхъ монументальныхъ данныхъ), сводятся къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ:

1. Старинныя фрески Кіевософійскаго собора, по стилю, сходныя съ его мозаиками, относятся къ XI столѣтію.

2. Фрески стѣны, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры Кіевософійскаго собора, представляютъ двѣ группы: во I-хъ, фрески религіозныя византійскаго характера, двухъ родовъ—отрицательно-религіознаго содержанія общаго значенія (символическіе и непосредственно воспроизводящіе предметы, противныя благочестію) и фрески положительно-религіознаго содержанія, по видимому, въ частности относящіеся къ св. Георгію, какъ покровителю сельскихъ промысловъ; во II-хъ, фрески свѣтскаго содержанія, не византійскія, а словено-русскіе.

3. Барельефы гробницы Ярослава Мудраго, подобно религіознымъ фрескамъ стѣны, примыкающей къ лѣстницамъ, ведущимъ на хоры Кіевософійскаго собора, по видимому, двухъ родовъ: во 1-хъ, барельефы общаго религіознаго символическаго значенія (пальмы, кипарисы, рыбы и т. д.); во 2-хъ, барельефы, можетъ быть, въ частности относящіеся къ св. Георгію (деревья съ сидящими на нихъ птицами—по краямъ крыши гробницы).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сознаться, что положенія, къ которымъ мы пришли (преимущественно путемъ археологическаго метода), до нѣкоторой степени имѣютъ характеръ гипотетическій. Несомнѣнную истинность эти положенія получаютъ только тогда, когда будутъ подтверждены неопровержимыми свидѣтельствами. Мы отнюдь не думаемъ, что вполне уяснили дѣло. Мы только сдѣлали попытку разрѣшенія вопроса о значеніи загадочныхъ фресковъ Кіевософійскаго собора, предоставляя другимъ представить болѣе удовлетворительное истолкованіе ихъ таинственнаго смысла. Подтвердятся ли наши сильныя соображенія и догадки послѣдующими изслѣдованіями, или же будутъ отвергнуты, во всякомъ случаѣ археологія не будетъ въ проигрышѣ: самое опроверженіе нашихъ положеній, по необходимости, поведетъ къ открытію истины, этой завѣтной цѣли всякаго научнаго стремленія, всякаго знанія.

О РАЗНЫХЪ НАЗВАНІЯХЪ КІЕВА ВЪ ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ.

Рефератъ Ф. К. Вруна.

Всѣ наши ориенталисты и византилисты согласны въ томъ, что *Кіевъ* уже былъ важнымъ городомъ въ то время, когда еще находился въ зависимости отъ Хазаровъ. По мнѣнію г. Юргевича (Зап. Одесск. Общ. Ист. VI, 112), этому именно народу городъ, основанный, по преданію, тремя хазарскими братьями, обязанъ настоящимъ своимъ названіемъ, тождественнымъ съ именемъ *Киѡѡѡ* или *Киѡѡ*, которое онъ носитъ у Константина Багрянороднаго, равно какъ и съ различными вариантами сего имени у современныхъ императору арабскихъ географовъ. Впрочемъ, если принять во вниманіе, что мѣстности, именуемыя: *Кује*, *Кујовісе* и т. п. (см. Erben, Nestoruv letopis rusku, 294) встрѣчаются и въ такихъ славянскихъ странахъ, до которыхъ Хазары никогда не доходили, то является вопросъ: не скрывается-ли въ названіи Кіева какое-либо нарицательное имя, примѣненное къ нему Славянами ради мѣстныхъ его особенностей?

Во всякомъ случаѣ важность Кіева должна была еще возрасти съ тѣхъ поръ, когда онъ сдѣлался центромъ новаго государства, основаннаго Варяго-Росами, и пунктомъ, съ котораго эти отважные моряки отправлялись, въ сообществѣ славянскихъ ихъ сподвижниковъ, для грабительскихъ поисковъ на моряхъ Черномъ и Каспійскомъ.

По Добровскому, приведенному Карамзиннымъ (I, пр. 72), Кіевъ по сей именно причинѣ названъ былъ Самботомъ (сборнымъ мѣстомъ лодокъ), превратившимся въ устахъ Грековъ въ *Самватасъ* (Const. Porphyg: De adm. imper. ed. Bonn. p. 75: τὸ κάστρον τὸ Киѡѡѡ τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβάτας). Карамзинъ напротивъ того слышитъ въ этомъ прозвищѣ отголосокъ славянскихъ словъ: сама мать, потому что „Кіевъ назывался въ древности *матерью* городовъ Русскихъ“; тогда какъ, по мнѣнію Parizot (Not. et Extraits des manuscr.

XVII, 2 p. 283), императоръ хотѣлъ только намъ передать славянскія же слова „за водою“, потому что Кіевъ лежалъ „au delà du fleuve“, „à l'ouest du Dnièpre“. Въ свою очередь г. Геденовъ (Отрывки о Вар. вопросъ, 107) отождествляетъ Самватасъ съ именемъ венгерскаго города Сомбатъ, и съ нимъ соглашается г. Юргевичъ, а отчасти также и г. Кунинъ (см. мою ст. въ *Mém. de l'Ac. de S. P. VII S. X. N. 9 p. 3*). Наконецъ г. Ламбинъ (см. *Ж. М. Н. Просв. Июль, 1874*), отдавая должную справедливость прозорливости Карамзина, отклоняется отъ него только въ томъ, что вмѣсто словъ „сама мать“ предлагаетъ чтеніе: ся есть мать.

Но такъ какъ императоръ не говоритъ, какому именно народу Кіевъ былъ обязанъ своимъ прозвищемъ, то могло статься, что оно происхожденія не славянскаго, не варяжскаго, не угорскаго, а армянскаго. Дѣйствительно, если взять во вниманіе, что еще въ 833 году императоръ Теофиль поручилъ одному изъ своихъ сановниковъ построить, въ слѣдствіе просьбы хазарскаго хакана, крѣпость Саркель на Дону; что вскорѣ потомъ владѣтельство Хазаровъ простиралось за Днѣпръ до границъ Гигріевъ, т. е. до Венгріи и что дружескія ихъ сношенія съ Греками со временъ Ираклія рѣдко были прерываемы, то не слишкомъ покажется смѣлымъ предположеніе, что византійскій императоръ Левъ Армянинъ († 814) помогалъ имъ укрѣплять Кіевъ и что они, изъ благодарности, укрѣпленіе это назвали именемъ его сына Самватеса или Симбатеса, съ армянскаго Сембать или Семпадъ. Имя это, бывшее часто въ употребленіи у членовъ фамиліи Багратидовъ (*Le Beau, N. du Bas-Empire, 1832, XIII, 7*), свидѣтельствуетъ, что Левъ III былъ съ ней связанъ узами родства или дружбы, тѣмъ болѣе, что въ это время армянскія фамиліи вообще принадлежали къ знаменитѣйшимъ въ Константинополѣ (*ib. 181*).

Если догадка, здѣсь нами представленная, будетъ признана стоящей обсужденія, то я желалъ бы видѣть также армянское происхожденіе въ названіи крѣпости Кочказъ, развалины которой существовали во время Михаила Литвина при Крарійскомъ бродѣ, гдѣ, по императору Константину, Печенѣги и Херсонцы переправлялись чрезъ Днѣпръ, и который не однимъ только подобозвучіемъ напоминаетъ армянское слово „K'ageres, face de rocher“ (*Dulaugier, Bibl. arm. 383*). По крайней мѣрѣ эта мѣстность, называемая Кучкозомъ и служившая переправой для козаковъ и для Татаръ (см. *Schottin, Tagebuch des Erich Lassota etc. 210*) защищалась, по свидѣтельству очевидца Боплана, двумя неприступными скалами, столбами Геркулеса г. Подберезскаго (Зап. Одесск. Общ. т. VI). Рѣка, тутъ изливающаяся въ Днѣпръ, нынѣ еще называется Кичказъ, стало быть именемъ, въ которомъ отзывается имя армянскаго князя „Kiskasès“ или Kotchazkaz (*Muralt, Chronogr. byz. 513*), современника Константина Багрянороднаго, который самъ говоритъ, что онъ происхожденія армянскаго, что впрочемъ уже явствуетъ изъ имени Симбація или Семпада, одного изъ его родственниковъ (*Le Beau, l. c. XV, 479*).

Послѣ всего сказаннаго позволительно будетъ спросить, не былъ-ли лежащій подъ

Кичказомъ прекрасный островъ Хортица или „св. Григорія“ послѣднимъ именемъ (извѣстнымъ императору Константину) названъ по просвѣтителю Арменіи, который, по словамъ легенды, отправился въ Римъ, т. е. въ Константинополь, чрезъ Великую Татарію и Россію, въ южной части которой тогда уже господствовали Рейдготы или Грутунги (Остготы). Послѣдніе гораздо прежде ихъ сосѣдей, Тервинговъ (Вестготы), набѣгами на смежную съ Арменіею Каппадокію имѣли случай познакомиться съ христіанствомъ, которое поэтому, еще при жизни Григорія, легко могло имѣть послѣдователей въ главномъ ихъ городѣ *Danpstadir*, т. е. Днѣпровскій градъ, занимавшемъ вѣроятно мѣсто тамъ, гдѣ затѣмъ былъ построенъ Кіевъ (см. Дорнъ, Каспій, 55). Во всякомъ случаѣ его окрестности входили въ составъ „*Reidhgotaland'a*“, подъ которымъ въ скандинавскихъ сагахъ первоначально разумѣлась страна, обозначенная затѣмъ уже въ нихъ названіемъ *Gardariki* (царство града т. е. *Hölmgardh'a*, Новгорода), замѣняемымъ наконецъ иногда названіемъ *Kyflingaland*, земля Кильфинговъ, явно тождественнымъ съ Келябами Арабовъ, съ Кульпингами Византійцевъ и съ нашими Колбягами, въ которыхъ, тому назадъ лѣтъ 25, датскій ученый *Rafn* подозрѣвалъ Финновъ (*Ant. Russes*, II, 249), почему и снисходительный рецензентъ не долженъ былъ приписывать эту „остроумную“ догадку автору „Очерковъ русск. истр. географіи“ (Ж. М. Н. Просв. февр. 1875 р. 456).

Впрочемъ эту догадку трудно будетъ согласовать не только съ свидѣтельствомъ Русской Правды о привилегіяхъ, которыми пользовались Колбяги на равнѣ съ Варягами, но также съ разными извѣстіями до первыхъ касающимися, которыя мы встрѣчаемъ въ скандинавскихъ источникахъ, а именно:

1) Что Кильфинги производили торговлю съ *Финнами* и посему самому едвали могли быть ихъ земляками (*Ant. Russes*, I. с.).

2) Что они въ рукописяхъ также называются: *Kyblingar*, *Kyflingar*, *Kyplingar* и *Kyflingar*: quae omnes formae, partim mutando, partim transponendo, idem valent (I. с. 248 п. 9).

3) Что какой-то монахъ Іонъ, выдававшій себя за внука норвежскаго короля Гаральда Гилле († 1136), поднялъ знамя бунта противъ короля Сверрира около 1185 года, и нашель приверженцевъ *также* въ крайнемъ югѣ,—стало быть, если не въ Даніи, то въ южной Швеціи или Сканин, которая тогда считалась частью первой. Приверженцы самозванца были названы Куфлунгами (*Kufflungar*), потому что онъ тогда только снялъ съ себя рясу, когда былъ провозглашенъ королемъ (*Dahlmann, Gesch. v. Dänemark*, II, 161).

4) Нѣсколько лѣтъ спустя, братъ Сверрира Эрихъ прибылъ въ Готландію съ богатую добычею, забранною имъ въ Эстландіи, куда затѣмъ возвратился, собравшись съ силами въ Швеціи и Даніи, чѣмъ и объясняется приписка въ относящейся къ XIV столѣтію рукописи Сверрировой саги: *eodem autumno factio Kuflungorum in Vica instaurata est.* (*Ant. Russes*, II, 78, п. 11).

Неудивительно было бы поэтому, если бы Кульфинги или Куфлунги составляли часть войска, съ которымъ побѣдоносный датскій король Вальдемаръ II присталъ въ 1218 году къ берегу Эстландіи, гдѣ немедленно затѣмъ Датчанами былъ заложенъ замокъ Ревельскій, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась разрушенная ими туземная крѣпость Линданиса или „грудь Линды“, прославленной въ древнихъ сказаніяхъ супруги великана Калева, погребеннаго, по тѣмъ же сказаніямъ, подъ этой крѣпостью. Утвержденіе владычества Датчанъ надъ Эстландіею не могло нравиться Русскимъ, которые еще при Ярославѣ подчинили себѣ часть этой страны, куда при его преемникахъ все далѣе и далѣе проникали Новгородцы. Призванные на помощь Эстами, они уже въ четвертый годъ послѣ основанія Ревеля приступили къ этому городу, названному въ нашихъ лѣтописяхъ *Колывань*, т. е. именемъ, напоминающимъ намъ, не однимъ только созвучіемъ, національнаго героя Эстовъ Kalevi-roeg, (сынъ Калева), явно тождественнаго съ однимъ изъ сыновей Калевы, которые въ финской поэмѣ Калевала (Родина Калевы) называются *Kalevan-rojat*.

Безъ сомнѣнія Новгородцамъ, во время осады Колывани, дана была возможность познакомиться съ дружиною Куфлунговъ. Произнося по своему это названіе, они тѣмъ не менѣе могли считать нужнымъ дать ему право гражданства на своемъ языкѣ, для различенія „служилыхъ людей“, приходившихъ къ нимъ изъ Даніи, отъ другихъ уроженцевъ этой страны, съ которой Россія съ давнихъ поръ была связана узами не только торговли, но и политическими, по случаю частыхъ браковъ между членами царствовавшихъ въ обѣихъ странахъ династій. Вотъ почему мнѣ кажется, вопреки мнѣнію Дальмана (I. c. I, 279), что мы едва ли имѣемъ право считать рѣшительно вымышленнымъ переданное намъ авторомъ саги о сыновьяхъ Кнута извѣстіе, что датскій король Вальдемаръ I Великій, отецъ Вальдемара II, зять князя Минскаго Володаря Глѣбовича и внукъ Мстислава Владиміровича, родился (1131) и провелъ даже годы юности своего въ Гардарики.

Титмаръ († 1018), который, подобно издателямъ Русской Правды, умѣлъ различать Датчанъ отъ Шведовъ и Финновъ, говорить, что первые, превратившіеся, съ легкой руки комментаторовъ епископа Мерзебургскаго, въ Грековъ и даже въ Евреевъ, въ его время преобладали въ числѣ жителей Кіева, которое тогда уже долженствовало быть значительно, если даже допустить, что подъ 400 церквами города имъ подразумѣвались и всѣ часовни.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя Кіевъ могъ уже состязаться съ Константинополемъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, который называетъ его однимъ изъ главныхъ украшеній Греціи, сказавши предварительно, что онъ былъ главнымъ городомъ Острограда въ Руціи. Въ примѣчаніи къ другому мѣсту его труда (IV sched. 116), равно какъ и у Гелмольда (I, гл. 1) читается, что это названіе, въ которомъ нельзя не узнать древнѣйшее скандинавское названіе Россіи (*Austrriki*, восточное царство), должно было озна-

чать, что Русь, лежа на востокѣ, изобиловала всякаго рода добромъ. Тогда какъ по Гелмольду это названіе дано было Россіи Датчанами, оно у Адама Бременскаго, приписывается варварамъ, т. е. ихъ соотечественникамъ, еще не принявшимъ христіанства.

У обоихъ авторовъ мы еще встрѣчаемъ замѣтку, что Остроградъ также назывался *Chunigard* или *Chungard*, потому что первоначально тамъ обитали Гунны. Если я не ошибаюсь, то это извѣстіе ими также заимствовано у Варяго-Росовъ, которые подъ Гуннами легко могли разумѣть Хазаровъ, такъ какъ они ихъ застали въ Кіевѣ и его окрестностяхъ господствующими надъ туземцами славянскаго племени. Быть можетъ ихъ то именно имѣлъ въ виду исландскій аббатъ Николай († 1158), когда въ географическихъ своихъ замѣткахъ (*Ant. Russes*, II, 401) намъ передаетъ, что подлѣ европейской Скѣиѣи (*Svethia magna*), гдѣ нѣкогда царствовалъ Магогъ, лежала „*terra Kylvingorum quam vocamus regnum Gardarum, ubi fuit Madaius*“ (var. *Mogog*). Къ тому еще мы узнаемъ изъ географическаго сочиненія *Hauk'a Erlendson'a* († 1332; см. *ibid.* 438), что главными городами Россіи (*Ruscia quam nos Gardarikiam appellamus*) были: *Mogami* (Муромъ) *Rostofa*, *Suzdali*, *Holmgardus*, *Synges* (Черниговъ), *Gadi* (var. *Gardi*=Городенъ, въ Минск. губ.), *Palteskja* (Полотскъ), *Koenugardas*, *ubi Magog, filius Japheti, filii Noachi, primus habitavit*. Подобнымъ образомъ непоименованный авторъ рукописи, относящейся къ первой половинѣ XIV вѣка (*ibid.* 447) первыми обитателями Гардарики считалъ потомковъ, не Мадаю, но Магога, стало быть народъ, въ которомъ мы имѣемъ право подозрѣвать Бѣлыхъ Угровъ Нестора. Въ пользу сего мнѣнія можетъ еще послужить то обстоятельство, что вышеприведенный Гунниградъ нѣмецкихъ авторовъ есть ни что иное какъ скандинавское *Kёнуградъ*, и что это имя означало не Восточное царство, но городъ, а именно Кіевъ, какъ явствуетъ, между прочимъ, изъ *Эймундъ-саги*, давно уже извѣстной русскимъ читателямъ (*Библ. для Чт.* 1834, т. I).

Названіемъ этимъ я даже объяснилъ бы себѣ охотно, почему у нашихъ лѣтописцевъ жители Кіева называются *Кыянами*, если бы только можно было сослаться на свидѣтельство *Ибнъ-Гаукала*, по которому названіе Кіева гласило *Кунаба*. Но въ этомъ случаѣ я не считаю себя въ правѣ отклониться отъ мнѣнія *Френа*, доказавшаго, что слово это слѣдуетъ читать *Куіяба*, и что поэтому арабскіе авторы X и XI столѣтій знали Кіевъ подъ тѣмъ же именемъ, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ Византіяцамъ равно какъ и славянскимъ и нѣмецкимъ анналистамъ.

Свидѣтельствуемое ими цвѣтущее состояніе сего города еще долго продолжалось, не смотря на частыя междоусобія при сыновьяхъ и внукахъ *Ярослава* за великокняжескій престолъ и на участіе, которое, по ихъ же винѣ, въ этихъ распряхъ могли по очереди принимать смѣнявшіеся въ южнороссійскихъ степяхъ тюркскіе наѣзники: *Берендичи* (*Барангачи?*), *Торки* (*Узы Византіяцевъ*, *Гуззы Арабовъ*, предки *бессарабскихъ Гуцуловъ*), *Печенѣги* и *Половцы*.

Даже послѣ разграбленія Кіева послѣдними въ 1204 году, онъ еще не лишился прежняго своего значенія, если судить по тому впечатлѣнію, которое онъ своимъ великолѣпіемъ произвелъ на внука Чингисхана, посланнаго для осмотра его кааномъ Угедаемъ въ 1239 году. Уже по возвращеніи Мѣнгэ въ Монголію, двоюродный его братъ Бату приступилъ къ Кіеву съ несмѣтною силою (1240) и „въ девять дней“, какъ выражается Рашидъ-Эдинъ (см. ст. Березина, въ Ж. М. Н. Просв. ч. LXXXI, Отд. II, 105 съ слѣд.) „взялъ большой Русскій городъ имя котораго *Мангеръ-фраанъ*“. „Это слово“, говоритъ Березинъ, можно читать и Мангре-манъ, хотя онъ и допускаетъ, что въ немъ также отзывается тюркское „Макъ-керманъ“, хвалимый городъ. Въ необходимости выбрать одно изъ этихъ противоположныхъ мнѣній, я предпочелъ бы послѣднее. Но я не понимаю, почему Березинъ, вмѣсто макъ-керманъ, не хочетъ читать макъ-керманъ. „Большой“ городъ Рашида этимъ именно названіемъ могъ быть обязанъ Тюркамъ, тогда какъ на ихъ именно языкѣ столица Готіи Теодори была названа Мангупъ; находившаяся же въ древней ихъ родинѣ сильная крѣпость еще во время Ибнъ-Гаукала была извѣстна подъ названіемъ Ман-кишлакъ. Уже по сей причинѣ мы имѣли бы право думать, что Шерефъ-Эдинъ (см. Кѣшпепъ, Крым. Сборникъ, 353 прим. 525) имѣлъ въ виду Кіевъ, когда говоритъ, что въ 1395 году полководцы Тимура преслѣдовали Тохтамыша до мѣстности при Днѣпрѣ, именуемой *Mankirmen*. При тягучести топографическихъ именъ, тюркское названіе Кіева могло еще быть въ употребленіи, хотя онъ тогда уже не представлялъ и тѣни прежняго его величія, почему и можно сказать утвердительно, что Контарини, говоря, что еще въ его время „Chio“, т. е. Кіевъ, также назывался *Magroman*, хотѣлъ намъ передать татарское его названіе—Манкерманъ.

Но такъ какъ это названіе не могло быть выдуманно Монголами, то ясно, что оно къ нимъ перешло отъ приведенныхъ тюркскихъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Каракалпаковъ, которымъ неоднократно представлялся случай дивиться величію Кіева и хозяйничать въ немъ по своему. Если же такъ, то уже не слишкомъ смѣлою покажется догадка, что тюркское названіе сего города скрывается въ слѣдующемъ отрывкѣ составленнаго архимандритомъ Ниломъ Доксопатріемъ въ 1143 году, списка городамъ и землямъ, подчиненнымъ римскому первосвященнику: *Possidebat itaque Romanus Europam universam ad confinia usque Mazorum et Gallorum, Hispaniae, Franciae et Illirici usque ad Gadiram et columnas Herculeas, oceanum, qui in occasum solis vergit, in quo sunt demortuae aquae et paludosae et insula prope fines oceani hominibus abundans, et est Christianorum universa multitudo, usque ad Ravennam, Longobardos et Thessalonicam et Sclavos, Abaros et Scythas ad Danubium fluvium ecclesiastica confinia extendit et Mancariam* (Parthey, Hieroclis Synecd. и проч. 270) т. е. до окрестностей Кіева, до которыхъ дѣйствительно простиралась духовная власть намѣстника св. Петра съ тѣхъ поръ, какъ католицизмъ утвердился въ Венгріи и Польшѣ.

ВЪ ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ.

Если же, не смотря на всѣ старанія папъ подчинить митрополию Россіи своей власти, даже послѣ присоединенія Кіева въ Литовскому в. княжеству, онѣ долго не были увѣнчаны успѣхомъ, то, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что при равнодушіи, чтобы не сказать съ Григорьевымъ (О достовѣрн. явл. etc. 55), при терпимости и уваженіи Золото-ордынскихъ хановъ ко всѣмъ религіямъ, Латинской пропагандѣ было гораздо легче прежняго вкрадываться въ Кіевъ, въ особенности послѣ 1300 года, когда митрополитъ Максимъ „не терпя татарскаго насилія“ (сравни. Григорьевъ, I. I. 57) выѣхалъ отсюда навсегда и со всѣмъ клиромъ переселился во Владиміръ. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, мнѣ показалось весьма вѣроятнымъ (см. мою ст. во 2 томѣ Трудовъ Перв. Археол. съѣзда въ Москвѣ), что Кіевъ упомянуть подъ своимъ татарскимъ названіемъ въ слѣдующихъ двухъ ватиканскихъ грамотахъ 1314 и 1340 года, приведенныхъ Кунстманомъ по Wadding'у (см. Hist. Polit. Blätter, 1856, 2 p. 708); Vicariatus Tartaricae Aquilonaris habet loca. 17: Cafa, ubi sunt duo loca; *Majeria*, ubi alia duo, Sardaya (1340: Sodaya) similiter Cata (Solcata), Baraton (Barason, вѣроятно Karason), Maugumcastrum (Аккерманъ), Vicena (по итальянскимъ картамъ между Силистріею и Киліею), Cimbalum, Tana, Saray, Ugalet (Ugelz, Увекъ?), Beler, S. Johannes. Item in regno Vieriae (Грузія) duo loca.

Хотя и теперъ еще я не отрицаю, что въ имени *Majeria* тутъ, можетъ быть, скрывается татарское названіе Кіева, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю окончательное рѣшеніе сего вопроса лицамъ, имѣющимъ предъ собою недоступный мнѣ трудъ Вадингга (Annales minorum). Меня же именно поставила въ недоумѣніе замѣтка въ письмѣ г. Юля (отъ 13 іюня 1874 г.), которую считаю нужнымъ привести здѣсь собственными его словами: Some years ago I had to make out the list of Franciscan monasteries given by Wadding. He gives the list twice; once under 1314, again under 1400, with differences: under 1400 he has Thana, Agitarchan, Sarai, Comuch (qu. Kumuk country south of the Caspian?), Tarchis (Terki at the mouth of the Terek: see De la Primaudaie, 269). Mamuni or Mauniti (?), Mager (Majar on the Kuma), Ugueth or Uguech (Ukek on the Volga) Ac-Sarai (?), Organae or Orgune (?).

Тогда какъ послѣдніа два имена мнѣ напоминають города Новый Сарай и Ургендзъ, я въ загадочномъ Mamuni подозреваю искаженіе имени города Махмутабадъ. Что же касается слѣдующаго въ спискѣ имени Mager, то я вполне раздѣляю мнѣніе знаменитаго комментатора Марко Поло, что оно не могло не означать городъ Маджаръ, гдѣ еще Ибнъ-Батута засталъ (ок. 1330 года) испанскаго Еврея, греческихъ монаховъ и татарскихъ дамъ, которыя не боялись показаться предъ арабскимъ Марко Поло съ непокрытымъ лицомъ.

Если же оказалось бы, что у Вадингга въ одномъ и томъ же спискѣ католическихъ

кустодій были упомянуты оба города, т. е. Mager и Maieria, то я уже не сомнѣвался бы, что въ послѣднемъ имени скрывается татарское названіе Контариніева Магромана.

ДОХРИСТИАНСКІЕ МОГИЛЬНИКИ ВЪ МОРАВИИ.

Рефератъ д-ра Веды Дудика, О. Св. В.

Я намѣренъ представить въ настоящемъ засѣданіи вниманію многоуважаемыхъ со-членовъ съѣзда свѣдѣнія о дохристианскихъ могильникахъ въ Моравіи. Полагаю, что выбранный мною сюжетъ послужитъ для двойной цѣли: съ одной стороны я желалъ-бы, чтобы мой рефератъ могъ вызвать у другихъ братьевъ Славянъ аналогическія изслѣдованія, а съ другой—я полагаю, что онъ послужитъ новымъ доказательствомъ въ пользу того положенія, что связь между отдѣльными славянскими племенами была тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ древнѣе та эпоха, которую мы подвергаемъ изслѣдованію; слѣдовательно, чѣмъ дальше мы углубимся въ прошедшее, тѣмъ легче мы можемъ обобщать характеристическія черты быта Славянъ и переносить ихъ съ одного племени на другое. Положеніе это замѣтилъ еще императоръ Левъ VI, современникъ моравскаго князя Святоплука (867—894), признавъ въ своей „Тактикѣ“ (гл. XVIII, ст. 99), что въ его время (онъ умеръ въ 911 г.) нравы и обычаи различныхъ славянскихъ народовъ были совершенно схожи между собою. Для того, чтобы облегчить обзоръ разсматриваемаго мною предмета, я изложу его по частямъ и расскажу отдѣльно:

1. *О тѣхъ мѣстностяхъ Моравіи, гдѣ можно указать дохристианскіе могильники.*
2. *О погребальныхъ обычаяхъ.*
3. *О предметахъ, найденныхъ въ гробницахъ.*
4. *О выводахъ относительно исторіи, быта и культуры, какіе можно сдѣлать на основаніи этихъ и тому подобныхъ изслѣдованій.*

1. *Мѣстоположеніе дохристианскихъ могильниковъ.* Если справедливо положеніе, что низменныя мѣста и долины любой страны населялись раньше, чѣмъ нагорныя ея области и склоны возвышенностей,—если историческимъ путемъ можно доказать, что пере-

селеніе и распространеніе народовъ происходило естественно вдоль по теченіямъ большихъ рѣкъ, пересекающихъ равнины, то несомнѣнно мы должны искать гробницъ народовъ, обитавшихъ въ Моравіи въ дохристіанское время, у береговъ большихъ рѣкъ, протекающихъ по этой странѣ и, слѣдовательно, на равнинахъ. И, дѣйствительно, только въ долинахъ рѣкъ: Мархи, Тайи, Шварцавы, Квитава и Ганы понынѣ были открыты дохристіанскіе могильники; на берегахъ Мархи: у Ольмюца, Гростейница, Долопляса, Майетейна, Ненаконица, Гулейна, Кагленица и Бухляна; на берегахъ Тайи: у Кпайма, Вольфрамица, Найгеровица, Клентница, Поляны, Нейдека и Айсгреба; на берегахъ Квитава: у Брюнна, Лѣша и Адамстала; на берегахъ Шварцавы: у Рейгерна, Рыбешовица, Селовица, Меница, Лянчица, Жабчица и Брановица; на берегахъ Ганы и на ея притокахъ: у Вицомержица, Леха и Птина. Исключенія изъ этого общаго правила весьма незначительны; говорятъ, будто дохристіанскія древности были найдены также: у Виценберга, Летовица, Богуславиць, Бушовица, Оберъ-Лича, Клобонка въ Градишскомъ округѣ, Тюрнана, Трюбана и Лошица, т. е. въ такихъ мѣстностяхъ, которыя лежать въ сторонѣ отъ выше названныхъ рѣкъ и относятся болѣе къ нагорной области или лежатъ на плоскихъ возвышенностяхъ. Въ послѣднее время раскопки въ пещерахъ девонской формаціи у Блянска доставили въ высшей степени важные результаты, но я не намѣренъ ихъ касаться, такъ какъ эти первобытныя древности были уже весьма обстоятельно описаны докторомъ Индрихомъ Ванкелемъ въ журналѣ „Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.“ за 1871 годъ.

2. *Погребальныя обычаи.* Различныя мѣста погребенія въ Моравіи раздѣляются по нагляднымъ признакамъ на три группы: 1) *Каменные постройки*; 2) *Курганы* и 3) *Ровныя похоронныя поля*; послѣднія, въ свою очередь, распадаются на три отдѣльныхъ вида: а) *Гробницы съ урнами*; б) *Уединенныя гробницы* и с) *Поля, на которыхъ гробницы лежатъ рядами*; нѣкоторыя поля послѣдней категоріи иногда заключаютъ въ себѣ *устрины*, другія же ихъ не представляютъ.

Понинѣ въ Моравіи найдены только три *каменныхъ гробницы*, которыя заключали въ себѣ урны, двѣ изъ нихъ лежатъ въ окрестности Ольмюца у деревень: Долопляса и Майетейна третья-же, заключающая костякъ, найдена у деревни Ляндишица. Въ 1841 году у Долопляса открыта была уединенная гробница, лежавшая на глубинѣ двухъ футовъ ниже поверхности земли; она состояла изъ свода, образовавшагося изъ отлого положенныхъ камней; объемъ гробницы достигалъ приблизительно слѣдующихъ размѣровъ: 7 футовъ 6 дюймовъ въ высоту; 2 фута въ ширину и 3—4 футовъ въ длину; на довольно значительномъ слоѣ рѣчнаго песку, на днѣ ея лежали многочисленныя обломки глиняныхъ сосудовъ, среди которыхъ другихъ предметовъ не было найдено. Въ гробницѣ у Майетейна, лежавшей на незначительной глубинѣ 2—3 футовъ, найдены девять погребальныхъ сосудовъ огромной величины, стоявшихъ въ одинъ рядъ; во время открытія ихъ въ 1840 г.

они были наполнены пережженными человѣческими костями, золою и черноземомъ. Третья каменная гробница найдена въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. у деревни Ляндшица, на такъ называемой Золотой горѣ. Она состояла изъ каменнаго гроба, прикрытаго плоскою каменною плитою; въ гробу найденъ костякъ и при немъ стеклянныя бусы и бронзовые позолоченные предметы. Объ устройствѣ каменныхъ гробницъ у Кнайма мнѣ не удалось собрать свѣдѣній. Вообще-же нужно замѣтить, что въ Моравіи вовсе нѣтъ такъ называемыхъ богатырскихъ гробницъ (Hünnen und Riesengräber) равно какъ и отдѣльныхъ гробницъ, обложенныхъ мелкими камнями.

Курганы, служившія мѣстомъ погребенія встрѣчаются у дороги, пролегающей между селами Шабшицомъ и Погрлицомъ. Курганы эти окружены валами; при изслѣдованіи ихъ найдены были многочисленныя глиняныя сосуды изъ черной, бурой и красной глины, зола, сосновый уголь, большіе, изогнутые, желѣзные гвозди, съ ясными слѣдами того, что они были вколочены въ дерево, куски желѣза многообразной формы, нижнія челюсти свиней, и различныя другія кости, пережженныя до такой степени, что не было возможно опредѣлить ихъ.

Валы въ дохристианское время имѣли столь-же важное значеніе въ Моравіи какъ и въ другихъ странахъ; къ несчастію понынѣ на нихъ обращали менѣе вниманія, чѣмъ они заслуживаютъ. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе сдѣлано въ Чехіи. Такъ въ 4 и 5 номерахъ „Извѣстій Общества изслѣдователей исторіи Германцевъ въ Чехіи“ (Mittheilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen—Jahrgang X) за 1872 годъ, докторъ Фэдишъ (J. E. Födisch) описалъ 32 каменные укрѣпленія и 54 земляныя городища, уже изслѣдованныя въ Чехіи. Относительно Моравіи мы имѣемъ только описаніе доисторическаго вала на горѣ Мискогель у Вольфрамица, помѣщенное докторомъ Ванкелемъ въ 6 номерѣ „Извѣстій Вѣнскаго антропологическаго общества“ (Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien) за 1873 годъ. Сверхъ того былъ измѣренъ и снятъ на планъ валъ, находящійся у Лѣша, но извѣстія объ немъ понынѣ еще не обнародованы. Наконецъ въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года г. Эдуардъ Дудикъ, гражданинъ и совѣтникъ общины въ Кайетейнѣ, предпринялъ съ тѣмъ горячимъ усердіемъ, которое онъ постоянно обнаруживаетъ въ археологическихъ изслѣдованіяхъ, не легкой трудъ: точно опредѣлить положеніе и размѣры большого городища, лежащаго на Гоштейнскомъ горномъ хребтѣ у Быстрицы и, въ настоящее время, во многихъ мѣстахъ покрытаго густымъ лѣсомъ. Мы приведемъ описаніе и измѣренія этого вала со словъ его сообщенія: „Гоштейнъ, въ древности Гостынъ. Это послѣдняя значительная изолированная гора, заканчивающая югозападную вѣтвь Карпатъ, она достигаетъ высоты 2,314 футовъ надъ уровнемъ моря и лежитъ въ разстояніи получасоваго пути отъ мѣстечка Быстрицы. Гора гораздо доступнѣе съ западной чѣмъ съ другихъ сторонъ, самый-же крутой спускъ обращенъ къ сѣверу; изъ вершины ея открывается прекрасный

видъ на плодородныя долины Марха и Ганы. Въ историческомъ отношеніи гора эта извѣстна по указаніямъ Краледворской рукописи, которая воспѣваетъ славную побѣду, одержанную здѣсь въ 1241 году, съ Божіею помощію, христіанами надъ Монголами. Ручей, описанный въ эпохѣ, струится понынѣ, а на мѣстѣ упомянутой въ немъ часовни нынѣ возвышается великолѣпная церковь, воздвигнутая между 1721—1748 годами архитекторомъ Томою Штурмомъ по порученію графа Франца-Антоня фонъ-Роталь. Церковь эта, опустошенная и обреченная на заустѣніе въ 1787 году, была снова возобновлена въ 1841 году и набожные Моравяне понынѣ посѣщаютъ этотъ храмъ, славящійся чудотворною иконою Богородицы. Обширное не поросшее лѣсомъ плато, на которомъ помѣщается церковь, окружено валами, которые мы намѣрены описать подробно.

Все плато нѣсколько выпукло, такъ что если изъ середины его разсматривать окружающіе валы, то послѣдніе почти не замѣтны, хотя высота ихъ отъ подошвы до вершины достигаетъ 5—8 сажень¹⁾. На постройку этихъ валовъ былъ употребленъ тутъ же находившійся матеріалъ: мелкіе валуны и, по преимуществу, земля, взятая изъ внутренней стороны укрѣпленія; вслѣдствіе этого внутренней откосъ валовъ представляетъ двѣ наклонныя плоскости пересѣкающіяся подъ угломъ, и притомъ представляющіе на западной и южной частяхъ вала ясныя слѣды бруствера. Наружная сторона вала опускается круто и почти вездѣ равномѣрно, образуя съ поверхностью горизонта уголъ въ 40°, что возможно только при сооруженіи насыпи руками человѣческими. Гребень вала, шириною въ 1½ сажени, представляетъ гладкую, ровную поверхность, на которой во время опасности, нагромождались глыбы камня и бревна, которыя потомъ, во время приступа, скатывались изъ вала на враговъ, какъ о томъ упоминаетъ эпическій разсказъ Краледворской рукописи. Все очертаніе вала сохранилось понынѣ весьма явственно и представляетъ трапецію, суживающуюся къ западу. Искусственно насыпаны только 3 стороны трапеціи; четвертая—сѣверная представляетъ естественный горный гребень, очень круто спускающійся на обѣ стороны; строители укрѣпленія воспользовались имъ и только выровняли поверхность на его вершинѣ.

Валь въ настоящее время разрытъ въ пяти мѣстахъ, но первоначально въ немъ было только два прохода. Первый, составлявшій въѣзжія ворота, находился въ югозападномъ углу; онъ былъ укрѣпленъ двумя насыпями, въ видѣ бастіоновъ, постепенно понижающимися къ внутренней сторонѣ укрѣпленія. Другой проходъ, гораздо меньшихъ размѣровъ, находился въ сѣверовосточномъ углу, тамъ гдѣ искусственный валь примыкаетъ къ естественному кряжу; вѣроятно въ позднѣйшее время проходъ этотъ запирался желѣзною дверью, ибо понынѣ та часть валовъ, въ которой онъ находится, носитъ назва-

¹⁾ Подъ словомъ сажень авторъ постоянно подразумѣваетъ Австрійскій кляфтѣръ т. е. единицу мѣры протяженія равную 2,6664 аршинамъ или 2 арш., 10²/₃ вершк. Ред.

ніе: „*zeleznà bràna*“; названіе это встрѣчается уже въ XVII столѣтіи, когда на Гоштейнской горѣ производились раскопки, предпріятыя съ цѣлью открыть золото.

Окружность вала представляетъ въ длину 2,200 шаговъ или 1,100 вѣнскихъ сажня, изъ нихъ 800 шаговъ (400 саж.) приходится на восточную сторону трапеціи, въ которой впослѣдствіи сдѣланы были два отверстія: одно въ сторону Рудольфсталя, другое по направленію къ Роталовицу. Западная сторона тянется на продолженіи 650 шаговъ (325 саж.); въ ней также прорыты два выѣзда: одинъ по дорогѣ въ Быстрицу, другой къ источнику, у котораго въ 1700 г. была построена часовня. Сѣверная сторона, состоящая изъ естественнаго горнаго кряжа, простирается на 350 шаговъ (175 саж.), а южная на 400 шаговъ (200 саж.); въ ней находились главныя въѣзжія ворота. Размѣры эти свидѣлствуютъ, что въ укрѣпленіи могло помѣщаться значительное количество людей и скота.

Къ несчастью понинѣ на всемъ пространствѣ городища не было предпріято научныхъ раскопокъ. Прокладывая дорогу къ церкви, въ одномъ мѣстѣ отрыли множество черепковъ, но на нихъ не обратили вниманія; судя по уцѣлѣвшимъ образцамъ, черепки эти относятся несомнѣнно къ числу тѣхъ гончарныхъ издѣлій, которыя встрѣчаются въ дохристианскихъ могилахъ и жертвенникахъ. По словамъ народнаго преданія, гора эта считалась нѣкогда, по языческимъ вѣрованіямъ, мѣстопробываніемъ бога „*Gostine*“, покровителя чужеземцевъ, и древнія укрѣпленія, окружавшія его капище, были впослѣдствіи возстановлены христианами для защиты отъ Татаръ“.

Къ этому описанію Гостинскаго городища Эдуардомъ Дудикомъ мы прибавимъ только указаніе, что желающіе ближе ознакомиться съ значеніемъ древнихъ валовъ и укрѣпленій, могутъ найти не только описанія городищъ, но и изслѣдованія о стратегическомъ ихъ значеніи въ сочиненіяхъ: генерала фонъ-Пенкера (*Das deutsche Kriegswesen der Urzeit*) и Оскара Шустера (*Die alten Heidenschanzen Deutschlands—Dresden 1869*).

Сдѣлавъ по поводу валовъ это небольшое отступленіе, возвратимся къ прерванному разсказу о дохристианскихъ могилахъ въ Моравіи, а именно къ послѣднему ихъ разряду:

Ровныя похоронныя поля встрѣчаются чаще всего въ Моравіи. На нихъ обыкновенно вырывали могилы въ 6—7 футовъ въ глубину, располагая длинную ось ихъ отъ востока къ западу, и покойника клали на спину, лицомъ къ востоку (Только у Гросъ-Тейница въ Ольмюцкомъ округѣ, прокладывая дорогу отъ замка къ церкви, нашли человѣческіе остовы, лѣжавшіе частью лицомъ къ землѣ). Рядомъ съ одною могилою вырывали, по мѣрѣ надобности, другія и, такимъ образомъ, мало по малу, возникало похоронное поле, подобное тѣмъ, какія изслѣдованы были у Рыбешовица, Меница и Селовица. Когда не доставало мѣста, то на старомъ похоронномъ полѣ вырывали новыя, болѣе мелкія гробницы. Такъ, у Селовица, гдѣ находятся два похоронныя поля: одно на берегу Шварцавы въ 400 квадратныхъ сажней, другое на Церковной улицѣ въ 300 кв.

сажень; послѣднее возобновлялось, какъ кажется, въ три приѣма. Въ гробницахъ этого разряда покойники лежали или просто въ землѣ, или на доскахъ, какъ у Селовица, во второмъ этажѣ могиль; здѣсь-же нашли 29 августа 1847 одинъ скелетъ, похороненный въ стоячемъ положеніи. Найденныя у Меница овальной формы гробницы были вырыты въ жесткой мѣстной почвѣ, глубиною въ 7—8 футовъ и наполнены черноземомъ, покрытымъ слоемъ древней золы; слой чернозема достигалъ 2—4 футовъ толщины и вполне покрывалъ покойника.

Иначе были устроены гробницы найденныя у Клентница, Поляна, у Райгерскаго вокзала желѣзной дороги и у Ольмюца около кирпичнаго завода военнаго вѣдомства. У Клентница и Поляна гробницы, вырытыя въ глинѣ, имѣли воронкообразную форму и были обращены узкимъ концемъ внизъ. Покойниковъ сожигали здѣсь въ самихъ гробницахъ. Вѣроятно дно гробницы наполняли дровами и хворостомъ, зажигали ихъ, затѣмъ опускали трупъ въ огонь, и, наконецъ, засыпали гробницу рыхлою землею; такъ какъ потомъ на мѣстѣ погребенія приносили огненную жертву, то вслѣдствіе этого земля, наполнявшая гробницу, смѣшивалась съ золою и углемъ и представляетъ нынѣ угольно-черный цвѣтъ.

Типъ, совершенно уклоняющійся отъ извѣстныхъ понинѣ гробницъ, представляетъ гробница, пайденная въ 1872 году у Райгерна, вблизи вокзала желѣзной дороги, при закладкѣ фундамента пивовареннаго завода. Въ слоѣ лёса, толщиною около 8 метровъ, были открыты 18 устринъ—онѣ углублялись въ лёсъ въ видѣ опрокинутыхъ воронокъ и были наполнены золою и черноземомъ, съ разсыянными въ немъ черепками глиняной посуды, цѣлыми сосудами и обломками жженныхъ звѣриныхъ костей. Глубина устринъ достигала 2 метровъ, равно какъ и діаметръ ихъ дна, между тѣмъ какъ верхнее отверстие едва представляло 1 метръ въ діаметрѣ. Точно такую-же форму имѣли гробницы, открытыя у Клентница и Поляна.

Объ одной изъ гробницъ, найденныхъ у Райгерна, находившейся почти въ срединѣ похороннаго поля, д-ръ Индрихъ Ванкель доставилъ слѣдующія свѣдѣнія въ Вѣнское антропологическое общество ¹⁾.

„Гробница эта опускалась болѣе чѣмъ на 6 метровъ глубины; она была наполнена золою, въ которой найдены: на глубинѣ двухъ метровъ—топоръ изъ грюнштейна, нѣсколько ниже каменная плита, съ сквознымъ отверстиемъ по срединѣ, съ которымъ соединялись два глубокіе желоба, далѣе—довольно-большая, хорошо сохранившаяся чашка и, наконецъ, на днѣ гробницы—5 человѣческихъ скелетовъ и скелетъ свиньи. Группа эта состояла изъ остововъ: мужескаго, женскаго и трехъ дѣтскихъ различнаго возраста.

¹⁾ Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Band III, № 3.

Очевидно, это были члены одного семейства, уложенные страннымъ образомъ въ общей могилѣ.

Ниже всѣхъ лежалъ навзничъ скелетъ годичнаго ребенка съ распростертыми руками, затѣмъ скелетъ женщины, грудь и голова которой были поворочены въ сторону, руки нѣсколько отодвинуты отъ туловища, ноги, подъ которыми приходился скелетъ ребенка, нѣсколько согнуты въ колѣнахъ; у сѣвернаго края устрины, плотно прилегая къ ея окружности, находились два дѣтскихъ скелета (8 и 10 лѣтъ) съ протянутыми руками, расположенные непосредственно одинъ на другомъ; мужской скелетъ, находившійся по срединѣ устрины, лежалъ на животѣ, съ руками раскинутыми по сторонамъ и сильно согнутыми въ локтяхъ; ноги его, приходились на туловищѣ женскаго скелета; голова его находилась не на мѣстѣ—она лежала въ сторонѣ, около дѣтскихъ скелетовъ; на лѣвую сторону отъ мужского остова и нѣсколько подъ нимъ лежалъ остовъ свиньи. Вся устрина была наполнена плотно слежавшеюся золою, въ которой найдено только нѣсколько небольшихъ экземпляровъ обожженныхъ раковинъ *unio pictorum*.

На костяхъ не было вовсе замѣтно признаковъ дѣйствія огня, но онѣ были до того рыхлы, что только съ величайшею осторожностью удалось мнѣ добыть нѣсколько фрагментовъ череповъ; къ несчастію черепъ мужескій былъ почти совершенно сплюснутъ, раздавившею его массою золы.

Изъ положенія скелетовъ можно заключить, что всѣ покойники были положены въ одно и тоже время, на что указываютъ взаимно перепутанныя конечности; равнымъ образомъ положеніе мужскаго скелета, обоихъ дѣтскихъ, распростертые руки и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ, что трупы были брошены въ могилу какъ попало, стремглавъ. Вѣроятно прежде другихъ бросили свинью и малаго ребенка, затѣмъ двое другихъ дѣтей, потомъ женщину и туловище мушкетера, и, наконецъ, голову послѣдняго.

Изъ приведенныхъ данныхъ легко усмотрѣть, что гробница не принадлежала къ числу обыкновенныхъ, въ которыхъ хоронили покойниковъ съ благочестіемъ; необыкновенная глубина устрины, одновременное погребеніе пяти покойниковъ, странное ихъ положеніе, отсутствіе при нихъ всякихъ предметовъ вооруженія и украшенія, то обстоятельство, что мужчинѣ была отсѣчена голова и, наконецъ, дикіе приемы, которымъ подверглись трупы, какъ это явствуетъ изъ ихъ положенія—все это указываетъ несомнѣнно на совершеніе человѣческой жертвы. Если прибавимъ къ этому присутствіе каменной плиты съ желобками (для стока крови), находившуюся подъ нею чашку (жертвенную) и широкій острый топоръ (жертвенный ножъ), то предположеніе это становится тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что и въ остальныхъ устринахъ не было указаній на то, чтобы онѣ служили мѣстомъ простаго погребенія или сожиганія мертвыхъ.

Рядомъ съ описанною устриною лежала другая, меньшая, глубиною въ 3 метра; дно ея было покрыто большимъ количествомъ обугленныхъ хлѣбныхъ зернъ. Профессоръ

Иейтелесъ нашель, что преобладающая среди нихъ порода пшеницы была *triticum vulgare comractum muticum* и только изрѣдка попадались зерна *triticum vulgare antiquum*.

Третья устрина, также уклоняющая отъ прочихъ по содержанию, была открыта нѣсколько въ сторонѣ; она заключала въ себѣ множество полубожженныхъ раковинъ *unio pictorum* и кости собаки.

Точность приведеннаго описанія я могу подтвердить, такъ какъ я присутствовалъ лично при раскопкахъ ¹⁾.

3. *О предметахъ найденныхъ въ гробницахъ.* Въ дохристианскихъ гробницахъ Моравіи отысканы были образцы почти всѣхъ предметовъ, описанныхъ археологами какъ принадлежности погребальныхъ дохристианскихъ обычаевъ. Подробное перечисленіе и описаніе ихъ потребовало бы слишкомъ много времени, и потому я принужденъ ограничиться ссылками на тѣ сочиненія и статьи, въ которыхъ предметы эти подробно описаны; таковы труды: д-ра *Б. Дудика*: „О дохристианскихъ могильникахъ въ Моравіи, (въ 12-мъ томѣ протоколовъ засѣданій Императорской Академіи наукъ въ Вѣнѣ 1854 г.), *Воцеля*: „Очерки Чешскихъ древностей—Прага, 1845. Д-ра *Ванкеля*—статьи въ Извѣстіяхъ Вѣнскаго антропологическаго общества и т. п. Въ сочиненіяхъ этихъ описаны многочисленные каменные предметы и орудія: жертвенники (у Райгерна и Мэница), ножи, наконечники стрѣлъ, топоры, клины съ пробурвленными въ нихъ отверстіями (у Ольмюца, Ненаконица, Райгерна и т. д.); далѣе многочисленные бронзовые украшения и орудія: браслеты, обручи, спирали, булавки, ожерелья, привѣски, цѣпочки, фибулы, мечи, цельты, сѣкиры, серпы, (у Клентница, Райгерна, Лѣша; въ послѣдней мѣстности кажется находилась фабрика, на которой отливали бронзовые серпы и ножи), бронзовые статуэтки (у Бухляна, Мэница и Райгерна; найденныя: у Мэница—изображеніе нижней половины идущаго мушины и у Райгерна—изображеніе дельфина вѣроятно представляютъ Римскія, занесенныя въ Моравію издѣлія), бронзовые котлы и кубки (у Мэница), золотыя и серебряныя украшения (въ Бычей скалѣ у Бланска, у Рыбешовича), серги, подобныя тѣмъ, которыя находятъ въ южной Россіи и въ Сербіи, стеклянные шары, пряслицы, разнообразныя глиняныя бусы, вазы и сосуды разнообразной формы изъ графита и изъ жесткой глины съ примѣсью песка и слюды, сдѣланныя частью при помощи гончарнаго станка, частью вылепленные грубо руками, покрытые орнаментами, состоящими изъ чертъ, точекъ, круговъ, перпендикулярныхъ и горизонтальныхъ параллельныхъ линій, зигзаговъ,

¹⁾ Подробное описаніе языческихъ погребальныхъ обычаевъ въ Германіи находится въ статьѣ д-ра Карла Вейгольда: „Ueber die heidnische Todtenbestattung in Deutschland“, помѣщенной въ 29 и 30 томахъ Протоколовъ засѣданій философско-историческаго отдѣленія Императорской Академіи наукъ въ Вѣнѣ 1859 г.

прямоугольничковъ, ромбовъ, лентъ и т. д. Затѣмъ желѣзные: ножи, наконечники копій, рукоятки и обручи деревянныхъ сосудовъ, шпоры (у Рыбешовица) съ небольшимъ шипомъ, только иногда снабженнымъ колесомъ; шпоры эти привязывались только къ одной лѣвой ногѣ.

Впрочемъ среди Моравскихъ находокъ никогда не встрѣчались такъ называемыя лицевыя вазы (*Gesichtsurnen*), находящіяся часто въ Помераніи и описанныя д-ромъ Берендтомъ въ запискахъ Кенигсбергскаго физико-экономическаго общества (1872 г.).

4. *Выводы для исторіи культуры Моравіи изъ описанныхъ фактовъ.* Еслибы въ дохристианскихъ гробницахъ въ Моравіи найдены были монеты чекана сколько нибудь характеристическаго, то гораздо легче можно бы опредѣлить вопросъ: какому народу принадлежали эти гробницы, или, по крайней мѣрѣ, къ какому приблизительно времени онѣ относятся. Но монеты никогда не встрѣчались въ гробницахъ, и потому мы не обладаемъ самымъ вѣрнымъ приѣмомъ для ихъ опредѣленія. Единственныя болѣе древнія монеты, найденныя въ Моравіи у Голешана, принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ „Варварскихъ“ подражаній греко-римскимъ монетамъ; онѣ сдѣланы по образцу монетъ Филиппа II царя Македонскаго († 336 до Р. Х.) и указываютъ только на то обстоятельство, что народъ, которому онѣ принадлежали, уже въ то время достигъ значительной степени культуры, такъ какъ онъ уже не удовлетворялся мѣвною торговлею, но понималъ необходимость изготовлять для обращенія металлическую, золотую и серебряную, чеканеную монету. Золотыя монеты представляютъ поразительное сходство съ извѣстными „Дариками“, и вѣсь ихъ доказываетъ, что онѣ представляли подраздѣленія опредѣленной единицы стоимости. Еслибы на нихъ оказались надписи дѣйствительно славянскія, тогда не подлежало-бы сомнѣнію, что монеты эти принадлежали Славянскому племени, и именно тому Славянскому народу, который нѣкогда заселялъ страны, гдѣ монеты эти встрѣчаются по преимуществу, т. е. Венгрію, Чехію, Моравію, часть Верхней и Нижней Австріи, Штирію, Крайну и берега Адриатическаго моря. Но при отсутствіи какъ этого признака, такъ и другихъ историческихъ указаній, мы должны обратиться къ указаніямъ иного рода: прибѣгая къ сравнительной филологіи, мы находимъ полное основаніе согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые признаютъ не только поименованныя страны, но и всю среднюю Европу первобытною родиною Славянъ. Во главѣ ихъ мы назовемъ профессора Шемберу, доказывающаго это положеніе въ трудѣ: „*Zapadni Slované v pravěku, čili rozbor kritický, že Slované v Germanii a Illirii bydleli od doby p̄edhistorické*“.

Но такъ какъ сравнительная филологія не можетъ сама по себѣ опровергнуть установившагося мнѣнія, что въ разсматриваемыхъ странахъ раньше Славянъ жили и дѣйствовали Кельты (Бойи) и Германцы (Маркоманы, Квады и друг.), то мы должны обратиться за указаніями къ сравнительной краіюскопіи. Слѣдуетъ заняться измѣреніемъ

череповъ, найденныхъ въ дохристіанскихъ гробницахъ, и сличить ихъ съ черепами, найденными въ другихъ странахъ. Я полагаю, что вообще на остеологію слишкомъ мало обращено было вниманія при доисторическихъ изслѣдованіяхъ, и потому позволю себѣ указать на кости голени; въ остовахъ, найденныхъ въ большой устринѣ у Райгерна, голени оказались почти вполнѣ трехгранной формы, между тѣмъ какъ у скелетовъ, найденныхъ у Рыбешовица, кости эти были круглы. Интересно было-бы услышать мнѣніе антропологовъ: круглая-ли форма голени, или трехгранная можетъ служить признакомъ болѣе глубокой древности?

Устройство гробницъ и находимые въ нихъ предметы даютъ, впрочемъ, весьма немного указаній для возстановленія быта древнѣйшей эпохи. Я довольно подробно изучалъ музеи древностей въ Европѣ, при чемъ обращалъ особенное вниманіе на отличительные признаки предметовъ, находимыхъ въ различныхъ странахъ; нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я посѣтилъ въ первый разъ богатая коллекція первобытныхъ древностей въ Берлинѣ, Кенигсбергѣ и Данцигѣ, и долженъ признать, что онѣ не отличаются ничѣмъ существеннымъ отъ коллекцій, собранныхъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Пештѣ, Брюннѣ, Грацѣ, Лайбахѣ и Клагенфуртѣ. Изъ этого сходства можно сдѣлать заключеніе, что всѣ перечисленные музеи составлены изъ предметовъ, или принадлежавшихъ одному и тому-же народу въ различныя эпохи его развитія, или различнымъ народамъ, смѣнявшимся постепенно другъ друга: Бойямъ, Маркоманамъ, Квадамъ, Славянамъ. Если допустимъ послѣднее предположеніе, то является вопросъ, какимъ образомъ эти народы появляются постоянно, на примѣръ въ Моравіи, съ готовою культурою, совершенно отличною отъ предыдущей? Мы должны допустить у каждаго изъ нихъ различныя степени культуры; такъ на примѣръ Кельты, равно какъ и Маркоманы, Славяне и т. д. должны были имѣть свою каменную эпоху; но, въ такомъ случаѣ, въ чемъ-же заключается возможность отличать эти народы другъ отъ друга по находимымъ остаткамъ ихъ быта? Рѣшеніе этого вопроса повело-бы насъ слишкомъ далеко, такъ какъ оно потребовало-бы весьма подробнаго изслѣдованія; мы должны-бы были точно установить моменты переселенія въ данную область каждаго народа и затѣмъ только изслѣдовать его бытъ на различныхъ степеняхъ развитія;—но имѣемъ-ли мы для этого достаточный матеріалъ? Или, быть можетъ, мы должны допустить, что находимые предметы были приносимы въ Моравію путемъ торговли? Но мы знаемъ въ Моравіи настоящіе бронзо-литейныя фабрики (у Лѣша въ окрестности Брюнна), мы имѣемъ каменные формы для литія булавокъ, найденныя на Шпильбергѣ у Брюнна; если-же у Лѣша отливали серпы и у Брюнна булавки, то вѣроятно умѣли отливать и браслеты, и ожерелья и т. п. Гончарныя издѣлія указываютъ также на мѣстное производство; я самъ нашелъ въ одной устринѣ у Райгерна большой комъ глины, обработанной для производства издѣлій. Всѣ виды сосудовъ различной величины, начиная съ плоской чашки для питья, и до большихъ горшковъ, служившихъ

вѣроятно для храненія зерноваго хлѣба, встрѣчаются въ Моравіи, равно какъ и въ Берлинѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Венгріи и Штиріи. Исключеніе составляютъ только, какъ я уже замѣтилъ, лицевыя урны Помераніи, но онѣ навѣрно относятся къ позднѣйшему времени. Если обратимся къ серебряннымъ издѣліямъ Моравіи, то мнѣ могутъ замѣтить, что серьги, найденныя у Рибеновица, по формѣ, украшеніямъ и техникѣ своего производства, совершенно похожи на серьги, найденныя въ Ольвіи, что, слѣдовательно, онѣ устраняютъ мысль о производствѣ ихъ среди народовъ Кельтическаго или Германскаго происхожденія, и заставляютъ предполагать, что украшения подобнаго рода посредствомъ торговли распространились по всемъ захотѣіямъ первобытной Европы. Но, въ такомъ случаѣ, я попрошу указать мнѣ мѣсто ихъ производства. По моему мнѣнію, только стекло и янтарь получались извнѣ въ Моравіи; потому предметы эти и встрѣчаются весьма рѣдко и присутствіе ихъ указываетъ вѣроятно на мѣсто потребенія знатныхъ лицъ; ихъ высокая цѣна вызвала стремленіе къ подражанію, которое и нашло примѣненіе въ издѣліи столь часто находимыхъ бусъ изъ обожженной расписной глины, которыя замѣнили дорогія иноземныя издѣлія. Вообще все остальные предметы, находившіеся въ употребленіи въ Моравіи въ дохристианское время, производились мѣстными ремесленниками, заселявшими иногда цѣлыя селенныя мѣстности (Чторый, Штиттары, Биланы, Бечвары, Мечирже и т. п.). Торговый путь того времени пролегалъ въ Моравію вдоль береговъ Висты, черезъ Краковъ и Градецъ.

Такимъ образомъ, не соглашаясь съ теоріею передвиженія народовъ массами, я полагаю, что за туземцами Моравіи должно признать значительную степень культуры, развившуюся въ производствѣ издѣлій, характеризующихъ ихъ бытъ и что искать родины этихъ издѣлій внѣ страны значито-бы предпріимчиво выставять ее первобытныхъ жителей слишкомъ бѣдными и дикими; мнѣ кажется, что лица, высказывающія подобное предположеніе, увлекаются не въ мѣру излишнюю, присущую характеру всѣхъ Славянъ, скромностью.

ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИНЫ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Рефератъ М. М. Левченка.

На первомъ и на второмъ археологическихъ съѣздахъ дѣлались заявленія объ уничтоженіи памятниковъ отечественной старины и, какъ я слышалъ, вслѣдствіе этихъ заявленій, приняты нѣкоторыя мѣры къ сохраненію подобныхъ памятниковъ.

Въ виду этого, считаю не лишнимъ заявить здѣсь объ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ уничтоженія мѣстныхъ памятниковъ старины въ южной Россіи.

Причинъ исчезновенія такихъ памятниковъ много: случайность, небрежность, корыстолюбіе, вандализмъ и т. д.

Въ примѣръ того, какъ памятники погибаютъ отъ случайностей, укажу на слѣдующій фактъ: въ 1851 году, въ селеніи Лемешахъ Козелецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, я видѣлъ хату козака Григорія Розума, отца послѣдняго гетмана малороссійскаго, которая была тщательно охраняема владѣльцемъ того имѣнія (однимъ изъ уважаемыхъ членовъ настоящаго съѣзда), но, къ величайшему сожалѣнію, при пожарѣ, случившемся въ этомъ селеніи, сколько помнится въ 1856 году, она сгорѣла, и никакой памяти о ней не осталось—даже рисунка.

Слѣдующіе примѣры могутъ служить указаніемъ, какъ гибнутъ старинные памятники вслѣдствіе небрежности, вандализма, корыстолюбія и т. д.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, мнѣ случилось быть въ Батуринѣ, во дворцѣ гетмана Кирилла Григорьевича Розумовскаго. Я былъ пораженъ какъ внѣшнею красотою (дворецъ построенъ архитекторомъ прошлаго вѣка Гваренгою), такъ и внутреннимъ видомъ этого интереснаго историческаго памятника. Мое, тогда дѣтское, воображеніе, особенно было поражено видомъ чугунной или бронзовой змѣи, извивавшейся по лѣстницѣ дворца, вмѣсто перилъ. Около дворца находился небольшой паркъ, окруженный каменною огра-

дою. Нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ случилось опять побывать въ Батурипѣ, и я, вспоминая дѣтскіе годы, вздумалъ вновь посѣтить этотъ дворець; но мнѣ представилась грустная картина! Ограда большею частью уничтожена; отъ парка осталась небольшая роща, гдѣ паслись коровы и лошади; въ самомъ дворцѣ всѣ окна оказались выбитыми; отъ нѣкогда великолѣннаго паркета остались жалкіе остатки въ одной комнатѣ; изразцовыя печи разбиты, какъ видно въ недавнее время, потому что свѣжіе осколки лежатъ еще на землѣ; чугунная змѣя исчезла; вандальская рука сдвинула съ мѣста даже бетонныя плиты лѣстницы. Герои этихъ подвиговъ тутъ-же заявили о себѣ неприличными надписями на стѣнахъ.

Такая-же печальная судьба постигла каменный домъ, построенный, по преданію, гетманомъ Мазепою, въ 18 верстахъ отъ Батурина, по сосѣдству съ м. Бахмачемъ, для своей фаворитки Параски (говорять—княгини Дульской), почему и мѣсто это называется „Парасячкою“ или „Парасювкою“. (Нынѣшній владѣлецъ переименовалъ ее въ „Богодаровку“). Домъ этотъ существовалъ неприкосновеннымъ до тридцатыхъ годовъ,—онъ былъ покрытъ свинцовыми плитками и оббитъ внутри зелеными бархатными обоями. Но управителю имѣній вздумалось продать свинцовыя плитки съ крыши; велѣдъ затѣмъ онъ ободралъ обои и продать чиновникамъ на воротникъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, узнавъ объ этомъ памятникѣ, я поѣхалъ посмотрѣть что съ нимъ дѣлается, но увидѣлъ, что даже кирпичъ весь былъ разобранъ—оставалась только куча мусору, по которой не было даже возможности опредѣлить планъ дома. Боюсь, чтобы подобная-же участь не постигла домъ ер. Дмитрія Ростовскаго, (гдѣ онъ писалъ свои сочиненія), находящійся невдалекѣ отъ упоминаемыхъ мною мѣстъ, близъ с. Пальчиговъ, на хуторѣ г. Великада. Нога живъ просвѣщенный владѣлецъ этого дома, за неприкосновенность его можно ручаться, но неизвѣстно, что станетъ въ случаѣ смерти г. Великада.

Въ дѣтствѣ-же моемъ, въ 1841 году, когда меня везли въ Полтаву учиться, отецъ мой показалъ мнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Гадяча, по дорогѣ въ г. Зѣньковъ, небольшой кирпичный столбъ, на которомъ, сколько помню, была укрѣплена металлическая досечка съ надписью, что этотъ столбъ поставленъ родственниками Ивана Мартиновича Брюховецкаго, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ этотъ гетманъ. Больше мнѣ не приходилось проѣзжать по означенной дорогѣ, но сколько я ни разспрашивалъ, никто ничего не знаетъ про памятникъ, изъ чего можно заключить что онъ вскорѣ былъ уничтоженъ.

Памятникъ на мѣстѣ пораженія турками польскаго гетмана Жолкѣвскаго, въ первой половинѣ XVII вѣка (битва подъ Цецорою), находящійся въ Хотинскомъ уѣздѣ, на поляхъ села Савки, по словамъ путешествовавшего въ тѣхъ мѣстахъ Чужбинскаго, разваливается. Таже участь, какъ я слышала, постигла памятникъ на могилѣ князя Прон-

скаго, на мѣстѣ битвы Богдана Хмѣльницкаго съ поляками въ 1854 году подъ Берестечкомъ.

При впаденіи рѣчки Ягорлыка въ Днѣстръ, въ юго-западномъ углу Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, гдѣ нѣкогда была граница Польши съ Турціей, въ имѣніи г. Маркевича до 1863 года стоялъ каменный трехгранный обелискъ, съ надписью: *granica korony Polskiej*; но въ упомянутомъ году г. Маркевичъ изъ какихъ то странныхъ опасеній, разрушилъ этотъ памятникъ. Разсматривая карту Польши прошлаго вѣка Риччи Занони, чтобы прослѣдить направленіе древняго *Чернаго Шляха*, я увидѣлъ, что при слияніи одного рукава этой дороги съ такъ называемыхъ Кучменскимъ, иначе Шпаковымъ шляхомъ, показанъ какой-то *киижеъ Собѣсскаго*, не въ дальнемъ разстояніи отъ с. Попелюхи. Послѣ долгихъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей, мнѣ удалось дознать, что этотъ *киижеъ*, т. е. каменный крестъ, существуетъ и по нынѣ близъ такъ называемой *Малѣванной корчмы*. Говорятъ, что онъ поставленъ на мѣстѣ какой-то битвы Собѣсскаго съ турками. Можно опасаться за его цѣлость, такъ какъ хозяинъ корчмы, разумѣется еврей, врядли поцеремонится съ нимъ при первой надобности въ камиѣ.

Въ описаніи Черниговской губерніи офицера генеральнаго штаба Домонтовича упоминается о нѣсколькихъ существующихъ въ Черниговской губерніи старинныхъ деревянныхъ церквяхъ съ *басанью*. Существуютъ ли еще онѣ? *Басань*, по объясненію покойнаго архіепископа черниговскаго Филарета, извѣстнаго изслѣдователя южно-русской старины, есть искаженное слово *opasanie* т. е. *опоясанье*. Такъ назывались деревянныя галереи, которыми окружались церкви. Подобной архитектуры церкви, по его словамъ, строились во времена гоненій на православіе въ южной Руси, когда приходы были велики, а церквей мало, и въ этихъ галерейкахъ имѣли ночлегъ приходившіе изъ дальняго разстоянія богомольцы. Тутъ же въ ненастную погоду совершались крестные ходы. Колокольни подобной архитектуры можно еще изрѣдка встрѣтить и теперь. Одна такая колокольня, о которой я сообщалъ отцу протоіерею Лебединцеву, существовала до прошлаго года въ м. Малинѣ Радомысльскаго уѣзда. Теперь она, по ветхости, разобрана.

Старинныя вещи, особенно металлическія, рѣдко минуютъ рукъ евреевъ, которые обыкновенно ихъ переплавляютъ. Самый варварскій случай истребленія старины имѣлъ мѣсто, года два тому назадъ, въ г. Дубнѣ, гдѣ какой-то вандалъ, купившій картинную галерею князей Любомірскихъ, сжегъ еѣ. Я, къ сожалѣнію, забылъ фамилію этого Герострата, а потому и не могу предать имени его на всеобщій позоръ; полагаю, что изъ присутствующихъ здѣсь кіевлянъ найдутся помнящіе его фамилію, такъ какъ объ этомъ случаѣ было заявлено въ „Кіевлянинѣ“. Упомяну еще о части запорожскаго архива находящагося, по словамъ описателя херсонской губерніи, генерала А. О. Шмидта, въ больницѣ въ г. Елисаветградѣ.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, я имѣю честь предложить г. членамъ съѣзда:

1) При посредствѣ газетъ заявлять во всеобщее свѣдѣніе о существующихъ и требующихъ попеченія памятникахъ мѣстной старины, а также о вандальскомъ обращеніи съ ними.

2) Въ виду возможности исчезновенія таковыхъ памятниковъ, дѣлать съ нихъ рисунки, а при возможности фотографическіе снимки.

3) Изыскать мѣры для поддержанія и сохраненія такихъ памятниковъ. Мы видимъ здѣсь богатая частныя коллекціи мѣстныхъ древностей, слѣдовательно, не все еще уничтожено евреями, разобрано Горшковскими, завезено въ Варшаву Свидзинскими, но есть еще достаточно матерьяла для историко-археологическаго музея. Извѣстно, что за границу, часто въ самыхъ значительныхъ городахъ, существуютъ музеи мѣстныхъ древностей; а потому въ Кіевѣ, городѣ по преимуществу археологическомъ, „матери городовъ русскихъ“, долженъ бы существовать музей мѣстныхъ древностей. И я позволю выразить здѣсь надежду, что кіевская городская дума, въ числѣ членовъ которой есть много высокообразованныхъ лицъ, обратитъ вниманіе на охраненіе памятниковъ древнѣйшаго города земли русской.

СЛѢДЫ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ ВЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ ШЕПТАНЬЯХЪ.

(по неизданнымъ матеріаламъ ¹⁾).

Рефератъ П. С. Иващенко.

Въ области произведеній словеснаго южно-русскаго народнаго творчества занимаютъ важное мѣсто, по своему бытовому и мнѣическому значенію, такъ называемыя *шептанья*. Къ сожалѣнію, этотъ родъ устнаго творчества остается до послѣдняго времени, можно сказать, почти нетронутою почвою науки; онъ не только не изслѣдованъ, не только не сведенъ въ общее систематическое изданіе, но и не собранъ еще въ достаточномъ количествѣ. Главная причина такого пробѣла въ нашей наукѣ о словесности заключается, по моему мнѣнію, главнымъ образомъ въ той трудности, съ которою сопряжено приведеніе въ извѣстность шептаній. Около двухъ лѣтъ тому назадъ, издано (въ Трудахъ Этнограф.-статистич. экспед. въ Зап.-Рус. край. Юго-Зап. отд. т. I, вып. 1-й 1872) болѣе 120 заклинаній или шептаній, благодаря стараніямъ д. чл. Съѣзда г. Чубинскаго ²⁾. Но и доселѣ нѣтъ еще, сколько намъ извѣстно, ни одного спеціальнаго изслѣдованія, или хотя систематическаго обзорѣнія шептаній, какъ научнаго матеріала. Настоящее сообщеніе мое есть не болѣе, какъ попытка представить Съѣзду ученыхъ замѣчанія и соображенія свои о шептаньяхъ, основанныя на ознакомленіи съ небольшимъ числомъ №№-въ ³⁾ названнаго матеріала, добытаго мною, такъ сказать, на канунѣ этого Съѣзда, частію изъ народныхъ устъ, частію изъ рукописныхъ сборниковъ ⁴⁾.

¹⁾ Напечатаны въ *Приложеніяхъ* къ Трудамъ 3-го Археологич. Съѣзда.

²⁾ Уже послѣ Съѣзда сдѣлался мнѣ извѣстнымъ „*Сборникъ малороссійскихъ заклинаній*“, составл. П. Ефименко. Москва. 1874 г. Въ немъ собрано болѣе 200 шептаній. *Авт.*

³⁾ Всего 41 шептанье. По содержанію относятся къ 22 разнымъ болѣзнямъ и случаямъ.

⁴⁾ Изъ непосредственнаго источника добыто 21 шептанье, а именно: 8 записаны *Е. П.*

Сообщеніе, предлагаемое мною вниманію Съѣзда, имѣетъ предметомъ своего содержанія слѣдующее:

Что такое шептанье? Цѣлебное значеніе шептаній, по народнымъ понятіямъ. Условія передачи шептаній другимъ. Знатки шептаній. Спросъ у народа на знахарство. Трудность для этнографа въ записываніи шептаній. Группировка шептаній, по народному на нихъ взгляду и основному содержанію. Значеніе внутренней стороны шептаній. Языческая тема и ея развитіе въ шептаньяхъ: основная идея шептанія въ шептанья; олицетвореніе болъзней; качество черного, темнаго; обращеніе къ свѣтлой и темной силѣ за помощью, съ признаками культа той и д. угой; языческая роль и значеніе знахарей. Происхожденіе названія— „Плакунъ-трава“.

Первый вопросъ состоитъ въ томъ, что такое шептанье? Съ филологической точки зрѣнія подъ шептаньемъ разумѣется *тихое говореніе*, такъ какъ имя—*шептанье* происходитъ отъ глагола—шептать, что значитъ: говорить тихо. Но народное пониманіе приравниваетъ этому тихому говоренію, ограниченному извѣстнымъ кругомъ словесныхъ выраженій и почти всегда сопровождаемому извѣстною обрядностью, чудодѣйственную, цѣлебную силу. Шептанье такимъ образомъ является словесно-обряднымъ врачующимъ орудіемъ въ устахъ избранныхъ лицъ, владѣющихъ имъ; на примѣръ, шептуха говоритъ:

Поки я не знала,
Поти я не шептала,
Поти я Господа-Бога не прокала;
А як стала я знати,
Стала я Бога прехати,
Пречисту матір зивати. (См. *Приложеніе* къ реферату, Отд. I, А, 2, а.) ¹⁾

Меркульевой отъ знахаря *Назаря*; 5—*Д. С. Иващенко* отъ бабы *Довгальки*, остальные 8 мною самимъ отъ бабы *Марьяни*; всѣ въ предѣлахъ Гадяч. у. Полтав. губ. Другія (20) шептанья доставлены мнѣ: *Д. А. Синицимъ* въ рукописи изъ Волини, сс. Жерденовки и Горишковки, и *А. Я. Рудченко*, то записанныя имъ самимъ, то заимствованныя изъ рукописн. сборника, которымъ онъ пользов. въ Полтавѣ. Шептанья изъ послѣднихъ 2-хъ источниковъ, въ числѣ 14, и два изъ непосредственнаго источника, представляютъ собою варианты къ вошедшимъ въ собраніе г. Чубинскаго, или же наоборотъ: тѣ являются вариант. къ нимъ. *Почти* всѣ шептанья, *взятыя изъ двухъ указыв. сборниковъ*, представляютъ собою одинъ текстъ, безъ поясненія обрядныхъ условій исполненія ихъ. При какихъ именно условіяхъ записаны шептанья, доставленные мнѣ изъ рукописныхъ сборниковъ, мнѣ не извѣстно. Въ выводахъ своихъ я пользовался *преимущественно*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и *исключительно*, первыми (21) шептаньями; онѣ пересказаны по особому расположенію знатковъ ихъ къ записавшимъ. Лицамъ, оказавшимъ мнѣ помощь въ собираніи этого матеріала, приношу искреннюю благодарность. *Авт.*

¹⁾ Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ приводятся въ текстѣ ссылки на шептанья моего *Сборника-Приложенія. Авторъ.*

Глаголь *шептати* употребляется въ значеніи дѣйствительнаго залога, въ смыслѣ *врачевать*, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ другаго шептанья:

І самъ Богъ іде *раба божого* (имя)
 Од болячки *шептати*...
 Шоки я не знала,
 Цоти *її не шептала*,
 Стала *її* знати,
 Стала *її шептати*, (Отд. I, А, 9)

т. е. *замовляти*, заговаривать, *заклимати*, что явствуетъ изъ слѣдующихъ выраженій:

Я вас *замовляю*,
 Я вас *заклимаю* (Отд. I, А, 4, а).

Слѣдовательно, и съ филологической точки зрѣнія и въ зависимости отъ народнаго пониманія смысла шептальной рѣчи, представляется яснымъ значеніе имени—*шептанье*; это общее и, такъ сказать, скрытое въ самомъ смыслѣ этой рѣчи и условіяхъ произнесенія ея названіе. Какъ абстрактный словесный терминъ оно не всеобще употребительно въ народѣ въ настоящее время; его нерѣдко замѣняютъ названія—*молитва*, *наука*, названія, указывающія на новые христіанско-книжные взгляды народа на свое исконное словесно-обрядное врачевское орудіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и на затемненіе древняго, языческаго о немъ представленія.

Народъ, живущій сѣдою стариной, преданіями, нравами, обычаями и вѣрованіями своихъ предковъ, относится къ шептаньямъ съ полною вѣрою въ ихъ цѣлебное значеніе во всѣхъ случаяхъ жизни, гдѣ требуется помощь. Но для того, чтобъ шептанье имѣло приписываемое ему значеніе, необходимо строго соблюдать неприкосновенность текста, трехкратное, девятикратное и тридевятикратное произнесеніе его; въ противномъ случаѣ помощи не будетъ. Сила его зависитъ даже отъ произнесенія извѣстной части шептанья *не оддижаючи*, т. е. не переводя дыханія. Все это разъяснила баба *Марьяна*, передавая самъ на самъ, какъ на духу, другому лицу нѣсколько шептаній, съ полною вѣрою въ то, что записывавшій ихъ, какъ получившій доступъ къ таинственному ея знанію обычно правильнымъ путемъ, воспользуется имъ, въ необходимыхъ случаяхъ жизни, какъ чудодѣйственнымъ средствомъ. Пересказавъ шептанье *од уроків*, баба сказала: „*За однимъ духомъ треба три-девять слівъ сказати, а то не поможещя. Треба шептати швиденько. Перевертати слівъ не можна,—не поможещя; перевертаючи слова, шепчуть жидаві, або свині*“.

Начало шептального процесса отличается благочестиво христіанскимъ характеромъ: шептунъ или шептуха предварительно знаменуютъ себя крестомъ, призываютъ Бога и святыхъ на помощь. Все это раскрываетъ народный взглядъ на словесно-обрядное врачевство: это какой-то священный процессъ.

И такъ, шептанье—это священное, таинственное знаніе, имѣющее свою силу, только при строгомъ соблюденіи текста и обряда; понятно, что такого знанія нельзя передавать зря. Поэтому-то оно немногимъ, сравнительно, изъ среды самого народа доступно; это знаніе передается съ великою осторожностью, не какъ пѣсня или сказка, а какъ того требуетъ указанное нами значеніе его въ простонародной жизни и народное о немъ понятіе.

При передачѣ шептанья, кромѣ другихъ условій, принимаются въ расчетъ условія пола и возраста; такъ напримѣръ: по замѣчанію знахаря *Назаря*, мужчина можетъ передать свое вѣдовство женщинѣ; баба *Довалька* допускаетъ тоже въ обратномъ порядкѣ; но въ первомъ и во второмъ случаѣ непремѣннымъ условіемъ должно быть, чтобы учащееся лице было моложе учащаго; баба *Марьяна* допускаетъ передачу и лицу женскаго пола, съ непремѣннымъ все-таки условіемъ старшинства по лѣтамъ передающаго знаніе. Никто изъ нихъ, однакожъ, не допускаетъ передачи шептаній изъ-за корыстныхъ цѣлей. Одно изъ лицъ, помогавшихъ мнѣ въ собраніи шептаній изъ непосредственнаго источника ихъ, предлагало шептуну изъ *Луцкѣ* (село, Гадяч. у.) значительныя деньги за пересказъ шептаній; но знахарь наотрѣвъ отказался, говоря: „*тобі роскажу, а сам останусь ні с чимъ*“, т. е. ему грозитъ неминуемая опасность лишиться чрезъ то чудодѣйственной силы своего слова и обряда. Изъ этого слѣдуетъ, что шептальный матеріалъ, добытый за деньги, едвали можетъ считаться вполне вѣрнымъ, совершенно полнымъ и чуждымъ умысленныхъ искаженій, со стороны корыстолюбивыхъ пересказчиковъ. Допустимъ, что знахарь найвѣрнѣйше передалъ текстъ шептанья, но онъ могъ скрыть обрядъ, къ нему относящійся и т. п. Вообще записываніе шептаній требуетъ особаго вниманія и осмотрительности.

Наиболѣе одобрительный и правильный, по понятіямъ народа, способъ передачи всякаго знахарства—это пересказъ ихъ на закатѣ дней и при томъ старшему члену въ своей или чужой семьѣ¹⁾. Такимъ способомъ шептанья переходятъ отъ одного народнаго поколѣнія къ другому и продолжаютъ жить въ сознаніи народа.

Умѣющіе шептать слывятся въ народѣ подъ именемъ *шептуносъ и шептухъ, знахарей и знахарокъ*. Хотя шептальное врачевство и не составляетъ ихъ профессиональнаго занятія, за весьма и весьма рѣдкими исключеніями, и является занятіемъ, такъ сказать, между прочимъ, но тѣмъ не менѣе эти люди пользуются особымъ значеніемъ въ народной средѣ, какъ обладающіе чудодѣйственной силою. Кромѣ того, не всѣ изъ нихъ вы-

¹⁾ Старшему въ семьѣ южно-русскій народъ приписываетъ особую мощь физическую и духовно-нравственную: только старшій, напримѣръ, можетъ подкараулить вѣдму, нанести ей ударъ рукою, поймать ее и подвергнуть любому наказанію. Повѣрье это извѣстно пишущему непосредственно изъ устъ народа. *Асторъ*.

ступаютъ въ качествѣ *публичныхъ врачей*; многіе берегутъ знаніе, или вѣдовство, только про себя да про членовъ своей семьи и близкихъ себѣ людей. Но не принимая приглашеній отъ всѣхъ и каждаго, они сохраняютъ за собою въ народѣ имя знахаря или знахарки.

Не смотря на измѣнившіяся во многомъ и многомъ условія народной жизни, знахарство остается еще въ полной своей силѣ, и спросъ на него у народа значительный. Въ каждомъ селеніи, деревнѣ, хуторѣ, не мало людей *знающихъ*, такъ, напримѣръ: въ с. Русановкѣ, Гадяч. у., ихъ до 10 человекъ, не включая въ это число *відьмаків и відіом*, точно также людей *знающихъ*. Одни изъ нихъ шепчутъ только отъ извѣстныхъ болѣзней, другіе отъ всѣхъ; есть между нимъ одинъ, особенно выдающійся знахарь, умѣющій шептать *на добро* и *на зло* ¹⁾. Сила и значеніе шептанья этого знахаря, равно какъ и всѣхъ другихъ, зависитъ, по народному сознанію, не только отъ пріобрѣтеннаго обычно-правильнымъ путемъ знахарства и въ точности соблюдаемаго, но еще, и даже главнымъ образомъ, отъ индивидуальныхъ особенностей того или другаго знающаго лица; это послѣднее условіе, вмѣстѣ съ врачевскими успѣхами, и возвышаетъ значеніе однихъ знахарей и знахарокъ предъ другими и приковываетъ къ нимъ вниманіе окружающей ихъ среды.

Выше сказано было, на основаніи толкованій знахарей и знахарокъ, о народномъ взглядѣ на шептанья и условія передачи ихъ другимъ въ своей наивно-вѣрующей средѣ. Естественно, что, въ виду такого взгляда, записываніе шептальнаго матеріала, въ его истинной формѣ и содержаніи, не всегда доступно этнографу; для этого нужны особыя счастливыя условія, иначе никогда не проникнетъ членъ другой среды въ область таинственнаго, священнаго знанія. Только родство, продолжительное доброе знакомство, особое расположеніе и т. п. могутъ сослужить въ этомъ дѣлѣ службу этнографу; только въ зависимости отъ названныхъ условій шептунъ или шептуха рѣшится, если не встрѣтятся препятствій съ обычно-народной точки зрѣнія, на пересказъ шептаній, да и то не иначе, какъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что записывающій смотритъ на предметъ ихъ ревниваго обереганія тѣмъ же самымъ окомъ, какъ и пересказчикъ.

Основное содержаніе шептаній, на сколько оно выясняется моимъ небольшимъ чи-словъ №№, даетъ основаніе для слѣдующей группировки ихъ. Всѣ шептанья распадаются на два большихъ отдѣла. Въ *первый* изъ нихъ входятъ шептанья—*замовлянья*, или *заклинанія*, какъ словесно-обрядныя мѣры противъ постигшихъ человекѣ болѣзней и неблагопріятныхъ случаевъ въ жизни; въ этомъ отдѣлѣ различаются три группы замовляній: А) противъ болѣзней, причина которыхъ не извѣстна и гадательна; Б) замовлянья болѣзней, причина которыхъ очевидна; В) замовлянье неблагопріятныхъ случаевъ въ

¹⁾ Свѣдѣніями объ этихъ знахаряхъ и знахаркахъ я обязанъ русановскому священнику В. И. Яновскому.

жизни (См. *Приложеніе*). Во *второй* отдѣлъ входятъ шептанья—*примовлянья*, или *наговоры* (См. тамъ же). Хотя названіе 2-му отдѣлу дано мною по аналогіи съ именемъ перваго отдѣла, но оно ни чуть не противорѣчитъ ни основному содержанію шептаній, сюда отнесенныхъ, ни народному взгляду, по которому одними шептаньями *замовляется* зло, уже существующее, а другими—*примовляется* добро или зло, сообразно съ намѣреніями знахарей.

Въ числѣ замовляній лихорадки одно, названное молитвою отъ нея, носить въ содержаніи своемъ явные слѣды книжнаго юго-славянскаго происхожденія, что обнаруживается по сравненіи текста этой молитвы съ однимъ мѣстомъ номоканона XIV в., къ какому времени, по замѣчанію Аѳанасьева, (См. его трудъ—*Поэтич. воззрѣн. Славянъ на природу* III т., стр. 92) относится и первая наша редакція заговора лихорадки. Въ номоканонѣ сказано: „Вопросы Іереміа къ Богородицѣ о недузѣ естествоннѣмъ и еже именуютъ трясовици—басни суть Іереміа, попа болгарскаго; глаголетъ бо окаянный сей, яко сидящу св. Сисинею на горѣ Синайстѣй и видѣ семь жонъ исходящи отъ моря, и ангела Михаила именуеть, и иная изыдоша семь ангель, семь свѣщъ держаща, семь ножевъ остряще, еже на соблазнѣ людемъ многимъ, и семь дочерей Иродовыхъ баснствоваше, сихъ же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ—седми именоваше, но една испросивша главу Предтечеву, о ней же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова“. Въ нашей молитвѣ находимъ: вмѣсто горы Синайской—дубъ маврійскій; вмѣсто св. Сисинея—трехъ архангеловъ: Гавріила, Уріила и Суриила; далѣе—сокращеніе развитія темы; но сохранено неизмѣннымъ число трясовиць—7, и понятіе объ ихъ происхожденіи: онѣ дочери Ирода (См. *Прилож.*, Отд. I, А, 7, б.).

Переходя къ опредѣленію значенія шептаній съ внутренней ихъ стороны, замѣтимъ предварительно, что и внѣшняя сторона ихъ представляетъ интересный матеріалъ для историко-этнографической статистики болѣзней: на основаніи шептаній, спеціально относящихся къ болѣзнямъ, отыскивается путь къ опредѣленію главныхъ родовъ и видовъ болѣзней, которымъ наибаче подвергался прежде и продолжаетъ подвергаться теперь народъ той мѣстности, въ которой записаны шептанья; это допустимо на томъ основаніи, что предложеніе не мыслимо безъ спроса.

Внутреннею стороною содержанія своего шептанья являются важнымъ матеріаломъ для уясненія духовно-нравственной жизни народа какъ за отдаленно-прошедшее время, такъ и за настоящее. Но для такого уясненія недостаточно, конечно, ознакомиться съ столь малымъ числомъ шептаній, съ какимъ имѣлъ дѣло авторъ настоящаго сообщенія. Въ данномъ случаѣ намѣреніе мое состоитъ только въ томъ, чтобы представить ученому собранію соображенія свои объ археологическихъ остаткахъ общихъ языческихъ вѣрованій, слѣдахъ этихъ вѣрованій, явственно выступающихъ даже въ небольшой части шептаній.

При бѣглому даже ознакомленіи съ шептаньями, нельзя не замѣтить, что на нихъ отразилось въ извѣстной степени вліяніе христіанское и сообщило имъ колоритъ свой, но что подъ колоритомъ этимъ скрывается языческая тема и ея развитіе.

Христіанскій колоритъ шептаній сказывается въ томъ, что знахари и знахарки, предъ началомъ шептанья, знаменуютъ себя крестомъ, обращаются, въ приступѣ шептальномъ, къ Богу и святымъ; на примѣръ:

Господи милостивий, всі святіі!
Станьте мені на помочи... (Отд. I, А, 1, а).

или:

Творче, создателю всяческихъ,
Боже, діла рук нашихъ.
Ко славі твой начинаемъ.
Поможи, Боже і всі святіі,
Миколай, Божий угодникъ (Отд. I, А, 5, б.).

Въ началѣ шептанья *од бишихи* находимъ слѣдующее, довольно подробное, перечисленіе святыхъ, а именно:

Святіі кїївські, охтирські,
Манастирські, печерські,
Переяславські и ти, свята п'ятінко ¹⁾
Простіть і помилуйте.
Господи милосердний, Сус Христос!
І сам Бог іде раба Божого (имя)
Од болячки шептати... (Отд. I, А, 9).

Приведенныя мѣста взяты изъ замовляній, или заклинаній; а вотъ еще примѣры изъ шептаній—примовляній, или наговоровъ. Примовлянье при копаніи *зілля* для коровъ начинается такъ:

Святой Аврам все поле орав,
А Сус Христос сіав;
Матер Божа кокала
І порожденним, благословенним сасам (коровамъ)
На помічь давала. (Отд. II, 4).

Въ другомъ примовляньѣ находимъ подобное же участіе Матери Божіей:

Божа мати ходила,
Се зілля родила,
І я се зілля рвала,
Божа мати на помічь давала. (Отд. II, 1.).

Только-что приведенными мѣстами шептаній не ограничивается еще число примѣровъ, служащихъ къ усиленію христіанскаго колорита словесно-обряднаго врачевства; такихъ примѣровъ нашлось бы столько же, если не болѣе, даже въ моемъ собраніи шеп-

¹⁾ Уменьшит. имя отъ пятница.

таній. Но такъ какъ все это было бы только варіаціями къ указаннымъ мѣстамъ, то я и опускаю ихъ, чтобъ обратиться къ обзорѣннѣй болѣе важной стороны шептаній.

Языческая тема и развитіе ея въ шептаньяхъ. Основная идея вѣрованія въ шептанья. Въ процессѣ шептаній, какъ выраженіи таинственнаго, священнаго знанія, лежатъ народное вѣрованіе въ чудодѣйственную силу слова и обряда, относимыхъ къ олицетвореннымъ или же просто стихійнымъ силамъ и явленіямъ природы. Слѣдовательно идея вѣрованія въ словесно-обрядное врачевство является археологическимъ обломкомъ молитвенныхъ языческихъ возношеній къ доброму или злему (для человѣка) началу въ природѣ, съ цѣлью воспользоваться помощію того или другаго и предрасположить ихъ къ себѣ. Доказательствомъ молитвенно-утилитарной основы названнаго вѣрованія и обращенія къ предметамъ природы могутъ служить слѣдующія мѣста шептаній. Въ примовляннѣхъ при поеніи лошадей замѣчаемъ обращеніе къ водѣ въ словахъ: „*ти, водо-Уляно, у неділю була*“, а при поеніи коровъ—въ словахъ: „*Добривечір тобі, кирнище, і тобі, водо-гордана; ти від Бога создана, а на мення (имя) Титяна; очищаеш луки, береги, каміння, креміння, очисти*“ и проч. Въ замовляннѣхъ зубной боли—обращеніе къ мѣсяцу: „*Місяцю, Адаме молодий!*“.. Въ шептаньяхъ отъ укушенія змѣи—воззваніе къ царицѣ змѣи въ словахъ: „*Олено, царице! закажи своєму військові—степовому, полювому і водяному*“;... въ другомъ, послѣ упоминанія, что на *гніздиці* находится цариця Ляи, сказано: „*Цариця Ляи, цариця Ляище! собірай своє військо—горюцьке і гадзюцьке, собірай і спинай зуби, губи і уста*“... Въ замовляннѣхъ людской напасти, врачуемый долженъ обратиться къ темному существу *Бузю*, привѣтствуя его словами: „*Здоро був, Бузю!*“ Наконецъ, одно изъ замовляннѣхъ *паксивець* начинается обращеніемъ къ дубу въ такихъ выраженіяхъ: „*Дубино зелена, посватаймося і побратаймося!*“.. Подобные же примѣры находятся и въ другихъ шептаньяхъ. (См. *Прилож.*).

Изъ обрядной стороны шептаній заслуживаетъ вниманія: *разведеніе огня на припичку* (очагъ) при врачеваніи дитяти отъ *паксивець*, или *стисків*; оставленіе *хліба-соли* на мѣстѣ, гдѣ собираютъ привораживающую траву; употребленіе *маку-скакуну* (выросшаго изъ зеренъ, оставшихся въ почвѣ при собираніи *постыяннаго* маку) и *добытіе земли съ могилы мертвеца* въ заклинаніи напасти и другіе обряды. (См. тамъ же).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію этой несомнѣнно языческой, темы въ главнѣйшихъ чертахъ ея языческаго же характера, къ которымъ слѣдуетъ отнести, во 1-хъ, *олицетвореніе болѣзней*.

Олицетвореніе болѣзней, наглядное представленіе ихъ, является однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ шептательнаго воззрѣнія на нихъ. По тексту шептаній, болѣзни бывають:

Вітряні, водяні, супротивні
Подумані, позадані,
Наслані, наказані, примовлені (Отд. I, А, 2, а.).

Или:

Вітряні, водяні і пристрітні,
Подумані і погадані
Ночні і полуночні,
Денні и полуденні. (Отд. I, A, 4, б.).

Такая болѣзнь, какъ *переполохъ* (испугъ), имѣеть болѣе частное происхожденіе, а именно переполохъ бываетъ:

Скотячий, овечий, кінський,
Козячий, собачий, заячий,
Лисичий, вовчий, ведмежий,
Ящериний, жабьячий, черепаховий,
Гадючий, сорочий, воронячий,
Бурячий, утячий, гусячий,
Индичий, голубьячий, ластівьячий,
Перепеловий, орловий, шулічий,
Синичий и соловьиный. (Отд. I, A, 5, б.).

Болѣзнь *порука* представляется *чоловікомъ*, которому говорятъ:

Ти врази—вразочку,
Божий чоловіку!
Посунься и покотися
Тихесенько и легесенько. (Отд. I, A, 8).

Слѣдовательно, болѣзни, причина которыхъ не очевидна, приносятся, по шептально-народнымъ понятіямъ, стихіями, злыми людьми, а также животными. Эти стихійныя и подуманныя, погаданныя, насланныя и другія болѣзни олицетворяются народнымъ во-ображеніемъ.

Степень олицетворенія различна: то являются онѣ въ общемъ, безформенномъ духовномъ образѣ, какъ, на примѣръ, *стиски*, *плаксивці*, *соняшниці*, *жовтяниці*, *переполохъ*, *бишиха*, *перелом* и проч.; то въ спеціальныхъ образахъ, на примѣръ: *лихоманка*, или лихорадка, въ образѣ 9-ти *простоволосихъ жінокъ*. (Отд. I, A, 7, б.); змѣиный ядъ—въ образѣ какой-то *Разли* (Отд. I, Б, 3, п); *бишиха* именуется татаркою, циганкою и жидовкою (Отд. I, A, 7, а); то, наконецъ, въ образѣ цѣлаго змѣинаго войска (Отд. I, Б, 3, в.). Знахарь и знахарка обращаются къ болѣзнямъ, какъ существамъ злымъ, имѣющимъ способность мѣнять, по требованію, мѣста пребыванія своего. Обыкновенно ихъ посылають въ отдаленныя и пустынные мѣста; на примѣръ:

Ідіть собі, на луги, на доли,
На очеретá, на болотá,—
До синіого моря гуляти. (Отд. I, A, 2, а.).

Или:

Ссилаю і посилаю вас
Въ землю пустую, безконечную,

Де козак на коні не гуляе,
 Де дівка косою не мае,
 Де чоловічеський голос не заходить,
 Де скотина не ходить,
 І де птиця не літає. (Отд. I, А, 4, б.)

То навіязують ихъ темной силѣ—чорту:

Йшла Ева понад черним морем,
 А въ чорнім морі корча,
 Під тією корчею три *чорта*,—
 Одному—роги, другому—ноги,
 А третіому—перелоги в ноги. (Отд. I, А, 12, а.).

Наконецъ, обрекають на смерть; въ замовляньѣ *жовтяницъ* говорится:

Вийдїть жовни де ви есть:
 З серця, з печінок,
 З м'яса, з кісток,
 На верх вийдїть і *замрїть*. (Отд. I, А, 4, а.).

Болѣзни, какъ темныя, злыя существа, пронизують насквозь челоуѣка, начиная отъ волосъ и проникая въ сердце:

Лїзла Рахла травою
 Та залїзла в волосся,
 А з волосся в шкуру,
 А з шкури в м'ясо,
 А з м'яса в кров,
 А з крові в кость,
 А з кости в отробу,
 А з отроби в легки,
 А з легків в сердце. (Отд. I, Б, 3, а.).

Поэтому при замовляньѣ болѣзней стараются поименовать возможно больше частей организма врачуемаго и изъ каждой части *визивають и викликають бѣлість*. *Рахлю*, залїзшую такъ глубоко, застаряють тѣмъ-же путемъ оставить больнаго. *Жовни, жовтяницї*, должны выйти:

З серця, з печінок,
 З м'яса, з кісток...

Бишиху, болячку, вишиптують, вибавляють

Із його (больнаго) голови, із його очей,
 Із його рук, із його плечей,
 Із його ніг, із його щирого серця,
 Із його білого тіла,

Із його жил, із його пажил (нервовъ)
Із його суставців, і жил, і пальців. (Отд. I, А, 9).

Таковы, по шептаньямъ, въ общихъ чертахъ понятія народа о происхожденіи болѣзней, ихъ образахъ, мѣстахъ изгнанія и пребыванія въ врачуемыхъ организмахъ. Всѣ эти понятія отличаются свойственною свѣжому народному воображенію пластичностью формы.

Во 2-хъ, *качество черного, темного*. Въ шептаньяхъ встрѣчаемъ такіа выраженія: *чорне море, чорний дуб, чорний чоловік, чорна одежа, чорний тупор, чорний пес*.

Въ замовляньѣ *урокив* говорится:

Там стояло *чорне море*,
На чорнім морі—*чорний дуб*,
На чорнім дубі—*чорний чоловік*,
І *чорна одежа*, і *чорний тупор*.
Не йде і дуба *занимати*,
Не йде і моря *запиняти*,
Іде *урокив одпірати*:
Чоловічих, *жоночих*,
Парубочих, *дівчачих, хлопьячих*. (Отд. I, А, 1, а.).

Изъ приведенныхъ словъ шептанья слѣдуетъ, что *чорний чоловік* управляетъ болѣзнями, даетъ имъ волю—просторъ, освобождаетъ ихъ изъ заточенія. Болѣзни-же—это, какъ мы видѣмъ, злая существа; ихъ засылаютъ въ пустынные мѣста, на очерета и болота, мѣста *темныя*, и къ обитателю такихъ мѣстъ—чорту. (Отд. I, А, 12; 6, а.).

Черный пес принимаетъ участіе въ исцѣленіи отъ болѣзни:

Іхав св. Юрій на білому коні через ліс;
За ним бігло три пси:
Першій чорний, другий червоний,
Третій білий...
Чорний кров облизав.... (Отд. I, Б, 4).

Южно-русскій народъ выражаетъ словомъ *чорний* понятіе о *грязномъ*; напримѣръ: *чорна сорочка* значитъ *грязная рубаша*. Качество-же *чернаго, грязнаго, болотнаго, нечистаго, темнаго* прямо противоположно всему *бѣлому, чистому, свѣтлому*; слѣдовательно, *чорний чоловік* и *чорний пес* равносильны *черному, загрязненному, нечистому и темному человеку и псу*, т. е. чорту, злой и враждебной силѣ. По народнымъ понятіямъ онъ *по цвѣту черный, загрязненный*, потому что живетъ въ болотѣ, *темный*, какъ исконный врагъ всего свѣтлаго, и называется прямо именемъ *нечиста сила, нечистый*¹⁾. Понятно поэтому, что качество *чернаго* въ шептаньяхъ не случайное;

¹⁾ См. „Религіозн. культъ южно-рус. народа въ его пословицахъ“, рефератъ П. С. Иващенко, въ *Запискахъ* Ю.-З. Отд. И. Р. Г. Общества, т. II. стр. 79 и слѣд.

оно является въ народномъ воображеніи, какъ остатокъ древняго языческаго представленія объ отличительныхъ признакахъ злой и враждебной силы, производящей все недоброе и въ томъ числѣ болѣзни.

Въ 3-хъ, обращеніе къ *свѣтлой и темной силѣ за помощью съ признаками культа той и другой*. Шептальное выраженіе „я з ричю, Бог з помічю“, призываніе Бога и святыхъ на помощь, предварительное произнесеніе молитвъ,—все это указываетъ на молитвенное обращеніе въ шептаньяхъ къ *свѣтлой силѣ*. Что въ основаніи такого обращенія нужно искать воззрѣній еще языческаго міросозерцанія, доказательствомъ тому служить, между прочимъ, разведеніе огня на *притичку* предъ началомъ замовлянья *великихъ стисків у дитини*, т. е. разведеніе жертвенно-очистительнаго огня.

Обрядъ съ огнемъ имѣетъ мѣсто и при исполненіи другихъ шептаній; на примѣръ: *од переполоху*, когда имъ пользуются для распусканія воску, который потомъ льютъ въ чашку съ водою, съ цѣлью получить изображеніе предмета, причинившаго болѣзнь; а также пользуются имъ *при завариваніи соняиниць* (VI, 1). Рядомъ съ остаткомъ культа свѣтлой силы находимъ слѣды поклоненія и *темной*. Шептанье-замовлянье *напасти* исполняется со всѣми относящимися къ нему обрядами *глухої ної*, т. е. въ полнощное время, а это пора, когда черти, по народнымъ понятіямъ *бьютца на кулачки*, когда въ разгарѣ ихъ зловредная дѣятельность. По тѣмъ же понятіямъ, главнымъ мѣстопробываніемъ чорта, возмѣстившаго собою въ хрестіанскую эпоху прежнюю языческую темную силу, служить болото. Травѣ, собираемой *на трясовині*, на болотѣ, приписывается въ шептаньяхъ привораживающее значеніе, сообщенное ей, надо думать, обитателемъ той мѣстности,—чортомъ. На мѣстѣ срыванія травы шептуха оставляетъ *хліб-сінь* (см. *привоороженіе*), въ чемъ нельзя не видѣть слѣдовъ чествованія темной силы жертвоприношеніемъ. Еще съ большею ясностью выступаетъ поклоненіе темной силѣ въ словесно-обрядномъ способѣ, шептаньѣ отъ напасти. Здѣсь находимъ обращеніе къ *Бузю*, силѣ злой и темной. Ищущій избавленія отъ напасти долженъ отправиться въ полнощное время къ бузинному кустарнику и спросить живущаго тамъ *Бузя* о томъ, что было ему за убійство отца, матери, сестры и брата?—Мѣстопробываніе *Бузя* въ названномъ кустарникѣ заставляетъ признать *въ имени Бузя одно изъ именъ чорта*, такъ какъ южно-русскій народъ помѣщаетъ тамъ и сего послѣдняго, говоря: „Въ Бузинику чортъ живе“ (*Сборн. пословиць Номиса*, № 316). Повѣрья о пребываніи темныхъ, враждебныхъ существъ въ бузинныхъ кустарникахъ есть и у литовцевъ. Профес. В. Б. Антоновичъ нашелъ лѣтописныя объ этомъ извѣстія и упоминалъ о нихъ въ собраніи членовъ Ю.-З. Отд. И. Р. Г. Общ., бывш. 5 іюня 1874 года.

При такомъ опредѣленіи мѣстопробыванія *Бузя-чорта*, въ народѣ до послѣдняго времени, слѣдовательно, сохранилось хотя и затемненное, исконное представленіе о происхожденіи враждебнаго начала, о злой, все оцѣняющей силѣ въ мірѣ *фи-*

зическомъ, или холодъ. (Первоначальныя наблюденія челоѣкомъ зла въ мѣрѣ имѣли мѣсто въ области физическихъ силъ и явленій, и только съ дальнѣйшимъ развитіемъ челоѣка онѣ возымѣли мѣсто въ области нравственной жизни людей. Аѳанасьевъ. *Поэт. воззр. Славянъ на пр.* т. I стр. 92, 93). Это представленіе удержалось въ свѣжо хранящемся народномъ повѣрѣѣ о климатическихъ перемѣнахъ при цвѣтеніи бузины; въ это время обыкновенно бываетъ холодно, не смотря на постоянную теплую пору до и послѣ указанного явленія на бузиновомъ кустарникѣ. Наконецъ, въ связи съ понятіемъ о неизбежномъ холодѣ при цвѣтеніи бузины, находится и самое названіе этого кустарника, а еще болѣе—имя живущаго въ немъ злаго *Бузя*, которое (имя) въ переводѣ съ татарскаго языка значить *ледь*. (Лукашевичъ. *Мнимый Индо-Герман. мѣръ*. Введеніе, стр. 5).

Въ 4-хъ, языческая роль и значеніе шептунъ и шептухъ. На основаніи приведенныхъ данныхъ изъ шептаній объ обращеніи къ темной и свѣтлой силѣ, нельзя не заключить, что шептуны и шептухи, или знахари и знахарки—прямые потомки, въ профессиональномъ смыслѣ, древне-языческихъ вѣдущихъ людей, сословія жреческаго; они и по настоящее время еще являются посредниками между высшею доброю и злою силою съ одной стороны и людьми съ другой. Извѣстный ученый Аѳанасьевъ въ трудѣ своемъ—*О колдовствѣ въ древней Руси* (1851 г. *Соврем.* т. XXVI, отд. II) высказалъ вѣрное замѣчаніе, когда писалъ: „Колдуны и и вѣдьмы, по своему жреческому значенію, могли завѣдывать обрядами поклоненія не только свѣтлой силѣ, но и *нечистой*, которая необходимо требовала умилостивительныхъ жертвъ“. Но прибавимъ къ этому, что не только могли завѣдывать, а *дѣйствительно завѣдывали* молитвами—обряднымъ чествованіемъ *чистой и нечистой силы* и продолжаютъ это дѣлать, въ лицѣ излюбленныхъ знахарей и знахарокъ, до послѣдняго времени, доказательства чего мы находимъ въ южно-русскихъ шептаньяхъ. И теперь еще въ народѣ свѣжо убѣжденіе, что одинаково можно располагать въ свою, челоѣческую сторону, доброе и злое существо словесно-обряднымъ средствомъ или знахарствомъ. Но только такая сила не всѣмъ знахарямъ въ равной мѣрѣ свойственна. Поэтому и между знахарями есть избранныя натуры; они-то знаютъ шептать не только на добро, но и на *зло*. Такихъ знахарей мало того, что почитаютъ, но и боятся, потому что такіе шептуны и шептухи—лица, излюбленныя доброю и злою силою; первая и послѣдняя равно имъ служить.

Итакъ, имѣя въ виду тѣ немногія данныя, которыя мы добыли изъ весьма ограниченнаго числа шептаній (сравнительно съ тѣмъ, какое остается неизвѣстнымъ), можемъ повторить въ заключеніе высказанную выше мысль, что подъ христіанскимъ колоритомъ шептаній, какъ словесно-обряднаго цѣлебнаго средства, скрывается языческая тема и ея развитіе, что слѣды языческихъ вѣрованій выступаютъ: въ идеѣ народнаго вѣрованія въ шептательный процессъ, въ олицетвореніи болѣзней, въ качествѣ чернаго, въ молит-

венно-обрядномъ обращеніи къ свѣтлой и темной силѣ, и въ языческой роли и значеніи самыхъ исполнителей шептаній—знахарей и знахарокъ.

Наконецъ, одно изъ шептаній—примовляній, *привороженіе*, или привлеченіе любовнаго расположенія къ себѣ, даетъ нѣкоторый ключъ къ объясненію, съ языческой точки зрѣнія, происхожденія названія *плакунъ-травы*; она названа въ стихѣ о Голубиной книгѣ (Безсон. вып. 2, 289) матерью всѣхъ травъ, потому что выросла отъ слезъ Богородицы. Хотя и въ примовлянѣ она ведетъ свое начало отъ Матери Божіей, которая будто-бы ее породила, но понятіе объ ея чудодѣйственной силѣ, мѣсто и условія добыванія ея, вліяніе ея на другихъ, вызваніе слезъ, плача,—все это побуждаетъ объяснять ея названіе—*плакунъ-трава*—такъ: *плакунъ* есть сокращеніе названія *плаксуны*; послѣднее-же названіе обусловлено чародѣйственнымъ качествомъ травы. По замѣчанію шептухи М... всякій умывающійся плаксуномъ травой (золототысячникъ) и имѣющій ее при себѣ, вызываетъ у другихъ такое сильное любовное къ себѣ расположеніе, *що* при одномъ взглядѣ *аж* плакать *хочецця*; поэтому-то и *зовецця та трава „плаксуномъ“*, пояснила таже баба (Отд. II, 1).

Слѣдовательно, *плакунъ* или *плаксуны-трава*—исконное языческое привораживающее средство, добываемое въ мѣстообиталищѣ темной силы—чорта, и въ зависимости отъ слѣдствій приписываемаго ей дѣйствія получила свое названіе.

О РЕЗИДЕНЦИИ ХАНОВЪ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ДО ВРЕМЕНЪ ДЖАНИБЕКА I.

Рефератъ Ф. К. Вруна.

Первымъ поводомъ къ составленію настоящей статейки послужили соображенія, переданныя мнѣ г. бібліотекаремъ Гейдомъ (въ письмѣ отъ 13 декабря 1872), для оправданія своего мнѣнія, что вопросъ о мѣстоположеніи Сарая еще нельзя считать оконченнымъ. „Ich bin nahe daran“, пишетъ онъ между прочимъ, „die Ketzerei zu begehen und Sarai wieder bei Selitrenoje zu suchen, obgleich ich ungern so sehr gegen den Strom schwimme. Jedenfalls muss Ibn Batuta entscheiden, welcher den Weg selbst gemacht hat. Pegolotti und Abulfeda geben die Entfernungen nur nach Traditionen Anderer“.

Въ полной увѣренности, что послѣ основательнаго разслѣдованія г. Григорьева („О мѣстоположеніи Сарая, столицы Золотой орды, въ X томѣ Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, 1845), было бы слишкомъ смѣло усомниться въ томъ, что ханская резиденція находилась постоянно въ одной и той же мѣстности, а именно въ занимаемой нынѣ городомъ Царевымъ съ ближайшими его окрестностями, я не преминулъ отвѣчать г. бібліотекарю штутгартскому, что, по моему мнѣнію, разныя причины могли побудить арабскаго Марко Поло отправиться изъ Астрахани въ Сарайчикъ на Уралѣ, не прямо, но кругомъ чрезъ Царевъ; что онъ могъ туда доѣхать въ трое сутокъ, не смотря на большое разстояніе сего города отъ Астрахани, и что г. Гейду приходилось бы, для посѣщенія развалинъ Сарая, плыть, въ буквальномъ смыслѣ, „противъ теченія“, т. е. изъ Селитренаго городка подниматься вверхъ по Ахтубѣ до Царева.

Вскорѣ однако мнѣ пришлось самому усомниться, что тамъ едва ли находился тотъ городъ Сарай, о которомъ говоритъ Ибнъ Батута, и что г. Юль едва ли ошибается, когда въ одномъ изъ примѣчаній къ его великолѣпному труду (The book of ser Marco Polo и проч.; 1871, Т. I р. 5 и 6) старается доказать, что до временъ Джанибека I столица ханская находилась около Селитренаго, и имъ уже была переведена въ „Новый“ Сарай, на мѣсто Царева.

Нужно однако замѣтить, что гораздо прежде англійскаго переводчика книги М. Поло, мнѣніе о существованіи двухъ этихъ городовъ, древнѣйшаго и новѣйшаго Сарая, было высказано другими авторами, между прочимъ, г. Саблуковымъ, въ его „Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго царства“. Хотя г. Григорьевъ, въ своемъ разборѣ этой статьи, и приходитъ къ заключенію, что приведенное мнѣніе автора не опирается на достаточныя данныя, тѣмъ не менѣе статью эту считаетъ весьма замѣчательнымъ явленіемъ (р. 16). Поелику же нельзя не сказать то самое объ изслѣдованіи самаго г. Григорьева, то я, въ свою очередь, считаю себя обязаннымъ указать на причины, по которымъ не могу съ нимъ согласиться, что развалины Сарая, основаннаго Батыемъ, вѣроятно въ 1253 году, находятся около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева, и что находившійся тамъ дѣйствительно Новый-Сарай былъ не городъ, но дворецъ внутри или въ предмѣстьяхъ Стараго Сарая.

Разбирая извѣстія, переданныя намъ современниками о мѣстоположеніи этого города, г. Григорьевъ прежде всего приводитъ свидѣтельство Руисбрѣка (Ruysbroek, al. Rubruquis), видѣвшаго городъ Батыевъ еще въ самой его котыбели. По мнѣнію г. Григорьева это свидѣтельство, при всей своей сбивчивости, „все таки“ указываетъ болѣе на мѣстность, гдѣ Ахтуба отдѣляется отъ Волги, чѣмъ на Селитренный г. въ урочищѣ Джигитъ, въ низжайшей части Ахтубинской долины. Сознаюсь, что мнѣ болѣе нравится противоположное мнѣніе, которое Карамзинъ (IV, примѣчаніе 74) выводитъ изъ словъ Рубруквиса, но считаю лишнимъ остановиться здѣсь на этомъ спорномъ вопросѣ, поелику самъ г. Григорьевъ допускаетъ, хотя „скрѣпя сердце“, что Рубруквисовъ Сарай могъ находиться въ Джигитѣ, „но уже никакъ не ниже“, съ чѣмъ могутъ согласиться защитники близости Сарая отъ Астрахани. Изъ сказаннаго явствуетъ, что и городъ Сумеркентъ, упомянутый однимъ только Рубруквисомъ и отстоявшій, по его свидѣтельству, недалеко отъ Сарая, могъ находиться не въ верховьяхъ Ахтубинской долины или на Денежномъ островѣ, какъ полагаетъ г. Григорьевъ, но гораздо ниже, такъ какъ Сумеркентъ (v. Summerkeut) лежалъ на среднемъ изъ четырехъ притоковъ (bachiа) Волги, чрезъ которые Рубруквисъ проѣзжалъ (послѣ предварительной переправы чрезъ три большіе протоки) на пути изъ Сарая въ Дербентъ. Если припомнить, что по арабскимъ географамъ послѣдній городъ былъ отдѣленъ отъ Итила 12-ю днями, то спрашивается, не могъ ли Рубруквисъ, который на 15-й только день по выѣздѣ изъ Сарая прибылъ къ Желѣзнымъ вратамъ, подъ своимъ Сумеркентомъ разумѣть одну изъ частей взятой Святославомъ Хазарской столицы, которая уже явно находилась не въ окрестностяхъ Царицина, но бокъ о бокъ съ Волжскою дельтою, вблизи Астрахани. Здѣсь по этому помѣстился бы также загадочный городъ Саксинъ, если бы только предположенное г. Григорьевымъ тождество сего города съ Сумеркентомъ оказалось справедливымъ. Въ противномъ случаѣ, болѣе вѣроятномъ уже по той причинѣ, что Сумеркентомъ Монголы овладѣли только послѣ

долгой осады, тогда какъ Саксинъ еще до ихъ нашествія былъ затопленъ разлитіемъ рѣки, я охотно оставилъ бы этотъ городъ на Денежномъ островѣ и, по примѣру г. Хвольсона (Извѣстія о Хазарахъ..... Ибнъ Даста, р. 67) не придавалъ бы много вѣса замѣткѣ позднѣйшихъ Арабовъ, что въ сосѣдствѣ погибшаго давно уже города Саксина находился „le Sagaï de Bagca“, т. е. нашъ *древнѣйшій* Сарай.

Нѣсколько лѣтъ послѣ выѣзда посланника святаго Людовика изъ резиденціи Батия, представились его брату и преемнику посланники египетскаго султана Бибарса; но изъ описанія ихъ маршрута (Quatremère, Hist. des sultans mamlouks etc, I, 1 p. 213 ssqq) мы не усматриваемъ, гдѣ Берке тогда находился. Узнаемъ только, что посланники, по выѣздѣ изъ Эски-Крыма и послѣ 20-дневной за тѣмъ ѣзды по необозримой степи, застали хана со всѣмъ его дворомъ на берегу Волги, которая имѣла тамъ ширину Нила и была покрыта русскими барками. Должно поэтому думать, что Берке принялъ посланниковъ въ лагерь, расположенномъ на чистомъ полѣ въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Сарая, но не въ самомъ городѣ, не задолго передъ тѣмъ только возникшемъ. Что онъ тогда еще не переставалъ существовать, явствуетъ изъ учрежденія епархіи Сарайской митрополитомъ Кирилломъ, въ 1261 году.

Къ сожалѣнію мѣстность, гдѣ именно находилась кафедра перваго сарайскаго епископа Митрофана и преемника его Θεогноста († 1301), не можетъ быть опредѣлена съ точностью съ помощью нашихъ лѣтописей, подобно тому какъ онѣ насъ оставляютъ въ недоумѣніи (по крайней мѣрѣ до временъ Джанибека), касательно мѣстоположенія столицы „Орды“, куда русскіе князья и сановники отправлялись по разнымъ причинамъ.

Столь же мало пользы для рѣшенія вопроса, который насъ здѣсь занимаетъ, представляютъ намъ тѣ подробности, которыя намъ передаетъ Марко Поло о пребываніи его дяди и отца во владѣніяхъ Берке-хана, хотя они тамъ пробыли цѣлый годъ и вѣроятно имѣли случай познакомиться лично съ ханомъ въ его столицѣ Булгарѣ на Волгѣ. Имъ также не было неизвѣстно, что вторымъ главнымъ городомъ Орды былъ Ассара, т. е. Сарай, но едва ли имъ самимъ пришлось побывать въ этомъ городѣ. По крайней мѣрѣ они на обратномъ пути изъ Булгара въ Бухару, вдоль по западной границѣ владѣній Берке, еще принуждены были переправиться чрезъ Тигръ, до котораго добрались послѣ предварительнаго прибытія въ городъ Уака, коего развалины по нынѣ видны въ селеніи Увеѣ, въ восьми верстахъ ниже Саратова, на правомъ берегу Волги, тогда какъ эту именно рѣку современники братьевъ Поло смѣшали съ райскимъ Тигромъ (см. мою ст. „Перипль Касп. м. и пр., въ V т. Зап. Новор. Университета). Скучныя извѣстія касательно мѣстоположенія Сарая, встрѣчающіяся въ приведенныхъ пока источникахъ, значительно пополняются тѣми, которыя оставилъ Абульфеда въ его географическомъ сочиненіи, написанномъ въ 1321 году.

Такъ онъ, сказавъ между прочимъ, подъ статью „Рѣка Итилъ“, что она протекала

мимо города Бальджамана (или Бельджамена) продолжаетъ: „потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и протекаетъ мимо города Сарая къ югозападу отъ него, а Сарай находится на сѣверо-восточномъ его берегу (Géogr. d'Aboulféda, tr. par Reinaud, II, 81)... Близъ Хазарскаго моря Итиль раздѣляется на 1001 рукавъ, какъ рассказываютъ“.

Какъ по названію, такъ и по мѣстоположенію, этотъ городъ Бальджаманъ, въ которомъ Френъ (Hammer, Gesch. d. G. Horde, 362, прим. 3) узналъ городъ „Baltschunkin“, мимо котораго прошелъ Тамерланъ на пути изъ окрестностей Ельца къ Азову, явно совпадалъ съ городомъ Belcimen карты Фра-Мауро (1459 г.), равно какъ и съ городомъ Bergiman или Bergiman, отмѣченнымъ на картахъ 1367 и 1375 годовъ, около нынѣшняго Царицына, и, по крайней мѣрѣ на первой изъ этихъ картъ, въ значительномъ разстояніи отъ приписки: „civitas regia d'Saga“, которая читается предъ самымъ началомъ дельты Волги. Между тѣмъ тождество сего Сарая съ тѣмъ, который имѣлъ въ виду Абульфедъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, поелику слова: „haec est custodia husbeci“, отмѣченная на картѣ братьевъ Пицигани подлѣ имени „derbent“, свидѣлствуютъ, что номенклатура этой карты относится къ времени арабскаго географа. Такимъ образомъ она представляетъ намъ свидѣтельство въ пользу мнѣнія, что этотъ городъ Сарай находился *скорѣй* въ Джигитѣ, чѣмъ въ Царево-Подахъ, а не на оборотъ, какъ думаетъ г. Григорьевъ, не смотря на то, что въ другой статьѣ у Абульфеды сказано, что столица Узбека находилась на разстояніи около двухъ дней пути отъ моря Хазарскаго и что еще ниже, при одномъ изъ рукавовъ Итиля, находилось старое селище (Эски-юртъ), напоминающее мнѣ разрушенный Русскими соименный рѣкъ городъ и „неогороженный“ Сумеркентъ Рубруквисовъ.

Извѣстія эти не трудно согласовать еще съ другою замѣткою Абульфеды, что городъ Укекъ находился какъ разъ на серединѣ пути между Сараемъ и Булгаромъ, на 15 дней разстоянія отъ cadaго. Дѣйствительно, селеніе Укекъ находится въ такомъ же разстояніи отъ развалинъ Булгара (въ 135 верстахъ ниже Казани), какъ отъ Селитренаго городка, гдѣ поэтому резиденція Узбека должна была находиться *скорѣй*, чѣмъ въ Царевѣ, а не только „столь же хорошо“, какъ допускаетъ г. Григорьевъ (474). Правда, онъ предпочитаетъ считать это измѣреніе Абульфеды ничего незначущимъ, такъ какъ оно противурѣчить замѣткѣ того же автора, что разстояніе между Булгаромъ и Сараемъ составляло уже не „около тридцати“, но „болѣе двадцати“ дней пути. Но дѣло въ томъ, что прямая дорога между этими двумя городами была безъ сомнѣнія нѣсколькими днями короче, чѣмъ путь ведущій изъ Булгара въ Сарай *кругомъ* чрезъ Укекъ, причемъ путешественнику приходилось еще переправляться два раза черезъ Волгу. Поэтому я не вижу никакого противурѣчія въ обоихъ измѣреніяхъ, заимствованныхъ Абульфедою изъ различныхъ источниковъ, принимая къ тому еще во вниманіе, что подобныя измѣренія всегда будутъ различны, смотря по времени года, къ которому они относятся, положе-

нію дорогъ, свойству и роду животныхъ, на которыхъ совершается путь, и многимъ другимъ обстоятельствамъ. Я вполне согласенъ съ г. Григорьевымъ (р. 475), что все это оправдываетъ „доброевѣстность путешественниковъ“ и служить „къ соглашенію противурѣчій, встрѣчающихся въ ихъ извѣстіяхъ“. Но если такъ, то не понимаю, почему же г. Григорьевъ совѣтуетъ читателямъ, вовсе не брать во вниманіе показаній путешественниковъ мѣрою пути; а еще менѣе понимаю, почему же самъ г. профессоръ не придерживается этого правила, но затѣмъ снова ссылается на вышеприведенное свидѣтельство Абульфеды, въ надеждѣ, что оно все таки можетъ служить опорой его мнѣнія касательно мѣстоположенія Сарая. Приведя извѣстіе, переданное намъ Ибнъ-Батутою, который самъ былъ въ Сарай около 1330 года, что разстояніе между этимъ городомъ и Укекомъ составляло 10 дней пути и признавая снова бесполезнымъ разсматривать подобнаго рода числа, г. Григорьевъ (р. 479) продолжаетъ: „замѣтимъ только мимоходомъ, что 10 дней пути между Сараемъ и Укекомъ, сближая между собою эти города, придають нѣкоторый вѣсъ тому предположенію и тѣмъ расчетамъ, которые привели къ заключенію, что, на основаніи разстояній, показанныхъ Абульфедою, имя Сарая принадлежитъ скорѣе развалинамъ Царево-Подскимъ, чѣмъ Селитрянаго-Городка“.

Но тутъ то именно слѣдовало оставить въ покоѣ измѣреніе Абульфеды, потому что упомянутый имъ городъ Укекъ, кромѣ имени, не имѣетъ ничего общаго съ Укекомъ, чрезъ который проѣзжалъ Ибнъ Батута (франц. пер. Defrémery et Sanguinetti; II ad fin.) на пути своемъ изъ Астрахани въ Крымъ, и который находился въ серединѣ между Сараемъ и Судакомъ, будучи отдѣленъ отъ обоихъ разстояніемъ десяти дней пути. Городъ этотъ, какъ впервые показалъ г. Ламанскій (О славянахъ въ М. Азіи, р. 80), не могъ лежать при Волгѣ, но долженъ былъ занимать мѣсто около нынѣшняго Мариуполя, гдѣ на италіянскихъ картахъ XIV столѣтія отмѣчено имя Iosachi или Iosac, вмѣсто котораго мы, по аналогіи съ многими другими именами, имѣемъ полное право читать I'Osachi или I'Osaq. Справедливость сего мнѣнія, изложеннаго мною въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи (р. 138) признано теперь новѣйшимъ и лучшимъ комментаторомъ „Книги“ знаменитаго венеціанскаго путешественника (Yule, The book of ser Marco Polo etc. 2-е изд. II р. 488, прим.):

Обстоятельство, что разстояніе между Судакомъ и Мариуполемъ менѣе соотвѣтствуетъ тому, которое отдѣляетъ послѣдній отъ Джигита, чѣмъ разстоянію между устьемъ Калміуса и Царевымъ, по вышеприведеннымъ причинамъ, еще не доказываетъ, что тутъ именно долженъ былъ находиться тотъ городъ Сарай, въ которомъ былъ Ибнъ-Батута; тѣмъ болѣе, что въ описаніи сего города, оставленнаго имъ, встрѣчаются такія данныя, которыя, вопреки мнѣнію г. Григорьева (р. 478), заставляютъ насъ думать, что резиденція Узбека находилась тогда въ Джигитѣ. На это уже указываетъ его замѣтка, что онъ прибылъ въ Сарай на третій день по выѣздѣ своемъ изъ Гаджитерхана. Въ

теченіе трехъ сутокъ онъ оттуда безъ сомнѣнія удобнѣе могъ добраться до Селитрянаго городка, отстоящаго отъ Астрахани въ 110 верстахъ, нежели до Царева, отъ котораго до губернскаго города считается 480 верствъ. Если даже допустить, что для этого путешествія Батутъ данъ былъ открытый листъ, и что онъ имѣлъ лошадей татарскихъ, подобно нынѣшнимъ, то уже никакимъ образомъ къ нему на третій день не могъ быть доставленъ оставшійся въ Астрахани рабъ, коего отсутствіе онъ только замѣтилъ по приѣздѣ своемъ въ Сарай (Defrémercy etc. I. c.). Что городъ этотъ уже не могъ находиться въ Царевѣ, явствуетъ также изъ свидѣтельства Флорентинца Бальдучи Пеголотти, современника арабскаго путешественника, такъ какъ изъ составленнаго имъ дорожника (De la Primaudaie, Etudes s. l. commerce au moyen-âge, I, 318) мы узнаемъ, что водою можно было доѣхать изъ Астрахани въ Сарай даже въ одинъ день, что не противурѣчитъ извѣстію, переданному намъ Абульфедою, что послѣдній городъ находился въ двухъ-дневномъ разстояніи отъ устья Волги въ Каспійское море, хотя бы также водою, а не сухопутьемъ (Григорьевъ, р. 480). Въ правѣ ли мы усомниться въ достовѣрности этихъ двухъ извѣстій, потому, что *сухимъ путемъ* Ибнъ Батута только на третій день по выѣздѣ изъ Астрахани прибылъ въ Сарай? Подобнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ изъ этого города прибылъ въ „Seratchauk“, т. е. въ Сарайчикъ, только послѣ десятидневней ходьбы (I. I. III, 1: nous marchâmes pendant dix jours) скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ свидѣтельство миссіонера Пасхалиса, когда онъ, въ письмѣ отъ 1342 года, между прочимъ, говоритъ: „Inde (въ Сарай) ascendens in quoddam navigium, cum Armenis, per fluvium, qui vocatur Tigris, per ripam maris Vatus (Баку) nomine, usque Saratshuk deveni per duodecim dietas etc. (Mosheim, H. Tart. eccles. 194).

Должно думать, что на туземномъ суднѣ плаваніе странствующаго монаха должно было длиться болѣе, чѣмъ на генуэзскомъ или на венеціанскомъ, почему и неудивительно, что итальянскій *commis voyageur* могъ полагать на взаимное разстояніе упомянутыхъ имъ двухъ городовъ *восемь* дней пути, если только онъ подъ своимъ *Sagacaso* разумѣлъ Сарайчикъ, а не Сарайкункъ, т. е. „большой“, какъ г. Юль (I. I. II, 537) готовъ допустить. Но если такъ, (въ чемъ я не могу ручаться), то мы имѣли бы доказательство, что въ то время было уже два Сарая въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи, и что одинъ только *Sagacaso* могъ совпадать, какъ по имени, такъ и по мѣстоположенію, съ „Большимъ Сараемъ“ нашихъ лѣтописей.

Во всякомъ случаѣ гораздо легче будетъ согласовать между собою различныя измѣренія у приведенныхъ авторовъ, чѣмъ допустить, что они подъ Сараемъ могли разумѣть городъ, который находился бы при Верхней Ахтубѣ: ибо, въ этомъ случаѣ, путешественники, отправившись оттуда на какомъ бы то ни было суднѣ, въ теченіе 8—12 сутокъ, могли бы доплыть развѣ до устья Волги, но уже никакъ не могли бы доѣхать до города Сарайчика.

Желая показать своимъ читателямъ „какую вѣру должно имѣть къ путевымъ исчислениямъ итальянскихъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ“, г. Григорьевъ не ограничивается приведенными въ текстѣ примѣрами; но считаетъ нужнымъ прибавить къ нимъ нѣкоторые другіе въ слѣдующей выноскѣ (р. 480): „Отъ Таны въ Астрахань Пеголотти считаетъ 25 дней пути; а Венеціанецъ Контарини говоритъ, что, какъ слышалъ онъ, города эти отстоятъ другъ отъ друга не далѣе какъ на 8 дней пути (!!). Онъ же Контарини отъ устья Волги до Астрахани ѣхалъ водою четверо сутокъ, а считаетъ этотъ путь въ 75 миль; а Барбаро, тоже Венеціанецъ, говоритъ, что Волга впадаетъ въ море въ 25 миляхъ отъ Астрахани, отъ Астрахани же до Москвы можно легко доплыть въ трое сутокъ (!!!)“.

Примѣры эти однако, вмѣсто того, чтобы доказать предполагаемую г. Григорьевымъ „безтолковщину“ въ исчисленияхъ разстояній географовъ и путешественниковъ, напоминаютъ намъ развѣ только французскую поговорку: *qui pousse trop, ne pousse rien*, и показываютъ, какъ надо быть осторожнымъ, дабы не сваливать на другихъ свою собственную вину.

Такъ во первыхъ г. Григорьевъ, приводя замѣтку автора „Della Pratica della Mercatura“, что изъ Таны въ Астрахань надо было ѣхать 25 дней, не замѣтилъ, что онъ тутъ же прибавляетъ „di cargo di buoi“, т. е. на волахъ, но что на лошадяхъ можно было совершить это путешествіе въ 10—12 дней, „e con cargo di cavallo pure da 10 in 12 giornate“. И такъ оказывается, что самъ Пеголотти едва ли не согласился бы съ нами въ возможности совершить это путешествіе въ столь короткое время, какъ слышалъ Контарини.

Если же послѣдній полагалъ, что городъ Астрахань находился въ 75 миляхъ отъ устья Волги, тогда какъ эта рѣка, по Барбаро, впадала въ море въ 25 только миляхъ отъ города, то, при всемъ различіи этихъ указаній, мы еще не имѣемъ право объявить, что они, или по крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, было записано на угадъ. Обвиняя посланниковъ венеціанскихъ, которые въ одно время были на Востокѣ и даже тамъ встрѣтились, въ подобной небрежности, предосудительной въ особенности со стороны дипломатовъ республики св. Марка, нашъ почтенный профессоръ обязанъ былъ предварительно доказать, что они имѣли въ виду *одинъ и тотъ же* изъ многочисленныхъ протоковъ Волги, изливающихся въ море въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Астрахани, какъ это бываетъ и теперь. Такъ напр. по Мюллеру (*Der Ugrische Volksstamm*, II, 237) разстояніе этого города, который лежитъ въ 7 верстахъ *ниже* Старой Астрахани, отъ морскаго берега составляетъ около 30 верстъ, тогда какъ оно превышаетъ 80 верстъ для плавающего по западному, главному изъ рукавовъ рѣки, число и величина которыхъ притомъ часто измѣняется (см. Березинъ, Путеш. по Дагестану и проч., изд. 2 р. 9; ср. „Списки населенн. мѣстъ и проч. I и V, гдѣ между прочимъ сказано, что Ахтуба прежде впадала прямо въ Каспійское море).

Почему же не допустить, что венеціанскіе сановники опредѣлили разстояніе Астрахани отъ моря по различнымъ рукавамъ рѣки; по крайней мѣрѣ мы, въ этомъ предположеніи, могли бы указанія ихъ согласовать какъ между собою, такъ и съ дѣйствительностью, безъ надобности усомниться въ добросовѣстности или въ правдивости ихъ свидѣтельства.

Что касается наконецъ замѣтки Иосафата Барбаро, пробывшаго, съ 1436 года, цѣлыхъ 16 лѣтъ въ важномъ тогда по своимъ торговымъ оборотамъ городѣ Танѣ (Азовѣ), о близости Астрахани отъ Московіи, то ясно, что онъ подъ словами „il Moscho terra di Rossia“ (Семеновъ, Библиот. иностр. писат. о Россіи, I, 95) разумѣлъ не „Москву столицу Россіи“, какъ переводитъ г. Семеновъ (р. 57), но владѣнія великаго князя Московскаго, которыя въ его время († 1481) простирались вплоть до Волги по крайней мѣрѣ до того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ Черемшанъ, тогда какъ русскіе промышленники проникали до Астрахани (Бѣляевъ, въ Зап. И. Р. Геогр. Общ. VI, 233), куда, по Барбаро, каждый годъ „quelli del Moscho“ отправляли суда свои за солью. Безъ сомнѣнія суда эти принадлежали не однимъ только гражданамъ Бѣлокаменной, но вообще Великороссіанамъ, которые симъ путемъ не боялись отправляться съ товарами и на заработки въ Грузію и въ Персію, не смотря на препятствія, ими при этомъ не рѣдко встрѣчаемыя со стороны хищныхъ и алчныхъ Татаръ (см. Срезневскій, Хоженіе за три моря А. Никитина, въ Учен. Зап. И. А. Наукъ, II, отд. III, 258).

Впрочемъ не одна только торговая предприимчивость побуждала и Русскихъ посѣщать владѣнія своихъ приволжскихъ сосѣдей. Такъ Вятчане въ 1471 году, пользуясь отсутствіемъ хана Ахмата, проникли до его столицы Сарая, и еще столѣтіемъ прежде Новгородцы приплыли даже въ Астрахань, приставши предварительно къ Сарая и ограбивши по дорогѣ всѣхъ встрѣчающихся гостей.

Безъ сомнѣнія г. Григорьевъ совершенно правъ, утверждая, что этотъ Сарай могъ только находиться въ мѣстности, занимаемой нынѣ Царевымъ и здѣсь поэтому мы должны искать слѣдовъ того города Сарая, который былъ взятъ Тамерланомъ въ 1395 году. По Арабшаху (Vita Timuri I, 380, 381) эта катастрофа постигла городъ въ 63 году его существованія; ниже (р. 382, 383) тотъ же авторъ приписываетъ основаніе того же города Берке-хану, можетъ быть потому, что смѣшалъ его съ древнѣйшимъ городомъ Сараемъ. По крайней мѣрѣ, если только мы могли бы считать достовѣрнымъ приведенное хронологическое указаніе біографа Тимура, мнѣ доступное только по цитатамъ у Шармуа (Exréd. de Timoûr-i-lenk, въ Mém. de l'Ac. des Sc. de S. P. III, 158), то оказалось бы, что взятый Тимуромъ городъ Сарай былъ основанъ въ 1334 году, стало быть около 80 лѣтъ послѣ времени Рубруквиса, въ царствованіе Узбека, но уже по выѣздѣ Ибнъ-Батуты изъ его резиденціи. Безъ сомнѣнія они также находились бы, не въ Джигитѣ, но въ Царевѣ, если бы, какъ думаетъ г. Григорьевъ, встрѣчающееся на ханскихъ

монетахъ названіе „Новый Сарай“, означало не городъ или „пригородъ стараго Сарая“, а дворець „внутри или въ предмѣстіяхъ его“.

Въ пользу мнѣнія, что въ Золотоордынскомъ ханствѣ былъ (за исключеніемъ Багчесарая въ Крыму) *одинъ только городъ Сарай*, г. Григорьевъ, ссылаясь на развалины, которыя понынѣ сохранились въ Царево-Подахъ и свидѣтельствуютъ, что тамъ нѣкогда долженъ былъ находиться большой городъ, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что, по его мнѣнію, слѣды не менѣ замѣчательныхъ развалинъ, видѣнныхъ, между прочимъ, Палласомъ въ урочищѣ Джигитѣ, „не обнаруживаютъ собою существованія какого-либо города, но ведутъ скорѣе къ заключенію, что тутъ было огромное кладбище“ (I. I. X, 31).

Рѣшеніе вопроса, въ какой степени справедливость подобнаго воззрѣнія подтверждается характеромъ памятниковъ старины, сохранившихся въ этой мѣстности, я долженъ предоставить лицамъ, которымъ посчастливилось ихъ осмотрѣть. Поелику же изъ статьи г. Григорьева явствуетъ, что онъ въ этомъ случаѣ едва ли говоритъ какъ очевидецъ, то я не считаю неумѣстнымъ здѣсь же замѣтить, что ео взглядомъ его трудно согласовать слѣдующій отрывокъ изъ указателя на содержаніе рукописи подъ заглавіемъ: Этнографическія свѣдѣнія, собранныя въ Астраханской губерніи и епархіи (Опис. рукоп. ученаго архива, въ Изв. Русск. Геогр. Общ. 1875, вып. I, р. 9).

...„Селитренное (Енотаевского уѣзда).... село, стоитъ на мѣстѣ Сарая Золотой Орды; остатки строеній, въ землѣ: деньги, кувшины, мозаика, краски не измѣнились. Башня ханскаго дворца. Народъ говоритъ, что городъ за грѣхи засыпанъ“.

Если только эта замѣтка не лишена всякаго основанія, то кажется, что въ урочищѣ Джигитѣ хоронились не только подданные хановъ, но что и послѣдніе сами, пока еще были въ живыхъ (резиденція усопшихъ былъ Сарайчикъ), обитали первоначально въ этой мѣстности, гдѣ, по сему самому, Ибнъ Батута могъ застать Узбека вмѣстѣ съ его сыновьями Тинибекомъ и Джанибекомъ, хотя каждый изъ нихъ тогда уже имѣлъ свой „*camp séparé*“ (V. d'Ibn. Batoutah, II, 397). Легко могло статься, что меньшій братъ тогда уже обиталъ въ Царевѣ и по крайней мѣрѣ, что онъ перевелъ свою резиденцію туда послѣ краткаго царствованія убитаго имъ Тинибека, вступившаго на престолъ по смерти отца въ 1341 году.

Иначе трудно себѣ объяснить, почему въ Царевѣ именно сохранилась память Джанибека (Müller, I. I. II, 568 и сл.) и почему до сихъ поръ вовсе не встрѣчалось Узбековыхъ монетъ, битыхъ въ *Новомъ-Сараѣ*, между тѣмъ какъ этотъ недостатокъ заставляетъ насъ усомниться въ томъ, что городъ этотъ или, пожалуй, дворець уже существовалъ при преемникѣ Узбека Тохтогу-ханѣ, какъ утверждаетъ г. Григорьевъ (р. 20) на основаніи монеты, битой въ *Новомъ-Сараѣ* въ 1310—11 году. Но, не говоря о томъ, что имени хана, какъ обыкновенно, на этой монетѣ недостаетъ, и что годъ на ней отмѣченъ не буквами, но числами, можно подозрѣвать ошибочное чтеніе отмѣченнаго на ней года

уже по той причинѣ, что, кромѣ этой монеты, въ большомъ числѣ монетъ уже извѣстныхъ изъ царствованія Тохтагу, нѣтъ ни одной, которая была бы бита въ Новомъ Сараѣ.

Даже въ такомъ случаѣ, что „новый“ ханскій дворецъ уже существовалъ въ Царевѣ при Тохтагу, я не вижу, почему главный городъ Орды не могъ по прежнему находиться въ урочищѣ Джигитѣ по крайней мѣрѣ до временъ Джанибека, (Jambesch'a карты карты каталанской). Что при немъ резиденція уже была переведена въ Царевъ, можно также заключить изъ мѣста, гдѣ, на этой картѣ изображенъ городъ съ припискою: *ciutat de ssaga*, тогда какъ *civitas regia de Ssagay* у братьевъ Пицигани, какъ выше было замѣчено, еще совпадала, по своему мѣстоположенію, съ засыпаннымъ за грѣхи городомъ. Можетъ быть въ этомъ преданіи скрывается намекъ на чуму, которая въ 1346 году свирѣпствовала въ разныхъ городахъ Орды: въ Астрахани, Бездежѣ (Бундосѣ, по монаху Юліану, см. З. Одесск. Общ. Ист. V—mondasi компасовыхъ картъ) и Сараѣ, откуда занесена была въ Тану, гдѣ истребила ⁴¹/₅ населенія. Это бѣдствіе могло побудить жителей Сарая, уже не заслужившаго своего прозвища: „богохранимаго“, переселиться въ возникшій между тѣмъ, далеко отъ караваннаго пути, Новый въ Царево-Подахъ, откуда за тѣмъ отчасти только возвратились на прежнее жилище, не перестававшее существовать при Джанибекѣ и его преемникахъ, такъ какъ на ихъ монетахъ имя Сарая встречается, хотя рѣже чѣмъ Новый Сарай. Что дѣйствительно около половины XV столѣтія были извѣстны два Сарая на Ахтубѣ, въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго, видно изъ карты Венеціанца Фра Мавро. Городъ, отмѣченный въ ней около устья этого рукава Волги, названъ просто Сарай; другой же, около мѣста, гдѣ тотъ же рукавъ отдѣляется отъ главной рѣки, для различенія отъ перваго города, означаетъ уже не туземнымъ его названіемъ „Новаго-Сарая“, но русскимъ его прозвищемъ „Большаго“ или „Великаго“, *Sagay Grando*. Подобная передача названія города не удивитъ насъ со стороны знаменитаго картографа, который, въ предисловіи къ своему труду (Матер. для Ист. Геогр. Атласа Россіи, V, 71 р. V) говоритъ: „я все время старался провѣрить описаніе опытомъ, занимаясь многіе годы и сообщаясь съ людьми, достойными вѣры, видѣвшими собственными глазами то, что я правдиво указываю“.

Безъ сомнѣнія къ числу добросовѣстныхъ очевидцевъ, съ которыми Фра Мавро, въ родинѣ своей, могъ бесѣдовать о Сараѣ, принадлежали скорѣе Русскіе, чѣмъ Татары.

Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ.

Рефератъ Н. Я. Аристова.

Народъ строго вель свою неписьменную исторію: дѣды и отцы передавали своимъ внукамъ и дѣтямъ рассказы о минувшихъ дняхъ, откликаясь по своему возрѣнію на каждое замѣчательное событіе и характеризуя выдающіяся личности. Эта незанесенная въ памятники исторія стѣдитъ глубокаго изученія образованныхъ людей. Если угодно, часть ея проскальзывала и въ лѣтописи, и въ житія святыхъ и въ другіе письменные памятники старины русской. Но эти преданія по кускамъ разсѣяны въ многочисленныхъ изданіяхъ и не обслѣдованы критически; въ добавокъ, кромѣ изданныхъ преданій въ памятникяхъ и отдѣльно, много ихъ доселѣ хранится въ устахъ народа и нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ столько же, если не болѣе, вниманія, сколько и записанныя. Я имѣлъ случай собрать нѣсколько народныхъ преданій о русскихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, и теперь остановлю ваше вниманіе только на рассказахъ изъ времени царствованія Іоанна IV, такъ какъ они во многомъ дополняютъ историческія пѣсни.

1. Воцареніе Грознаго¹⁾.

Однажды случилось, по волѣ Божіей, что не стало на Москвѣ царя. Собрались бояре, духовенство и народъ православный, стали думать и гадать, кого посадить на царство. Много думали и, по совѣту одного юродиваго, рѣшили предоставить избраніе земнаго владыки матушкѣ царикѣ небесной. Купили пудовую свѣчу, поставили ее передъ иконою Богородицы, что надъ Варварскими воротами, въ чаяніи, что свѣча зажжется сама при проходѣ или проѣздѣ въ ворота того человѣка, котораго Господу угодно

¹⁾ Этотъ рассказъ записанъ Симбирской губ. въ с. Скрыпинѣ.

будеть опредѣлить въ Московскіе цари. Начали служить по всѣмъ церквамъ обѣдни съ молебнами, наложили постъ, чтобы Богъ показалъ свою чудесную милость въ избраніи, — и оповѣстили все государство, чтобы шель и ѣхаль въ Москву старъ и младъ чловѣкъ всякаго чину. Народъ валма-повалилъ: каждый думаль про себя, авось Господь не покинетъ и меня грѣшнаго... Прослыналь объ этомъ одинъ генераль, который былъ люте до людей; велѣль онъ заложить тройку и поѣхаль въ Москву. Сильно хотѣлось ему быть царемъ; дорогою сидеть онъ въ коляскѣ и разговорился съ своимъ кучеромъ: „Ну, будь счастливъ, Иванъ, и моли Бога, чтобы надо мной свѣча зажглась! Какъ только сдѣлаюсь Московскимъ царемъ, тотчасъ пожалую тебя прямо въ генералы“... А кучеръ обернулся къ нему и молвилъ на отвѣтъ: „Въ случаѣ же, если Богъ доведетъ, я сдѣлаюсь царемъ, тогда сейчасъ прикажу тебя повѣсить!“... Вотъ подѣхали они къ Москвѣ; всталъ генераль и прошелъ подъ Варварскія ворота, — ничего не отродилось... Подѣхаль за нимъ кучеръ на тройкѣ, сидеть на козлахъ, — вдругъ кони въ пень стали подъ воротами — и ни съ мѣста, а надъ нимъ загорѣлась свѣча и издала многосіянный свѣтъ... Тотчасъ подхватилъ народъ подъ руки кучера Ивана и посадилъ на Московское царство; новыи царь первымъ дѣломъ отдалъ приказъ — вѣсить того генерала, у котораго онъ находился въ услуженіи. Съ тѣхъ поръ и стали называть Ивана *грозынымъ царемъ*.

2. Расправа съ боярами¹⁾.

Когда на Москвѣ былъ царемъ Иванъ Грозный, онъ хотѣлъ дѣлать всѣ дѣла по закону христіанскому, а бояре гнули все по своему, перечили ему и лгали. И стала народу тягота великая, и началъ онъ клясть царя за неправды боярскія, а царь совѣмъ и не зналъ о всѣхъ ихъ утѣсненіяхъ. Насмѣлились тогда разные ходоки, пришли въ Москву и рассказали царю, какъ ослушаются его князи-бояре, какъ разоряютъ людей православныхъ, а сами грабятъ казну многую и похваляются самага царя извѣсть. Разозлился тогда царь на бояръ и велѣль виноватыхъ казнить и вѣшать; тогда бояре совѣмъ перестали его слушаться и начали его ссылатъ изъ царства вонъ неволею. Какъ ни грозенъ былъ царь, а убоился бояръ, и выѣхаль съ горемъ изъ дворца своего, попрощался съ народомъ и отправился, куда глаза глядятъ; всѣ его покинули, только одинъ любимый его бояринъ поѣхаль съ нимъ вмѣстѣ. Долго ли, коротко ли ѣхали они по лѣсу, — и встосковался царь по своему царству, и молвилъ своему боярину: „Вотъ Богъ избралъ меня на Московское царство, а я сталъ хуже послѣдняго раба; нигдѣ нѣтъ мнѣ пристанища, никто меня не пожалѣетъ и куска хлѣба взять негдѣ“. Только

¹⁾ Слѣдующіе четыре разсказа записаны въ с. Стеньшинѣ Липецкаго у. Тамбовской губ. со словъ крестьянина столѣтняго Ивана Климова, по прозванію *Шувай*.

смотря на лѣсъ, а березка кудрявая стоитъ впереди нихъ и кланяется царю; поклонилась низко разъ, другой и третій... Не утерпѣлъ тогда царь, заплакалъ и сказалъ своему боярину, указывая на березку: „Смотри, вотъ безчувственная тварь, и та мнѣ покланяется, какъ царю, отъ Бога поставленному; а бояре считаютъ себя разумными— и не хотятъ знать моей власти... Стой! поѣдемъ назадъ; проучу же я ихъ и заставлю мнѣ повиноваться“...—И велѣлъ царь той березкѣ повѣсить золотую медаль на сукъ за ея почтеніе; а когда вернулся въ Москву, то перекурили бояръ, словно мухъ.

3. Наказаніе рѣки Волги.

Стала одолевать невѣрная сила народъ христіанскій, и собрался войной на враговъ самъ царь Иванъ Грозный; повелъ онъ за собой рать-силу большую. Надо было переправлять ополченіе за рѣку Волгу. Сперва переѣхалъ на тотъ берегъ царь съ вельможами и сталъ дожидать переправы воинства. Посажались солдаты на струга и лодки и отхлынули отъ берега; вдругъ Волга начала бурлить и пошли по ней валы за валами страшные; лодки мечутся изъ стороны въ сторону, летаютъ какъ пухъ... Видитъ Грозный царь съ берега, того и гляди, что перетопить все его воинство,—и крикнулъ онъ громкимъ голосомъ: „Не дури, рѣка, присмирѣй, а то худо будетъ!“ Не унималась Волга и заволновалась пуще прежняго. „Палача сюда подать!“ крикнулъ царь, „вотъ я тебя проучу!“ Пришелъ палачъ, мужчина здоровенный,—и велѣлъ ему царь сѣчь рѣку кнутомъ, чтобы она не бунтовала противъ царской рати. Взялъ кнутъ палачъ, засучилъ рукава красной рубахи, разбѣжался да какъ свиснетъ по Волгѣ,—вдругъ кровь изъ воды на аршинъ вверхъ брызнула, и легъ на водѣ кровавый рубецъ въ палецъ толщиной. Потихе пошли волны на рѣкѣ; а царь кричитъ: „Не жалѣй, валяй крѣпче!“ Разбѣжался палачъ дальше прежняго и хватилъ сильнѣе: кровь брызнула еще выше и рубецъ легъ толще; Волга утихила больше прежняго. Постѣ третьяго удара, который палачъ отвѣсилъ изо всей мочи, кровь махнула на три аршина и рубецъ оказался пальца на три толщины,—совсѣмъ присмирѣла тогда Волга. „Довольно,—сказалъ Грозный царь,—вотъ какъ васъ надо проучивать!“ Постѣ того, благополучно переправилось черезъ рѣку все войско и ни одинъ солдатикъ не утонулъ, хотя много приняли страху. И теперь, говорить, на томъ мѣстѣ, гдѣ была переправа, выдають на Волгѣ три кровавые рубца, особливо лѣтнимъ вечеромъ, если взглянешь противъ солнца, когда оно закатывается за горы.

4. Сороки — вѣдьмы.

Когда царемъ въ Москвѣ былъ Иванъ Васильевичъ Грозный, то на Русской землѣ расплодилось всякой нечести и безбожія многое множество. Долго горевалъ благочести-

вый царь о погибели народа христіанскаго и задумалъ наконецъ извести нечистыхъ людей на этомъ свѣтѣ, чтобы меньше было зла, уничтожить колдуньевъ и вѣдьмъ. Разослалъ онъ гонцовъ по царству съ грамотами, чтобы не таили православные и высылали спѣшно къ Москвѣ, гдѣ есть вѣдьмы и переметчицы. По этому царскому наказу, навезли со всѣхъ сторонъ старыхъ бабъ и разсадили ихъ по крѣпостямъ, съ строгимъ карауломъ, чтобы не ушли. Тогда царь отдалъ приказъ, чтобы всѣхъ привели на площадь; собрались онѣ въ большомъ числѣ, стали въ кучку, другъ на дружку переглядываются и улыбаются. Вышелъ самъ царь на площадь и велѣлъ обложить всѣхъ вѣдьмъ соломой; когда навезли соломы и обложили кругомъ, онъ приказалъ запалить со всѣхъ сторонъ, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси, на своихъ глазахъ. Охватило полымя вѣдьмъ,—и онѣ подняли визгъ, крикъ и мяуканье; поднялся густой черный столбъ дыма, и полетѣли изъ него сороки, одна за другою—видимо-невидимо... Значить, всѣ вѣдьмы—перемѣтчицы обернулись въ сорокъ и улетѣли и обманули царя въ глаза. Разгнѣвался тогда Грозный царь и послалъ имъ въ слѣдъ проклятіе: „чтобы, вамъ, говорить, отнынѣ и довѣку оставаться сороками!“ Такъ всѣ онѣ и теперь летаютъ сороками, питаются мясомъ и сырыми яйцами; до сихъ поръ боятся онѣ царскаго проклятія пуще остраго ножа; потому ни одна сорока никогда не долѣтаетъ до Москвы ближе 60 верстъ вокругъ.

5. Жидовская ермолка.

Однажды пріѣхалъ въ Москву торговецъ изъ чужихъ земель, породю жидъ; привезъ онъ товары многоцѣнные. Услышалъ объ этомъ царь Иванъ Васильевичъ и захотѣлъ самъ посмотрѣть и узнать, что за человекъ такой купецъ, какіе у него заморскіе товары, и кстаті желалъ побесѣдовать съ нимъ о вѣрѣ. Привели жидъ въ царскій дворецъ; разложилъ онъ привезенные товары и думалъ получить отъ царя и его придворныхъ большіе барыши. Вышелъ царь, пристально оглядѣлъ жидъ, медленно осмотрѣлъ всѣ товары; потомъ подошелъ къ торговцу и строго спросилъ его: „Отъ чего ты передъ русскимъ царемъ, у него же и въ палатахъ, не ломаешь своей шапки?“ А жидъ былъ, какъ и всегда, въ ермолкѣ.

—Наша вѣра, говорилъ еврей кланаясь, запрещаетъ намъ обнажать голову.—

„Чтожь эта за вѣра такая? Неужели вы и за обѣдъ садитесь въ шапкѣ?“

—Какъ же, обѣдаемъ въ шапкѣ.—

„А спать ложитесь тоже въ шапкѣ?“

—Да, и спимъ въ шапкѣ.—

„Такъ вы, чего добраго, и Богу молитесь ужъ не въ шапкѣ ли?“

—И Богу молимся въ шапкѣ.—

„Тыфу ты пропасть, закричалъ царь, какая проклятая вѣра! Прибейте ему большимъ гвоздемъ къ макушкѣ его шапку, чтобы онъ съ нею никогда не разставался!..“

Отдалъ царь такой приказъ—и тотчасъ вышелъ вонъ, въ полной увѣренности, что его приказъ будетъ исполненъ въ точности ¹⁾.

Смысль этихъ разсказовъ будетъ понятенъ, если мы вникнемъ въ черты того идеала царя, который создалъ великорусскій народъ издавна и въ которомъ доселѣ не исчезли еще черты миѳическаго міросозерцанія. Самое избраніе его не иначе происходитъ, какъ по божественному водительство, окружено таинственностью и чудесами. Его сила похожа на силу древняго богатыря: онъ обладаетъ необычайной прозорливостью, смиряетъ грозныя стихіи и ему поклоняется неодушевленная природа. Идеаль царя въ глазахъ народа необыкновенно высокъ; его признаютъ единственнымъ благодѣтелемъ низшихъ классовъ и бѣдняковъ. Все, что тяжело ложится на народъ, всѣ крутыя мѣры онъ считаетъ злоупотребленіемъ со стороны боярской власти, темными кознями лицъ, стоящихъ у трона, о чемъ царю неизвѣстно. Поэтому и теперь въ обычай у крестьянъ—посылать ходяковъ своихъ въ столицы, чтобы лично переговорить съ царемъ о своихъ нуждахъ и притѣсненіяхъ. Задача дѣятельности царской, по взгляду народному, состоитъ въ очищеніи земли русской отъ злоупотребленій враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, ограждать царство отъ вліянія злыхъ волшебниковъ и отъ вреда, приносимаго иностранцами, въ родѣ евреевъ. Въ этомъ случаѣ онъ можетъ прибѣгать къ жестокимъ средствамъ, не долженъ жалѣть ни огня, ни меча, если потребуютъ того обстоятельства. Личность Ивана Васильевича Грознаго потому и останавливала вниманіе народа, что въ немъ воплотились многія черты народнаго идеала, была нравственная сторона, отвѣчающая воззрѣніямъ и симпатіямъ народа. Толпы его опричниковъ и худородныхъ окружающихъ лицъ,—его стремленія опереться на народъ и преслѣдованія бояръ,—желаніе дать льготы народу—все это возбуждало народную думу, отразилось и въ пѣсняхъ и въ преданіяхъ.

Взглядъ на демократическое происхожденіе Грознаго весьма характеристиченъ и имѣетъ историческое значеніе. Извѣстно, какъ народъ вскорѣ по смерти Грознаго хотѣлъ осуществить на практикѣ эту идею и стремился дѣйствительно поставить царемъ московскимъ или атамана козацкаго или атамана разбойниковъ, въ родѣ Тушинскаго вора. Самозванцы, эти демократическіе государи, окружены были всегда толпой народа, пользовались большою популярностью, хотя отличались рѣдкой жестокостью. Преданіе о выѣздѣ изъ Москвы Грознаго отъ возней боярскихъ составляетъ воспоминаніе объ

¹⁾ Считаю необходимымъ замѣтить, что сущность этихъ разсказовъ передана точно, но отгѣнки языка не могли быть удержаны по понятнымъ причинамъ.

учрежденіи опричнины; а преданіе о преслѣдованіи имъ волхвованія и вѣдмъ совершенно вѣрно исторически. Въ стоглавѣ и въ указѣ 1552 г. означено, какъ Иванъ Васильевичъ вооружался противъ безчинниковъ и волхвовъ. Преданіе о жидовской ермолкѣ отлично выражаетъ взглядъ и отношеніе его къ евреямъ: когда поляки настаивали, чтобы Евреямъ позволено было пріѣзжать въ Москву для торговли, то Грозный отвѣчалъ, что имъ разрѣшено было однажды торговать, но они привезли въ Москву злые товары и отравы на продажу,—и теперь имъ ѣздить не позволимъ. По завоеваніи Полоцка русскими, царь узналъ, что тамъ много живетъ евреевъ; онъ приказалъ имъ принять христіанскую вѣру, а кто не захотѣлъ креститься, тѣхъ велѣлъ бросать въ рѣку.

Цѣль моя, впрочемъ, состоитъ не въ объясненіи только приведенныхъ разсказовъ, а въ желаніи обратить особенное вниманіе на народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Собранныя въ одно цѣлое онѣ составляютъ самыя замѣчательныя страницы исторіи русской литературы и объясняютъ многое въ историческихъ пѣсняхъ и другихъ поэтическихъ памятникахъ народнаго творчества. Преданіе можетъ служить подспорьемъ и для историка дѣйствительной жизни, а не идеаловъ только, заставляя его цѣнить по достоинству и понимать участіе народа въ минувшихъ судьбахъ, уровень его развитія, взглядовъ и направленіе стремленій и симпатій. Изъ преданій о Батыѣ и Мамая, пожалуй, выяснятся скрытыя исторіей причины завоеванія Россіи и тайна сверженія ига татаръ; по разсказамъ о полякахъ разгадаемъ отличительныя особенности русскаго народа въ сравненіи съ тѣми и силу преобладанія нашихъ предковъ надъ ними. Многочисленныя преданія о казакахъ и разбойникахъ выясняютъ намъ, какую выгодную службу выполнили эти бездомные гуляки, спасая московскій народъ отъ порабощающаго деспотизма боярскаго, оберегая его отъ хлопства, подобнаго польскому. Преданія о Петрѣ III помогли бы уразумѣть, какъ народъ смотрѣлъ на преобразованія и кончину этого императора, откуда возникло убѣжденіе нѣкоторыхъ сектантовъ, будто онъ доселѣ живъ и явится въ качествѣ искупителя на судъ. Преданія раскольниковъ весьма важны, такъ какъ онѣ нерѣдко выясняютъ жизненныя стороны отличительнаго и записаннаго ихъ вѣрованія. Вообще религіозныя преданія, какъ произведенія, вылившіяся изъ глубины народнаго духа, отражаютъ состояніе и направленіе его созерцаній, свидѣлствуютъ о томъ, что занимало его въ извѣстное время, на чемъ онъ сосредоточивалъ свои думы и чувства. Эти разсказы не только содѣйствуютъ разъясненію исторической судьбы русскаго народа; но помогли бы разгадать отличительныя особенности вѣрованій его, сравнительно съ вѣрованіями другихъ народовъ. Изустныя сказанія о чудотворныхъ иконахъ составляютъ первообразныя повѣсти, записанныхъ впоследствии легендъ. Эти преданія доселѣ возбуждаютъ религіозную жизнь цѣлыхъ мѣстностей, и населеніе идетъ за сотни и тысячи верстъ на поклоненіе святынь, съ которой связаны для него воспоминанія иногда историческія, дорогія по обстоятельствамъ извѣстнаго края. Такое же значеніе

имѣютъ преданія о святыхъ покровителяхъ и защитникахъ мѣстныхъ, о патрональныхъ храмахъ, чудесныхъ ключахъ и святыхъ горахъ и проч.

Занесенное изъ одной области въ другую, преданіе, какъ результатъ областной дѣятельности думы и фантазіи, отражаетъ слѣды духовной настроенности населенія въ другомъ краю, принимаетъ новые оттѣнки, черты и краски, сообразно съ духомъ и характеромъ населенія. Поэтому безъ изученія мѣстныхъ преданій долго не удастся возстановить особенности областной литературы и выяснить отличительныя черты бытовой жизни извѣстнаго края. Преданія о мѣстныхъ властяхъ и боярахъ, отличавшихся или жестокостями или сердоболіемъ, о дѣтеляхъ, вышедшихъ изъ народа и прославившихся полезными или вредными отношеніями къ своимъ землякамъ, займутъ видное мѣсто въ картинѣ мѣстныхъ нравовъ и въ общей характеристикѣ жизни русскаго народа. Преданіе выведетъ живыми на свѣтъ божій такіа лица и событія, отъ которыхъ въ историческихъ документахъ остаются однѣ имена (*наприм.* „*Перепетово поле*“).—Путемъ изученія преданій мы воскресимъ поэтическую сторону многихъ лицъ и событій минувшаго, возстановимъ образы и чувства нашихъ предковъ, опредѣлимъ, какія художественныя картины и краски любимы народомъ, къ чему лежитъ его вкусъ и склонности. Все это поможетъ выяснить отличительныя особенности русскаго искусства, которое должно же быть когда-либо самостоятельнымъ.

Широкое значеніе народныхъ преданій, занесенныхъ въ письменные памятники старины, скоро выяснитъ какой-либо ученый изслѣдователь. Наше дѣло—обратить серьезное вниманіе на записываніе преданій въ разныхъ углахъ Россіи, на указаніе, гдѣ онѣ напечатаны, и составить по возможности полный сборникъ, чтобы шла удачнѣе дальнѣйшая работа и не тратились попусту силы на отысканіе ихъ. Иначе эта неписанная исторія скоро можетъ замѣниться писанной и печатной, въ родѣ „Исторіи о храбромъ рыцарѣ Францѣ Венечіанѣ“,—и мы напрасно будемъ искать черезъ десятокъ лѣтъ величавые идеалы русскаго народа и воззрѣнія его на историческія лица и событія жизни нашихъ предковъ.

ДРЕВНѢЙШЕЕ АРАБСКОЕ ИЗВѢСТІЕ О КІЕВѢ.

Рефератъ А. Я. Гаркави.

Прошло уже слишкомъ полстолѣтія съ того времени, какъ Х. М. Френъ, основатель русскаго ориентализма, собралъ нѣсколько показаній арабскихъ авторовъ о Кіевѣ. Съ тѣхъ поръ количество матеріаловъ по сему предмету значительно увеличилось, такъ что попытка новаго обзрѣнія этихъ матеріаловъ не должна считаться излишней, тѣмъ болѣе, что такое обзрѣніе, какъ надѣмся, дастъ возможность объяснить нѣкоторыя свидѣтельства о Кіевѣ и Кіевлянахъ, каковыя свидѣтельства до сихъ поръ не были поняты. Притомъ же въ началѣ 20-хъ годовъ, когда академикъ Френъ написалъ статью свою о Кіевѣ, состояніе изученія арабской исторіи литературы было таково, что нельзя было и думать о настоящей критикѣ восточныхъ извѣстій,—указать на первоначальные ихъ источники и послѣдующія прибавленія, убавленія и чаще всего искаженія. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что даже нынѣ, послѣ обнародованія многихъ относительно древнѣйшихъ арабскихъ авторовъ, очищеніе текста и ближайшая критика въ возстановленіи вѣрныхъ чтеній, задаютъ ориенталисту столько работы, что ему зачастую некогда думать о высшей критикѣ. Оттого-то, надобно признаться, въ области восточной науки, гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ областяхъ науки встрѣчаются труды запоздалые и стоящіе ниже уровня общеевропейской науки. Одно великое, весьма часто непреодолимое затрудненіе, какъ я уже имѣлъ случай высказаться въ моемъ *сборникѣ восточныхъ сказаній о Славянахъ и Русскихъ* представляетъ то обстоятельство, что первоначальные арабскіе источники восходящіе до VIII, IX и X столѣтій, во многихъ случаяхъ до насъ не дошли, а сохранились только плохія передѣлки и сокращенія позднѣйшихъ временъ. Посему главная задача ориенталиста, разбирающаго географическія и этнографическія данныя восточныхъ писателей, въ настоящее время должна состоять въ стараніи по возможности добратся

до первоначальныхъ источниковъ, найти начальную форму сказаній и генетически прослѣдить ихъ видоизмѣненія у позднѣйшихъ писателей. Я долженъ замѣтить, что каждый разъ какъ только такой процессъ оказывается возможнымъ, то онъ всегда ведетъ къ полному оправданію восточныхъ извѣстій и доказываетъ, что извѣстія эти нисколько не стоятъ ниже современныхъ имъ западныхъ извѣстій, а иногда даже превосходятъ послѣднія. Нашъ археологическій съѣздъ имѣетъ такое обширное поле для своей научной дѣятельности, столь много разнообразныхъ вопросовъ для рѣшенія и столько задачъ для выполненія, что ориентализму могло быть отведено только весьма скромное мѣсто. Посему я не могу сообщить въ засѣданіяхъ съѣзда разборъ всѣхъ арабскихъ извѣстій о Кіевѣ, ибо это заняло-бы нѣсколько засѣданій. Въ настоящемъ чтеніи я буду имѣть честь изложить предъ вами, мм. гг., разборъ одного только, по моему мнѣнію, древнѣйшаго арабскаго сказанія, гдѣ идетъ рѣчь также о Кіевѣ, при чемъ ярко выступаютъ польза и вѣрность вышеупомянутаго аналитическаго способа въ приложеніи къ арабскимъ извѣстіямъ.

Первое по времени арабское показаніе относится къ концу IX или началу X вѣка. Мы говоримъ объ извѣстномъ сказаніи о раздѣленіи русскихъ на три племени. Уже въ моихъ „дополненіяхъ къ сказаніямъ мусульманскихъ писателей“, я высказалъ предположеніе, что первоначальнымъ источникомъ этого извѣстія слѣдуетъ считать сочиненіе саманидскаго визира Абу-Абдаллаха (или Абуль-Касима) Мухаммеда Ибнъ-Ахмеда Аль-Джайгани подъ заглавіемъ: „*Книга путей для познанія государствъ*“, которое до насъ не дошло и извѣстно только по ссылкамъ на него позднѣйшихъ писателей. Предположеніе это вполне подтвердилось и нынѣшнимъ лѣтомъ изданъ академикомъ Дорномъ отрывокъ изъ персидскаго перевода книги Джайгани, находящагося въ British Museum. Къ сожалѣнію г. Дорнъ, не подозрѣвая значенія этого отрывка, представилъ только нѣмецкій его переводъ, а не оригиналъ. Когда Джайгани написалъ свое географическое сочиненіе—въ точности неизвѣстно, но мы знаемъ только, что онъ составилъ его во время своего визирата у саманидскихъ владѣтелей Хорасана, Измаила, Ахмеда и Насра; что онъ умеръ не докончивъ своего сочиненія, что Абу-Бекръ Ахмедъ Ибнъ Мухаммедъ Гамадани (или Ибнъ-Факихъ) составилъ уже въ первой половинѣ X вѣка сокращеніе этого сочиненія, каковое сокращеніе до насъ также не дошло; что Джайгани пользовался своимъ высочимъ положеніемъ визира, чтобы добиться свѣденій о различныхъ странахъ, преимущественно о сосѣднихъ краяхъ, что онъ собиралъ изъ устъ путешественниковъ и иностранныхъ гостей извѣстія объ ихъ родинѣ и, сличивъ эти извѣстія съ данными своихъ предшественниковъ по географіи, включалъ ихъ въ свое сочиненіе, которое превосходило богатствомъ содержанія всѣ подобныя труды предшественниковъ. Такъ какъ огромное количество саманидскихъ монетъ, найденныхъ и находимыхъ въ Россіи, краснорѣчиво говоритъ о живыхъ торговыхъ сношеніяхъ древней Россіи съ владѣніями

саманидскихъ эмировъ, у которыхъ Джайгани былъ визиремъ, то весьма естественно, что этотъ любознательный сановникъ между прочими иностранными гостями спрашивалъ и древнихъ Руссовъ объ ихъ родинѣ. Послѣ этой предварительной замѣтки перейдемъ въ самому показанію Джайгани и прослѣдимъ его у всѣхъ его копистовъ и искажителей.

Мы должны, конечно, начать съ самаго Джайгани, не смотря на то, что можемъ пользоваться пока лишь нѣмецкимъ переводомъ В. А. Дорна съ персидскаго перевода. Тамъ говорится слѣдующее: „Руссы состоятъ изъ трехъ родовъ: 1) изъ Руссовъ, живущихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Булгаромъ; ихъ владѣтель живетъ въ городѣ, называемомъ *Куіабъ*, который больше Булгаръ; 2) изъ Славянъ (Славія), 3) (третье-же имя въ рукописи искажено въ *Танія* или *Табія*—о немъ мы поговоримъ послѣ). Жители ѣздятъ по торговымъ дѣламъ въ Кіевъ. Но до сихъ поръ никто не сказалъ, чтобы какой либо чужестранецъ пріѣхалъ въ этотъ городъ для того, чтобы тамъ пробывать (извѣстное время), ибо каждаго иностранца, отправляющагося туда, тотчасъ убиваютъ. Они ведутъ также торговлю на водѣ; ничего не сообщаютъ о своемъ состояніи и не связываются съ иностранцами. Они не допускаютъ чтобы кто-либо (изъ иноземцевъ) отправился въ ихъ страну. Изъ трехъ городовъ развозятъ мѣхъ черный соболій и олово во всѣ мѣста. У нихъ господствуетъ такой обычай, что когда кто умираетъ, они его сожигаютъ и дѣвушки покойника, согласно желанію своему, сами предаются сожженію вмѣстѣ съ нимъ. Нѣкоторые изъ нихъ стригутъ волосы на головѣ, когда кто либо умираетъ, или окрашиваютъ себѣ бороду. Одежда ихъ состоитъ изъ длинныхъ кафтановъ и короткихъ куртокъ. Руссы путешествуютъ по торговымъ дѣламъ въ Хазарію“. Ниже въ этой-же рукописи при описаніи разстояній между разными странами и городами еще разъ упоминается Кіевъ и говорится „отъ Булгаръ до Куіабѣ 20 мирхалей“. Показаніе это, которое перешло цѣликомъ въ сочиненія Истахари и Ибнъ-Хаукаля и отъ сихъ послѣднихъ во многимъ позднѣйшимъ арабскимъ и персидскимъ авторамъ, представляется здѣсь въ нѣкоторыхъ пунктахъ иначе, чѣмъ во всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ извѣстными текстахъ этой реляціи. Такъ прежде всего мы у Джайгани видимъ имя Кіева правильно написаннымъ (*Куіабъ* или *Куіаба*). Это, на сколько до сихъ поръ извѣстно, есть единственный случай во всей древнѣйшей арабской и персидской литературѣ; у всѣхъ же другихъ писателей, какъ увидимъ ниже, оно или написано неразборчиво или искажено на разные лады. Второй пунктъ въ настоящемъ показаніи обращаетъ на себя вниманіе: это именно то, что „только туземцы допускаются въ Кіевъ, а иноземцы не допускаются даже и временно для торговыхъ цѣлей“. У всѣхъ авторовъ (за исключеніемъ Насръ-Эдина-Туси), приводящихъ показаніе Джайгани, какъ увидимъ ниже, говорится, что въ Кіевъ допускаются всѣ торговать, но только въ третій городъ иностранцевъ не допускаютъ. Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что персидскій переводчикъ Джайгани или же

переписчикъ рукописи Британскаго музея пропустилъ строку или двѣ, гдѣ говорилось, какъ и въ сочиненіяхъ Истахри, Ибнъ-Хаукаля и Идриси, что въ Кіевъ допускаются иностранцы торговать, но только въ городъ Арта они не допускаются.

Изъ трехъ русскихъ племенъ, по свѣденіямъ Джайгани, первое не имѣвшее особаго названія (значить Руссы) составляли Кіевляне, второе племя называлось Славія въ каковомъ названіи безъ труда можно узнать новгородскихъ славянъ, отодвинутыхъ на второй планъ послѣ того, какъ Кіевъ сталъ матерью русскихъ городовъ. Замѣчательно въ этомъ упоминаніи русскихъ славянъ то, что оно составляетъ единственное, на сколько до сихъ поръ извѣстно, дошедшее до Арабовъ свѣденіе о самомъ сѣверномъ славянскомъ племени, и притомъ дошедшее не чрезъ посредство византійскихъ грековъ, но путемъ устныхъ разсказовъ вѣроятно самихъ русскихъ купцовъ, побывавшихъ въ *Хорасанѣ*, какъ показываетъ вѣрная орографія имени Славія въ противоположность обыкновенной орографіи названія славянъ въ арабской литературѣ: *Саклабъ*, *Сакалиба*, *Саклабія* на византійскій ладъ. Гораздо труднѣе угадать, на кого мѣтитъ Джайгани названіемъ третьяго русскаго племени. Мы выше видѣли, что въ единственной пока извѣстной рукописи персидскаго перевода сочиненія Джайгани въ Британскомъ музеѣ, имя это написано такъ, что можно читать *Табія*, *Танія*, *Таня*, *Танбе*, *Табна*, *Табна* и т. д. Въ рукописи Истахри, Ибнъ-Хаукаля, Якута и друг. преобладаетъ чтеніе *Артанія* и *Арта*. Впрочемъ нѣкоторыя рукописи этихъ авторовъ имѣютъ чтенія, далеко отступающія отъ *Артанія*, какъ напримѣръ *Арбавуя* у Якута, *Аутани* или *Аутсани*, *Артаія* или совсѣмъ безъ различительныхъ точекъ, что можно читать различнымъ образомъ. Точно также названіе столицы этого племени имѣетъ многіе варианты. Такъ кромѣ *Атара* Джагаини, въ рукописяхъ Истахри, Ибнъ-Хаукаля, Якута и др. читаются еще варианты *Арба*, *Абарка*, *Абарфа*, и безъ различительныхъ точекъ. Объясненіе этого имени удовлетворительнымъ образомъ не удавалось. Фрэнъ, какъ извѣстно, принялъ чтеніе *Артанія* или *Артанія*, и полагалъ, что подъ этимъ именемъ разумѣется мордовское племя Эрса или Эрза (Эрзянъ), что, принимая во вниманіе ограниченное количество матеріаловъ, имѣвшихся тогда въ распоряженіи ориенталистовъ, было весьма вѣроятнымъ предположеніемъ и было принято Доссономъ и П. С. Савельевымъ. Рено же принялъ чтенія *Арба*, которое онъ опять таки превратилъ въ *Барма*, чтобы получить древнюю Біармію, нынѣшнюю Пермь. Мнѣніе этого ученаго принято также г. Хвольсономъ. Мы сами предложили нѣсколько времени тому назадъ отождественіе этого названія съ *Тумія* или *Туми* арабскими писателями т. е. съ Thule классической литературы.

Всѣ эти болѣе или менѣе сносныя толкованія основаны на томъ предположеніи, что арабскіе географы, имѣвшіе вообще ошибочныя понятія о сѣверной и восточной Европѣ, смѣшивали славяно-русскія племена съ сосѣдними финскими или скандинавскими. Нисколько не отрицая факта плохаго знакомства Арабовъ съ географіей и этнографіей

древней Руси и сосѣднихъ съ нею странъ, слѣдуетъ однако замѣтить что въ данномъ случаѣ не должно упускать изъ виду, что Джайгани составлялъ исключеніе изъ своихъ товарищей по арабской географіи въ томъ отношеніи, что для описанія разныхъ странъ онъ преимущественно пользовался, какъ было уже замѣчено выше, данными туземцевъ каждой страны. Любознательный визирь саманидовъ навѣрно не упускалъ случая распрашивать и русскихъ туземцевъ объ ихъ родинѣ, какъ показываетъ и имя *Славія* для Славянъ. Наврядъ ли вмѣсто родственныхъ съ Кіевлянами и Новгородцами славяно-русскихъ племень стали-бы называть частью Руси Эрзянъ, Пермьяковъ или жителей *Оуле*, тѣмъ болѣе что въ концѣ IX и началѣ X вѣковъ ни одинъ изъ этихъ народовъ не былъ подчиненъ русскимъ даже въ политическомъ отношеніи. Сверхъ сего, мы имѣли еще прямое доказательство тому, что Джайгани не имѣлъ въ виду ни одной изъ только что названныхъ народностей и что онъ разумѣлъ одно какое либо славяно-русское племя. И вотъ въ чемъ дѣло. Мы выше замѣтили, что персидскій переводчикъ Джайгани сократилъ свой оригиналъ и что многія изъ этихъ сокращеній находятся у позднѣйшихъ арабскихъ географовъ. Одно изъ такихъ сокращеній въ сказаніи о русскихъ племенахъ находится у извѣстнаго арабскаго географа Абу-Абдуллаха Мухамеда Ибнъ-Муххамедъ Ибнъ-Абдуллахъ Аль-Идриси, составившаго свое сочиненіе въ половинѣ XII столѣтія для сицилійскаго короля Рожера. Писатель этотъ пользовался или лучше составилъ свои извѣстія о русскихъ изъ сказаній Джайгани и Ибнъ-Хаукаля, изъ коихъ послѣдній цитруется имъ въ концѣ своей статьи. Мы коснулись извѣстія Идриси въ концѣ нашей статьи о *Оуле*, гдѣ мы предполагали, что переводчикъ Идриси ошибочно передалъ нѣкоторые пункты въ свидѣтельствѣ этого автора, и между прочимъ имя Руси превратилъ въ *Беравсъ*. Вслѣдъ затѣмъ прошлою осенью мы имѣли возможность выписать это мѣсто вмѣстѣ съ другими изъ арабскаго оригинала сочиненія Идриси, хранящагося въ парижской публичной библіотекѣ, при чемъ предположенныя нами поправки вполне подтвердились, какъ увидимъ ниже. Здѣсь мы должны отмѣтить, что Идриси опредѣляетъ положеніе третьяго города между Кіевомъ и городами *Славія*, т. е. Новгородомъ, столицей Славянъ, и прибавляетъ еще, что означенный городъ находился на горѣ. Такъ какъ совсѣмъ невѣроятно, чтобы Идриси выдумалъ это обстоятельство и такъ какъ въ сочиненіяхъ Истахри и Ибнъ-Хаукаля его нѣтъ, то весьма естественно предположеніе, что оно заимствовано изъ сочиненія Джайгани. Что касается до послѣдняго, то гораздо вѣроятнѣе, что онъ имѣлъ въ виду слышанное имъ изъ устъ русскихъ гостей въ Хорасанѣ названіе настоящаго русскаго племени. Соображаясь съ нѣкоторыми вариантами въ рукописяхъ, имѣющими конечнымъ словомъ *ка*, мы предполагаемъ, что первоначальное чтеніе въ рукописи Джайгани было *Изминиска* или *Азминиска*, т. е. Смоленска, который дѣйствительно находится приблизительно на половинѣ пути между Кіевомъ и Новгородомъ и построенъ на возвышеніи.

Показаніе Джайгани о раздѣленіи Руси въ продолженіи 7 столѣтій переходило отъ одного арабскаго писателя къ другому, и благодаря легкости искаженія собственныхъ именъ въ арабскомъ шрифтѣ названіе Кіева и Кіевлянъ было переверстано до такой степени, что у нѣкоторыхъ писателей оно не было узнано ни Френомъ, ни другими изслѣдователями. Прослѣдимъ этихъ авторовъ въ хронологическомъ порядкѣ. Первый до сихъ поръ извѣстный географъ, копировавшій по арабскому обычаю, показаніе саманидскаго визиря цѣликомъ, не упоминая его имени, это Абу-Исхакъ-Ибрагимъ Ибнъ-Мухаммедъ-Аль-Фареси, извѣстный въ арабской литературѣ подъ прозваніемъ Али-Истахри (около половины X столѣтія). Сочиненіемъ его пользовался или лучше издалъ только вновь съ прибавленіями, путешественникъ Абуль-Касимъ-Ибнъ-Хаукаль въ 70-хъ годахъ X столѣтія, а специально приводитъ это сказаніе отъ имени Истахри знаменитый составитель географическихъ словарей Шигабъ-Адъ-Динъ-Абу-Абдаллахъ Якутъ. Такъ какъ редакція сказанія о раздѣленіи Руси у Ибнъ-Хаукаля, хотя повидимому онъ пользовался и первоначальнымъ источникомъ, книгой Джайгани, мало однако разнится отъ Истахаревой редакціи, то всего удобнѣе соединить ихъ вмѣстѣ, отмѣчая варианты по Ибнъ-Хаукалю и Якуту: Русь состояла изъ трехъ частей, изъ коихъ одна ближе къ Булгару, а царь ихъ живетъ въ городѣ по имени Куябъ, который больше Булгара, другая часть живетъ выше первой и называется Славія, а царь ихъ живетъ въ ихъ городѣ Славѣ, третья-же часть называется Арцанія, а царь ихъ находится въ Арцѣ. Люди отправляются торговать въ Куябъ. Что касается до Арца, то не упоминается, чтобы кто-либо изъ иностранцевъ вступилъ туда, ибо они убиваютъ всякаго иноземца, вступающаго въ ихъ страну. Только они отправляются по водѣ и ведутъ торговлю, но ничего не рассказываютъ о своихъ дѣлахъ и товарахъ, и не допускаютъ никого провожать ихъ и вступать въ ихъ землю.

Сопоставляя эту редакцію Джайганова сказанія съ тою, которую сохранилъ намъ персидскій переводъ въ Британскомъ музеѣ, легко убѣдиться, что послѣдняя есть скорѣе сокращеніе, чѣмъ переводъ словъ саманидскаго визиря, при чемъ сокращеніе это иногда, какъ напримѣръ относительно посѣщенія Кіева иностранцами, совсѣмъ искажаетъ смыслъ подлинника.

Показаніе Идриси о русскихъ племенахъ отстаетъ въ разныхъ подробностяхъ отъ двухъ переводныхъ редакцій сказанія Джайгани. Хотя въ концѣ своего повѣстанія Идриси и ссылается на Ибнъ-Хаукаля, но значительныя прибавленія въ его текстѣ къ словамъ послѣдняго доказываютъ, что онъ пользовался въ настоящемъ случаѣ также оригиналомъ сочиненія Джайгани. Я приведу слова его по арабскому тексту, списанному мною въ Парижѣ. „Русь состоитъ изъ трехъ частей, изъ коихъ одну составляетъ племя, называемое Русь, а царь ихъ живетъ въ городѣ Куяба; другое ихъ племя называется Славія, а царь ихъ живетъ въ городѣ Слава—это городъ на вершинѣ горы; третье племя называется Артсанія, а царь ихъ живетъ въ городѣ Артсанъ; городъ этотъ красивый и

находится на неприступной горѣ; онъ находится между Слава и Куяба, отъ Куяба до Артсана 4 мирхали, а отъ Артсана до Славы 4 дня. Мусульманскіе купцы отправляются изъ Арменіи въ Куябъ. Что касается до Артсана, то шейхъ Хаукали рассказывалъ, что никто изъ иностранцевъ туда не вступаетъ, ибо они убиваютъ безъ обиняковъ (или непремѣнно) каждаго иностранца, прибывающаго къ нимъ, и никто (по сему) не осмѣливается вступать въ ихъ страну. Отъ нихъ вывозятъ кожи черныхъ тигровъ и черныхъ лисицъ и олово. Изъ нихъ отличаются купцы Куяба“.

Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности Идрисинскаго показанія. Ореографія имени перваго русскаго племени Русь (*Raусь*) напоминаетъ такую же форму этого имени въ рукописномъ сочиненіи Масуди, заключающемъ извѣстіе о походѣ русскихъ на Царьградъ, о которомъ я имѣлъ честь сообщить въ засѣданіи II археологическаго съѣзда, хотя кажется въ настоящемъ случаѣ между приводимыми авторами нѣтъ никакой связи. Ореографія названія Кіева *Кукяна* встрѣчается намъ въ первые у Идриси. Если тутъ кромѣ искаженія имѣется еще другая причина, то всего естественнѣе предполагать, что форма эта произошла отъ Куябана (Кіевляне), такъ какъ въ арабскомъ, подобно тому какъ въ древне славянскомъ, множественное число служитъ и этнографическомъ и географическимъ названіемъ. Въ опредѣленіи мѣстоположенія города Слава (Новгородѣ), что онъ находится на горѣ, принимая во вниманіе неточность арабской географической номенклатуры, слѣдуетъ видѣть можетъ быть указаніе на то, что мѣстность эта находится на валдайской возвышенности. Впрочемъ, по обязательному сообщенію Д. Я. Самоквасова, вблизи нынѣшняго Новгорода, на возвышеніи, находится городище, гдѣ, вѣроятно, находился первоначальный городъ. Показаніе-же что второй русскій городъ находится между Кіевомъ и Новгородомъ, хорошо идетъ къ Смоленску. Но его никакъ нельзя приурочить къ Арзамасу и Перми. Дальнѣйшее опредѣленіе мѣстоположенія третьяго города есть, по видимому, неудачное заключеніе самого Идриси. Редакція Идриси объясняетъ намъ, какимъ образомъ произошло ошибочное данное въ текстѣ Истахри, Ибнъ-Хауяля и персидскаго перевода, что мѣхъ и олово вывозятся изъ третьяго русскаго города, что не можетъ, конечно, относиться къ Смоленску. Дѣло въ томъ, что въ сочиненіи Джайгани было написано „отъ нихъ“ или „изъ ихъ страны“ (буквально передаетъ это выраженіе французское *de chez eux*) относившееся ко всему русскому государству, и которое невѣрно было отнесено Истахри, Ибнъ-Хаукалемъ и персидскимъ переводчикомъ къ непосредственно предшествующему названію втораго племени и города. Важенъ для насъ конецъ сказанія по тексту Идриси, а именно: „главнѣйшимъ образомъ (или исключительнѣе—слово текста неясно) Кіевляне занимались торговлей“ и предпринимаютъ слѣд. путешествія съ экономической цѣлью. Авторъ берлинской космографіи Джемальдинъ Мухаммедъ Ибнъ-Ибрагимъ-Ибнъ-Яля, Аль Варра Аль-Кутби говоритъ слѣдующее: „авторъ сочиненія (Идриси) рассказываетъ, что славянскихъ племенъ въ наше время четыре: Славія, Берасія, Карварія и Артанія.

Всѣ они называются по именамъ своихъ странъ, кромѣ Артанія. Они съѣдаютъ всякаго, кто попадаетъ къ нимъ изъ иностранныхъ людей. Иногда они живутъ подобно дикимъ звѣрямъ въ лѣсахъ и камышовыхъ кустарникахъ по берегамъ рѣкъ“. Такъ какъ Кутби прямо ссылается на Идриси, какъ на свой источникъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что только что приведенное показаніе о славянскихъ племенахъ есть ни что иное какъ передѣлка разсмотрѣннаго выше сказанія Идриси, собственно Джайгани, о раздѣленіи Руси.

Изъ представленнаго вамъ, мм. гг., образца, легко видѣть, какъ простой и правдивый рассказъ первобытнаго источника, благодаря недобросовѣстнымъ и небрежнымъ копістамъ, могъ превратиться въ настоящую восточную басню. Такимъ же способомъ я стараюсь въ настоящемъ трудѣ разобрать сказанія другихъ писателей о Кіевѣ. Я радъ буду, если компетентные ученые найдутъ, что мнѣ удалось разъяснить нѣкоторые темные пункты въ восточныхъ извѣстіяхъ объ этой древней столицѣ Руси.
